КОМИССИЯ ЦИК СССР
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.
и ИСТПАРТ ЦК РКП (Б)

1905

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

МСМХХV

5(92)

КОМИССИЯ ЦИК СССР
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.
и ИСТПАРТ ЦК РКП (Б)

W 385/120

1905

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОСТАВИЛА
А. ПАНКРАТОВА

XXV-54025
п-3992
Всероссийская публичная библиотека имени Ленина
4 ч стр. 37-47

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

2011138853

Гиз № 14413 Ленинградский Гублит № 16319 31¹/₂ л. 3.000 экз

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый сборник материалов и документов по стачечному движению в 1905 году входит в серию сборников, документально представляющих развитие первой русской революции, и является частью общего издательского плана, утвержденного Всесоюзной Литературной подкомиссией по празднованию 20-летнего юбилея революции 1905 года.

Вместе со сборниками: «Правовое и экономическое положение пролетариата в 1905 году», «Профессиональное движение в 1905 году» и «Движение железнодорожников и октябрьская забастовка», настоящий сборник должен дать материал, обрисовывающий рабочий класс в первой русской революции.

В основу всех этих сборников легли, прежде всего, те свежие архивные материалы, ставшие доступными лишь после Октябрьской революции 1917 года, которые либо совсем не были еще напечатаны, либо использованы частично. Таким образом, как настоящий сборник, так и другие, ему подобные, могут быть использованы, как материал для будущих историков рабочего класса и рабочего движения в России.

Но, помимо того, составители сборников (в частности, и настоящего) ставили своей задачей так подобрать материал и так его скомбинировать, чтобы из огромной массы имеющихся в архивах документов составить сравнительно небольшой по объему сборник, могущий найти применение и как хрестоматия при изучении истории русской революции. С этой целью приходилось отбирать наиболее цельные, интересные и полные документы, наиболее верные или, по возможности, проверенные факты, хотя именно последнее всего

более затруднительно. Одним из важнейших архивных источников для большинства сборников является архив б. департамента полиции, сравнительно прекрасно сохранившийся, приведенный в наилучшее состояние для пользования им и наиболее богатый материалами по 1905 году. Но большим минусом, в значительной степени понижающим ценность этих материалов, является самая специфичность источника — печальной памяти «охранки», — не всегда и не везде заинтересованной в совершенно объективном описании фактов, не говоря уже об их освещении.

Несмотря на свое пристальное внимание к революционной деятельности отдельных партий и фракций, охранка далеко не может похвастать пониманием самой сущности тактических разногласий во фракциях РСДРП. Лишь в послереволюционный период, когда начала линять революционная окраска мелкобуржуазных попутчиков пролетарской партии, царская полиция поняла роль и значение большевистской организации в борьбе с царизмом. До этой поры все активно-революционное кажется охранке идущим из лагеря с.-р., ибо крайним революционером в ее глазах был тот, кто прибегал к террору.

Лишь таким непониманием сущности партийных разногласий следует объяснить повесть главноначальствующего гражданской частью на Кавказе о том, что «забастовщики» (в Баку) делятся на принадлежащих к партии социал-демократов и социал-революционной. Первые преследуют исключительно экономические цели (увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п.), а вторые проповедуют изменение существующего гражданского строя, свержение самодержавия и созыв учредительного собрания (стр. 19).

Всякий грамотный читатель сразу увидит, о ком здесь идет речь. Прослышав об «экономистах», охранник награждает их званием членов РСДРП. Революционное же крыло социал-демократии, «проповедующее изменение существующего гражданского строя», он окрещивает званием с.-ров.

Наряду с неверным зачастую освещением внутри-партийного положения и роли и влияния отдельных фракций и партий на рабочие

массы, наш источник — «охранка» — страдает и другими существенными недостатками: неполнотой и случайностью материала. В самом деле, в архивы охранки попадало преимущественно то, что забирали жандармы при обысках и арестах, а это был далеко не исчерпывающий материал для характеристики деятельности всех организаций. Этим, между прочим, и объясняется, что отдельные организации представлены у нас сильнее изданиями мелкобуржуазных, оппортунистических групп и слабее — большевистскими. Например, Одесса и Петербург сильнее представлены меньшевистскими «Группами», чем Комитетами, Польша — ППС, а не ПСД. Особенно сказался этот недостаток в большевистской литературе при составлении отдела о бакинской стачке. Пришлось прибегнуть к сохранившимся изданиям «Типографии Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих».

Между тем «Организация Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих» была полуменьшевистской организацией, возглавлявшейся полузубатовцами бр. Шендриковыми. Воспоминания о работе этой организации в Баку так характеризуют методы работы Шендриковых: «неразборчивость в средствах, беспринципная и безграничная приспособляемость, бесшабашная демагогика, хулиганский анархизм» (поджоги вышек в 1904 году). «Шендриковы то вели рабочую массу по линии наименьшего сопротивления — к соглашательству, то возбуждали ее анархо-авантюристическими призывами к поджогам промыслов, к несвоевременному восстанию». Этим авантюристическим характером полу-зубатовской организации, в конце своих дней поведшей переговоры с правительством о субсидировании организации, с обещанием направить движение по желательному правительству пути, и следует объяснить характер воззваний «Биби-Эйбатской и Балаханской» организации. Призыв к революции здесь совмещается с отказом от демонстраций. Призыв к вооружению — с приглашением итти не на улицу, а на собрания.

Тем не менее, приходится пользоваться этим, столь несовершенным источником, поскольку никаких других столь же полных материалов, по которым можно было бы восстановить картину раз-

вития массового рабочего движения и которые следовало бы противопоставить и сравнить с материалами «охранки», у нас почти не имеется. Никаких архивов рабочих или партийных организаций не сохранилось. Заводские архивы отдельных предприятий либо вовсе не касаются происходивших в тех или иных предприятиях стачек, либо лишь вскользь о них упоминают. Кроме того, раскопать какие бы то ни было архивы можно с величайшим трудом лишь на самом ничтожном количестве предприятий в столицах или в крупнейших промышленных центрах. Архивы различных организаций предпринимателей могли бы дать ценный материал, но от них остались (либо пока разысканы) лишь жалкие остатки. Тем не менее, все, что можно было отрыть и использовать в архивах не только политической, но и экономической и юридической секций ленинградского отделения ЕГАФ, а также в архивах Москвы, мною было использовано.

Для проверки и дополнения архивного материала оставался один источник — пресса, главным образом, социал-демократическая. Поэтому, кроме архивов, мною использованы отдельные статьи и, особенно, корреспонденции с мест из газет «Вперед», «Пролетарий» и «Социал-Демократ». Но и последний источник дает очень неполные и иногда случайные материалы.

Стремление придать сборнику хрестоматийный характер заставило дать несколько отрывков, имеющих характер и значение обобщений и оценок тех или иных моментов движения или отдельных стачек, тем более необходимых, что архивный материал не всегда и не во всем бывает удовлетворителен.

Пространственное распространение стачек в 1905 г., их размах и продолжительность совершенно исключают возможность дать исчерпывающий материал по всем стачкам, имевшим место в течение 1905 года. Поэтому пришлось ограничиться лишь наиболее типичными, значительными, имевшими большое историческое значение. К таким стачкам принадлежат путиловская забастовка и всеобщая забастовка в России после 9 января, особенно, в Западном крае (Лодзь, Варшава, Рига и др.), летнее движение текстиль-

щиков (знаменитая иваново-вознесенская забастовка), известные забастовки металлистов на крупнейших заводах России (Сормовский, Брянский, Тульский патронный, Николаевский судостроительный, уральский Мотовилихинский); из стачек на Юге пришлось ограничиться материалами по забастовкам в Екатеринославе, Донецком бассейне, Ростове-на-Дону и одесской всеобщей стачкой, в связи с потемкинским восстанием. Из истории движения на Кавказе — Баку, при чем по истории бакинских стачек даны только материалы исторической всеобщей стачки 1904 года, давшей толчок к событиям 1905 года почти в такой же мере, как и события в Петербурге. Движение в Сибири представлено материалами из истории стачки красноярских железнодорожников, стачки печатников в Иркутске и читинской забастовки.

Не имея возможности представить огромный материал из истории октябрьской всероссийской стачки, пришлось ограничиться лишь выделением из нее знаменитой всероссийской почтово-телеграфной стачки и стачки московских печатников и булочников.

Выбор именно перечисленных забастовок диктовался также и соображением представить основные бастующие группы во всех отраслях труда (металлисты, текстильщики, печатники, железнодорожники, портовые рабочие, горнорабочие, служащие, пищевики и другие).

Хотя исчерпывающе-полных материалов составитель дать не пытался (например, чтоб не увеличивать и без того больших размеров сборника, пришлось отказаться от включения в материалы различных воспоминаний), тем не менее, предлагаемые материалы дают вполне достаточное представление об основных моментах массового стачечного движения в 1905 году.

Необходимо сделать еще одну существенную оговорку: по соглашению с товарищами из ленинградского и московского Истпартов, выпустившими к юбилею 1905 г. отдельные сборники, представляющие революционное движение в 1905 г., составитель, во избежание повторений, отказался от попытки более или менее полно предста-

вить стачечное движение в Петербурге и Москве, тем более, что это было бы и невозможно по размерам сборника.

В заключение позволю себе выразить благодарность работникам Ленинградского Государственного Архива, в особенности, тт. Флееру, Шебалову и Валку, за их дружеское содействие и помощь в подыскании архивных материалов.

А. Панкратова.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

БАКИНСКАЯ ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА НАКАНУНЕ 1905 ГОДА.

стр.

1. Подготовка всеобщей стачки 1
2. Ход стачки 12
3. Результаты стачки 24

9 ЯНВАРЯ И ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.

I. Январские дни 1905 г. в Петербурге.

1. Начало революции в России. Н. Ленин 33
2. Начало событий 9 января. — Забастовка на Путиловском заводе и ее распространение на весь Петербург. В. Невский. 37

II. Всеобщая стачка в Москве.

1. Раскаты первого грома. М. Ольминский и Н. Ленин . . . 54
2. Январские забастовки 1905 г. в Москве 57
3. На другой день после 9 января в предприятиях Москвы 61
4. Требования московских рабочих 63
5. Условия труда и быта на московских фабриках 69
6. Волнения рабочих на Высоковской мануфактуре Московской губ. . . 81

III. Всеобщая забастовка в Лодзи.

1. Обращения к польским рабочим с призывом поддержать забастовку . . 93
2. Доклад царю о всеобщей забастовке в Лодзи 99
3. Всеобщая стачка в Лодзи 101
4. Ход всеобщей стачки в Лодзи и Петроковской губернии 102
5. Лодзинское восстание 110

IV. Всеобщая забастовка в Варшаве.

1. После 9 января в Варшаве 113
2. Январская всеобщая забастовка в Варшаве 116
3. Подробности забастовки 123

СТР.

V. Всеобщая забастовка в Прибалтийском крае.

1. После 9 января в Риге 126
2. Ход забастовки 130

VI. Всеобщая стачка в Саратове.

1. Призыв к борьбе и протесту 135
2. Требования рабочих 136
3. Ход забастовки 140
4. Результаты забастовки 143

СТАЧКИ МЕТАЛЛИСТОВ ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ.

I. Стачка металлистов Брянского завода.

1. После 9 января. — Ход забастовки 150
2. Требования рабочих и отношение к ним предпринимателей и правительства 157
3. Ликвидация забастовки 161
4. Октябрьские дни на Брянском заводе 162

II. Стачка металлистов Сормовского завода.

1. Условия труда и борьба сормовских металлистов в 1905 году 164
2. Февральская забастовка на Сормовском заводе 173
3. Летние забастовки и расстрел рабочих 177
4. Подготовка к вооруженному восстанию 188

III. Стачка тульских металлистов.

1. Политические требования тульских рабочих 190
2. Январская забастовка рабочих тульского патронного завода 192
3. Летняя стачка рабочих тульского патронного завода 199

СТАЧКИ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ.

I. Пробуждение рабочих центрального района 202

II. Стачечное движение в 1905 г. во Владимирской губернии . . . 204

III. Стачечное движение в Иваново-Вознесенске 211

1. Подготовка к стачке 216
2. Иваново-Вознесенск 219

стр.

3. Начало стачки 223
4. Ход стачки 229
5. Расстрел рабочих 233
6. Собрание на Талке 234
7. Побоище на Талке и его результаты 235
8. Рост политической активности рабочих после событий 4 июня 241
9. Красный террор 255
10. Способы подавления стачки 256
11. Ликвидация забастовки 261
12. Непримиримость фабрикантов. 262
13. Положение на фабриках после ликвидации летней забастовки 270
14. Конец стачки 274

IV. Влияние иваново-вознесенской забастовки на развитие стачек текстильщиков. (Всеобщая забастовка в Костроме).

1. Начало забастовки 281
2. Ход и особенности забастовки костромских текстильщиков 283
3. Влияние иваново-вознесенской забастовки на развитие стачечного движения в Костромской губернии 289

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ.

I. Всеобщая стачка в Одессе.

1. Призыв к всеобщей забастовке 294
2. Брожение среди рабочих после 9 января 296
3. Требования рабочих и первые забастовки 299
4. Начало всеобщей забастовки 311
5. Потемкинское восстание и всеобщая забастовка 316

II. Забастовка Николаевских Судостроительного и Черноморского заводов.

1. Подготовка забастовки 333
2. Ход забастовки 399
3. Переговоры 343
4. Развитие стачки и ее результаты 350
5. Призыв к восстанию 364

III. Забастовка в мастерских Владикавказской железной дороги.

1. Начало забастовки 363
2. Развитие забастовки 374

СТР.

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ.

Стачки в Пермской губернии.

1. Революционное движение в Пермской губернии и забастовки на Мотовилихинском пушечном заводе 388
2. Майская забастовка на Мотовилихе 403
3. Июльская забастовка и борьба за депутата 414
4. Сентябрьская забастовка 430
5. Октябрьская забастовка 447
6. Декабрьское восстание и суд над восставшими рабочими 456

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ.

1. Красноярская забастовка железнодорожников 473
2. Иркутская и читинская забастовки железнодорожников 481
3. Забастовка рабочих печатного дела 494

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНАЯ ЗАБАСТОВКА.

1. Создание союза почтово-телеграфных служащих 501
2. Преследование союза правительством и борьба за союз 506
3. Первый Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих 509
4. Развитие забастовки 525
5. Борьба правительства с забастовкой 533

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В 1905 ГОДУ

БАКИНСКАЯ ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА НАКАНУНЕ 1905 Г.

1. Подготовка всеобщей стачки.

КАВКАЗСКИЙ СОЮЗ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим.

Все ближе и ближе тот день, когда вконец обанкротившееся царское правительство не в состоянии будет «управлять» доселе покорной ему страной... Все ближе народная гроза... Радостно, но вместе тревожно бьется сердце каждого сознательного пролетария, полное роковых, мучительных вопросов. Что даст ближайшее будущее изголодавшемуся, измученному трудящемуся люду? Какие права завоюет он себе в близкие дни всенародного восстания? Сумеет ли он повернуть события в свою пользу, или они пройдут мимо него, как проходит иногда стороной дождевая туча над иссохшей нивой?

Тревожно на Руси... Кое-где погромыхивает гром... Безнадежно позорно положение правительства на Дальнем Востоке, где в продолжение девяти месяцев, несмотря на беспримерное мужество наших солдат, русская армия, вследствие ничтожества военноначальников и казнокрадства чиновников, принуждена все время отступать, неся страшные, ничем не возвратимые потери. Уже теперь насчитывается свыше 100 тысяч раненых и убитых. Правительство надеялось ценой этой войны подновить гаснувший «патриотизм» «своих» подданных... Но, вместо популярности, вместо поднятия престижа, война принесла и приносит ему на каждый день новые поражения внутри страны. Никому, кроме самодержавия, не нужная, неслыханная по своим ужасам война вызывает все больший и больший ропот во всех слоях народа.

Запасные, призванные под ружье, идут на войну с сознанием, что их гонят на верную гибель, на убой. Деревни, села и города оглашаются стоном семей запасных, а сами они, насильно сгоняемые в места призыва, проявляют свое недовольство и протест стихий-

ными вспышками: разбивают по городам магазины и казенные винные лавки, разрушают станционные буфеты. Такие события происходят теперь повсеместно. В Москве, например, тысяча запасных из Вологодской губернии, доведенных до отчаяния притеснениями и голодом, которым их морило начальство, начали громить соседние с вокзалом лавки. Этот погром грозил перейти в политический протест, и, чуя это, власти против своих же солдат пустили в ход оружие: в запасных стреляли. Убито несколько человек, ранено до сорока. Толпа, присутствовавшая при этом злодействе, глухо волновалась; раздавались возгласы: «Варвары... Убийцы...»

В Одессе, где недавно с таким же успехом освистали приезжавшего туда царя, 28 сентября произошло следующее. Запасные, во избежание побегов, были заперты в громадном здании старой семинарии; их не выпускали даже для свидания с родными. Последние окружили дом и должны были прямо с улицы прощаться со своими отцами, братьями, мужьями, сыновьями... Вдруг, точно по команде, заключенные в здании запасные схватились за оружие и штыками повыломали все окна, откуда стали спускать веревки и на них поднимать к себе наверх своих близких. Тысячная толпа смотрела на это невиданное зрелище, а полиция пребывала в страхе и смятении. А вот сценка на Полтавском вокзале. Запасные прощаются с родными... Слезы, рыдания. Настроение настолько подавленное, что обращает на себя внимание начальства. Тогда бравый генерал, очевидно, их командир, вытребовал казачий оркестр. Казаки заиграли камаринскую, под звуки которой пятеро подвыпивших запасных принялись плясать в угоду генералу. Остальная толпа еще больше нахмурилась. Долго не унимался генерал, стараясь возбудить в солдатах «патриотизм», и дошел до того, что обнимался и целовался с плясунами, но делу не помог.

Да, мобилизация, вызванная войною, не пройдет даром правительству. Все проезжающие теперь по железным дорогам России являются свидетелями моря слез и отчаяния при посадках в поезда запасных. По общему признанию, — стоном стонет русская земля.

Все это начало... Но на горизонте будущих событий уже вырисовываются более определенные события и факты. Растет организованный протест.

И вот дрогнула даже Москва, издревле славившаяся своей приверженностью к «престолу-отечеству». 15 октября до 800 человек студентов вышли из здания университета, подняли красное знамя и громадный плакат с надписью «долой войну» и двинулись с возгласами «долой самодержавие», «долой войну» по Никитской. Тогда со всех концов стал стекаться народ, со всех сторон неслись приветствия по адресу демонстрантов. Многие из публики плакали. Из уст заскорузлого московского обывателя раздался ответный клич: «долой войну, долой!» Долго и крепко держался московский лавочник за своего царя. Война с ужасами и бедствиями прояснила и его сознание.

В другом конце России, в Кутаисе, произошла демонстрация новобранцев, которые, в числе 300 человек, прошли с нашим знаменем по улицам города, оглашая их пением революционных песен. В соседней с Кутаисом Гурии много десятков молодежи демонстративно отказалось от призыва. Вообще, Закавказье с его горячим, революционно настроенным населением не дает покоя правительству, и во время осеннего набора там были демонстрации и в других пунктах, как, напр., в м. Озургетах, Сигнахе, Шуше.

Чутко отозвалась на современные события революционная часть студенчества по всем университетским городам России. В октябре во всех высших учебных заведениях Петербурга состоялись многолюдные сходки, на которых были приняты резолюции за созыв учредительного собрания и за немедленное прекращение войны. В Харькове лучшая часть студенчества и общества также открыто подняла свой голос. В одесском университете произошла сходка, на которой говорились речи против царской политики. Неспокойно и в высших учебных заведениях Киева, где студенты не впустили в здание университета министра народного просвещения.

Но особенно наше внимание останавливает на себе следующее событие. В Екатеринодаре 10 ноября на собрание городской думы явилось несколько рабочих, в качестве делегатов от организованного екатеринодарского пролетариата. Один из них от имени пославших его произнес речь по адресу гласных думы. Он говорил о том, что если деятели общественного самоуправления и вообще либералы хотят добиться от правительства серьезных уступок, то они должны опираться на силу рабочих масс, должны войти в союз с социал-демократической партией, представительницей пролетариата; говорил о том, что союз этот возможен только тогда, если либералы будут поддерживать наши ближайшие политические требования: уничтожение самодержавия; созыв учредительного собрания, избранного всем народом; всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. В середине речи нашего смелого товарища голова пытался его остановить, но, не успев в этом, снял с себя цепь и закрыл заседание. Однако, все гласные и многочисленная публика остались на своих местах и дослушали оратора до конца. Речь вызвала аплодисменты присутствовавших.

Крупные, необычайные события происходят в Польше. В Варшаве революционное настроение так велико, что правительство отменило мобилизацию. Здесь, в Варшаве, начиная с 9 октября, в различных частях города целую неделю ежедневно вспыхивали демонстрации. Много убитых и раненых, как со стороны полиции, так и со стороны демонстрантов... 30 и 31 вновь с новой силой события повторились.

Так, слагаясь из стихийных и сознательных актов протеста, растет та волна, которая сметет с лица земли российское самодержавие. И, предчувствуя свою гибель, правительство, желая удержать

за собою власть, готово итти на уступки или притворяется, что готово на это.

Колебания и растерянность правительства достигли высшей степени, когда оно решило собрать в Петербурге съезд представителей от земств для решения важных вопросов внутренней жизни страны. Съезд этот был назначен на 6 ноября.

Однако, правительство в первый же день заседания этого съезда, испугавшись своей затеи, разогнало земцев. Тогда земцы три дня (6, 7 и 8 ноября) собирались частным образом и выработали резолюцию, под которой подписались присутствовавшие (102 чел.), за исключением одного; затем выбрали 4 делегатов, которым поручено было передать эту резолюцию через «либерального» министра вн. д. Святополка-Мирского Николаю II. Как слышно, министр не принял делегацию, но, в конце-концов, согласился войти в переговоры только с одним из членов ее — Шиповым.

Чего же добиваются земские либералы своей резолюцией? В ней они просят царя дать России конституцию, при которой царь оставался бы на своем месте, но власть его ограничивалась бы собранием народных представителей. Как должны избираться эти представители, — земцы в резолюции не объясняют. Весьма возможно, что, окончательно потеряв голову, правительство пойдет на некоторые уступки в этом требовании. Вне сомнения, оно тогда «дарует» России парламент, т.-е. просимое земцами собрание «представителей». Но также вне сомнения, что такой парламент будет состоять из представителей от дворян, крупных землевладельцев и капиталистов; от многомиллионной массы деревенской бедноты, вообще истинных народных представителей в дарованном свыше парламенте не будет, ибо правительство пуще всего боится народа и само не станет сажать его себе на шею. И раз земцы умалчивают, какой парламент им нужен, то, наверное, они удовлетворятся такой уступкой правительства.

В своей резолюции земцы выставляют много требований, за которые стоит и наша с.-д. партия. Оставляя подробный разбор и оценку всей их резолюции до самого ближайшего будущего, мы пока отметим, что земцы чересчур скромны в своих требованиях.

Но главное, в чем мы с ними расходимся, это вот что.

В то время, как они предоставляют создать будущий российский парламент (да еще неизвестно какой) царскому правительству, мы боремся за то, чтобы для установления новой формы правления было созвано учредительное собрание, выбранное всеми на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Только такому учредительному собранию народ может вручить спокойно свое будущее.

Будем же, товарищи, повсюду вербовать себе сторонников созыва учредительного собрания — этого важнейшего в настоящую минуту для пролетариата требования.

Сплотимся же под знаменем нашей партии, которая ведет нас на великую борьбу, на борьбу за права пролетариата, за права народа, за свободу.

За права, потому что нам нужен хлеб.

За права, потому что в освобожденной нами России мы хотим встать во всеоружии против нашего врага — капитала.

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!

Да здравствует революция!

Да здравствует социализм!

Долой шатающийся трон!

Бакинский комитет.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем сознательным товарищам.

Товарищи рабочие!

Всеобщая забастовка — вот слова, которые огненными буквами врезались в сердца и умы наши... Всеобщая забастовка висит в воздухе. О ней всюду говорят.

— Забастуем и отомстим своим угнетателям, — говорят рабочие. Редкий момент. И мы, сознательные работники, теперь же должны дать себе ясный отчет, почему мы звали и зовем на всеобщую забастовку.

В г. Баку она неизбежна. Этого не сознают только те, кто, как страус, прячут голову при приближении опасности. Гнет капиталистов-нефтепромышленников зашел слишком далеко, унижение и позор переполнили чашу терпения всех рабочих... И все заводы ждут только сигнала, чтобы забастовать.

Всеобщая забастовка и необходима, и неизбежна. Весь вопрос в том, быть ли рабочей организации, всем нам, сознательным товарищам, всей нашей партии во главе движения или же, как в прошлом году, оказаться в его хвосте. Что лучше: руководить движением или быть рабом его стихийной силы?

Что почетнее для партии: организовать всеобщую забастовку и провести ее по плану или быть застигнутыми врасплох и, как полоумным, метаться из стороны в сторону? Что целесообразнее: итти за случайными вожаками, вроде акул Достаковых, и быть обманутыми или твердо и прямо итти к цели?

Ответ один только: необходимо быть готовыми. Мнимые друзья говорят, что теперь не время забастовки, надо подождать лета и сделать запасы... Но, ведь, и летом рабочие травы есть не станут, а о запасах и речи быть не может. Если бы русские рабочие думали о запасах прежде, чем устроить стачку, то они никогда не устроили бы ни одной стачки. Где у нас рабочие союзы, кассы? Их нет, потому что их законами преследует царское правительство. А заработок наш так ничтожен, что о запасах и думать бесполезно. Да и какие запасы сделают массы совершенно безработных товарищей?

Помимо всего, к забастовке зовет нас еще и важный политический момент. Царское правительство на краю своей гибели Оно мечется, как раненый зверь, мечется и ищет опоры у либералов и богачей. Сулит им в далеком будущем конституцию, а пока говорит: помогите одолеть Японию и подавить рабочих. А либеральные губошлепы уже продают себя за сладкую улыбку строгого начальника и виляют хвостом, как обласканная дворняжка. А с рабочими тем временем уже начинают расправляться; в Белостоке бьют, в Петербурге бьют. Товарищи, кровь наших братьев вопиет к нам о мщении. Эта кровь громко зовет нас. Проклятье и смерть врагам. Ударим же сильней и дружней на нашего старого заклятого врага.

Но как? Устроить демонстрацию... Но из кого? Зачем? Очевидно, из сознательных товарищей и только затем, чтобы они были избиты и перехвачены...

Представьте на минуту, что часть рабочих, лучшая часть, избиваемая казачьими нагайками, будет обливаться кровью, а другая часть в это время будет совершенно безучастной, обливаясь потом под гнетом эксплоатации. Нечего сказать, хороша картина. Несомненно, толк от такой демонстрации не велик будет, а верней, что она пройдет бесследно.

Теперь нам нужна революция. И наша задача — привлечь и всколыхнуть всю рабочую массу. Царскому правительству и капиталистам страшны эти поднявшиеся массы, а не кучки сознательных без этих масс, и мы должны вызвать эти массы на решительный бой с заклятыми врагами — царским правительством и капиталистами. А всеобщая забастовка заставит затрепетать их. Освобожденные рабочие все пойдут на наши собрания и сходки. А здесь-то мы еще и еще разъясним, кто лютый враг рабочих и отчего добытое сегодня кровью рабочих завтра отнимается капиталистами. Вот тогда-то и возможна широкая демонстрация, массовое восстание.

Цель наша — революция, забастовка — средство, и поэтому мы всех зовем к вооружению.

Вооружайтесь, товарищи, кто чем может. Не будем овцами, как в прошлом году, когда мы отдавали полиции даже наши палки. Нет, дадим жестокий отпор всякому, кто станет на пути рабочего.

Прочь, воры и насильники!

Говорят, что мы ничего не добьемся: обманем массу. Но, товарищи, пророкам нынче не год... Масса сумеет постоять за себя. Стачка будет. И наше страстное желание сделать ее организованной, сильной.

Что же ждет нас? Да хуже теперешнего не будет. Мы можем потерять только наши цепи нищенской жизни, а это не страшно. Знайте, каждое наше движение — наш выигрыш.

Горе богачам, победа за нами. Всеобщая забастовка — залог нашего торжества, залог грядущей грозной революции. А революция — это все, чего властно требует от нас наша поруганная и задавленная родина.

Да здравствует всеобщая забастовка!

6 декабря 1904 г.

Типография балаханских и биби-эйбатских рабочих.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРЕБОВАНИЯ БАКИНСКИХ РАБОЧИХ.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

Товарищи рабочие!

По царским законам нам запрещено собираться, запрещено сообща обсуждать наши нужды. И правительству, и капиталистам сподручнее обдирать нас в одиночку; выгодно им разделять нас и властвовать над нами... Но мы-то знаем, что в объединении наша сила, а в обсуждении наших дел всеми нами — наше спасение, и поэтому мы требуем:

1) Полной свободы рабочих собраний, свободы слова и печати.

Царское правительство запрещает нам организацию рабочих союзов, касс на случай нужды и стачек; оно карает самые стачки... Законами этими мы связаны по рукам и ногам. Мы проданы капиталистам. Нас заживо хоронят, нас бьют и грабят, и мы не можем защищать своей чести, своего кровного труда...

Требуем же, товарищи:

2) Свободы союзов, касс и стачек.

Но, товарищи, всего этого мало. Если мы собираемся, обсуждаем наши дела, устраиваем стачки, то ясно, что мы добиваемся каких-то наших справедливых требований... Еще яснее, что эти требования должны закрепляться за нами законом...

Но кто же будет издавать эти законы? Кто будет следить за исполнением этих законов? Товарищи! Только не царское прави-

тельство... Посмотрите — царские чиновники и жандармы, полицейские и губернаторы, министры и военные генералы... Да, ведь, это — сплошная язва, змеиное гнездо взяточников и казнокрадов.

Вся эта компания самодержавных разбойников при существующем порядке живет себе без труда, живет сытно и весело; и почти все они имеют свои доли в предприятиях капиталистов.

А царь? Российские самодержцы всегда играли роль старой ветоши и балаганных петрушек то в руках дворян-помещиков, а то, как теперь, в руках чиновного, титулованного сброда. К тому же, гг. Романовы — самые богатые помещики в России, и они также нуждаются в эксплоатации рабочей силы. И чего же ждать нам от этой шайки разбойников, как только не насилия и самого жестокого гнета?

Но какая же власть будет защищать наши интересы?

Защитниками наших интересов можем быть только мы сами, весь народ... У народа не должно быть властителей, а могут быть только слуги, которых выбирает он, чтобы они точно исполняли его законы.

Только сам народ может облагать себя налогами и никто больше. Без разрешения народа не может быть истрачена ни одна копейка...

Поэтому мы сейчас же заявляем:

3) Долой царское самодержавие!

4) Да здравствует самодержавие народа!

Мы требуем:

5) Немедленного созыва Всероссийского Учредительного Собрания из представителей всего населения всей России, без различия веры и национальности.

Кто же будет выбирать этих представителей? Весь народ. И шестидесятилетний старец, и почтенная мать семейства, и юноши, и девицы, достигшие двадцатилетнего возраста. И бедняк, и богач. И ученый муж, и серый мужичок, и блестящий адвокат, и почерневший от копоти кочегар. Все имеют право прямо и равно подавать свой голос за своего избранника-депутата.

И требуем мы:

6) Всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Товарищи, мы не можем оставаться равнодушными к страшному преступлению царского правительства, это — к войне с Японией.

Сотни тысяч человеческих жертв и миллиарды народных денег погибли на Дальнем Востоке по воле кучки разбойников, именующих себя правительством. Мы ставим предел ужасному насилию над всем русским народом.

Мы требуем:

7) Долой войну!

Товарищи, на-днях, можно сказать, закончилась громадная стачка американских горнопромышленных рабочих... Американские товарищи наши добились восьмичасового рабочего дня. Восьми-

часовой рабочий день — требование рабочего класса всего мира, и мы требуем:

8) Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

9) Да здравствует двухдневное празднование 1 мая!

МЕСТНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ.

Сокращение работ.

Мы требуем:

1. Совершенной отмены воскресных работ. 2. Отмены всяких отрядных работ. 3. Безусловной отмены сверхурочных работ. 4. Отмены подрядчиков всякого рода. 5. Немедленного введения трехсменной системы работ для рабочих буровых партий, масленщиков, кочегаров, а также для тартальщиков, где это еще не введено. 6. Введения трехсменной же системы работ для помощников машинистов и промысловых приказчиков.

Примечание 1. В кануны воскресений — для православных, пятниц — для мусульман и суббот — для евреев работа продолжается только до двух часов дня.

Примечание 2. Так как существующие работы — сверхурочные, сдельные и воскресные — увеличивают число безработных, а безработные по необходимости начинают конкурировать с рабочими же и понижают заработную плату вообще, то мы особенно настаиваем на отмене этих работ. Только несознательный темный рабочий или явный враг нашего дела могут стоять за эти работы; поэтому несознательного товарища мы должны научить, а явному нарушителю общих интересов, очевидно, придется внушить.

Заработная плата.

Мы требуем:

1. Обязательного повышения через каждые полгода поденной платы для всех рабочих, занятых на заводах, фабриках и мастерских: слесарей, токарей, кузнецов, молотобойцев, плотников, котельщиков, литейщиков и желонщиков. Для получающих свыше 2 руб. — 10 проц., для получающих свыше 1 руб. — 20 проц., для получающих ниже 1 р., в том числе и для учеников, — 25 проц. 2. Поденная плата молотобойцев устанавливается теперь же не ниже 1 р. 50 к., для учеников — не ниже 70 коп. со дня поступления. 3. Ученики, проработавшие не менее двух лет, должны допускаться к самостоятельной работе, а не оставаться по нескольку лет на одной чистке. 4. Для рабочих, работающих помесячно, — тартальщиков, масленщиков, кочегаров, рабочих буровых партий — заработная плата единовременно повышается на 50 проц. и затем устанавливается повышение через каждые полгода, как и для рабочих заводских. 5. Помощникам машинистов, промысловым приказчикам,

ключникам, тормозчикам увеличение платы производится по поденному расчету, как и заводским рабочим. 6. Плата для чернорабочих, караульщиков, дворников, дрогщиков и других не должна быть ниже 1 р. 50 к. в день. 7. Плата производится со дня поступления рабочего на фабрику, завод, промысел. 8. Отменить правило, по которому некоторые капиталисты практикуют неплатеж заработной платы под видом пробного испытания. 9. Заработная плата производится полностью за все семь дней как поденным, так и месячным, хотя как с 2 час. дня кануна праздника и в самый праздник (воскресенье) работы и не будут производиться. Это время — отдых рабочего, и он должен оплачиваться. 10. Полностью производится заработная плата за все время болезни рабочего — независимо от причины болезни. 11. Всякие прогулы, происшедшие по вине капиталиста, как отсутствие работы или стачки рабочих, местная (заводская) или всеобщая, вызванная общим гнетом рабочего класса, а также дни демонстраций и празднования 1 мая оплачиваются полностью обычной заработной платой. 12. Расчет производится в строго определенные два срока: 10 и 25 числа ежемесячно. 13. Расчет производится наличными деньгами. Воспрещается расчет натурой во всех видах и даже такой, как доверительные записки лавочникам.

Увольнения, приемы и штрафы рабочих.

Мы требуем:

1. Отмены обычая, по которому заводская или иная администрация произвольно увольняет рабочих. Отныне всякие увольнения могут происходить только с согласия выборных от всех рабочих. 2. Независимо от причины увольнения, уволенный рабочий получает вознаграждение вперед за два месяца. 3. При приеме рабочих заводских, фабричных и вообще специалистов заработная плата устанавливается самими рабочими при участии администрации, согласно предварительной пробной работы. 4. Требуем отмены всяких денежных и прочих штрафов, выговоров и прочего, чем бы таковые ни вызывались. 5. Требуем отмены всяких залогов с рабочих или служащих при поступлении их на работу. 6. Требуем возврата всех взятых до настоящего времени залогов полностью вместе с процентами за все время продержания залоговых денег.

Квартирный вопрос.

Каждый рабочий без исключения, в том числе и ученики, должны иметь за счет нанимателя бесплатную квартиру со всеми удобствами: водой, отоплением, освещением и необходимой меблировкой.

Так как большая часть нанимателей таких квартир не имеет, то мы требуем выдачи квартирных денег. Квартирные деньги вычи-

сляются так: для семейного — за две жилых комнаты и кухню, для холостого — за одну комнату.

Вода, мазут, керосин в достаточном количестве отпускаются натурою или деньгами. В случае выдачи натурою наниматель обязан доставить все на квартиры, где проживают рабочие. Самые квартиры, если таковые даются нанимателем, должны быть вблизи от места работы, а в противном случае рабочим выдается особая плата на проезд.

Далее, в виду того, что промысловые и городские квартиры рабочих вообще никуда не годны, и в виду того, что сами предприниматели оказались неспособными оборудовать удобные рабочие квартиры, мы, рабочие, заявляем следующие требования к Совету Съездов Нефтепромышленников и Бакинскому Городскому Самоуправлению:

1. Оборудование достаточного числа рабочих квартир как в г. Баку, а также и в следующих частях промыслов: Балаханы, Романы, Сабунчи, Биби-Эйбат, Черный и Белый городки. Рабочие квартиры должны удовлетворять всем требованиям здорового человеческого существования; электрическое освещение и ванные отделения, паровое отопление и прочее.

2. Совету Съездов ставим в обязанность оборудование в населенных промысловых районах общественных бесплатных бань на тех же основаниях, как теперь существуют амбулатории и больницы.

Питание рабочих.

1. Требуем организации на всех промыслах и при всех заводах дешовых столовых. 2. Отменить порядок принятия пищи прямо на местах работы. 3. Совет Съездов обязывается немедленно озаботиться об упорядочении убоя скота в промысловых районах.

Образование.

1. Требуем открытия новых школ в Балаханах, Забрате, Бог-Бога, Романах, Сабунчах и Биби-Эйбате. 2. Теперь же широко организовать несколько библиотек-читален. 3. Требуем устройства в Балахано-Сабунчинском районе технического училища. 4. Требуем устройства трех народных домов: одного — в Балаханах, затем — для Черного и Белого городка и третьего — на Баилове и Биби-Эйбате.

Исполнение названных четырех требований — всецело на Совете Съездов.

Лечение рабочих.

1. Открыть три новых больницы-амбулатории; собственно в Балаханах, Забрате и Биби-Эйбате. 2. Лечение рабочих за счет нанимателей и безусловно бесплатное. 3. Упразднение ордеров. 4. Увольнение главного провизора Сабунчинской больницы, практикующего возврат рецептов врачам, если в них оказывается прописанным

рабочему дорогое лекарство. 5. Поездки больных рабочих для излечения в другие города или местности производятся за счет нанимателя, при чем выдача необходимых средств рабочему возлагается на Совет Съездов, каковое учреждение затем возвращает их с предпринимателя само.

Отпуски рабочих и безработица.

1. Рабочий, прослуживший на месте не менее года, должен пользоваться месячным отпуском с сохранением содержания. 2. Для всех безработных Совет Съездов и Бакинское Городское Самоуправление должны организовать общественные работы.

Об администрации.

Немедленное увольнение по требованию рабочих управляющего, заведывающего, механика, мастера, приказчика, отличающихся жестоким или невежливым отношением к рабочим.

Товарищи, перед нами целый ряд требований, которые мы и должны основательно обсудить... Всякий сознательный, серьезный рабочий должен считать своей святой обязанностью широко распространить, растолковать все сказанное своим более слабым товарищам... И главное — энергично, горячо звать всех на упорную борьбу. Будем же собираться на заводах, везде, где только можно, и обсудим наши дела.

Теперь же отложим наши сбережения, запасем хлеба... Поведем наше дело твердо, сознательно — и мы победим, товарищи.

Да здравствует всеобщая забастовка!

1 декабря 1904 г.

Типография балаханских и биби-эйбатских рабочих.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

---

2. Ход стачки.

М. В. Д.
Бакинский Губернатор
по канцелярии.

14 декабря 1904 г.
№ 3428.
Гор. Баку.

Секретно.

Господину Министру Внутренних Дел.

В дополнение к телеграммам моим по поводу возникшей 13 сего декабря забастовки рабочих Бакинского нефтепромышленного и заводского районов, имею честь донести Вашему Сиятельству, что забастовка рабочих в Балаханах началась в 6 ча-

сов утра 13 декабря с завода Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества, затем перешла на промыслы Нобеля и Манташева и, наконец, весьма быстро распространилась по всем промыслам Балахано-Сабунчинского района, а равно на Биби-Эйбат и на заводы Белого городка.

До сих пор забастовка выразилась пока в том, что телефонная линия с Балаханами повреждена, и отдельные группы рабочих, не проявляя насильственных действий, прекращают работы, приостанавливая действие машин выпусканием пара и предлагая рабочим, не принявшим участия в забастовке, оставить работу. Массового скопления рабочих пока не наблюдается, но имеются сведения, что забастовщики предполагают занять казенные и общественные учреждения и прервать телеграфное сообщение с центральной Россией.

Во время прекращения работ на промыслах Каспийско-Черноморского общества из толпы рабочих был произведен выстрел из револьвера, которым прострелена шинель городового Гравшенкова. Кроме того, в Балаханах задержано несколько человек, буйствовавших и разбивавших стекла в домах. В числе этих лиц, между прочим, оказался крестьянин Тамбовской губернии Димитрий Фокин, молотобоец Французского общества, который на промыслах Нобеля остановил работу, выпустив пар. При обыске у него за спиною под пиджаком найден проволочный жгут с свинцовыми наконечниками, у некоторых же других лиц отобраны имевшиеся при них револьверы.

Донеся немедленно по телеграфу о происшедшем Вашему Сиятельству и исполняющему обязанности Главноначальствующего, я в то же время имевшимися у меня в распоряжении воинскими силами принял меры к охране железнодорожного вокзала и служб во избежание прекращения, по примеру прошлого года, железнодорожного движения, а также и некоторых правительственных учреждений, как-то: Государственного Банка, Казначейства, Почтово-телеграфной конторы. К восстановлению же телефонного сообщения будет приступлено по прибытии высылаемых из Тифлиса двух стрелковых батальонов, из которых один предположено мною направить в Балаханы и другой расквартировать в городе.

И. д. Губернатора Вице-Губернатор (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

М. В. Д.
Бакинский Губернатор
по канцелярии.

17 декабря 1904 г.
№ 3446.
Гор. Баку.

Секретно.

Господину Министру Внутренних Дел.

В дополнение к донесению моему от 15 сего декабря за № 3428, имею честь донести Вашему Снятельству, что в районе Балахано-Сабунчинских нефтяных промыслов 15 сего декабря работы не возобновлялись, при чем забастовщики в этот день устроили сходку в степи на каменоломнях, расположенных на Гюльбюлинских землях. Возвращаясь с этой сходки, рабочие на 11-й версте бросали камнями в проходивший железнодорожный поезд.

На Биби-Эйбатских нефтяных промыслах забастовка началась 13 декабря, около девяти часов утра, когда на промысле «Олеум» был дан тревожный свисток, продолжавшийся ¼ часа. По прибытии на этот свисток Биби-Эйбатского полицейского пристава оказалось, что на промысел этот явилась партия посторонних рабочих и потребовала от рабочих этого промысла прекратить работы и начала выпускать пар, а затем направилась на другие промыслы. Таким образом были прекращены работы на промыслах Манташева, Тифлисского товарищества, Борн и Шибаева. В то время, когда полицейский пристав нагнал толпу забастовщиков у промысла Борн, последние рассеялись. На следующий день, то-есть 14 сего декабря, с утра на Биби-Эйбатских промыслах никакого движения рабочих и беспорядков не замечалось, только у промысла Борн на шоссе стояло человек 15 — 20 рабочих, которые прибывшему на место приставу заявили, что они явились с целью узнать, когда начнутся работы. Рабочие эти, по предложению пристава, тотчас же разошлись. После полудня 13 декабря на промыслах были установлены разъезды из казаков и чинов полицейской стражи с целью рассеивания забастовщиков, при чем один разъезд был послан на окружающие Биби-Эйбатские промысла возвышенности, где и при прежних забастовках устраивались сходки. И действительно, около 12 часов дня на упомянутых возвышенностях собралась толпа около 1000 человек, из которой при появлении разъезда из чинов полицейской стражи был произведен выстрел из револьвера, не причинивший никому вреда. Когда же на подкрепление этого разъезда подошла команда казаков, толпа постепенно рассеялась.

В Белом и Черном городках работы были прекращены также 13 числа [1]), при чем в Белом городе они были прекращены толпою рабочих, прибывших из Черного городка и заходивших во все за-

[1]) За исключением лишь некоторых заводов, в том числе завода Т-ва Бр. Нобель, на котором работы были прекращены лишь 15 декабря.

воды, но при этом никаких насилий и буйства учинено не было. И здесь зачинщики забастовки рассеялись при появлении казачьего разъезда.

И. д. Бакинского Губернатора Вице-Губернатор (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

Главноначальствующий
Гражданской частью
на Кавказе.

30 декабря 1904 г.
№ 2600.
Гор. Тифлис.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

В дополнение к телеграммам моим о происходящих в Бакинском промысловом районе беспорядках, сообщаю Вашему Сиятельству нижеследующее, до сих пор выясненные на месте подробности.

Забастовка рабочих началась в 6 часов утра 13 декабря первоначально лишь на Балаханских нефтяных промыслах, именно с завода Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества, и сопровождалась порчею телефонной линии между этими промыслами и гор. Баку; к часу пополудни забастовка распространилась и на другие соседние промыслы — Биби-Эйбат, а равно Черный и Белый городки. Первые два дня забастовки в гор. Баку прошли спокойно; рабочие, хотя и собирались в окрестностях промыслов толпами, тем не менее, беспорядков не производили и расходились без понуждения полиции и войск, а отдельные группы забастовщиков ходили по заводам и мастерским и насильно прекращали на них работы, выпуская пары из паровиков и предлагая рабочим, не участвовавшим еще в забастовке, оставить работы. Тем не менее, более серьезных насильственных действий проявлено не было; лишь в самом начале забастовки на упомянутом выше заводе из толпы рабочих был произведен выстрел из револьвера, которым была прострелена шинель городового.

15 декабря толпа забастовщиков, численностью около 400 человек, собралась на сходку в разрушенном амбаре около извозчичьей слободки. Для рассеяния этой толпы послан был взвод казаков; взвод этот окружил рабочих и предложил им разойтись, но толпа, в которой было замечено присутствие нескольких интеллигентных лиц, подстрекавших рабочих к упорной стачке и уличным беспорядкам, заволновалась и стала кричать: «товарищи, постоим грудью за свою свободу. Долой самодержавие! Долой царское правительство!». После того толпа разбилась на несколько небольших групп и направилась-было по домам, но, дойдя до Каспийского машиностроительного завода, ворвалась во двор последнего и стала бить стекла в помещении заводской конторы. Из числа буйствовавших были задержаны 57 человек, из коих 14 главнейших подстрекателей

к беспорядкам были заключены, в порядке охраны, в Бакинскую тюрьму на сроки от 6 дней до 3-х месяцев. В тот же день забастовка распространилась на Бакинские конно-железные дороги и на большинство типографий; газеты перестали выходить.

16 декабря к забастовщикам присоединились рабочие мастерских Восточного общества и компании «Надежда», а 17 — фабрики Мирзабекянц, мастерских пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и дока Дадашева. Однако, работы в типографиях «Каспия» и «Бакинских Известий» возобновились, и с этого дня названные газеты стали выходить без задержки. В окрестностях Биби-Эйбата, а также Балаханов, забастовщики пытались-было пробраться на сходки, но при приближении полиции рассеялись. Около 2 часов дня рабочие, числом от трех до четырех тысяч, возвращавшиеся с Балаханской сходки, разместились по обеим сторонам железнодорожного полотна и осыпали градом камней пассажирский поезд № 41, шедший со станции Баку на станцию Сабунчи. Поезд проследовал без остановки. По осмотре его в Сабунчах, оказались разбитыми 43 оконных стекла; осколками было легко ранено несколько пассажиров.

18 декабря в городе Баку было сравнительно спокойно, в окрестностях же Биби-Эйбата и Балаханов было несколько сходок, которые, однако, расходились сами собой, до прибытия полиции и войск. На этих сходках, повидимому, шли споры между рабочими о тех требованиях, которые должны быть предъявлены рабочими к нефтепромышленникам. При обсуждении этого вопроса рабочие разделились на две партии: умеренную (преимущественно из русских рабочих) и крайнюю, руководимую революционными пропагандистами. Переговоры этих партий не привели к соглашению; оппозиционная партия рабочих, не желающих работать и препятствующих производству работ другими рабочими, начала буйствовать и даже вступила в драку с умеренной партией, желающей возобновить работы.

19 декабря начались переговоры между представителями нефтепромышленников и рабочими относительно предъявленных последними требований. Около 2 часов дня в гор. Баку, у Парапета, собралась толпа, около 2000 человек, видимо, желавших произвести демонстрацию, но, увидя полицию и войска, разошлась без всякого беспорядка.

20 декабря, вследствие удовлетворения правлением конно-железных дорог заявленных служащими претензий, возобновилось движение вагонов конно-железной дороги в Баку. Большая часть заводов и мастерских, не связанных непосредственно с нефтепромышленностью, в том числе пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и доков, возобновила деятельность. Забастовка продолжалась лишь на промыслах и нефтяных заводах.

21 декабря переговоры между нефтепромышленниками и рабочими подвигались вперед успешно, и соглашение между ними уже

состоялось с тем, чтобы работы на промыслах и заводах были возобновлены с 23 декабря, о чем на всех промыслах вывешены были объявления.

23 декабря, в 6 часов утра, на Биби-Эйбатских нефтяных промыслах стали раздаваться свистки, приглашавшие к работам. Местный полицейский пристав, желая удостовериться в том, начались ли работы, запросил по телефону управляющих наиболее крупных фирм, которые ответили ему, что явившиеся рабочие вновь расходятся, потому что упомянутые выше объявления от совета съездов нефтепромышленников запоздали. Затем, спустя 3—4 часа, Биби-Эйбатскому приставу дали знать, что на промысле «Олеум» рабочие бьют окна и промысловых рабочих, желающих работать. Сообщив немедленно об этом по телефону уездному начальнику, пристав отправился на место буйства и здесь застал большую толпу рабочих, вооруженную дубинками. Толпа эта при появлении пристава с городовыми остановилась, но потом, теснимая сзади командою полицейской стражи, бросилась вправо от шоссе на промысел Набатова. В это время выяснилось, что на промысле «Олеум» разбушевавшиеся рабочие напали на двух стоявших у ворот стражников полицейской стражи и, свалив их неожиданными ударами, отняли у них ружья, которые затем были найдены. В то время, когда упомянутая выше толпа бросилась на промысел Набатова, приставу дали знать, что другая толпа, числом до 300 человек, громит промысел «Шихово». Прибыв на этот промысел, пристав застал здесь толпу, при чем часть ее направилась к нему, а остальная засела за валом. Между тем, на Биби-Эйбатские промысла прибыл Бакинский уездный начальник с командою стражников, который прибывшую с промысла «Шихово» толпу застал на промысле Борн; рабочие, имея в руках большие шесты и железные прутья, разбивали стеклянную галлерею одного из жилых помещений, но тотчас же были рассеяны чинами полицейской стражи, при чем тут же были задержаны четыре человека из числа буйствовавших, а затем еще девять человек, и все они заключены в тюрьму. После этого беспорядки на Биби-Эйбатской площади не возобновлялись. При дальнейшем объезде промыслов уездным начальником было выяснено, что буйствовавшая толпа во многих местах повыбивала стекла в окнах. На промысле же Мухтарова, встретив отпор со стороны рабочих этого промысла, забастовщики вступили с ними в драку, во время которой произведенными выстрелами из револьверов, кинжалами и палками нанесены многим поранения и даже один неизвестный армянин убит. По произведенному подсчету, раненых оказалось 18 человек, в том числе 5 тяжко. Из рабочих же промысла Мухтарова поранено только двое. Нападавшая толпа состояла почти исключительно из армян, лезгин и персидских чернорабочих. В тот же день в районе Балахано-Сабунчинских нефтяных промыслов утром толпа рабочих пыталась произвести буйство на промысле Нобеля и разбить окна в жилых помещениях, но попытка эта, благо-

даря принятым полициею мерам, не удалась. До 2½ часов дня порядок ничем не нарушался, но затем внезапно большая толпа рабочих напала на промысловую контору Нобеля, побила окна, переломала некоторые машины и произвела несколько выстрелов, после чего направилась на промысел Балаханского товарищества, где также побила все стекла в окнах. Здесь к этой толпе присоединились еще две толпы, образовав массу около 1000 человек, преимущественно армян. Эту толпу нагнал казачий разъезд от 6-й сотни, в который из толпы стали производить выстрелы из револьверов и бросать камнями. С другой стороны, к толпе уже подошел казачий разъезд, причем казаки, несмотря на то, что в них стреляли, не могли прибегнуть к огнестрельному оружию, опасаясь попасть в своих. Второму разъезду удалось, наконец, пробиться сквозь толпу и соединиться с первым, а к тому времени прибыл еще один разъезд. Во время беспорядков из нижних чинов пострадали: приказный Фисенко, раненый камнем в щеку, у казака Михаила Попова от удара камнем треснуло ложе винтовки, бывшей в чехле, у лошади казака Григория Долгучева выбит глаз, казак Николай Кравченко, упавший с лошади, был сильно избит толпой, у стрелка 1-й роты 4-го стрелкового баталиона Семена Швецова пулей сбита фуражка. В целях прекращения буйства, начальник разъезда хорунжий Мачнев многократно предлагал толпе разойтись, угрожая в противном случае стрелять, но толпа, продолжая забрасывать камнями и стреляя, все напирала на казаков, пытаясь их охватить. В это время к месту скопления толпы подоспел Балахано-Сабунчинский Полицеймейстер, вместе с товарищами прокурора Бакинского Окружного Суда Бароном Раденом, и просил хорунжего Мачнева не прибегать без крайности к оружию. Но толпа, не внимая увещаниям, все напирала, продолжая стрелять. Тогда, по команде хорунжего Мачнева, казаками сделан был залп по толпе, при чем трое оказались убиты и пятеро ранены. В числе раненых один татарин, а остальные все армяне. Кроме того, задержаны 9 человек участников беспорядков. После этого, около 3 часов пополудни, порядок был восстановлен, но, тем не менее, казаки совершали усиленные разъезды, и от стрелков были высланы патрули.

Кроме промыслов Нобеля и Балаханского товарищества, в Балаханах подверглись нападению промысла: Манташева, «Кавказ», Сумбатова, Шумахера и Васпуркан, где были побиты стекла и выпущен пар из паровиков, при чем на промысле Манташева буровой Маснеф Надыров, погнавшись за толпой, поранил лезгина Каинбека Мирза-бек-оглы и еще одного неизвестного татарина, которому удалось скрыться. Вечером 23 декабря на промысле «Мотовилиха» была обнаружена попытка поджечь буровую вышку, во-время предотвращенная.

24 декабря ночью в Романах произошел пожар, несомненно, от поджога, начавшийся одновременно с двух рядом стоящих буровых вышек. Вследствие сильного ветра и отсутствия на промыслах

пара и воды (работы были прекращены по причине забастовки), пожар быстро распространился на соседние вышки и продолжался всю ночь. Всего сгорело 22 буровых вышки (16 у Нобеля и 6 у Московского Товарищества). По донесениям Губернатора от 26 и 27 декабря, в Балаханах сгорело еще 68 вышек, восстановленное 23 числа телефонное сообщение промыслов с городом 24 декабря было снова прервано. По подозрению в поджоге задержано четверо.

Обращаясь к существу тех причин, коими вызвана настоящая забастовка, я должен сказать, что в среде рабочих наблюдаются два течения, а именно: забастовщики делятся на принадлежащих к партии социал-демократов и социал-революционной. Первые преследуют исключительно экономические (увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п.), а вторые проповедуют изменение существующего гражданского строя, свержение самодержавия и созыв Учредительного Собрания. По сравнению с прежними забастовками, партия социал-революционеров ныне значительно возросла и, повидимому, взяв верх над партией социал-демократов, играет в настоящей забастовке руководящую роль. По имеющимся у жандармской полиции сведениям, перед началом настоящей забастовки, 12 декабря, состоялось совещание обеих партий с прибывшим из Петербурга лицом, которое должно было объединить обе партии и согласовать их действия; однако, положительных результатов это совещание не дало, и на этом основании местный жандармский надзор составил себе убеждение, что никаких беспорядков и забастовок в более или менее близком будущем ожидать не следовало.

Что настоящая забастовка была тщательно подготовлена заранее и именно социал-революционной партией, — можно судить по тому, что на местах сходок рабочих, после рассеяния их, постоянно были находимы прокламации, выходившие почти каждый день с распоряжениями на следующий день, в которых забастовщики призывались выходить на улицы, а в случае противодействия властей вступать в кровавое столкновение с войсками и полицией. В ночь с 17 на 18 декабря жандармскому надзору удалось, однако, арестовать две тайные типографии, из которых одна армянская — социал-революционеров, а другая русская — партии социал-демократов. В типографиях задержано 6 человек рабочих (2 в армянской и 4 в русской) и все типографские принадлежности, а также шрифт (в армянской около 20 пудов, а в русской около 10 пудов). Арест этих типографий в самый разгар беспорядков, видимо, лишил руководителей партий весьма важного в их руках оружия для агитации; по крайней мере, с тех пор новых прокламаций находимо не было.

В заключение считаю долгом отметить, что в железнодорожных мастерских, изолированных от забастовщиков при помощи войск, работы все время шли без перерыва и беспрепятственно. В гор. Баку и его окрестностях в настоящее время, сверх квартирующих там войск, имеются на случай требования гражданских властей командированные мною из Тифлиса 2-й и 4-й стрелковые батальоны

1-й Кавказской стрелковой бригады, всего в числе 850 человек, и из гор. Грозного 2 сотни Горско-Моздокского казачьего полка. Начальником этого отряда мною назначен командированный 14 декабря на место Командир 2-й бригады 2-й Кавказской казачьей дивизии Генерал-Майор Флейшер. По его заявлению, этих войск более чем достаточно для подавления могущих возникнуть беспорядков.

И. о. Главноначальствующего
Генерал-Лейтенант (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

Главноначальствующий
Гражданской частью
на Кавказе.

18 января 1905 г.
№ 81.
Гор. Тифлис.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

В дополнение к отношению от 30 декабря минувшего года за № 2600, считаю долгом сообщить Вашему Сиятельству нижеследующие подробности по делу о забастовке рабочих Бакинского промыслового района.

В ночь на 30 декабря на Биби-Эйбате сгорела одна вышка. Около полудня толпа забастовщиков, человек около 80, явилась на завод Мельникова в Черном городке, выпустила пар и побила окна, а затем направилась-было к другому заводу, но, будучи выгнана местным полицейским приставом с командою стражников, была рассеяна; два главаря были арестованы; у одного из них, по национальности армянина, были обнаружены прокламации. В ту же ночь в Романах от поджога сгорело 5 вышек. С утра 30 числа на большинстве промыслов в Балаханах и Биби-Эйбате возобновились работы; не работали, за исключением лишь нескольких, механические мастерские. В три часа дня на промыслах Каспийского товарищества в Балаханах небольшою группою забастовщиков были выпущены пары; на двух других промыслах, куда направились-было забастовщики, они, при помощи полиции и казаков, были рассеяны, и из них было арестовано 14 человек, после чего работы возобновились.

По подозрению в поджоге в Баку было задержано 4 человека, в том числе три караульщика. В целях скорейшего воздействия путем наложения на виновных в поджогах законного наказания, я просил содействия Прокурора Тифлисской Судебной Палаты к скорейшему производству следствий по делам о поджогах и к привлечению затем, если будут добыты достаточные улики, виновных к законной ответственности. Принимаемые против забастовщиков меры дали заметные результаты. Не говоря уже о том впечатлении, которое произвело на забастовщиков применение оружия 23 де-

кабря, немаловажное влияние на дальнейший ход событий, несомненно, оказал арест как главнейших вожаков рабочих, так и двух тайных типографий; в одной из них, именно Кавказского социал-демократического комитета, были задержаны двое армян, ручной типографский станок, разные типографские принадлежности и много брошюр на армянском языке, а в другой типографии были найдены печатный станок, принадлежности к нему и прокламации на русском, грузинском и армянском языках и задержаны четверо, из коих трое имеретин и одна русская крестьянка.

31 декабря общее положение дел в Бакинском промысловом районе значительно ухудшилось. Несмотря на то, что на всех промыслах и заводах и в механических мастерских были вывешены новые объявления от имени нефтепромышленников и керосинозаводчиков, в которых устанавливается срок постепенного введения трехсменной системы работ и заявлялось о готовности выдать заработную плату за все дни стачки с тем, чтобы забастовщики в течение трех суток стали на работу, а в противном случае рабочие должны были считаться уволившимися, — стачка не прекращалась. В виду столь серьезного положения, я признал нужным подробно ознакомиться с обстоятельстами дела на месте, для чего 2 января выехал в гор. Баку, где мною была получена шифрованная телеграмма Министра Финансов, из которой, между прочим, усматривается, что проявленная нефтепромышленниками уступчивость, последовавшая под давлением угроз со стороны рабочих, обратила на себя внимание Его Императорского Величества Государя Императора, так как уступчивость эта может отразиться чрезвычайно неблагоприятными последствиями на других фабричных и заводских районах. Это Высочайшее предусмотрение, как оказалось, не замедлило оправдаться на деле, а именно рабочие литейных и других заводов потребовали от предпринимателей тех же уступок, которые были сделаны рабочим нефтепромышленниками, и на которые владельцы заводов, в виду меньшей доходности их предприятий и конкуренции со стороны заводов внутренней России и заграничных, никоим образом не могли согласиться.

Указав Бакинскому Губернатору на нежелательность уступок рабочим, идущих во вред предприятиям, особенно еще и потому, что Бакинская стачка, как первая в текущем году, несомненно, послужит примером для рабочих других городов предъявлять такие же требования, я в то же время указал и явившейся ко мне депутации от нефтепромышленников на допущенную ими ошибку — удовлетворение рабочих платой за время забастовки. Уступка эта сделана была в отсутствие Губернатора, князя Накашидзе, которому, а равно и нефтепромышленникам, мною было предложено на будущее время входить с рабочими в такие соглашения, которые будут одобрены Губернатором.

Обращаясь к существу тех причин, коими вызвана настоящая забастовка рабочих Бакинского промыслового района и без устра-

нения коих необходимо ожидать повторения стачки через известный промежуток времени, и, быть-может, в более острой форме и с более серьезными последствиями, я должен сказать, что корень этого зла таится в неустройстве экономического быта рабочих. Так, мне заявлено, что причинами, наиболее побуждающими рабочих и мастеровых названного района к забастовкам и беспорядкам, являются: 1) отсутствие, за малым исключением, здоровых и удобных помещений для рабочих; 2) недостаток, а иногда и совершенное отсутствие на промыслах питьевой воды, вынуждающее рабочих пить негодную воду из колодцев; 3) непринятие мер к облегчению приобретения на месте продуктов первой необходимости по нормальным ценам; 4) уклонение большинства заводов (за исключением Нобеля, Ротшильда и Шибаева) от проведения в жизнь весьма важного для урегулирования взаимных отношений работодателей и рабочих закона 10 июля 1903 года о фабричных старостах; 5) недостаток в банях, особенно тягостный при тех условиях, при которых приходится работать, и во время господствующих в Баку несколько месяцев почти тропических жаров и 6) недостаток просветительных учреждений (школ, вечерних курсов, народных домов и пр.), а также дешевых чайных. Наконец, рабочими высказано о необходимости введения здесь, по примеру фабричного района Царства Польского, больничных и сберегательных касс с участием в них как рабочих, так и нефтепромышленников.

Из перечисленных вопросов некоторые уже имеют свою историю. В частности, вопрос об устройстве рабочих поселков вне промысловых площадей возник еще в 1897 году, когда грозившая Империи опасность занесения в наши пределы свирепствовавшей в Индии чумы выдвинула необходимость упорядочения имеющихся в бакинских промыслах помещений для рабочих. Так как возведение новых помещений на самых промыслах, вследствие тесноты и загрязненности последних, не представляется возможным, то признано было неизбежным вынести жилые помещения за пределы эксплоатируемых нефтяных площадей. В виду сего, советом и съездами бакинских нефтепромышленников были возбуждены ходатайства о предоставлении в их распоряжение нескольких казенных земельных участков вне промыслового района для устройства рабочих поселков; эти ходатайства еще в 1901 году были рассмотрены в особом совещании под председательством Министра Земледелия и Государственных Имуществ, и проектируемая мера была признана наиболее действительным средством к улучшению гигиенической обстановки быта рабочих. Затем, на происходившем в 1903 году последнем XVIII съезде бакинских нефтепромышленников, этот вопрос был обсужден во всех его деталях, но в самое последнее время отвод намеченных участков земли неожиданно был отложен под выставленным местным Управлением Земледелия и Государственных Имуществ предлогом, что таковые участки принадлежат к числу нефтеносных. Что вся земля вокруг нефтяных промыслов, весьма

вероятно, также заключает в своих недрах нефть, — было известно и ранее, и посему подобное обстоятельство, на мой взгляд, отнюдь не должно служить тормозом к скорейшему разрешению настоятельно назревшего вопроса о рабочих поселках. Посему я предполагаю в ближайшем времени просить содействия Статс-Секретаря Ермолова по настоящему делу.

Равным образом, нежелательно и уклонение большинства предприятий от введения у себя института фабричных старост. По закону 10 июня 1903 года, фабричные предприятия лишь имеют право, но отнюдь не обязаны, вводить у себя фабричных старост. По вопросу о причинах уклонения владельцев предприятий от введения старост, а также и о роли последних на тех заводах, на которых они имеются, мною затребованы подробные сведения от Бакинского Губернатора, по получении которых я и войду в особое по настоящему предмету обсуждение. Что же касается до исполнения остальных домогательств рабочих: недостаток воды и бань, дороговизна продуктов первой необходимости и пр., то таковые, являясь законными по существу, могли бы быть обсуждены и проведены в жизнь обычным порядком, через Съезд нефтепромышленников. В ближайшем будущем, 22 января, должен быть созван очередной XIX съезд, в программе занятий коего значатся, между прочим, связанные со сметой на текущий год вопросы благоустройства промыслового и заводского районов и по проекту положения о кассах обеспечения рабочих Бакинских нефтяных промыслов.

Наконец, при выяснении дела на месте я не мог не обратить внимания на совершенную недостаточность в Бакинском заводском районе наличного состава фабричного надзора. При разбросанности заводов в гор. Баку, Черном и Белом городках и многочисленности отдельных предприятий, фабричная инспекция здесь состоит только из двух лиц: старшего фабричного инспектора и фабричного инспектора. В виду важности функций, возложенных действующим законом на фабричную инспекцию, и необходимости для нее разбора недоразумений между владельцами и рабочими на местах, я предполагаю в ближайшем времени, по получении собираемых ныне, по моему указанию, предварительных сведений, войти в сношение с Министром Финансов о командировании в названный промысловый район еще хотя бы двух лиц, в помощь наличному составу местной фабричной инспекции.

В заключение, считаю долгом добавить, что мною констатирована положительная недостаточность расквартированных в гор. Баку и его районе войск. В таком городе, как Баку, с окружающим его промысловым и фабричным районами, где скопляется иногда свыше 150.000 рабочих всяких национальностей и религий, в значительной части зараженных социал-демократическими учениями, при малейшем поводе готовых к беспорядкам, в настоящее время расположен на постоянных квартирах всего один 262 пехотный Сальян-

ский резервный полк, в составе (по спискам) 29 офицеров и 1010 унтер-офицеров и нижних чинов. Столь малочисленный постоянный гарнизон, занятый, главным образом, несением караульной службы, не мог, конечно, выделять на помощь администрации сколько-нибудь серьезное число чинов и посему в разное время был пополняем командированием из других частей края различных воинских частей специально для оказания содействия администрации. В данное время в г. Баку и его промысловом районе временно расположены с указанною целью 1.227 человек пехоты и 489 казаков. В виду особой важности быстрой и своевременной поддержки администрации военной силой на нефтяных промыслах, где, в случае возникновения беспорядков, подвергаются риску быть испорченными и даже уничтоженными всевозможные ценные сооружения, машины и проч., не говоря уже о наличных запасах легковоспламеняемых продуктов нефтяной промышленности, — я нахожу настоятельно необходимым увеличить постоянный гарнизон гор. Баку не менее, как одним пехотным полком. В сих целях, по обсуждении на предстоящем съезде нефтепромышленников вопроса о расположении в промысловом районе воинских частей, я не премину испросить в установленном порядке утверждение вышеприведенного усиления Бакинского гарнизона.

И. о. Главноначальствующего
Генерал-Лейтенант (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

---

3. Результаты стачки

Протокол заседания комиссии, избранной общим собранием нефтепромышленников и заводчиков 19 декабря 1904 года для рассмотрения требований рабочих.

Обсудив все требования, предъявленные рабочими, прекратившими работы на промыслах и заводах, комиссия признала возможным принять следующее:

1) Рабочий день для выходящих на работу утром и работающих до вечера бессменно установить в 9½ рабочих часов.

2) Для поденных мастеровых и рабочих, работающих в одну смену, давать один свободный день в неделю без выдачи им за этот день рабочей платы. Рабочие, получающие месячное жалованье, за исключением работающих в трех сменах, должны быть освобождены от работ на 24 часа кряду 4 раза в месяц, без вычетов из жалования за время освобождения от работ.

3) Продолжительность рабочего времени в кануны воскресных дней и праздников, указанных в правилах государственного распорядка, установить в 8 рабочих часов. Время прекращения

работ накануне воскресных и праздничных дней предоставляется усмотрению администрации предприятия.

4) Ежедневные систематические сверхурочные работы отменить.

5) Систематические ночные работы производить особым штатом рабочих, продолжительность рабочего дня которых должна быть равна 8 часам.

6) Трехсменную систему принять для следующих разрядов рабочих: тартальщиков, ведерщиков, кочегаров и масленщиков.

7) В промысловых мастерских по возможности избегать отрядных работ.

8) Избегать работ через подрядчиков, если представится возможность заменить таковых артелью рабочих.

9) Назначить приемные часы для рабочих, ищущих работы, и вывешивать объявления о свободных вакансиях. Прием рабочих производить через представителей высшей администрации данного пункта.

10) В случае поручения одному токарю более одного станка, на каждый лишний станок должен быть поставлен опытный подручный.

11) Требовать безусловно вежливого обращения с рабочими со стороны администрации предприятия.

12) Установить минимальные нормы заработной платы для следующих категорий рабочих:

для рабочих буровых команд из оклада 20 р. в месяц;

»	тартальщиков	»	»	21	» » »
»	ведерщиков	»	»	18	» » »
»	кочегаров	»	»	22	» » »
»	масленщиков	»	»	21	» » »
»	чернорабочих	»	»	20	» » »

для поденных: чернорабочих персидско-поддаанных 70 коп. в день без квартиры и 60 коп. при хозяйской казарме;

для остальных рабочих 90 коп. в день без квартиры и 80 коп. при хозяйской казарме.

для учеников 40 коп. при поступлении, без обязательства давать помещение в хозяйской казарме.

13) Установить три района — заводский, Биби-Эйбатский и Балахано-Сабунчино-Романино-Забратский. При командировке из одного района в другой уплачивать 30% заработной платы и расходы на проезд; время, необходимое для передвижения как в черте данного района, так и из одного района в другой, считать рабочим временем.

14) В случае болезни заработная плата выдается только в течение времени до одного месяца и в половинном размере, квартирные же за это время выдаются полностью. Лечение рабочих обязательно за счет предпринимателей.

15) Время, проведенное рабочим без работы по вине администрации предприятия, оплачивать сполна. За время стачек рабочие никакой платы не получают.

16) Расчет с рабочими производить два раза в месяц в определенные сроки (10 и 25 или 5 и 20 числа каждого месяца, смотря по условию) и обязательно в рабочее время.

17) Мастерские устраивать гигиеническими (паровое отопление, вентиляция, свет и проч.).

18) Вопрос об устройстве удобных и гигиенических меблированных квартир оставить открытым впредь до отвода казной участков под горные поселки.

19) Рабочим, которым администрацией предприятия не отводятся квартиры натурой, выдавать квартирные деньги в следующем размере:

А. В районе промыслов:

мастеровым семейным	по	13	руб.	в месяц;
» одиноким	»	7	»	»
молотобойцам семейным	»	6	»	»
» одиноким	»	3	»	»

В эту плату входит также стоимость питьевой воды и керосина.

Б. В районе Белого и Черного города:

мастеровым семейным	по	8	руб.	в месяц;
» одиноким	»	4	»	»
молотобойцам семейным	»	6	»	»
» одиноким	»	3	»	»

Керосин и вода в заводском районе выдаются натурой в размере действительной надобности, по определению администрации предприятия.

Мазут же и нефть для отопления выдаются бесплатно как в черте промысловых площадей, так и в заводском районе; выдача производится в определенном пункте каждого промысла и завода в размере действительной надобности, по определению администрации предприятия. Уголь — ни на промыслах, ни на заводах не выдается.

20) Выдавать еженедельно бесплатно контромарки на бани, если у предприятия не имеется собственной бани.

21) Устраивать из общего фонда нефтепромышленников, по мере возможности, в каждом промысловом районе на расстоянии незначительного радиуса, дешевые столовые, бесплатные школы, библиотеки, читальни и пр.

22) Устроить на каждом промысле специальное помещение без плиты для принятия пищи рабочими.

23) Остальные предъявленные рабочими требования признаны комиссией неприемлемыми, а именно: 1) прекращение работ во всех

производствах на 1 мая; 2) учреждение промысловых судов для разбора всяких недоразумений между рабочими и предпринимателями, составленных наполовину из рабочих (по выбору рабочих), наполовину из представителей предпринимателей; 3) зависимость приема рабочих на работу на отдельные заводы, промысла и мастерские от самих же рабочих этих заводов, промыслов и мастерских; 4) чтобы всякое увольнение рабочих производилось самими же рабочими; 5) право рабочих требовать увольнения отдельных лиц из администрации по решению особого промыслового суда, составленного наполовину из выборных от рабочих и представителей предпринимателей; 6) о получении всеми поденными рабочими платы за все семь дней недели; 7) до введения государственного страхования обеспечение семейств умерших рабочих и получивших увечья за счет предпринимателя в размере бывшего заработка их; 8) принятие всех расходов по государственному страхованию предпринимателями на себя, без вычета из заработка рабочих; 9) полная отмена штрафов; 10) бесплатный провоз на дилижансах с квартир до промысла и до станции конки и ж. д.; 11) неувольнение за стачки и 12) огульная прибавка жалованья мастеровым против ныне получаемого.

Удовлетворение требований рабочих в вышеуказанных пределах промышленники считают для себя обязательным лишь в том случае, если работы на заводах и промыслах во всех районах будут возобновлены в полном объеме с четверга 23 декабря, с 6 часов утра.

В таком случае будет выдана всем месячным рабочим, выходившим на работу во время стачки, причитающаяся им заработная плата за все дни стачки; мастеровые же и рабочие поденные, а также месячные рабочие, не выходившие на работы, за время с 16 декабря до начала работ платы не получают. Если же работы не будут возобновлены 23 декабря, то промышленники считают себя свободными от всех принимаемых ими на себя вышеизложенных обязательств, а все мастеровые и рабочие, как месячные, так и поденные, считаются уволившимися с 16 декабря.

Все сказанное выше относится только к мастеровым и рабочим, обслуживающим нефтяную промышленность, т.-е. работающим на нефтяных промыслах и керосиновых и масляных заводах со всеми их вспомогательными учреждениями, как-то: механическими мастерскими, станциями, нефтепроводами, пристанями и проч.

Все остальные предприятия, как-то: самостоятельные механические заводы, доки, разные фабрики и пр., действию всего вышеизложенного не подлежат.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

Объявление.

В отмену ранее выпущенных объявлений сим доводится до сведения мастеровых и рабочих, что, рассмотрев представленные ими требования, мы находим возможным ввести с 1 января 1905 года следующие дополнения и изменения в существующие условия работы:

1) Рабочий день для выходящих на работы утром и работающих до вечера бессменно устанавливается в 9 рабочих часов в течение всего года.

2) Для поденных мастеровых и рабочих, работающих в одну смену, полагается один свободный день в неделю без выдачи им платы за этот день.

Рабочие, получающие месячное жалованье, за исключением работающих в трех сменах, освобождаются от работ на 24 часа кряду 4 раза в месяц без вычетов из жалованья за время освобождения от работ.

3) Продолжительность рабочего времени в кануны воскресных дней и праздников, указанных в правилах внутреннего распорядка, устанавливается в 8 рабочих часов. Время прекращения работ накануне праздников и воскресных дней предоставляется усмотрению администрации предприятия.

4) Ежедневные систематические сверхурочные работы отменяются.

5) Систематические ночные работы производятся особым штатом рабочих, продолжительность рабочего дня которых должна быть равна 8 часам.

6) Трехсменная система принимается для следующих разрядов рабочих: тартальщиков, ведерщиков, кочегаров и масленщиков. Для рабочих буровых партий — постепенное введение трех смен: при 3-х сменах по 5 чел. в смене, при 2-х по 6 чел.

7) В промысловых мастерских, по возможности, будут избегаемы отрядные работы.

8) Будут избегаться работы через подрядчиков, если представится возможной замена таковых артелью рабочих.

9) Для ищущих работы рабочих назначаются приемные часы и вывешиваются объявления о свободных вакансиях. Прием рабочих производится управляющим или заведующим данным пунктом.

10) В случае поручения одному токарю более одного станка, на каждый лишний станок должен быть поставлен опытный подручный.

11) Обращение с рабочими со стороны администрации предприятия должно быть всегда безусловно вежливым.

12) Устанавливается минимальная заработная плата для следующих категорий рабочих:

для рабочих буровых команд из оклада в 20 р. в месяц:
» тартальщиков . . . . . » » » 21 » » »
» ведерщиков . . . . . » » » 18 » » »
» кочегаров . . . . . » » » 22 » » »
» масленщиков . . . . . » » » 21 » » »
» чернорабочих . . . . . » » » 20 » » »

Для поденных чернорабочих 70 — 90 коп. в день без квартиры и 60 — 80 коп. при хозяйской казарме.

Для учеников — 40 коп. при поступлении, без обязательства давать помещение в хозяйской казарме.

Под словами «минимальная заработная плата» понимается наименьшая плата. Это значит, что никто из тартальщиков, ведерщиков, кочегаров, масленщиков, чернорабочих и учеников не будет получать меньше указанного в вышеприведенном 12 пункте жалованья. Так, например, если какой-либо тартальщик или масленщик в настоящее время получает 17 р. жалованья в месяц, то с 1 января 1905 года будут получать 21 р. в месяц.

Тартальщики, ведерщики, кочегары, масленщики, чернорабочие и ученики, которые в настоящее время получают жалованья больше, чем указано для них в приведенном пункте, и впредь сохраняют получаемое ими теперь жалованье.

13) Устанавливаются три района: заводский, Биби-Эйбатский и Балахано-Сабунчино-Романино-Забратский. При командировке из одного района в другой доплачивается 30% к поденной плате и деньги на проезд; время, необходимое для передвижения как в черте данного района, так и из одного района в другой, считается рабочим временем.

14) В случае болезни заработная плата выдается только в течение времени до 1½ месяцев и в половинном размере; квартирные же за это время выдаются полностью. Лечение рабочих обязательно за счет предприятия.

15) Время, проведенное рабочим без работы по вине администрации предприятия, оплачивается сполна. За время дальнейших стачек рабочие никакой платы не получают.

16) Расчет с рабочими производится два раза в месяц (10 и 25 или 5 и 20 числа каждого месяца, смотря по условию) и обязательно в рабочее время.

17) Мастерские должны быть устроены гигиенически (паровое отопление, вентиляция, свет и пр.).

18) Вопрос об устройстве удобных и гигиенических меблированных квартир остается открытым впредь до отвода казною участков под горные поселки.

19) Рабочим, которым администрацией предприятия не отводятся квартиры натурой, выдаются квартирные деньги в следующем размере:

А. В районе промыслов:

мастеровым семейным	по	13	р.	в	месяц;
» одиноким	»	7	»	»	»
молотобойцам семейным	»	6	»	»	»
» одиноким	»	3	»	»	»

Б. В районе Белого и Черного города:

мастеровым семейным	по	8	р.	в	месяц;
» одиноким	»	4	»	»	»
молотобойцам семейным	»	6	»	»	»
» одиноким	»	3	»	»	»

Керосина на промыслах и в заводском районе выдается натурой в размере 1 п. для семейных и ½ п. для одиноких.

Мазут же и нефть для отопления, а также вода для питья, выдаются бесплатно как в черте промысловых площадей, так и в заводском районе; выдача производится в определенном пункте каждого промысла или завода в размере действительной надобности по определению администрации предприятия. Для рабочих Биби-Эйбатского района, живущих на Баиловом мысу, употребляющих керосин как для освещения, так и для отопления, таковой выдается в двойном количестве.

Уголь ни на промыслах, ни на заводах не выдается.

20) Еженедельно выдаются бесплатные контрамарки на пользование баней.

21) На каждом промысле устраиваются специальные помещения без плиты для приема пищи рабочими.

22) Обыски отменяются.

23) Расчетные книжки для рабочих печатаются на русском языке и параллельно на одном из туземных языков — армянском, грузинском и татарском.

Введение вышеуказанных дополнений и изменений обязательно для предприятия лишь в том случае, если работы будут возобновлены в полном объеме со вторника 28 декабря, с 6 часов утра. В таком случае будет выдана всем месячным рабочим, выходившим на работу во время стачки, причитающаяся им заработная плата за все дни стачки полностью; мастеровые же и рабочие поденные, а также не выходившие на работу месячные рабочие, за время с 16 декабря до начала работ получают причитающуюся им плату в половинном размере. Если же работы не будут возобновлены 28 декабря, то администрация предприятия считает себя свободной от всех принимаемых ею на себя вышеизложенных обязательств, а все мастеровые и рабочие, как месячные, так и поденные, считаются уволившимися с 16 декабря.

Управляющий (подпись).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие!

Поздравим себя с победой. Капиталисты уступили нашим последним требованиям, и организация рабочих прекращает забастовку. Теперь мы должны стать на работу, но теперь же мы должны дать себе клятву, что забастовка эта не последняя. Борьба наша за лучшую долю не кончена, — она только начинается.

На первый раз победа наша велика. В свое время организация все разъяснит и укажет средства, как защищать наши завоевания. Первым и главным из этих средств мы считаем, чтобы рабочие о всех нарушениях со стороны предпринимателей доводили до сведения своей организации, а она примет уже те или другие меры. Помните: эта важное средство.

Ни царю, ни губернатору, ни инспектору — никому не дорого наше дело, кроме нас самих. Вспомним 23 декабря. В этот кровавый день правительство нашло для рабочих только казацкие плети да пули. Разные комитеты признали свое бессилие и малодушно сдались, только рабочая организация стояла твердо до конца. Теперь самый темный рабочий должен понять, что забастовку устроила эта организация, и она же с честью для всех закончила ее... Организация сильна, и пусть все рабочие несут к ней свои нужды, горе и слезы. Она сумеет защитить всех товарищей без различия веры и нации. Будем же сплачиваться вокруг нашего организованного ядра сознательных рабочих, будем все помогать нашему делу и личными услугами, и денежными взносами, чтобы касса наша была богата и сильна. Будем бороться сообща, вместе. Мы знаем, что мы сила, и с нами должны считаться.

Примечание. На работу необходимо стать в трехдневный срок. 31 декабря — первый день срока, в 6 часов утра, 3 января — последний день. Воскресенье 2 января — день нашего завоеванного отдыха.

Да здравствует наша рабочая организация, товарищи!
Долой правительство!

Балаханские и
биби-эйбатские рабочие.

31 декабря 1904 г.

Типография балаханских и биби-эйбатских рабочих.

[Дело деп. пол., 4-д-ство, № 4, ч. 4, 1904 г.]

Министр Земледелия
и Государственных Имуществ.

3 января 1905 г.
№ 3.

Князю П. Д. Святополк-Мирскому.

Нефтепромышленники Бакинского района телеграммой от 29 сего декабря обратились ко мне с просьбою следующего содержания:

«Продолжающаяся уже семнадцать дней всеобщая забастовка мастеровых и рабочих Бакинского района могла бы считаться законченной после наступившего соглашения между представителями рабочих и нефтепромышленников. Соглашение это, опубликованное во всеобщее сведение, удовлетворило громадное большинство рабочих, благодаря чему работы на многих промыслах и заводах возобновились. Однако, многочисленная группа рабочих, не желая подчиниться наступившему соглашению, всячески противодействует работам, производя насилия, погромы и поджоги, от которых уже сгорело сто буровых скважин со всем инвентарем, не говоря о других многочисленных убытках; признавая такой порядок вещей невыносимым как для промышленности, так и громадного большинства рабочих, стремящихся на работу, комиссия, избранная нефтепромышленниками из своей среды, позволяет себе просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в своем авторитетном содействии к принятию необходимых мер для охраны жизни служащих и мирных рабочих, а также имущества нефтепромышленников, и для восстановления порядка и безопасности на промыслах и заводах. Председатель комиссии Гукасов».

В виду сего имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не признаете ли Вы возможным сделать зависящее распоряжение к удовлетворению просьбы нефтепромышленников.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

(Подпись.)

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 4, 1905 г.]

9 ЯНВАРЯ И ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.

I. ЯНВАРСКИЕ ДНИ 1905 Г. В ПЕТЕРБУРГЕ.

1. Начало революции в России.

Первые шаги.

Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом — стачка на одном заводе. Интересно, однако, что эта стачка 12.000 путиловских рабочих, вспыхнувшая в понедельник, 3 января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводом послужило увольнение четырех рабочих. «Когда требование о возвращении их не было удовлетворено, — пишет нам один товарищ из Петербурга от 7 января, — завод стал сразу, очень дружно. Стачка носит вполне выдержанный характер; рабочие отрядили несколько человек охранять машины и прочее имущество от какой-нибудь возможной порчи со стороны менее сознательных. Затем ими была отряжена депутация на другие заводы с сообщением своих требований и предложением примкнуть». Тысячи и десятки тысяч рабочих стали примыкать к движению.

Легальное зубатовское рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической монархической пропагандой, оказало немалую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь. Случилось то, на что давно уже указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмут верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплоатация подвинет их от мирной и насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все «теории» и все потуги господ зубатовцев.

Так оно и вышло. Один товарищ рабочий, член Петербургского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, следующим образом излагает свои впечатления в письме к нам от 5 января:

«Пишу под свежим впечатлением происшедшего только-что собрания за Невской заставой рабочих Семянниковского завода. Но прежде всего пару слов о настроении, которое господствует у петербургских рабочих. Как известно, в последнее время здесь начали возникать или, лучше, возрождаться «зубатовские» организации под руководством попа Гапона. Организации за очень короткое время очень размножились и усилились. Теперь уже существует 11 отделов так-называемого «Собрания русских фабричных рабочих». Как и надо было ожидать, результаты этих собраний должны были быть таковыми, какими они были и на Юге.

«Теперь, можно с уверенностью сказать, начинается широкое стачечное движение в Петербурге. Почти ежедневно слышно о новой забастовке то на одном, то на другом заводе. Вот уже два дня, как забастовал Путиловский завод. Недели две тому назад бастовала бумагопрядильня Шау, на Выборгской стороне. Стачка продолжалась дня четыре. Рабочие ничего не добились. Сегодня-завтра эта стачка снова возобновится. Везде настроение приподнятое, но нельзя сказать, чтобы в пользу социал-демократии. Большая часть рабочих стоит за чисто-экономическую борьбу и против политической. Однако, надо ожидать и надеяться, что настроение это изменится, и рабочие поймут, что без политической борьбы никаких экономических улучшений не добьются. Сегодня бастовал завод Невского судостроительного общества (Семянникова). Местный отдел «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» пытается выступить руководителем начинающейся стачки, но это, конечно, ему не удастся. Руководителем будет социал-демократия, несмотря на то, что она страшно слаба.

«Вышли листки от Петербургского Комитета: два — к прядильной фабрике Шау и один — к путиловским рабочим. Сегодня было собрание рабочих Невского судостроительного завода. Собралось около 500 рабочих. Впервые выступили члены местного отдела «Собрания». Они отклонялись от политических требований и, главным образом, выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник «Русской Газеты» Строев, пользующийся большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителем социал-демократии. Резолюция эта хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно.

«После Строева говорили товарищи-рабочие соц.-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая, однако, ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха, некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать

собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих, и выбрало нового председателя, социалиста. Но члены «общества» (зубатовского) не умолкали и продолжали расстраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание в конце-концов разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае, можно сказать, что социал-демократам удалось склонить настроение рабочих в свою пользу.

«Завтра предстоит большое собрание. Возможно, что будет две—три тысячи человек. Надо ожидать на-днях грандиозной демонстрации, чего-либо подобного июльской на Юге в 1903 году. Бастует завод Франко-Русского общества, около 4 — 5 тысяч человек. Передают, что началась стачка на бумагопрядильной фабрике Штиглица, около пяти тысяч. Ожидается стачка на Обуховском заводе — пять — шесть тысяч».

Сопоставляя эти сведения социал-демократа, местного комитетчика (который, разумеется, мог точно знать лишь о событиях в небольшой части Петербурга), со сведениями заграничных, особенно английских, газет, мы должны сделать вывод, что эти последние отличаются весьма значительной точностью.

Стачка росла изо дня в день с головокружительной быстротой. Рабочие устраивали массу собраний и вырабатывали свою «хартию», свои экономические и политические требования. И те, и другие, несмотря на руководство зубатовцев, сводились в общем к требованиям социал-демократической партийной программы, вплоть до лозунга: созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов. Но предоставим слово им самим.

От 7 января один товарищ пишет: «Только столкнувшись лицом к лицу со стачечной стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее — тот, что мы, Спб. организация, совершенно бессильны пред стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь, теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листков, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листков, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...

«Позавчера и вчера в Выборгском районе состоялось собрание рабочих до 500 человек. На одном из них до приезда председателя выступил какой-то рабочий и произнес вполне социал-демократиче-

скую речь, к которой аудитория отнеслась очень хорошо, наградив оратора аплодисментами. На этом же собрании выступали организованные рабочие; интеллигентов от большинства не было. Стоит отметить один инцидент, имевший место на этом собрании. Какой-то рабочий стащил со стены портрет Николая. Председатель собрания пытался установить, что это сделал подвыпивший рабочий, который случайно задел портрет, но часть собрания энергично протестовала против такого затушевывания. В конце-концов была принята резолюция, вполне аналогичная путиловской, т.-е. составленная под руководством отныне знаменитого попа Гапона.

«Еще более грандиозное собрание было на Петергофском шоссе, на котором собралось несколько тысяч рабочих. Отношение к социал-демократам этого собрания совсем иное: листки как наши, так и меньшинства, были изорваны, от нас вначале представители отказались-было взять 500 рублей, отданные комитетом забастовавшим рабочим.

«Речей соц.-демократических не было (в этом виноваты мы сами), но удивительно то, что резолюция, принятая на этом собрании, такая, под которой смело может подписаться соц.-демократ; говорят, что резолюция эта составлена одним соц.-демократом, имеющим влияние на попа Гапона. Долгое время мы не могли установить, что́ из себя представляет этот поп; первоначальное его поведение (до стачки) заставляло нас предположить, что мы имеем дело с зубатовцем новой школы, но с момента начала стачки этот взгляд приходится оставить.

«Мне кажется, что перед нами какой-то наивный идеалист. Если смотреть на попа, как смотрели мы раньше, то, ведь, решительно невозможно объяснить его поведение на вчерашнем собрании: он заявил, что в воскресенье все забастовавшие рабочие пойдут ко дворцу для предъявления Николаю своей петиции о неотложных нуждах рабочих (созыв учредительного собрания и т. д.), и если царь откажется принять эту петицию или полиция помешает собраться, то значит, что царь заодно с министрами, и значит, что к лозунгу: «долой министров» необходимо прибавить: «долой царя»; поэтому рабочие, идя ко дворцу, должны заготовить знамена с надписью: «долой царя» и вооружиться. Он призывал собрание поклясться, что ни один из собравшихся не откажется от этого решения, даже если придется сражаться с войсками. Теперь, по слухам, Гапона отыскивает полиция, но он скрывается до воскресенья.

«На Васильевском острове вчера были собрания, — принята всеобщая забастовка. Сегодня с утра по улицам расхаживают толпы рабочих, останавливая заводы, не позволяют желающим работать итти на работу. Как слух, сообщаю, что мастера сами убеждают рабочих прекращать работы. Говорят о том, что капиталисты вполне терпимо относятся к забастовке, а некоторые даже видят в ней средство вырвать при посредстве рабочих от окончательно расте-

рящегося Николая конституцию. Но что особенно удивительно, так это поведение полиции. Я нарочно ходил сегодня по различным частям города и утверждаю, что городовых меньше, чем в обыкновенное время. Только на Малом проспекте Васильевского острова, возле 5 линии, где сегодня утром толпа (как говорят) разгромила участок и выпустила арестованных (??), можно увидеть 4 — 5 конных городовых.

«Сегодня должны состояться громадные собрания на Острове, Выборгской и Петербургской стороне и Петергофском шоссе. В Выборгский район и Петергофское шоссе посланы нами агитаторы (по 3 человека). Про другие два района не знаю, — не видел два дня никого из этих районов, хотя знаю, что П. П. с агитаторами вчера был на собрании островитян».

«...Заводы и фабрики присоединяются к стачке страшно быстро, один за другим. Сегодня утром считали 40.000 забастовавших, а к вечеру насчитывают уже 24 производства и 82.000 стачечников (английские газеты давали цифру 75.000).

«Говорят, будто завтра станут все типографии, булочные, мясные и конки!!! Это мы еще увидим, но и то, что нынче делается, прямо грандиозно. На улицах, в вагонах — всюду разговоры. За Нарвской заставой рабочие собираются группами, выступают агитаторы и говорят. Везде образцовый порядок. В окрестностях Невского, — я ходил вечером, — полная тишина на улицах, отдельные попадающиеся навстречу рабочие сдержанны и ничем не проявляют своего волнения, но в их лицах и во всем их виде чувствуется сдерживаемое с трудом возбуждение.

[Н. Ленин.]

[«Вперед», № 4 от 18 января 1905 г.]

---

2. Начало событий 9 января. — Забастовка на Путиловском заводе и ее распространение на весь Петербург.

Поводом к выступлению послужило незначительное событие, какие происходили тогда в Петербурге сотнями: увольнение четырех рабочих Путиловского завода. Рабочие эти были — Сергунин, Субботин, Уколов и Федоров. Все они состояли членами «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Г. Гапон в своих «Записках» рассказывает об этом так: «В декабре 1904 года на Путиловском заводе, без видимой причины, были уволены 4 человека. Два из них очень давно служили на заводе, а два других — уже семь лет. Несомненно, увольнение было вызвано тем, что они принадлежали к нашему Союзу, так как, рассчитывая их, им сказали: «Несомненно, ваш Союз поддержит вас». В течение двух недель я лично не вмешивался в это дело, ожидая, что рассчитанные рабочие будут снова приняты после всего, что было сделано, чтобы повлиять на фабричную администрацию. Когда же все усилия оказались тщетными,

я счел своим долгом перед Союзом стать на защиту исключенных и довести дело до конца, каков бы он ни был... Если мы оставим уволенных на произвол судьбы, доверие к нашему Союзу неизбежно и навсегда поколеблется, не говоря уже о том, что это поощрило бы произвол. Если же нам удастся отстоять их, престиж нашего Союза неимоверно бы поднялся в глазах рабочих». («Записки Георгия Гапона»).

Уволил этих рабочих мастер вагонной мастерской Тетявкин. Гапон рассказывает в своих записках, что он после этого направил депутацию к директору завода Смирнову с просьбой об обратном приеме уволенных рабочих. Когда депутация не добилась удовлетворительного результата, то Гапон созвал 12 делегатов отделений Союза и «представителей революционных партий».

Здесь решено было отправить три депутации, каждая из семи или девяти человек: одну — к Смирнову, другую — к фабричному инспектору и третью — к градоначальнику Фулону.

Собрание это Гапон относит к 19 декабря 1904 г. На следующий день, по словам Гапона, депутации рабочих ходили к Смирнову и к фабричному инспектору и от обоих получили отрицательный ответ. К Фулону ходил с рабочими сам Гапон, и, по его словам, Фулон обещал «сделать все от него зависящее, чтобы удовлетворить нашу просьбу».

Это было 20 декабря, а 21 Гапон снова пошел к фабричному инспектору и к Фулону, но и эти свидания остались безрезультатными; еще накануне решено было, в случае неудачи, начать забастовку.

«Я рассчитывал, — говорит Гапон, — что стачка на Путиловском заводе немедленно побудит администрацию к уступке в виду того, что в данный момент завод оканчивал чрезвычайно серьезный заказ для правительства. В тот же вечер мы решили сделать забастовку».

По инициативе рабочих вагонной мастерской Путиловского завода и, главным образом, Александра Ребрантова, состоялось экстренное собрание Союза 27 декабря, где было до 350 членов, и здесь снова было решено отправить депутации к градоначальнику, Смирнову и к фабричному инспектору, а на 2 января решено собраться вновь для обсуждения результатов ходатайств [1]).

Так об этом собрании рассказывается в официальном полицейском документе. Но, сопоставляя показания всех участников движения, необходимо заключить, что охранный документ путает дату и говорит о собрании, происходившем не 27, а 28 декабря на Васильевском острове, которое произошло по инициативе центра Союза. На этом собрании были представители от всех 11 отделов, по 20 от каждого, а также, как уверяет корреспондент «Революционной России», и представители с.-д. и с.-р.

[1]) Истор.-рев. арх., 1905 г., дело № 4, ч. 1, л. 1, 2 и 3.

Вот на этом-то собрании, где действительно присутствовало более 300 человек, и решено было отправить делегатов к директору завода Смирному, к фабричному инспектору и к градоначальнику.

По словам указанной нами корреспонденции [1]), собрание вынесло следующую резолюцию: «1) Заявить через градоначальника высшему правительству, что отношение труда и капитала в России ненормальное. Это проявляется, между прочим, и в отношениях мастеров к рабочим. 2) Потребовать от администрации Путиловского завода, чтобы мастер Тетявкин немедленно был удален с завода. Уволенные за принадлежность к «обществу» рабочие должны быть немедленно приняты обратно. 4) Через особую депутацию довести до сведения градоначальника и фабричного инспектора о случившемся и просить, чтобы впредь подобные факты не повторялись. 5) Если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фабрично-заводских рабочих не ручается за спокойное течение жизни города».

29 декабря депутация отправилась к директору Смирнову, а 30 декабря появилось объявление директора.

В этом объявлении, между прочим, говорилось, что «ни один из указанных рабочих не заявлял ему жалоб на неправильное его увольнение; кроме того, выяснилось, что из 4-х рабочих уволен только один за неумелую работу, да и тот окончательно уволен был уже после перевода его на испытание к другому мастеру, показавшее малую его способность к работе по сравнению с другими мастеровыми; из остальных трех рабочих, указанных депутацией, одному в декабре даже не было объявлено об увольнении, второму, хотя и был заявлен расчет за прогулы, но, после его письменного обещания не делать больше прогулов, расчет отменен, а третий, явившись за больничной запиской после невыхода на работу, сам прекратил посещение завода, чем и подвергает себя увольнению.

«Мною было указано депутации, что я считаю ее заявление мало уместным, и что разборы претензий рабочих должны прежде всего производиться на самом заводе по заявлению самих рабочих, а не по заявлению учреждения, постороннего заводу, которое легко может впасть в ошибку и, кроме того, вопреки утвержденному уставу, обнаруживает вмешательство во внутренние дела завода, что мною и усматривается по тому тону, которым говорила со мной депутация.

«После этого депутация решилась прибегнуть даже к угрозам, выразив, что такое мое отношение к делу может кончиться для завода очень плохо.

«Убедившись окончательно, что депутация от имени «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» проявила явное стремление нарушить утвержденный правительством устав для этого общества, я считаю своим долгом поставить об этом

[1]) «Революционная Россия», 1905 г., № 60.

в известность всех тех рабочих завода, которые состоят в вышеупомянутом обществе, которому я до сего времени оказывал содействие.

«Вместе с сим о таком нарушении устава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» мною доведено до сведения с.-петербургского градоначальника. 30 декабря 1904 г.»

Директор завода Смирнов принял депутатов очень грубо, ответил отказом на их требования, подчеркивая незаконность вмешательства «Собрания» в дела завода; фабричный инспектор «расследовал» жалобу рабочих, при чем, по его мнению, оказались виновными рабочие, а градоначальник Фулон, бывший крестным отцом Союза, указал, что последний пункт требований есть уже настоящая революция, на что Гапон возразил ему напоминанием, что он обещал помогать рабочим. Фулон смутился и пообещал принять все зависящие от него меры для улаживания конфликта.

Эти переговоры происходили в течение 29 и 30 декабря, а в тот же день 30 числа все рабочие Путиловского завода прочли вышеприведенное объявление Смирнова. Ясно было, что дело шло к забастовке [1]).

Первого января, по словам Гапона, состоялось совещание, очевидно, представителей отделов, на котором и решено было начать забастовку.

Второго января было созвано экстренное совещание «Союза» (Нарвского отдела), на которое собралось свыше 600 человек.

На этом собрании были представители с.-д. («три интеллигентных еврея и три еврейки, повидимому, курсистки» [2]).

Это был, повидимому, с.-д. Явич, выступавший очень неудачно в Нарвском отделе. Полицейские документы также очень определенно говорят о выступлении на собраниях гапоновского «Союза» и других членов организации с.-д., например, в Городском районе Александра Харика и Юлии Жилевич [3]).

Но на этом собрании были уже не только рабочие Путиловского завода (главным образом, вагонной и лесообделочной мастерских), но и рабочие Семянниковского завода, Резиновой мануфактуры и некоторых других фабрик и заводов.

Председателем собрания был рабочий пароходно-механической мастерской Путиловского завода Вл. Иноземцев.

---

[1]) Между прочим, В. Святловский в своей книге («Професс. движ. в России», СПБ., 1907, стр. 86) говорит следующее: «...Накануне, именно 27 декабря, все петербургские заводы забастовали. Так дело шло до 2 января». Это, очевидно, явная ошибка, ибо, во-первых, ни один из участников движения (напр., И. Павлов, а также Л. Гуревич) ничего не говорит о том, что весь Петербург забастовал 27 декабря, а во-вторых, как могли забастовать все заводы столицы 27 декабря, когда Путиловский-то завод забастовал только 3 января. Это число фигурирует как в воспоминаниях Павлова, в корреспонденциях в газетах, так и в документах деп. полиции и, между прочим, в докладе о 9 января, где ни о какой всеобщей забастовке, начавшейся 27 декабря, не говорится ни слова.

[2]) Дело № 4, ч. 1.

[3]) Истор.-рев. арх., дело № 4, ч. 1, и дело № 5, ч. 1, л. А — 1905 г.

Он «сделал разбор по пунктам» объявления директора завода. При этом Иноземцев указал, что рабочие: Сергунин, уволенный «за неумелую работу», работает на заводе 15 лет и одно время, когда на заводе работа шла в две смены, назначался за мастера; Субботин, уволенный «за прогул», пропустил только один день, и то по болезни, для лечения коей обращался даже к заводскому доктору, который прописал ему лекарство; когда же Субботин пришел на другой день к доктору за запиской, то доктор, кем-то, очевидно, предупрежденный, записки не дал, а сказал: «Ты вот грубишь мастеру, а потом являешься с записками». С рабочего Уколова совершенно незаконно и насильно взяли подписку, что у него не будет более прогулов, тогда как такой подписки никто дать не может, так как прогулы бывают иногда по не зависящим от рабочего обстоятельствам.

Следующим говорил некто Архангельский, сотрудничающий в какой-то газете и бывший в составе депутации, отправившейся к фабричному инспектору. Он рассказал, что фабричный инспектор отказался принять его, как депутата от собрания фабрично-заводских рабочих, а принял его лишь как представителя прессы, и притом на своей частной квартире. Инспектор выразил мнение, что в данном случае нет никаких серьезных оснований к неудовольствию рабочих, и что весь этот инцидент раздут рабочими, которые часто заявляют разные вздорные претензии из-за того, что мастер «назовет кого-либо дураком» и тому подобных пустяков. В виду этого оратор полагает, что рабочим нечего ожидать содействия от фабричной инспекции, а надо самим сплотиться и поддержать товарищей.

После этого Иноземцев предложил на открытое голосование: «желают ли рабочие поддержать своих товарищей», на что все ответили: «желаем поддержать», и собравшиеся перешли к обсуждению вопроса о форме поддержки. По предложению одного невыясненного рабочего лесообделочной мастерской, решено было завтра, 3 января, с утра, не приступая к работам, но отнюдь без крика и шума и тем более какого-либо насилия, собраться к заводской конторе и, вызвав директора завода, потребовать увольнения мастера Тетявкина и обратного приема уволенных рабочих.

«В это время один из присутствовавших на собрании евреев предложил итти заявлять свои требования с красными знаменами и притом добавить к вышеуказанным требованиям требование политической свободы. На это Иноземцев заявил, что необходимо держаться на чисто-экономической почве, не затрогивая политических вопросов. Тогда тот же еврей попытался разбросать несколько штук каких-то прокламаций, но, в виду общего протеста рабочих, сейчас это оставил и был выгнан из собрания вместе с остальными евреями. Что же касается трех евреев, то они были даже сначала задержаны рабочими, но затем, из опасения, что их могут обвинить в произволе, отпущены» [1]).

[1]) Дело № 4, ч. 1.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Рабочие Ребрантов и Петр Приклонский предлагали рабочих, которые добровольно не пойдут на забастовку, принудить силой.

Разбрасывали прокламации на собрании помощник организатора ремесленной группы городского района Мендель Явич и его брат Израиль Явич.

3 января, действительно, на Путиловском заводе работы прекратились сначала в столярной, лесообделочной и механической мастерских, а затем к 8 часам стал весь завод.

После этого рабочие потребовали к себе директора, и когда он явился к заводской конторе, они предъявили ему свои требования об увольнении мастера Тетявкина и об обратном приеме 4-х уволенных рабочих. Директор ответил отказом. Забастовка началась

В это же время шли беспрерывно собрания в «Отделе».

В час дня 3 января в Отдел явился Гапон и огласил проект требований путиловских рабочих. Проект был одобрен и после этого читался все новым и новым толпам рабочих, которые беспрерывно вливались в помещение Отдела.

Как видно из этих требований, главным пунктом было требование об учреждении постоянной комиссии из выборных от рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих.

Вот требования путиловцев:

«Рабочие Путиловского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам откровенно и не прибегая к уловкам, обещаниям, которые потом не выполняются, и к содействию полиции.

Для выяснения исхода забастовки должно состояться совещание между выбранной самими рабочими депутацией и представителями акционерного общества Путиловского завода.

При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода.

Членам депутации должны быть обеспечены личная неприкосновенность и безопасность; их отнюдь нельзя увольнять от работ. Общее решение должно считаться обязательным и быть вывешенным по всем мастерским завода за подписью администрации и старшего фабричного инспектора.

Никто не должен потерпеть от забастовки. Время, когда работы не производились вследствие забастовки, не должно считаться прогульным, и администрация обязуется уплатить за него по средней расценке рабочей оплаты одного рабочего дня.

Расценка новых изделий, после испытаний, должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастеровых и затем считаться обязательной.

Что же касается старых расценок на изделия, то они должны быть пересмотрены на том же основании.

При Путиловском заводе должна быть учреждена постоянная комиссия из выборных рабочих, которая, совместно с администрацией, разбирает все претензии рабочих. Увольнение рабочих не должно состояться иначе, как по постановлению этой комиссии» [1]).

Конечно, ограничиться такими общими требованиями рабочие не могли, и Гапон, под давлением и по указанию рабочих, выработал ряд уже более конкретных требований, которые и предъявил 4 января вместе с депутатами-рабочими директору завода.

Эти требования были таковы: 1) введение восьмичасового рабочего дня; 2) работа на 3 смены; 3) отмена сверхурочных работ; 4) повышение платы чернорабочим: мужчинам с 60 коп. до 1 рубля, а женщинам с 40 копеек до 75 копеек за день; 5) улучшение санитарной части на заводе и 6) бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим рабочим [2]).

Директор, конечно, удовлетворить эти требования отказался, при чем заявил, что повысить заработную плату теперь — это значит «пустить акционеров общества Путиловских заводов по миру».

«Эта фраза вызвала общий смех» [3]).

Между тем, бестактности и насилия полиции возбуждали неспокойное настроение у рабочих; в тот же день, 4 января, когда группа рабочих собралась в одной из мастерских, полиция заперла их и долго не выпускала.

Это очень взволновало рабочих, и они решили на 5 число устроить собрание в одной из самых отдаленнейших мастерских у «Морских ворот» и оттуда пройти с осмотром по всем остальным мастерским.

Движение шло, как видно, совершенно стихийно: руководства у рабочих не было; что касается Гапона, он, не искушенный в стачечной борьбе, идет за стихийным ростом движения: сначала переговоры с администрацией, градоначальником Фулоном, потом призыв к забастовке, затем предъявляются общие требования о примирительной комиссии; далее, уже под давлением непосредственных нужд рабочих, вырабатываются более конкретные требования.
рабочих, вырабатываются более конкретные требования.

Но не только Гапон и его «Союз» не были подготовлены к вспыхнувшей забастовке, к ней не были готовы, к сожалению, и социал-демократические организации.

Их было в это время две: большевистский Петербургский комитет, меньшевистская Петербургская группа Центрального Комитета.

Как же реагировали эти организации на происходившие события?

Как мы видели, увольнение 4 рабочих произошло еще, по крайней мере, в середине декабря 1904 г., Гапон интересовался этим

---

[1]) Дело № 4, ч. 1, л. 9.
[2]) Дело № 4, ч. 1.
[3]) Дело № 4, ч. 1, л. 17.

делом, а ни большевистский Комитет, ни меньшевистская Группа даже не отозвались на это событие.

Забастовка началась 3 января, этого же числа Гапон уже предъявил свои требования о примирительной комиссии. 4 января он уже, после неоднократных сношений с администрацией, предъявляет дополнительные, более конкретные требования, и только после этого меньшевистская группа в прокламации от 4 января обращается к рабочим Путиловского завода. Большевистский комитет опоздал еще более, его прокламация подписана 5 января 1905 г.

Понятно, что и в меньшевистской, и в большевистской прокламациях вопрос ставился шире, чем его ставил Гапон. Чисто-местная экономическая забастовка Путиловского завода связывалась с общим политическим положением страны, выдвигалось требование свобод и учредительного собрания, но между той и другой прокламациями была существенная разница.

Меньшевики требовали учреждения третейских судов и выдвинули ряд чисто-местных требований: 1) повышения расценок на 25%, а в тех мастерских, где установлена поштучная плата, — увеличение ее от 40 до 50% по соглашению между выборными данной мастерской и администрацией завода; 2) отмены праздничных и сверхурочных работ; 3) упорядочения вопроса о штрафах, и т. п.

Самая же важная черта меньшевистской прокламации заключалась в том, что здесь высказывалось отношение с.-д. к гапоновскому Союзу.

Прокламация начинается так:

«Общее оживление русской жизни отразилось и на так-называемом «Собрании фабрично-заводских рабочих». Как известно, это общество было основано слугами правительства для того, чтобы отвлечь доверчивых и малосознательных рабочих от действительной социал-демократической борьбы за свои интересы. И пока правительство было сильно, общество являлось его верным союзником. Теперь и оно подняло голову; надеясь на слабость правительства, оно осмелилось заговорить о забастовке и предъявить самые ничтожные требования».

Большевистская прокламация, наоборот, ни единым словом не касается гапоновского «Собрания», не высказывает своего отношения к нему и занимается полемикой с директором завода Смирновым.

Конкретных требований в прокламации совершенно нет, выдвигается только мысль, что для выработки общих требований должны собраться представители всех цехов, да высказывается угроза, что «мы обратимся ко всем петербургским рабочим и все вместе будем дружно бороться против наших врагов — капиталистов и правительства».

Ясно, что эти прокламации не могли захватить широких слоев рабочих, — одна потому, что в ней сквозило враждебное чувство к гапоновскому Союзу, пользовавшемуся огромным авторитетом

у рабочих, а другая — потому, что не выдвигала никаких конкретных мер, отвечавших данному моменту на Путиловском заводе.

Только восьмого числа, т.-е. накануне самых событий, Петербургский комитет с.-д. выпустил листок, в котором он ясно и определенно высказывался о шествии к Зимнему дворцу и разъяснял, что не петициями, а силой восставшего вооруженного народа можно добиться выполнения своих требований.

А события, между тем, развивались с поразительной быстротой.

Путиловцы разослали делегатов по разным фабрикам и заводам Петербурга с предложением поддержать забастовку; 4 января путиловцы явились на Франко-Русский завод, где в тот же день рабочие, предъявив требование о сокращении рабочего дня до 8-ми часов, прекратили работы. На Франко-Русском заводе работало тогда 2 тысячи человек. Представители путиловских рабочих были на Металлическом заводе, в мастерских Варшавско-Венской дороги, на Семянниковском заводе, на бумагопрядильной и ниточной фабриках Штиглица и Екатерингофской бумагопрядильне, на Обуховском, Александровском вагоностроительном и на фабриках Российской бумагопрядильной и Резиновой мануфактуры и вообще на всех крупнейших предприятиях.

Эта мобилизация рабочих сил происходила в течение 4, 5 и 6 января. Обыкновенно дело шло так: устраивалось заседание гапоновского Союза в каждом районе, на это собрание являлись представители путиловских рабочих, просили о поддержке, а наутро главнейшие фабрики и заводы района уже стояли.

Так, напр., прошла забастовка за Невской заставой. 4 января состоялось собрание Невского отдела гапоновского Союза, а так как председателем Невского отдела был рабочий Николай Петров, слесарь корабельной мастерской Семянниковского завода, то забастовка была решена немедленно.

Утром 5 января, после призывных свистков, рабочие стали на работы, но вскоре один из рабочих подошел к звонку в пароходно-механической мастерской и подал сигнал, означающий прекращение работ. После этого рабочий прошел по всем мастерским и предложил бросить работать. Завод остановился.

Таким образом, 5 января остановились: Семянниковский завод (6.500 чел.), фабрика Штиглица (4.800 чел.) и Екатерингофская бумагопрядильня. Забастовка перекинулась на Охтенскую бумагопрядильню, Спасскую и Петровскую мануфактуру Говарда и К°, а также на Обуховский завод.

Кроме других требований, бастующие предъявили *требование восьмичасового рабочего дня*.

В этот же день, 5 января, депутаты путиловских рабочих, Творгов, Андрианов и Рожков, как было условлено накануне, явились в правление акционерного общества Путиловских заводов и предъявили свои требования.

Акционеры ответили, что главный вопрос — о введении восьмичасового рабочего дня — отдельно, на одном Путиловском заводе, решен быть не может, и что его можно разрешить только вместе с другими заводовладельцами, а что касается понижения расценок, то они заявили, будто директор Смирнов производил это понижение, не ставя в известность об этом акционеров.

В общем, хотя акционеры и шли на уступки, до чего-либо определенного все же не договорились, и с 6 числа гапоновский Союз решил приступить к выдаче пособий по 70 коп. в сутки семейному рабочему.

Среди рабочих стали появляться соц.-дем. прокламации, но Гапон рекомендовал листков «не читать и жечь, разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрогивать».

Шестого числа брожение рабочих на Васильевском острове стало увеличиваться, а 7 января группа рабочих, человек в 300, из Трубочного и Балтийского заводов, остановленных по распоряжению администрации, прошла по 23-й и Косой линиям и остановила работы на всех мелких фабриках и заводах.

Затем толпа, увеличившись до 1.500 чел., подошла к пироксилиновому заводу морского ведомства в Гребном порту. Ворота были заперты, толпа трёбовала их отпереть, но начальник завода пригрозил стрельбой. Толпа стала ожидать, что рабочие сами прекратят работы, а в противном случае намеревались избить рабочих пироксилинового завода.

Тогда были поставлены под ружье две роты моряков, находившиеся в заводе, и расставлены патрули.

Седьмого же числа на Васильевском острове примкнули к забастовке Газовый завод и электрическая станция Смирнова, так что большинство улиц и зданий на острове погрузилось в тьму.

В этот день окончательно примкнули к забастовке обуховцы и александровцы в Невском районе, и порешили забастовать конно-железные дороги.

Шестого и седьмого числа забастовал Выборгский район, при чем как здесь, так и в городских районах, рабочие крупных заводов останавливали средние и мелкие предприятия, и забастовка захватила и типографии «Общественной Пользы», «Нивы» и другие.

Словом, седьмого января охранное отделение в своем докладе департаменту полиции могло констатировать факт, что «сего числа с утра забастовали все крупные фабрики и заводы столицы, и, кроме того, прекратили работу и некоторые мелкие производства, частью самостоятельно, частью по принуждению забастовавших».

Охранному отделению пришлось только констатировать факт.

И официальные правительственные органы, и все наблюдатели определяли число забастовавших не менее, чем в 150 тыс. (напр., Л. Гуревич определяет число забастовавших в 140 тыс. чел.). Но

их, в действительности, было больше, ибо забастовка уже 8 января была всеобщей.

В нашей большевистской газете по этому поводу писалось так:

«Россия не видывала еще такого гигантского взрыва классовой борьбы. Вся промышленная, торговая, общественная жизнь гигантского полуторамиллионного центра оказалась парализованной. Пролетариат на деле показывал, что *им и только им* держится современная цивилизация, его трудом создаются богатство и роскошь, на нем покоится вся наша «культура». Город оказался и без газет, и без освещения, и без воды. И эта всеобщая стачка носила определенно выраженный политический характер, являясь непосредственным прологом революционных событий.

Вот как один очевидец описывает в письме к нам канун исторического дня:

«... с 7 января забастовка в Петербурге сделалась всеобщей. Остановились не только все крупные заводы и фабрики, но и многие мастерские. Сегодня, 8 января, не вышло ни одной газеты, кроме «Правительственного Вестника» и «Ведомостей С.-Петербургского Градоначальства» («Вперед» 1905 г., № 4).

В. И. Невский.

[Январские дни в Петербурге в 1905 г.]

3. Девятое января в Петербурге.

Петиция петербургских рабочих, переданная 8 января государю через министра внутренних дел о. Гапоном и 11 депутатами.

«Государь! Мы, рабочие г. СПБ, наши жены, дети и беспомощные старики-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, нас не признают за людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душит деспотизм и произвол, — мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. И вот мы бросили работу и заявляем нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немногого просим, мы желаем только того, без чего нѣ жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсуждали наши нужды, но и в этом нам отказали; нам отказали в праве говорить о нашихъ нуждах, говоря, что такого права не признает за нами закон. Неза-

конными также оказались наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труды до 1 рубля в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега. Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для хозяев. Государь, нас здесь больше 300 тысяч, и все это люди по виду, только по наружности, в действительности же за нами не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса бросают в тюрьму, отправляют в ссылку, карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление. Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь, и разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, — умереть всем нам трудящимся людям всей России. Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вот что стоит перед нами, Государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников, разрушь стену между собой и народом и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь, ты поставлен на счастье народа, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит. Мы получаем только горе и уныние. Взгляни безгневно, внимательно на наши просьбы, они направлены не к злу, а к добру как для нас, так и для тебя, Государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для себя положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею, необходимо, чтобы народ сам помогал тебе, ведь, только ему известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощи, прими ее немедленно, сейчас же вели призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор и учитель. Пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это — самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все; это — главный и единственный пла-

стырь наших больных ран, без которого эти раны будут вечно сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран, необходимы еще и другие, и мы прямо, открыто, как отцу, говорим тебе, Государь, о них:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, союзов, свобода собраний, свобода совести в деле религии. 2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет. 3) Ответственность министров перед народом и гарантия законности управления. 4) Равенство перед законом всех без исключения. 5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа:

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым подоходным прогрессивным налогом. 2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

1) Охрана труда законом. 2) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов. 3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ. 4) Свобода борьбы труда с капиталом. 5) Участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих. 6) Нормальная заработная плата.

Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и не зачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, Государь, любой из них, мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это был путь смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее».

Вместе с этой петицией было вручено Министру Внутренних Дел письмо следующего содержания:

«Ваше Высокопревосходительство! Рабочие и жители Петербурга различных сословий желают и должны видеть царя 9 января в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно свои нужды, нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель собрания русских фабричных и заводских рабочих, мои сотрудники и товарищи-рабочие, даже все так-называемые революционные группы разных направлений; гарантируют неприкосновенность его личности; пусть он выйдет, как истинный царь с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины; иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существует между

русским царем и русским народом. Ваш долг, великий и нравственный долг перед царем и всем русским народом, немедленно, сегодня же довести до сведения Его Императорского Величества как все вышесказанное, так и прилагаемую здесь нашу петицию. Скажите царю, что я, рабочие и многие другие тысячи народа мирно и с верою в него бесповоротно решили итти к Зимнему дворцу. Пусть он к нам с доверием отнесется на деле, а не в манифесте. Копия с этого письма, как оправдательный документ нравственного протеста, снята и будет доведена до сведения всего русского народа».

(Подписали: Гапон и 11 депутатов.)

Министр принял эту петицию и письмо, но в час ночи Гапон был уведомлен, что царь с рабочими говорить не будет. Назавтра, 9 января, царь ответил рабочим на их требования ужасным избиением (общее число пострадавших в этот день определяют в 3.000 слишком человек).

Письмо о. Гапона 9 января, в 12 час. ночи.

Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жен и детей, и всем угнетателям народа мое пастырское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы — мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику царю, приказавшему пролить неповинную кровь народную, разрешаю.

Священник Георгий Гапон.

Письмо 10 января 1905 года.

Родные рабочие. Товарищи!

Итак, царя нет. Неповинная кровь легла между ним и народом. Да здравствует начало борьбы за свободу. Благословляю всех вас. Завтра буду у вас. Сегодня занят делом.

Отец Георгий.

Солдаты, братья вы нам или нет? Не тот же ли вы трудовой народ, как и мы, не те же ли матери у нас и отцы?

Мы шли ко дворцу с прошением. Мы просили суда над притеснителями, мы просили себе права, надеялись, что царь — друг нам, что он захочет услышать голос народа. Мы шли мирно, пели молитвы, несли иконы и царские портреты. Царь выслал против нас солдат и велел избивать нас. Со всех сторон около дворца царского проливалась кровь русских людей. Больше двухсот человек убито. Это было вчера.

Вас опять пошлют избивать нас. Братья-солдаты, кому вы продали душу свою? Или солдатская шинель делает из человека пса

лютого, которого хозяин может привязать на цепь и натравить на любого человека?

Не губите душу свою, не будьте псами, будьте людьми и братьями с нами.

Вы присягали защищать русский народ от врагов. Вас заставляют стрелять в русских людей, убивать их и жен их и ребят малых.

Люди вы или псы цепные?

Солдаты вы или палачи?

Солдаты, братья вы нам или нет?

Фабрично-заводские рабочие
гор. С.-Петербурга.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 2, 2 т., 1905 г.]

М. В. Д.
Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

12 января 1905 г.
№ 255.
Гор. Москва.

Совершенно секретно.

Директору Департамента Полиции.

В дополнение к донесению от 10-го сего января за № 156, представляю Вашему Превосходительству полученный совершенно секретным путем распространяемый в Москве бюллетень по поводу забастовки в С.-Петербурге.

Подполковник (подпись).

Бюллетень Московского Комитета РСДРП
о 9 января.

8 января о. Гапон отвез министру с депутацией письмо приблизительно следующего содержания:

Господин министр, доложите государю, что народ желает с ним говорить и его просить. Если он — истинный царь, то он не побоится выйти к своему народу, чтобы узнать его вековые нужды. Если же нет, то прекратится та связь, которая существовала между ним и его народом. Г. министр, точная копия этого письма будет сообщена всему русскому народу, как исторический оправдательный документ наших последующих действий.

Министр принял это письмо, но в час ночи Гапон был уведомлен, что царь с рабочими говорить не будет.

В ту же ночь на 9-е число на Путиловском заводе и в окрестностях было грандиозное собрание. Рабочие называют эту ночь «святою». Председательствовал о. Гапон. Следующие политические требования были выставлены, при чем было постановлено добиваться их на площади Зимнего дворца с клятвою умереть или добиться своего:

1) Отделение Церкви от Государства.
2) Народное представительство.
3) Контроль над администрацией.
4) Прекращение войны.
5) Свобода личности и гражданское равенство.
6) Непосредственное общение рабочих с верховною властью.

Решено было заявить, придя к Зимнему дворцу, что рабочие не уйдут, пока государь не выйдет и не поклянется перед иконой в исполнении их требований.

С утра 9-го января Петербург принял необычайный вид: по улицам стояли войска, на площади Зимнего дворца были разбиты палатки, стояли походные кухни.

Столкновения с рабочими произошли в нескольких местах.

У Нарвской заставы рабочие шли со священником Александром Васильевым во главе. В руках его была икона Спасителя. Рабочим предложили остановиться, угрожая в противном случае стрелять. Ответ был: стреляйте. И в них стреляли. Отец Гапон ранен.

На Васильевском острове рабочие успели срубить несколько телеграфных столбов, сняли проволоку и устроили баррикады с проволочными заграждениями. В них также стреляли.

Особенно жаркое столкновение было на Охте.

До Зимнего дворца дошло более 20.000 рабочих. Здесь были произведены залпы с массою убитых и раненых. Залпы еще у соборов: Исаакиевского, Казанского и на Михайловской улице. Общее число пострадавших определяют в три тысячи слишком человек. Среди них есть женщины и дети. Убитых и раненых провозили на извозчиках, в дрогах и пожарных телегах.

На улицах войска разъезжали по панели. Невский все время оглашался криками и рыданиями. Некоторые из рабочих отбили трупы товарищей и складывали на извозчиках. Каждого извозчика окружала громадная толпа. Шествие направлялось по улицам с пением «Вечная память». Картина ужасная. Народ кричал проезжающим и проходящим: «шапки долой». Все благоговейно снимали шапки.

Много искалеченных и избитых детей. Больницы переполнены. Собираются пожертвования. Всякий дает сколько может. Проезжающим войскам публика кричит: «Убийцы!» «Герои, которые одержали сегодня первую победу!» На Вознесенском проспекте толпа остановила извозчика, на котором сидел генерал. Его избили и ранили. На Невском избит молодой офицер и два жандармских. В разных пунктах установлен военно-полевой телеграф. Вечером были вновь столкновения, снова жертвы. Было несколько случаев разгрома магазинов, которые не запирались. Забастовка продолжается, 8-го рабочие поклялись добиваться своего мирно и спокойно в этот день. Сегодня ночью, по слухам, они выйдут вновь вооруженными».

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 2, 1905 г.]

Петербург после 9 января.

В понедельник, десятого января, Петербург имел вид города, только-что завоеванного неприятелем. По улицам постоянно проезжают патрули казаков. Там и здесь видны возбужденные группы рабочих. Вечером много улиц погружено в темноту. Электричества и газа нет. Аристократические дома охраняются группами дворников. Горящие газетные киоски бросают странное освещение на группы народа.

На Невском были столкновения народа с войском. В толпу опять стреляли. Около Аничкова дворца было дано три залпа. Полиция закрывала оружейные магазины и убирала в подвалы оружие, принимая, очевидно, все меры к тому, чтобы помешать рабочим вооружаться. Чиновники правительственных учреждений чувствовали себя особенно встревоженными, боясь поджогов и взрывов, и удирали в панике из Петербурга.

На Васильевском острове взятые в воскресенье войсками баррикады снова были возобновлены в понедельник и снова взяты солдатами.

Газет нет. Учебные заведения закрыты. Рабочие на массе частных собраний обсуждают события и меры сопротивления. Толпы сочувствующих, особенно студентов, осаждают больницы.

Сообщают, что колпинские рабочие в числе 20 — 30 тысяч двинулись во вторник утром с петицией к Царскому Селу. Царскосельский гарнизон выслал им навстречу полк пехоты и полевую батарею. В пяти верстах от Колпина произошло столкновение, войска стреляли и окончательно отбили и разогнали рабочих в 4 часа пополудни. Много убитых и раненых. Рабочие дважды нападали на Царскосельскую железную дорогу, но были отбиты. На протяжении 7 верст рельсы были сорваны и поезда не ходили.

Правительство хоронит ночью, тайком жертвы кровавого Владимирова воскресенья. Родственников и знакомых нарочно обманывают, чтобы сделать невозможными демонстрации при похоронах. Целые вагоны трупов отправляются на Преображенское кладбище. В некоторых местах толпа все же пытается, несмотря на все предосторожности полиции, устроить демонстрации в честь павших борцов за свободу.

Заграничные газеты передают со слов очевидцев, что во вторник, одиннадцатого января, на Большом проспекте казаки остановили конку, полную рабочих. Один из рабочих крикнул казакам: «палачи!» Казаки заставили всех сидевших в конке выйти и избивали их саблями плашмя. Один из подвергшихся избиению был при этом ранен. Жители соседних домов пооткрывали окна и кричали казакам: «убийцы, разбойники!»

[Н. Ленин.]

[«Вперед», № 5, стр. 5 — 6.]

II. ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В МОСКВЕ.

1. Раскаты первого грома.

Москва. Гром петербургских событий отозвался по всей России. Первыми поднялись московские рабочие. В воскресенье, 9 января, улицы Петербурга обагрились кровью, а в понедельник уже начинаются забастовки в Москве. Начальство спешит вывесить объявления, предупреждающие публику держаться в стороне от скоплений народа. Иначе сказать: берегись, мы не постеснимся облить кровью и московские улицы. Но рабочие не поддаются действию угроз. К стачке примыкают рабочие типографские, кожевенных заводов, фабрик: Жако, Шустова, Гивартовского, Шлихтермана, Бахрушина, Михайлова, Цинделя, Шредера, Бромлея, Вейхельта. Во вторник разносится слух, будто Гапон прибыл в Москву, чтобы руководить движением. Агитация растет. На заводе Бари стали-было на работу, но стачечники с Центрального электрического завода пришли к заводу Бари и уговорили здешних рабочих примкнуть к забастовке. То же было и на заводе Гоппера. В среду бастовало уже до двадцати промышленных заведений. В четверг к забастовке присоединились рабочие мастерских Московско-Брестской, Казанской и Нижегородской железных дорог. В окрестностях города некоторые фабрики заняты казаками, чтобы не допустить туда агитаторов.

Переполошившиеся хозяева не знают, что делать. Они собрались на бирже, чтобы обсудить, какие уступки можно сделать. Но беда в том, что со стороны рабочих не заявлялось первое время никаких требований. Забастовки начались единственно из сочувствия к петербургским рабочим, для поддержки петербургского движения. Только в среду начали предъявляться требования. У Вейхельта требовали восьмичасового рабочего дня, отмены штрафов, лучшего обращения и увольнения четырех мастеров. Рабочие Бромлея прибавили к этому требования основания библиотеки и читальни, преобразования амбулатории в больницу. Губернатор сначала употребил глупую и подлую уловку: он объявил, будто все рабочие-забастовщики подкуплены японцами и англичанами. Конечно, эту лживую

выдумку пришлось отложить в сторону, особенно, когда английский посланник заявил протест. Тогда губернатор объявил, что он рассмотрит и по возможности удовлетворит все требования рабочих. В городской думе получилось заявление 60-ти гласных, которые требовали экстренного заседания думы для обсуждения положения вызванного забастовкой.

Число московских стачечников определялось сначала в 10.000 человек, через два дня — уже в 30.000 человек. 18 января появились известия об окончании стачки, при чем число бастовавших давалось уже 43.000 рабочих в 125 заведениях из всего числа 170.000 рабочих в 830 московских фабриках. Само собою разумеется, что эти официальные сведения явно преуменьшены (во всех торгово-промышленных заведениях Москвы гораздо больше рабочих, чем 170.000), и мы приводим их лишь для того, чтобы дать приблизительное представление о размерах движения. Сообщали, что на Пятницкой улице войска стреляли в рабочих, но этот слух пока еще не проверен.

Вот что пишут из Москвы от 14 января в частном письме:

«В Москве все взволнованы, потрясены петербургскими событиями и теперь, кто со страхом, кто бодро, ждут событий в Москве. Начало революционному движению здесь уже положено. Забастовала масса фабрик и заводов. Войска и полиция все время наготове. Замоскворечье оцеплено войсками, и там для терроризации народа 10 января возили пушки. Передают, что вызвали еще войска из Нижнего-Новгорода, а там после этого, будто бы, забастовали.

Сегодня забастовали в Москве все присяжные поверенные и их помощники в знак протеста против петербургской бойни и в знак симпатии к петербургским рабочим, борцам за свободу. На столбах и стенах каждый день расклеиваются объявления от градоначальника, приглашающие рабочих «к порядку», угрожая им репрессиями в случае неповиновения и нарушения общей тишины и спокойствия.

«Татьянин день» в Москве не ознаменовался ничем выдающимся и мало чем отличался от прежних «татьяниных дней»... В «Эрмитаже» и у «Яра»... пили, пели и говорили речи... Банкет в «Художественно-литературном кружке» не состоялся, как передают, «не по вине полиции», а по воле «либералов», которые убоялись, что к ним придут социал-демократы, и выйдет «скандал»... В Техническом училище был очень жалкий студенческий банкет. Рабочих там не было, хотя предполагалось 400 человек. Их не пустила полиция. Допустили в залу только 150 человек, главным образом, учащихся... На улицах демонстрации не было»...

В один день с Москвой забастовали рабочие в Ковне. Там работа прекратилась разом на всех заводах, по всем частным и железнодорожным мастерским. В среду губернатор издал объявление, в котором пытался все дело объяснить влиянием злоумышленников. Он писал, будто стачка вызвана исключительно угрозами небольшой группы рабочих. Умный губернатор поучал, будто стачка никогда

не приносит рабочим пользы. Но в то же время он обещал сделать, с своей стороны, все возможное, чтобы удовлетворить требования рабочих. В случае уличного волнения он грозил пустить в дело оружие. Рабочие не поддаются ни угрозам, ни увещаниям. Тогда губернатор созвал хозяев, которые, как пишут в иностранных газетах, согласились повысить заработную плату, несмотря на кризис. Говорят также, что решено учредить комиссию из представителей хозяев и рабочих под председательством губернатора; комиссия должна выработать меры для улучшения положения рабочих. Стачка продолжается.

Во вторник, 11 января, забастовали рабочие в Вильне. Телеграммы заграничных газет сообщали, что был ряд стычек стачечников с полицией. Свыше 30 убитых и раненых; среди них много полицейских и солдат. Много арестованных.

В Гомеле забастовали ремесленники, приказчики, аптекарские ученики, банковые служащие и прислуга. 18 января полиция накрыла одно собрание стачечников. Полицейские стреляли. Убита одна девушка. Ранено четверо.

Затем стачечное движение стало переходить на Юг и на Поволжье. Из Брянска сообщали от 15 января, что забастовали рабочие стекольного завода. Ждут стачки во всем Мальцевском районе и на рельсовом заводе. В Киеве стачка началась 17 января на большом машиностроительном заводе Гретгера, в мастерских Южно-Русского завода и завода Граера. Часть булочников тоже забастовала.

Про Екатеринослав телеграммы сообщали: типографии стали. Газет нет. Забастовали рабочие заводов Александровского, Брянского, Днепровского и Юзовского.

В Саратове забастовка на заводах и в железнодорожных мастерских началась в среду.* Под заголовком «Царизм против детей» во французских газетах рассказано, что гимназисты и реалисты присоединились к забастовке рабочих. Когда дети и юноши выходили из учебных заведений, казаки избили их нагайками. Гласные думы и земства послали к губернатору депутацию с требованием произвести следствие, наказать виновных казаков и обращаться с детьми более гуманно.

Началась стачка в Тифлисе. Она перекинулась уже (20 января) на Батум. В Нарве забастовали рабочие прядильной фабрики. Ожидают присоединения рабочих Зиновьевского (?) машиностроительного завода и суконной фабрики.

[М. Ольминский и Н. Ленин.]

[«Вперед», № 5, 1905 г.]

2. Январская забастовка 1905 г. в Москве.

Ход забастовки.

События 9 января 1905 г. в Петербурге, как и следовало ожидать, нашли отклик во всех крупнейших промышленных центрах и прежде всего в Москве.

Официальные данные так рисуют в цифрах ход забастовки:

	Число бастующих.		Число бастующих.
Января 10	3000	Января 15	до 20000
» 11	до 14000	» 16	» 17000
» 12	» 17304	» 17	» ?
» 13	» 19900	» 18	» 11300
» 14	» 30000	» 19 и 20	конец забастовки.

В нашей нелегальной печати совершенно правильно указывалось, что эти цифры далеко ниже действительности.

«Число московских стачечников определялось сначала, — говорится в № 5 большевистской газеты «Вперед» — в 10.000 человек, через два дня — уже в 30.000 человек. 18 января появились известия об окончании стачки, при чем число бастовавших давалось уже 43.000 рабочих в 125 заведениях из всего числа 170.000 рабочих в 830 московских фабриках. Само собою, что эти официальные сведения явно преуменьшены (во всех торгово-промышленных заведениях Москвы гораздо больше рабочих, чем 170.000), и мы приводим их лишь для того, чтобы дать приблизительное представление о размерах движения».

В № 86, в сообщении от 17 января, когда стачка шла уже на убыль, дается такая картина:

«Забастовка идет недружно: одни становятся на работу, как у Доброва и Набгольц, другие только-что начинают, — вчера у Прохорова приостановлены работы до вторника. У того же Прохорова один агитатор был встречен словами: «чего тебе тут надо?» Начиная с 11 января, за городом (близ Девичьего поля, в Кожевниках) происходили массовые собрания рабочих с 3.000 — 4.000 чел. Громадное большинство относится одобрительно к экономическим требованиям и индиферентно — к политическим. Агитатора, начавшего речь призывом к политической свободе, плохо слушали, но политические требования, постепенно и логически выведенные из невозможности успеха одной экономической программы, встречали одобрительно: «верно», «правильно говоришь». Общее настроение пока неопределенное...

Уже из этих фактов видно, что одною из причин вялости московской забастовки являлась очень большая отсталость московских рабочих: приходилось рабочих снимать с работ силой, происходили столкновения между самими рабочими, они не уясняли себе причины забастовки, они иногда не могли даже сказать, чего они хотят. Второй причиной неуспешности забастовки следует считать энергичные меры властей — распределение войск по районам, введение их на фабрики и заводы, недопущение забастовавших до снятия с работ работающих товарищей и, наконец, понуждение рабочих к работе силой, называемое на официальном языке «ограждением от насилий желающих работать»..

[«Красная Летопись», № 2—3, 1922 г.]

К рабочим.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В Петербурге сотни убитых, тысячи раненых. Пролита святая кровь тех, кто захотел добиться для народа хлеба и свободы. Это — кровь петербургских рабочих. Они хотели лично поговорить с царем о своих делах. Они, идя на площадь перед Зимним дворцом, несли его портрет и иконы. Царь вместо себя выслал на площадь войска, напутствуя их словами: «стреляйте в эту сволочь». Иконы были прострелены. Груды трупов покрыли площадь и улицы. Православный милосердный царь ознаменовал свое царствование еще одной кровавой расправой со своими голодными подданными. Из них он делает себе окрошку, заставляет рубить и колоть их, стрелять в них...

В разных концах Петербурга убито до 800 человек, раненых свыше 300 человек. Грозные признаки жертв загнали его и его родичей в Гатчину и Царское Село. Сознавая свою неправоту, он укрылся в свое разбойничье гнездо, чтобы не слышать стонов избиваемых, не видеть крови на улицах.

Убитых везут по улицам, прохожие с сочувствием снимают шапки. Между убитыми есть учащиеся. Правительство, озлобленное вследствие поражений на Дальнем Востоке, тешится победами на улицах Петербурга и Москвы над безоружными рабочими. Оно не останавливается даже перед поруганием икон, которые были несены рабочими.

Рабочие до самого последнего времени не сопротивлялись. Они были без оружия, но, познав на себе милосердие царя, решили вооружиться. Они разбили несколько оружейных магазинов и запаслись оружием. Передают, что два армейских полка отказались стрелять, — спасибо им. К Петербургу идут вооруженные рабочие

с Сестрорецких заводов. Их требования те же, что и петербургских рабочих; вот что они требуют:

1. Созыва выборных всей русской земли, свободы стачек, собраний, союзов и печати, 8-часового рабочего дня.
2. Свободы личности и гражданского равенства.
3. Контроля над администрацией.
4. Непосредственного общения рабочих с верховною властью.
5. Отделения церкви от государства.
6. Прекращения войны.

Требуйте и вы, московские рабочие, того же и поддерживайте свои требования забастовкой. Как вы сами теперь видите, мирным путем ничего не добьешься, — так выходите на улицу с оружием в руках. Заставляйте бастовать неприсоединившиеся фабрики. Помните, что в случае сильного движения в Москве к вам присоединятся рабочие Орехова-Зуева и Иваново-Вознесенска. Следуйте примеру Петербургских товарищей, — они вооружены и дали клятву добиться своего или умереть.

Петербургские писатели послали депутатов к Министру Внутренних Дел, требуя немедленно созвать представителей всей русской земли. Министр не принял их. Депутаты арестованы.

Товарищи, идите с окраин Москвы в центр, уговаривайте бастовать сахарные заводы, булочников, конки, электрические станции, газовые заводы, водопроводных рабочих...

Помните, что за вас вся интеллигенция, вся учащаяся молодежь, одним словом, за вас весь русский народ.

Московский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Товарищи!

Петербургские пролетарии выпрямили спины. Мы должны их поддержать, мы должны показать всей России, всему миру, что русский рабочий вырос, что он готов отстаивать свои права, что ему надоело сносить удары, и что он сам готов отвечать на них.

Всеобщая стачка в Баку, всеобщая стачка в Петербурге — это клич проснувшегося народа. Мы, рабочие московских фабрик, заводов должны откликнуться на него. Правительство растерялось, — оно боится наших сплоченных рядов, оно не рассчитывает на свою собственную армию. В наших товарищей в Петербурге большинство полков отказалось стрелять. Капиталистам стачка грозит миллионными убытками, они боятся краха. Ваши враги бьют тревогу. Если московские рабочие присоединятся теперь к петербургским товарищам, правительство и капиталисты пойдут на уступки. Нам нужны

хлеб и права: мы получим и то, и другое, если будем дружно держаться и единодушно требовать.

Рабочая армия могуча и в обыкновенное время; теперь, когда царское правительство от внешних замешательств и внутренних неурядиц потеряло голову, — эта армия непобедима.

Ее требования — грозный набат, ее действия — неудержимая атака, — и нет теперь никакой силы, которая устояла бы перед нею.

Мы должны требовать:

1) 8-часового рабочего дня;

2) прекращения работы на 1-е мая;

3) повышения заработной платы;

4) немедленного объявления свободы стачек, собраний, печати и ограждения всех граждан от полицейского произвола;

5) немедленного созыва Учредительного Собрания, избранного всем народом без различия званий, сословий и состояний;

6) долой войну!

Московский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Из Бюллетеня МК РСДРП о 9 января.]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Настал час расплаты с врагами. Трон царя колеблется под ударами рабочего люда. Довольно голода, довольно полицейских цепей. Россией должен править народ, а не царские чиновники.

Да здравствует демократическая республика!

Тысячами падали мы под пулями царских солдат. На всякий призыв правительства примириться с ним крикнем:

Долой самодержавие!

Капиталисты и дворяне будут звать вас объединиться с ними, чтобы, свергнув самодержавие нашими руками, взять себе власть. За ними мы не пойдем и скажем в ответ:

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Брошена работа на всех петербургских фабриках. Наши петербургские товарищи устроили политическую демонстрацию. Пролилась кровь. Прольется еще... Но самодержавие будет низвергнуто...

Бросайте работу... и на улицу с кличем:

Жить в свободе или умереть в борьбе!

Московский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

---

3. На другой день после 9 января в предприятиях Москвы.

Телефонные сообщения, поступившие 10 января 1905 года.

2 часа дня. Пристав 1 уч. Пятницкой части сообщил: Среди рабочих завода Доброва и Набгольц идет разговор о прекращении работ после обеда, в виду, будто бы, начавшейся забастовки на заводе Бромлей. По проверке последние сведения не подтвердились.

2 часа 5 мин. дня. Пристав 2 уч. Басманской части сообщил: После обеда рабочие завода Вейхельт хотя и явились на завод, но к работе не приступили, и все стоят у ворот завода. Рабочих около 400 человек.

2 часа 35 мин. дня. Пристав 1 уч. Серпуховской части сообщил: На механическом заводе Бромлей рабочие забастовали. Число рабочих 1200 человек.

3 часа дня. Полицейский надзиратель Остроумов сообщил: На заводе Доброва и Набгольц, а также и на электрической станции рабочие после обеда все вышли на работу.

3 часа 30 мин. дня. Пристав 1 уч. Серпуховской части сообщил: Военно-обозная мастерская также прекратила работы; число рабочих 300 человек, которые, присоединившись к рабочим завода Бромлей, направились, в количестве *около 1000 человек, по* Шаболовке, к фабрике Симоно и Шварцкопф *просить рабочих* также прекратить работы.

3 часа 50 мин. Полицейский надзиратель Охапкин *сообщил:* Рабочие завода Вейхельт со двора и переулка *вошли во* 2-й этаж завода, и с ними ведет совет фабричный инспектор.

4 часа 40 мин. пополудни. Пристав 1 уч. Пятницкой части сообщил: На заводе Доброва работы идут обычным порядком. Рабочие сказали, что работают лишь до прихода к ним депутации с просьбой о прекращении работ.

5 час. пополудни. Пристав 2 уч. Пятницкой части сообщил: рабочие типографии Сытина прекратили работы в 5 час. пополудни, — ранее обычного времени на два часа, и все расхаживают по Малой и Большой Серпуховке и Серпуховской площади. Число рабочих 1.200 человек.

5 час. 45 мин. пополудни. Околоточный надзиратель 1 уч. Пятницкой части передал: На заводах Кирова (60 человек) и Крама (100 человек) работы прекратили и, присоединившись к сытинским типографщикам, толпой в 500 человек идут к заводу Доброва и Набгольц, на котором рабочие уже забастовали в числе около 1000 человек.

6 час. вечера. Полицейский надзиратель Сасыкин сообщил: На фабрике Бутикова все благополучно.

6 час. 5 мин. вечера. Пристав 1 уч. Пятницкой части сообщил: Рабочие заводов Кирова и Крама работы кончили и в числе 500 человек идут к заводам Доброва и Набгольц и Бромлей. На заводе Бромлей рабочие, бросив работы, вышли с завода толпою в 800 человек и направились к заводу Шварцкопф, где рабочих около 100 человек, которые присоединились и пошли к заводу Маркварт (100 человек рабочих), откуда также рабочие вышли и, присоединившись, направились к заводу Ефимова (200 человек), с которого рабочие также примкнули к толпе. Вся толпа пошла по Житной улице к Калужским воротам.

6 час. 45 мин. вечера. Пристав 2 уч. Якиманской части сообщил: В районе 2 уч. Якиманской части все благополучно. Сборищ рабочих нигде не заметно. Фабрика Симоно работает обычным порядком.

7 час. вечера. Помощник пристава 2 уч. Арбатской части Норов сообщил: По полученным сведениям из конторы Сытина, работы в типографии Сытина остановились, и толпа рабочих, в количестве 6.000 человек, направляется, будто бы, к типографии Левенсон, к которым уже присоединились рабочие забастовавших заводов.

7 час. 10 мин. вечера. Пристав 2 уч. Пятницкой части сообщил: Рабочие завода Доброва и Набгольц пошли к фабрике Шрадер, на Садовнической улице, где работает 1000 человек, которые, присоединившись к пришедшим к ним, все направились к фабрике Михайлова, с каковой фабрики рабочие также присоединились к ним, и все толпою направились к фабрикам: Михайлова, Бахрушина и Тиль.

7 час. 25 мин. вечера. Пристав 2 уч. Серпуховской части сообщил: Толпа подошла к фабрике Брокар, где рабочие кончили работать за час до прихода таковой. Толпа просила рабочих фабрики Брокар присоединиться к ним.

7 час. 40 мин. веч. Полицейский надзиратель Савин сообщил: Рабочие фабрик: Циндель, Жемочкина, Демента, Меньшова, Агиенко, Тиль и Диль окончили работы в обычное время; при чем среди забастовавших рабочих ходит слух, что они соберутся завтра на Коровьей площадке.

7 час. 45 мин. вечера. Полицейский надзиратель Гакин сообщил: Работы на заводе Гужон прошли обычным порядком и в полном составе.

7 час. 50 мин. вечера. Полицейский надзиратель Кожевников сообщил: Рабочие завода Вейхельт после переговоров с фабричным инспектором ни к какому соглашению не пришли; при этом рабочими предъявлено требование, одинаковое с требованием рабочих Путиловского завода, а именно: отмена штрафов,

сокращение рабочего времени и прибавка платы. Получены сведения, что 11 января фабриканты собираются на бирже для обсуждения текущих событий.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 2, 1905 г.]

4. Требования московских рабочих.

Мы, нижеподписавшиеся, признаем, что существующий политический строй, основанный на бесправии народа, является самой крупной преградой в деле улучшения положения рабочих, крестьян и всего вообще населения Российской империи. Положение это в настоящее время в особенности обострено войной на Дальнем Востоке. Принимая это все во внимание, мы признаем безотлагательно необходимым коренное политическое и правовое переустройство Российской империи на началах участия всего русского народа в законодательстве и управлении страной. Для этого мы признаем безусловно необходимым, как предварительные меры:

1. Немедленную отмену всех законов и административных распоряжений, нарушающих неприкосновенность личности и жилищ, стесняющих свободу слова и печати, свободу собраний и стачек, свободу передвижения, свободу совести и вероисповедания.

2. Немедленное прекращение всех дел по политическим преступлениям, освобождение и восстановление в правах лиц, пострадавших по таковым делам.

3. Немедленное издание законов, обеспечивающих населению все указанные права и вольности от посягательств и нарушений со стороны административных властей.

Вслед за выполнением всех указанных требований мы признаем безотлагательно необходимым в ближайшем будущем созыв всенародного учредительного собрания, избранного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов:

1. Для уничтожения экономических и правовых остатков крепостного строя.

2. Для выработки основного закона Российской Империи, обеспечивающего за населением страны беспрепятственное участие в законодательстве и управлении страной.

3. Для прекращения войны и заключения мира с Японией.

Мы требуем:

1. Свободы слова, собраний, союзов, стачек.

2. 8-часового рабочего дня.

3. Чтобы в предпраздничные дни рабочий день продолжался не более 6-ти часов.

4. Устройства комиссии из представителей рабочих и администрации для урегулирования недоразумений между рабочими и администрацией.

5. Чтобы расценок устанавливался по соглашению членов комиссии.

6. Чтобы старые расценки были рассмотрены той же комиссией.

7. Чтобы назначение мастеров зависело от той же комиссии.

8. Чтобы прием и увольнение рабочих происходило с согласия комиссии.

9. Установления минимума заработной платы в 1 рубль для мужчин и 80 копеек для женщин.

10. Чтобы штраф за прогул до 3-х дней не взимался.

11. Отмены обысков, как позорящих человеческое достоинство рабочих.

12. Чтобы размер квартирной платы устанавливался в 8 рублей для холостых и в 12 рублей для семейных.

13. Освобождения беременных женщин от работы за 4 недели до родов и на 6 недель после родов, при чем они получают заработную плату в полном размере.

14. Чтобы лечение рабочих, раненных при работе на заводе, производилось на счет завода, и чтобы заработную плату получали в полном размере.

15. Чтобы лечение больных рабочих производилось за счет завода, при чем заработную плату во время болезни получали бы в половинном размере.

16. Устройства яслей, где малолетние дети рабочих могли бы находиться во время работы родителей.

17. Чтобы в помещении рабочих имели право находиться их безработные товарищи.

18. Устройства помещений, где безработные могли бы обогреваться и получать все необходимые для них сведения.

19. Чтобы за брак, происшедший не по вине рабочего, вычета не производилось.

20. Вежливого обращения с рабочими как мастеров, так и администрации.

21. Устройства при заводе больниц и аптек, где бы рабочие могли получать даром как медицинскую помощь, так и лекарства.

22. Устройства родильного покоя при заводах, где работают женщины.

23. Устройства бесплатных бань.

24. Устройства столовых, бесплатных школ, библиотек и читален.

25. Отмены сверхштатных работ.

26. Чтобы при опоздании рабочего на 10 минут вычета не производилось.

27. Чтобы за участие в стачках никто из рабочих не пострадал.

28. Чтобы за время ее продолжения рабочие получали заработную плату в полном размере.

В виду того, что эти справедливые требования не могут быть осуществлены при самодержавном правительстве, мы требуем созыва учредительного собрания, всеобщего, равного, тайного избирательного права и немедленного прекращения войны.

Собрание рабочих различных производств.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 2, 1905 г.]

О прекращении забастовок в феврале 1905 года.

М. В. Д.
Московского губернатора.
По канцелярии.
Марта 3 дня 1905 года.
№ 47.
Гор. Москва.

Министру Внутренних Дел.

Считаю своим долгом представить Вашему Высокопревосходительству, что забастовки рабочих на фабриках и заводах Московской губернии, происходившие в феврале месяце, в настоящее время прекратились, и работы везде идут обычным ходом.

Во время забастовок рабочие предъявили требования исключительно экономического характера, не особо настаивая на непременном выполнении тех, которые фабричной администрацией признавались чрезмерными или невыполнимыми. С своей стороны, фабричная администрация, сознавая важность момента, в большинстве случаев охотно шла навстречу заявлениям рабочих, и потому все забастовки протекли покойно, и забастовщики не позволяли себе ни буйства, ни резкого нарушения порядка, сами давая в некоторых случаях отпор наиболее деятельным подстрекателям.

В виду такого характера забастовок прибегать к помощи войска не пришлось, и командирование воинской части, и то как мера предупредительная, имело место лишь в одном случае, а именно во время забастовки на фабриках Зиминых и Компании Богородско-Глуховской мануфактуры в селе Зуеве и Крестовоздвиженском, Богородского уезда, где сами рабочие, изъявив, в конце-концов, желание возобновить работы, просили гарантировать им личную безопасность, в которой они не были уверены в виду происходящей крупной забастовки на морозовских фабриках в Орехове и Никольском, Покровского уезда Владимирской губернии.

Так как зуевские рабочие бастовали, главным образом, под влиянием уговоров и угроз ореховских рабочих, и приняв во вни-

мание, что забастовка в Орехове еще продолжается, отозвание воинской части из Зуева признается пока преждевременным, и ее предполагается оставить там впредь до окончания забастовки на морозовских фабриках.

Московский Губернатор (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 2, 1905 г.]

Воззвание МК РСДРП по поводу январско-февральских забастовок.

Товарищи! Правительство вместе с фабрикантами решило объявить рабочим в Москве, что если они откажутся от политических требований, то остальные требования будут удовлетворены, даже обещают в будущем сокращение рабочего дня до 8-ми часов. Можем ли мы, товарищи, положиться на эти обещания? Можем ли мы отказаться от политических требований? Почему мы должны стоять до последней капли крови? Разве от этого наша заработная плата увеличится? Разве от этого сократится рабочий день? Вспомните, товарищи, сотни своих убитых товарищей в Батуме, в Златоусте, в Баку и во многих других русских городах, и вы увидите, почему нам необходимо выставить политические требования. Но в ответ на это в безоружную толпу женщин и детей стреляли, и на месте остались сотни убитых и раненых. То же правительство делало и в других местах. Сегодня, если это угодно будет фабрикантам, они уступят нам; а завтра, если им будет угодно, в нас будут стрелять, нас будут убивать, как убивают собак. Нас убивают, ссылаясь на закон, которым запрещаются всякие стачки, собрания, свободные речи. Если мы требуем свободы стачек, собраний, свободы слова, если мы требуем, чтобы нас не убивали, то эти требования будут политическими. Понятно, почему фабриканты не хотят, чтобы мы выставляли политические требования: им хочется иметь законодательство убивать нас, когда им вздумается. Но правительству не обмануть нас. Кровь наших товарищей в разных городах России служит для нас вечным напоминанием, что мы не должны успокаиваться до тех пор, пока не завоюем других законов, позволяющих свободу стачек, свободу собраний и слова. Но пока правительство, которое держит руку фабрикантов, само издает и отменяет законы, до тех пор мы расположены ожидать, что оно нас обманет, что на нас будут смотреть как на ворованный скот, не имеющий никаких прав. Чтобы наши права были защищены, чтобы [обеспечить] и свободу стачек и собраний, нужно добиться, чтобы законы издавались народными представителями, а не чиновниками в угоду фабрикантам. Только когда представители самих рабочих будут участвовать в издании законов, только тогда мы можем быть уверены, что правительство не осмелится убивать нас

за наши требования, только тогда можно будет свободно собираться, свободно говорить и требовать, чего мы желаем. Поэтому мы и выставляем главное политическое требование: созыв Учредительного Собрания из депутатов всего народа, выбранных при всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве. Эти выборные всего народа должны выработать основные, главные законы для России. Только тогда мы можем считать себя свободными гражданами страны, а не крепостными фабрикантов и прислужниками чиновников и полиции. Только тогда мы можем завоевывать и 8-часовой рабочий день.

Да здравствует Учредительное Собрание от всего народа!

Да здравствует социал-демократическая партия!

Московский Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Воззвание МК РСДРП к рабочим по поводу царских обращений 18 февраля.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим города Москвы.

18-го февраля российский самодержец создал сразу три бумаги: манифест, указ сенату и рескрипт Министру Внутренних Дел. Посмотрим же, товарищи, какой смысл в этих произведениях царского правительства. Манифест объявляет, что у нас на родине все будет попрежнему: война будет продолжаться, самодержавие, т.-е. прежнее бесправие, будет царить в стране. Манифест призывает все власти и учреждения бороться с крамолой, а верноподданных «стать вокруг трона»; словом, манифест говорит, что ни одно из требований петербургских рабочих, ни одно из требований всего рабочего класса и даже скромные пожелания либералов не будут удовлетворены, что всякого, кто осмелится поднять голос в пользу этих требований, будут жестоко избивать, сажать в тюрьмы и ссылать. Впрочем, рабочие и так должны были убедиться, что правительство старается только обмануть их, а затем жать и мять их на пользу русского капитализма и русского царя. Когда петербургские товарищи просили царя избавить их от гнета и самоуправства чиновников, облегчить борьбу с хозяевами и дать им право голоса в делах государства, — царское правительство ответило им ружейными залпами и кровью рабочих, их жен и детей залило улицы Петербурга, Варшавы, Риги, Лодзи и др. городов. Но ру-

жейная расплата не помогла, она только раскрыла глаза рабочему классу, только показала ему, что самодержавие — первый враг его, только закалило пролетариев для дальнейшей борьбы.

И вот 18 февраля издается манифест, он говорит: все останется попрежнему. «Молитвами св. православной церкви, под стягом самодержавной власти» будут попрежнему избивать рабочих, стрелять в них, гноить их в тюрьмах за каждое слово, за каждый вздох, неприятный начальству. Попрежнему с них будут драть семь шкур на заводах и фабриках, казенных и частных. Попрежнему будет литься кровь братьев наших в Манчжурии, попрежнему будет лежать на рабочих и крестьянах гнет невыносимых податей и налогов, попрежнему будут раскрадывать чиновники народное достояние. Постойте, как так? Ведь, царь еще две бумаги того же числа подписал. В указе сенату он прямо говорит, что отныне каждый может в совет министров писать о нуждах народных, что и царь всегда хотел и хочет слышать желания своих подданных. Рескрипт же говорит, что царь желает пригласить по законодательным вопросам людей зрелых, доверием народа избранных. Не верьте, товарищи, этой наглой лжи. Царь всегда хотел выслушать своих подданных. Почему же он расстреливал в Петербурге рабочих 9 и 12 января, когда они обратились к нему со своими нуждами? Почему правительство арестовало и до сих пор гноит по тюрьмам, несмотря на требования товарищей об их освобождении? Почему не хотели дать рабочим свободно говорить в петербургской комиссии обо всем? Почему арестовывают социал-демократов, которые раскрывают глаза своим товарищам? Почему закрывают либеральные газеты и журналы, почему нет свободы рабочей печати? Нет, царь никого не хочет слушать, кроме шайки воров, близкой его сердцу. Нет, он хочет быть самодержцем, бить и давить народ. Это он сам говорит в манифесте. Эти бумажки царские — последний ход перепуганного самодержца и его шайки, проливающей из-за своих интересов в Манчжурии и на родине народную кровь, как воду, и грабящей народное достояние. Пусть россияне пишут свои пожелания, их в совете министров будут класть под сукно, а иных писателей в тюрьмы посадят и с Сибирью познакомят. Созовут, быть-может, на совещание «зрелых» предводителей дворянства, фабрикантов, крестьян из волостных старшин, кулаков, мироедов да пару рабочих на затычку. Товарищи, берегитесь этого подвоха. Только Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, может дать России хорошие порядки. Только наши свободно избранные представители могут защитить интересы рабочего класса. Только по низвержении самодержавия, под охраной вооруженного народа, могут представители народные установить Демократическую Народную Республику. Это неустанно говорит передовой отряд русского рабочего класса—Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Правительство колеблется и ставит последние ставки. Нанесем же ему последний удар. Вперед, под знаменем социал-демократии! Долой царскую власть, долой самодержавие! Вооружимся, товарищи, свергнем силой царскую власть, созовем Учредительное Собрание. Добьемся прекращения ненужной и гибельной войны, завоюем свободу слова и печати, убеждений и веры, собраний, союзов и стачек, неприкосновенность личности и жилища. Будем бороться за Демократическую Республику, — первый шаг на пути к социализму!

Московский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

---

5. Условия труда и быта на московских фабриках.

М. В. Д.
Московского
Градоначальника.
Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве.

29 июля 1905 г.
№ 6983.
Гор. Москва.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В дополнение телеграммы за № 2626 на имя Товарища Министра Внутренних Дел Заведывающего Полициею, уведомляю Департамент Полиции, что утром 22 сего июля рабочие расположенных в районе 2 участка Серпуховской части фабрик: 1) «Генерального общества выделки французской вакси А. Жако и К°» (1700 рабочих), 2) вигоне-бумагопрядильной Е. Шлихтермана (420 рабочих), и 3) химическо-красильной акционерного общества «Фарбверке» (178 рабочих) прекратили работы, предъявив к администрации сказанных фирм ряд требований исключительно экономического характера. Немедленно прибывшими Старшим и участковым Фабричными Инспекторами, на совместных совещаниях администрации фабрик с представителями от рабочих, были обсуждены предложенные рабочими требования, из коих большинство было тотчас же администрациями удовлетворено, о чем и было объявлено рабочим.

Кроме того, рабочие, находящиеся в том же участке аппретурно-красильной фабрики Шустрова и К°, числом до 170 человек, после обеденного перерыва, не стали на работы, не сделав администрации этой фабрики никаких заявлений, что возможно объяснить нежеланием рабочих продолжать далее полудня работу в табельный день.

Препровождая при сем в копиях требования рабочих забастовавших фабрик и перечень сделанных уступок, присовокупляю, что порядок забастовавшими рабочими ничем нарушен не был, и, в виду

удовлетворения значительной части предъявленных требований возможно ожидать, что окончание забастовки последует в самом непродолжительном времени.

И. д. Градоначальника Генерал-Майор (подпись).

Копия.

Требования рабочих фабрики Генерального Общества французской ваксы А. Жако и К°.

1. Сбавка рабочего времени 1 час, — сделать 9 час. Под праздники 8-часовой рабочий день.

2. Повышение заработной платы: рабочему мужчине 75 коп. в день, женщине 45 коп., мальчику от 50 коп. и мастеровым 20% на рубль.

3. Улучшение в спальнях: заменить нары койками с хозяйскими матрацами.

4. Чтобы была устроена баня во дворе.

5. Чтобы для семейных была устроена отдельная кухня.

6. Полная отмена обыска.

7. Увольнение табельщика Г. А. Калабина.

8. Кто пожелает на вольную квартиру, чтобы администрация выдавала 3 рубля на человека.

9. В коридоре спален были бы промывные ватер-клозеты.

10. Вежливое обращение мастеровых с рабочими; не ходить по сортирам.

11. Отмена штрафов.

12. Сверхурочные работы отменить, а по необходимости фабрики — двойная плата.

13. Улучшение медицинской помощи,—с постоянным доктором; совет доктора во время рабочего времени. Больному до выздоровления чтобы была полная плата. Семейства рабочих могли бы получать совет и лекарство бесплатно.

14. Чтобы дежурный сторож находился в спальне во время работы.

15. Сдельную плату повысить на 30%.

16. Жалованье выдавать 1 и 15, не позднее.

17. Чтобы рабочего не увольнять на зиму, проживше го лето.

18. При фабрике должен быть воздух улучшен, должны быть устроены паровые вентиляции, и мог бы рабочий пользоваться кипяченой водой. Каждый рабочий должен пользоваться одним днем свободы, без вычета, в месяц.

19. Лудильное отделение. Так как рабочие этого отделения жалуются, что там крайне нездоровый воздух, увеличить плату до размера: мужчинам не менее 1 рубля и женщинам — 65 коп. и, кроме того, дать свободное время для мытья рук: перед обедом — 5 минут и перед ужином 10 минут.

Копия.

Объявление.

На предъявленные рабочими требования Дирекция фабрики Генерального Общества французской ваксы А. Жако и К°, по рассмотрении таковых, находит возможным сделать следующие удовлетворения:

1. Прибавить жалованья: мужчинам — мастеровым и чернорабочим по 5 коп., женщинам — от 3 до 5 коп. в день.

2. С целью улучшения спальных помещений рабочих Дирекция с настоящего же дня приступит к ремонту и переустройству зданий, находящихся на нашем новом владении (бывш. Пухова), куда будет переведена часть рабочих со старого двора, а остающиеся здесь, таким образом, получат более свободное размещение; сплошные нары будут уничтожены. Те из чернорабочих, которые доныне пользовались фабричной квартирой, и которым при новом порядке размещения нехватит места, по желанию могут помещаться на своих квартирах с уплатою от фабрики квартирных 2 р. 50 коп. на каждого человека, каковую сумму получат и те рабочие, которые уже пользовались квартирными.

3. Для семейных рабочих будет устроена отдельная кухня.

4. Существующее помещение, где моются женщины, будет более приспособлено для бани и снабжено соответствующим инвентарем, и этою банею будут пользоваться мужчины два раза в неделю: вторник и пятницу.

5. Ретирадные места при спальнях будут отремонтированы и в отношении условий удобства и санитарии улучшены.

6. По заявлению рабочих относительно порядка оказания медицинской помощи разъясняем, что тем из них, которые почему-либо не успеют обратиться в приемные покои в обеденное время, отказа в совете врача и выдаче бесплатного лекарства в остальное время дня не будет.

7. Просьба рабочих о том, чтобы в общих спальных помещениях, во время отсутствия их в рабочие дни, находился фабричный сторож, будет удовлетворена.

8. В отделениях фабричных корпусов, где не существует вентиляции, или где она недостаточна, будут поставлены новые вентиляторы.

В заключение Дирекция еще раз приглашает рабочих вступить на свои обычные работы и твердо надеется, что она со своей стороны приложит все усилия, чтобы не ограничиться вышеизложенным, что возможно сделать в короткое время, но и впредь будет стремиться к всестороннему улучшению условий жизни рабочих.

Копия.

Требования мастеровых и рабочих «химическо-красильной фабрики Акционерного Общества Фарбверке».

1. Уменьшение рабочего времени на 1 час: с 7 час. утра и до 6 час. вечера; на обед полтора часа; окончание работ под праздники в 5 часов.

2. Прибавка к жалованью по 10 коп. в день.

3. Вино в спальню пропускать беспрепятственно и курение табаку в спальне не воспрещать.

4. Семейным, а также женатым, платить на вольную квартиру по усмотрению дирекции.

5. Не увольнять рабочих; в случае увольнения под Пасху платить жалованье вперед.

6. Чтобы в приемном покое находился всегда фельдшер, и чтобы спальнями он не заведывал.

7. Не вычитать с больных за прогулы.

8. Допустить в исключительных случаях ночевку в спальнях родственников рабочих и земляков.

9. Баня чтобы была отперта ежедневно, и чтобы при ней находился человек с 6 и до 10 час. вечера.

Копия.

Состоявшееся в присутствии Фабричных Инспекторов соглашение временного заведывающего фабрикою с выборными от рабочих завода Фарбверке по статьям требований, предъявленных рабочими.

1. Установлен срок работы с 6 час. утра и до 6 час. вечера, с перерывами с 8 до 8½ и с 12 до 1½ час. Для ночной смены полагаются тоже соответствующие перерывы.

2. Вопрос о прибавке жалованья отложен до сентября.

3. Вино разрешается проносить и пить в помещении рабочих в воскресные и будничные дни. Курение табаку в спальнях преследоваться не будет.

4. Тем рабочим, к которым приедут жены и кто представит паспорт, будет платиться на квартиру 50 коп. в неделю. Тем же, жены которых живут постоянно с ними, пока, как временное, будет выдаваться в месяц в размере 2-х рублей.

5. Относится, согласно личным заявлениям выборных, только к случаю предъявления требований.

Не будут уволены из-за того, что были выборными или говорили в спальне, если будут держаться прилично.

6. Выборные согласились, что при малочисленности рабочих не нужно постоянное присутствие фельдшера в приемном покое.

Предложено рабочим сообщить, почему не желают, чтобы фельдшер заведывал спальнями.

7. Рабочие, которые заболеют от себя временною болезнью, будут получать половину жалованья; при несчастных же случаях во время лечения — полностью.

8. Будут допущены, по предъявлении паспорта, родственники и земляки в трезвом виде на сутки, кроме тех, которые были уволены с фабрики по неблаговидным причинам. Если заведующего спальнями нет, то может допустить хожалый.

9. По вторникам, четвергам, субботам и перед праздниками с 6 до 10 часов вечера будет отперта баня. По пятницам для мужчин. Человек будет, как и прежде.

Требования рабочих вигоне-бумагопрядильной фабрики Е. Е. Шлихтерман.

1. Прибавка жалованья всем поденным: взрослым 7 коп., мальчикам-подросткам 5 коп. и женщинам 3 коп. в день.
2. Устройство бани.
3. Переделка нар.
4. Убавка рабочего времени.

М. В. Д.
Московского
Градоначальника.
Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве.

25 июля 1905 г.
№ 7089.
Гор. Москва.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В дополнение сообщения от 22 сего июля, за № 6983, уведомляю Департамент Полиции, что с утра 23 сего июля возобновили работы следующие забастовавшие фабрики: Шлихтермана — в полном составе, «Фарбверке» — 150 человек из общего числа 190 рабочих и Шустрова — 160 рабочих из общего числа 170-ти. Рабочие последней фабрики предъявили прибывшему Фабричному Инспектору ряд требований, исключительно экономического характера, при чем директор фабрики заявил, что предъявленные требования составлены незначительной группой рабочих, недавно поступивших на фабрику, числом 15 — 20 человек, которые, главным образом, воздействовали на остальных рабочих, заставив их прекратить накануне работы. В виду этого, дирекция фабрики Шустрова, не встречая препятствий к совместному с рабочими обсуждению предъявленных требований, находит возможным осуществить это лишь в том случае, если выбор-

ными от рабочих будут лица, прослужившие на фабрике не менее ½ года и, следовательно, хорошо ознакомленные с действительными нуждами фабрики.

23 июля продолжала бастовать фабрика Жако и, кроме того, в 9 час. утра прекратили работы все рабочие (числом до 850 рабочих) расположенной в районе того же 2-го участка Серпуховской части ситценабивной фабрики Рябова с с-ми, предъявив к администрации также ряд требований экономических. Последние администрацией фабрики рассмотрены, но результаты пока еще неизвестны.

При сем препровождается в копиях перечень требований, предъявленных рабочими двух последних фабрик.

И. д. Градоначальника Генерал-Майор (подпись).

Копия.

Требования рабочих и работниц фабрики товарищества Рябова с с-ми.

1. 8-часовой рабочий день.

2. Полная отмена сверхурочных работ и ночных, за исключением тех случаев, когда эти работы необходимы по техническим условиям, при чем эти работы могут производиться лишь с согласия самих рабочих и при двойной оплате.

3. Сокращение рабочего времени подростков 16—18 лет до 6 час. в сутки.

4. Запрещение женского труда в тех мастерских, где вредно для женского организма: на барабанах, в запарке, сушильне, палилке.

5. Прекращение работ под праздники в 2 часа дня.

6. Освобождение рожениц от работ в течение 4-х недель до родов и 6 недель после родов с сохранением полной заработной платы.

7. Устройство яслей, родильных помещений, освобождение женщин, кормилиц грудью, через каждые 3 часа на время не менее ½ часа на каждый раз.

8. Установление наименьшей заработной платы для мужчин и женщин, как работающих на фабрике, так и вновь поступающих, в количестве 1 руб., а для подростков 80 коп., для получающих же более 1 рубля увеличение заработной платы на 20%.

9. Выдача заработной платы за время болезни.

10. Выдача квартирной платы желающим жить на вольной квартире: одинокому 5 руб., семейному 10 руб. и беспрепятственный отпуск на вольные квартиры.

11. Улучшение гигиенических условий труда; еженедельная чистка ям для стока красок, устройство в мастерских промывных клозетов, устройство вентиляции, где их не имеется, и улучшение существующих; выдача хозяйского белья, верхней одежды и обуви

в мастерских: красильной, отбельной, кубовой, лаборатории, выдача билетов в баню по желанию рабочих.

12. Улучшение жилищных условий, введение односпальных железных кроватей, вместо существующих нар, с хозяйской постелью, устройство водопровода и усовершенствование вентиляции в спальнях; введение распорядка в спальнях должно быть предоставлено самим рабочим без вмешательства администрации, удаление из спален и фабрики полиции. В праздники куб должен кипеть целый день.

13. Правильная постановка медицинской помощи, устройство при фабрике больницы с постоянными кроватями, улучшение лекарств и вежливое обращение медицинского персонала с рабочими.

14. Учреждение комиссии выборных от рабочих для решения вопросов о приеме и расчете рабочих, о назначении и увольнении мастеров, об установлении расценок и о браковке товаров.

15. Безусловная отмена штрафов, по какому бы поводу они ни производились.

16. Ежегодный месячный отпуск для всех работающих на фабрике с полным сохранением заработка и 2-недельный отпуск на случай болезни, смерти и свадьбы родственников, тоже с сохранением полной заработной платы. Отведение помещения для приезжающих родственников рабочих.

17. Выдача заработной платы 2 раза в месяц: 1 и 16 каждого месяца, обязательно в рабочее время.

18. Безусловно вежливое обращение с рабочими; увольнение мастера Василия Яковлева из складочной, еще уволить старшего хожалого Антона Павлова.

19. Выдача заработной платы полностью за время стачки и требование неприкосновенности личности депутатов.

20. Немедленное устройство школы и библиотеки при фабрике по каталогу, составленному и выработанному от рабочих.

Требования рабочих фабрики Товарищества М. А. Шустрова.

1. 8-часовой рабочий день.

2. Набавить жалованья не менее 20% на рубль.

3. Улучшение больничного персонала, денное и ночное дежурство врачей и плата жалованья во время болезни.

4. Улучшить для рабочих спальни, устроив железные койки, хозяйские матрацы, между двух коек со шкафом и табуретом.

5. Если кто не желает жить на хозяйской квартире, то чтобы тому контора выдавала 2 рубля на вольную квартиру.

6. На спальне и на кухне чтобы был водопровод, и вода была бы всегда.

7. Сместить клозеты от кухни и чтобы клозеты при спальне были с промывной водой.

8. Чтобы было помещение для кухаря и кухарки, шкаф для уборки хлеба и весы для принятия пищи.

9. В рабочих корпусах сделать хорошую вентиляцию и сделать хороший водосток.

10. Рабочие, прожившие 20 лет, получали бы награду 300 рублей и были бы по их желанию отправлены на покой с пенсией не менее 10 рублей.

11. За время стачки платить жалование.

12. Заплатить за сверхурочные работы со 2 мая ежедневно по ¾ часа.

13. В корпусах и на спальне было бы хорошее освещение.

14. Пропускать рабочих в обеденное время беспрепятственно и пропускать родных во всякое время.

15. Чтобы были сторожа на спальнях, и мытье полов производилось каждую неделю.

16. Отмена всех штрафов.

17. Выборным и всем рабочим чтобы не было расчета до Пасхи.

18. Рабочий может по каким-либо обстоятельствам без всякой причины не выходить на работу не более 3-х дней.

М. В. Д.
Московского
градоначальника.
Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве.

26 июля 1905 г.
№ 7159.
Гор. Москва.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В дополнение к сообщению от 25 сего июля, за № 1089, уведомляю Департамент Полиции, что 25 сего июля забастовки рабочих имели место лишь на фабриках Жако и Рябова. 25 сего июля на фабрике Жако, в виду продолжающейся забастовки и видимого нежелания рабочих приступить к работам, от дирекции было вывешено объявление, приглашающее рабочих приступить к работам не позднее утра 26 июля, или же получить в этот день расчет. На следующий день, 26 июля, работы на фабрике возобновились в полном составе рабочих.

Того же 25 июля администрацией фабрики Рябова были объявлены уступки, сделанные в виду требований рабочих. По обсуждении предложенных уступок рабочие к ранее предъявленным ими требованиям прибавили еще два: 1) включение в жалование рабочих, живущих на фабрике, квартирной платы в размере 1½ р., которой ныне пользуются рабочие, живущие на частных квартирах и, кроме того, выдача вновь нанятым рабочим квартирных денег авансом и 2) пропуск рабочих по окончании работ на фабрике не только в главные ворота, но и в ворота, выходящие в Банный переулок. Хотя совместные переговоры по поводу этих и ранее предъ-

явленных требований не привели к конечным результатам, но 26 сего июля рабочие фабрики Рябова приступили к работам также в полном составе.

Независимо от сего, 25 сего июля, в 10 час. утра, все рабочие (370 чел.) парфюмерной фабрики Брокар, находящейся в районе 2 уч. Серпуховской части, прекратили работы, предъявив к администрации фабрики ряд экономических требований. На следующий день, 26 июля, дирекция фабрики вывесила объявление о сделанных ею уступках и приглашала рабочих приступить к работам, или же получить расчет 29 сего июля. Судя по настроению рабочих можно предположить, что работы на этой фабрике возобновятся.

26 июля рабочие некоторых отделений тюлево-кружевной фабрики Флетчер, находящейся в районе того же участка, в количестве 238 человек из общего числа 641, оставили работы, не предъявив пока к администрации фабрики никаких требований.

Препровождая при сем в копиях: 1) объявление, вывешенное 25 июля на фабрике Жако, 2) уступки, сделанные администрацией фабрики Рябова, и 3) требования рабочих фабрики Брокар и объявление на эти требования администрации фабрики, присовокупляю, что внешний порядок на бастовавших фабриках по настоящее время нарушен не был.

И. д. Градоначальника Генерал-Майор (подпись).

Копия.

Объявление от фабрики Генерального Общества французской ваксы А. Жако и К°.

Еще раз объявляется к сведению рабочих, что, кроме уже объявленных письменно 22 сего июля уступок, ничего сделано со стороны дирекции быть не может. Вследствие этого еще раз приглашаем рабочих вступить на работы. Не желающим возобновить работы предлагается, в силу пункта 1 ст. 105 Устава о Промышленности, завтра, т.-е. 26 июля, в 2½ часа пополудни, явиться в контору за получением окончательного расчета.

25 июля 1905 года.

Копия.

Объявление администрации фабрики Рябова с С-ми на требования, предъявленные рабочими.

1. 10-часовой рабочий день, от 7 до 12 и от 1 до 6 часов, без права пить во время работы чай. Во время работ кипятка не будет. Кипяток будет отпускаться до 7 часов утра, с 12 до 1 и с 6 часов вечера.

2. Ночной работы на фабрике, кроме отварочных кубов в отбелочной и в кочегарках, нет. Плату за сверхурочную необязательную работу администрация фабрики не может предложить более соответствующей, т.-е. в полуторном размере. Рабочие, не согласные на эту плату, могут не выходить на эту сверхурочную работу и за это никакой ответственности по закону не могут подвергаться.

3. Не можем исполнить.

4. Относительно работ женщин администрация фабрики руководствуется имеющимися на сей предмет законами, которыми работа женщины в указанных отделениях на барабанах, в сушилке и в палилке не воспрещается.

5. Под праздничные и воскресные дни работа будет производиться с 7 до 12 часов и от 1 до 4 часов.

6. Роженицам будет оказываться пособие в течение 3-х недель в размере половины заработной платы.

7. Ясли не могут быть устроены. Для кормления грудных детей будет отведено помещение, куда кормящие женщины будут отпускаться через каждые 3 часа на время ½ часа каждый раз.

8. Администрация фабрики находит возможным увеличить заработную плату в следующем размере: рабочему прибавляется:

получающему в день до 49 коп.	4 коп.
» » » от 50 до 59 коп.	6 »
» » » » 60 » 69 »	5 »
» » » » 70 » 79 »	4 »
» » » » 80 и больше.	3 »
женщинам	3 »

9. При условии представления рабочим свидетельства от врача о болезни, препятствовавшей выходить на работу, ему будет выдаваться пособие в размере ½ его поденного заработка в продолжение не более трех недель.

10. Исполнить не можем. Квартирная плата остается в прежнем размере.

11. На улучшение вентиляции в мастерских и улучшение клозетов будет обращено внимание. Рубахи и деревенская обувь будут выдаваться в отбельной всем отбельщикам, машинистам при кислах и спиртовых машинах и материальщикам; в лаборатории рабочим при котлах — рубашки и штаны, мытильщикам, кроме того, еще один раз в год пара кожаных сапог и к ним одни подметки. В печатном отделении мытильщики получают так же, как мытильщики лаборатории; в кубовой рабочим на кислой и переводке — рубахи и штаны. В красильнях разварщикам материалов — рубахи; в старой кочегарке кочегарам при сливке нефти — рубахи. Выдача контрамарок в баню будет производиться попрежнему два раза в месяц.

12. Нары будут заменены железными койками. Водопровод делается. Куб, как и в настоящее время, будет кипеть по праздникам

целый день. Остальное не может быть исполнено. Что касается фабричной полиции, то ее присутствие не зависит от желания фабрики.

13. Больницу с постоянными кроватями фабрика устроить не может и не обязана по существующим обязательным постановлениям. Обращение медицинского персонала с рабочими как и сейчас, так и впредь останется вежливым.

14. Исполнить не можем.

15. Исполнить не можем.

16. Исполнить не можем. Что касается помещения для приезжающих родственников, то администрация фабрики примет меры к устройству такового помещения.

17. Выдача заработной платы будет происходить 2 раза в месяц; в один из дней с 15 по 22 число по приблизительному расчету за ½ месяца, и окончательный расчет за истекший месяц будет производиться не позже 7 числа каждого месяца и в рабочее время.

18. На вежливое обращение мастеров с рабочими будет обращено внимание как прежде, так и теперь. Старший хожалый Антон Павлов, как служащий дворовым приказчиком и к рабочим отношения не имеющий, уволен не будет; что касается Василия Яковлева, то администрация с своей стороны не находит причин для его увольнения.

19. За время забастовки заработная плата уплачена не будет. Против депутатов никакие исключительные меры администрацией фабрики приняты не будут.

20. Школа не будет устроена. Что же касается библиотеки, то администрация фабрики будет ходатайствовать у подлежащего начальства об открытии этой библиотеки, но предупреждает, что подбор книг в рабочих библиотеках утвержден особыми правилами и изменен быть не может.

Копия.

Требования рабочих фабрики Т-ва Брокар и К°.

1. 9-часовой рабочий день.

2. Требуем прибавки жалованья мужчинам 20 коп., женщинам 10 коп. в день, всем без исключения.

3. На сдельные работы прибавить на каждую копейку полкопейки.

4. Штрафы отменить; за прогулы вычитать одно жалованье.

5. Хорошее обращение всех начальников с рабочими.

6. Рабочим, прослужившим не менее 6-ти месяцев, в случае болезни уплачивать жалованье в течение двух месяцев.

7. Чтобы не делалось замечаний при выходе рабочих по естественным надобностям.

8. 5 минут свободы как перед обедом, так и перед окончанием работ

9. Во все время настоящей забастовки прогул был бы уплачен.
10. Внизу отхожие места переделать из холодных в теплые.
11. Требуем увольнения управляющего.
12. Сверхурочные работы прекратить, и платить за 1 час сдельных, как платили в последнее время.
13. Вновь поступившим жалованье: мужчине 60 коп., женщине 40 копеек.

Увольнение рабочих в настоящее время и до 4 месяцев вызовет новую забастовку.

Копия.

Объявление администрации фабрики Т-ва Брокар и К°.

На предъявленные рабочими нашей фабрики требования мы, после тщательного их обсуждения, нашли возможным сделать следующее:

I. Прибавить мужчинам в отделениях:

завод-машино-мыльное, сушильня и флаконное по 10 коп. в рабочий день; в остальных мыльных и парфюмерных отделениях как мужчинам, так равно и женщинам по 5 коп. в рабочий день.

II. Сдельные расценки в отделениях: духовое, цветочное о-де-колон, жидкости, мыльное и помадное, кроме фиксатуара, косметики, пудровой и этикетной, будут увеличены не менее как на 10%.

III. В случае болезни рабочего, а также работницы, за время нахождения в больнице и при условии представления ими соответствующего медицинского свидетельства, им будет выдаваться пособие в размере половины среднего их заработка, прослужившим не менее четырех месяцев на фабрике.

IV. За пять минут до окончания работы будет даваться звонок, после которого всякий свободен мыть руки или уходить с фабрики, но до звонка оставлять работу не разрешается.

Сим объявляется тоже работницам и рабочим, что, кроме данных нами уступок, дальнейших уступок сделано не будет. Ответ окончательный, а потому предлагаем рабочим стать на работу, в противном случае всем не желающим работать будет выдан расчет в 9 час. утра в пятницу 29 сего месяца.

6. Волнения рабочих на Высоковской Мануфактуре, Московск. губ.

М. В. Д.
Московского Губернатора.
По канцелярии.

Августа 24 дня 1905 года.
№ 3363.
Гор. Москва.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

Охватившее в последнее время фабрично-заводские районы рабочее движение резко проявило себя в Клинском уезде.

Еще в мае месяце, под влиянием агитации со стороны, начали волноваться рабочие Высоковской Мануфактуры при дер. Некрасиной и Фланден при станции Завидово, затем в июне движение перешло на стеклянные заводы Глинского и Титова и Орлова в городе Клину и Луи Бузон близ села Майданова, но хозяева пошли на уступки, и начавшиеся было забастовки вскоре же прекратились, а на фабриках Фланден и Бузон даже и не начались.

Однако, революционная пропаганда продолжала свою работу, обратив особое внимание на наиболее крупную фабрику — Высоковской Мануфактуры, где работает 4.200 человек, и деятельно вербуя агитаторов из среды самих рабочих.

3 июля каким-то приезжим агитатором, с помощью крестьянина деревни Голядей Ивана Иванова Толмачева и рабочего Высоковской Мануфактуры крестьянина дер. Кононовой Василия Алексеева Владыкина, была собрана близ г. Клина, в лесу за дер. Маланьино сходка, имевшая целью вновь вызвать массовые забастовки на фабриках.

Сходка эта в первое время не оказала видимого влияния на настроение рабочих, и около двух недель после этого работы на всех фабриках шли своим обычным ходом, но когда 15 июля, по распоряжению производившего дознание о сходке Помощника Начальника Губернского Жандармского Управлениян, Толмачев и Владыкин были арестованы, на фабрике Высоковской Мануфактуры был пущен слух, что Владыкин взят за то, что был депутатом от рабочих во время первой забастовки, и утром 16 июля все рабочие этой фабрики сразу побросали работу.

Явившись всей толпой к квартире фабричного Полицейского Надзирателя и вызвав последнего, они потребовали немедленного освобождения Владыкина и Толмачева, грозя в противном случае убить Надзирателя, разгромить фабрику, а затем, перейдя в Клин, силою освободить арестованных.

Получив доклад Надзирателя, Уездный Исправник немедленно телеграфировал о случившемся исправляющему должность Губернатора Церемониймейстеру Сабурову и Помощнику Начальника Губернского Жандармского Управления по Клинскому и Волоколамскому уездам Ротмистру Васильеву. От последнего вскоре же была

получена телеграмма с просьбою освободить обоих арестованных, что и было в тот же день исполнено; но это не улучшило, а скорее ухудшило дело, ибо забастовщики, под влиянием агитаторов, решили, что скопом и угрозами всего добиться могут, и, ведя себя крайне вызывающе, предъявили, сверх удовлетворенных после первой забастовки, еще новые требования, на которые администрация фабрики не нашла возможным согласиться.

Рано утром 17 июля на фабрику прибыла командированная по распоряжению и. д. Губернатора рота пехоты, а засим, в виду крайне возбужденного настроения рабочих, наряд этот пришлось усилить еще одной ротой пехоты и полуэскадроном драгун.

Появление войска внесло некоторое успокоение, но, тем не менее, забастовщики наотрез отказались возобновить работы впредь до полного удовлетворения их требований, в виду чего администрация вынуждена была закрыть фабрику на неопределенное время. 25-го июля рабочие получили расчет и, будучи в большинстве из местного населения, разошлись по окрестным деревням.

Лишившись заработка, большинство забастовавших одумалось. Стали раздаваться голоса за восстановление работ на условиях, существовавших после первой забастовки, и хотя агитаторы на сходках настаивали на необходимости упорно держаться своих требований, уверяя, что фабричная администрация в конце-концов сдастся, и даже раздавая наиболее нуждающимся пособия, тем не менее, в фабричную контору начали мало-по-малу являться отдельные рабочие с просьбою принять их на работу. Число их с каждым днем росло, так что к половине августа их записалось в конторе уже около 2.000 человек.

Тогда главари движения, видя, что число сторонников забастовки с каждым днем уменьшается, вызвав Фабричного Инспектора, собрали 17-го августа около фабрики сходку, на которую явилось около 1.000 человек и заявили Инспектору, что они согласны стать на работу на условиях, существовавших после первой забастовки, но с тем, чтобы на фабрику были приняты все без исключения, при чем просили Инспектора быть посредником между ними и Правлением.

Получив ответ Правления, что будут приняты не все, а по выбору, вся толпа, выкинув красный флаг, прямо со сходки отправилась в город Клин под предводительством двух посторонних агитаторов, с целью поднять рабочих стеклянных заводов и произвести в городе беспорядки. Однако, привести свое намерение в исполнение им не удалось, ибо хотя работы на заводе Глинского и Титова под влиянием угроз толпы и были прекращены, но местные рабочие отнеслись к пришедшим очень несочувственно, и, кроме того, в город вскоре же прибыл с фабрики И. д. Уездного Исправника Загряжский с полуэскадроном драгун.

Неудача на заводе Титова, появление войска, начавшийся сильный дождь с ветром и наступившая темнота (толпа пришла в город в девятом часу вечера) значительно изменили настроение демонстрантов, и они, простояв на городской площади около 2-х часов, стали понемногу расходиться, так что к утру уже никого не было.

В виду паники, вызванной в городе появлением толпы, а также возбужденного состояния забастовщиков, отразившегося на рабочих и других фабрик и заводов и окрестных крестьянах, и опасности возникновения крупных беспорядков, мною было сделано распоряжение о командировании в Клинский уезд двух сотен казаков, а для общего руководства действиями чинов полиции и воинских частей командирован на место Московский уездный Исправник Коллежский советник Виноградов.

Благодаря опытности, энергии и распорядительности Коллежского Советника Виноградова, который рядом умелых действий совершенно лишил агитаторов возможности собирать сходки и локализировал забастовку, не допуская рабочих появляться скопом в городе, беспорядки быстро потеряли свой острый характер, а тем временем контора фабрики Высоковской Мануфактуры продолжала наем рабочих и, набрав около 4.000, утром 22 августа, отслужив молебен, пустила фабрику в ход.

В настоящее время настроение рабочих на заводах и фабриках как в г. Клину, так и в Клинском уезде наружно спокойное, и брожение явно заметно только на фабрике Фланден близ станции Завидово, что объясняется вредной агитационной деятельностью местного фабричного врача Френо.

Вообще я должен отметить, что медицинский персонал некоторых земских больниц Клинского уезда сыграл далеко не последнюю роль в бывших в уезде за истекшие четыре месяца беспорядках и по этому поводу, равно как и вообще о деятельности земского медицинского персонала, почти поголовно участвующего в революционном движении, я предполагаю войти на этих днях с особым представлением.

Об изложенном считаю своим долгом представить Вашему Высокопревосходительству, независимо от сделанных мною представлений Товарищу Министра, Заведывающему Полициею и Московскому Генерал-Губернатору.

И. д. Губернатора, Вице-Губернатор.
Флигель-Адъютант (подпись).

Начальник Московского Жандармского Управления.

25 августа 1905 года.
№ 13374
Гор. Москва.
К № 13063
от 20 августа 1905 года.

Секретно.

22 сего августа, в 8½ ч. утра, после общего молебна и крестного хода, работы на фабрике Высоковской Мануфактуры, Клинского у., возобновились, прием рабочих продолжается и по настоящее время, при чем руководители забастовки на фабрику не приняты.

Генерал-Лейтенант (подпись).

М. В. Д.
Московского Губернатора.
По канцелярии.

Сентября 16 дня 1905 года.
№ 5861.
Гор. Москва.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полициею.

Придавая весьма важное значение рабочему движению, охватившему в последнее время фабрично-заводские районы Московской губернии и особо резко проявившемуся в Клинском уезде, считаю своим долгом подробно доложить Вашему Превосходительству о беспорядках в названном уезде.

12 мая сего года рабочие фабрики Высоковской Мануфактуры, не прекращая работ, предъявили администрации фабрики через своих уполномоченных требования об улучшении своего быта и, между прочим, об увеличении заработной платы на 20%.

В просьбе этой было отказано, и рабочие 23 июня, в 8½ часов вечера, забастовали. 25 июля вечером состоялось между рабочими и администрацией фабрики соглашение, при чем заработок был увеличен на 10% и исполнено много других предъявленных требований. 27 сего июля с утра работы на фабрике возобновились.

Главными руководителями забастовки были крестьяне Клинского уезда: Троицкой волости, деревни Кононовой, Василий Алексеев Владыкин, он же Кот, и Селинской волости, деревни Голышкиной, Семен Дмитриев Чудин. Из них Владыкин в особенности занимался агитацией среди рабочих как на фабрике Высоковской Мануфактуры, так и среди рабочих других фабрик, при чем 3 июля участвовал на сходке фабричных рабочих близ фабрики Бузон в лесу, на которую приезжали из Москвы какие-то агитаторы

и произносили революционные речи, возбуждая рабочих к бунту и забастовкам. На этой же сходке находился вместе с Владыкиным и агитировал крестьянин Клинского уезда, Селинской волости, деревни Голядей Иван Иванов Толмачев.

15 июля, по требованию Помощника Начальника Московского Губернского Жандармского Управления в Клинском и Волоколамском уездах, были произведены у Владыкина Полицейским Надзирателем при фабрике Товарищества Высоковской Мануфактуры, а у Толмачевва — Приставом 2-го стана обыски, и в тот же день они, согласно требования того же Помощника Начальника Жандармского Управления, были арестованы и заключены в Клинскую тюрьму. У Владыкина во время обыска, между прочим, было найдено письмо женщины-врача Петровской земской больницы Юшковой, адресованное на имя врача фабрично-земской лечебницы при фабрике Товарищества Русской Мануфактуры ковровых изделий Владимира Карловича Рено, в котором Юшкова просила Рено научить Владыкина, как ему лучше действовать на администрацию Высоковской Мануфактуры, чтобы она согласилась на прибавку остальных 10% жалованья. Тогда же были получены сведения о том, что Владыкин подготовлял вторую забастовку на Высоковской Мануфактуре, с целью принудить администрацию фабрики к уступкам.

На другой день 16 июля, около 4-х часов утра, рабочие, узнав об аресте Владыкина, прекратили работы на фабрике и, собравшись все вместе к квартире местного Полицейского Надзирателя, потребовали немедленного освобождения Владыкина из тюрьмы, грозя в противном случае растерзать его, надзирателя, разгромить всю фабрику, а затем отправиться в город Клин и силою освободить Владыкина из тюрьмы. О таком настроении и требовании рабочих было сообщено телеграммой Помощнику Начальника Жандармского Управления, по распоряжению которого Владыкин и Толмачев в тот же день были освобождены из тюрьмы. Весь этот день рабочие вели себя крайне вызывающе и даже не пустили во двор фабрики возвращающегося из города Управляющего фабрикой Кашева, вследствие чего было сделано распоряжение о командировании на фабрику военной силы, в составе двух рот пехоты Таврического и Самогитского полков, по 63 человека в каждой, и полуэскадрона драгун 1-го Московского полка, в числе 57 человек. С прибытием на фабрику войска рабочие стали вести себя лучше и ни в чем особенно себя не проявили до 17 числа августа.

По возвращении Владыкина на фабрику рабочие предъявили к фабрике следующие требования: 1) фабрика должна уплатить всем рабочим за прогул этого дня; 2) ткачам, не вырабатывающим 60 коп. в день, должна быть поденная заработная плата не менее 60 к., а в остальных отделах — мужчинам не менее 50 коп., а женщинам 45 к.; 3) дачка заработной платы производится вместо одного — два раза в месяц; 4) во всех отделениях фабрики должен быть для рабочих горячий кипяток для чая, и 5) рабочие не должны быть увольн-

няемы без особых уважительных причин, а за проступки их штрафовать согласно фабричных правил. Фабрика согласилась удовлетворить лишь требования, изложенные в 3-м пункте, а остальные отклонила, решив в крайнем случае закрыть фабрику. Рабочие не согласились стать на работу, и забастовка продолжалась. Руководили ею, главным образом, помянутый Владыкин и крестьянин Клинского уезда, Петровской волости, деревни Негодяевой, Александр Васильев Улей, 35 лет, которым деятельно помогали рабочие той же фабрики, крестьяне Клинского уезда, Давыдовской волости, деревни Борозды Илья Терентьев Морозов, Селинской волости, деревни Андрианковой, Михаил Иванов Иванов (он же Носков) 22-х лет, Петровской волости, деревни Третьяковой, Илья Дмитриев Серов, 24-х лет, той же волости, села Тархова, Семен Евгениев Комаров, 27 лет, и отчасти крестьянин Селинской волости, деревни Голышкиной, Семен Дмитриев Чудин, 31 года. Последний в начале августа выбыл на жительство в С.-Петербург.

25 июля фабрикой всем рабочим был дан расчет, и они на другой же день почти все выехали с фабрики, за исключением 476 человек, которым администрация фабрики разрешила остаться до нового найма.

Наем начался 2 августа на срок по 1 октября и закончился только 22 августа, так как рабочие нанимались небольшими партиями. Набран был весь комплект — 4.269 человек, и работа началась с 8½ часов утра 22 августа и продолжается до настоящего времени.

С 1 октября наем рабочих будет возобновляться на каждый месяц.

В течение забастовки рабочие собирались несколько раз в лесу, в разных местах, на сходки. На одной из них — 28 июля, близ села Петровского, были: женщина-врач Петровской земской лечебницы Юшкова с фельдшерицей Саввиной, учитель из Дмитровского уезда Никифор Кулагин, сын врача Солнечногорской земской лечебницы Василий Иванов Орлов с какой-то женщиной, повидимому женой врача, ассистента той же Солнечногорской больницы, Софьей Александровной Зегебард и еще какие-то приезжие из Москвы, личность которых до сего времени не представилось возможным выяснить. На сходке Юшкова выдала рабочим 100 рублей денег и обещала выхлопотать в г. Москве из каких-то особых на то источников еще денег, но с тем, чтобы никто из рабочих не нанимался на фабрику на прежних условиях. Во время этой сходки, кроме речей, относящихся до экономической стороны рабочего быта, произносились речи революционного характера и рабочие призывались к бунту.

17 августа рабочие Высоковской Мануфактуры телеграммой вызвали из Москвы местного фабричного Инспектора Мусатова и в ожидании его почти в полном составе собрались близ фабрики. На сходке этой они просили Мусатова быть посредником между ними

и администрацией фабрики, изъявив желание поступить на фабрику на тех условиях, какие существовали до второй забастовки, но с тем, однако, чтобы на работу были приняты все без исключения рабочие, в том числе и руководители забастовки — Владыкин и другие.

Администрация фабрики, соглашаясь на принятие рабочих на прежних условиях, категорически отказалась от принятия рабочих, замеченных ею в руководительстве забастовкой.

Тогда часть рабочих, до 1.000 человек, под предводительством агитаторов, выкинув красный флаг, отправилась прямо со сходки в гор. Клин с целью учинить погром. Дорогой к ним присоединился прибывший, будто бы, накануне из г. Иванова-Вознесенска какой-то мужчина, по фамилии Дунаев, который, как говорят, роздал им дорогой до 50-ти револьверов. Толпа эта прибыла в город в 8½ часов вечера и на пути, на окраине города, остановилась около стеклянного завода Торгового дома «Глинский и Титов» и потребовала от рабочих прекращения работ и присоединения к ним. С таким же требованием послала от себя двух рабочих на другой стеклянный завод в г. Клину, Орловой. Рабочие завода Титова под угрозой толпы бросили работу и разбежались, а на заводе Орловой посланные никого из рабочих не нашли, так как завод по ночам не работает. Вследствие этого, а равно и того обстоятельства, что в город своевременно прибыл с фабрики Высоковской Мануфактуры с драгунами Помощник Уездного Исправника, большая часть рабочих стала расходиться от стеклянного завода Титова, и в самый город явилось человек не более 200, которые, пробыв немного на базарной площади, близ городских лавок, тоже стали расходиться из города.

В виду тревожного настроения городских жителей и в предупреждение повторения со стороны фабричных рабочих попытки вновь явиться толпой в город, было сделано распоряжение о присылке еще войска, которое в числе двух сотен 34-го Донского казачьего полка и прибыло в 10 часов вечера 18-го августа. Из них полусотня, числом 55 человек, оставлена в г. Клину, где находится до сего времени, а остальные отправлены на фабрику Высоковской Мануфактуры.

До 17-го числа наем рабочих на фабриках шел очень медленно, но, начиная с 18 числа, рабочие стали наниматься в усиленном числе — до 1.000 человек в день, очевидно, потому что не рассчитывали уже принудить администрацию фабрики к уступкам с ее стороны.

С возобновлением работ на фабрике фабричная жизнь стала понемногу входить в свою норму, вследствие этого, особой надобности в задержании на фабрике всего количества войск не представлялось, почему были откомандированы к своим частям: сотня казаков 22 августа, а вся пехота и драгуны — 29 августа. Полусотня же казаков оставлена на фабрике в виду упорно держащихся между рабочими слухов, что с уходом с фабрики войск заба-

стовка возобновится; так как 1 октября обыкновенно происходит новый наем рабочих, то можно предполагать, что таковой пройдет спокойно, но на всякий случай желательно удержать войска именно до этого времени; в виду этого задержана также полусотня и в г. Клину.

Что касается до остальных фабрик, то кратковременные забастовки были на следующих фабриках:

1) На стеклянном заводе Глинского и Титова рабочие забастовали 1 июля, при чем требовали увеличения платы. Забастовка продолжалась 10 дней, и администрация завода прибавила рабочим от 3 до 9% заработной платы.

2) На стеклянном заводе Орловой рабочие забастовали 2 июля, но при быстром соглашении с администрацией завода, которая прибавила от 5 до 10% заработка, продолжалась всего один день.

3) То же самое и в то же время произошло и на ленточной фабрике французского гражданина Бузона и кондитерской фабрике Серебрякова-Копейкина.

4) На бумаготкацкой фабрике Каулен и Кост рабочие начали собираться на сходки и вообще замечалось брожение. Тогда хозяин фабрики, не дожидаясь требований рабочих, прибавил им от 5 до 10% заработной платы, на что рабочие согласились и благодарили его.

5) На грохотоплетильном заведении Шибалова, в селе Подсолнечном, 8 июля рабочие потребовали увеличения платы. На другой день приехал из Москвы хозяин заведения, и между ними произошло добровольное соглашение.

6) На Прохоровской мануфактуре при селе Подсолнечном 13 рабочих пробовали распространять среди рабочих антиправительственные взгляды, а также подбивать их на забастовку, вследствие чего остальные рабочие, не сочувствуя этим 13 человекам, хотели просить Управляющего фабрикой уволить их с фабрики, но так как последнего не было на фабрике (он был в Москве), они пригрозили разделаться с ними самосудом, если они будут продолжать свою агитацию.

Переходя вообще к антиправительственной агитации, существующей в Клинском уезде, я могу отметить два более серьезных пункта, откуда таковая исходит, а именно: село Подсолнечное и фабрику Русской Мануфактуры ковровых изделий. В с. Подсолнечном в 1904 году жене врача, ассистента Солнечногорской земской больницы, Софье Александровне Зегебард было разрешено устройство воскресной школы, в которой стали преподавать учительница Солнечногорского земского училища Кондратьева, учитель того же училища Френкель, учительница Рединского училища Тимофеева и приезжавшие из Москвы учительницы Курнина и Зилова, сама же Зегебард преподавала пение. После первых же 2 — 3 воскресных занятий таковые перестали посещаться простым народом, в виду того, что, по их рассказам, учительницы школы, вместо препода-

вания грамоты, преподают антирелигиозное учение; таким образом, воскресные занятия стали посещаться немногими лицами, не имевшими в них никакой надобности, как-то: телеграфистами, почтальонами, служащими на Николаевской железной дороге и, в числе их, несколькими рабочими с фабрики Прохорова. К весне 1904 года занятия в воскресной школе прекратились сами собою, но зато остались занятия пением, каковые производились в квартире учительницы Кондратьевой под руководством ее и Зегебард. Занятия эти происходили при довольно таинственной обстановке, а именно: начинались с 10-ти час. вечера и оканчивались нередко за полночь, при чем на время спевок, несмотря на летнюю духоту, комната, в которой происходили спевки, тщательно закрывалась и наглухо завешивалась темными шторами, так что с улицы не представлялось возможным видеть то, что происходило в комнате. Спевки эти посещались детьми служащих на Николаевской железной дороге, как-то: Фивского, Демидова, крестьянами села Подсолнечного братьями Бирюлиными (один из них, Алексей Иванов, служил до августа месяца сего года стрелочником на железной дороге) и фабричными рабочими с фабрики Прохорова, крестьянами Алексеем Горевым, Василием Рассадкиным и мещанином Алексеем Титовым, при чем малолетние певчие отпускались задолго до конца спевок. Одно время спевки эти происходили в мезонине дома, занятого Солнечногорским Общественным Собранием, члены которого замечали, что во время антрактов маленькие певчие удалялись под разными предлогами из комнаты, где происходили спевки, а взрослые, оставаясь вместе с Зегебард и Кондратьевой, беседовали о чем-то таком, что не должно было быть услышано посторонними лицами. Последствием этих спевок явилось, что вышепоименованные посетители их стали открыто в своем кругу высказывать довольно предосудительные суждения по отношению к религии, Правительству, его распоряжениям и вообще Государственному строю. Учительница Кондратьева внушала такие же мнения и малолетним ученикам земского училища, следствием чего было то, что некоторые родители из крестьян перестали пускать своих детей в школу. Когда, по распоряжению училищного Совета, Кондратьева была переведена в одну из школ Калеевской волости, то персонал Солнечногорской земской больницы, как-то: акушерка, фельдшерица, с разрешения старшего врача Орлова, разъезжали по окрестным с селом Подсолнечным деревням и отбирали подписки от крестьян о благонадежности и безупречном поведении Кондратьевой. Крестьяне давали эти подписки, некоторые даже вопреки своему убеждению и желанию, из боязни, как бы акушерка или фельдшерица при отказе их в даче подписок не сделали вреда больным членам их семьи. Таким образом, перевод Кондратьевой из Солнечногорского училища не состоялся, и лишь весной сего года, когда возбуждение народа относительно ее стало усиливаться, в село Подсолнечное приехал для выяснения причин этого инспектор народ-

ных училищ князь Щетинин и в день своего приезда уволил Кондратьеву от должности. На этом зло не прекратилось, так как Кондратьева поселилась сначала в земской больнице у Зегебард, а затем сняла квартиру в доме Васильева, рядом с больницей, которую посещает во всякое время, и куда сходятся все помянутые лица, за исключением Фивского, прекратившего эти посещения после произведенного у него жандармской полицией обыска. К этому должно прибавить, что после увольнения Кондратьевой, в тот же день и в последующие, в селе Подсолнечном, его окрестностях и на фабрике Прохорова, разбрасывалась масса прокламаций. Почти все служащие земской больницы выписывают газету «Наша Жизнь», и эта газета стала появляться у рабочих фабрики Прохорова — Горнева, Титова, Рассадкина и Ширагина, посещающих по вечерам до сего времени, несмотря на прекращение спевок, персонал земской больницы, и эти-то рабочие в разговорах с другими рабочими фабрики, не стесняясь, осуждали действия Правительства и проводили идеи о перемене Государственного строя, за что фабричные прозвали их «скубентами» и вначале перестали слушать их, а затем, как указано выше, пригрозили им самосудом.

Перед одним из высочайших проездов в 1904 году, в виду опасности оставления указанного выше Алексея Иванова Бирюлина стрелочником, было сделано распоряжение об устранении его от исполнения обязанностей стрелочника на время проезда царских поездов, в виду чего Бирюлин оставил место и в июле месяце сего года перешел на должность заведывающего земским материальным складом в селе Подсолнечном, состоящим в ведении врача Орлова, и, таким образом, получил возможность постоянных свободных сношений с больничным персоналом и легкого и удобного распространения в народе противоправительственных изданий. Узнав об этом, я предложил Председателю Клинской Уездной Земской Управы уволить Бирюлина от должности. Что касается персонала Солнечногорской земской больницы, то Старший врач ее Иван Иванов Орлов с своей женой Александрой Николаевной состоят уже давно под негласным надзором полиции; проживающий с ними сын их Василий был исключен в 1901 году из числа студентов Московского Университета за участие в беспорядках и был сослан в Сибирь, откуда, по ходатайству своего отца, был возвращен под надзор полиции; дочь их Надежда Ивановна за участие в беспорядках в Исаакиевском Соборе в Петербурге состояла тоже под негласным надзором полиции; деятельность Софьи Александровны Зегебард охарактеризована выше. Вообще весь персонал больницы, не исключая даже мелких служащих и прислуги, держится совершенно особняком от всего другого общества села Подсолнечного, хотя в числе такового имеется много интеллигентных лиц, и составляет свой собственный, особый мир, в который посторонние не допускаются, от которых этот персонал сторонится.

На фабрике Товарищества Русской Мануфактуры ковровых изделий при дер. Козловой главными распространителями прокламаций и противоправительственных идей являются: врач земской фабричной лечебницы Владимир Карлович Рено, фельдшерицы Варвара и Софья Ильиничны Поповы и бухгалтер этой фабрики, личный почетный гражданин Константин Иванович Крутицкий. К врачу Рено приезжает иногда врач Круговской земской лечебницы Юрий Ильич Лурье, собираются к нему же на квартиру бухгалтер Крутицкий с женой Степанидой Эдуардовной, фельдшерицы Варвара и Софья Поповы, учительницы Кабановского земского училища Евдокия Руфовна Арженицкая и Анисия Васильевна Рубакина и учительницы Васильевского земского училища Анна Ивановна Успенская и Евгения Эдуардовна Дсманд, и тогда они ведут дебаты о переустройстве правления в России и осуждают действия правительства, читая различные прокламации и брошюры. Врач Рено и фельдшерицы Поповы, кроме того, внушают приходящим в больницу за помощью окрестным крестьянам преследуемые ими идеи и дают прокламации. Во время местного праздника 24 июня сего года местным жандармом Костовым была застигнута фельдшерица Варвара Попова при раздаче прокламаций под видом продаваемых ею книг филиального склада Земской Управы, а 27 того же июня у фельдшериц Поповых Приставом 2-го стана при обыске в их квартире было найдено несколько брошюр нелегального содержания. Урядником при этой фабрике Сычевым 26 того же июня, при случайном посещении больницы, на скамье в приемной комнате было найдено также несколько прокламаций. Среди служащих и рабочих фабрики почти половина разделяла взгляды и следовала пропаганде врача Рено, но теперь замечается, что число это уменьшается, и сторонники его отпадают от этой партии и даже становятся против них. Так, например, крестьянин деревни Васильевой, Дмитрий Алексеев Обушев, встретив однажды на дворе фабрики врача Рено, на вопрос последнего, почему Обушев не приходит к нему, обругал Рено неприличными площадными словами, сказав, чтобы лучше смотрел за больницей, чем занимался другими делами. Рено, Крутицкий и др. имеют на фабрике большое значение, так как Крутицкий женат на родной сестре жены директора фабрики Зенгер, и она же, т.-е. Крутицкая, — племянница владельцев фабрики Фланден, а потому рабочие, не сочувствующие врачу Рено и бухгалтеру Крутицкому, не выдают рабочих противоположной партии под страхом увольнения. Врач Рено, как человек развитой, очень искусно руководит находящимися под его влиянием Крутицким и Поповыми, оставаясь сам как-будто в стороне. Крестьяне окрестных деревень [возмущены] действиями вышесказанных лиц, и бывали случаи избиения рабочих, прибывших в праздничные дни с фабрики в деревню и начавших говорить против Государя Императора и правительства. Так, например, крестьянин дер. Васильевой Ефим Егоров Белов был избит за это в деревне Шалимовой, Тверского

уезда. Вообще, крестьяне говорят между собою, что если эти лица не прекратят разбрасывания прокламаций, то они расправятся с ними своим судом.

Кроме вышепоименованных лиц, распространителем вредных идей среди населения является также земский врач круговской лечебницы Юрий Ильич Лурье. Он разъезжал в июле месяце по селениям волости, созывал сходки крестьян, которым первоначально читал лекции о холере, а затем переходил на темы политического характера, возбуждая в то же время крестьян к аграрным беспорядкам, внушая им не платить никаких повинностей, противодействовать всякой власти, требовать бесплатной прирезки земли и т. п. Крестьяне всей Круговской вол., имея очень небольшие наделы, постоянно арендует земельные угодья у местного землевладельца, Светлейшего Князя Меньшикова-Корейш, и, действительно нуждаясь в земле, сочувственно относятся к пропаганде врача Лурье.

Московский Губернатор (подпись).

III. ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В ЛОДЗИ.

1. Обращения к польским рабочим с призывом поддержать забастовку [1]).

Всеобщая забастовка и революция в Петербурге.

Рабочие! В воскресенье, 22 января, вспыхнула революция в Петербурге; десятки тысяч рабочих направились из фабричных центров к царскому дворцу, грозя разрушить дворец, если не достигнут свободы. Царь забаррикадировался, не смея показаться в городе. Войска загородили дорогу ко дворцу и к центру города, но, несмотря, однако, на то, рабочие ворвались в город. Часть войска не пожелала стрелять и, вопреки команде, опустила оружие долу. В течение целого дня, от утра до ночи, правительству не удалось подавить движение. Кровь рабочих полилась в изобилии. Телеграммы правительства передали о сотнях убитых и раненых, а частные — указывают на тысячи жертв революции. Вид убитых и раненых страшно возбуждает рабочих, увеличивая ненависть к царскому правительству, и воодушевляет их к борьбе и мести. Перед вечером рабочие стали ставить на улицах баррикады для защиты от грубых царских солдат.

В момент, когда мы это пишем, нет больше вестей из Петербурга. Правительство не пропускает частных телеграмм, а когда вы будете читать это, очень может быть, революция охватит и другие города и разольется по всей России. В этой революции не должны отсутствовать и польские рабочие. Польский рабочий класс должен оказаться в рядах революции и бороться за свободу.

Рабочие! Все указывает на наступление последнего дня расчета с правительством царя. Революция в Петербурге вызвана не искусственно горстью заговорщиков, а ее начали 12.000 рабочих, забастовавших на Путиловском заводе.

Стачка быстро распространилась и охватила большие фабрики, газовый завод, электрическую станцию, Обуховский завод, много мелких фабрик и, наконец, рабочие Варшавско-Петербургской железной дороги бросили работы. Забастовали также наборщики,

[1]) Приводимые ниже 5 прокламаций С.-Д. П. П. и Л., «Бунда», ППС и Нац.-Дем. партии представляют собой перевод с польского. *Ред.*

и большие газеты перестали выходить, и только тайная революционная типография наших товарищей действовала, выпуская воззвания и сведения, жадно расхватываемые петербургской публикой. Забастовало 200 тысяч рабочих, обративших обыкновенные заявления стачечников в требование политической свободы. Во главе движения стал легальный рабочий союз, организованный жандармами для противодействия социал-демократической агитации. Поп Гапон, — представитель этого союза, насчитывающего только в Петербурге до 7.000 рабочих, составил челобитную царю, прося дать народу свободу. С крестом в руке, Гапон, во главе многих тысяч рабочих, прорвался к царю просить покорно о даровании свободы и единения царя с народом. В данном случае даже работа царских жандармов превратилась в требование свободы. Царь, однако, спрятался во дворец, чтобы не видеть этого попа и толпу не осведомленных в социализме рабочих: попа прокляли, а в рабочих приказано было стрелять. Правительство само толкнуло рабочих в объятия революции. Теперь над этой толпой все сильнее витает руководящий дух социал-демократии, и уже в воскресенье, после первых выстрелов и жертв, из груди недавно верного царю народа раздавались громкие крики: «Долой самодержавие! Долой царя!». Таким образом, само царское правительство новыми злодеяниями против безоружной, молящей о свободе толпы толкнуло петербургский народ к революции против царя. Первоначально царское правительство отклонило покорную просьбу русских либералов о свободе. Вместо свободы издали указ 12 декабря, обещающий реформы при условии сохранения самодержавия. Указ этот раздразнил еще больше русских либералов, и только одна буржуазная польская пресса приняла его с чувством удовлетворения, подобно невольнику, радующемуся, когда хозяин с кнутом в руке бросил ему временную улыбку. После этого на сцену выступил петербургский народ, а легальный рабочий союз хотел соединиться с царем ценою свободы. Но само царское правительство оттолкнуло народ от царя и направило его против него, и, таким образом, дорога к революции стала открытой.

Рабочие! Таково значение петербургских беспорядков. Благодаря русскому правительству нынешнему положению вещей нет другого выхода, кроме революции. Правительство закрыло за собою все дороги и сожгло мосты, — да здравствует революция! Что бы ни случилось в ближайшем будущем, ничто уже не удержит революции. Несомненно, что весь рабочий народ всей России пойдет вслед нашим петербургским братьям. Следует надеяться, что подобные же забастовки возникнут повсеместно, и рабочий народ поспешит в бой за свободу.

Рабочие! Не будем последними в борьбе, которую рабочие во всей России должны вести против русского правительства; от солидарной борьбы рабочего люда России и Польши будет зависеть осуществление политической свободы. Необходимо, чтобы, как этого

требует социал-демократия в целом государстве, Россия превратилась в демократическую республику, в которой рабочий класс имел бы наибольшую свободу, а каждый отдельный край в России, а следовательно, и мы, имел бы самоуправление или автономию. Рабочий класс должен добиться в России демократической республики, основанной на всеобщем праве тайного выбора членов парламента и всех представительных учреждений. Царское правительство само указало даже неосведомленным рабочим, что между ним и народом должна возникнуть борьба на жизнь и смерть.

Рабочие! Будьте готовы к решительной борьбе! В ряды! В организацию! Да здравствует конституционное собрание, основанное на всеобщем, равном для всех и тайном праве выбора!

Да здравствует революция!

Главное Управление Соц.-Дем.
Королевства Польского и Литвы.

23 января 1905 года.

[1 Отделение Политической Секции ЕГАФ. Д. департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 52. О волнениях и стачках среди рабочих по Петроковской губ.]

ВСЕОБЩИЙ ЕВРЕЙСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ В ЛИТВЕ, ПОЛЬШЕ И РОССИИ (БУНД).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем работникам и работницам Лодзи.

Кровавая заря занимается... Пожар революции охватил всю Россию. К штурму крепости абсолютизма уже приступлено. Что бы ни случилось, падем мы, обливаясь кровью, оставляя в наследство детям нашим обязанность мести самодержавию, или самодержавие рухнет под нашими ударами, — не время отступать, и на штурм итти необходимо.

Разве умеренному либерализму разрешить вопрос о свободе России? Революционный пролетариат должен взять это в свои руки. Сегодня он кликнул свой клич боевой, отдавшийся могучим эхом во всех закоулках государства.

Рабочий класс выпрямляет согбенные спины. Сомкнутыми рядами, над которыми развевается наш красный штандарт, рабочие выходят из душных мастерских и фабрик на свободу, на улицу.

Боевой клич громко загремел на улицах Баку, Одессы, Саратова, Екатеринослава, Москвы, Харькова. Это первая заря революции, засветившая на горизонте. Телеграф принес уже весть, что в Петербурге, главной крепости бюрократии и деспотизма, вспыхнуло народное восстание. Воздвигаются уже баррикады, и кровь льется ручьями.

По официальным данным, во время первых столкновений с войсками 96 человек убитых и слишком 300 раненых. Однако, кровавые эти стычки еще не кончены. Пролитая кровь только разожгла ненависть в сердцах борющихся.

Действительною местью за кровь и за все злодеяния самодержавия может быть только выход всего рабочего класса на борьбу с абсолютизмом. Рабочий класс должен явиться, как один человек, чтобы нанести последний удар Молоху.

Готовьте оружие, товарищи. Рабочие Лодзи поддержат честь красного штандарта.

Да здравствует революция! Да здравствует социализм!

Лодзинский Соц.-Дем.
Комитет Бунда.

Январь 1905 года.

[1 Отделение Политич. Секции ЕГАФ. Д. департ. полиции, 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 62. О волнениях и стачках среди рабочих Петроковской губ.]

Свободы, фабрик и земли!..
Легли, ибо желали быть людьми.

Товарищи и товарки!

Со времени страшного преступления, совершенного сворой псов преступного царя на заре социализма в Польше, прошло 19 лет. 20 лет прошло с тех пор, когда стены цитадели варшавской окрасились кровью героев-мучеников Осовского, Бардовского, Куницкого и Петрусинского. Шли они на смерть без содрогания, как подобает революционерам, пророчески верующим в победу рабочего дела. Они не ошиблись. Революционное движение охватывает все большее и большее пространство, становясь непобедимым; несмотря на мучения со стороны самодержавия, свет правды проникает в самые отдаленные закоулки, несмотря на кандалы и тюрьмы, в которых деспот самовластный гноит наших братьев; несмотря на дикую Сибирь, куда высылают защитников свободы, равенства и братства. Рабочий класс сознает, что обладает такою силою, перед которой содрогается самодержавие и братски преданная ему буржуазия; революционное движение стало насущною потребностью рабочего класса.

Самодержавие находится у преддверия революционной бури, загромоздив дорогу трупами апостолов «доброй вести», и шествует по трупам товарищей русских, которые ценою собственной жизни карали смертью самых подлых и самых скверных царских слуг, употреблявших последние силы, чтобы подавить массовое рабочее движение.

В целях сохранения своей пошатнувшейся мощи и сохранения интересов незначительной горсти своих приближенных, царь вызвал

войну с Японией. Война эта всей своей тяжестью легла на плечи рабочего класса, — на народ, из которого состоит армия. И вот ежедневно, даже ежечастно, тысячи людей, не знающих, куда их гонят, гибнут в холодных степях далекого Востока. Тысячи людей не увидят больше края, в котором родились, тысячи богатств, созданных кровью и потом, погибают, ибо такова воля царя.

У нас в крае война вызвала экономический кризис, который, в свою очередь, лишил занятий десятки тысяч трудящихся, бросив их в объятия нужды. И вот отовсюду слышится голос протеста; рабочие демонстрируют, проливая кровь. Не имея возможности подавить рабочее движение и чувствуя в воздухе приближение революции, подлая шайка чиновников, во главе с царем, при громе пушек и свисте нагаек всемилостивейше оповещает о разных реформах. Товарищи и товарки! Мы знаем, какие это реформы, что они ничем не будут отличаться от абсолютизма; не дадимте же обмануть себя. В такой важный момент, накануне смерти многих из наших братьев, находящихся уже в армии преступника-царя, в виду предстоящей смерти многих из наших братьев, которых потребуют в войска; в момент, когда настал конец абсолютизма, употребимте все наши силы и, — не щадя ни труда, ни свободы, ни жизни, бросимтесь с полным воодушевлением в вихрь революционной борьбы! На насилие ответим насилием! Не позволим издеваться над собою и будем сеять пламя бунта в крае, идя смело сомкнутыми рядами под знаменем революции, чтобы добиться политической свободы, а после, с криком «долой буржуазию», поспешим к социальной революции. Терять нам нечего, а приобретем все. Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует конституция! Да здравствует местный сейм! Да здравствует социализм!

Главное Управление Польской
Социалистической Партии
«Пролетариат».

Варшава, 28 января 1905 года.

[1 отделение политич. секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 62. О волнениях и стачках среди рабочих Петроковской губ.]

Братья!

На устройство наших нужд мы можем надеяться только тогда, когда достигнем независимого политического положения, независимого отечества. Польши... Что время для борьбы в этих целях еще не настало, это известно каждому разумному, любящему Польшу гражданину, но слепой даже видит, что стены нашей тюрьмы валятся, что могущество московского правительства поколеблено. Бесправие, неисчислимые злоупотребления полиции и чиновников царских начинают за живое задевать сам московский люд, и вот

этот народ пожелал сбросить с себя ненавистное иго существующего порядка, и он хочет завести у себя свободное правительство, опирающееся на конституционные начала. У нас нет никаких данных утверждать, что усилия московского народа достигнут цели, что ему удастся свергнуть нынешнее правительство, и что кровь прольется ненапрасно.

Верно, однако, что настоящая минута растерянности москалей дает нам основание, более чем когда-либо, требовать себе известных прав. Введение в России конституционного правления дало бы и нам возможность защищать свои народные интересы и права рабочего народа. Не будем льстить себя надеждой достичь многого, ибо мы еще недостаточно готовы к результатной борьбе, а главное — мало у нас готовых к бою, так как большинство наших братьев предается спячке. Не будем обольщать себя также и тем, что и без нашего участия, без жертв, другие дадут нам то, что нам нужно.

Будемте требовать по мере сил: 1) чтобы дали нам возможность без участия полиции и войск притти к соглашению с хлебодателями; 2) чтобы нам по предварительному соглашению с хлебодателями сократили рабочее время и увеличили заработную плату до возможного предела; 3) чтобы постарались обеспечить нашу старость; 4) чтобы на счет фабрик были построены приюты и школы для наших детей; 5) чтобы усилить опеку над больными; 6) чтобы был поднят вопрос об улучшении и удешевлении рабочих квартир; 7) заняться оздоровлением фабричных зданий в целях охранения здоровья рабочих. Прежде всего, однако, мы стремимся к урегулированию наших интересов без помощи кнута и тюрем, а потому будемте поддерживать все стремления, направленные ко введению конституции.

Да здравствует конституция! Да здравствует независимая Польша! Братья-рабочие, соблюдайте порядок и спокойствие.

Управление петроковско-калишского округа Национально-Демократической Партии.

[1 отделение политич. секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 62. О волнениях и стачках среди рабочих Петроковской губ.]

К лодзинским рабочим.

Товарищи!

Царское правительство войною и воровским хозяйничанием довело народ до страшной нищеты и крайности, а потому в настоящее время весь народ, страдающий под царским ярмом, как бы отдельно, по команде, восстал к борьбе с угнетателями. Русский народ объявляет палачам бой на жизнь и смерть. Петербург, Москва вышли на бой, дальше Литва, Вильна, Ковна, и в Польше восстала

Варшава. Во время начавшейся революции польский рабочий народ не должен молчать. В атаку! Товарищи! К общей забастовке! Ни одна фабрика, ни одно промышленное заведение не должны работать. Пусть по воле осведомленных рабочих замрет вся промышленная жизнь, а пока мы выставим наши политические требования. Необходимо добиваться: 1. Восьмичасового рабочего дня. 2. Немедленного возобновления общественных работ для всех оставшихся без занятий, невзирая на разницу вероисповедания. 3. Минимума заработной платы: для мужчин 20 копеек, для помощников их 15 коп. в час. 4. Уничтожение задельной платы. 5. Контроль рабочих при назначении мастеров, за врачебной помощью, за гигиеническими условиями труда, за кассами. 6. Обеспечение в старости. 7. Отмена обысков. 8. Удаление полиции с фабрик.

Лодзинский Комитет Польской Социалистической Партии.

Лодзь, январь 1905 г.

[1 отделение политич. секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 62. О волнениях и стачках среди рабочих Петроковской губ.]

2. Доклад царю о всеобщей забастовке в Лодзи.

Министру внутренних дел А. Г. Булыгину.

Главноуправляющий Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Александру Григорьевичу, имеет честь препроводить, по принадлежности, всеподданнейший рапорт Петроковского Губернатора от 23 сего января, о беспорядках в г. Лодзи.

27 января 1905 года, № 128.

Рапорт Петроковского Губернатора.

Забастовка рабочих на фабриках города Лодзи началась 13 января. Сперва забастовало не более 6.000 человек, а к 6 часам вечера 14 января, за час до окончания работ, забастовка распространилась на все фабрики, и число прекративших работы достигло слишком 70.000 человек.

Прибыв в тот же день в город Лодзь, я, по соглашению с начальником местного гарнизона, признав недостаточность наличного состава войск для прекращения возможного со стороны рабочих нарушения порядка, исходатайствовал у Варшавского Генерал-Губернатора усиления гарнизона и с 15 по 21 января Лодзинский гарнизон усилен тремя батальонами Тобольского, двумя — Томского, четырьмя — Муромского и двумя — Нижегородского пехотных полков,

двумя эскадронами Новомиргородского драгунского, тремя сотнями 5-го и тремя — 6-го Донских казачьих полков. Всего прибыло в Лодзь 3.100 штыков и 670 сабель к имевшимся налицо пехотному Екатеринбургскому полку и сводной казачьей сотне. Этими силами мною обеспечена охрана казенных и общественных учреждений, казначейства, государственного банка и более крупных фабрик. Кроме того, весь город, разделенный на районы, имеет резервы, чтобы быть в состоянии подавлять буйство и бесчинство.

На фабрики 15 января явилось для работ не более 25 — 30% общего числа рабочих, но туда, где работы начинались, являлись толпы забастовщиков и прекращали работы. Движение электрических трамваев прекратилось, дабы избежать разбивания рабочими вагонов, питейные заведения и театры закрыты по моему распоряжению, а равно прекращены занятия в учебных заведениях.

В этот же день на всех фабриках было расклеено обращение к рабочим Министра Финансов и, кроме того, там же и на улицах мое объявление, приглашающее рабочих приступить к мирным занятиям. 18 января я вторично обращался к рабочим с печатным объявлением, в котором сообщал населению о введении в городе Лодзи и Петроковской губернии Положения об усиленной охране и приглашал рабочих не слушать подстрекателей и агитаторов, ведущих их к гибели и разорению, а приступить к работам и спокойно ожидать улучшения их материального положения от властей и фабрикантов.

Первые дни забастовки проходили сравнительно спокойно; рабочие толпами ходили по улицам, проявляя единичные случаи насилия, но не производя крупных беспорядков; стремления толпы группироваться в большие массы рассеивались полицией и нарядами от войск гарнизона, без употребления в дело оружия. Требования рабочих, высказываемые ими фабрикантам в крайне неопределенной форме, сводятся к восьмичасовому рабочему дню, к увеличению платы за труд и к обеспечению старости и болезни.

В распространяемых в большом количестве прокламациях революционного содержания выражается, кроме того, требование политических реформ.

День 19 января прошел крайне тревожно, и общее положение ухудшилось. Толпа в несколько тысяч человек собралась на одной пригородной фабрике и, буйствуя, выломала ворота и ворвалась на фабрику. После отказа толпы разойтись и нанесения тяжелых ран двум казакам в первый раз пришлось употребить в дело оружие; произведенными выстрелами, как выяснено, убито двое и ранено до двадцати четырех человек, из коих четверо умерло, остальные находятся еще на излечении в больницах.

Вообще в этот день толпы рабочих группировались в большие массы, производили буйство, вечером тушили газовые фонари, устраивали на улицах для препятствования движению войск проволочные заграждения и т. п.

На неоднократных моих совещаниях с фабрикантами и фабричной инспекцией выяснилось, что значительная часть фабрикантов изъявляет желание улучшить быт рабочих, и для осуществления этого фабриканты обратились с моего разрешения к рабочим, каждый по своей фабрике, с приглашением выбрать из своей среды уполномоченных для совместного обсуждения, но только после возобновления работ, возможного улучшения быта наименее обеспеченных.

Фабрики в дни забастовки открываются, но рабочие являются для работы все в меньшем и меньшем количестве. Несмотря на значительные уступки со стороны некоторых фабрикантов, далее которых они по современному положению рынка сбыта итти не могут, забастовавшие стать на работы не пожелали.

Забастовка рабочих не ограничилась одной Лодзью. 15 января рабочие забастовали в городе Згерже, Лодзинского уезда, 17-го — в Пабианицах, а с 18-го началась забастовка в Новорадомске, Томашове, Ченстохове и Сосновицком фабричном и горнозаводском районе, но рабочие в этих пунктах пока особого буйства не проявляют.

С 14 января я проживаю в городе Лодзи, считая этот пункт наиболее важным, хотя и в Сосновицком районе настроение становится довольно тревожным.

В виду выяснившегося в настоящее время серьезного положения во вверенной мне губернии, поставляю себе долгом об изложенном всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству.

Петроковский губернатор, в звании камергера Двора Вашего Императорского Величества действительный статский советник.

Михаил Арцимович.

Гор. Лодзь, 23 января 1905 г.

[1 отделение политич. секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 62. О волнениях и стачках среди рабочих Петроковской губ.]

3. Всеобщая стачка в Лодзи.

Лодзь, 29 (16) января. Вчера была провозглашена всеобщая стачка. Работа приостановлена на всех фабриках, в мастерских и типографиях. Газет нет. Забастовщики не позволяют продавать на улицах варшавские газеты. Они заставили закрыть кафе, рестораны и отели. Окна и витрины забивают досками. Улицы оживлены необыкновенно. Массы стачечников, войска, казаки, артиллерия, прохожие за ними. Вчера прибыло два полка из Сосновиц; сегодня три сотни казаков и драгун из Влоцлавска. Губернатор Арцимович, слывущий либералом, велел не мешать стачечникам, пока не нарушается порядок. Но в объявлениях он грозит военной силой. Банки,

газовые заводы и полицейские здания охраняются войсками. На главных улицах расположились войска. Триста учеников здешнего коммерческого училища присоединились вчера к группе стачечников и сотнями раздавали на улицах прокламации. В различных местах города состоялись большие собрания.

На Магистратской площади сегодня после обеда собралась толпа во много тысяч человек. Раздавались крики «ура» в честь революции. Выступали ораторы, которые пламенно призывали стачечников к борьбе с царизмом. Полиция, находившаяся при этом, не трогала их. Это пассивное отношение полиции есть дурное предзнаменование. Вчера полицейские пытались уже натравить толпу на евреев, пуская слухи об убийстве евреями одного священника, но стачечники избивали этих полицейских. Один из вождей рабочих заявил перед многотысячной толпой: «Не давайте себя ловить на удочку обманщикам. Евреи — наши братья. Они наши товарищи по страданиям и по убеждениям, протянем же им руку для общей борьбы против самодержавия». Раздались крики: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!» Вечером на удаленных от центра улицах были мелкие стычки с войсками, обошедшиеся, однако, без кровавых жертв.

От 17 января сообщили, что из 150.000 здешних рабочих забастовало 100.000. От 18-го: город неузнаваем. Все заведения закрыты. Витрины забиты досками. Город похож на осажденную крепость. Патрули ездят по улицам. Электричка не ходит. У булочных сотни народа ожидают хлеба. Ждут всеобщей стачки во всем польском промышленном районе.

[«Вперед», № 5.]

4. Ход всеобщей стачки в Лодзи и в Петроковской губернии.

Начальник
Петроковского Жандармского
Управления.

Секретно.

31 января 1905 года.
№ 727.
Г. Петроков.

О готовящейся всеобщей забастовке в пределах Петроковской губернии были получены агентурные сведения в первых числах января, о чем я своевременно предупредил губернатора. В виду этого камергер Арцимович нашел нужным лично явиться к генерал-губернатору испросить полномочий и усиления гарнизона во всех более крупных центрах фабричной и заводской промышленности в губернии.

Забастовки начались в Лодзи 13 января с фабрик Штейнерта и Гейера, а 14 числа к вечеру цифра стачечников достигла 23.000, на другой день стали все фабрики и мастерские со ста тысячами рабочих.

Получив сведения о начале забастовки, губернатор немедленно выехал в Лодзь и принял тотчас меры к охранению финансовых, правительственных и общественных учреждений города наличным составом гарнизона, а все учебные заведения, в виду имевшихся данных о предполагаемых беспорядках, были закрыты в Лодзи и Ченстохове, как равно все монопольные лавки; рабочие газового завода арестованы ночью и доставлены на завод для принудительной работы под надзором солдат, что дало возможность освещать беспрепятственно город; движение электрических трамваев было остановлено, чтобы не стеснять движения войск и избежать забастовки кондукторов и машинистов.

В день приезда в Лодзь губернатор имел совещание с фабрикантами и указал им на необходимость притти на помощь рабочим в их тяжелом экономическом положении. Рядом таких совещаний были выработаны максимальные условия улучшения быта фабричных. Решено уменьшить рабочий день до 10 часов и увеличить плату: получающим до 3-х рублей в неделю на 15%, получающим от 3 до 4 руб. на 12%, от 4 до 5 руб. на 10%, от 5 до 7 руб. и более на 5%, работающим задельно ткачам и прядильщикам на 15%. Постановление это выработано той группой фабрикантов, платежная сила которых в неделю в общей сложности достигает 210 тысяч, так что прочие, с платежною силою в 60 тысяч, вынуждены были ему подчиниться, как равно фабриканты Томашова, Пабианиц и Згержа. Рабочие же, кроме разных нелепых и несбыточных политических требований, предъявляют требование о 8-часовом рабочем дне и 20-копеечной часовой плате.

По распоряжению губернатора ежедневно в урочное время фабрики пускаются в ход и освещаются, но рабочих является не более 15 — 20%, так что при таком наличном их составе работать нельзя, а из тех фабрик, где рабочие приступают к занятиям, толпы забастовщиков выгоняют их и таким образом терроризируют; малочисленный же гарнизон, хотя и увеличенный до 5 полков пехоты и до 6-ти эскадронов кавалерии, не в состоянии охранять всех многочисленных фабрик от вторжения толпы людей, поддерживая в то же время порядок в городе.

По улицам, особенно в первые дни, шлялись толпы забастовщиков, требуя закрытия ресторанов, кондитерских и других заведений. На гостиницу, где остановился губернатор, в первый и второй день толпа повела атаку, но была рассеяна ротой солдат. В последующие дни, с увеличением гарнизона до указанной выше нормы, все-таки достигнута некоторая возможность воспрепятствовать рабочим массироваться.

Уже 15 января было расклеено на всех фабриках и улицах объявление губернатора, в коем он приглашает рабочих приступить к занятиям. Объявления эти, прочитанные на следующий день в костелах и синагогах, как равно обращение к рабочим Министра

Финансов, срывались, но на место сорванных немедленно наклеивались новые экземпляры.

Несмотря, однако, на все принятые меры, не везде удается помешать рабочим сбираться в многочисленные толпы, особенно на окраине города. Толпа, наэлектризированная сознанием своей силы, нередко дерзко нападает на войсковые части, ругает их, бросает камнями и стреляет. В расчет агитаторов-революционеров, конечно, не входит мирное разрешение вопросов, и они всеми силами добиваются кровавой расправы, жертвы которой служат одним из успешных средств агитации. Хотя приказом начальника гарнизона рекомендуется прибегать к стрельбе только в крайности, не обращая внимания на вызывающее поведение рабочих, тем не менее, в отдельных случаях не всегда удается избежать употребления оружия. Так, в деревне Видзев, около фабрики Гейнцеля и Куницера, после выплаты собралась тысячная толпа, требуя выдачи заведывающего Езерковского: часть ее, преимущественно женщины, ворвалась на фабрику, а остальная прижала роту к стене и стала бросать камнями и стрелять. Когда же казаки пытались врезаться в середину, то двое из них были ранены: один выстрелом, а другой камнем, при чем казака, свалившегося с лошади, избили и отняли у него шашку. После этого одна полурота дала последовательно два залпа. Рассеянная толпа вновь собралась в прилегающем к фабрике лесу и оттуда производила стрельбу, вследствие чего другая полурота была вынуждена открыть огонь по лесу, и только тогда рабочие разбежались, оставив на месте 4 убитых и 24 раненых.

В общем, в этот день настроение рабочих было крайне возбужденное. Группы их ходили по улицам, невзирая на объявление Лодзи и всей Петроковской губернии в положении усиленной охраны и на обязательное постановление Генерал-Губернатора, запрещающее всякие сборища, срывали объявления, опрокидывали газовые фонари, стреляли в одиночных офицеров и городовых, а на Горном и Водяном рынке сбились в многочисленные толпы, так что для рассеяния их пришлось вызвать несколько рот пехоты, драгун и казаков.

В постового городового Пиотровского 20 сего января скрывшийся рабочий произвел выстрел, а другой, задержанный еврей Любартовский, нанес ему удар по голове пружинною плетью с металлическим набалдачником. На Поперечной улице евреи Розен и Герман стреляли в пытавшихся задержать их дворников. Оба они привлекались к дознаниям по государственным преступлениям и принадлежат к боевой дружине Бунда. Розен и Герман задержаны и переданы Судебному Следователю.

Часовой, охранявший доступ к воротам фабрики Гейера, был атакован толпой, вследствие чего произвел выстрел вместе со стоявшим тут же городовым, при чем убито двое и одной пулей ранены три брата Друхи.

В последующие дни положение не изменилось, а в среду приняло угрожающий характер, ибо рабочие, ободренные выдачею им

платы за три прогульных дня, стали дерзко требовать еще за шесть дней прогула. В контору фабрики Штейнерта 27 января ворвались рабочие во главе с четырьмя неизвестными интеллигентами. Последние под угрозой, с револьверами в руках, вынудили у фабриканта честное слово уплатить рабочим в пятницу в три часа деньги за все прогульное время, т.-е. за 9 дней. Подобное же требование было предъявлено к фабриканту Гейеру. К означенному времени на упомянутые фабрики был послан значительный наряд войск, встреченный огромной толпой, вооруженной кольями и камнями, собравшейся на Горном рынке и близ фабрик Штейнерта и соседней Гейера. Когда полицеймейстер Хржановский подъезжал к толпе с эскадроном драгун, то из домов по Петроковской улице и из толпы было произведено несколько выстрелов. Одним контужен в голову полицеймейстер, а другими ранены две лошади. Несколько драгун немедленно спешились и произвели одиночные выстрелы, при чем убито из толпы двое и ранено шесть человек, после чего толпа рассеялась.

Одновременно из пригорода двигались по двум направлениям к Горному рынку на соединение с находившейся там толпой густые массы рабочих. Чтобы закрыть им доступ в город, начальник Земской стражи выставил две заставы, по полуроте каждая. Через эти заставы рабочие во что бы то ни стало хотели прорваться, почему солдаты были вынуждены дать несколько выстрелов, коими убито три человека и ранено восемь, что заставило толпу разойтись. В домах, из которых были произведены выстрелы и брошены камни, 28 — 29 числа задержано 7, а за участие в толпе арестовано 18 человек.

На днях фабриканты вывесили объявление о том, что если в понедельник, 31 января, рабочие не приступят к занятиям, то будут уволены, а фабрики закрыты.

В Пабианицах, Згерже и Томашове забастовавшие рабочие во всем подражают Лодзи. Серьезнее других надо считать Пабианицы. Там ежедневно собирается толпа, руководимая неким Грелюсом, привлекавшимся уже к дознаниям. В Томашове 27 января на фабричного инспектора Иванова напали два подростка, вооруженные палками, и нанесли ему две неопасные раны в голову. В настоящее время в каменщике Яне Бодзинском инспектор Иванов опознал одного из нанесших ему побои. Дело передано судебному следователю.

В Ченстохове забастовка началась 21 января с завода Гантке. Около ста человек рабочих насильно врывались в фабрики, выпускали из котлов пары и, грозя работающим палками и ножами, заставляли их прекратить занятия. К 8 часам утра партия эта достигла своей цели, на всех фабриках в гор. Ченстохове началась общая забастовка, принимающая с каждым днем все более обостренный характер.

Такая же партия рабочих 22 января отправилась в деревню Бляховню, Ченстоховского уезда, и таким же способом прекратила работы на местных чугунолитейном и лесопильном заводах.

24 января толпа рабочих, от 150 до 200 человек, направилась из города Ченстохова по железной дороге в деревню Кломницы, Новорадомского уезда, и там также заставила прекратить работы на лесопильном заводе и на фабрике цикория.

Того же числа толпа в 500 человек собралась в гор. Ченстохове, возле фабрики бечевок. Несколько человек выделились и зашли в контору фабрики предъявлять свои требования, а один из оставшихся взобрался на возвышенное место и произнес речь, встреченную общими одобрениями рабочих. В это время к толпе приблизился на рысях эскадрон драгун. Толпа, завидя приближающееся войско, рассеялась во все стороны, не оказав никакого сопротивления.

В Сосновицах началась забастовка 19 сего января около 9 часов утра.

Часть рабочих котельного завода Фицнера и Гампера прекратила работы и, заставив примкнуть к ней остальных, большой толпой направилась к чугунолитейному заводу «Екатерина», где угрозами добилась прекращения занятий. Директору Скавинскому, однако, удалось уговорить толпу разрешить поддерживать огонь в доменной печи, ибо в противном случае она станет негодной к употреблению. Здесь рабочие разделились на несколько частей и отправились на все заводы и копи, чтобы прекратить работы. Часть направилась к реальному училищу и потребовала роспуска учеников, а на заявление директора, что он не в праве это разрешить, рабочие возразили, что права эти предоставлены теперь им. Вслед за сим силой увели учеников старших классов с собой. Ученики-поляки сорвали с фуражек гербы, а у русских таковые были сняты насильно. Найдя на фабрике Шена ворота запертыми, толпа выломала их, прогнала рабочих, выпустила из котлов пары и уничтожила все русские объявления. То же самое она проделала и на остальных фабриках.

На другой день рабочие продолжали толпами ходить по улицам и собирались устроить манифестацию, но так как, видимо, еще не столковались, то манифестация не состоялась.

На 21 число было назначено общее собрание на площади за реальным училищем, куда к 12 часам дня собралась многотысячная толпа, и здесь по очереди было произнесено 18 речей. Говорили, стоя на стуле, преимущественно ученики Домбровского горного училища, а также какие-то приезжие и доктор Подчаский из Сосновиц о необходимости введения конституции и восстановления автономной Польши, а равно об изгнании русских и немцев. Здесь собравшиеся получили известие, что рабочие на Гуте-Банковой, в Домброве, продолжают работать, почему вся толпа направилась туда. Узнав об этом, рабочие с Гуты-Банковой прекратили работы и вышли на-

встречу толпе. С обеих сторон были произведены салюты из револьверов.

В субботу 22 января на плацу около реального училища состоялось собрание нескольких тысяч человек, на котором были произнесены речи, на этот раз большей частью приезжими агитаторами.

Не состоявшаяся 20 числа манифестация была отложена на воскресенье 23 января. К 3 часам толпа, состоявшая из 25.000 человек, во главе с красными флагами с революционными надписями: «Долой самодержавие! Долой войну!» подошла к вокзалу станции Сосновицы, но тут ей преградили дорогу две сотни казаков, на этот случай приготовленных. Манифестанты, простояв около часа, напрасно добиваясь у Начальника Земской стражи разрешения итти дальше, повернули и пошли обратно к Бендину. Флаги окружили ученики Домбровского горного училища, железнодорожные служащие и даже инженеры с копей, переодетые в рабочие костюмы. Из толпы слышались возгласы: «Не отдадим штандартов! Кровь прольем! Долой москалей! Теперь пусть начальник Земской Стражи несет штандарт!» и т. п., а один из учеников оскорбил словами сотенного командира, когда тот подавал команду сотне. В Домброве толпа разошлась.

В понедельник 24 января около каждой из фабрик имели место собрания, вырабатывавшие те требования, которые предполагалось предъявить от каждой фабрики отдельно.

С утра 26 января толпы народа начали опять собираться около реального училища в Сосновицах для манифестационного шествия, но находящимися здесь двумя эскадронами драгун были рассеяны.

Одновременно около завода «Пушкин» собралась толпа в 3.000 человек, при чем некоторые рабочие и ученики Горного училища заходили в дома и выталкивали оттуда насильно нежелающих принимать участие в готовящейся манифестации. Толпе этой не удалось соединиться с рабочими, собравшимися у реального училища; она дошла только до деревни Загурже, опасаясь итти дальше в виду расставленных по пути войсковых частей.

С утра 27 января на некоторых заводах рабочие приступили к занятиям, между прочим, и на заводе «Екатерина», вследствие чего началась усиленная топка доменной печи. Группа забастовщиков, узнав об этом, появилась в 6½ часов вечера у названного завода и намеревалась ворваться вовнутрь его, с целью попортить машины и выгнать рабочих. Завод охраняли две роты Бутырского пехотного полка. Когда толпа достигла приблизительно 1.000 человек, она начала выламывать двери. Ротный командир предупредил, что будет стрелять, но на это не было обращено внимания и, выбив ворота, несколько рабочих бросились с ножами на офицера; тогда последний подал сигнал стрелять, но так как и это средство не остановило нападавших, то произведено было несколько залпов, коими толпа рассеяна. Из удалявшейся толпы начали стрелять в полу-

роту, расположенную напротив завода, вследствие чего полурота дала залп. Всего, как теперь оказалось, убито 33 и ранено 36 человек.

В ночь на 28 января на копи «Казимир» неизвестными лицами похищено из порохового склада 11 пудов 25 фунтов динамита. Злоумышленники, в числе трех, явились на пороховой склад, поймали сторожа и заперли его в будку, заколотив ее гвоздями, после чего взломали двери склада и похитили динамит. Надо полагать, что кража произведена не в видах политического преступления, а из желания наживы.

Во время назначеных на сегодня похорон жертв происшествия на Екатерининском заводе предполагалась грандиозная вооруженная манифестация, но таковая не состоялась, потому что губернатор распорядился поставить на всех путях, ведущих к кладбищу, сильные войсковые заслоны, не допустившие рабочих не только на кладбище, но и массироваться в толпы.

В Стржемешицах копи прекратили работы того же числа в 6 часов утра, при чем толпа с копи «Казимир» пошла в дер. Немцы, к главной конторе, где, простояв до 9 час., потребовала сокращения рабочего времени и увеличения платы. Отсюда 1.500 человек с красным флагом с надписью «PPS» и песнями направилась в деревню Стржемешицы и явились на фабрику суперфосфатов, прекратив и там работы. Потом на фабрике клея вызвали директора Крушинского, предъявили те же требования, что и в Немцах и, захватив с собою директора, направились на ст. Стржемешицы Привислинских железных дорог в депо, выгнали рабочих и потребовали начальника депо Стасюлевича, начальника участка Белобржеского и начальника станции Поповского. Кто-то, взобравшись на паровоз, прочитал прокламацию, а потом толпа двинулась на ст. Стржемешицы, заставив по очереди нести перед собой флаг Стасюлевича и Поповского. На станции они испортили поворотный круг, побросав туда колеса и оси от вагонов, перерезали телеграфную проволоку и уничтожили все объявления и вывески на русском языке, говоря, что вывесят свои, писанные по-польски. Около 4 часов пополудни толпа возвратилась в дер. Немцы.

В пос. Заверце толпа также ходила по фабрикам и заводам и везде прекращала работы, при чем здесь, кроме приезжих, больше всего подстрекал рабочих к беспорядкам Иосиф Пендзик: он читал открыто прокламации и заявлял директорам требования толпы. По моему приказанию, он арестован и препровожден в петроковскую тюрьму. Для поддержания в Заверце порядка и охраны находящихся там фабрик и особенно доменных печей Гульдшинского, командировано туда пять рот пехоты и сотня казаков.

Всеобщая забастовка в Петроковской губернии продолжается, в Лодзи приступили к работам почти на всех фабриках.

Ко времени готовящейся в Петроковской губернии общей забастовки из-за границы было водворено значительное число воззваний всех действующих в крае революционных партий. Некоторые транс-

порты удалось задержать на самой границе, так, например, на ст. Граница задержан 15 января некто Болеслав Гурский с транспортом в 12.000 экземпляров воззвания «социал-демократов королевства Польского и Литвы», озаглавленного: «К всеобщей забастовке»; на ст. Сосновицы 21 января задержаны: Владислав Лихарский с 480 экземплярами газеты той же партии «Красный Штандарт», Казимир Ровецкий с 2.200 экземпляров воззвания «Братья» и Иван Войнарский с 330 экземплярами журнала «Красный Штандарт» и 500 экземплярами упомянутого выше воззвания «К всеобщей забастовке».

В видах достижения успеха общей забастовки, все революционные в крае партии объединились для совместных действий, что и было порешено на осеннем съезде представителей в Париже. Подтверждается это также нахождением в толпе агитаторов и знамен разных партий. Каждая из них выговорила себе, однако, свободу действий на случай успеха.

Докладывая о вышеизложенном, присовокупляю, что о задержанных за подстрекательство к забастовке возбуждено при вверенном мне управлении несколько расследований в порядке положения о государственной охране. Об оказавших сопротивление, а равно посягавших с оружием в руках на полицию, войсковые части и других должностных лиц, возбуждено предварительное следствие. Задержанные за участие в толпе, а также неисполнившие разных предписаний обязательного постановления Генерал-Губернатора, будут подвергнуты административному взысканию.

До сих пор переписка в порядке Положения об охране возбуждена о следующих лицах: 1) об Яне Иоахимяке; 2) об Юлиане Цишевском, Гинде Кершенбаум, Аполлинарии Шаланском, Басе Мерлинской, Антоне и Яне Качубах, Борухе Эйхнере, Александре Поплавском, Густаве Груне, Ваврижинце Ярчинском, Людовике Прентком, Хаиме Кавиоре, Лейбусе Фрейденрейхе, Иде Бейн и Маере Тейхмане; 3) о Томаше Смаке, Юзефе Янике, Франце Ороке, Михаиле Яворском, Антоне, Иосифе и Войцехе Друхах, Франце Краевиче и Франце Кацельсоне; 4) о Франце Томашевском; 5) об Антоне Карчмарковиче; 6) об ученике Петроковского Александровского училища Иване Курнатовском; 7) о рабочих Мрувчинском и Перке; 8) о собравшихся на сходку в Петрокове в целях подстрекательства к забастовке: Шимоне Тененбауме, Моисее Волке, Менделе Ваксберге, Хаиме Вацмане, Перце Шитенберге, Ицеке Нисензоне, Янкеле Грабовском и Иделе Соболе.

Возвращаясь к похоронам жертв происшествия на Екатерининском заводе в Сосновицах, докладываю, что католическое духовенство старалось противодействовать распоряжениям власти: ксендзы не пожелали вести похоронное шествие по указанной им дороге, которая охранялась нарядами войск и полиции, а заставили, под угрозой отказаться хоронить убитых, вести похоронный кортеж по улице, на которой была произведена стрельба.

Похороны ученика реального училища Александра Малевича, также убитого во время беспорядков на заводе «Екатерина» и руководившего там толпой, носили демонстративный характер. Ксендзы, в числе восьми человек, явились хоронить упомянутого ученика, при чем вели похоронное шествие не по указанному пути, а через весь город.

Полковник Утгоф.

[1 отделение политич. секции ЕГАФ. Д. департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 62. О волнениях и стачках среди рабочих по Петроковской губ.]

5. Лодзинское восстание.

Лодзь. В воскресенье 18 (5) июня рабочие возвращались с обычного загородного агитационного собрания с песнями и красными знаменами. Перед городом толпа разделилась на небольшие группы и спрятала знамена. Только одна группа рабочих продолжала итти со знаменем до самого центра города. Вдруг неожиданно на шедших мирно рабочих наскочил казацкий патруль и открыл пальбу. 10 человек было убито, много ранено, в том числе двухлетний ребенок. Этот случай возбудил страшное негодование среди всего рабочего населения Лодзи. Среди убитых было 7 рабочих — 5 христиан и 2 еврея. Во вторник хоронили христианских рабочих. Двадцатитысячная толпа провожала на кладбище трупы жертв насилия. По всему пути были расставлены войска, но они не решались вмешиваться, и торжественные похороны произошли в полном порядке. На кладбище говорились речи. На следующий день, в среду, должны были хоронить еврейских товарищей. Почти все рабочее население Лодзи собралось около 6 час. вечера на фабрике Познанского, откуда предполагался вынос тел убитых. 70.000 человек запрудили все прилегающие улицы. Каково же было удивление и негодование толпы, когда она узнала, что полиция заблаговременно тайком увезла мертвых и похоронила их. Толпа двинулась к кладбищу. Выкинув красные знамена, с пением революционных песен и криками «долой самодержавие», потекла эта река голов по улицам Лодзи. Полиция и войска отсутствовали. Все были уверены, что препятствовать манифестации не будут, что дадут ей мирно окончиться. Но когда толпа дошла до Петровской улицы, неожиданно из боковых переулков бросились казаки и драгуны, и началось варварское избиение. Не ограничиваясь расправой холодным оружием — шашками и пиками, они начали стрелять в толпу из ружей. Застигнутая врасплох толпа начала защищаться, чем могла и как могла; у многих рабочих были револьверы, и началась перестрелка, стоившая немало жертв и царским слугам. Только в 9 часов вечера толпа, не имея возможности оказывать дальнейшее сопротивление, рассеялась, оставляя на поле битвы

несколько десятков убитых и раненых. Но она рассеялась с тем, чтобы на другой день собраться для новой борьбы. Немедленно же была провозглашена всеобщая стачка.

На другой день, 22-го июня, был очень популярный среди католического населения праздник «божьего тела», во время которого происходят крестные ходы по всему городу. Рабочие воспользовались этим случаем и, присоединившись к крестному ходу, превратили его в грандиозную демонстрацию. Громадная толпа манифестировала по всему городу с красными знаменами. Полиция и войска не вмешивались. День прошел спокойно. К вечеру опять начались стычки с войсками, стрелявшими в отдельные небольшие группы рабочих. Ночью рабочие начали строить баррикады. Они снимали телеграфные и телефонные проволоки и натягивали их поперек улиц; из крестьянских телег, бочек, досок возводили громадные баррикады, доходившие до 2-го этажа. Таких баррикад, по имеющимся сведениям, было построено до 30.

С этого дня началась открытая уличная борьба, продолжавшаяся, по официальным сведениям, вплоть до 26 июня. День и ночь раздавались по улицам залпы. Войскам приходилось брать и разрушать баррикаду за баррикадой. Рабочие дрались с небывалым воодушевлением. Несмотря на недостаточное вооружение (далеко не у всех были даже револьверы, а хороших систем, например, Браунинга, насчитывалось всего несколько сот), борьба была очень упорной. В солдат стреляли из окон и с крыш, осыпали их камнями, обливали кипятком и горячей смолой. В нескольких местах были брошены бомбы. Боевое настроение охватило все рабочее население. На-ряду с взрослыми дрались на баррикадах дети; молодые девушки произносили агитационные речи под градом пуль. На воодушевление рабочих войска отвечали самой дикой жестокостью. Убивали ни в чем неповинных прохожих, стреляли во всякого рабочего, выходившего на улицу или хотя бы только высовывавшегося в окно. Масса мертвых и раненых лежала целыми днями на улицах, при чем раненые тут же умирали, не получая никакой медицинской помощи. Трудно определить число убитых и раненых жертв этого пятидневного восстания. Госпитали охранялись военной силой, проникнуть в них никому не удалось, а потому невозможно было и установить число раненых. Кроме того, много раненых было унесено в частные квартиры. Что касается убитых, то их целыми возами увозили с улиц, под сильным конвоем, прямо на кладбище. Число 2.000 убитых и раненых, которое было опубликовано в иностранных газетах, вероятно, далеко не соответствует действительности. К концу недели Лодзь была наводнена войсками, было провозглашено военное положение, и восстание подавлено. 26-го июня появилась официальная телеграмма, что порядок восстановлен, и работы на фабриках возобновлены. Это означает только, что массовых открытых стычек с войсками больше не происходит. Зато мелкие столкновения, нападения на патрули, револьверные выстрелы

и взрывы бомб продолжаются попрежнему, свидетельствуя о том, насколько поверхностно восстановлен так-называемый «порядок».

Известия о лодзинских событиях не замедлили отозваться и на Варшаве. Социал-демократами были выпущен листок, призывавший рабочих к всеобщей стачке с 27 июня. Стачка началась даже раньше назначенного срока, так как уже 21-го многие рабочие забастовали. Правительство поспешило вызвать в город войска, ушедшие-было в летние лагери, но открытой уличной борьбы, по примеру лодзинской, не произошло. Было, правда, построено несколько баррикад, например, на Вроньей и Крахмальной улицах, но в общем дело пока ограничилось стачкой да отдельными нападениями на чинов полиции и солдат. Так, например, 26 июня была брошена бомба в проходившую роту солдат, убившая 3-х и тяжело ранившая 30 человек. В другом месте был убит, неизвестно кем, стоявший на посту полицейский.

Одновременно с лодзинскими событиями произошли кровавые столкновения в Ченстохове. Здесь как-раз происходила стачка пекарей, и 23 июня была устроена громадная демонстрация. Когда многотысячная толпа проходила по городу с красными знаменами и пением революционных песен, войско дало несколько залпов, убив 20 чел. и ранив более 80-ти. Через два дня после этого в местного полицеймейстера была брошена бомба, ранившая его и нескольких прохожих.

Телеграммы от 28 июня июня сообщают, что началась стачка во всех копях и фабриках Домбровского района.

Таким образом, лодзинское восстание, подавленное, как казалось правительству, воскресает опять в форме массовой политической стачки, охватывающей все более широкие районы Царства Польского. «Победители» употребляют все меры, чтобы искоренить из лодзинского населения крамолу. На основании военного положения из Лодзи выселяют всех неместных жителей, которые в течение 3-х дней не получат постоянного занятия. Дворники должны неотлучно дежурить у ворот с 6-ти утра до 9-ти вечера. Рестораны и трактиры (кроме первоклассных), должны быть закрыты в 8 часов вечера. Все, у кого имеется оружие, обязаны сдать его в полицию, иначе им угрожает военный суд. Если из какого-нибудь дома будет произведен выстрел в солдат или полицейских, то все жители изгоняются из дома, а домовладелец или управляющий подлежит военному суду. Наконец, еще одна замечательная мера: при похоронах могут присутствовать только родственники умершего, и то в количестве, определенном полицией.

И такими мерами думают подавить народное восстание, подавить сопротивление людей, которые за день перед тем доказали, что в борьбе за свободу они охотно готовы поставить на карту свою жизнь.

[«Пролетарий», № 6, 1905 г.]

IV. ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В ВАРШАВЕ.

1. После 9 января в Варшаве [1]).

К о в с е м в а р ш а в с к и м р а б о ч и м и р а б о т н и ц а м.

Товарищи! Кровавая война, в которую преступный царизм, благодаря своей политике, вовлек рабочие массы, страшно отомстила его деспотическому правлению. Пролетариат всех наций, угнетаемых самодержавием, пришибленных беспредельным произволом и эксплоатацией, доведенный кризисом до последней степени нищеты, измученный постоянными мобилизациями, приступает, наконец, к борьбе с чудовищным политическим строем.

И вот русский рабочий люд расторгает оковы и вызывает своих палачей на смертный бой.

Из С.-Петербурга движение это передается в Москву. Далее выступает на борьбу Литва: стачечничают в Вильне и Ковне. В такой момент, в момент начинающейся революции, польский рабочий люд не может безмолвствовать.

В атаку, товарищи!

Ко всеобщей стачке!

Пусть ни одна фабрика, ни одна мастерская не приступает к работе. Пусть замрет жизнь производительного мира по воле осведомленного рабочего класса.

Наши требования, прежде чем обратиться с петициями:

1. Восьмичасовой рабочий день.

2. Немедленное начатие общественных работ всеми безработными, независимо от их вероисповедания.

3. Минимум заработной платы:

для мужчин	1 руб. 50 коп.
» женщин и помощников . . .	1 » 20 »

4. Отмена поштучной платы и посредничества.

---

[1]) Приводимые ниже 4 прокламации Варшавского и Стачечного Комитетов представляют собой перевод с польского. *Ред.*

5. Контроль рабочих над назначением мастеров, медицинской помощью, гигиеническими условиями труда и над кассами.

6. Обеспечение (в еврейском: на случай увечья рабочего) под старость.

7. Отмена личных обысков.

8. Удаление фабричной полиции.

Варшавский Комитет Польской Социалистической Партии.

Варшава, 27 января 1905 года [1]).

[1 отделение политической секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

Товарищи и товарки!

Расклеенным сегодня объявлением губернатор обещает рассмотреть наши требования, если мы приступим к работе. Губернатор притворяется глупым и не понимающим, в чем дело, за что льются потоки крови в Петербурге и Варшаве; он, будто бы, не знает, чего желают сто тысяч бастующих рабочих, бездействующие фабрики и заведения Лодзи. Скажем ему, поэтому, в чем дело, как мы уже сказали это правительству, прекращая работы в пятницу во всем городе. Мы желаем быть людьми, а не рабочею скотиною, не хотим убивать себя трудом сверх силы, ищем отдыха, людской жизни и возможности воспитывать детей.

Требуем восьмичасового рабочего дня.

Требуем, чтобы фабриканты несколько поуменьшили бы свои миллионы, добытые нашим голодом и нуждой. Им грозит уменьшение барышей, а нам — голодная смерть; нынешним заработком прожить мы не можем.

Требуем увеличения заработной платы.

Довольно с нас страшной войны, которая где-то там, за тридевять земель, вырывает у нас лучшие силы и несет с собою голод и нужду.

Долой войну, не желаем войны!

Довольно гнета и неволи! Все мы солидарны с товарищами в Петербурге и Варшаве, кровь которых проливают царские солдаты. Довольно с нас этого правительства разбойников и убийц! Долой самодержавного царя! Долой чинодралов! Мы желаем быть людьми и сами управлять собою.

Долой разбойников и воровское самодержавие!

Мы не желаем, чтобы, как это имело место до сих пор, наша жизнь, вера, народность и свобода зависели от батраков пра-

[1]) Даты листовок и прокламаций — по новому стилю, донесения в департамент полиции — по старому, отчего получается несоответствие в датах. *А. П.*

вительства: мы не намерены скрываться, подобно ворам, для того, чтобы посоветоваться о наших нуждах; чтобы газеты и книжки, защищая наши интересы, издавались бы тайно.

Требуем свободы: мысли, слова, печати, собраний, вероисповеданий и народности.

Мы желаем сами управлять собою. В Варшаве должны собраться наши выборные и пусть им будет предоставлено направление жизни и управление страною. Пусть каждому будет дана возможность учиться, судиться и управляться на своем родном языке. Пусть нас не гонят за моря и горы в солдаты; пусть каждый только в своем крае несет воинскую повинность. Довольно с нас управления взяточников-москалей.

Требуем: школы, судов и управления польских.

Забастовочный Комитет Польской Социалистической Партии.

Лодзь, 29 января 1905 г.

[I отделение политической секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

Стачечный бюллетень.

Варшава, 30 января. Всеобщая стачка, подготовляемая нами в виду ожидаемой мобилизации в Варшаве, на весть о петербургских событиях была ускорена. В среду учрежден главный стачечный комитет и 6 районных (1 еврейский). 26-го выпущены воззвания Центральным Комитетом рабочих по поводу революции в Петербурге, 27-го Варшавским Комитетом рабочих — приглашения к стачке и экономическим требованиям, а 28-го тем же Комитетом политическая декларация и приглашение на воскресную демонстрацию. Помещаем ход первых двух дней стачки.

Пятница. Стачка обняла районы: Повонзковский, Вольский, Иерусалимский, в его привислинской части, и Прагу; вечером забастовали телефоны и типографии. Число стачечников 35.000. На Холодной улице пали первыми два рабочих; смерть их отомщена убийством двух жандармов.

Суббота. Стачка быстро охватила всю Варшаву. Стали все без исключения фабрики, мастерские, конторы, газовые заводы, извозчики и железнодорожные мастерские. К приостановлению работ на фабриках достаточно было прочтения, главным образом, нашей прокламации и краткой речи товарищей. В районах с рабочим населением происходили многолюдные политические собрания, и произносились революционные речи. В нескольких местах русский революционер призывал «поляков» к отомщению за смерть их отцов с 63 года и поддержке петербургской революции. В центре

города и на окраинах разбиты фонари. Улицы погрузились во мрак. Горели винные лавки, конфисковано было из склада оружие. Наступившей темнотой воспользовались провоцируемые полицией воры, которые разграбляли магазины. Началась формальная революция. На Вольской легло около 10 человек, на Млынарской убита девочка, на Серебряной — мальчик, на улице Св. Креста — рабочий. Число других жертв, как равно и жертв со стороны полиции и войска, значительно, но недостаточно выяснено. О событиях в субботу и воскресенье вечером — в следующем бюллетене.

Варшавский Стачечный Комитет
Польской Социалистической Партии.

[I отделение политической секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

Обращаем внимание всего населения, что, в виду охватившей Варшаву революции, провоцируемые полицией грабители, пользуясь темнотой, грабят магазины самым гнусным образом.

Товарищи рабочие!

Употребляйте всевозможные средства для удержания этих подонков общества от грабежа. Помните, что царское правительство воспользуется этими фактами, дабы, приписав их нам, обесчестить наше революционное знамя.

Варшавский Стачечный Комитет
Польской Социалистической Партии.

Варшава, 30 января 1905 года.

[I отделение политической секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

---

2. Январская всеобщая забастовка в Варшаве.

Вр. и. д. помощника
Варшавского
Генерал-Губернатора по полицейской части.

17 января 905 года.
№ 413.
Г. Варшава.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В виду имеющихся сведений о намерении рабочих приступить 14 сего января к общей забастовке и. д. варшавского обер-полицеймейстера, согласно заранее выработанному совместно с представителями других ведомств плану, были приняты меры к охране неко-

торых правительственных и городских учреждений, для чего с утра 14 января потребован установленный на этот случай наряд войсковых частей, а также расклеены по городу экземпляры объявления, коим население Варшавы приглашается к соблюдению должного порядка. На некоторых фабриках и заводах работы прекратились с 7 часов утра, при чем забастовавшие рабочие сплоченными группами начали обходить другие промышленные заведения, где, по их требованию, сейчас же прекращали работу, и рабочие выходили на улицу. В числе первых работы были прекращены на газовом заводе, который охранялся ротою солдат и куда затем на место рабочих были назначены нижние чины из войсковых частей. Таким образом, к 3 час. пополудни в большинстве фабричных, заводских и ремесленных заведений работы были прекращены, и рабочие большими толпами начали бродить по прилегающим улицам. К этому времени, по предложению обер-полицеймейстера, управляющим акцизными сборами было сделано распоряжение о закрытии всех винных лавок.

Около 4 час. пополудни собравшаяся на углу Холодной и Вороньей ул. толпа рабочих, численностью до 1.000 человек, стала бросать камни и производить выстрелы в наряд полиции и пеших жандармов, при чем жандарм Макалов тяжело ранен и отправлен в Уяздовский госпиталь, жандарм Семенов контужен, а жандармы Кузнецов и Слуцкий и городовой Стемпневский получили ушибы камнями. Кроме того, из толпы был произведен выстрел в вышедшую в это время на балкон дома № 39 по Холодной ул. жену управляющего испытательной станцией цеха пивоваров Анну Куявскую, получившую поранение в голову. В виду такого действия толпы наряд вынужден был произвести отдельные выстрелы, коими убиты два человека. После сего толпа, заметив приближающийся наряд войсковых частей, рассеялась.

Около 6 час. вечера небольшая толпа рабочих, разбив двери казенной винной лавки в доме № 66 по Холодной улице, ворвалась вовнутрь ее, где разграбила и стала разламывать полки, но, заметив приближение конного наряда, разбежалась.

Около 8 час. вечера нападению подверглась казенная винная лавка в доме № 16 по Млынарской улице. Других случаев насилия со стороны толпы произведено не было, за исключением двух случаев задержания фургонов с хлебом, который был разобран толпою, а также разбития стекол в нескольких десятках уличных фонарей, что было произведено в большинстве случаев подростками, и попытки толпы рабочих освободить задержанных на улице Лешно 6 человек за подстрекательство.

При водворении порядка в течение дня задержано 69 человек за подстрекательство рабочих и неисполнение требований полиции и 2 человека, застигнутых при разрушении ими телефонных проводов в помещении лейб-гвардии Уланского полка.

В течение 14 января уличные безобразники, подростки и хулиганы (по-местному лобузы), пользуясь большим движением безработного рабочего люда на улицах, устраивали безобразия, разбивая стекла в окнах и гася фонари. Со стороны организованных рабочих не было ни одного случая предъявления каких-либо требований, и лишь вечером, часов около 10, появилась прокламация на польском и еврейском языках с параграфами требований, выставляемых Польской Социалистической Партией.

С утра 15 января по улицам Варшавы стали появляться небольшими группами забастовавшие рабочие с большой примесью профессиональных воров, хулиганов и уличных подростков. Прохаживаясь по улицам, группы эти на виду у воинских патрулей вели себя спокойно, но пользовались каждым удобным случаем, чтобы бесчинствовать, разбегаясь затем при появлении воинских частей. Бесчинство началось порчею телефонных распределителей, затем бесчинствующие стали обходить магазины, требуя их закрытия, останавливали легковых извозчиков, снимая с них ливреи и высаживая седоков, побоями заставляли извозчиков отправляться домой. То же проделывалось с ломовыми извозчиками и городскими посыльными. С угольных возов толпою был расхищен уголь. Одновременно толпы забастовщиков принялись бить уличные фонари. Воинские патрули не успевали являться во все те пункты, где производились беспорядки.

После полудня бесчинствующие толпы значительно увеличились, перейдя к еще более резким проявлениям насилия: вагоны конно-железной дороги были остановлены на окраинах, стекла в них перебиты камнями, пассажиры высажены, так что пришлось прекратить движение. Затем толпы бросились на казенные винные лавки и разграбили их в разных частях города, при чем некоторые лавки были подожжены: разграблены в пределах 3, 5, 6 и 8 участков 22 лавки, из них 7 подожжено; на 6 лавок в тех же участках сделаны были нападения, но нападавшие были своевременно рассеяны. Во все места этих бесчинств были немедленно высылаемы воинские части, при появлении которых часть буйствовавших разбегалась, а часть пробовала оказывать сопротивление, но была оружием рассеиваема. В некоторых пунктах толпа оказывала вооруженное сопротивление, стреляя залпами, а на Маршалковской улице в полицейский наряд стреляли из магазина в доме № 129. На углу Вороньей и Грибной улиц около 7 час. вечера появилась баррикада из ящиков, взятых из разграбленных винных лавок; из-за этой баррикады стреляли в воинскую часть, которая затем оружием рассеяла нападавших. При проходе воинского патруля на углу Товарной и Грибной было произведено в него несколько выстрелов из окон углового дома, по которому вследствие этого дан был залп.

С наступлением темноты беспорядки еще более усилились. Толпы, бродившие по улицам, слабо освещенным местами газовыми фонарями, а местами лишь разведенными по приказанию обер-

полицеймейстера кострами, принялись громить частные магазины, разбивая в них стекла и разбрасывая товары. За бесчинствовавшими следовали женщины и подростки с мешками, грабившие товары из этих лавок. Нападению подверглись и были разграблены до прибытия воинских частей оружейные магазины Сосновского на Трембацкой улице и Нижаловского на Королевской улице. Разгром магазинов был произведен на Трембацкой, Медовой, Маршалковской, Граничной, Новолипках, Павлиньей, Новолипье и Св. Креста; разграблены также лавочки на Лупкой, Вороньей, Панской и Гроецкой аллее. Вечером в некоторых местах были замечены руководившие толпами грабителей интеллигентные лица и студенты.

В течение дня были следующие случаи нанесения ран чинам полиции и воинских частей: в 10 час. утра неизвестный злоумышленник тяжело ранил стилетом в грудь городового Крикого в то время, когда городовой пытался задержать его, заметив, что тот занимался срыванием со стен объявлений обер-полицеймейстера. Вечером при рассеивании грабителей винной лавки ранен ножом в голову старший околоточный надзиратель 6 участка Смолинский.

При усмирении буйствовавших убито 9, раненых зарегистрировано 13.

Задержано из числа бесчинствовавших 157 человек. При многих из них найдены прокламации.

Студенты высших учебных заведений, среди которых в последние дни замечалось брожение по поводу петербургских событий, устроили 15 числа сходки, при чем студенты Университета собрались в одной из аудиторий, выгнав на двор чинов инспекции, и постановили требовать преподавания на польском языке; студенты Ветеринарного Института, недовольные его закрытием, ворвались в Институт и решили устроить сходку 17 января в студенческой столовой.

Из средних учебных заведений беспорядки констатированы в 5-й мужской гимназии, ученики которой, в числе 40 человек, отправились по окончании уроков ко 2-й женской гимназии и стали требовать прекращения уроков. Ученики были задержаны и переданы учебному начальству.

В течение дня стачка охватила и те промышленные заведения, в которых рабочие не забастовали 14 января. Во всех случаях рабочие прекращали работу в виду угрозы врывавшихся в промышленные заведения забастовщиков пустить в ход ножи и револьверы.

16 января, в третий день беспорядков, бесчинства начались с раннего утра. Перед рассветом явившиеся из подгородных деревень поднадзорные воры разграбили в районе 5 участка пивной завод и две лавки, а в 8 час. начались нападения на казенные винные лавки в 6, 8 и 10 участках, а также на частные магазины в разных частях города. Благодаря усилению воинской охраны большая часть нападений буйствовавшей черни была своевременно отражена вооруженной силой, и пострадали лишь около 30 частных магазинов.

а в нескольких казенных винных лавках попорчена обстановка. Отличаясь от предшествующего дня меньшим числом грабежей, 16 января охарактеризовалось зато значительно большим упорством сопротивления войскам сгруппировавшихся в толпы буйствовавших элементов, встречавших выстрелами не только разъезды, но и безоружных нижних чинов, не участвовавших в прекращении бесчинств; так, напр., на углу Дельной и Смочьей улиц был ранен шедший без оружия вестовой. В нескольких пунктах толпа нападала на одиночных городовых и стремилась их обезоружить. При объезде обер-полицеймейстером города было сделано несколько выстрелов по сопровождавшему полковника барона Нолькена разъезду. Столкновения воинских частей с толпой, стрелявшей в них из револьверов, оканчивались обыкновенно после первого же залпа рассеянием бесчинствующих, стремившихся унести с собою раненых и убитых, почему установить точную цифру не представляется возможным. По имеющимся сведениям, убито 50 человек, раненых зарегистрировано 56 человек.

Вооруженное сопротивление толпа оказывала на Новолипках, Смочьей, Железной, Дикой, Павлиньей, Простой, Вороньей, Маршалковской, Торговой и Шмулевизне, а также при рассеивании грабителей лавок и магазинов в разных частях города. Из случаев сборищ выделяются: появление большой толпы с двумя красными флагами на Дикой улице, при чем толпа эта рассеялась после того, как казачий разъезд, встреченный револьверными выстрелами, ответил залпом, убившим троих манифестантов, и сборище в нижней части города, своевременно рассеянное, направлявшееся по Бондарной улице к памятнику Мицкевича, куда к 1 часу дня забастовщики приглашались прокламациями и постановлением сходки студентов Университета собраться для демонстрации.

При усмирении беспорядков из чинов полиции и войсковых частей никто не пострадал. Убит револьверным выстрелом из толпы дворник дома № 35 по Павлиньей улице Франц Колодзейчик, 37 лет, находившийся у ворот этого дома.

Из числа участников уличных бесчинств в течение дня задержано 146. Кроме того, задержан с тремя заряженными револьверами и важными документами, относящимися к редакции революционного журнала «Работник», член Центрального Комитета Польской Социалистической партии, прибывший из-за границы с австрийским паспортом на имя Яна Немчевского.

К 8 час. пополудни сборища на улицах уменьшились, за исключением лишь 6 полицейского участка, в котором продолжали до позднего вечера стрелять в патрули из-под ворот и из окон.

Генерал-майор Черкасов.

[I отделение политической секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

М. В. Д.
Варшавский
Обер-Полицеймейстер.
Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в г. Варшаве.

Января 19 дня 1905 года.
№ 180.
Г. Варшава.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В течение 18 января случаев нарушения порядка на улицах города не было. Постепенно восстанавливается обычное течение городской жизни, хотя еще многие владельцы магазинов не решились открыть их, опасаясь грабежа. Забастовавшие рабочие начали возвращаться на работу, пока еще в незначительном числе. По слухам, издание польских газет возобновится в будущую пятницу. Грабежи магазинов и лавок дискредитировали стачку в глазах спокойных рабочих. «Варшавский стачечный комитет Польской Социалистической Партии», сознавая, что затеянные им беспорядки окончились полной неудачей, выпустил две прокламации, в которых открещивается от «подонков общества» и заявляет, что они грабили магазины вследствие провокации полиции, рассчитывающей таким путем «обесчестить революционное знамя». По магазинам и квартирам идет тайный насильственный сбор денег в пользу раненых демонстрантов, при чем, по сведениям, присяжные поверенные добровольно собрали для этой цели несколько сот рублей.

И. д. обер-полицеймейстера полковник бар. Нолькен.

[I отделение политической секции ЕГАФ. Дело департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

Начальник Варшавского
Отделения
Варшавского Жандармского
Управления
железных дорог.

21 января 1905 года.
№ 29.
Г. Варшава.

Секретно.

Шефу жандармов.

День 20 января в районе вверенного мне Отделения при продолжающейся забастовке рабочих и войсковой охране прошел совершенно спокойно. 21 января с утра почти все рабочие Варшавских мастерских обоих паровозных депо, газового завода и электрической станции и только часть рабочих обоих складов топлива явились на работу, при чем в виду большого накопления дела работа производилась совместно с чинами 4-го железнодорожного батальона. В 8 часов утра рабочие Варшавских мастерских снова перестали работать и заявили начальнику мастерских, что работы продолжать

не будут, так как боятся угроз посторонних рабочих, приславших им предостережение. Затем, рабочие, обещав к 2-м часам пополудни прислать депутатов для предъявления своих письменных требований льгот и преимуществ, разошлись по домам. После 2-х часов в мастерские явилось до 100 человек рабочих Варшавско-Венской железной дороги и предъявили представляемое при сем в копии письменное требование, заявив при этом, что работы ими начаты будут не ранее, как по удовлетворении всего, в их петиции изложенного. В мастерских в Прушкове забастовка продолжается, и рабочие никакого желания явиться на занятия до сего времени не проявили.

Ротмистр Плец.

[1 отделение политической секции ЕГАФ. Д. департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

М. В. Д.
Варшавский
Обер-Полицеймейстер.
Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в г. Варшаве.

Января 22 дня 1905 г.
№ 253.
Г. Варшава.

Секретно.

В Департамент Полиции.

Имею честь сообщить департаменту полиции, что с 19 сего января жизнь в городе начала принимать обычное течение, за исключением работ на фабриках, заводах и других промышленных заведениях, где в большинстве к работам еще не приступлено. На некоторых фабриках часть рабочих заявила уже о своем желании приступить к работам, но владельцы, опасаясь повторения насилий со стороны забастовщиков, предполагают пустить машины во всяком случае не ранее понедельника. Охватившая мирных жителей паника, задерживавшая нормальное течение жизни, вызвала необходимость в опубликовании особого объявления, в подлиннике при сем прилагаемого.

21 января состоялись похороны студента Университета Болеслава Дзержбицкого, умершего от огнестрельной раны, полученной им во время беспорядков 17 января. Он оказался сыном довольно состоятельных родителей, которые устроили пышные похороны, прошедшие совершенно тихо, без какого-либо нарушения порядка, и лишь на самом кладбище одной из сопровождавших процессию женщин была положена на гроб красная лента с надписью «жертве насилия», тотчас же, однако, снятая полицейским офицером.

По агентурным сведениям охранного отделения, революционные организации считают общую забастовку окончившейся, предоставляя рабочим на каждой отдельной фабрике воспользоваться настоящим случаем для предъявления тех или иных частных требований, относящихся к данной фабрике.

Всего во время беспорядков задержано чинами полиции и воинскими патрулями и заключено под стражу в городских тюрьмах,

полицейском арестном доме и частью в особо отведенном для сего помещении в цитадели 733 человека, из коих 226 человек по выяснении их деяний переданы ныне в распоряжение Следственной власти для привлечения к уголовной ответственности, в отношении же остальных будут приняты административные меры взыскания, соответственно имеющихся против каждого уличающих обстоятельств.

По тщательном выяснении числа убитых и раненых во время беспорядков оказалось: убитых — 65 человек, из коих личности 8-ми человек остались еще не установлены; раненых до сего времени обнаружено 201, из коих 25 человек умерли. В числе раненых оказался, между прочим, проконсул Великобританского генерального консульства Франц Муцукали, русский подданный из латышей, получивший две рубленные раны, нанесенные ему, по его заявлению, конным отрядом во время рассеивания последним 15 января толпы на Маршалковской улице. Муцукали находится в настоящее время на излечении в больнице св. Роха.

И. д. обер-полицеймейстера полковник бар. Польк е н.

[1 отделение политической секции ЕГАФ. Д. департ. полиции, 4 делопр., 1905 г., № 4, ч. 15. О волнениях и стачках среди рабочих по Варшавской губ.]

---

3. Подробности забастовки.

В а р ш а в а. В среду и четверг была распространена здесь масса прокламаций соц.-демократии русской Польши и Литвы по поводу петербургских событий. Прокламация призывает к всеобщей стачке и к солидарному выступлению польских рабочих с требованием немедленного созыва учредительного собрания. В пятницу и в субботу вышел еще специальный призыв ко всеобщей стачке с требованиями: 8-часовой рабочий день, учреждение общественных работ для безработных, созыв учредительного собрания для окончания войны и провозглашения республики, а также особое воззвание к интеллигенции с приглашением поддерживать рабочих.

Во вторник распространено также воззвание Центр. Ком. польской соц. партии, где говорится, между прочим: «Товарищи. То, чего мы ждали с нетерпением, наконец, наступило. К нападениям на разлагающийся паризм прибавилось самое главное — нападение русского пролетариата».

Вот подробные рассказы о стачке одного корреспондента.

В а р ш а в а. 27 (14) января, 10 час. утра. Только-что прекратили работу рабочие крупнейшего чугунолитейного завода Польши «Лильпоп, Рау и Левенштейн», в Праге (Варшава). Пока еще порядок не нарушен. Вокруг фабрик ездят патрули. Газовый завод и водопровод заняты войском. Население запасается керосином, углем, съестными припасами

5 час. пополудни. Как и следовало ожидать, стачка стала всеобщей. Остановились все фабрики, типографии и т. д. Около полудня булочные были прямо осаждены населением. Теперь в городе не найти уже ни куска хлеба. Паровую хлебопекарню Митлер в предместье Воле рабочие взяли штурмом. Газеты, вероятно, сегодня не выйдут. Я отправился в предместье Волю. На улице Хлодной я встретил извозчика, который вез два трупа рабочих... С четверть часа назад произошло кровавое столкновение на углу Хлодной и Вронской улиц. Казаки бросились на собравшихся рабочих с нагайками. Рабочие принесли камней со строившегося нового дома на улице Хлодной и осыпали солдат камнями. Тогда последовала атака с холодным оружием, а затем и залп выстрелов. Много раненых и убитых. На обратном пути я видел, как рабочие собираются снова. С улицы Вронской прошел еще отряд кавалерии и пехоты. Уличные фонари зажжены, но рабочие на улице Хлодной тушат и разрушают их. По городу ездят сильные отряды войск. Во всех полицейских участках стоят наготове пехота и казаки. Положение чрезвычайно серьезное.

6 час. 20 мин. Я слышал, что на Хлодной улице повторились кровавые стычки. Телефон Варшава — Лодзь порван. Стачка в Праге полная.

15 января, 5 час. дня. Ночь прошла сравнительно спокойно. Сегодня утром большинство магазинов открылось, но потом опять были закрыты. В данную минуту закрыты все магазины, кондитерские и т. д. Даже аптеки пришлось закрыть. Конки не ходят. Было несколько стычек, но, говорят, без кровопролития. В 12 час. студенты университета и политехникума, числом около 2.000 человек, прошли молча по улицам Новый Свет и Краковское предместье; на Театральной площади их разогнали. На 6½ час. назначено собрание в Prosectorium для выражения симпатии рабочим. Улицы необыкновенно оживлены. Уличные фонари горят тускло. Управление газовым заводом просит экономно обращаться с газом, потому что солдаты, заменяющие рабочих, работают плохо. Хлеба недостаточно. Солдаты продают кое-где на улицах свои пайки. За коровай, стоивший 16 коп., платят 50 — 60 коп. Монопольная винная лавка на улице Лешно ограблена и подожжена. Горит и сейчас.

7 час. 50 мин. Театры открыты, площади около них пусты. Извозчиков нет. Кофейни закрыты. Газеты не вышли. Писем не разносили.

29 (16) января, 10 час. утра. Вчерашнее письмо я мог отправить лишь вместе с настоящим, ибо фонари на Маршалковской улице разбиты, дорога к вокзалу небезопасна. Ночью войска бивуакировали на Театральной площади. Утром разграблено несколько оружейных магазинов. Разрушено много винных лавок. Характерно, что толпа выливает водку; пьянства нет. Весь гарнизон мобилизован. Положение серьезное.

12 час. дня. Ночью было, говорят, несколько кровавых столкновений. В настоящую минуту я слышу залпы и пушечные выстрелы по направлению предместья Воли. Говорят о сотнях жертв. Стачка разрастается. Город объявлен на военном положении.

30 (17) января. Число вчерашних жертв неизвестно. Говорят о 160 раненых и убитых. Все промышленные и торговые заведения закрыты».

Дальнейших корреспонденций пока не было. Иностранные газеты отмечают, что почтовые сношения с Варшавой почти порваны. Отчасти объясняется это стачкой, но, главным образом, мерами правительства, удесятерившего теперь работу «черных кабинетов», просматривающих письма и в Россию, и из России.

Появилось в «Варшавском Дневнике» полицейское сообщение о событиях, которое, разумеется, лживо передает факты и старается напирать на разграбление лавок (полицейскими провокаторами).

15 января на улице подверглись нападению войска британский консул в Варшаве и вице-консул. Британский посол вмешался, и русское правительство назначило расследование.

Когда рабочие в пятницу обходили фабрики, хозяева спрашивали: какие у вас претензии? Рабочие отвечали: «Мы бастуем не потому, что имеем против вас претензии, а по политическим причинам. Мы хотим показать, что мы недовольны общими порядками». Фабрикантам, не желавшим закрывать фабрик, заявляли, что это приведет к самым худшим последствиям. Угроза действовала, и фабрики закрыты были все очень скоро.

Русские студенты устроили собрание для выражения сочувствия петербургским борцам. Польские товарищи не приняли в нем участия. Собрание было окружено войском, и студентам предложили на выбор: разойтись или быть арестованными. Многие выбрали последнее. Арестовывали также студентов, которые раздавали съестные припасы забастовщикам.

В немецкую соц.-дем. газету писали из Варшавы: «Общего сражения не было, но палачи прямо-таки охотятся днем за рабочими и за публикой вообще, стреляя время-от-времени в прохожих без всякого предупреждения. Это продолжалось в субботу вечером и весь день в воскресенье. Так, на улицах Брацка, Велька, Хмельна между 10 и 12 час. утра в воскресенье застрелили несколько человек. На улице Млынарска застрелили двух женщин. На улице Кармелицка стреляли в мирно стоявшую толпу рабочих. Убито шестеро. На улицах останавливали и обыскивали прохожих. У кого находили прокламации или револьверы, тех избивали до полусмерти. Рабочие не давали провоцировать себя на всеобщую бойню и демонстрировали с песнями и знаменами отдельными толпами в 500—1.000 человек в разных местах города. Число убитых и раненых считают до 1.800.

[Н. Ленин.]

[«Вперед», № 5.]

V. ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ.

(Рига, Либава, Митава, Виндава.)

1. После 9 января в Риге.

Рига. 23 января. Едва вести о событиях в Петербурге проникли в рабочую среду, как со всех концов города стали получаться сообщения о необычайном возбуждении рабочей массы. Среди обывателей распространились слухи о готовящемся бунте рабочих; росла уверенность, что вспыхнувшее на Неве революционное пламя перебросится в Ригу, а последняя, в свою очередь, подожжет весь Прибалтийский край. Говорили, что всеразрушающая сила рабочей революции никем и ничем не может быть остановлена, что к рабочим примкнут запасные; обывательская фантазия создавала каких-то таинственных лиц, специально приехавших, чтобы поднять рабочих. Партийные работники, в свою очередь, были уверены, что в разгаре борьбы Центр. Ком. партии не замедлит разослать гонцов во все комитетские города России с подробными извещениями и общим планом действий. Но в нашем крае, с значительной массой рабочего населения, в течение всей революционной недели не было видно ни одной прокламации наших центров. В Ревеле матросы и рабочие откуда-то достали старые прокламации Рижского комитета, в Митаве одна незначительная партийная группа вынуждена была работать на гектографе; в других районах дело обстояло еще хуже. В Либаве, рассказывают, матросы предлагали плату за русские прокламации; в Гольдингене и Гробине полицией был пущен слух, что царь обещал конституцию, если рабочие возвратятся к работе. Сведений о положении дел в других городах не было, приходилось все делать наугад: о каком-нибудь общем соглашении с другими социал-демократическими организациями в тех городах, где имеются комитеты партии, со стороны Центральн. Комитета тоже что-то не было слышно.

Вечером 11-го стало известно, что некоторые мелкие мастерские начали забастовку; забастовавшие рабочие проникли в Александровскую гимназию, где в это время заседало литературное общество, и распространили прокламации политического характера, выпущенные федеративным комитетом. Комитетом партии были выпущены прокламации, в которых выяснялась необходимость политической

свободы и были выставлены требования экономического характера. Федеративный Комитет выпустил прокламации с призывом к генеральной забастовке еще 11 января, очевидно, упустив из виду, что, при настоящих полицейских условиях, в центрах с большим рабочим населением, всеобщей стачки вести мирно нельзя, что борьба с штрейкбрехерами, число которых должно быть значительно, особенно в Риге, должна вызвать вмешательство войска; в прокламациях 10 и 11 января ничего не было сказано, как нужно держаться во время забастовки. Кроме того, опыт массовых забастовок неоднократно показал, что сознание своей силы, овладевая серой массой, должно неизбежно привести к массовой демонстрации. Одновременно с призывом к всеобщей забастовке следовало бы озаботиться выработкой плана и организацией некоторого руководства для выполнения плана; но о плане действий стали говорить поздно, когда устройством отдельных демонстраций забастовщики указали властям на надвигавшуюся грозу и дали возможность принять меры для охраны оружейных магазинов, газового завода и т. д.

Движение, начавшись утром 12 января, охватывало все большее число рабочих, брало штурмом мелкие мастерские, разливалось по прачечным и модным магазинам, проникало в барские кухни. В политехникуме была устроена многолюдная сходка, на которой организовались сборы в пользу стачки, и решена обструкция; ученики и ученицы всех учебных заведений были распущены. Комитетом партии были выпущены прокламации на русском, польском и литовском языках: выяснялись события в столице в связи с политическим гнетом и объявлялась всеобщая забастовка. Вражеский лагерь в этот день был деморализован; только к вечеру полицейское управление забаррикадировалось, казначейство превратилось в казарму, а вся жандармско-полицейская служба была сосредоточена в губернаторском дворце. К сожалению, мы не успели за этот день организовать нападение на оружейные магазины и уничтожение телефонной сети. Прокламации, призывающие к вооружению, появились лишь после бойни, когда, с одной стороны, войско успело занять город, а с другой — эти прокламации не могли уже вызвать необходимый подъем духа после кровавой катастрофы. Стачечный комитет, образовавшийся из всех местных комитетов, приступил к выработке общего плана действий, когда на улицах уже лилась рабочая кровь, а относительно самого плана 12 января никто ничего определенного не знал. Демонстрация первого дня закончилась везде мирно.

На следующий день, 13 января, с самого утра город принял торжественный вид; с разных концов стекались люди всех возрастов и классов на Московский форштадт, на Красную Двину и Александровскую улицу. Первая значительная демонстрация произошла за Двиной: 5 — 6 тысяч человек двинулись в город с красным знаменем и революционными песнями, но, встреченные отрядами городовых и конных солдат, отступили после стычки, унеся с собою трех раненых. Одновременно происходили демонстра-

ции на Суворовской, Мариинской и др. улицах, и везде полицейские наряды употребляли холодное оружие. Стало ясно, что оправившиеся власти не остановятся перед кровавыми столкновениями, и мирные демонстрации неизбежно закончатся человеческими жертвами. Это подтверждалось еще тем, что за отсутствием губернатора его замещал вице-губернатор Неклюдов, ставленник Плеве. Говорили, что этот помпадур способен дать генеральное сражение по мельчайшему поводу. Действительность оказалась ужаснее всех предположений. К часу дня главная масса притекала к Московскому форштадту и, увеличиваясь с каждой минутой, заполнила всю Московскую улицу. Люди всех национальностей пели и кричали от радости; возгласы «долой самодержавие, да здравствует социализм» заглушали речи ораторов. Несколько десятков тысяч человек, забыв о своих страданиях и нуждах, казалось, празднуют что-то важное, необычайное.

Около 4 часов по Московской улице двинулась толпа с пением «Марсельезы», с несколькими знаменами, по направлению к тюрьме, где заключены политические. Около 5 часов, когда стало смеркаться, демонстранты приблизились к мосту. В это время мы заметили полуроту солдат унтер-офицерского батальона, стоявшую на Соборной ул.; при нашем приближении она взяла ружья на-перевес. Первые ряды демонстрантов приостановились; один оратор, выступив вперед шагов на 20, обратился с какой-то речью к солдатам. В задних рядах замолкла песня, произошло замешательство. Многие стали бросаться назад, некоторые искали спасения на мосту; человек двести, отделившись от толпы, кинулись в город мимо Митавского вокзала, но навстречу им выступила вторая полурота, спрятанная на Кирилловской ул., и выстрелила в бегущих. Залп второй полуроты был, вероятно, условным сигналом для первой, так как офицер, командовавший первой полуротой, в этот момент скомандовал «пли», — раздался новый залп. Кто-то закричал, кто-то охнул, кто-то начал громко взывать о помощи, — и в течение 6 — 8 минут в воздухе стоял жалкий протяжный стон. Демонстранты, объятые паникой, не знали, куда бежать; попав под залпы с двух сторон, многие бросались к реке и тонули в проруби; иные стали ползти по насыпи, чтобы взобраться на мост, — пули, однако, не щадили никого. Несчастные из задних рядов, желая спастись от пуль, ложились на землю. Бегущие, гонимые градом пуль, наступали на раненых и убитых. Это был какой-то дикий разгул озверевших солдат. Стреляли в бегущих, стреляли в спрятавшихся под ступенями моста, стреляли в тех, кто подымал раненых... На расстоянии десятков сажен земля была покрыта убитыми и ранеными, многие части улицы были прямо залиты человеческой кровью. Но еще отвратительнее был вид полицейских и солдат, набросившихся на свои жертвы; тут происходило возмутительное издевательство над убитыми и ранеными: их стали раздевать и обыскивать; многих раненых подвергли еще истязаниям. Какой-то пожилой чиновник,

случайно видевший эти сцены, не выдержал и заплакал. К счастью, большинство раненых было увезено самими демонстрантами на частные квартиры, откуда после перевязки их перевозили в больницы. Общее число убитых на этом месте и утонувших в Двине достигает 127 человек, а число тяжело раненых превышает 200. Почти все поражены сзади. Характерны отдельные эпизоды этой бойни. Выбежавший на шум пассажир конки, председатель ссудо-сберегательной кассы Немчинов, смертельно раненый солдатской пулей, был еще приколот пом. пристава Грегусом, принявшим его за демонстранта. Подобная же участь постигла одну женщину, стоявшую в дверях Митавского вокзала; также — парикмахера, вышедшего на шум и убитого на пороге своего дома; детей, гулявших в сквере Московской улицы, и т. д.

Довольно значительные по числу участников демонстрации были еще на Парадной площади и на Александровской улице. На Парадной площади участвовали в демонстрации вооруженные рабочие, вступившие в перестрелку с полицейскими; с обеих сторон оказалось 12 человек раненых, в том числе двое рабочих — тяжело. Сравнительно более мирной надо считать демонстрацию, произведенную на Александровской улице. В этой демонстрации участвовала масса молодежи средних учебных заведений; на нее набросились полицейские; благодаря упорному сопротивлению рабочих арестованных удалось освободить. Тем не менее, и в этой демонстрации оказалось несколько человек тяжело раненых.

Начиная с 13 вплоть до 19 января с наступлением вечера все население находилось под арестом, а начальство, очевидно, чувствовало себя как в покоренном городе, охраняемом военными патрулями.

По поводу происходивших событий на следующий день Комитетом партии были выпущены три прокламации. В первой, рассматривая зверскую резню в связи с общим политическим и правовым положением рабочего класса в России, прокламация призывает к дальнейшей борьбе за установление народного правления и говорит, что если 13 января мы были безоружны, то настанет время, когда мы поднимемся с оружием в руках; к этому моменту мы должны готовиться. Вторая обращается к обществу, призывая его отказаться от политической покорности и долголетнего терпения, вступить в ряды борцов за свободу. Насколько наше местное общество остается глухим к политическим событиям, — свидетельствует тот факт, что за все время забастовки стачечный комитет собрал всего около 2-х тысяч рублей, считая в этой сумме и те пожертвования, которые вносились специально для семей убитых и раненых. И это в городе с 300 тыс. населения! Третья прокламация была выпущена к солдатам.

День 14 января прошел сравнительно спокойно: только оживленное движение рабочих по улицам свидетельствовало о забастовке. В субботу, 15 января, состоялись похороны убитого возле

моста студента Печуркина. Остальных трупов, по распоряжению губернатора, не выдавали из городской больницы до 17, из опасения беспорядков со стороны толпы во время похоронной процессии. За все эти дни арестовано было более 200 человек, из которых 134 человека получили административно в общем 176 месяцев тюрьмы, остальные пока еще находятся в разных участках. Больше половины рабочих приступили к работе 18 января, остальные продолжают забастовку. Отдельные стычки происходят ежедневно, особенно на Митавском форштадте, где обе стороны упорствуют по вопросу об удалении некоторых мастеров. Удовлетворены лишь отдельные требования: сокращение на час рабочего дня, улучшение санитарного положения (не на всех заводах). Спрос на агитаторов неимоверный, особенно среди латышей. По поводу начала работ на отдельных фабриках 18 января, стачечный комитет, сознавая свое бессилие в борьбе с голодом, выпустил прокламацию, из которой приведу выдержку для характеристики положения дел: «Своей всеобщей забастовкой, продолжающейся более недели, своими демонстрациями и требованиями мы открыто и единодушно выразили свою полную солидарность с теми сотнями тысяч пролетариев, которые восстали в Петербурге на защиту прав и интересов рабочего класса. Своей кровью, пролитой 13 января, мы навеки закрепили эту солидарность, эту теснейшую связь с миллионами борющегося за свое освобождение российского пролетариата. Царское правительство, пулями разгонявшее мирных демонстрантов, вооруженной силой охраняющее все заводы и фабрики, всех штрейкорехеров, несмотря на все свои зверства, не могло помешать выражению нашей солидарности и братского единения с рабочими всей России; но эти зверства, эти массовые убийства ставят перед нами вопрос о прекращении всеобщей стачки или об открытом вооруженном отпоре. Для последнего мы еще не готовы, — и нам остается одно: прекратить всеобщую стачку и готовиться к открытой вооруженной борьбе с нашим врагом. И мы, соц.-дем. организации, приглашая рабочих отдельных фабрик продолжать борьбу с хозяевами и добиваться от них уступок, объявляем всеобщую стачку оконченной. Но это не означает, что мы предлагаем сдаться на милость победителей. Нет, борьба не окончилась: она только еще начинается.

[«Вперед», № 5, 1905 г.]

---

2. Ход забастовки.

Рига. О рижской стачке мы имеем подробные сведения благодаря корреспонденциям в немецкие газеты. Вот что писали к истории стачки:

«Уже несколько недель назад, еще до петербургского мятежа, рабочие здешней правительственной верфи, которая, должно-быть,

по «политическим» соображениям, сохраняет еще старую фирму «Ланге и Сын», заявили, что забастуют, если им не повысят платы. К ним примкнули рабочие нескольких других фабрик. Ненависть рабочих особенно была направлена против мастеров, которые здесь заведуют приемом рабочих. Все и каждый знает, что мастера берут с рабочих взятку в 10 — 15 рублей за место на заводе. Эту мзду вычитают потом еженедельно из заработка. Понятно, что в интересах мастера чаще рассчитывать рабочих. Рабочие не раз уже избивали мастеров по ночам. Фабричные инспектора успокаивали рабочих обещанием более строгого надзора за мастерами. Несколько дней назад прибыли из Петербурга и Москвы эмиссары, которые постарались вызвать стачку на Балтийском вагонном заводе (несколько тысяч рабочих). В среду утром рабочие ходили уже по улицам большими толпами в полном порядке, совершенно без пьяных (редкость в России, — замечает немецкий корреспондент), и заставляли одну фабрику за другой прекращать работу. Таким образом в течение 24 часов добились они того, что остановили работу всех фабрик Риги и пригородов. Но в отличие от прежних стачек движение имеет теперь чисто-политический характер. Это — массовая демонстрация. В городской театр явились во время представления посланные от политехников и заставили приостановить представление. Театр был тотчас закрыт. Рабочие с красными знаменами ходят по городу. Говорятся революционные речи».

Вот письмо очевидца в одну буржуазно-демократическую газету: «В ту минуту, когда я пишу эти строки, с Театрального бульвара раздаются вместе с ревом снежной бури крики возбужденной толпы. Издали трудно разобрать характер несущихся звуков. Но, подобно мне, тысячи граждан Риги слышат их и невольно связывают с вестями о Петербурге и Москве, которые разнеслись уже по всему миру. Со вчерашнего дня не менее 50.000 рабочих, т.-е. все здешние рабочие, забастовали по инициативе петербургских организаторов. Студенты не только примкнули к ним, но даже взяли на себя руководящую роль. Одна латышская социал-демократическая прокламация излагает, подобно многим другим, которые ходят здесь в последние дни по рукам, причины и поводы стачки. Во всей прокламации ясно видно страстное желание избавления от царизма, давящего всех, как тяжелый камень. Прежде всего заявляется солидарность с петербургскими передовыми борцами, которые искали хода к царю, направляясь к нему со священником и крестом во главе, и которые были массами расстреляны за это. Затем излагаются пожелания короткого рабочего дня, повышения заработной платы, лучшего обращения, конституции, прекращения войны в Манчжурии. Заканчивается прокламация криком «ура» в честь революции. «Рабочие! Вперед, вперед, вперед!»

«Этот манифест написан, правда, горячо, страстно, сжато и веско, но ему недостает здесь широкого базиса и крепкого острия. Здешние рабочие по большей части не заинтересованы в стачке

(? а 50.000? *Ред.*) и хотели бы продолжать работу, а с другой стороны, политическая тенденция подчеркнута недостаточно. и здесь нет ни императора, ни министров, чтобы предъявить требования (? не плагиат ли это из новой «Искры» о сопоставлении лицом к лицу рабочих и власть имущих? Ред.). На всех перекрестках расклеены час назад объявления губернатора, воспрещающие всякие сборища в виду преступных намерений рабочих и грозящие употреблением военной силы при малейшем сопротивлении. Несмотря на это запрещение, толпы рабочих с криками «ура» в честь революции демонстрируют на улицах, а против собора было уже сделано пять выстрелов из публики по стоявшему там войску. Ранен, к счастью, не был никто. Стрелявшие скрылись.

...«Свечерело. Снежная буря продолжается. Окна покрыты льдом. Вой ветра наполняет весь дом. В соседней комнате лежит застреленный муж моей русской хозяйки. Его принесли сюда друзья четверть часа назад. В нижнем этаже принесены еще трое тяжело раненых студентов. Шум и крики на бульваре, которые я слышал давеча, были криками ужаса и ярости во время страшной битвы, происшедшей на берегу Двины и унесшей неожиданно большое число жертв. Мне не сидится за письменным столом.

«Я на Двине вместе со многими из публики, у которых любопытство и участие к борцам пересилили чувство страха за себя. Перед домом, нижние окна, двери и стены которого простреляны, лежит еще длинный ряд мертвых и раненых. Подъехали сани Красного Креста. И живых и мертвых подобрали и увезли в больницу. Около меня стоит горбатая женщина. Ноги отказываются ей служить, и она падает. Солдаты и публика молча смотрят на следы крови на снегу. Шагах в тридцати от нас по круто падающей в Двину набережной несколько мужчин и женщин сбегают вниз, на лед, о чем-то горячо толкуют и жестикулируют.

«Я спрашиваю, в чем дело. Отвечают: тысячная толпа, состоящая из рабочих, иностранцев, зевак и революционеров, хотела люд предводительством студентов окружить войско; одного жандарма убили выстрелом из толпы[1]); войско ответило залпом, в ответ на который последовали еще выстрелы из толпы. Тогда толпа мало заинтересованных или трусливых участников разбежалась во все стороны. Масса бросилась на Двину, многих столкнули на лед с набережной солдаты. Лед около береговых камней был тонкий и проломился. Громадная масса народа исчезла подо льдом и была унесена быстрой рекой.

«Расходитесь. Не собирайтесь, а то будем стрелять», — слышу я окрик. Мои соседи справа и слева разбегаются. Я вскакиваю в одну из домовых дверей, куда входит несколько человек. С собора раздаются удары колокола: набат. Но публика не бросилась к месту пожара в виду позднего времени и дурной погоды.

---

[1]) Этот факт не подтверждается нашими корреспондентами.

«На другой день было тихо. Приезд казаков после происшедшей бойни не производил впечатления. Около немецкого театра собралась большая толпа народа всех классов, когда студенты политехникума устроили траурную демонстрацию в честь павших накануне товарищей.

«Явился большой отряд пехоты. Начальник отряда решительно потребовал удалить знамя, — из окна было вывешено большое черное знамя с надписью: «Ты умер за отчизну. Слава твоей памяти. Месть твоим убийцам», — студенты отвергли требование и стали, наоборот, размахивать знаменем из окна второго этажа. Было еще светло. Весь политехникум окружили войском, и был отдан приказ отнять знамя. Солдаты направились уже к крыльцу. Студенты вынули револьверы и ножи.

«Директор политехникума успел, однако, вмешаться в последний момент и убедил студентов согласиться убрать знамя по окончании чествования. Офицерам и солдатам пришлось стоять и слушать, как ораторы в страстных речах перед аудиторией, стоявшей без шапок, при криках «ура» и развевающемся знамени, при торжественном пении «Вечная память» прославляли подвиг покойных и клялись отмстить за них. Чествование продолжалось долго. Знамя было потом убрано.

«Теперь все спокойно. Только маленькие группки рабочих с песнями проходят по улицам»...

В другую либеральную газету сообщили от 16 января: «Субботняя получка прошла спокойно. В понедельник начинаются работы на всех фабриках. Ожидания нового кровопролития по поводу похорон одного студента не оправдались. На улицах войско держалось вдали от похоронного шествия, а кладбище было окружено все казаками, готовыми к военным действиям. Поэтому тело пришлось похоронить без речей и демонстраций. Перед гробом шел студент с большим венком, неутомимо показывая во все стороны его красную ленту, на которой золотыми буквами было написано: «Слава твоей памяти. Смерть твоим убийцам». Распространялась масса воззваний на русском и латышском языках, которые или передавались по рукам, или бросались в толпу маленькими перевязанными пакетиками по нескольку штук».

Другой корреспондент пишет в ту же газету от 29 (16) января: «Несмотря на все свое зверство, войско и полиция оказались здесь бессильны. Случались даже такие вещи, что на некоторых улицах толпы рабочих окружали полицейских и заставляли их нести перед ними впереди красное знамя. В серьезной драме, таким образом, были и сатирические эпизоды.

Число подобранных на улицах мертвых определяют в 56 человек; из раненых умерло в больницах еще 17. Громадное впечатление производило невиданное еще в Риге зрелище: тяжелые телеги, перевозившие обыкновенно мешки с хлебом или железные товары, возили по улицам непокрытые трупы».

Наконец, вот еще доставленное нам письмо одной участницы событий: «В ушах еще стоит свист пуль и грохот оружия. Рука дрожит, и нет слов для выражения того возмущения, которое нами овладело, нет слов для описания тех ужасов, которые мы переживаем. В четверг вечером нас окружили солдаты и без всякого предупреждения открыли пальбу боевыми патронами. Убитых около 80, раненых до 300. Я спаслась каким-то чудом. Меня вытащили из снега, и я очнулась в каком-то погребе, где было человек 25 раненых. Я сейчас же стала применять к делу свои медицинские познания: потом пришлось развозить раненых по домам. Несмотря на зверство войска, настроение рабочих бодрое. Все чувствуют, что это — начало революции. Театр, учебные заведения, магазины, — все закрыто. Трамвай не ходит. По улицам двигалась толпа тысяч в двадцать, в том числе и русские рабочие с фабрики Кузнецова. Лозунг рабочих: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Слава петербургским товарищам».

Среди рижских стачечников сильнейшая нужда: есть нечего. Иностранные газеты сообщают, что в Риге смертельно ранены два солдата и помощник пристава Билев.

В Ревеле забастовка началась в один день с Ригой. Прекратились работы на всех заводах и в железнодорожных мастерских. Все магазины и учреждения закрыты, войска охраняют вокзал. Толпа пыталась разрушить газовый завод, но войска помешали.

В Либаве, Виндаве и Митаве тоже вспыхнули всеобщие стачки. Из Митавы сообщали от 14 января: «Прибывшие из Риги агенты вызвали стачку. Толпа рабочих, все возраставшая, останавливала фабрику за фабрикой. Вызвано войско. Рабочие демонстрируют с песнями и знаменами, разбрасывают воззвания. Патрули объезжают город. — 15 января. Толпы рабочих ходят по улицам. Столкновений с войском еще не было. — 17 января. Стачка продолжается. Гарнизон ослаблен отсылкой роты в Виндаву. Произошли беспорядки. Один полицейский ранен. Войска еще не прибегали к употреблению оружия. Батальон пехоты и батарея артиллерии посланы из Вильны в Либаву.

Либава. 28 (15) января. Вчера вечером толпа демонстрантов разрушила телеграфные столбы. Сегодня утром их снова поставили. Были нападения на булочные, но войска, получившие подкрепление из Ковны, рассеяли толпу.

Виндава. 31 (18) января. Стачку начали рабочие элеватора, предъявившие ряд требований. Затем примкнули железнодорожные рабочие. Все заведения и банки закрыты. Стачечники держат себя спокойно, собираются на рыночной площади и обсуждают там свои требования. Элеваторные рабочие возобновили работу после того, как им обещали известные уступки.

[Н. Ленин и М. Ольминский.]

[«Вперед», № 5.]

VI. ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В САРАТОВЕ.

1. Призыв к борьбе и протесту.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует всеобщая стачка!

Первый удар революции раздался. Весь рабочий люд Петербурга, как один человек, поднялся на борьбу с капиталистами и царским правительством. Голодная плата и длинный рабочий день... Пули и штыки царского правительства... Тяжелая и преступная война, разоряющая народ... Довольно страданий. И сто сорок тысяч петербургских рабочих забастовало.

Они поклялись умереть за свободу и 9 января громадными толпами направились ко дворцу предъявить русскому царю свои требования: «свободы и хлеба».

Штыками и пулями встретило их царское правительство. Позорно побитое на Дальнем Востоке, оно храбро бьет рабочих на улицах русских городов. В уличных схватках, в открытой борьбе с ненавистным врагом пали десятки убитых и сотни раненых.

Пусть пролитая кровь рабочих падет проклятием на царское правительство. Пусть захлебнется оно в народной крови. Ему недолго уже осталось существовать. Пламя святой борьбы за свободу разливается все шире и шире. Оно охватывает всю Россию. После Баку — Питер, после Питера — Москва.

Товарищи. Час решительных действий настал. Очередь за нами. Поддержим бакинских, питерских и московских товарищей. Их дело — наше дело, дело всего рабочего класса.

Товарищи. Бросайте работу. Да здравствует всеобщая стачка! Долой правительство убийц и насильников! Да здравствует всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует Социал-Демократия!

Саратовский Комитет.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 2, 1905 г.]

2. Требования рабочих.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам.

Граждане, по призыву Саратовского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии саратовские рабочие бросили работу.

Волна политического рабочего движения разливается все шире и шире: Баку, Петербург, Москва, Вильна, Ковна, Саратов...

Городской рабочий класс берет в свои крепкие, верные руки дело всего русского народа — дело политического освобождения страны.

Близится час революции, и все, что есть в современной России живого, мыслящего, рвущегося к политической свободе, — все должно поддерживать поднявшееся движение. Нужна поддержка моральная и материальная.

Служащие железной дороги, всевозможных контор и учреждений, учащаяся молодежь, организуйте всеобщую стачку. Присоединяйтесь к рабочим, выставляйте ваши требования, выставляйте требования политического освобождения страны.

Граждане, всеми силами и всеми средствами поддерживайте забастовавших рабочих. Их дело — ваше дело, их политические требования — ваши требования. Они гласят:

1. Созыв Учредительного Собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов.
2. Прекращение войны.
3. Прекращение всех дел по политическим преступлениям и освобождение и восстановление в правах всех пострадавших по таковым делам.

Граждане, от вас зависит приблизить час освобождения.

Саратовский Комитет РСДРП.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 5, ч. 64, 1905 г., стр. 24в.]

Ко всем гражданам.

Граждане! 12 января, по призыву Саратовского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии саратовские рабочие начали забастовку.

Выставлены следующие требования:

1) Созыв учредительного собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов.

2) Прекращение войны.

3) Прекращение всех дел по политическим преступлениям, освобождение и восстановление в правах всех пострадавших по таковым делам.

4) Введение 8-часов. рабочего дня.
5) Отмена сверхурочных работ.
6) Отмена штрафов и обысков.
7) Улучшение санитарных условий труда, введение электрического освещения, исправное отопление, устройство хорошей вентиляции и т. д.
8) Выдача платы сполна каждые две недели в рабочее время.
9) Выдача платы за царские дни.
10) Право праздновать 1-е мая с сохранением дневной платы.
11) Вежливое обращение со стороны администрации и мастеров.
12) Немедленная выдача пособия пострадавшим за увечье.
13) Отмена сдельных работ и повышение поденной платы.
14) Установление правил внутреннего распорядка по соглашению с рабочими.

Граждане. Могучая волна политического рабочего движения охватывает город за городом. Рабочий класс берет в свои крепкие, верные руки дело всего русского народа — дело политического освобождения страны.

Пулями и штыками отвечает царское правительство на требования петербургских рабочих: «свободы и хлеба». Позорно побитое на Дальнем Востоке, оно храбро бьет рабочих на улицах русских городов.

Но всеобщими стачками в Москве, Ковне, Вильне, Саратове отвечает российский пролетариат на преследования царского правительства.

Граждане. Дело восставшего на борьбу рабочего класса — ваше дело. Его политические требования — ваши требования. Морально и материально должны вы поддерживать начавшееся движение. Всеми силами и всеми средствами должны вы его поддерживать: в нем залог политического освобождения России.

Служащие железной дороги, различных контор, частных и общественных учреждений, учащаяся молодежь, — бросайте ваши занятия, примыкайте к всеобщей стачке, присоединяйте ваши требования к требованиям организованного пролетариата.

Рабочие. Кто забастовал, — держитесь крепче. Кто не забастовал еще, — пусть присоединяется к стачке. Объединяйтесь тесней под красным знаменем Рабочей Партии.

В единении — наша сила.

Долой правительство насильников и убийц!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Да здравствует Социал-Демократия!

Саратовский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Типография Комитета.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 32.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи. Громадное стачечное движение охватило весь Саратов. Обычная жизнь города с 150-тысячным населением оборвалась.

Интересы, затрагиваемые этим движением, громадны и сложны: они требуют сознательного отношения ко всему окружающему; они требуют хладнокровия и настойчивости.

Для того, чтобы наша деятельность отличалась сознательностью, нам, участникам всеобщей забастовки, необходимо совместно обсудить наши нужды, совместно выработать план наших действий.

Товарищи. Нам необходимы общие открытые собрания. Мы призываем всех участников всеобщей забастовки в воскресенье 16 января, в 12 часов дня, на собрание в Парусиновскую рощу за линией железной дороги.

Граждане. Дело поднявшегося на борьбу рабочего класса есть дело всего мыслящего передового населения России. Дело саратовских забастовщиков — дело всех мыслящих передовых слоев местного населения.

Мы призываем поэтому и вас всех, граждане города Саратова, на на это собрание.

Перед лицом всего населения готовы мы — и будем — объяснять и защищать выставленные нами требования.

Товарищи. Граждане. 13 января казачий разъезд позволил себе с обычной своей наглостью нагайками и шашками разогнать рабочих-забастовщиков, собравшихся для обсуждения своих кровных интересов.

Мы обращаем внимание всего населения на это вызывающее поведение саратовской администрации, и это поведение вынуждает нас обратиться к вам, граждане, с призывом: вооружайтесь, чем можете.

Не нападать на представителей администрации мы призываем, а защищаться. И если администрация вновь попытается помешать нам в обсуждении наших кровных интересов, мы должны дать — и мы дадим ей должный отпор.

Помните, граждане, хладнокровие и настойчивость.

Саратовский Комитет.

12 и 13 января комитетом выпущено 10 тысяч экземпляров различных листков. За то же время собрано на петербургских рабочих-стачечников 700 р., а на местных — 2.700 р.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 50.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Громовым ударом пронеслась по России весть о том, как царское правительство ответило штыками и пулями на справедливое требование петербургских рабочих: «свободы и хлеба». Ужас охватил всю рабочую, всю мыслящую Россию. Ужас и гнев. Заволновалось все, что рвется в России к свободе, к лучшей жизни... Заволновались и сознательные саратовские рабочие. Их представители, члены соц.-дем. организаций, постановили поддержать своих петербургских товарищей. Тогда соц.-дем. комитет призвал саратовских рабочих особым листком к всеобщей забастовке: «Товарищи, наши петербургские братья-рабочие борются и гибнут за наше общее дело. Присоединимся же и мы к их благородной борьбе». Через два дня забастовка стала почти всеобщей. К рабочим присоединились служащие различных учреждений, присоединились учащиеся. Тем самым наша забастовка приняла характер крупной политической демонстрации против царского правительства, у которого на справедливые требования есть один ответ: штыки да пули. Мы, организованные рабочие, показали, что мы достаточно сознательны и сильны, чтобы остановить обычную жизнь громадного города; мы показали, что в момент решительной всероссийской схватки с правительством — насильником и убийцей — мы сумеем двинуть на приступ самодержавия всех, кто рвется к свободе. Но, товарищи, рядом с требованиями политическими мы выставили и требования экономические. Нищенская плата и длинный рабочий день, штрафы и прижимки не дают нам жить по-человечески, обессиливают нас в нашей борьбе. Мы понимаем, что, пока над Россией висит свинцовой тучей произвол царского правительства, мы не можем намного улучшить нашу жизнь. Если бы мы и добились крупных успехов, то они все равно скоро пошли бы прахом, потому что без политической свободы рабочий класс не может успешно отстаивать свои кровные интересы. Сейчас мы можем добиться только мелких частичных улучшений. Но ими пренебрегать нельзя: слишком тяжело живется нам теперь. Нельзя тем более, что насколько улучшим мы нашу жизнь сейчас, настолько увеличим мы нашу силу для дальнейшей борьбы за лучшее будущее. Товарищи, некоторые из забастовщиков получили уже уступки и становятся на работу. Некоторые прекращают забастовку, не добившись никаких экономических уступок. Наша забастовка перестает быть всеобщей — она перестает быть политической демонстрацией против царского правительства. Частичные забастовки, которые длятся и которые еще возникают, — это по преимуществу забастовки экономические. Товарищи. Граждане. Мы должны поддержать всеми нашими силами наших братьев-забастовщиков, чтобы поомчь им добиться уступок.

Товарищи, ставшие на работу! Отчисляйте из вашего заработка, кто сколько может, в пользу ваших товарищей, продолжающих борьбу. Их дело — ваше дело, дело всех рабочих. Граждане, жертвуйте на забастовщиков, помогайте рабочим. Чем большего теперь добьются забастовщики в борьбе, тем энергичнее сможем мы вести борьбу за наше общенародное дело, — дело освобождения России от позорного, губящего страну ига самодержавия. В переживаемый нами исторический момент дело сознательных рабочих — ваше дело, а кто не за нас, тот против нас.

Саратовские рабочие, вдумайтесь хорошенько в смысл и значение нашей всеобщей забастовки: она сделалась возможной благодаря тому, что в Саратове есть уже немало сознательных рабочих, объединенных вокруг социал-демократической организации. Уступки, которые мы получили, добыты нам, главным образом, нашими сознательными организованными рабочими.

Товарищи, вывод отсюда ясен, и вы все поймете урок саратовской всеобщей забастовки: сплачивайтесь теснее, организуйтесь вокруг вашего социал-демократического комитета, отстаивайте всеми силами ваши политические и экономические интересы, кладите всю душу за то, чтобы весь рабочий класс соединился в одну братскую семью, чтобы скорее под его дружными ударами разлетелось в прах позорное иго самодержавия.

Товарищи, все за одного, один за всех!

Долой Царское Правительство насильников и убийц!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует Социал-Демократия!

Саратовский Комитет.

3. Ход забастовки.

Шифрованная телеграмма Саратовского Губернатора Столыпина Министру Внутренних Дел от 14 января 1905 г.

Забастовали все заводы, фабрики, типографии, мукомольни, электрические станции, железнодорожные мастерские, депо, стрелочники товарной станции, служащие управления железной дороги, городской и губернской земской управ, строительной конторы Астраханской линии. Выпуск газет и товарное железнодорожное движение прекращены. Городской водопровод и казенный винный склад принятыми мерами ограждены от попыток насилия; зачинщики немедленно подвергаются аресту. Надеюсь поддержать пассажирское движение. Командующий войсками отказал в присылке казаков. Войск две тысячи четыреста человек, изнуренных бессменною двухдневною службою; остальные необмундированные, нена-

дежные запасные. Вторично прошу генерала Косича выслать два батальона из Пензы.

Сегодня все службы и отделы управления дороги, а также мастерские и депо, находящиеся в районе заведываемого мною отделения, начали работать, движение всех поездов восстановлено.

Штабс-ротмистр Бертгольд.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 37б.]

К рабочим города Саратова.

С понедельника, 7 февраля, рабочие на саратовских мукомольнях прекратили работы. После этого прекратили работы рабочие на некоторых заводах и в мастерских Рязанско-Уральской жел. дор.

Мною была предоставлена рабочим возможность обсудить, без давления посторонних лиц, свои нужды и предъявить соответствующие ходатайства.

Ходатайства эти были рассмотрены хозяевами предприятий, которые с своей стороны довели до сведения рабочих о том, что они считают возможным сделать в пользу рабочих.

Если рабочие согласны на предложенные условия, то им следует стать на работы; если же они считают их невыгодными и не желают их принять, то должны получить расчет и приискать себе иной заработок.

Таким образом, дальнейшая работа зависит от свободного соглашения хозяев и рабочих, интересы которых всегда ограждаются администрацией, при чем никакого давления ни на тех, ни на других мною оказано не было и не будет.

Требовать я буду одного — полного соблюдения порядка, нарушения которого не допущу.

Не допущу также угроз, застращивания и насилия одних рабочих над другими. Кто хочет, пусть оставляет работу и получает расчет, но силою мешать работать товарищу не имеет права.

Рабочие совещались между собою целую неделю, имели время все перетолковать; рабочие же железнодорожных мастерских бросают работу второй раз, после того как выразили свое согласие на условия, предложенные им Управлением дороги.

Таким образом, дальнейшие сходки рабочих бесцельны, и допускать я их не буду, тем более, что ими пользуются агитаторы для пропаганды и распространения прокламаций, а этого не желают и сами рабочие, так как всякое подстрекательство против Правительства, особенно во время тяжелой войны, является изменой против России.

Надеясь на благоразумие рабочих, прошу их помнить, что всякое их сборище или собрание, не дозволенное установленным порядком, будет нарушением моего обязательного постановления, за что

буду налагать строгие взыскания. Прошу также удерживать товарищей, особенно молодежь, от бесчинства и уличного безобразия.

Принятые мною в этом отношении меры направлены исключительно против нарушителей общественного порядка и не касаются благоразумных рабочих, труд и спокойствие которых будут мною обеспечены.

Губернатор Столыпин.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 99.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим г. Саратова.

Товарищи. 12 февраля вы потребовали от губернатора освобождения арестованных за стачку. Вам было отказано. Тогда вы решили итти всей толпой к губернаторскому дому, чтобы вновь заявить свои требования. Войска пригрозили вам, что будут стрелять. Вы остановились и решили пойти толпой к губернатору сегодня, 13 февраля. Товарищи, хладнокровие и обдуманность прежде всего. Или вы забыли кровавое ужасное событие 9 января? Безоружные мирные люди шли к царю с просьбой и перед окнами дворца были расстреляны. Куда же и зачем пойдете вы? Просить? Но пули и казацкие нагайки встретят вас... Чем же ответите на них вы, не подготовленные к вооруженной борьбе? Тем, что подставите свою грудь под штыки, и только? Оставьте наивную веру в правительство и его слуг, веру в губернаторов и полицейских. Они защищают только ваших хозяев. Не просить должны вы, а требовать и поддерживать свои требования борьбой. Всеобщая упорная стачка — ваше верное и пока единственное орудие борьбы. В стачке ваша сила и победа. Пред ней трепещут хозяева и правительство. Только она заставит ваших врагов уступить. Вооруженная же борьба впереди; когда сплотится весь рабочий класс, тогда вы, рабочие, двинетесь не просить, а завоевывать. Тогда вы пойдете побеждать, а не быть расстрелянными. Теперь же не давайте повода к побоищам и расстреливанию вас. Стойте дружно и продолжайте забастовку. Зовите к ней других товарищей. Пусть все единодушно поддерживают вас. Пусть остановятся все заводы, все мастерские. Не становитесь на работу, пока не освободят товарищей. Да здравствует всеобщая стачка! Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Саратовский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

13 февраля 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 100.]

---

4. Результаты забастовки.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим саратовских железнодорожных мастерских.

Товарищи! В прошлом месяце мы решили присоединиться к нашим петербургским товарищам и вместе с ними требовать «свободы и хлеба». Мы добились от наших хозяев некоторых мелких уступок, но скажет ли кто из нас, что мы можем теперь жить по-человечески? — Нет, товарищи! Если нам и сократили рабочий день, то зато нам не повысили заработной платы. Если хозяева отменили обыски, то они зато могут попрежнему увольнять нас по своему произволу. Улучшить свою жизнь может только тот, кто способен, не покладая рук, бороться за свои интересы, не уступать своих прав. Мы снова зовем вас, товарищи, на борьбу за лучшую жизнь, и пусть попрежнему нашим боевым кличем будет клич: «Свободы и хлеба!» Товарищи! Вот каковы наши требования:

1) 8-часовой рабочий день.

2) Повышение поденной платы на 20 коп.

3) Повышение сдельной платы на 20 процентов, — так, чтобы процент сдельной платы был не ниже 70 коп. и не выше одного рубля. Сверх же одного рубля — по усмотрению комиссии из рабочих.

4) Учреждение постоянной комиссии из рабочих для рассмотрения недоразумений между рабочими и хозяевами.

5) Немедленное увольнение мастера сборного цеха Ивонина, мастера Верлиса и помощника мастера токарного цеха Понятина.

6) Переведение в штат нештатных помощников и табельщиков.

7) Устройство при мастерских больницы для мастеровых и их семейств.

8) Устройство за счет дороги здания для «собрания мастеровых».

9) Немедленное исполнение старых обещаний — удвоить командировочную плату, улучшить санитарное положение и т. д.

Товарищи! Таковы наши экономические требования. Будем стойко бороться за них: добиться этих улучшений значит хоть сколько-нибудь улучшить нашу тяжелую, бесправную, беспросветную жизнь. Но, товарищи, вы знаете, как относятся к нам хозяева: они всегда стремятся притеснять нас, уменьшать нашу плату, удлинять наш рабочий день. Чтобы бороться с хозяевами, надо завоевать новые права и новые улучшения; чтобы устраивать нашу жизнь по-человечески, нам необходимо иметь право свободно собираться,

свободно обсуждать наши кровные интересы на собраниях и в печати, нам необходимо соединяться в союзы: бесправные, разъединенные рабочие бессильны против своих притеснителей. Товарищи! Мы должны требовать: свободы слова и печати, свободы собраний и союзов. Мы должны добиваться также неприкосновенности нашего жилища и нашей личности, — чтобы первый встречный жандарм или полицейский не мог без суда и следствия врываться в нашу квартиру для обысков и арестовывать нас. Но, товарищи, возможны ли эти права и вольности при теперешнем самодержавном правительстве? Нет, невозможны. Теперешнее правительство держится только на бесправии народа, на его нищете, на его невежестве. Права и вольности народа — смерть для нашего правительства; вот почему на просьбы наших петербургских товарищей дать им эти права и вольности царское правительство ответило штыками и пулями. Правда, теперь оно говорит, что оно заботится о рабочих, желает добра им. Не верьте, товарищи, правительству убийц и обманщиков: оно хочет замазать вам глаза, успокоить вас, чтобы стать еще сильнее. Все наши права, все наши вольности, все уступки, которые мы вырываем у хозяев, будут прочны только тогда, когда место самодержавного правительства займет Народное собрание свободно выбранных народных представителей, которые одни только и будут иметь право издавать законы, вводить налоги и подати, управлять страной. Только тогда мы сможем добиться действительного и прочного улучшения в нашем положении. Будем же бороться, товарищи, за наши права, будем бороться за политическую свободу, будем требовать немедленного созыва собрания народных представителей, которое перестроит русскую жизнь на новых началах, — созыва Учредительного Собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов. Будем дружно стоять за наши требования, товарищи, довольно бесправия. Да здравствует стачка! Да здравствует всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Саратовский Комитет РСДРП.

11 февраля 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 139.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

При небывалых обстоятельствах встречаем мы 1-е мая, этот великий братский праздник рабочих всего мира.

Давно уже стонет народ наш, подавленный и угнетенный, доведенный до нищеты шайкой грабителей и насильников, называющих

себя самодержавным русским правительством. А никому не нужная война, преступно начатая самодержавием против воли народа и позорно проигранная ворами-чиновниками и генералами-неучами, переполнила чашу терпения всех русских граждан. Гнев народный, который и раньше проявлял себя крестьянскими бунтами и рабочими волнениями, превратился теперь в одно могучее бурное море, и все выше и выше вздымаются волны его, подмывая пошатнувшийся трон русского самодержавия. Грозное начало петербургских рабочих нашло себе громкий отклик во всех городах, на всех фабриках и заводах России. И из городов движение перекинулось и в деревню, — и поднялись крестьяне на Кавказе, в Польском и Прибалтийском крае, в Курской, Орловской и других губерниях. Даже господствующие классы, помещики и капиталисты, эксплоататоры, на которых всегда опиралось правительство, — и те, из боязни грядущего суда народного, отвернулись от самодержавия и требуют конституции. Наконец, — о, ужас! — даже духовенство, эта окаменелая каста, зашевелилось и потребовало созыва всероссийского собора духовенства.

Как же ответило самодержавие на требование всего народа? Оно выставило против него единственную прочную опору свою — войско и полицию, — и потоки рабочей крови оросили улицы Петербурга, Лодзи, Варшавы, Риги и др. городов. А когда, вопреки ожиданию правительства, движение стало разрастаться все шире и глубже, правительство заметалось из стороны в сторону: обещало рабочим комиссию Шидловского, но арестовало их выборных, когда те потребовали полной свободы высказаться о своих нуждах. Издало манифест 18 февраля о борьбе с крамолой — и в тот же день громогласно заявило о созыве свободно избранных представителей от зрелых элементов общества, т.-е. от богатых и знатных; запретило съезды разных обществ — и допустило Пироговский съезд врачей, съезд присяжных поверенных, литераторов и др., на которых были приняты резолюции, требующие уничтожения самодержавия; оно заявило о крестьянской комиссии Горемыкина — и тут же оговорилось, что земли помещиков неприкосновенны, а вслед за тем последовал указ о назначении комиссии из дворян и земских гласных для определения и взыскания убытков в пользу помещиков с бунтующих крестьян, для разыскания и суда над зачинщиками. А аресты, тюрьмы, штрафы, ссылки, запрещения газет сыпались тем временем, как из рога изобилия. Вместе с тем самодержавное правительство прибегнуло к последнему крайнему зверству: оно постаралось затемнить народное сознание и натравить одну часть населения на другую, распространив через попов и полицию гнусную клевету, будто рабочие подкуплены японцами, а само правительство подкупало темных людей и подстрекало их бить революционеров; и вот начались по разным городам и даже деревням гнусная травля и избиения учащихся и интеллигентов, завершившиеся грандиозной бойней в Баку. Но все напрасно. Ни волчий зуб, ни лисий хвост самодержавия не произвели желательного действия.

Народ уже не верит и не может верить правительству, не обращается к нему с ходатайствами и просьбами о своих нуждах, ибо что оно может дать народу, кроме новых цепей и нового позора? Интеллигенты — врачи, инженеры, раньше только говорившие либеральные речи, теперь перешли на революционную почву, открыто требуя созыва народных представителей. Прочь с дороги! — так говорит самодержавию народ, требуя, чтобы отныне его свободно избранные представители создавали законы, определяли государственные расходы, устанавливали налоги, проверяли действия правительства и других чиновников, требуя равенства перед законом всех русских граждан, без различия сословий, племен и вероисповеданий, неприкосновенности личности и жилища, полной свободы слова устного и печатного, собраний, союзов и стачек.

И недалек уже час, когда во главе восставшего народа двинутся стройные ряды рабочих на последний бой с самодержавием. Готовьтесь же, товарищи, к этой борьбе, — ведь, позади вас только цепи, нищета и рабство, а впереди — целый мир свободы и счастья. И пусть первые майские дни будут днями нашей подготовки к этой великой борьбе. Первого мая мы объявим всеобщую забастовку, мы прекратим работу на всех заводах, мельницах, фабриках и во всех ремеслах, остановим движение пароходов, конок и поездов, погасим электричество, закроем магазины и рестораны, приостановим нагрузку судов. Мы дружно провозгласим во всеуслышание наши политические требования, без осуществления которых немыслима успешная экономическая борьба; мы предъявим экономические требования, без удовлетворения которых невозможна истинная свобода рабочего человека. Разве можно назвать свободным гражданином человека, если он попрежнему будет изнывать на работе 11 — 12 часов в сутки, если он попрежнему останется беззащитным рабом капиталиста-эксплоататора? Разве будут свободны крестьяне, сидящие на ничтожных клочках земли, страдающие от непомерно высоких арендных цен, стонущие под гнетом выкупных платежей?

Конечно, нет. Вот почему мы потребуем:

1) Немедленной отмены всех законов и административных распоряжений, нарушающих неприкосновенность личности и жилища, стесняющих свободу собраний, стачек и союзов, свободу передвижения, совести и вероисповедания. 2) Немедленного прекращения всех дел по политическим преступлениям, освобождения и восстановления в правах всех пострадавших по таковым делам. Мы должны добиваться вслед за этим немедленного созыва всенародного учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов: 1) для уничтожения экономических и правовых остатков крепостного права, 2) для выработки основного закона русского государства, обеспечивающего за населением страны беспрепятственное участие в законо-

дательстве и управлении страной, 3) для прекращения войны и заключения мира с Японией.

Мы требуем для всех рабочих:

1) 8-часового рабочего дня.

2) Повышения заработной платы.

3) Уничтожения сверхурочных работ.

4) Уничтожения детского и урегулирования женского труда.

5) Отмены обысков и штрафов.

6) Государственного страхования рабочих на случай болезни, увечья и старости.

7) Учреждения института женщин-инспектрисс и подчинения фабричной инспекции контролю со стороны рабочих.

8) Учреждения выборных комиссий из рабочих и предпринимателей поровну для разбора недоразумений между ними.

А во время забастовки мы устроим как можно больше собраний, чтобы столковаться о своих нуждах и средствах борьбы, чтобы окончательно объединиться вокруг нашей общей программы, нашего красного знамени. Товарищи! 1 мая по всей России будет созвана на генеральный смотр великая революционная армия.

Сплотим же под нашим красным знаменем всех тех, кто жаждет свободной России, чтобы с новыми силами ринуться в борьбу за полное освобождение пролетариата, за великое всеобщее братство трудящихся масс.

Только социализм даст нам это братство. Только передача фабрик, заводов, земли и других средств производства в общую собственность всего народа окончательно устранит рабство и эксплоатацию. Только тогда вы будете действительно свободными и полноправными гражданами, когда управление народным производством из рук капиталистов и чиновников перейдет в руки братского, товарищеского союза самих работников. Русское самодержавие есть первая крепость, которую вы должны взять в этой славной борьбе; русская республика — первое завоевание, необходимое вам, чтобы добиться окончательной победы.

Да здравствует 1-е мая — международный праздник пролетариата!

Да здравствует всероссийская стачка!

Да здравствует социализм! Да здравствует народная социал-демократия!

Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика!

Долой самодержавие, — да здравствует революция!

Саратовский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 64, 1905 г., стр. 144.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мы, рабочие г. Саратова, собравшись по призыву Саратовского Комитета РСДРП в Парусиновской роще для празднования великого дня 1 мая, постановили:

Так как ненавистный нам самодержавный строй, основанный на угнетении всего народа небольшой кучкой самоуправцев, связывает по рукам и ногам проснувшуюся к новой жизни Россию, так как он является величайшим препятствием для свободной борьбы пролетариата за полное освобождение, так как для достижения конечной цели рабочего класса — социализма — необходимо создание демократической республики на развалинах варварского самодержавия, мы решаем бороться всеми средствами, включительно до всеобщего восстания, за немедленный созыв, путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, Учредительного Собрания, которое должно, опираясь на пробуждающиеся народные массы:

1) Гарантировать полную свободу личности, жилища, печати, слова, собраний, стачек и союзов.

2) Прекращение разорительной и бессмысленной войны.

3) Уничтожить все остатки крепостного строя.

4) Установить демократически-республиканский порядок правления.

Убедившись из долголетней борьбы с царским правительством народа в невозможности достижения своих ближайших целей мирным путем, мы призываем всех граждан России ко всеобщему вооружению, теперь же объявляем с сегодняшнего дня всеобщую забастовку во всех производствах г. Саратова.

За работу же, товарищи! Пусть сознание общности интересов сплотит вас в одну тесную пролетарскую семью и даст вам силу нанести вековому врагу всего русского народа — царскому самодержавию — новые и новые удары. Но помните и знайте, товарищи: в тревожные дни, переживаемые пролетарским Саратовом, необходима не только вся наша настойчивость, но и все наше хладнокровие, чтобы наши усилия не пропали даром. Наш враг силен, и его силе мы должны в решительный час противопоставить нашу силу.

И выходить сейчас на уличную демонстрацию, подставлять себя под казацкие нагайки и под солдатские пули — значит совершать преступление против нашего революционного рабочего дела. Полиция только того и хотела, чтобы в открытой уличной схватке разгромить сейчас годами создававшуюся нашу организацию и затормозить дело освободительной борьбы в Саратове. Наш час придет, — мы выйдем на улицу, но для того, чтобы вооруженной рукой поразить верным ударом на-смерть нашего ненавистного врага. А пока, товарищи, боритесь дружно, одной братской семьей за выста-

вленные нами требования, расширяйте ряды саратовских сознательных рабочих, объединяйтесь теснее под красным знаменем российской социал-демократии и готовьтесь к великому дню всероссийской народной революции.

Да здравствует всеобщая забастовка!

Долой самодержавие!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Да здравствует социал-демократия!

Саратовский Комитет РСДРП.

СТАЧКИ МЕТАЛЛИСТОВ ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ

I. СТАЧКА МЕТАЛЛИСТОВ БРЯНСКОГО ЗАВОДА.

1. После 9 января.—Ход забастовки.

М. В. Д.
Орловский Губернатор.
По канцелярии.
Стол 1.
№ 1092.

Марта 13 дня 1905 г.
Г. Орел.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

Отзывами от 31 января и 22 февраля сего года за №№ 459 и 849 я сообщил в департамент полиции подробные сведения о происходивших в январе сего года на Брянских заводах волнениях среди рабочих, потребовавших вызова войск на эти заводы.

Рабочие беспорядки начались в период забастовок в С.-Петербурге, откуда приезжали агитаторы и подбивали рабочих бросить работы и предъявить требования Путиловского завода. Требования предъявлялись об увеличении платы за работы, об уменьшении числа рабочих часов, об изменении расчетной книжки, о понижении цен на продукты и, наконец, о смещении начальствующих лиц на заводе. Со стороны рабочих как Брянского, так и Мальцевских заводов были попытки устроить забастовки, но они оканчивались ничем, и только на Брянском заводе толпа в 30 — 40 человек пыталась произвести беспорядок и заставить других рабочих не работать [1]).

Некоторые рабочие было послушались, но затем благодаря вмешательству полиции, а равно присутствию войск порядок был восстановлен, при чем замешательство продолжалось не более 25 минут; по этому делу арестовано 13 человек. Затем работы на всех заводах пошли обычным порядком, и, согласно ходатайства Брянского Исправника, число войск на заводе доведено было до двух рот, а остальные войска были отпущены.

В период времени с 25 января до 14 февраля на всех заводах Брянского уезда работы производились беспрерывно, хотя среди рабочих Мальцевских заводов и было заметно некоторое брожение. 14-го февраля рабочие двух фабрик забастовали и предъявили не-

[1]) Пометка чернилами: (25 января).

выполнимые требования, почему Главноуправляющий решил закрыть эти фабрики. Тогда рабочие прислали мне телеграмму, в которой извещали, что они не пришли с Главноуправляющим к соглашению и просили меня приехать к ним. Будучи осведомлен через старшего фабричного Инспектора, что требования рабочих касаются исключительно внутреннего распорядка фабрик и совершенно неосновательны, я объявил рабочим через фабричного инспектора и исправника, что увольнение служащих завода зависит от главного заводского управления и не касается Губернатора; что же касается законных ходатайств, то таковые могут быть разрешены на месте фабричным инспектором и исправником. Следствием этого, а также и дальнейших переговоров рабочих было то, что рабочие попросились на работы на прежних условиях, при чем установлено, что претензии рабочих внушены подстрекателями, один из коих, мастеровой Стеклянной Радицы Федор Птушкин, был арестован и заключен в тюрьму, на основании 29 ст. положения о государственной охране. 21 февраля на Дятьковской фабрике начались работы, Старская же фабрика не открывалась по случаю ремонта печи.

23 февраля на Брянском заводе произошла забастовка при следующих обстоятельствах. Утром, в 9 часов, партия молодежи стала настаивать и требовать от остальных забастовки. Своевременно узнав об этом, полиция уговорила рабочих не бросать работы до обеда, что те и исполнили. После обеда почти одновременно из всех мастерских, под давлением вышеупомянутой партии, начали выходить рабочие и, несмотря на уговоры, ушли по домам. Партия же молодежи, до 200 человек инициаторов забастовки, направилась к конторе завода и просила директора в виду забастовки на завтра гудка для сбора рабочих не давать, а разрешить собраться в конторе для подачи ему, директору, требований о нуждах мастеровых. Во время выхода рабочих из мастерских заведывающему вагонной мастерской Грасу было нанесено два удара по лицу и в бок. 24 утром, около 10 часов, к конторе собралась толпа тысяч до двух, преимущественно молодежи, и по выходе к ним директора с фабричным инспектором уполномоченные этой толпы подали заявление, в виде прокламации, о требованиями, выраженными в 27 пунктах, и просили об удовлетворении по ним директора завода. Директор заявил, что по предъявленным пунктам без предварительного коллективного обсуждения ответа дать не может, на что рабочие ответили, что они готовы ждать ответа, но работать не будут. Во время разговоров вели себя относительно спокойно, обещая вести себя хорошо во время забастовки и не делать никаких насилий. По окончании переговоров толпа спокойно удалилась от конторы, но, спустя приблизительно часа два, часть этой толпы, около 500 человек, окольным путем направилась на Паровозно-Радицкий завод и, ворвавшись туда, подошла к электрической станции, дала тревожный гудок для прекращения работ; рабочие вышли. Бежицкие потребовали прекращения работ, но радицкие не согласились и, взявши

колья, куски железа и поленья дров, начали бить бежицких; драка приняла серьезный характер. В это время из толпы бежицких слышны были выстрелы из револьверов. Толпа бежицких рабочих начала было уходить, но к ним подошли товарищи их, до 1.500 человек, и радицкие вынуждены были приостановить сопротивление. После этого бежицкие мастеровые вступили в переговоры и начали читать требования, предъявленные ими директору Брянского завода, уговаривая радицких забастовать и предъявить также требования своему директору, но те, пообещав не работать, начали уговаривать рабочих Брянского завода удалиться. Толпа бежицких удалилась, и радицкие разошлись по домам. Они возмущены были поступком рабочих бежицкого завода и боялись, как бы они не повторили насилий, что обещали сделать в понедельник, 28 февраля, если радицкие выйдут на работу.

По получении телеграммы исправника о состоявшейся забастовке, было немедленно же командировано на Брянский завод сто нижних полицейских чинов и три полицейских чиновника из уездов, в том числе 25 городовых из города Орла и два полицейских чиновника. Количество войск на заводах доведено было до 8 рот, с общим числом до 450 человек.

Между тем, рабочие стали устраивать сходки на небольшом расстоянии от завода, постоянно увеличивающиеся числом участников. 28 февраля, под давлением партии забастовщиков, собравшихся в разных местах поселка, на работу вышло очень незначительное число рабочих, а после обеда совсем мало. Правление завода, в лице председателя, объявило закрытие завода, если работы не начнутся до 3 марта; обсуждение прокламации, переданной 24 февраля, признается невозможным, в виду ее незаконной формы; объявлено, что дальнейшие переговоры возможны лишь при возобновлении работ.

В виду всего изложенного, директор завода просил усилить охрану с целью недопущения дальнейших сборищ и ограждения от насилия толпы как благоразумной части рабочих, так и служащих завода, при чем директор завода находил необходимым довести численность войск до тысячи человек. О чем ходатайство возбуждено Правлением как в Министерстве Внутренних Дел, так и в Министерстве Финансов, каковые и переданы мне на распоряжение.

Между тем, из г. Орла и Брянска были выведены все войска, какие только можно было вывести по расчету военного начальства, частью на места крестьянских беспорядков, а частью на Брянские заводы, и, кроме того, две роты Штабом Военного Округа были командированы из г. Рославля. Поэтому, при всем старании, увеличить численность войск на Бежице не представлялось никакой возможности.

После изданного заводоуправлением объявления, что завод будет закрыт, если рабочие не приступят к работам, последние сознались в своей неправоте и 1 марта просили директора принять второе требование, изложенное в другой форме, а именно:

1. О замене составленного заводоуправлением расписания очереди сдачи работ, рассчитанного на 3 дня, одновременною сдачею сразу по всем мастерским.

2. Об уплате всем увольняемым за 2 недели вперед, при чем рабочие ссылались на помещенные в газетах сведения о состоявшемся в этом смысле постановлении совещания Петербургских Мировых Судей.

3. О выдаче всем увольняемым пособия за прожилые года по расчету месячного заработка за год службы.

4. О выдаче штрафного капитала увольняемым.

5. О предоставлении всем увольняемым, пользующимся заводскими квартирами, права пользоваться ими бесплатно до мая.

6. Об обязательном немедленном выкупе заводом домов у арендаторов.

7. О возврате денег, собранных на построение храма, на Красный Крест и в пользу семей рабочих, призванных на военную службу.

Требования эти приняты не были. Рабочие продолжали устраивать сходки, ссылаясь, что в Петербурге и других местах сходки разрешены. Сходки эти происходят в лесу или около него исключительно ночью, в темное время, при чем таковые окружаются детьми и женщинами, главари же скрываются в середину.

5 марта в Радицком заводе было покушение на поджог жилых построек, но пожар был скоро прекращен, и подозреваемое в поджоге лицо задержано. В Брянском заводе с 9 до 12 часов утра того же 5 марта производилась выдача получки за первую половину февраля, которая прошла покойно, без всяких инцидентов. На 7, 8 и 9 марта администрация завода назначила прием рабочих, но 7 марта часть рабочих собралась в главной конторе, где с директором завода и фабричным инспектором обсуждала вопрос о сдаче работ, почему первоначальное расписание изменено, и последним днем назначено вместо 9-го 10-е число, о чем вывешено объявление. Вместе с тем заводоуправление Брянского и Мальцевских заводов вошло ко мне с ходатайством об указании, куда сдать деньги (по Брянскому заводу около 200.000 рублей, а по Мальцевским — около 12.000 рублей), причитающиеся рабочим в окончательный расчет, в случае отказа их получить таковой, вследствие чего мной в обоих случаях предложено было Брянскому Уездному съезду принять таковые в свой депозит. А местный Земский Начальник издал затем объявление рабочим, что причитающиеся им деньги, по получении расчета от завода, будут выдаваться Уездным Съездом по отдельным ассигновкам, для чего им надлежит обратиться туда.

8 марта рабочие Брянского завода прислали мне телеграмму, в которой просили меня прибыть в Бежицу для рассмотрения дела, благодаря возникшим недоразумениям между ними и заводской администрацией. На это того же числа мною послана телеграмма Брянскому Исправнику объявить рабочим, подавшим телеграмму, что приехать не могу, так как председательствую в Губернском

Совещании по крестьянской реформе, а также предупредить их, что во внутренние распорядки завода я не могу вмешиваться, уполномоченных приму в Орле. В тот же день мною издано было объявление рабочим, в ответ на предъявленные ими поименованные выше требования к заводоуправлению, что я, со своей стороны, нахожу таковые совершенно незаконными. В частности относительно постановления Петербургских Мировых Судей разъяснил, что такого рода постановление не имеет никакого значения, так как не основано на законе, и увольнение рабочих заводоуправлением за неявку рабочих более 3-х дней кряду совершенно правильно, как основанное на пункте первом ст. 105 уст. промышл., при чем каждый рабочий имеет лишь право искать вознаграждение судебным порядком. Вообще со всякими денежными претензиями к управлению Брянского завода рабочие должны обращаться в суд каждый за себя лично или через поверенных. Губернатору же решать подобные дела не предоставлено. Объявления эти в тот же день были отправлены с чиновником особых поручений и на следующий день розданы рабочим в присутствии подполковника Отдельного Корпуса Жандармов Фурса, командированного Тайным Советником Звегинцевым.

Все эти дни рабочие ведут себя покойно, не внушая, повидимому, каких-либо опасений за нарушение общественного порядка, но 10 сего марта заводоуправление просило меня прислать две сотни казаков, так как имеются признаки какого-то движения в воскресенье 13 марта.

В виду этого мною в тот же день сделано распоряжение о переводе из Трубчевска одного эскадрона драгун.

9 марта, в восемь часов, мастеровые Брянского завода собрались близ конторы завода для выслушания моей телеграммы, посланной им накануне, и решили уполномоченных не посылать. Затем просили директора завода объяснить, почему ему нежелательно впустить всех рабочих вместе в завод для сдачи работ, а равно вступили в переговоры по поводу предъявленных требований к заводу и, не удовлетворившись ответом, после часового переговора, решили итти в Брянск к Городскому Судье, с просьбой и жалобой на администрацию завода. Не доходя версты до Брянска, они были встречены Полицеймейстером в сопровождении двух рот, который разъяснил им, что толпой к Судье нельзя итти, и что надо выбрать доверенных. Рабочие потребовали подтверждения этого разъяснения самим Судьей, который по просьбе полицеймейстера и вышел к ним и разъяснил. Тогда толпа повернула назад и, возвратившись группами, разошлась по домам.

Несознательность вожаков и твердость администрации в своих решениях сильно повлияли на мастеровых, и вечером на сходку явилось всего до двухсот человек. На сходке почти ничего не говорили и скоро разошлись. 10 утром мастеровые снова собрались у конторы, но в числе, много меньшем против 8 и 9 чисел, для переговоров с Земским Начальником Бахтиным. Разговоры шли довольно

долго, но ни к каким решениям не привели. Мастеровые просили хотя бы часть их требований исполнить и пустить в завод для сдачи работ по цехам, в присутствии 10 из среды их выборных. Администрация завода и это отклонила, зная, что выборными будут непременно вожаки-подстрекатели, которые могут подстрекнуть остальных рабочих к разгрому; мастеровые разошлись, но решили расчета не брать. С двух часов дня 10 марта идет расчет мастеровых около первых проходных ворот, в 16 специально устроенных заводом кассах; получают расчет многие, и их не задерживают другие; видимо, между ними что-то произошло. В действиях стали нерешительны, многие попрятались, в завод весь день идут мастеровые группами и поодиночке сдают работы. Все ворчат на вожаков, а те, в свою очередь, называют мастеровых изменниками; заметно общее неудовольствие против агитаторов. По полученной 11 марта телеграмме, на заводе спокойно, расчет производится.

В Радицком заводе 10 марта было предложение со стороны мастеровых открыть завод для работ, при чем мастеровые просили не считать забастовку за прогул, принять всех мастеровых, без исключения зачинщиков. Дирекция завода ответила, что она лично открыть завод не может, а если мастеровые желают стать на работу, то пусть заявят об этом письменно без всяких условий, и тогда директор будет хлопотать об открытии завода. Решение мастеровых еще не последовало.

8 марта исправник по телеграфу донес мне о готовящемся разграблении хлеба в экономиях Комарова и Глухова и просил о командировании туда войск. Вследствие сего, по моему ходатайству, начальником гарнизона была командирована полурота, благодаря чему грабеж был предупрежден. По произведенному дознанию оказалось, что в этом деле было подстрекательство со стороны молодежи села Толмачева, служащей на Брянском заводе, и полицией арестовано пять человек подстрекателей, о коих дознание производится.

Прямым последствием забастовок на Брянском заводе были забастовки рабочих в гор. Брянске, в Арсенале. Арсенал забастовал 1 марта исключительно под влиянием угроз забастовщиков Бежицкого и Паровозо-Радицкого заводов, из которых первый в 7, а второй в 3 верстах от Брянска. Забастовала сначала слесарно-кузнечная мастерская, на другой день, 2 марта, к ней присоединился и забастовал весь Арсенал, предъявив Начальнику его требования, часть которых он согласился исполнить путем сношения с высшим начальством, но с условием начатия работ. 3 марта никто на работы не стал, поэтому Начальник Арсенала распорядился выставить объявление о том, что вследствие общей забастовки его обещания недействительны, и что рабочие, не ставшие на работы, будут уволены. В виду такого объявления, того же 3 марта записалось на работу более половины рабочих, преимущественно стариков, молодежь все упорствовал. 4 марта к ним примкнуло и много молодых, а 5-го Арсенал уже работал. Сначала явилось на работу не особенно много:

боялись, что убьют бежицкие, но были наряжены патрули, которые посылались для встречи и сопровождения рабочих с 5 с половиной часов утра и до 6 часов вечера. Это дало хорошие результаты. Рабочие, видя, что их берегут, пошли на работы смелее, и 8 марта их стало на работу уже 590 человек (всех рабочих в Арсенале до 600 человек).

Устроив забастовку в Арсенале, бежицкие и радицкие забастовщики не оставили без внимания и мелкие заводы гор. Брянска. Так, они устроили забастовки на мальцевском складе, в Привокзальной слободе, на лесопильнях Могилевцова и Мельникова, на пенькотрепальной и канатной фабрике Комарова. Во всех этих местах рабочих очень немного, требования были предъявлены самые скромные, которые и были хозяевами тотчас же удовлетворены (прибавка к заработной плате 10 коп., предоставление получаса времени на обед, перед праздниками работать не до 6, а только до 5 часов вечера), а потому забастовки продолжались по одним суткам. На мальцевском же складе администрация тотчас рассчитала забастовщиков и наняла новых рабочих, и склад этот также работает.

В общем, в отношении забастовок положение Брянска можно бы считать благополучным, если бы не грозили постоянно забастовщики с Бежицы и Радицы. Собираясь в громадные, в несколько тысяч человек, сходки около Радицкого завода, они намереваются учинить нападение на Брянск, разгромить казенный винный склад, проникнуть в Арсенал с целью принудить рабочих сделать вторичную забастовку. Так, трехтысячная толпа бежицких и радицких забастовщиков уже двигались разбивать винный склад, но рассеялась в виду выведенных ей на встречу двух рот. В Привокзальную слободу приходила также тысячная толпа устраивать забастовку на Мальцевском складе, но была рассеяна полицией с помощью роты. Для удобства наблюдения за бунтовщиками и походами их на слободу, эта рота и чиновник полиции находятся в Паровозно-Радицком заводе, смежном с слободой, помогая вместе с тем находящейся в заводе другой роте, состоящей в ведении Уездного Исправника. Кроме намерения устроить забастовки, бежицкие и радицкие рабочие производят уличные беспорядки. Так, 7 марта они выбили стекла в квартире Правителя Канцелярии Арсенала Иванова и нанесли побои кучеру Начальника Арсенала. Служащих в Арсенале полковников Куплянского и Волосатова грозят убить.

9 марта на пенько-прядильную и канатную фабрику Комарова явились брянские мещане Афанасий Петров Лавров, по уличной кличке «Бобер», и Иван Иванов Павлов, он же Банцуров, сняли приводные ремни с колес и всяческими угрозами принудили рабочих, в числе до 80 человек, прекратить работу. Лавров и Павлов — известные хулиганы и разбойники, наводящие панику на все население Брянска, чем и объясняется их воздействие на такую толпу рабочих, которые, узнав, что они арестованы, перестали бояться и 10 марта снова стали на работу, заявив, что они вполне довольны

своим положением и прекратили работы единственно из страха перед Лавровым и Павловым. В виду такого, крайне вредного образа действий Лаврова и Павлова, Брянский Полицеймейстер, на основании 29 ст. Положения о Государственной охране, заключил их под стражу впредь до разъяснения дела.

О чем имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства и присовокупить, что по ходу сдачи работ рабочими нельзя сказать еще, чтобы в конце-концов произошли беспорядки, но на всякий случай приняты меры к охране всех зданий, а равно и жителей поселков; все время ходят патрули, а с прибытием кавалерии явится возможность не допускать сходок и сборищ.

Губернатор Балясный.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 20. О волнениях и стачках среди рабочих.]

---

2. Требования рабочих и отношение к ним предпринимателей и правительства.

От Орловского Губернатора по Брянскому заводу объявление.

Старший Фабричный Инспектор Орловской губ. донес мне, что по объявлении о закрытии завода и об увольнении рабочих за неявку на работу более трех дней сряду без уважительных причин рабочими были предъявлены заводоуправлению следующие требования:

1) О замене составленного заводоуправлением расписания очереди сдачи работ, рассчитанного на три дня, одновременною сдачею сразу по всем мастерским.

2) Об уплате всем увольняемым за две недели вперед, при чем рабочие ссылались на помещенные в газетах сведения о состоявшемся в этом смысле постановлении совещания Петербургских Мировых судей.

3) О выдаче всем увольняемым пособия «за прожилые годы» по расчету месячного заработка за год службы.

4) О раздаче штрафного капитала увольняемым.

5) О предоставлении всем увольняемым, пользующимся заводскими квартирами, права пользоваться ими бесплатно до мая.

6) Об обязательном немедленном выкупе заводом домов у арендаторов.

7) О возврате денег, собранных на построение храма, на Красный Крест и в пользу рабочих, призванных на военную службу.

Объяснению Старш. Фабричн. Инспектора, что ни одно из этих требований не имеет законных оснований, рабочие не придали веры и просили меня и через Старшего Фабричного Инспектора, и не-

посредственно телеграммою приехать на завод для переговоров с ними. Поручив Брянскому Исправнику передать мой ответ на эту просьбу, вместе с тем объявляю рабочим, что я, с своей стороны, нахожу все их требования совершенно незаконными. В частности, относительно постановления совещания Петербургских Мировых Судей разъясняю, что такого рода постановление не имеет никакого значения, так как не основано на законе, и увольнение рабочих заводоуправлением за неявку на работу более трех дней сряду совершенно правильно, как основанное на п. 1 ст. 105 устава промышленного, при чем каждый рабочий имеет лишь право искать вознаграждения судебным порядком.

Вообще, со всякими денежными претензиями к управлению Брянского завода рабочие должны обращаться в суд каждый за себя лично или через поверенных, губернатору же решать подобные дела не предоставлено.

Орловский Губернатор Балясный.

Орел. Марта 8 дня 1905 года.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 20.]

Министр Финансов. Секретно.

23 марта 1905 года
№ 207. Его Превосходительству А. Г. Булыгину.

На заводах Брянского Общества в пределах Орловской губ., как Вашему Превосходительству, без сомнения, известно, происходит забастовка рабочих, вследствие которой заводы прекратили свою деятельность. По сему предмету Управляющий Государственным Банком получил весьма интересные сведения, характеризующие особые условия, при которых означенная забастовка возникла.

С своей стороны, в виду крупной заинтересованности казны (через Государственный Банк) в делах названного предприятия, которое должно Банку свыше 7 миллионов рублей, я не могу не обратить внимания на вышеупомянутые сведения и считаю долгом сообщить их Вашему Превосходительству.

Из сведений сих оказывается следующее:

1. Во второй половине января группа юношей-рабочих в 30—35 человек в Бежице сделала попытку произвести беспорядок в заводе, при чем было избито несколько взрослых рабочих и получил удар инженер, заведующий механической мастерской. Своевременная помощь воинской силы способствовала немедленному подавлению беспорядка, при чем было арестовано 15 человек, которые были отправлены в Орел, но немедленно отпущены на свободу судебным следователем и прибыли обратно в Бежицу, где принялись за усиленную пропаганду.

2. В среду на масленой неделе, т.-е. 23 февраля, в послеобеденное время, рабочие и мастеровые механической мастерской прекратили разом работу, бросились в центральную электрическую станцию, где остановили машины и дали свисток, после которого все рабочие покинули завод.

Вечером того же дня состоялась сходка в ближайшем к заводу месте, где оратором явился некий «Петр Иванович» из Белостока. Несмотря на малочисленность сходки, полиция, вероятно, запуганная отпущенными судебным следователем на свободу рабочими, не приняла никаких мер к аресту провокатора, проповедовавшего антиправительственные воззрения, и не разогнала сходку.

3. В четверг 24 февраля утром толпа в несколько сот человек, состоявшая исключительно из юношей лет 18 — 19, под предводительством нескольких рабочих, прибывших из Николаева, Луганска и других мест, с явной целью пропаганды, подала в присутствии старшего фабричного инспектора директору завода прокламацию, в которой были перечислены различного рода требования, с заявлением, что до удовлетворения этих требований мастеровые и рабочие Бежицкого завода к работам не приступят.

Одновременно то же самое было проделано на соседнем Радицком заводе Мальцевского Общества.

С этого дня начались совершенно правильно организованные сходки, под руководством вышеупомянутого «Петра Ивановича» и двух девиц-евреек. Эти сходки, не встречая никакого отпора, к удивлению самих собиравшихся, со стороны полицейской и жандармской властей, стали уже привлекать не сотни, а тысячи народа и происходили уже не один раз в день, а несколько раз: утром и днем около Радицкого завода и в соседстве с г. Брянском, а вечером неизменно в «Дубках», около Брянского завода. К 28 февраля, толпа рабочих подростков, в начале совершенно неорганизованная, приобрела уже известную организацию, терроризировала большинство взрослых рабочих, и в понедельник утром, задолго до рассвета, расставила патрули по всему селению, не допускавшие к заводу желавших пройти на работу.

Полиция продолжала бездействовать. Несмотря на присутствие кавалерии и на усиленные просьбы заводоуправления к полиции о принятии энергичных мер к подавлению обструкции, исправник и помощник пристава отмалчивались, почему директор правления Брянского Общества был принужден проехать в Орел и лично просить Губернатора о содействии.

4. Во время его пребывания в Орле была получена из завода телеграмма следующего содержания: «Сегодня было арестовано войсками 16 человек, которые были немедленно отпущены приставом; вследствие этого командир пехоты телеграфировал свому начальству, что считает бесполезным пребывание войск при таком поведении полиции».

Вследствие этой телеграммы состоялось заседание у Губернатора, в присутствии прокурора, Вице-Губернатора и Советников, на которое был вызван директор заводов К. К. Андерсон, заведующий дворовым цехом Кричко и Брянский Исправник Митяев.

Исправнику Митяеву, проявлявшему с самого начала беспорядков необычайную бездеятельность, было сделано внушение, и затем Губернатором сделано распоряжение о более решительных действиях местных полицейских властей.

5. 21 марта правлением получена телеграмма от заводоуправления, сообщающая, что в заводе открыта запись на работы, что в первый же день записалось более 1.000 человек (всех рабочих около 8.000), что записалось бы более, но казаки принуждены были разгонять нагайками тех рабочих, которые старались не пускать к заводу желавших записаться на работы. При этом никаких увечий не было. Несомненно, что беспорядки и забастовки непременно повторятся, если полицейская власть не отнесется строже к своим обязанностям и своей бездеятельностью, почти возведенною в принцип, заставит население верить, что агитаторы являются чуть ли не агентами Правительства, посланными для защиты рабочих. Благодаря этой бездеятельности, пропаганда, вначале нерешительная, действовавшая скрытно, стала решительною и смелою и, по выражению, сказанному взрослым рабочим: «развратила молодежь, да отчасти и нас, взрослых».

Из этих данных нельзя не усмотреть совершенно ненормального отношения к делу местных полицейских властей и полной несогласованности в действиях полиции и воинских чинов. В последнее время по поводу аналогичных случаев приходится слышать постоянные упреки Правительственных органов в бездействии власти и отсутствии надлежащей распорядительности, и упреки эти в данном случае были бы совершенно справедливыми. Оказывается, что вожаки движения, весьма малочисленные вначале, захватываются распоряжением воинского начальства и затем освобождаются в первый раз властью судебного следователя, во второй раз распоряжением пристава. Затем, несмотря на совершенно незначительное число провокаторов и на крупную военную силу, которая давала полную возможность пресечь беспорядки в самом начале, полицейские власти оставались настолько безучастными, что укрепляли рабочих в уверенности, что действия их одобряются Правительством. Едва ли есть надобность долее останавливаться на ненормальности и крайней опасности такого положения.

Вследствие вышеизложенного обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли возможным предложить местной администрации принять более энергичные меры к ограждению многочисленного желающего работать персонала на Брянских заводах от насильственных действий меньшинства, остающегося совершенно безнаказанным. При этом были бы весьма желательными как замена полицейских чинов, проявивших преступное

бездействие власти, лицами более энергическими, так и установление более объединенных действий полицейских и военных частей.

К сему считаю долгом присовокупить, что настоящее дело, быть может, получило бы наилучшее разрешение, если бы, независимо от вышеприведенных распоряжений, Ваше Превосходительство признали нужным войти в сношение с Управляющим Министерством Юстиции о преподании соответственных указаний чинам судебного ведомства. Если в нормальное время представляется необходимым относиться с крайней осторожностью к задержанию лиц, обвиняемых в нарушении порядка, то при таких исключительных условиях необходимо действовать с большей твердостью и решимостью. Слишком легкое освобождение задержанных лиц и предоставление им возможности возобновлять агитацию в нарушение прежде всего интересов мирных рабочих, желающих не потерять заработка, представляется с общей точки зрения большим злом, чем некоторое более продолжительное задержание агитаторов, хотя бы без неопровержимых формальных к сему оснований.

Покорно прошу о последующем почтить меня уведомлением и принять уверение в истинном уважении и совершенной преданности.

Коковцев.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 20.]

3. Ликвидация забастовки.

М. В. Д.
Орловский Губернатор.
По канцелярии.
Стол 1.
№ 2005.

Апреля 2 дня 1905 г.
Г. Орел.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

В дополнение к представлению от 23 марта сего года за № 1328, имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что с 22 по 28 марта рабочих на Брянском заводе записалось до 5 тысяч. 28 марта завод открыт при 4.800 мастеровых, явившихся по обычному гудку, и в течение дня записалось на работу 1.400. Для охраны мастеровых, во время прохода их в завод на работу и обратно домой, расставлены в более многолюдных местах 6 застав из пехотных частей и 6 конных разъездов в разных направлениях; независимо сего с того же дня и поныне для охраны порядка и спокойствия в заводском поселке высылаются как днем, так и ночью конные и пешие патрули при участии всех чинов полиции, имеющихся налицо в заводе.

Несмотря на такую организацию охраны, в некоторых местах поселка недовольный элемент 28 числа намеревался-было не допу-

скать мастеровых в завод на работу, но зачинщики, в числе 4-х, были задержаны разъездом и арестованы.

Со времени начатия работ число записывающихся рабочих увеличивается, и 30 марта вышло на работу 5.890 человек в дневную смену и 1.168 в ночную. Выдающихся происшествий не было. Работы идут и на Мальцевских заводах.

Губернатор Балясный.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 20.]

---

4. Октябрьские дни на Брянском заводе.

Начальник Орловского Губернского Жандармского Управления.

22 октября 1905 г.
№ 4353.
Г. Орел.

Секретно.

Командиру отдельного корпуса жандармов.

В дополнение телеграммы Помощника моего в Брянском уезде, Вашему Превосходительству доношу о нижеследующем:

19 сего октября на Брянском заводе, перед окончанием работ, в 6 час. вечера, толпа молодых рабочих сгруппировалась внутри завода перед проходными воротами около неизвестного агитатора, который, прочтя собравшимся последний манифест, предложил забастовать с целью отслужить сначала панихиды по павшим 9 января, а затем отпраздновать получение свободы. Рабочих, не желавших слушать чтение манифеста и речь оратора, останавливали силою и для этой цели пытались запереть проходные ворота, при чем, когда находившийся тут же пристав Шаталов пытался этому воспрепятствовать, кто-то из толпы погасил электричество и вслед за тем в наступившей темноте кем-то из толпы нанесен был приставу удар в голову, повидимому, железной палкой. Рана оказалась легкой. Того же числа около 9 часов вечера ночная смена вынуждена была забастовать, так как небольшая толпа, человек в 100, состоявшая из молодых мастеровых и подростков, начала выгонять из мастерских рабочих. Находясь в это время у проходных ворот завода, помощник мой, ротмистр Петров расспрашивал мастеровых, что заставляет их бросать работу, и многие из них с негодованием объяснили ему, что они, находясь в мастерских при работе на известном расстоянии друг от друга, ничего не могут поделать с толпой бесчинствующих, которые угрожают им болтами и другими орудиями. Вслед за тем толпа забастовщиков, побив в некоторых мастерских стекла, оставила завод и с пением «дубинушки» направилась по улицам завода. По прибытии к заводу запоздавшего взвода казаков, последние отправились в погоню за демонстрантами и на одной из улиц перерезали последним путь, после чего остановившейся толпе предложено было разой-

тись. Толпа долго не расходилась, при чем пьяный голос из толпы кричал, что теперь, когда Царь дал свободу, они вольны делать, что им угодно, и приглашал казаков присоединиться к ним, но затем, когда Исправник несколько раз возгласил, что он их «честью просит разойтись», благоразумные, повидимому, одержали верх, и толпа незаметно (дело происходило в полном мраке) рассеялась. В течение ночи на заводе работали лишь сталелитейная и молотовая. 20 сего октября с утра работы идут везде обычным порядком, хотя говорят, что рабочие собираются просить Директора приостановить таковые, дабы этим дать возможность отслужить панихиду по борцам за свободу и отпраздновать манифест.

В г. Брянске 18 октября вечером происходила демонстрация, длившаяся с 6 час. до 9 час. вечера. Началась она в городском сквере, по обыкновению, при участии воспитанников технического училища, где собравшаяся толпа, выкинув красный флаг с буквами «П. Р. С.», пела революционные песни, а затем стала бродить по главным улицам города, уже без флага, но с пением «дубинушки» и рабочей «марсельезы» и возгласами «долой самодержавие». Бродившая по улицам толпа состояла исключительно из евреев и местных рабочих и ремесленников, числом до 50 человек, сопутствуемых воспитанниками технического училища Запольским (еврей) и Пановым, которые руководили действиями этой толпы, указывая ей направление и песни. Обыватели выражают негодование по адресу полиции, которая во все время демонстрации оставалась, в лице городовых (полицейских чиновников не было видно), зрителями происходившего.

По существу вышеизложенного возбуждается формальное в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознание.

Полковник Власьев.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 20.]

II. СТАЧКА МЕТАЛЛИСТОВ СОРМОВСКОГО ЗАВОДА

1. Условия труда и борьба сормовских металлистов в 1905 году.

Забастовки Сормовского завода.

В течение настоящего года в Сормовском заводе произведены следующие забастовки:

В Котельном цехе 26 января, 3, 4, 5, 10 и 15 февраля и 5 апреля.

В Судостроительном цехе 3, 4, 7, 8, 14, 15, 16 февраля. Вследствие забастовок цех был закрыт с 17 февраля по 5 марта.

В Мостовом цехе 1, 3, 15 и 16 февраля, 16 и 31 мая и 2 июня. Вследствие забастовок цех был закрыт с 2 июня по 13 июля.

В Вагонно-кузнечном цехе 4, 15 и 16 февраля, 18, 19, 20 и 21 мая, 5 и 6 июля. В Вагонно-товарном цехе 15 февраля. В Швеллерном цехе 15 и 16 февраля, 16 мая, 7, 8 и 9 июня; с 9 июня по 4 июля цех был закрыт. В Вагонно-колесном цехе 15 февраля. В Малярном цехе 15 и 16 февраля. В Меднотрубном цехе 11 февраля, 5 и 6 апреля, 1, 2, 3 и 5 июля; 6 июля цех закрылся и бездействовал вследствие забастовки до 27 июля, когда часть работ возобновилась и производилась до 1 августа.

В Паровозо-кузнечном цехе 15 марта, 24 и 25 мая, 5 и 6 июля; с 7 июля цех был закрыт вследствие забастовки. В Фасонно-сталелитейном цехе 1 апреля. В Железо-переделочном цехе 5 апреля, 14 мая и 4 июля. В Болтовом цехе 18 мая. В Чугуно-литейном цехе 31 мая, 1, 2 и 3 июня. С 4 по 10 июня цех был закрыт вследствие забастовки. В Медно-литейном цехе 6 и 7 июля. В Паровозо-механическом 5 и 6 июля. В Паровозо-котельном 6 июля. В Сталелитейном цехе, а частью в Железо-прокатном рабочие не работали по воскресным дням и двунадесятым праздникам, начиная с половины марта.

Кроме означенных забастовок, имели место значительное число более или менее кратковременных забастовок по разнообразным поводам, которые в связи с перечисленными забастовками нарушили правильную связь между цехами и обусловили уменьшение производительности завода.

Для разбора требований рабочих была в марте месяце с. г. образована комиссия из выборных от рабочих, представителей администрации и с участием фабричного инспектора.

Требования эти и ответы заводоуправления следующие:

1. 8-часовой труд во всех отделах завода.

Ответ заводоуправления: 8-часовой труд введен для рабочих металлургических цехов, где работа должна быть непрерывной, не прерываться и в праздники, но рабочие в течение 4-х дней в месяц имеют право отпуска; в остальных цехах работа вместо прежних 10½ час. продолжаться будет по 10 час., впредь до рассмотрения этого вопроса в Совете Министерства Финансов, согласно указу 16 февраля с. г.

2. Облегчение работы накануне праздников.

Заводоуправление нашло возможным следующее изменение распорядка: накануне двунадесятых праздников и по субботам денная смена работает с 6½ час. утра до 2 (ныне с 1 ч. 30 м. производится по субботам выдача заработной платы), ночная с 2 час. до 9 час. вечера без перерыва; накануне прочих праздников денная смена работает до 5 час. вечера с обеденным перерывом от 12 до 1 ч. 30 м., а ночная с 9 час. вечера до 4 час. утра, с перерывом от 12 до 12½ час. ночи.

3. Освобождение от работ 19 февраля и 1 мая.

На это заводоуправление согласилось (однакоже, в правилах внутреннего распорядка эти дни не включены).

4. Выдача платы во время работ без потери времени для рабочего.

5. Выдача платы еженедельно.

Заводоуправление решило выдавать плату еженедельно в цехах по субботам с 1 ч. 30 м.; выдача денег будет производиться в целых рублях, а копейки переноситься будут в следующие платежи. Не получившие в субботу получают уплату от Главной кассы по понедельникам.

6. Отпуск рабочих ежегодно на один месяц.

Заводоуправление согласилось, с тем, чтобы отпускаемый нашел заместителя, если в этом представится надобность; пользование же отпуском не дает права на какую-либо плату от завода за время отпуска.

7. Отмена сверхурочных работ.

8. Установление двойной платы за сверхурочные работы.

Отменить совершенно сверхурочные работы заводоуправление не имеет возможности, однакоже, готово увеличением комплекта рабочих и оборудования стремиться к возможному устранению их. Относительно уплаты двойной платы, то таковая не разрешена; но для поденной обязательной работы вознаграждение производится из расчета такого, что за день работы считается 8 рабочих часов в день, 6 час. за ¾ дня, 4 раб. часа за ½ дня, 2 раб. часа за ¼ дня. Если работа производится сдельно, то за работу сверхурочную увеличенной платы не производится, и заработок за сдельную плату, произведенную сверхурочно, не отделяется от заработка, произво-

димого за урочную работу; но время, проведенное на сверхурочной работе, записывается в расчетную книжку отдельно от рабочих часов.

Все сверхурочные необязательные работы производятся рабочими желающими и не иначе как по особому на каждый случай соглашению с цеховым начальством как относительно времени, так и платы за эти работы, при чем в договор найма запрещается включать условия относительно произведения таких работ.

9. Отмена отдачи постоянных работ частичным подрядчикам и подрядчицам.

Заводоуправление согласилось, где не встретится препятствий, вести работы без участия подрядчиков, хозяйственно.

10. Отмена найма рабочих на определенный срок.

Заводоуправление объяснило, что осуществление этого пункта, т.-е. отмена такого найма, не может быть принята, так как такой наем вызывается характером заказов.

11. Установление минимальной платы всем мастеровым поденно для всех разрядов, не менее 1 р. 25 к. рабочим и сторожам не менее 1 р., женщинам 60 к., ученикам 50 к., и обещать ежегодную обязательную прибавку.

В этом требовании отказано, но обещано пересмотреть платы и нормировать их по ремеслам и сдельной плате. Относительно однообразной прибавки плат с участием в обсуждении прибавок представителей заинтересованных групп рабочих заводоуправление обещало разработать меры впоследствии.

12. Отмена обысков и штрафов за прогулы и проч.

На отмену обыска рабочих при уходе их с работ заводоуправление согласилось. Постановлено штрафов за прогулы не более трех дней не накладывать, прочие же штрафы накладывать по таксе, утвержденной окружным фабричным инспектором. Об опозданиях вывесить новые правила (см. правила внутреннего распорядка).

13. Контроль выборных от рабочих за действиями конторы по найму рабочих.

14. Увольнение рабочих из завода по соглашению с администрацией и выборными от рабочих, с предоставлением права перехода из цеха в цех.

15. Повышение расценок, установление их и распределение по соглашению заводской администрации и выборных от рабочих.

Заводоуправление заявило, что оно согласно на выбор старост и функционирование их по закону 10 июня 1903 г.

16. Беспрепятственный прием и держание на работе рабочих, заподозренных в политической неблагонадежности, прием в завод рабочих, уволенных за забастовку в августе 1904 г.

17. Держание на заводе рабочих, имеющих судебные процессы с заводом.

Заводоуправление ответило, что при приеме на работу и при держании рабочих на заводе руководится не сторонними указа-

ниями, а лишь интересами завода; держит и будет продолжать держать на работе лиц, имеющих судебные дела с заводом, но только таких, иски которых не представляются несправедливыми.

18. Переход из цеха в цех удовлетворяется по просьбе рабочих по мере освобождающихся вакансий и без вреда для дела, преимущественно даются места тем, кто находится без работы.

19. Отмена отрядных работ для учеников и предоставление свободы выбора ремесла по их способностям и наклонностям.

Заводоуправление ничего не имеет против свободы выбора ремесла, но считает несправедливым лишать учеников права получать за работу сдельную плату.

20. Выдача поденной платы за прогулы не по вине рабочих.

21. Выдача платы за работу, оказавшуюся браком.

Заводоуправление будет выплачивать за прогулы не по вине рабочих, если случай прогула по справедливости будет по вине завода. За брак заводоуправление оплачивает действительно израсходованную поденную плату.

22. Вежливое обращение с рабочими чинов администрации. Оно соблюдается.

23. Улучшение мастерских в санитарном и гигиеническом отношении, устройство вентиляции, отопления, устройство ретирадов и прочее.

Заводоуправление в новых мастерских устраивает все возможное в этом отношении. (Действительно, в новой механической света довольно много, отопление паро-пневматическое, сист. Стюртеванта, при чем по желанию воздух отопляемый берется или наружный, или фабричный. Ретирады усовершенствованной сист. Кочурина, со сжиганием нечистот в особых печах, имеются в Сормове в количестве довольно большом и действительно удобны, и зловоние совершенно устранено, а равно устранена вывозка нечистот и загрязнение почвы.)

24. Вежливое обращение медицинского персонала, отпуск лекарств (бесплатный) по рецептам частных врачей.

Вежливое обращение требуется и соблюдается, отпуск лекарств по рецептам незаводских врачей производится, требуется лишь надпись заводского врача на рецепте.

25. Устройство, оборудование и содержание на заводский счет общественных бань для рабочих и их семейств.

Заводоуправление отказалось от устройства бань, но везде устраиваются умывальники, в которых мастеровые могут иметь возможность основательно вымыться.

26 Устройство начальных школ.

Имеется одна церковно-приходская школа, существующая на средства церковно-приходского попечительства, в пользу которого, с согласия рабочих, удерживается 1% их заработной платы. Об устройстве школы испрошено разрешение Правления.

27. Устройство школ высшего типа с техническим отделением.

Правление общества сочувственно относится к этому заявлению и ассигнует 75.000 руб. на устройство технической ремесленной высшего типа школы.

28. Отмена однопроцентного вычета с рабочих на церковно-приходское попечительство и передача собранных денег в кассу взаимопомощи рабочих.

Рекомендовано обратиться в церковно-приходское попечительство, так как деньги находятся в его распоряжении. Мастеровые просили хотя 5.000 руб. для передачи в кассу взаимопомощи. Правление Сормовского о-ва внесло 10.000 руб. в банк для хранения до утверждения Устава кассы взаимопомощи, но отказало выдать на руки до того времени.

29. Расширение библиотеки для рабочих, управление библиотекой выборными от рабочих.

В управлении библиотекой участвуют и теперь выборные от рабочих. В 1904 г. пользовалось библиотекой 2.296 рабочих, удовлетворено 33.436 требований.

30. Постройка удобного вокзала в Коньвине; отменить плату за проезд; уволить начальника станции Ракитина.

Новый вокзал задуман к постройке еще ранее; уже приступлено к заготовке материалов. Плата за проезд живущих вне Сормова рабочих не взимается, выдано до 500 бесплатных билетов; но невозможно бесплатно перевозить рабочих и мастеровых при их поездках по своей надобности. Вежливое обращение вменено в обязанность всем железнодорожным служащим; на Ракитина до сих пор жалоб не поступало.

31. Выдача пенсии за выслугу лет, выдача поденной заработной платы в случае болезни и полного месячного заработка единовременно семье рабочего в случае его смерти.

Проект порядка обеспечения рабочих на случай болезни и смерти разрабатывается в Министерстве Финансов. Выдача пособий семьям умерших рабочих заводом производится и впредь будет производиться.

32. Свобода собраний рабочих для обсуждения своих нужд и выбора своих уполномоченных по общим делам, с предоставлением для собрания уполномоченных помещения от завода не менее одного раза в месяц, а для общих и цеховых собраний—по мере надобности.

33. Свободный доступ на собрания газетных корреспондентов.

34. Неприкосновенность рабочих, выбранных депутатами, и их кандидатов со стороны заводской администрации и сохранения ими места в случае лишения свободы по поводу участия в общих заводских делах до решения суда, а также в случае общего расчета рабочих при забастовке.

Ответ заводоуправления на п.п. 32, 33 и 34, что с устройством института старост на заводе будут обсуждены и эти вопросы.

Заседания комиссии происходили 5, 6 и 10 марта. Забастовки после этого еще продолжались, и, между прочим, вследствие домо-

гательств рабочих заводоуправление отменило штраф за прогулы вообще. Последствием этого было весьма большое увеличение прогульных дней. Так, в 1904 г., в апреле месяце, при 231.222 рабочих днях подсыпщиков прогульных дней было 1.649, в 1905 г., при 190.230 днях, тоже в апреле прогульных дней было 3397. В 1904 г., в мае при 222.379 рабочих днях прогульных дней 2037, в 1905 г., в мае, при 256.320 рабочих днях прогулов было 700 дней, в 1904 г., в июне, при 233.042 рабочих днях прогулов было 2574, в 1905 г., при 197.887 рабочих днях, прогулов было 8723, т.-е. число прогулов после отмены штрафов увеличилось более чем в три раза. Поэтому заводоуправление, видя, что рабочие сами не в состоянии бороться с прогулами, должно было вновь установить штрафы за прогул, при чем прогул трех дней не штрафуется. Эта мера введена с 1 сентября. Также правилами внутреннего распорядка установлено увольнение рабочих за нахождение на работах в нетрезвом состоянии и за пронос водки в завод. При сем прилагаются правила внутреннего распорядка

Образованная комиссия служащих выработала нормальные платы мастеровым по их ремеслам; плата их следующая:

Чернорабочие принимаются в хозяйственный цех на плату 50 коп., во все остальные цеха — на 55 коп., через год плата увеличивается на 5 коп., еще через год на 5 коп., максимальная плата должна составлять 65 коп.

При клепальной работе ручной:

молотобоец получает	65 к. — 70 к.
держальщик бол.	55 » — 60 »
» подросток	35 » — 50 »
клепальщик	80 » — 1 р. 50 к.

В цехах котельном, паровозно-котельном, мостовом, судостроительном и швеллерном:

сборщику	90 к. — 2 р.
помощнику	70 » — 85 к.
подручному	55 » — 65 »

В цехах котельном, судостроительном, швеллерном, мостовом и кузнечном:

колольщику (прессовщ.) . . .	70 к. — 1 р.
подручному	55 » — 65 к.

В котельном, паровозно-котельном, судостроительном, мостовом, швеллерном, вагонно-колесном, паровозно-сборочном и вагоностроительном:

правщику (гибщику на горяч. работе) .	90 к. — 2 р.
помощнику	70 » — 85 к.
подручному	55 » — 65 »
сверловщику на механ. стан.	70 » — 1 р. 40 к.

подручному его	55 к. — 65 к.
сверловщику на металл. конструкциях	70 » — 1 р.
подручному	55 » — 65 к.
токарю на станк. по металлу	70 » — 2 р.
строгальщику	70 » — 1 р. 70 к.
фрезеровщику	70 » — 1 » 50 »
долбежнику	70 » — 1 » 70 »
плотнику	75 » — 1 » 20 »
столяру перв. руки	95 » — 1 » 50 »
» втор. руки	70 » — 90 к.
кузнецу	90 » — 2 р.
молотобойцу	70 к.
шорнику	90 » — 1 р. 10 к
болторезу	70 » — 1 р.
масленщику	70 » — 1 р.
точильщику	70 » — 90 к.
машинисту при отоплении	70 » — 1 р. 10 к.
кочегару	70 » — 90 к.
печнику	85 » — 1 р. 25 к.
штамповальщику на фр. прессе	70 » — 1 » 10 »
» » молотах	70 » — 1 » 30 »
обрубщику	70 » — 1 р.
чеканщику	70 » — 1 р. 30 к.
пилозубу, низоправу	90 » — 1 » 40 »
пилозубу по металлу	65 » — 1 » 10 »
трубопроводчику	70 » — 1 » 50 »
меднику	90 » — 2 р.
подручному его	60 » — 80 к.
малярам каретным	1 р. 10 » — 1 р. 50 к.
» обыкновенным	75 » — 1 »
» младшим	55 » — 70 к.
модельщикам перв. руки	1 р. 20 » — 1 р. 70 к.
» второй руки	80 » — 1 » 10 »
станочным	70 » — 1 » 25 »
» на разведочн. станках	1 р. — 1 » 50 »
литейщику	90 к. — 2 р.
подручному	70 » — 1 »
шишельникам	70 » — 2 »
В механической паровозной:	
слесарю	70 к. — 2 р.
» в швеллерн. вагонном	70 » — 1 р. 50 к.
слесарю-монтеру	2 р. 50 к.
слесарю ремонтному	70 к. — 2 р.
инструментщику	3 р.

Платы остальным рабочим мне не удалось узнать; желательные для меня цены проковки под молотами и прессами мне не сооб-

щили. Г. директор завода Приемский находился в отъезде, а потому сведения и отчеты о забастовке страдают неполнотой. Весьма интересны нормы штрафов, утвержденные фабричной инспекцией, я их не получил, но мне обещали их выслать.

Платы рабочим обещано пересматривать два раза в год, к 1 января и к 1 июля. Всех рабочих предположено разделить на бригады по ремеслам и категориям. Списки рабочих будут представлены в контору завода. Здесь обсуждается общий размер прибавки, затем в цехах, по указанию старших рабочих, отмечают, кто из мастеровых заслужил еще более прибавки, каковая уже производится в комиссиях служащими.

Забастовки рабочих устраивались сначала с целью добиться уступок по облегчению условий работы, улучшения их быта, свободы собраний, а также для приобретения влияния на отношения администрации к рабочим. К этому, конечно, примешивалась и политическая агитация общая, и были выходки рабочих противоправительственного характера. Кроме соглашения с выборными от рабочих и обращения к ним общего, администрация мер никаких не предпринимала; однако, когда оказалось, что, несмотря на сделанные рабочим уступки в плате и все сделанное удовлетворение общих требований, которые представилось возможным принять, забастовки все же не прекратились, то пришли к заключению о необходимости закрытия завода на неопределенный срок. Но имелось в виду закрытие завода на один только месяц.

1 августа завод был закрыт, о чем было объявлено рабочим заблаговременно, т.-е. более чем за две недели; в половине августа стали вновь разогревать печи сталелитейные, а по пуске их в ход и по мере накопления материала пустили постепенно весь завод, и к 1 сентября завод работал полным ходом. Высылки рабочих не прекращались. Вновь рабочие принимались на новых условиях внутреннего распорядка.

Были приняты на работу почти все рабочие, за исключением четырех или пяти человек, как это мне сообщил г. директор по хозяйственной части (и денежной); по заявлению же г. главного инженера завода, не принято менее ста, по сведениям же, добытым инспекцией (фабричной), не принято около 50 чел. В настоящее время работает около 12.000 чел., до закрытия завода летом работало около 10.000 чел., притом судостроительный цех работает не полностью, так как высокой водой затопило верфь. За прочность порядка поручиться нельзя, но в бытность мою на заводе порядок был полный, работали везде усердно. В сентябре была одна забастовка в судостроительном цехе, продолжавшаяся два дня; произошла она оттого, что на новые работы была назначена расценка и хотя и была вывешена, но не была рабочим объявлена и не была засвидетельствована фабричной инспекцией; между тем, по ней стали рассчитывать рабочих; кроме того, рабочие заявляли, что в расчетных книжках поставлен был срок, определенный для найма,

а при найме им этого не было объявлено; что и определение срока самого должно было быть при самом найме с рабочим договорено сначала на словах и затем записано в расчетную книжку.

В заводе циркулировали слухи, что устроят общую забастовку на три дня около 20 октября для выражения сочувствия общим забастовкам во всей России.

В Сормовском заводе для рабочих устроена дешовая столовая церковно-приходского попечительства, кроме того, имеются 4 столовых, в которые рабочим приносят пищу их семейные. Бань общественных нет. Лавка о-ва потребителей прежде вела свои дела исправно, но отпуск товаров в счет заработка был прекращен с принятием еженедельного расчета, а теперь за сокращением торговли лавка накануне банкротства. Квартир заводских для рабочих нет. Больница имеется на 40 кроватей для тяжело-больных. Пособие заболевшим не по вине завода не выдается, лекарства выдаются бесплатно.

Полицейская часть состоит частью на казенном иждивении, но большей частью на счет завода. Состав полиции следующий:

На счет казны: 2 полиц. надзирателя с жалованьем по 500 р. (квартира натурою); 2 урядника старш., с жалованьем по 340 р.; 2 урядника, младш., с жалованьем по 200 р.; 15 стражников с жалованьем по 200 р. и 192 р. (квартирн. им от завода по 60 р. в год).

На счет завода: 1 пристав с жалованьем 900 р.; 4 конных стражника с жалованьем по 240 р. (содержание лошади на счет завода), еще 21 конн. стражник с жалованьем по 240 р. и квартирных по 60 р. в год (содержание лошадей на счет завода); 37 пеших стражников, жалованье 200 р., квартирн. по 60 р. Обмундирование и вооружение на счет завода.

На содержание полицейских чиновников заводом отпускается еще 3.000 р., на них содержатся 3 полиц. надзирателя с жалованием 500 и 300 р. квартирных. Из этих же выдаются деньги командированному в Сормово помощнику исправника в прибавку к его содержанию, как квартирные, 600 р.

Правительство против забастовок или для охранения порядка, особенно при закрытии завода, принимало следующие меры:

1. Были посланы в Сормово войска, в размере одного батальона, но с восстановлением работ осталась одна рота солдат и 50 казаков.

2. Преследование всех носивших оружие, каковых арестовывали на два, на три месяца; в особенности наказывали тех, кто по какому-либо случаю прибегал к оружию: обнажал, угрожал...

3. Охранное отделение имело своих агентов между рабочими и, по словам г. Управляющего губернией (губернатор был в С.-Петербурге), во-время ставило в известность власти о готовящихся событиях. Но в деятельности охранного отделения замечена не раз и даже удостоверена провокаторская сторона и, как говорят, очень уронила достоинство отделения; мне сообщали, что провокаторы, чтобы оправдать свое существование, сами вызывали беспо-

рядки, чем содействовали целям агитации. Говорили, что было много случаев, когда арестовывали провокаторов, как зачинщиков беспорядков, и тут же иногда по телефону их освобождали по требованию охранного отделения, чем вызывается соблазн рабочих.

При сем прилагаются полученные мною таблицы сведений о заработке рабочих (среднем) по цехам и ремеслам и кривые заработной платы, выданной рабочим за вторую половину 1904 г. и первую половину 1905 г., с указанием кривых числа рабочих дней по месяцам года и среднего заработка их.

Горный инженер (подпись).

[Ц. У. Г. У. 1905 г. Арх. № 15.]

2. Февральская забастовка на Сормовском заводе.

М. В. Д.
Нижегородский
Губернатор.

16 февраля 1905 года.
№ 508.
Нижний-Новгород.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

В дополнение к телеграммам от 5 и 9 сего февраля доношу Вашему Превосходительству, что 3 сего февраля, утром, забастовали на Сормовском заводе подручные котельного цеха и, подбив к тому же мостовой цех, отправились с палками и ломиками в судостроительный цех, откуда им удалось прогнать с работы около половины работающих в этом цехе.

Требования забастовщиков касались распределения сдельного заработка пропорционально поденной плате, что увеличило бы заработок подручных за счет мастеров.

Принятыми немедленно полицейскими мерами мостовой цех был разобщен от котельного цеха, и забастовавшие рабочие изолированы от остальной части завода, которая, благодаря этому, работ не прекращала, после обеда стали на работу также мостовой и судостроительный цехи.

В 5-м часу вечера до 150 человек подручных и чернорабочих судостроительного цеха, оставив работу, потребовали увеличения поденной платы до 70 коп., в чем им директором завода Мещерским было отказано.

4 февраля к забастовщикам котельного и судостроительного цехов присоединились рабочие вагонной кузницы. Общее число оставивших работу дошло до тысячи пятисот человек, и среди них началось волнение, почему я, вызвав в Сормово войска, лично отправился утром в завод, где принял решительные меры к недопущению беспорядков, так что волнение прекратилось.

Что касается требований рабочих, то директор завода заявил им, что, согласно данного уже ранее обещания, он в течение февраля выработает иное распределение приработка между мастеровыми и

подручными в пользу последних, с увеличением им поденной платы, но без изменения при этом расценок. Кроме того, по просьбе забастовщиков, директор завода обещал уплатить им в конце февраля заработную плату за полтора дня забастовки, но только при том условии, если в течение всего месяца не будет никаких забастовок; тот же, кто засим не станет немедленно на работу, будет рассчитан. После этого все забастовщики частью утром, частью после обеда 5 февраля стали на работу, а вечером этого же числа я вместе с войсками возвратился в Нижний-Новгород.

7 февраля рабочие судостроительного цеха, собравшись с утренним свистком, на работу не стали, а обратились к начальнику цеха со всевозможными требованиями экономического характера, главным образом, об увеличении поденной платы. Начальник цеха заявил рабочим, что в течение февраля они получают те же прибавки, как и в котельном цехе, т.-е. будет установлена однообразная поденная плата для рабочих каждой категории, при чем проработавшие год будут получать на 5 коп. более, кроме того, приработок будет распределяться по точно установленным нормам, а те из рабочих, которые бастовали 3 и 4 февраля, получат за прогульное время, но лишь при том непременном условии, если они немедленно станут на работу и не будут прекращать ее в феврале. Рабочие этим заявлением удовлетворились и в 8 часов все стали на работу, после же обеда, не возобновляя работ, выбрали депутатов, которые, придя в контору, предъявили нижеследующие требования от лица старших рабочих: увеличение расценок на 70% (клепальщики), гарантии 50% приработка (сборщики), увеличение поденной платы (сверловщики и колокольщики); подручные же рабочие требовали увеличения поденной платы сначала на 20 коп., потом на 10 коп. и, наконец, на 5 коп. Заводоуправление обещало обсудить эти требования в течение февраля и предложило возобновить работу, но рабочие в 5½ часов ушли из цеха.

Утром в контору снова явились депутаты с требованием поголовной прибавки поденной платы на 5 копеек. Заводоуправление нашло возможным гарантировать приработок по нарядам в размере 10%, что составляет более 5-копеечной прибавки, требуемой забастовщиками, но депутация, переговорив с рабочими, возвратилась через 20 минут и объявила, что независимо предложенной гарантии приработка, рабочие настаивают на прибавке в 5 копеек к поденной плате. Затем явились сверловщики и повторили требования, высказанные 7 февраля, в чем этим рабочим было отказано.

В виду того, что 8 февраля рабочие вели себя неспокойно и были попытки распространить забастовку на другие цехи и проявления буйства (последнее было предупреждено полицией), я вызвал воинскую часть и прибыл туда вместе с Прокурором, после чего беспорядки не повторялись. После обеда, 8 февраля, заводоуправление, на основании полученной из Петербурга телеграммы, объявило подручным чернорабочим, что оно, оставляя в силе обещанную гарантию

в 10% приработка, согласно ввести для всех без исключения поденную плату в размере 60 копеек (против 55 копеек). Подручные и чернорабочие этим удовлетворились и изъявили желание стать на работу, но старшие рабочие отказались это сделать, требуя увеличить поденную плату и гарантировать приработок в размере 40%.

Так как 8 февраля работы не возобновились, заводоуправление к началу работ 9 февраля вывесило объявление, с предупреждением, что не ставшие с утра на работу будут рассчитаны, и весь цех с этого числа стал на работу.

В виду того, что рабочие стали вести себя спокойно, я 8 февраля вечером, с войсками возвратился в Нижний-Новгород. 11 февраля, после обеда, медно-трубный цех, в количестве 190 человек, забастовал, потому что в цехе была вывешена новая расценка, в которой имелась одна деталь (колпак для сухопарника паровоза) с несколько уменьшенной платой, на что месяца 2 — 3 тому назад сами рабочие были вполне согласны, тем более что изменение это уменьшало общий заработок цеха всего на 1%. 12 февраля медно-трубный цех вновь стал на работу по старой расценке. В тот же день паровозные цеха в 12 часов дня (перерыв для обеда: с 12 до 1½ час.) не ушли обедать, а самовольно остались работать до 2-х часов дня, чтобы в субботу кончать работу в 2 часа дня, а не в 5 часов, как установлено правилами внутреннего распорядка. Директор обещал им провести это, как общую меру для всего завода, в начале марта, приурочивая это ко времени выпуска с завода тысячного паровоза, а теперь просил их работать попрежнему, на что рабочие согласились. По окончании работ в паровозных цехах, котельный цех в 3½ час. и мостовой цех в 4½ час., самовольно ушли с работы, остальные же цеха работали до вечернего свистка (5 час. вечера). 13 февраля было воскресенье. 14-го, в понедельник, после обеда, 120 сборщиков судостроительного цеха прекратили работу, требуя прибавки к заработной плате, в чем было отказано, с обещанием лишь гарантии 10% приработка. Около 6 час. вечера забастовщики стали на работу. В тот же день в вагоно-товарном цеху была заминка в работах, и рабочие требовали увеличения расценки, но согласились продолжать работы по-старому. В паровозосборочном цеху выбирали депутатов для предъявления своих требований.

15 февраля, с 8 часов утра, забастовали подручные котельного цеха, требуя распределения приработка пропорционально поденному жалованью. В вагонно-товарном цехе часть рабочих работала, другая выбирала депутатов, не работали также в швеллерном цеху; забастовали подручные вагонной кузницы, требуя 70 коп. поденной платы. В виду несколько возбужденного настроения рабочих, для предупреждения беспорядков, я вызвал 15 числа, после обеда, в Сормово батальон войск, которые находятся еще там.

Генерал-лейтенант Унтербергер.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 4 д-ство, 1905 г., стр. 22 — 24.]

Начальник Нижегородского
Охранного Отделения.

27 февраля 1905 г.
№ 264.
Нижний-Новгород.

Господину Директору Департамента Полиции.

В дополнение телеграмм моих от 19 и 21 сего февраля, имею честь донести Вашему Превосходительству, что причина забастовки промышленных заведений в Нижнем-Новгороде является преимущественно следствием тенденций в этом отношении направления местных газет, которые переполнены корреспонденциями о рабочем движении в России. В помощь такой агитации прессы присоединились члены местных социал-демократического и революционного комитетов, коими, в свою очередь, стали выпускаться печатные и воспроизведенные другими множительными способами преступные листки, а также велась между рабочими устная пропаганда на предмет всеобщей забастовки, но все это, до средних чисел февраля, не находило удобной почвы в местной рабочей среде.

Некоторые попытки к забастовке первоначально стали замечаться с последних чисел января, частично на Сормовских заводах, но до 16 февраля быстро умиротворялись заводской администрацией. В таких забастовках было характерно то, что рабочие, — но не все поголовно, — не предъявляли никаких требований, вдруг оставляли работу и расходились по домам, а затем вновь являлись на работу. По сведениям агентуры, такое поведение рабочих являлось исключительно из-за подражания своим иногородним товарищам. Администрация же завода, в виду явной газетной пропаганды о всеобщих забастовках, не решалась прибегать к каким-либо репрессивным — в виде штрафов или увольнения от работы — мерам.

В среду 16 февраля рабочие одного из цехов Сормовского завода, а именно судостроительного, наконец, достаточно сорганизовались и, явившись по свистку в полном составе (свыше тысячи человек) на работу, вдруг демонстративно таковую прекратили, предъявив требование об увеличении заработной платы и некоторые другие, по пунктам требований петербургских рабочих.

17 февраля, вследствие умышленно распускаемых по городу слухов о том, что забастовавшие сормовские рабочие большой толпой пойдут в город для насильственных действий против работающих местных заводов, начальником губернии было сделано распоряжение о военной охране более крупных фабрик, и, несмотря на то, что никаких насильственных действий со стороны сормовских рабочих не произошло, тем не менее, три местных самых крупных механических завода — Курбатова, Доброва и Набгольц и Мейера, имеющих в общей сложности до 750 рабочих, в этот же день за два часа до окончания работ забастовали, предъявив приблизительно те же требования.

18 февраля забастовали все типографии, требуя прибавки платы и сокращения рабочих часов.

21 февраля в г. Нижнем во всех промышленных заведениях работы возобновились, при чем предпринимателями были удовлетворены некоторые требования рабочих. В Сормове же рабочие судостроительного цеха, не явившись на работу в указанный заводской администрацией срок, все уволены, и 28 февраля будет производиться новый наем.

Во время забастовки арестованы в порядке охраны за подстрекательство Александр Владимиров Луковкин, Михаил Павлов Новиков-Назаров, Николай Гуревич и Владимир Евгениев Вавочкин.

Нарушения порядка и тишины нигде не наблюдалось.

Ротмистр (подпись).

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 4 д-ство, стр. 40 — 41.]

---

3. Летние забастовки и расстрел рабочих.

Шифрованная телеграмма из Нижнего-Новгорода от Начальника Охранного Отделения Директору Департамента Полиции от 10 июля 1905 г.

Вчера рабочие сормовских некоторых заводов, типографий Нижнего забастовали. В 9 часов утра толпа около двухсот человек собралась на Ямской улице, где была рассеяна еще до прибытия полиции недовольными забастовкой ломовыми извозчиками, которые многих избили. В 11 час. собравшиеся за городом около 600 человек запели вечную память, после чего демонстранты направились по окраине города к центру, где были при входе же рассеяны полицией и войсками. В течение дня толпа собиралась еще два раза, достигая тысячи пятисот человек, но была рассеиваема полицией и казаками. Оружие не употреблялось, несколько человек получили ушибы на гайками. В Сормове около 8 часов вечера собравшиеся за больницей демонстранты выбросили два красных, один черный флаги с революционными надписями, но тотчас же были рассеяны полицией и казаками. Демонстранты не находят сочувствия среди жителей.

Штабс-ротмистр Трещенков.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 4 д-ство, 1905 г., стр. 72.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Девятое июля.

Товарищи. 9 января в Петербурге раздался революционный клич «долой самодержавие!». Этот клич исходил от тысяч рабочих, сражавшихся на баррикадах под красным знаменем революционной соц.-демократии. В ряды сознательного пролетариата вскоре стали те петербургские рабочие, в которых веру в царя расстреляло царское правительство. Мощный боевой клич «долой самодержавие» из Петербурга пронесся по всей России. По всей России прокатилась широкая волна стачек. В Лодзи, в Варшаве вооруженный пролетариат идет в последний решительный бой с самодержавием. Революционный толчок 9 января выдвинул против самодержавия самые широкие слои русского народа. Даже всегда робкие либералы стали говорить с правительством решительным тоном. Революция расшатает последнюю опору царского правительства — армию и флот. Сбывается, товарищи, то, что уже давно предсказывала соц.-демократия. Дула пушек и ружей, которые наводит царское правительство против народа, скоро обратятся против самодержавия.

Так, волна, поднявшаяся в Петербурге 9 января, вздымается все выше и выше, пока не смоет преступное, окровавленное и ненавистное самодержавие.

За полгода, протекшие с тех пор, в разных местах России удар за ударом наносились царскому правительству. Нанесем же, товарищи, дружно, по всей России разом, еще удар самодержавию. Устроим 9 июля в память полугодовщины 9 января **всеобщую политическую забастовку.**

Забастуем все, как один человек, не будем предъявлять никаких экономических требований, выставим наше главное политическое требование: «долой самодержавие!». Будем устраивать в этот день массовые политические собрания, будем выяснять на них наши нужды, будем звать в бой тех наших товарищей, которые еще не ясно сознали задачи пролетариата.

Мы почтим память вестников русской революции — память товарищей, расстрелянных 9 января по приказу самодержавного палача, мы сплотим по всей России широкие массы вокруг красного знамени с боевым кличем: «долой самодержавие!». Мы выстроимся в стройную боевую армию, мы устроим смотр своим силам перед решительным сражением, которое мы дадим самодержавию. Мы скажем всем нашим угнетателям: смотрите, рабочий класс сплотился, организовался, он идет на борьбу. Мы крикнем жалкому кровавому самодержцу: прочь с дороги!

И зашатается, товарищи, трон самодержца, пропитанный кровью рабочих. Рухнет гнилое самодержавие под напором пролетариата, и рабочий выйдет из борьбы и вольный, и свободный.

Долой самодержавие! — пронесется 9 июля по всей России.

Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Бастуйте 9-го все дружно!

Выставляйте только политические требования!

Устраивайте массовые собрания!

Издание Нижегородского Комитета.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 1905 г., 4 д-ство, стр. 70.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем нижегородским гражданам.

Нижний пережил ужасные дни.

Кто убивал? Кто грабил в эти кровавые дни? Вы видели все происходившее своими собственными глазами. Пусть каждый ответит по совести, кто убийцы, кто главные руководители убийц. Вы все их видели, вы все их знаете, на них указывают пальцами и говорят: вот они, вот убийцы.

Еще за несколько дней до 9-го полиция и шпионы всюду и везде усердно распространяли нелепые слухи, что 9-го готовится бунт, что социал-демократы будут поджигать дома, грабить и убивать мирных жителей. И многие темные, невежественные люди верили этим басням, одни оставляли город, и все со страхом ожидали рокового дня.

Что же случилось 9-го? Рабочие в этот день решили справить полугодовщину со дня 9 января, когда тысячи их братьев-рабочих были убиты в Петербурге по приказанию царя и его родичей только за то, что доверчиво пришли к нему вместе с женами и детьми рассказать о страданиях и нуждах рабочего народа и обездоленного крестьянства. Рабочие Сормова и города в знак траура по своим братьям решили всюду прекратить работу.

Кроме того, в этот день рабочие решили собраться вместе, чтобы свободно и открыто говорить правду о тяжелом положении рабочего класса и всего угнетенного русского народа; поговорить о средствах, как избавиться от невыносимого гнета царского самодержавия. Они приглашали всех слушать свободное, правдивое слово. Правда не нравится русскому правительству, оно запрещает говорить правду, оно гонит и убивает ее; оно боится, что когда все услышат и поймут ее, тогда у самых слепых, невежественных людей откроются глаза, и они увидят, кто их главный враг и кто истинный друг, — социал-демократическая ли рабочая партия, которая стоит за рабочих и за всех угнетенных, или царское правительство, которое держит в тисках всю страну, разоряет крестьянство податями и нало-

гами, а теперь посылает сотни тысяч молодых жизней на кровавую, бессмысленную бойню на Дальнем Востоке.

Многие из нас были на этих собраниях, многие слышали и видели, что там происходило и что там говорилось. Вы видели, как собравшиеся, выслушав речи ораторов, решили мирно разойтись по домам. Вы все это слышали и видели. Так отвечайте же: какое зло сделали социал-демократы жителям, кого они убили и ограбили?

Потом наступило 10 и 11 июля. Никогда не изгладятся эти дни из памяти видевших все происходящее, кровью будут записаны эти дни в памяти людей. В эти дни царские слуги учинили зверскую расправу над теми, кто осмелился вслух говорить правду о злодеяниях царского правительства.

Губернатор и полиция заранее приготовили все для совершения гнусного преступления. Они организовали «черную сотню» из самых грубых, невежественных людей, готовых за рубль и за стакан водки делать, что им прикажут. Вы сами видели, как эта дикая ватага расправлялась с беззащитными людьми, как она хватала каждого, на кого указывала полиция, кто походил на рабочего, студента и еврея.

Губернатор и полицеймейстер стояли окруженные черной сотней, обращаясь к ней с благодарственными речами, а дикая толпа кричала в ответ «ура», махала шапками и тут же убивала людей. Власти не только бездействовали, — власти сами участвовали в избиении, сами поощряли к убийствам. Кто осмелится утверждать, что это неправда?

На другой день, 11-го, весь город ожидал новых ужасов, все думали, что предстоит еврейский погром, так как полиция уже пустила клич «бей жидов». Где было искать защиты, откуда было ждать помощи?

11-го с утра небольшая кучка смелых, самоотверженных людей пришла из Сормова на защиту своих братьев рабочих, интеллигенции и евреев. Целый день сормовцы были наготове дать отпор насильникам и убийцам, и, быть может, только благодаря их присутствию в городе весь день было спокойно. Но сами они поплатились за свою беззаветную храбрость.

Когда вечером рабочие возвращались домой, на Нижнем Базаре их поджидала черная сотня, которая, вместе с полицией, с яростью набросилась на них. Сормовцы защищались храбро, и многие из черносотенцев были убиты. Но силы были не равны, и двое товарищей поплатились жизнью.

Леонид Командин и Алексей Дмитриев — вот имена людей, которые не пожалели самой жизни для защиты своих братьев от дикого произвола и насилия царского правительства.

Пусть каждый помнит имена этих героев первой русской революции. Еще весной оба они были ранены во время стычки с полицией, вместе были они убиты и вместе легли в общей могиле. Десятитысячная толпа их товарищей, сормовских рабочих, печально и тор-

жественно проводила их 15-го до могилы. Они погибли, но на их место явятся тысячи новых борцов и, сплотившись крепче, нанесут последний удар царскому самодержавию.

И знайте, граждане, не погибнет дело, за которое пролита эта чистая кровь. Всюду — в Петербурге, Одессе, Иваново-Вознесенске, Варшаве, Лодзи, Баку, Тифлисе и др. городах — льется кровь самоотверженных борцов за свободу, за счастье всего рабочего народа.

Пусть же скорее погибнет залитое кровью народной, запятнанное гнусными злодеяниями царское самодержавие.

Пусть же скорее волны всенародного восстания сметут самодержавный трон и вынесут на своем гребне Учредительное Собрание, выбранное на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов!

Долой самодержавие! Да здравствует революция!

Нижегородский Комитет.

Объявление.

Вследствие непрерывных забастовок в различных цехах в течение мая, июня и июля и предъявления отдельными группами рабочих разных требований, сопровождавшихся в большинстве случаев остановками в работах, нарушился правильный порядок производства заводов.

Весь июнь месяц и часть июля не работали швеллерный и мостовой цеха, а с 1 июля меднотрубный цех и с 7 июля остановилась работа в паровозной кузнице.

Кроме того, нарушение непрерывности работ на сталелитейных печах, которые не работают по воскресным и праздничным дням, производит задержку в снабжении цехов металлом, ухудшает его качество и делает производство изделий убыточным.

Меднотрубный цех, отказавшись исполнять обязательные правила заводоуправления относительно разделения этого цеха на группы по специальностям, несмотря на то, что правила эти введены вследствие требований самих рабочих, выраженных Господину Фабричному Инспектору и записанных им в соответственную книгу, как имеющие целью правильный порядок работ и общую пользу, не только забастовал, но угрозами и насилиями бастующие рабочие препятствуют вступить на работу желающим.

При таких условиях выпуск паровозов, пароходов и других изделий заводов является невозможным, и завод, не получая платежей от заказчиков, лишается средств на содержание рабочих.

На основании изложенного объявляется, что через две недели с сего числа, а именно с 1 августа, завод закрывается на неопределенное время, и всем мастеровым и рабочим будет выдан расчет.

Открытие завода в будущем возможно лишь при условии, что вновь поступающие рабочие будут точно соблюдать условия найма, порядок производства работ и правила внутреннего распорядка, изложенные в их расчетных книжках.

Директор Сормовских заводов Н. Приемский.

18 июля 1905 года.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 4 д-ство, стр. 796.]

Начальник Нижегородского Губернского Жандармского Управления.

5 сентября 1905 г.
№ 4502.

Секретно.

В Департамент Полиции.

16 августа сего года администрацией Сормовских заводов начался прием рабочих, вслед за окончанием которого и согласно объявления директора Сормовских заводов г. Приемского, работы открылись только в сталелитейном и фасонно-литейном цехах.

В виду того, что рабочие до закрытия завода устраивали систематические забастовки с целью добиться уменьшения числа рабочих часов, администрация завода согласилась удовлетворить упомянутое требование, и вместо двух смен рабочих назначила по три смены, при чем, в зависимости от нового состава групп и нового распределения рабочего времени, изменила расценки.

Так как с введением трехсменной системы уменьшилась вырабатываемая сдельная плата, то с открытием завода рабочие фасонно-литейного цеха стали заявлять, что они не желают работать на условиях, по которым они приняты, и 1 сего сентября забастовали.

Заводоуправление, на основании 104 ст. Устава о промышленности, прекратило договор с рабочими и 3 сего сентября уволило всех забастовавших в количестве 150 человек.

Полковник Левицкий.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 4 д-ство, стр. 88, вход. № 27472. Особ. отд.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сормовского правительства «Высочайший Манифест».

Милостию своих цепких лап, мы, директор Сормовских заводов и повелитель многих тысяч рабочих наших, заводско-подданных,

всем нашим верным слугам: начальникам, заведующим, мастерам, счетоводам, чертежникам и другим нашим рабам, приставленным высасывать рабочую кровь, сим напоминаем. Всем известно, что с самого основания Сормовских заводов и вплоть до последних лет заводских рабочих беспрепятственно гнули в три дуги. О сем денно и нощно старались и неустанно пеклись заводские директора, благоверные предшественники наши, долгим опытом своим так хорошо научившие нас драть три шкуры с рабочих.

За последние годы, к великому нашему, а также всех пайщиков и акционеров смущению, в среду сормовских рабочих стали проникать пагубные для нашего кармана мысли. Наши рабочие забыли простую, всем нам хорошо известную истину, что их дело — работать, а наше дело — собирать барыши и жрать в свое удовольствие. Внешняя агитация вызвала у рабочих нелепые мысли, будто бы они тоже люди и им надлежит жить по-человечески. Нелепые эти мысли они начали осуществлять на деле, добиваясь сокращения рабочего времени и увеличения заработной платы.

В довершение всего рабочие придумали, что у них есть свое человеческое достоинство, и стали протестовать против грубостей и ругани мастеров и прочего начальства. В своем безумии рабочие позабыли, что, придя на завод, они должны там оставить целиком все свои силы; эти наглецы осмеливаются сохранять для себя часть своих мускулов и своей крови, нарушая свою первую и святую обязанность набивать хозяйские карманы.

Принимая во внимание, что такое положение вещей может отозваться очень тяжело на барышах акционеров и пайщиков, мы решили все повернуть по-старому, скрутив любезных нам рабочих в бараний рог. Для сего мы прикрыли завод, убив одним ударом двух зайцев: на заводах очень удобно произвели ремонт, а рабочих очень основательно приперли к стене.

Теперь, перед открытием заводов, мы обращаемся к вам, ко всем нашим верным слугам с торжественным призывом: не положите охулки на руку. День и ночь стойте над рабочим. Смотрите ему в глаза, залезайте ему в душу. Да язык-то, язык-то свой развяжите; покрепче, по-русски подействуйте. Директору вашему во славу, пайщикам на утешенье.

Смелей принимайтесь вытягивать жилы из рабочих. Бог вам на помощь.

Сормовская организация.

Нижегородский Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Дело деп. пол., 1905 г., особ. отд., № 5, ч. 22, л. Б.]

Копия письма с подписью: «Секретарь комитета», из Нижнего-Новгорода, от 2 сентября 1905 г., к Адольфу Экснеру, в Лейпциг.

Сормово, 30 августа. Уже в июле стало замечаться в Сормове уменьшение интереса в массах к общим собраниям, которые раньше привлекали по нескольку тысяч человек. 1 августа был остановлен завод в виду того, по объяснению администрации завода, что постоянные забастовки нарушают нормальный ход работ, и дальнейшее ведение дела при таких условиях невозможно. Как можно было предполагать и как выяснилось впоследствии, это была лишь уловка со стороны заводоуправления. Прежде всего закрытие завода отразилось самым неблагоприятным образом на жизни местной социал-демократической организации и на общем настроении рабочих масс. Очень многие как из пассивных, так из организованных рабочих разъехались по домам. Настроение было настолько пониженное, что, несмотря на приглашения организации собраться перед отъездом поговорить о пропаганде в деревне, собрание не состоялось. За все время (2 недели), пока завод стоял, организация работала крайне вяло, чувствовался упадок энергии и общий распад: занимались чем угодно, только не делами, — было какое-то каникулярное время. С 15-го начали возобновляться работы, начался обратный приток рабочих из деревень; вместе с тем должны были оживиться дела.

Работа социал-демократической организации в Сормове за август выразилась в следующем: четыре раза назначались массовые собрания, на которые, однако, массовые рабочие не приходили, и были только свои. На первых двух было человек по 100, на третьем 80 и на четвертом собралось человек до 50, которые и были разогнаны казаками. Три первые, удавшиеся собрания были посвящены вопросу о Государственной Думе. Бесед не было по этому поводу, а только произносились речи ораторами, выяснявшими слушателям суть нового покушения с негодными средствами правительства. Кроме того, на первых двух собраниях вначале происходило обсуждение мер, в связи с закрытием завода, которые организация могла бы и должна бы принять для того, чтобы помешать администрации завода, с открытием его, отнять у рабочих то, что они приобрели за лето рядом забастовок. Эти обсуждения привели к крайне печальным заключениям, что организация не в силах что-либо сделать в этом направлении, по крайней мере, в это время общего понижения настроения.

Опасения, что завод не упустит случая прижать рабочих, оправдались в высокой степени. В заводские распорядки введена строгость: запрещается ходить из цеха в цех, много разговаривать за работой, часто курить и вообще отвлекаться от работы; за всем этим предписывается наблюдать строжайшим образом. Введены

штрафы, которые раньше были отменены. Расценки понижены, в некоторых цехах и на некоторые работы очень сильно. Мало того: завод воспользовался случаем, чтобы профильтровать рабочих. Фильтровка происходила в двух отношениях: путем медицинского освидетельствования должны были быть устранены те, кто потерял на работе здоровье и силы; с тех, кто настаивал на принятии, несмотря, например, на потерю пальца на работе, повреждение глаза и т. п., отбирались подписки о том, что претензий к заводу не имеют. За это им давали работу. Другого рода фильтровка происходила по указанию мастеров, — этим путем стремились удалить с завода неблагонадежные элементы. С 25-го завод пошел весь, и сопротивления со стороны рабочих новому режиму не было. Случилась лишь небольшая забастовка в фасонно-литейном цехе на другой же день по открытии завода из-за расценок, которая кончилась тотчас же компромиссом между заводом и рабочими: расценки установлены средние между прежними, бывшими до закрытия завода, и новыми.

Перед закрытием завода Сормовская организация насчитывала до 300 человек. Делится она на три района заводских рабочих, один из сормовцев же, но не заводских рабочих; к нему же относятся 2 кружка крестьянских из ближних сел — Копосова и Козина. Первый район насчитывает 11 кружков; второй — 4, третий — 6, четвертый — 2. Число членов в кружках 10 — 12. Состав районов и общее число членов организации после открытия завода еще не приведены в известность.

В течение августа в первом районе собирался один кружок один раз; во втором ни одного, в третьем два раза один кружок; в четвертом один кружок систематически шесть раз, другой ни разу. В селах собирались оба кружка систематически раз в неделю. До 1 августа там была массовка, в августе была массовка, на которой говорилось о Государственной Думе, в конце августа предполагалась другая, но не мог явиться оратор. Районных собраний за август не было ни одного; междурайонных (собраний представителей кружков, как и на районных) — 4, собраний центральной группы 4. Предметом обсуждения были текущие дела.

В самом конце месяца, по инициативе организации меньшинства, созывалась массовка, но пришло лишь до 117 человек своих, т.-е. организованных меньшевиков и большевиков. Вследствие этого массовка обращена была в дискуссию между большевиками и меньшевиками по вопросу о временном правительстве.

Отпечатаны были Сормовской организацией за август следующие издания. Печатные: «Кто будет платить контрибуцию?» — 850 шт.; песня «На баррикады» — 500; «К рабочим о Государственной Думе» — 6000; «К солдатам Арзамасского полка» — 500. Другими способами: отчеты Сормовской организации — 400; Сормовской боевой дружины — 200; по сбору на раненых и убитых — 500; районных — 200; листок «Сормовского правительства Высочайший Манифест» — 400.

Сормовская организация, как известно, работает под руководством Нижегородского комитета. Редакция перечисленных изданий, кроме отчетов, принадлежит ему.

Пониженному настроению рабочих соответствует повышенная заносчивость полиции и казаков, расположенных в Сормове. Благодаря нахальству и уверенности в своей безнаказанности тех и других какая-либо гарантия личной неприкосновенности, а до некоторой степени и имущественной, совершенно отсутствует. Днем и ночью, по желанию, казаки и полиция останавливают прямо на улицах и обыскивают, иногда избивают. Особенно достается охотникам, у которых отнимают ружья, а самих избивают. При этом совершенно игнорируется, есть охотничий билет на право охоты или нет у избиваемого. Возбуждения дел о ношении оружия в таких случаях также, правда, избегают, предпочитая свои средства. Бьют и обыскивают ночью, когда рабочие возвращаются из города с ярмарки, бьют виновных за отказ угостить пивом и т. д. Такое положение дел особенно резко бросается в глаза по сравнению с той свободой, которой пользовалось Сормово до августа месяца.

Не говоря уже о громадных массовках, бывавших совершенно открыто и притом каждый день, следует отметить поведение полиции и казаков, — те и другие избегали даже показываться на улицах, по крайней мере, в одиночку, ни во что не вмешивались, обысков и арестов не производили. Борьба рабочих с заводом шла успешно.

Сообщаем краткий некролог тов. Ефремова, убитого 12 июля взрывом бомбы.

Товарищ Ефремов был ранее на заводе, последнее же время служил приказчиком в сормовской потребительской лавке. С 1899 года он состоял членом Сормовской социал-демократической организации. Отличался отзывчивостью и преданностью делу, работал и как пропагандист, и как агитатор и организатор, не отказываясь ни от какого поручения. В августе 1904 года он был арестован, как зачинщик бывшей в Сормовском заводе забастовки, и просидел три недели, после чего доступ на завод ему был закрыт. Погиб он безвременно жертвой роковой случайности от взрыва бомбы, которая была у него в руках. Он был ценным работником и добрым товарищем и умер на своем боевом посту. Бомба предназначалась для казаков.

Секретарь Комитета.

---

29 августа. Корреспонденция за подписью «Член одной из комитетских организаций», хотя и неофициальная, является наиболее точной в хронологическом и фактическом отношении. Нахожу нужным написать об этом после прочтения корреспонденции из Нижнего в № 13 «Пролетария», которая хотя и верно и более подробно изображает общую картину, но допускает некоторые неточности: так, напр.,

первая бомба в Сормове была брошена не 10-го (только поздно вечером 10-го узнали о нижегородском побоище), а 11-го; сормовцев, пришедших 11-го в город для защиты, днем не осмеливались трогать, никого из них днем не ловили, не избили, не захватили, не арестовали. Сормовцы днем могли сразу соединиться; кроме того, полиция предполагала (и не без основания), что сормовцы принесли с собой бомбы. Только вечером, когда начало темнеть, сормовцев, когда они небольшими кучками возвращались домой, подкараулила черная сотня с полицией и солдатами. Есть и другие неточности, но о них не упоминаю.

Не знаю, получили ли вы упомянутую корреспонденцию. Она была послана поздно, в первых числах августа. Некоторые неточности есть и в ней, — собственно я помню одну неточность. Там в одном месте говорится, что Андрей Ефремов, несший бомбу 12-го ночью, был подстрелен, упал, и потому произошел взрыв. Это только одно из предположений, — причина его смерти до сих пор не выяснена. Или он нечаянно уронил бомбу, или его подстрелили (он ранен пулей в лоб, но, может-быть, после падения), или, наконец, бомба почему-либо взорвалась сама у него в руках (лично мне последнее кажется самым вероятным: он нес ее в левой руке, которую держал за спиной, у него оторвана кисть левой руки и вырвана вся правая нога). После взрыва солдаты обезумели и начали стрелять пачками во все стороны; может-быть, тогда одна пуля и попала в Ефремова. Бомба предназначалась для казаков (не для солдат), только роковая случайность помешала предприятию. Леонид Командин и Андрей Ефремов были одними из самых деятельных и преданных работников организации, в которой уже давно принимали участие. Алексей Дмитриев, юноша 18 лет, также принимал горячее участие в делах организации.

Варшавский завод начал работать, принимают рабочих каждый день, стариков и увечных бракуют (последних принимают с обязательством не предъявлять претензий к заводу). Фильтруют неблагонадежные элементы. Расценки в некоторых случаях сильно понижены: так, за привинчивание медных кранов к трубам прежде платили 27, теперь только 10 коп. Рабочие фасонно-литейного цеха, проработав день, на следующий день бросили работу, — сошлись на средней цене, и работа началась. Приемский, новый директор или «новая метла», как его называют, издал циркуляр к служащим, приглашая их возможно строже следить за рабочими, которые, по его мнению, слишком злоупотребляют «курением, часто переходят из цеха в цех и вообще вяло» работают. Пока рабочие сидели без работы, заводоуправление этим временем производило капитальный ремонт, а сормовские акции поднимались словно каким-то волшебством, несмотря на жалкие слова администрации, которая плакалась, что забастовщики причиняют убытки заводу и заставляют прикрыть завод на неопределенное время.

Макар.

(Это мое письмо, как и корреспонденция за подписью «Член одной из к-ских организаций», не имеет организационного характера, — я пишу и буду писать лично от себя).

Дела в городе и Канавине идут недурно, в Сормове до сих пор было затишье, так как многие разъехались, теперь съезжаются.

---

4. Подготовка к вооруженному восстанию.

Начальник Нижегородского Губернского Жандармского Управления.

10 декабря 1905 г.
№ 6043.
Нижний-Новгород.

Секретно

В Департамент Полиции.

Доношу Департаменту Полиции, что, по полученным мною сведениям, рабочие Сормовского завода в последние дни заняты изготовлением холодного оружия, а именно: шашек, пик и кинжалов.

В канцелярию сормовского Полицейского Пристава 8 сего декабря был доставлен образец пики, состоящей из квадратного железного прута в палец толщины, длиною 2 аршина, конец пики отточен.

По вечерам рабочие собираются большими партиями и обучаются маршировке и ружейным приемам.

9 декабря у главной конторы завода состоялась сходка, на которой обсуждался вопрос о политической забастовке всего завода, о вооруженной демонстрации, и было постановлено, чтобы расчет за работу производился исключительно золотом, и чтобы рабочие ни в каком случае не принимали бумажных денег.

Об изложенном мною доложено Господину Управляющему Губернией.

Полковник Левицкий.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 1905 г., 4 д-ство, стр. 101.]

Секретно.

Отношение министра торговли и промышленности министру внутренних дел.

Его Высокопревосходительству П. Н. Дурново.

Министр Торг. и Промышленности, Тайный Советник В. И. Тимирязев, свидетельствуя совершенное почтение Его Высокопревосходительству Петру Николаевичу, имеет чест препроводить при сем копии двух телеграмм директора Сормовских заводов о положении дел на заводах.

10 декабря 1905 г., № 185.

Копия телеграммы директора Сормовских заводов от 9 декабря 1905 г.

В ночь на девятое и сегодня во многих мастерских изготовляется рабочими оружие из прутьев и слесарных пил. Убеждение заведывающих не действует, идет сильнейшая агитация против бумажных денег. Нижегородская дорога забастовала, защиты из города ожидать нельзя, в виду такого настроения пока задержал объявление, о котором телеграфировал.

Приемский.

Копия телеграммы директора Сормовских заводов от 9 декабря 1905 г.

Сегодня, в 1½ часа дня, агитаторы собрали внутри завода всех рабочих пред главной конторой. Пред красным флагом говорили речи три оратора не из рабочих, — требование платы золотом [1]) и вооруженное восстание. Речи продолжались до трех часов. Большая часть встали на работу, остальные ушли в город. Речи ораторов мало действовали на толпу. В контору собрались все депутаты, которых я предупредил, что субботняя получка выслана банком золотом, а не бумажками. Указал, что постоянные нарушения правил неизбежно повлекут к закрытию всего завода. Особенно возбужденно был затронут вопрос о Лазберге. Я отказался вступить в переговоры с депутатами относительно заведующих и подтвердил, что цех будет рассчитан четырнадцатого. Неопределенность положения завода увеличивается изолированностью от Москвы и отсутствием сил в Нижнем, вследствие чего нельзя принять рациональных мер, однако, работы при таких условиях крайне непроизводительны, более двенадцати паровозов невозможно выпустить.

Приемский.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 1905 г., 4 д-ство, стр. 102, 103, 104.]

Шифрованная телеграмма Департамента Полиции Нижегородскому Губернатору от 11 декабря 1905 года.

Директор Сормовских заводов телеграфирует об угрожаемом положении завода. Управляющий министерством приказал принять энергичные меры к водворению порядка, воспретить совершенно митинги на основании правил усиленной охраны и арестовать революционеров и агитаторов

Директор Вуич.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 18, 1905 г., 4 д-ство, стр. 105.]

[1]) Выплачиваем рабочим около 500.000 руб. в месяц.

III. СТАЧКА ТУЛЬСКИХ МЕТАЛЛИСТОВ.

1. Политические требования тульских рабочих.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Резолюция тульских рабочих.

Мы, тульские рабочие, 1) принимая во внимание, что царское правительство является самым злейшим врагом России, так как в интересах своего государства оно направляет свою власть на угнетение народных масс и на защиту эксплоатации неимущих классов имущими,

2) что благодаря этому самодержавие не дает рабочему классу ни малейшей возможности улучшить свое бесправное положение, — выстрелами, нагайками и тюрьмами встречая все самые законные его требования,

3) признавая также, что оно является величайшим тормозом всякого свободного развития России, — мы, рабочие, ставим своей первой и ближайшей задачей свержение царского самодержавия и замену его самодержавием народа.

Что же касается настоящего тяжелого времени, переживаемого Россией, когда народная кровь льется рекой, когда все новые и новые десятки тысяч наших братьев правительство отправляет на верную смерть, — расточение народных денег, гибель нашего флота, падение Порт-Артура, новые государственные займы, кризисы, безработица и голод, то все это ясно обнаружило политику самодержавия, направленную во вред народа, и вызвало всеобщее недовольство в самых широких слоях нашего населения.

Заметив шаткость своего положения, правительство прибегло к лицемерному заигрыванию как с имущими, так и неимущими классами, чтобы за самые ничтожные уступки привлечь их на свою сторону: земству оно пообещало небольшое расширение самоуправления, а нам — государственное страхование.

Но, 1) принимая во внимание, что все то, что дает самодержавие, сохраняя свою неприкосновенность, оно при благоприятных для себя условиях может отнять через несколько времени, — мы, туль-

ские рабочие, заявляем земским собраниям и всем другим официальным и частным учреждениям, что мы не удовлетворяемся никакими уступками, пока будет неприкосновенно самодержавие.

2) Мы, рабочие, можем быть удовлетворены лишь в том случае, если в основу нашего государства будет положено полное равенство всех граждан, без различия национальности, религии, пола и имущественного положения.

3) Поэтому для создания в России свободы и самодержавия народа мы требуем созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всеми гражданами всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов.

4) Мы считаем своим долгом всеми силами поддерживать всякое политическое движение, которое поставит себе такую и только такую ближайшую цель. Всякие же малейшие уступки правительству, всякие стремления сохранить какое бы то ни было политическое неравенство, какие бы то ни было преимущества одних слоев населения над другими — мы считаем предательством дела народного освобождения.

Долой самодержавие! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Тульский Комитет.

1 января 1905 г.

[Дело деп. пол., 1905 г., № 4, ч. 55, 4-е д-ство. О движениях и стачках среди рабочих по Тульской губернии.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим Центрального района.

Товарищи! 8 января, в обед, вы бросили работу и заявили администрации, что требуете только 10-часового рабочего дня. Товарищи! Если хотите достигнуть цели, то ставьте ее выше и держитесь дружно и стойко. Ваша забастовка самая своевременная. Теперь бастуют все петербургские заводы: Путиловский, Обуховский, Балтийский, Вагоностроительный... многие фабрики и типографии,—одним словом, всех забастовщиков там доходит до 80-ти тысяч человек. В Баку тоже забастовки, — и рабочие уже завоевали себе 9½-часовой рабочий день и еще много других уступок. Товарищи! не теряйте такого подходящего времени. Когда бастуют десятки тысяч, тогда можно надеяться на успех. Кроме того, на вашем заводе заказов много, и администрации поневоле придется пойти на уступки. Все здешние заводы должны поддерживать вас. Теперь стачки, как пожар, перебрасываются с завода на завод, из города в город. Забастовка в Туле поддержит Петербург, а завтра может

вспыхнуть забастовка и в Москве. Требования рабочего класса должна знать вся Россия, и требования наши должны быть общие, мы должны требовать того же, чего добиваются наши петербургские и бакинские товарищи: 1) 8-часовой рабочий день. 2) Один свободный день в неделю. 3) Прекращение работ под праздник в 2 часа дня. 4) Учреждение третейских судов для разбора недоразумений между рабочими и хозяевами, составленных наполовину из рабочих (по выбору), наполовину из хозяев. 5) Чтобы все расходы по обещанному нам государственному страхованию предприниматели взяли на себя, не делая вычетов из заработной платы. 6) Отмена обысков. 7) Вежливое обращение.

Специально для нашего завода требуем: 1) Определять расценок при раздаче работ. 2) Обязательная выдача платы 7-го и 22-го. 3) Выдача платы во время работ по цехам. 4) Прекращение работ в праздничные дни. Отопление мастерской у обрубщиков. 6) Увольнение мастера Штейнера и старосты Михея. 7) Повышение заработной платы.

Дружнее же, товарищи! За общее дело, за лучшую жизнь! Мы трудимся в поте лица и требуем того, что принадлежит трудящемуся по праву.

Тульский Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Январь 1905 года.

---

2. Январская забастовка рабочих Тульского патронного завода.

И. д. Начальника Тульского Жандармского Губернского Управления.

23 января 1905 г. № 227. Г. Тула.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В понедельник 17 января, после полученного в субботу 14 января двухнедельного расчета рабочих Патронного завода, как объяснил директор сего завода, отставной полковник Сергей Григорьевич Катрухин, часть рабочих шабровщиков, в числе около 130 человек, обратилась к нему с просьбой о прибавке заработной платы. По рассмотрении этой просьбы завод нашел справедливым увеличить таковую плату по расчету с 1 января, о чем и было объявлено рабочим в среду, 19 числа. На другой день, 20-го числа, от мастерской, где производится отделка гильз и где около 200 человек рабочих, явились к Катрухину семь человек с заявлением о желании переговорить с ним относительно заработной платы, и Катрухин назначил им явиться в пятницу. В пятницу же за-

явили о прибавке платы рабочие из мастерских отжигальной и чистильной, где рабочих около 150 человек. Последним обещана была прибавка, и, кроме того, администрацией завода по собственному почину назначена наименьшая плата за поденную работу вместо шестидесяти коп. — шестьдесят пять. Из мастерской же по отделке гильз явились в пятницу утром к Катрухину не те рабочие, которые были накануне, а другие 10 человек и уже предъявили еще новые требования, совершенно, по мнению Катрухина, неисполнимые, как-то: 8-часовой труд, устройство третейского суда и т. п., в чем им и было отказано с объявлением, что другие требования, как-то: улучшение медицинской помощи рабочим, санитарного состояния мастерских и проч., будут рассмотрены и по возможности удовлетворены. Во все эти дни работы на заводе шли безостановочно, и порядок не нарушался.

22 января, в 7 час. утра, рабочие Патронного завода явились на завод и вначале обычно приступили работать, но около 8 часов утра в некоторых мастерских главного корпуса работа была сразу остановлена. Большая часть рабочих ушла домой, а меньшая — направилась в другой корпус, называемый «Латунный завод», где насильно остановила работу, после чего почти все рабочие разошлись по домам, а небольшая группа некоторое время совещалась около завода и затем также разошлась.

В это время между рабочими ходили по рукам прилагаемые листки требований рабочих.

В 2 часа дня к заводу подошло около 2.000 рабочих, и из среды их были выбраны от разных мастерских уполномоченные, около 30 человек, которые, явившись в заводскую контору, предъявили свои требования уже в присутствии старшего фабричного инспектора и тульского полицеймейстера; требования эти рассмотрены директорами завода г.г. Кохом и Катрухиным. Требования были те же, что и в вышеозначенных листках, но из них уполномоченные вычеркнули пункты 3, 8, 9, 12, 13, 14, 15 и 16, и, таким образом, последние требования уполномоченных сводились к следующему:

1) 8-часовой рабочий день. На это администрация не согласилась, но обещала ходатайствовать перед правлением об установлении 9-часового рабочего дня.

2) Увеличение расценок за все работы на 30 — 50%. Администрация в огульном увеличении расценок отказала, но заявила, что все вообще расценки, помимо требования рабочих, в настоящее время подвергаются коренному пересмотру с тем, чтобы их справедливо уравнять посредством прибавок тем, заработок которых ныне недостаточен, и что по некоторым работам это уже сделано, при чем расценка будет увеличена не с настоящего времени, а с первого января.

3) Установление платы ученикам. Из объяснения г. Коха выяснилось, что все без исключения ученики и в настоящее время

работают за плату, размер которой не ниже 25 коп. в день. Объяснение это для уполномоченных было неожиданностью; смутившись, они просили перейти к рассмотрению следующих вопросов.

4) Один свободный день в неделю. Это требование администрация обещала исполнить, назначив для сего воскресенье.

5) Выдача заработной платы полностью за все время болезни и леченье за счет предпринимателя. По этому пункту уполномоченным было разъяснено, что такая мера законом не предусмотрена и была бы несправедливой по отношению лиц, получивших увечье, но что вообще со стороны администрации уже приняты меры к доставлению удобств больным и удешевлению лечения, путем приглашения доктора, обязанного являться на завод ежедневно, еще 2 фельдшеров и устройства заводской больницы, на что уже испрошен правлением на сей год необходимый кредит.

6) Прекращение работ в кануны праздников в 2 часа дня. Администрация находит возможным удовлетворить это требование.

7) Прекращение работ 1 мая. Администрация обещала не назначать на 1 мая работ с тем, чтобы взамен этого дня работы производились 21 ноября, в виду того, что такая замена допускается законом.

8) Учреждение третейских судов. Требование это, как незаконное, администрация отклонила.

9) Требования: а) обеспечение семей умерших и получивших увечье (пункт 17 требования) и б) о возложении на предпринимателей расходов по будущему государственному страхованию рабочих (п. 18 требования), как подлежащие установлению в законодательном порядке, отклонены, и уполномоченные на них не настаивали.

10) Уплата рабочим вознаграждения за время стачек (пункт 19 требования) отклонена. Уплата за время остановки завода по вине последнего производится и ныне.

11) Устройство столовых, кубов и проч. (пункт 21 треб.). По объяснению администрации, столовая будет построена весной сего года, кубы с горячей водою будут теперь же устроены во всех мастерских, как равно обещано увеличить число книг в библиотеке и расширить читальню.

12) Вежливое обращение с рабочими. Администрация обещала установить более строгое наблюдение за тем, чтобы как низшие, так и вообще все служащие обращались со всеми рабочими безусловно вежливо.

13) Отмена обысков. Администрация выразила полное желание отменить обыски при условии, если сами рабочие изыщут другой способ гарантии от повальных краж с завода материала и инструментов, приведя недавний пример, когда, благодаря краже пяти фунтов латуни, была забракована большая партия патронов, ценностью в несколько тысяч рублей. Для приискания такого способа адми-

нистрация предложила устроить особое совещание с уполномоченными от рабочих.

14) Участие рабочих в разумных развлечениях. Администрация заявила, что она охотно идет навстречу такого желания.

15) Немедленное увольнение некоторых служащих (п. 25 треб., к которому уполномоченные присоединили еще фамилии Ермолаева и Дашева). Администрация заявила, что без подробного выяснения вины каждого из этих служащих увольнять их не считает возможным и предложила указать действительные случаи вины их, и

16) Сокращение рабочих часов для женщин до якобы законом установленного времени, т.-е. до 8-ми часов. На это фабричный инспектор разъяснил, что такого ограничения для женщин законом не установлено, и уполномоченные на сем требовании не настаивали.

По окончании переговоров администрация объявила уполномоченным, что обо всем том, что в настоящее время она обещала исполнить, будет помещено в особых объявлениях, каковые объявления будут вывешены в понедельник 24 января в заводе, при чем предупредила, что если в понедельник рабочие мирно станут на работы, то прогул сегодняшнего дня зачтется за рабочий день; если же рабочие не станут на работы, то администрация будет считать себя свободной от всего ныне обещанного.

По выходе около 6-ти часов вечера с завода уполномоченных, директор Кох вышел к рабочим и вкратце объяснил им о том, что найдено возможным сделать для них в настоящее время, предлагая в понедельник мирно начать работу. После всего рабочие, не нарушая порядка, разошлись по домам.

Всех забастовавших на Патронном заводе мужчин 3.440 и женщин 715, а всего 4.155.

На другой же день после забастовки рабочих тульских мастерских мною были получены сведения и немедленно сообщены г. губернатору о том, что готовится забастовка на чисто-экономической почве и на Патронном заводе, где рабочие недовольны, главным образом, недостаточностью медицинской помощи, антисанитарным и крайне неудобным устройством отхожих мест, недостаточностью кипятка для чая, отсутствием кранов в мастерских для питьевой воды (таковые краны слишком удалены от мест работы) и, наконец, грубым обращением мастеров с рабочими и по преимуществу с женщинами.

Еще на собрании фабричного присутствия по поводу забастовки в тульских мастерских я счел себя обязанным доложить собранию о необходимости немедленного обсуждения всех дефектов, которые могут иметь место на других заводах и фабриках и послужить ближайшими причинами к выражению недовольств со стороны рабочих, дабы своевременным устранением их в возможной мере предупредить стачки в других местах.

Бессистемные переговоры администрации Патронного завода с рабочими в течение целой недели, не будучи оформлены фабричной инспекцией, к тому же отсутствовавшей во время переговоров, удовлетворив часть рабочих и часть их требований, само собою понятно, вызвали предъявление требований со стороны и остальной части рабочих.

Хотя в устройстве этой стачки, носившей чисто-экономический характер, как это видно из воззвания, изданного от имени Тульского социал-демократического комитета, по своему содержанию почти аналогичного с представленным при сем же в копии «прошением рабочих и работниц Патронного завода», участвовали и представители социал-демократической организации, но в виду отсутствия чего-либо противоправительственного как в требованиях рабочих, так и в самой тактике бастовавших, строго соблюдавших порядок, я, по соглашению с прокурорским надзором, ограничился лишь пассивным наблюдением.

По имеющимся агентурным указаниям, стачка эта должна быть скоро миролюбиво окончена. Вместе с сим, по тем же сведениям, может возникнуть стачка на Баташевской самоварной фабрике и рельсопрокатном заводе частного общества, находящемся за чертой города, в 1-м стане Тульского уезда. По сему поводу мною поставлен в известность г. тульский губернатор, которому я лично передал о том, что именно рабочие названных промышленных заведений предполагают предъявить при забастовке.

Об изложенном докладываю Департаменту, в дополнение моей телеграммы от 22-го сего января.

Подполковник Сазонов.

И. д. Начальника
Тульского Жандармского
Губернского Управления.

24 января 1905 г.
№ 252.
Г. Тула.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В дополнение к донесению моему от 23 сего января за № 227, докладываю Департаменту Полиции, что на известные уже департаменту требования рабочих Патронного завода администрация сего последнего со своей стороны предъявила условия, подробно означенные в объявлении, вывешенном вчера вечером в заводе.

Сегодня, с утра, на завод в обычное время явилось большинство рабочих, которые, не раздеваясь, разместились по своим местам, выжидая прибытия на завод фабричного инспектора. С появлением сего последнего выборные из рабочих заявили, что все рабочие сочтут себя вполне удовлетворенными, если администрация завода уступит им ¼ ч. утром и вечером, а именно, — чтобы работа начиналась не в 7 час. утра и оканчивалась не в 6 час. вечера, а начи-

налась бы в 7¼ и оканчивалась бы в 5¾ пополудни. Но этот вопрос к 9 час. утра был разрешен в том смысле, что рабочие согласились с администрацией оставить в силе предложение сей последней. Тотчас же вся масса рабочих единодушно высказала желание, прежде чем приступить к работам, отслужить благодарственный молебен в 11 часов дня.

Молебен был отслужен в присутствии администрации и фабричной инспекции у входных заводских ворот, а по окончании молебна рабочие стройно пропели народный гимн. После этого около ²/₃ всего наличного числа рабочих приступило к работам; остальная часть спокойно разошлась по домам с намерением завтра стать на работу.

Завтра же будет вывешено объявление от администрации о том, что всякий, не явившийся завтра на работу, будет рассчитан.

К сему считаю долгом добавить, что вчерашнего числа мною были получены негласные сведения о возникшем, будто бы, намерении рабочих Патронного завода, в случае неудовлетворения их основных требований, продолжать забастовку и, направившись к Оружейному заводу и Баташевской фабрике, силою заставить прекратить работу на таковых.

Эти сведения мною были тотчас сообщены г. губернатору, по распоряжению которого были приняты соответствующие меры. Но таковые сведения не подтвердились.

Подполковник Сазонов.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим оружейного завода.

Товарищи!

Долго ли мы будем медлить? Когда же, наконец, мы решимся бросить работу и начать борьбу за лучшую жизнь? Из нас выжимают последние соки, заставляя работать по 12 — 14 час. в сутки, — платят нам за это жалкие гроши, которых еле хватает на поддержание нашей нищенской жизни. Нет, товарищи! Мы не в силах более выносить гнет, который лежит на нас и на детях наших; неужели нам не стыдно сидеть, сложа руки, когда наши товарищи по всей России борются теперь за улучшение жизни всего рабочего люда? А мы, как-будто всем довольны, как-будто нам ничего не нужно. Нас штрафуют, труд наш оплачивается скверно, сбавляют еще расценки, с нами грубо обращаются, считают нас за воров и каждый день обыскивают. Но и этого им мало. Они хотят сделать нас как бы крепостными своего завода, они заставляют нас давать подлую

подписку в том, что мы никогда бастовать не будем, а будем всегда такими же рабами, как были наши деды, как мы теперь. Они хотят заставить нас быть верными слугами того злодея-царя, который убил в Петербурге более тысячи наших братьев-рабочих за то, что они мирно, со священником во главе, шли к нему просить защиты от эксплоататоров. Молчать в такое время, когда по всей России весь рабочий люд поднялся на защиту своих прав, — позорно и подло. Присоединимся к нашим товарищам-рабочим! Довольно терпеть, довольно пресмыкаться перед начальством, пора проснуться и сбросить то, что нас давит. Пора. Бросим же работы и протянем свою могучую руку борцам за свободу и счастье рабочего.

Вот наши требования: 1) 8-часовой рабочий день. 2) Празднование 1-го мая. 3) Отмена урочных и сверхурочных работ. 4) Повышение заработной платы от 30 до 50 коп. 5) Отмена арестов и обысков. 6) Плата за прогулы по вине администрации (сюда относятся стачка и майские дни). 7) Поденная плата не менее 1 р. 25 к., такая же плата и до выучки. 8) Полная поденная плата во время болезни. 9) Плата сторожам не менее 25 р. в месяц. 10) Не увольнять за стачку, и неприкосновенность наших депутатов. 11) Устройство в достаточном количестве кубов, вентиляций и вешалок. 12) Увеличение медицинского персонала. 13) Вежливое обращение. 14) Устройство третейских судов. 15) Уволить за грубое обращение мастеров: из ложевой — Жилина и Максимова, из магазинной — Шепетинского, штыковой — Зябрева, механической — Захарова. 16) Уволить за взятки из стольной — Тимковского, коробочной — Фомина и Жижина, револьверной — Кожевникова. Товарищи! Чтобы облегчить себе борьбу за лучшую жизнь, мы должны требовать у правительства созыва Учредительного Собрания из представителей всего народа. Только наши собственные представители будут нашими защитниками. Выбирать их следует прямой, тайной и равной подачей голосов.

Товарищи! Вперед! За правое дело!

Да здравствует стачечник-гражданин! Долой самодержавие! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Тульский Комитет.

3. Летняя стачка рабочих Тульского патронного завода.

Начальник Тульского Губернского Жандармского Управления.

13 июля 1905 г.
№ 2970.
Г. Тула.

Секретно.

Командиру Отдельного Корпуса Жандармов.

В дополнение донесения моего, от 11 сего июля за № 2929, доношу вашему превосходительству, что для выяснения подробных обстоятельств, вызвавших забастовку рабочих на тульском патронном заводе и для определения настроения умов забастовавшей массы, мною 11-го и 12-го сего июля был командирован на завод помощник мой, подполковник Вельсовский, который для исполнения возложенного на него поручения должен был войти в непосредственное сношение с забастовщиками и администрацией завода и присутствовать на всех объяснениях депутатов от рабочих с администрацией завода. Означенный помощник мой доложил нижеследующее: 11 июля, прибыв к заводу, ему пришлось пройти сквозь шеститысячную толпу забастовщиков, расположившихся в поле, перед заводом, имея в центре дорогу, ведущую к главным воротам завода. При проходе подполковника Вельсовского рабочие молча, но вежливо расступались, очищая дорогу. Воспользовавшись таким мирным настроением, подполковник Вельсовский вступил с ними в разговор, выспрашивая те обстоятельства, которые послужили поводом к забастовке. Рабочие отвечали очень охотно и, описывая дороговизну жизни в Туле, напр., мясо 18 — 20 коп. фунт, дрова — 30 руб. сажень, квартира в 2 комнатки — 10 руб. и т. д., жаловались на недостаточную заработную плату вообще и безусловно слишком низкую для женского труда, при чем сами заявили, что забастовка у них исключительно на экономической почве, и что никаких политических вопросов они затрогивать не желают. Пройдя на завод, помощник мой присутствовал при приеме депутаций от рабочих каждого из тринадцати цехов администрацией завода, при чем депутатами были предъявлены требования. Депутаты держали себя очень скромно и корректно и на возражения со стороны администрации отвечали, что они высказывают не свое мнение, а требования пославших их товарищей. После приема депутаций, убедившись, что заработная плата велика только для самого незначительного числа рабочих, а что главная масса рабочих не вполне обеспечена, подполковник Вельсовский попросил помощника директора завода, инженера путей сообщения М. М. Нежданова, показать ему расчетные книжки, при чем он убедился, что более половины завода, т.-е. около 4-х тысяч человек, имеют заработную плату от 90 к. до 1 р. 25 к. в день, что составляет в месяц, за вычетом воскресных

и праздничных дней, максимальный заработок от 23 до 33 рублей в месяц, человек 300 — 400 зарабатывают менее 90 коп. в день; женщины, которых на заводе работает около тысячи душ, зарабатывают в день по 35 коп., что составляет общий заработок в месяц, за вычетом праздничных дней, около 8 рублей, а между тем, многие из работниц содержат семью. Все остальные получают плату выше указанной, а человек 200 — 300 зарабатывают свыше двух рублей в день. Всего завод платит рабочим в месяц 167.000 рублей, включая сюда же полуторную плату за сверхурочные часы и ночную работу и двойную плату за работу в праздничные дни. Всех рабочих на заводе 6.200 человек, следовательно, средняя заработная плата одного рабочего в месяц, работающего только за урочную плату, составляет значительно менее 26 рублей в месяц. На другой день, т.-е. 12 сего июля, подполковник Вельсовский снова беседовал в толпе забастовщиков, при чем, затронув вопрос о фабричном инспекторе, он со всех сторон услышал жалобы, что фабричный инспектор, статский советник Тетеро, никогда на заводе не бывает, в нужды и интересы рабочих не входит, что рабочих, которые являются к нему по своим нуждам, как к фабричному инспектору, принимает его кухарка, а если кто-либо настаивает на свидании с фабричным инспектором, то тех рабочих он принимает крайне грубо и при всяком возражении грозит, указывая в окно на 2-ю полицейскую часть, находящуюся чрез дорогу от его квартиры, говоря: «Вон, видишь, часть, так убирайся, если не желаешь туда попасть». 12-го июля по гудку 500 человек прорвались в ворота и стали на работы. Возмущенные забастовщики грозили изувечить их, вследствие чего были приняты меры к безопасному проходу их из завода по окончании работ. После обеда по распоряжению администрации завода гудки подаваемы не были, и работы не производились. Желая избавиться от нежелательного элемента рабочих, которые постоянно возбуждают умы и поселяют неудовольствие на заводе, и принимая во внимание, что, желая сделать личности агитаторов и руководителей забастовок для администрации заводов неприкосновенными, рабочие выбрали их всех в число своих депутатов, администрация завода решила 25 июля, т.-е. чрез две недели, закрыть завод и предъявить расчет всем без исключения рабочим, а затем набирать новых рабочих, в число которых не попадет нежелательный элемент агитаторов. Копию объявления завода, за подписью старшего фабричного инспектора, при сем представляю. Настроение рабочих пока совершенно спокойное. Вчера, 12 июля, после обеда человек около полутораста рабочих с Патронного завода, под руководством агитаторов, явились на Центральный Завод Анонимного Акционерного Общества, где работает всего около 500 человек рабочих, и принудили таковых прекратить работы и присоединиться к забастовщикам; то же самое они сделали по отношению рабочих завода братьев Марковых, где работает около 200 человек. Прибыли агитаторы из Ива-

нова-Вознесенска и других мест. По выяснении их личностей предполагаю их арестовать. Дальнейшие донесения о ходе забастовок будут представляемы дополнительно, о чем и доношу.

Полковник Нестеров.

Объявление.

Рабочим и работницам Тульских Меднопрокатных и Патронных заводов объявляется расчет 25-го сего июля, т.-е. через 2 недели, от 11-го июля, когда они оставили работы.

С теми же, кто не явится на работы, согласно п. I ст. 105 Уст. Пром. (смотри в расчетной книжке п. 16, извлечение из закона), договор найма будет расторгнут без всякого отстоя и причитающийся им заработок будет выдан им непосредственно или через городское полицейское управление.

Списки рабочих и работниц, подлежащих расчету без отстоя, будут своевременно объявлены.

Директор-распорядитель Акционерного Общества
Тульских Меднопрокатных и Патронных Заводов Ф. Кох.
Помощники Директоров Заводов: Катрухин, М. Нежданов.
Старший Фабричный Инспектор Л. Тетеро.

1905 г., 12 июля.

Начальник Тульского Губернского Жандармского Управления.

14 июля 1905 г.
№ 2980.
Г. Тула.

Секретно.

Командиру Отдельного Корпуса Жандармов.

В дополнение донесений моих, от 11 и 13 сего июля за №№ 2929 и 2970, доношу Вашему Превосходительству, что вчера, т.-е. 13-го сего июля, более четырех тысяч рабочих Патронного завода с 7-ми часов утра приступили к работам; после обеда на работы стали и остальные рабочие. Рабочие Центрального завода, а также завода братьев Марковых все стали на работы. По имеющимся агентурным данным, около тысячи человек рабочих вооружены револьверами и ножами. Вооруженные рабочие составляют главный кадр забастовщиков, которые не оставили мысли терроризировать мирных рабочих и заставить их принять участие в общей забастовке всех рабочих г. Тулы. Вооруженные забастовщики ждут удобного момента, чтобы проникнуть на Оружейный завод и террором и насильственными мерами заставить их забастовать. Если им это удастся, то это будет сигналом к немедленной забастовке всех рабочих г. Тулы. Самым опасным элементом надо считать рабочих железнодорожных мастерских, которых в г. Туле около 3.000 человек, так как они состоят преимущественно из при-

шлых из других мест России, преимущественно с юга, и при неблагоприятном для них исходе беспорядков почти ничего не теряют. Рабочие железнодорожных мастерских с напряжением следят за развитием забастовки и ждут только удобного момента, чтобы примкнуть к ней. Сегодня получка заработной платы на Патронном заводе, что можно считать одной из главных причин такого поспешного прекращения забастовки, так как со дня забастовки заводская лавка, где они пользовались кредитом, закрыта, а денег у них не было. По получении рабочими денег, агитаторы надеются снова устроить забастовку на Патронном заводе, а затем силою принудить забастовать Оружейный завод, тогда железнодорожные мастерские и остальные заводы сами примкнут к ним. Насколько осуществимы означенные надежды агитаторов, в настоящее время трудно сказать. В Туле пока все спокойно, и жизнь идет нормальным ходом.

Полковник Нестеров.

Начальник Тульского Губернского Жандармского Управления.

26 августа 1905 г.
№ 3635.
Г. Тула.

Секретно.

Командиру Отдельного Корпуса Жандармов.

В дополнение донесения моего от 14 июля сего года доношу: администрация Тульского Патронного завода, чтобы прекратить частые забастовки рабочих завода, решила деятельность завода на-время прекратить, а рабочих рассчитать. Решение свое администрация привела в исполнение 25 июля, когда завод временно был закрыт, а рабочие стали получать расчет, и к 30 июля все были рассчитаны. 1 августа начался вновь прием рабочих, и 2-го того же августа некоторые мастерские начали уже функционировать. В настоящее же время Тульский Патронный завод весь работает, при чем из рассчитанных 6.103 человек вновь принято 5.162 человека. Из числа уволенных не принято обратно около 1.000 рабочих. Причинами к непринятию некоторых рабочих послужили личные убеждения администрации завода в неблагонадежности их, большинство же были не приняты вследствие различных болезней, полученных от долголетней службы на заводе. Более энергичные из забракованных по болезни, после долгих своих просьб пред администрацией завода добились-таки того, что их приняли, хотя при приеме брали расписки с каждого такого рабочего ,что он, принимаемый рабочий, не может претендовать на получение пособия, так как поступает уже с болезнью, пособие же может выдаваться за болезнь, происшедшую от работ на заводе и удостоверенную заводским врачом.

Полковник Нестеров.

СТАЧКИ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ.

I. ПРОБУЖДЕНИЕ РАБОЧИХ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА.

Январские дни слабо лишь отозвались в центральном, владимирском районе, — этом золотом дне российского капитала, создавшем крупнейшие богатства русской буржуазии. Громадная масса прядильщиков и ткачей в этом районе слабее, чем в других промышленных местностях, затронута пролетарским движением: очень уж трудны условия для распространения нашего учения в этом проклятом царстве нищенской платы, фабричных казарм и бесконечного произвола фабричных царьков. Первый вал революционной волны, поднятый памятным днем 9 января, докатился до центральной России только мелкими брызгами. Но пришел второй вал и смыл еще один из устоев, на котором зиждется царство кнута и нагайки. Иваново-вознесенские ткачи, искони боявшиеся, как огня, «политики» и редко шедшие на дружный протест, зашевелились. Их разбудило знойное дыхание пролетарской маевки. С начала мая забастовал Иваново-Вознесенск с его десятками фабрик. К нему пристала Шуя; стачка перекатилась и в Кострому, и в Вичугский округ, и в Орехово-Зуево. Красные знамена показались на улицах среди многотысячной толпы, многолюдные митинги изо дня в день оживили сонное царство, и вольная речь о рабочем деле раздалась перед многоголовой толпой.

Свыше двух недель бастуют иваново-вознесенцы. К фабричным присоединились рабочие всех промышленных заведений, — в стачке участвуют, по словам газет, 60.000 рабочих. Выбранные стачечниками 150 уполномоченных выработали общие требования. Вот они: 1) восьмичасовой рабочий день; 2) свобода слова; 3) свобода печати; 4) свобода собраний; 5) созыв народных представителей путем всеобщего, прямого и равного избирательного права, в виду того, что комиссия министра финансов Коковцева, составленная из фабрикантов и чиновников, неспособна действительным образом улучшить положение рабочих.

Иваново-вознесенцы вступили на путь политической борьбы. Отныне пролетарская армия усилена новым корпусом...

[«Соц.-Дем.», № 7, 1905 г.]

II. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1905 г. ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Из всеподданнейшего отчета Владимирского Губернатора Сазонова.

С самого начала 1905 года начались волнения среди фабричных и заводских рабочих, доходившие до вооруженных столкновений с полициею и войсками. К маю месяцу наступило успокоение, но в октябре снова начались забастовки, и в ноябре бастовали «почти все фабрики губернии, до того не принимавшие участия в рабочем движении». В большинстве случаев забастовки носили мирный характер и отличались своею кратковременностью, за исключением забастовки с 29 октября по 25 ноября в м. Никольском 7.900 рабочих товарищества «С. Морозова Сын и К°», являвшейся продолжением одновременного московского рабочего движения. Такого же характера были беспорядки на александровских фабриках, начавшиеся 7 декабря арестованием местной полиции; 9 декабря фабрикант Баранов с несколькими рабочими, ворвавшись в казначейство, обезоружил и. д. исправника, двоих полицейских надзирателей и городовых и отправил их к себе на фабрику. Беспорядки прекратились с прибытием казаков, и когда командир квартирующего в г. Александрове резервного саперного батальона, по требованию губернатора, арестовал Баранова и освободил полицию.

Революционное движение выразилось и в беспорядках почтово-телеграфных и железнодорожных. Были случаи вооруженного столкновения с войсками.

Если и удалось поддержать в губернии в это тревожное время порядок, то, главным образом, благодаря содействию, оказанному войсками, преимущественно же полками 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии, а равно и расположенными в пределах губернии донскими казачьими частями.

...Никаких беспорядков политического характера в течение 1904 года в губернии не было; все политическое движение в этом

году обнаружилось лишь в разбросе прокламаций и в незначительном распространении в селениях и городах как устной, так и книжной пропаганды.

Но с самого начала 1905 г. мирное течение жизни населения губернии, в особенности среди фабричных и заводских рабочих, значительно поколебалось. Находясь в соседстве с Московской губернией, где рабочее движение сильно обострилось уже в 1904 г., где функционировали центральные комитеты различных революционных организаций, — и Владимирская губерния, по преимуществу фабрично-промышленная, оказалась вовлеченной в общее движение. Давно свившая здесь свое гнездо революционная пропаганда, дотоле не имевшая сколько-нибудь заметного успеха, наконец, оказала свое разрушительное влияние. В 1905 г. общее рабочее движение охватило всю Владимирскую губернию, вызвав в ней серьезные волнения, выразившиеся в ряде забастовок фабричных рабочих, в столкновении их с войсками, в публичных антиправительственных манифестациях, в разгроме чужого имущества и, наконец, — хотя и в слабой сравнительно степени, — в аграрных беспорядках.

События в Баку, сделавшиеся известными среди населения Владимирской губернии, были первым сигналом к забастовкам на фабриках и заводах в Шуйском, Покровском и Муромском уездах. Что начавшиеся забастовки имели непосредственную связь с беспорядками в других местах, это особенно резко подчеркивалось в разбросанных забастовщиками прокламациях. Но нельзя не отметить, что по существу эти забастовки носили чисто-экономический характер, и связь с политическими домогательствами агитаторов была только внешняя, так как удовлетворение некоторых требований экономического характера примиряло рабочих, и забастовки скоро оканчивались. Из бывших до мая месяца забастовок фабрично-рабочих выделяется забастовка в местечке Никольском, Покровского уезда, на фабриках Товарищества «Саввы Морозова Сын и К°» и Товарищества «Викулы Морозова с Сыновьями». Она продолжалась около месяца (с 11 февраля до 9 марта) и отличалась небывалым до того упорством. Хотя покойным фабрикантом С. Т. Морозовым и были добровольно сделаны существенные уступки рабочим, но рабочие, под влиянием агитации и поощряемые полученным успехом, переходили границы возможного в своих требованиях. За время забастовки настроение рабочих, подстрекаемых агитаторами, несколько раз обострялось, над желавшими приступить к работе допускались насилия, которые, в свою очередь, приводили к арестам и иным репрессиям по отношению к виновным.

После св. пасхи фабричные беспорядки возобновились с новою силою. В Иваново-Вознесенске 12 мая прекратили работу ткачи фабрики «Н. Дербенева С-вья», в числе 1.200 человек, к ним

присоединились 960 чел. рабочих Т-ва Бакулина. Толпы рабочих стали ходить от одной фабрики к другой, при чем рабочие повсюду бросали работу, присоединяясь к забастовавшим, так что к утру 13 мая не работали все 45 иваново-вознесенских фабрик и заводов с 29.989 рабочими. Так как к забастовавшим добровольно или принудительно присоединились рабочие железнодорожных мастерских, ремесленники, булочники, строительные рабочие, ломовые извозчики и даже прислуга, то число забастовавших может быть определено в 32.000 чел. 3 июня рабочие, нарушившие запрещение губернатора собираться за городом, были разогнаны военной силой, при чем несколько человек получили огнестрельные раны. Толпа рабочих направилась в город, подожгла несколько зданий, принадлежащих фабрикантам, повредила телефоны, в ближайшие ночи разграблено несколько винных лавок, а также сгорело от поджогов несколько подгородных дач фабрикантов. Так как бесчинства эти энергически подавлялись, виновные арестовывались, повсюду установлена была надлежащая охрана, то порядок в городе вскоре был восстановлен. Почти через месяц после начала забастовки, 13 июня, на фабриках было выставлено объявление о прибавке к заработку 10%. Через три дня фабрикантами прибавлено было еще 5%. Столь серьезная уступка в пользу рабочих, составляющая в год до 800.000 руб., не достигла, однакож, желанной цели. Рабочие усмотрели в ней предвестницу дальнейших уступок, почему продолжали настаивать на непосредственных переговорах с хозяевами, о чем неоднократно обращались к представителям административной власти в городе. Губернатор просьбы рабочих об открытии таких переговоров сообщал по телеграфу фабрикантам, которые к тому времени уехали в Москву и на все подобные предложения отвечали отказом. Постепенно возраставшая нужда рабочих, с одной стороны, и деятельность агитаторов — с другой, обострили настроение рабочих до крайних пределов. 24 июня, когда рабочим был объявлен окончательный отказ фабрикантов вести с ними переговоры, в городе начались грабежи лавок, повреждения телеграфа и телефонов и т. п. бесчинства. С вечера 24-го до 9 час. утра 25 июня было разграблено 42 лавки, убытков заявлено на 90.000 руб. Всю ночь казаки разгоняли толпы грабителей, многие из которых были арестованы на месте преступления. На следующий день, 25 июня, спокойствие в городе было восстановлено, начались следствие, обыски, аресты. Еще целый почти месяц продолжалась забастовка, медленно умирая. Рабочие, истощив все средства, видимо, готовы были на все условия фабрикантов, которые не торопились с начатием работ, и лишь 22 июля работы на фабриках возобновились вполне.

Одновременно, в конце мая, 10 дней бастовали 14 шуйских фабрик с 9.610 рабочими, на 13 дней прекращали работу 3.939 рабочих Т-ва А. Каретниковой с С-м в с. Тей-

ковe, волновались и не работали полтора дня 1.050 ткачей в с. Кохме. С окончанием иваново-вознесенской забастовки на фабриках Владимирской губернии наступило сравнительное спокойствие. В самом Иваново-Вознесенске возбужденное настроение улеглось нескоро, и на местных фабриках то-и-дело вспыхивали волнения с кратковременными остановками, единичными случаями насилий, коллективными жалобами и т. п. Тем не менее, рабочие, утомленные и истощенные продолжительною забастовкою, крепко держались за работу, больше всего опасаясь расчета.

Начавшееся в октябре месяце сильное политическое движение не осталось без влияния и на Владимирскую губернию. Внешним толчком, нарушившим спокойствие, была первая железнодорожная забастовка.

23 и 24 октября в г. Иваново-Вознесенске произошли крупные беспорядки. Безработные, подстрекаемые революционерами, устроили грандиозную манифестацию с красными флагами и пением революционных песен. Это вызвало сильное недовольство среди местных жителей, образовавших из себя «монархическую» партию; к ним примкнули рабочие всех фабрик и заводов, заявившие, что они много несчастий пережили от революционных агитаторов и хотят теперь сами с ними расправиться. С этой целью рабочие прекратили работу, напали на манифестантов и еврейские квартиры. Погром продолжался и 24 октября; разграблено 49 еврейских квартир, убито 6 безработных, избито и ранено 94 человека, в том числе 40 евреев.

Под влиянием железнодорожной забастовки рабочие более глухих фабричных углов губернии стали предъявлять своим хозяевам экономические требования и бросали работу. Забастовки эти отличались сравнительной кратковременностью, мирным течением, при чем рабочие, получив большей частью те или иные уступки в смысле повышения платы и обещаний различных удобств, пособий и т. п., становились на работу. Забастовки в ноябре месяце обошли почти все фабрики губернии, до того не принимавшие участия в рабочем движении. Из числа ноябрьских забастовок, носивших преимущественно экономический характер, имевших течение мирное и кратковременное, должна быть выделена забастовка 7.900 рабочих Т-ва «С. Морозова Сын и К°» в местечке Никольском. Как по своей продолжительности — с 29 октября по 25 ноября, — так и по политической преимущественно окраске, забастовка эта является скорее непосредственным продолжением одновременного московского рабочего движения и, по всей вероятности, имела с ним общих руководителей. Завершилась она арестом 25 ноября революционных агитаторов на Городищенской фабрике Т-ва Саввы Морозова, где между ними и казаками фабричной конно-полицейской стражи м. Никольского произошла перестрелка, при чем двое казаков были убиты и двое ранены, а 30 ноября, при аресте на той же

фабрике агитатора Клюева, вновь произошло вооруженное столкновение между полицией и рабочими, во время которого ранено два городовых, трое казаков и девять рабочих и убито трое рабочих.

К этого же рода движениям, вызванным близким соседством Москвы и являющимся отражением Московских декабрьских событий, надлежит отнести беспорядки на Александровских фабриках. 7 декабря на Соколовской мануфактуре Т-ва А. Баранова в селе Струнине, близ города Александрова, рабочие, увлеченные агитаторами, объявив себя солидарными с московским революционным движением, прекратили работу, прервали телефон и телеграф, арестовали местную фабричную полицию и пришли в г. Александров, где, соединившись с рабочими С. Н. Баранова и Беляева, во главе с самим фабрикантом С. Н. Барановым, также арестовали 3-х городовых. 8 декабря рабочими было приостановлено движение поездов по железной дороге и арестованы в с. Струнине прибывший туда становой пристав с урядниками. 9 декабря фабрикант Баранов, с несколькими рабочими, ворвавшись в уездное казначейство, обезоружил и. д. исправника, двоих полицейских надзирателей и городовых и отправил их к себе на фабрику. Беспорядки прекратились с прибытием казаков, и когда командир квартирующего в г. Александрове резервного саперного батальона, по требованию губернатора, арестовал Баранова и освободил полицию.

Революционное движение, кроме волнений и забастовок на фабриках и заводах, выразилось еще в следующих беспорядках: 16 ноября возникла забастовка служащих Владимирской почтово-телеграфной конторы, примкнувших к «Всероссийскому почтовому союзу», но работы как на почте, так и на телеграфе прекращены были только на один день, так как забастовала лишь часть служащих, на место которых для работы на телеграфе были поставлены нижние чины из состава войск, расположенных во Владимире. Все главные зачинщики этой забастовки арестованы и высланы из пределов губернии административным порядком, на основании положения о государственной охране. Из них 7 чиновников преданы суду по 2 ч. 384 ст. Улож. о Наказ.

В ноябре месяце среди рабочих Ковровских железнодорожных мастерских образовался «союз железнодорожных служащих», и 7 декабря, когда забастовал весь узел Московских железных дорог, рабочие означенных мастерских примкнули к этой забастовке, приостановили работу, повредили телеграф; открыто стало функционировать бюро упомянутого союза. Члены этого бюро, для революционных целей, в особо сформированном поезде послали в Москву своих делегатов. 12 января из Москвы возвращался в Ковров самовольно снаряженный поезд с этими делегатами. При остановке поезда на станции «Орехово» произошла перестрелка делегатов с казаками и полицией, при чем был убит помощник пристава м. Никольского Павлов и сцепщик вагонов Казаков, делегатов убито

трое и трое арестовано в погоне за поездом, который был настигнут в 2-х верстах от ст. «Покров», где один из задержанных также был ранен. 14 декабря в с. Орехово за телами убитых прибыли их родственники и вместе с ними много посторонних лиц, из которых четверо при выходе из вагонов произвели выстрелы в полицию, а затем стали стрелять из вагонов и другие лица. При перестрелке трое из них были убиты казаками и один тяжело ранен. 17 декабря движение по железной дороге было восстановлено, а 20-го числа Ковровские мастерские были закрыты.

В течение 1905 года занятия в средне-учебных заведениях, несмотря на усиленную агитацию извне, продолжались без перерыва и без особых инцидентов.

В среде расположенных в губернии войск случаев предосудительного в политическом отношении поведения между офицерами не замечалось.

Крестьянское население Владимирской губернии в 1905 году также не осталось без влияния на него как общего тревожного и напряженного настроения общественной жизни, так и пропаганды агитаторов различных политических идей. С опубликованием Высочайшего Вашего Императорского Величества манифеста 17 октября, с проявлением деятельности различных союзов (крестьянского, железнодорожного, учительского и др.) различные агитаторы, как приезжие, так и местные, начали проявлять свою преступную деятельность среди крестьянского населения открыто и широко. Из числа местных агитаторов выдающуюся роль играли студенты и воспитанники разных высших и средних учебных заведений и отчасти учительский персонал народных школ. Под влиянием такой агитации, путем устраиваемых митингов, а также чрез распространение разного рода агитационных листков и прокламаций, крестьянское население, питаясь неосуществимыми надеждами и фальшивыми представлениями о Государственной Думе, волновалось и местами проявляло насильственные действия, выразившиеся в самовольных частичных порубках лесов казенных, удельных и частновладельческих, в самовольной пастьбе скота, скошении травы, а также в нескольких случаях поджогов скошенного сена, соломы, хлеба. Однако, все эти насильственные действия крестьян своевременно принимаемыми администрацией мерами были прекращаемы.

Убедившись, вероятно, в неисполнимости возбужденных надежд, встречая повсюду энергичное прекращение всяких отступлений от установленного порядка и лишившись главных агитаторов и руководителей политического движения, население губернии к началу 1906 года в значительной своей части заметно успокоилось, принялось за обычные свои занятия, приготовляясь к осуществлению дарованных ему прав по выборам в Государственную Думу.

Положение об усиленной охране в течение 1904 — 1905 г.г. действовало в Покровском и Шуйском уездах с гор. Иваново-Вознесенском. Кроме того, вследствие политических беспорядков в г. Александрове, железнодорожных беспорядков и забастовки на Московско-Нижегородской железной дороге, были объявлены, на основании I п. Высочайшего указа Правительственному Сенату 29 ноября 1905 г., на положении усиленной охраны: 11 декабря — Московско-Нижегородская и Муромская железные дороги, 13 декабря — г. Александров и его уезд, и 15 декабря — гор. Ковров с его уездом — на положении чрезвычайной охраны, каковая снята 16 февраля 1906 года.

[I отделение юридической секции ЕГАФ — Всеподданнейшие отчеты по губерниям, областям и градоначальствам за 1905 г., ч. I.]

III. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ.

Началом забастовки текстильщиков Иваново-Вознесенского района можно считать 26 мая 1905 г. Эта забастовка имеет значение, во-первых, как массовая форма борьбы рабочего класса (участие до 44.000 рабочих, бастовавших 2½ месяца); во-вторых, руководили забастовкой тт., выделенные из среды самих рабочих (Афанасьев, Балашов С., Дунаев); в-третьих, из этой стачки образовался первый Совет Рабочих Депутатов в России; в-четвертых, для Иваново-Вознесенского комитета большевиков эта стачка была пробным уроком, который показал всю правильность организационного построения нашей партии.

События 9 января в Иванове отразились слабо. В конце января были лишь частичные забастовки, носившие, главным образом, экономический характер. Между тем, материальное положение ивановских ткачей с каждым днем ухудшалось. Эксплоатация перешла всякие пределы, дороговизна продуктов первой необходимости обрекала жизнь ивановского ткача на голодное вымирание. 11½-часовой рабочий день, грубое обращение администрации с рабочими и ткачихами, колоссальные штрафы за малейшие проступки, отнимающие до половины месячной выработки, — все это делало жизнь рабочих невыносимой.

Группа с.-д. Северного комитета большевиков (позднее — Иваново-Вознесенский комитет большевиков), будучи хорошо связана с массой текстильщиков, хорошо учитывала создавшуюся экономическую обстановку и искала момента, чтобы поднять кампанию за всеобщую забастовку. Полиция чувствовала это и тоже «готовилась». В феврале начались обыски и аресты.

Но арестами полиция настроения рабочих не изменила. Революционная волна росла.

Начало забастовки.

После ареста тов. Колотилова и других Иваново-Вознесенская группа Северного Комитета продолжала работать тем же темпом. До начала забастовки (до 26 мая) ею был выпущен ряд прокламаций и устроен ряд массовок в лесу.

Первомайская прокламация заканчивается призывом к вооружению для восстания.

Фабриканты, почуяв приближение грозы, начали «заигрывать» с рабочими. На предложение фабрикантов дать им благодарственные адреса рабочие ответили смехом и отказались приложить свои подписи. Настроение приближающейся забастовки было очевидно не только для членов Иваново-Вознесенской организации, но и для фабричной инспекции и местных властей, которые в своих докладах владимирскому губернатору писали об этом совершенно открыто.

23 мая организация большевиков собирает расширенную партийную конференцию в лесу с представителями от рабочих фабрик, на которой присутствовали и беспартийные рабочие. Настроение рабочих было в пользу забастовки. Конференция немедленно приступила к обсуждению практических вопросов забастовки и выработке требований фабрикантам.

Забастовка объявлена. Первой остановилась фабрика Бакулина утром 25 мая, а вечером остановились почти все крупные фабрики. 26 мая примкнули и все остальные фабрики, в том числе и железнодорожные мастерские. Общее число бастующих достигло 40.000. С самого же начала руководство забастовкой взяла на себя иванововознесенская организация большевиков. 27 мая через фабричного инспектора были переданы фабрикантам требования, выработанные на конспиративном совещании в лесу.

Фабриканты испугались такого количества требований и повели политику срыва стачки, начав сепаратные переговоры с отдельными фабриками.

Образование первого Совета Рабочих Депутатов и его работа.

Большевики почувствовали ловушку и предложили выбрать делегатов от фабрик и заводов для ведения от имени всех бастующих переговоров с фабрикантами. Собрания с площади, по предложению губернатора, были переведены за город, на берег реки Талки.

Выборы делегатов происходили на берегу р. Талки по отдельным фабрикам. Выбрано было 110 делегатов, которые положили собой основание первому Совету Рабочих Депутатов в России.

В состав Совета вошли наиболее активные члены Ивановской организации большевиков.

Председателем Совета был избран беспартийный рабочий-гравер Авенир Ноздрин, а секретарем — тов. Грачев.

На первом заседании Совет Рабочих Депутатов постановил: 1) взять на себя руководство забастовкой; 2) вести от имени рабочих переговоры с фабрикантами, борясь со всякими сепаратными переговорами, и 3) вести борьбу со всякого рода попытками к срыву забастовки. И он выполнил эти задачи.

Совет с каждым днем приобретал все больший авторитет. К его голосу прислушивались не только рабочие, но и администрация города. К нему обращались за разрешением напечатать тот или иной отчет фабричных инспекторов, к нему обращались за разрешением

переложить товар на фабричных складах, которому угрожала та или иная опасность. Совет помогал своими решениями делегациям других городов. Кроме того, Совет продолжал большую воспитательную работу среди рабочих по выработке классового самосознания.

За помощью в Совет обращались рабочие и других городов Владимирской губ. На имя Совета направлялись пожертвования в стачечный фонд, который превысил 15.000 руб. Это были деньги, в большинстве собранные из трудовых рабочих грошей.

Кроме того, Совет выполнял и профессиональные задачи, объединяя отдельные делегации фабрик вокруг тарифных, культурных и других городов.

Иваново-вознесенский Совет Рабочих Депутатов так же, как и вслед за ним петербургский и одесский Советы Рабочих Депутатов, на-ряду с экономическими требованиями выдвинул и политические вопросы, которые были сформулированы комитетом большевиков. К политическим требованиям относились: требование созыва учредительного собрания, свобода слова, печати, собраний, стачек и неприкосновенность личности и жилищ. При переговорах с Советом Рабочих Депутатов фабричная администрация отклонила политические требования по «формальным» соображениям. Они позднее были выделены из общих требований и направлены в письменном виде министру внутренних дел.

Так же, как и петербургский Совет Рабочих Депутатов, ивановский Совет обратился в городскую думу с требованием предоставить ему помещение для заседаний. В начале эти заседания происходили в мещанской управе, позднее, когда мирный фазис стачки кончился, Совет переселился на Талку.

В продолжение всего времени ивановский Совет был связан с широкими массами на Талке путем ежедневных отчетов и докладов о своих решениях, о ходе переговоров с фрабрикантами и по другим вопросам.

Роль Ивановской организации соц.-дем. большевиков.

Совет Рабочих Депутатов был, так-сказать, видимым лицом ивановской забастовки. Душой же ее была Ивановская организация большевиков. К середине июня группа Северного комитета большевиков преобразовалась в Иваново-Вознесенский комитет большевиков. Комитет обзавелся хорошо налаженной печатной техникой, располагал хорошими агитаторскими и пропагандистскими силами, организовал боевую дружину и с каждым днем увеличивал авторитет организации. За время забастовки комитет выпустил свыше 10 прокламаций и бюллетеней с извещением о ходе переговоров Совета Рабочих Депутатов с фабрикантами. Боевая дружина к началу июля насчитывала до 60 чел., вооруженных револьверами. Боевая дружина охраняла иногда заседания Совета Рабочих Депу-

татов и собрания рабочих на Талке после 16 июня — после расстрела рабочих. Но главная ее роль относится к октябрьским дням 1905 г.

Массовые собрания на Талке для Ивановской организации большевиков были лучшим местом агитации и пропаганды идей большевизма. Организация использовала собрания на Талке, как свою трибуну.

В конце-концов, забастовка продолжалась. Упорствовали рабочие, фабриканты не сдавались. Агитация Ивановского комитета (большевиков) делала свое дело. Полиция бесновалась, но была бессильна помешать агитации. С своей стороны, фабриканты принимали все меры, чтобы сорвать забастовку, чтобы принудить рабочих стать на работу. Сначала фабриканты пытались объявить локаут, запугивали рабочих расчетом. Когда убедились, что это не помогает, приступили к выселению рабочих из фабричных квартир. Полиция тоже не дремала. 15 июня на заборах Иванова появились объявления за подписью губернатора, воспрещающие всякие собрания. В объявлении говорилось: «В случае, если это требование не будет исполнено, будет применена вооруженная сила».

Расстрел на Талке.

Решили продолжать собираться на том же месте, несмотря на запрещения. Утром 16 июня рабочие стали собираться на обычном месте. Собралось несколько тысяч человек. Появились казаки с противоположного берега. Во главе казаков был местный полицеймейстер Кожеловский. Не останавливаясь, на ходу закричал: «Расходись!». Скомандовав казакам: «Вперед!», с обнаженной шашкой бросился на рабочих. Рабочие бросились в лес и к полотну железной дороги. Казаки не только хлестали нагайками, но и стреляли в рабочих. Несколько десятков рабочих было ранено, многие имели следы нагаек. Вечером произведена была масса арестов, в том числе арестованы председатель и секретарь Совета. В тот же вечер горела ситцевая фабрика Гандуриных, лесной склад Ивана Горелина. Зарево перекинулось за город. Пылали дачи городского головы Дербенева, его брата, дачи фабриканта Бурылина и др. Улицы Иванова напоминали дни баррикадных боев. Телеграфные столбы валялись поперек улиц, спутанные телефонной проволокой. Фабриканты спешили удрать из Иванова. Озлобленные группы рабочих избивали полицейских, последние попрятались. Боевая дружина, ни разу не вступившая в бой, крепко сжимала рукоятки револьверов, готовая ринуться в бой на казаков.

16 июня рабочий переродился. С 16 июня фабриканты сняли с себя маски и выступили как открытые классовые враги пролетариата. 16 июня ивановские рабочие окончательно разбили в себе всякие иллюзии на мирный исход борьбы и с того дня начали готовиться к решительной схватке с капиталом. Это день ивановский

рабочий не забывал ни в 1915 г., ни в 1917 г., ни в годы гражданской войны, когда ивановские ткачи шли в отрядах Чапаева и Фрунзе против белогвардейцев.

Последующие события стачки протекали так. Правительство сместило полицеймейстера Кожеловского; через несколько дней власти вновь разрешили собираться на Талке; вновь на Талке стали раздаваться политические речи большевиков.

7 июля Совет, видя отчаянное положение рабочих, решил организовать в этот день демонстрацию на городскую площадь для того, чтобы заявить городской думе и фабрикантам о тяжелом положении рабочих и снять с себя ответственность за дальнейшие события. На площадь явилось до 40.000 рабочих.

Сзади демонстрантов расположились казаки. Несколько поодаль разместилась боевая дружина, готовая по первому сигналу броситься на казаковв. После митинга демонстрация с пением революционных песен направилась на Талку. По дороге был выброшен красный флаг. Казаки держались пассивно.

Забастовка продолжалась. Голод чувствовался сильнее. Совет передал губернатору заявление, в котором указал на растущее озлобление рабочих и тяжелое материальное положение их.

Вечером того же дня отдельные группы рабочих революционным путем стали производить «учет» продуктов и раздавать их голодным рабочим. Но голодных рабочих сдержать было трудно. Начался разгром съестных магазинов. Разгромом воспользовался темный элемент и казаки.

Вся тяжесть вины за эту мрачную страницу забастовки падает на фабрикантов, которые, несмотря на предупреждение Совета, отказали в выплате денег рабочим хотя бы в виде аванса. За 2½ месяца забастовки рабочие получили всего по два рубля (!) на человека.

В конце июля некоторые фабриканты пошли на уступки. По этому поводу в Совете возникли большие прения. В конце-концов, Совет разрешил рабочим Грязновской фабрики встать на работу, при условии отчислений определенного процента с заработка в забастовочный фонд.

Случай с Грязновской фабрикой сломил упорство и остальных фабрикантов. Постепенно одна фабрика за другой стали вывешивать объявления об уступках рабочим. Совет, хорошо проанализировав положение, решил, что продолжать дальнейшую борьбу бесполезно. Необходимо было пойти на компромисс. 25 июля Совет решил стачку прекратить.

Рабочие от забастовки получили: увеличение зарплаты на 20 проц., улучшение санитарных условий, новые бани и прачечные. В основных вопросах фабриканты не уступили.

Так закончилась стачка, продолжавшаяся два с половиной месяца. Стачка проделала глубокую борозду в революционном движении России. Ни в 1905 г., ни в последующие годы в Иванове не

было партии, которая бы пользовалась таким влиянием, как партия большевиков.

Ни меньшевики, ни эсеры никогда в Ивановском районе не пользовались никаким влиянием. Во все важнейшие этапы революционной борьбы за эти 20 лет ивановский пролетариат связал свои интересы, свою жизнь с Ивановской организацией коммунистов. Поэтому пролетарская революция в годы гражданской войны черпала из Иванова тысячи коммунистов и десятки тысяч беспартийных рабочих на многочисленные военные фронты.

Не одна сотня ивановских рабочих и коммунистов застряла в советском, партийном и профессиональном аппарате Украины, Поволжья и Сибири, являясь прочнейшей опорой Советской власти.

А. Фокин.

[«Правда», № 118, 1925 г., 20-летие иваново-вознесенской забастовки».]

---

1. Подготовка к стачке.

Городская организация социал-демократов (большевиков) провела большую предварительную работу по сплочению и организации рабочих масс и по подготовке стачечного движения. Весь апрель и начало мая шла подготовительная работа к назревающим революционным событиям. Было проведено несколько партийных собраний, где горячо обсуждался вопрос о начале стачки; на этих же собраниях предварительно вырабатывались и требования стачечников.

Рабочие массы на фабриках волновались, требуя организованного выступления. Фабриканты, очевидно, почувствовав нарастающее движение и общее недовольство рабочих масс, убавили с пасхи на полчаса рабочий день для дневных рабочих, введя, таким образом, 11-часовой рабочий день.

По поводу этого события в конце апреля организация распространяет по фабрикам воззвание, которое, по просьбе ивановцев, было напечатано в типографии Костромской группы Северного комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Эта прокламация показывает, как реагировала Иваново-Вознесенская социал-демократическая организация на добровольную, якобы, уступку фабрикантов по введению для денных и, главным образом, ситцепечатных рабочих 11-часового рабочего дня. Кроме того, она не лишена исторического интереса. Вот полное содержание этой прокламации:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим гор. Иваново-Вознесенска.

Товарищи!

Наши хозяева объявляют нам полчаса, вводят 11-часовой рабочий день. Хозяева входят с нами в панибратские сношения, приходят к нам в курилку (у А. И. Горелина), дают папиросы, объявляют о своей «милости» рабочим. Что это такое? Впрямь ли такая забота напала у хозяев о нас? Что за причина их благодеяний? Знайте, товарищи, — это волки приходят к нам в овечьей шкуре, чтобы легче обмануть нас, легче захватить добычу.

Товарищи, мы с большим вниманием следили за борьбой наших петербургских товарищей, мы видели, как во имя пролетарской солидарности поднялась за героями вся рабочая Россия. Присоединилась к миллионному движению и наша Кохма. Весь мир с изумлением глядел на вчерашних рабов — сегодняшних героев. Задрожали слуги тьмы, насилия. Самодержавное правительство залило кровью Россию, но кровь братьев еще раз убедила даже темных, совсем несознательных рабочих, что самодержавие — лютый враг рабочего класса. Почувствовало царское правительство, что одной силой не возьмешь, заговорило и оно об уступках. Нарядилось в овечью шкуру, но волчьи зубы никак не скроешь. Петербургские рабочие скоро это поняли и отказались от участия в Комиссии Шидловского, который им хотел отвести глаза. Они сказали: если хотите узнать положение рабочего класса в России, дайте всем право собираться и открыто высказывать то, что у каждого накипело, освободите наших товарищей, которых вы за правду гноите в тюрьмах, в темные сделки мы не хотим с вами вступать.

Правительство созвало «испытанных людей», чтобы узнать о положении рабочего класса. Как вы думаете, кого оно призвало? Фабрикантов и заводчиков. На съездах, в разных комиссиях капиталисты думали думу, как обмануть рабочих. Со скрежетом зубов, но все-таки приходилось им делать уступки.

Рабочие всей России требовали 8-часовой рабочий день. Некоторым капиталистам пришлось ввести его, некоторые ввели 10-часовой рабочий день. В Иванове, где пролетариат не поднимался, тут, конечно, капиталистам совсем не хотелось уступать, делать уступок, но боязнь забастовок заставила их скинуть полчаса. Они хотят брать у рабочих подписку, что они будут работать 11 час. и будут довольны. Этой подпиской будут хозяева козырять и указывать своим товарищам капиталистам: «Вот, видите, наши рабочие довольны и благодарят за 11-часовой рабочий день». Скинувши полчаса, наши волки, однако, наверстают свое: почти везде переменены шестерни и приводы, ход у машин сделали быстрее, труд рабочего напряженнее и тяжелее, а хозяева получают большую вы-

году. Не мытьем, так катаньем. У Бакулина даже расценки понижены. Сбавили на некоторые сорта по 3 — 5 копеек. Вот как благодетельствуют наши хозяева!

Товарищи, отказывайтесь все до одного давать подписку о соглашении работать 11 часов, поддерживайте требования всей России. Объединяйтесь для борьбы с капиталистами и самодержавием в могучую Рабочую Партию вокруг социал-демократии.

Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия! Долой самодержавие!

Иваново-Вознесенская группа РСДРП.

Апрель 1905 г.

Накануне 1 мая организация энергичным образом готовилась к проведению большой массовки с обязательным участием беспартийных рабочих со всех фабрик и заводов гор. Иваново-Вознесенска. К этому собранию Комитетом был заготовлен проект постановления иваново-вознесенских рабочих, который и был принят на массовке 1 мая. Это постановление было напечатано и распространено по Иваново-Вознесенскому району; оно представляет большой интерес для характеристики настроения рабочих того времени.

Постановление иваново-вознесенских рабочих, вынесенное на собрании 1 мая.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Празднуя 1 мая, мы, иваново-вознесенские рабочие, постановили выразить свою солидарность с пролетариями всех стран в борьбе за социальную революцию. Да здравствует социализм, который выведет нас из омута нищеты, унижения и невежества на широкую дорогу к светлой человеческой жизни! Тогда все фабрики, машины, созданные руками рабочего класса, земля перейдут в общую собственность. Тогда все человечество будет трудиться на общую пользу, а не на кучку капиталистов. Тогда не будет стоять перед нами призрак безработицы и голодной смерти, который навис теперь над нами и тысячами наших товарищей. Не будем мы, чьими руками создается на свете все, что необходимо для человечества, ходить и униженно просить работы у хозяев. Мы знаем, что захватить орудия производства нам удастся только тогда, когда пролетарские массы станут сознательными и объединятся в одну могучую политическую партию. Мы видим хорошо, что достигнуть этого мы не сможем до тех пор, пока не будет у нас полной политической свободы — свободы собираться, говорить, писать правду, объединяться в союзы и т. д. Та кровь, которую реками пролило и проливает царское правительство за малейшую попытку со стороны рабочего класса добиться лучшей жизни, еще и еще раз убе-

ждает нас, что интересы рабочего класса и самодержавия несовместимы, что политической свободы мы добьемся только тогда, когда окончательно будет низвергнуто самодержавие и созвано Учредительное Собрание на основе прямого, всеобщего, тайного и равного для всех избирательного права.

Долой же упившееся народной кровью преступное самодержавие! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Мы требуем немедленного прекращения ненужной народу войны, затеянной придворной и правительственной шайкой из-за своих личных интересов. Долой войну, искалечившую и убившую сотни тысяч наших братьев, оставивших на произвол судьбы свои семьи, сирот-детей. Мы требуем немедленного освобождения наших измученных царским правительством товарищей из тюрем, из ссылки, требуем полного прекращения всех политических дел. Довольно подставлять спины под нагайки царских башибузуков! Довольно давать безнаказанно издеваться над нами! Да здравствует Российская Революция! Слава и честь товарищам, погибшим в бою за свободу. Вечная, славная память петербургским товарищам, зверски расстрелянным царским правительством 9 января.

На бой кровавый, святой и правый
Марш, марш вперед, рабочий народ.

Вперед, товарищи, под знамена передового борца — нашей Российской Социал-Демократической Партии.

Издание Иваново-Вознесенской группы Северного Комитета РСДРП.

[Из бр. В. С. Смирнова «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.», стр. 28 — 31.]

2. Иваново-Вознесенск.

Иваново-Вознесенск — один из богатейших городов России. В центре его — прекрасные мостовые, электрическое освещение, роскошные дворцы буржуазии, украшенные причудливой рукой художника, банки, ежедневно звенит золото — пот и кровь рабочего класса, клубы, где разряженная буржуазия играет в азартнейшие игры, развратничает и т. д.

Загляните на окраины города — рабочие кварталы. От безумной роскоши вы перейдете к полуголодному прозябанию измученного ткача — рабочего ситцевых, отбельных фабрик, химических заводов. Улицы, где весной и осенью ни проходу, ни проезду, — море грязи. Воздух пропитан гарью, изрыгаемой десятками труб-гигантов, наполнен ядовитыми испарениями и от реки Уводи, из которой буржуазия устроила себе сток для краски и нефти. Вместо дворцов — искривленные домишки, где в нестерпимой духоте спят вповалку десятки рабочих. А рядом мрачные казармы, в которых, как

в каменных мешках, в грязи и духоте томятся десятки тысяч рабочих, как дети, связанные неусыпным наблюдением хозяйских церберов.

В будничное время все на работе — и женщины, и подростки; это время буржуазия выкачивает из рабочих кровь, отнимает здоровье и жизнь у матерей и их грудных детей, железными молотами мочалит мускулистое тело пролетария, чтобы его потом, как выжатый лимон, бессильного и дряблого, выбросить на улицу на голодную смерть. Долгий, томительный рабочий день в 11½ часов в ужасной атмосфере, почти без вентиляции. Дышать нечем, голова кружится от неустанного грохота колес и машин, в глазах темнеет от удушливых испарений ядовитых газов в отбельных, а тут еще на каждом шагу грубая брань, оскорбления злых хозяйских псов-мастеров.

А женщины. Бросив голодного ребенка, не спавши всю ночь от его болезненного плача, идет она, шатаясь, на фабрику, чтобы там, отдавая свои последние силы, подвергаться приставаниям табельщиков, мастеров и т. п. господ.

А если не поддаешься, доймут тебя штрафами, уволят при первом же случае.

50 тысяч человек ежедневно создают горы богатств буржуазии, а сами живут полуживотной жизнью. Заработок ткачихи спустился до 7 р. 50 к. в месяц. Рабочие и по праздникам не видят говядины, целый год справляют пост. Такова жизнь иваново-вознесенского рабочего. Вот он, бледный, со впалыми щеками, с понурой головой, плетется домой, где тоже нет ничего отрадного, все так же серо, постыло.

И так вся жизнь. Долго, долго терпел ивановский рабочий. Пришел конец и его терпению, не стало сил больше терпеть. 12 мая забастовали фабрики, 13-го к ним присоединилось все рабочее население города: заводы, типографии, сапожники, кондитеры, прачки, железнодорожные рабочие и т. д. Утром 13-го в рабочих кварталах пусто. Весь народ на Воздвиженской площади; здесь, сколько глаз охватит, волнуется море голов. В здании Городской Управы, возвышающемся над толпой, заседают капиталисты, во главе с губернатором и другими властями. В бинокли, монокли со страхом и недоумением смотрят они на толпу, на которую они привыкли смотреть как на бессловесный скот, создающий им сытую и роскошную жизнь. А теперь перед ними грозная, могучая сила, требующая себе человеческой жизни. Они хотят дышать полной грудью, хотят разорвать ту сеть, в которую их запутали, вырваться из омута нищеты и бесправия. «Да здравствует борьба за лучшую жизнь», «Нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя», «В единении сила, все за каждого, каждый за всех» — вот что с горящими глазами кричит-гудит многотысячная толпа. Одни за другими товарищи-ораторы в горячих и страстных речах обличают буржуазию.

И толпа то злобно сжимает кулаки, то слезы брызнут у ней из глаз, когда оратор вспоминает про каторжную жизнь пролетария, то смехом раскатится, когда оратор раскроет, какую хитрую механику строят буржуазия и правительство, чтобы обмануть рабочих. Обличают наш насквозь прогнивший политический строй. Сломать нужно стену, ставшую нам на пути к нашему освобождению от гнета капитала. Долой самодержавие, мы должны добиться широкой политической свободы, свободы печати, собраний, слова, союзов, стачек, неприкосновенности личности. Нужна упорная борьба: не дадут нам все это миром. Самодержавное правительство, с царем во главе, залило всю Россию кровью, — не хотят оторваться от народного пирога, хотят попрежнему произвольничать, безобразно хозяйничать в стране через своих опричников.

Мы, иваново-вознесенские рабочие, должны присоединиться к общему революционному движению всей России, итти на борьбу под знаменем передового борца рабочих — Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Единодушно вся толпа, как один человек, поднятием руки принимает требование учредительного собрания на основе всеобщего прямого, тайного и равного избирательного права.

5 дней происходят собрания на площади перед домом буржуазии,охраняемым царскими опричниками. 5 дней раздаются смелые обличительные речи. Завеса отдернута, на все открываются глаза. К ораторам социал-демократам, которым трибуной служат пустые ящики, поставленные друг на друга, тянутся со всех сторон омоченные слезами описания каторжной жизни всех униженных и оскорбленных — прачек, каменщиков, землекопов, белошвеек, рабочих кирпичных заводов, прислуги. Они просят вспомнить про них, притти к ним на помощь, — одни они бессильны.

По вечерам собрания на Талке (речка в 1 в. от города). На зеленом лугу развеваются десятки флагов-значков. Это рабочие разделились по своим фабрикам и заводам, каждая фабрика у своего значка. Вот у Бакулинской фабрики красный флаг, и на нем из бумаги слова: «Кровь рабочих на нем». Рабочие выбрасывают свои частные требования, каждая фабрика отдельно выбирает своих депутатов. Общие требования, изданные Иваново-Вознесенской группой Северного Комитета, были уже предъявлены всеми в первый день забастовки. Ежедневно собираются рабочие на Талке поговорить о деле и послушать речи своих опытных товарищей социал-демократов. Многое услышали рабочие, многому научились на 13-ти массовых собраниях, состоявшихся до 21 мая. Собрания стали заканчиваться пением революционных песен.

Город наполнился войсками. Начальство старалось оберегать солдат от общения с рабочими, чтобы рабочие не рассказали солдатам о своей борьбе за правое дело, и чтобы солдаты не перешли на сторону народа. Оружия в ход не пускали. Правительство боялось

гнева народной массы, — по ее требованию были освобождены трое арестованных (один с прокламациями). Рабочие сами охраняли порядок, и по их же требованию с первого дня были закрыты казенки, — «не пьянствовать мы вышли, а бороться за рабочее дело».

Было выбрано всего более 150 человек депутатов, но капиталисты не захотели говорить со всеми депутатами вместе, — они, мол, нас забьют, мы хотим говорить с депутатами каждой фабрики отдельно. Рабочие настаивали, и тогда фабриканты поручили старшему фабричному инспектору вести переговоры со всеми депутатами. Последний вел себя, как хозяйский лакей. Он не постеснялся даже потребовать от рабочих-депутатов подписаться под протоколом, который составила полиция, обвинявшая ораторов в произнесении «преступных» речей. Депутаты все, как один, отвергли это предложение: «Что, за шпионов вы нас принимаете, что ли?» — спросили они у лакея хозяев. Тот замялся и стал бормотать что-то несвязное.

Рабочие показали, как они относятся к царским шпионам и к черной сотне. Со стороны рабочих эти встречали дружный отпор, и с быстротой молнии они скрывались, как только раздавались угрозы по их адресу.

16 мая депутаты выбрали из себя стачечную комиссию. Стали собирать пожертвования в пользу нуждающихся стачечников. Стали приходить небольшие пожертвования и из других городов.

Между тем, фабриканты на своих собраниях перессорились и переругались. Часть хотела уступить, другая говорила, что скорее дадут зубы вырвать, но не уступят.

17 мая фабриканты через главного фабричного инспектора передали свой ответ на общие требования, — груды бумаги и пакетов не пожалели. Депутаты вскрывали их, и оказалось, что почти на все общие требования у фабрикантов нашелся один ответ: эти требования могут быть осуществлены только законодательным путем, т.-е через правительство. Уступок почти никаких. Все рабочие решили отнести ответ обратно, а если не будут брать, бросить и уйти.

Решили бороться, стоять твердо, говорили: «Борьба только начинается». Депутаты отнесли ответ обратно. Теперь ежедневно идут собрания на Талке, и рабочие упорно и крепко отстаивают свои требования. 19 мая к Иваново-Вознесенску присоединились шуйские и тейковские рабочие (10.000 человек); со всех сторон Владимирской губернии идут вести о начавшихся забастовках на всех фабриках Владимирской губернии.

Моск. Комитет РСДРП.

[«Пролетарий», № 5.]

3. Начало стачки.

Накануне стачки Иваново-Вознесенская группа Северного комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии выпустила следующее маленькое гектографическое воззвание:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим и работницам города Иваново-Вознесенска.

Нехватает сил больше терпеть. Оглянитесь на нашу жизнь, — до чего довели нас хозяева. Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни. Довольно! Час пробил. Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь. Бросайте работы, присоединяйтесь к нашим забастовавшим товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей группой Присоединяйте к ним, кроме того, свои местные, частные требования. Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом.

12 мая, после обеда, началась стачка. Первыми вышли рабочие фабрики Бакулина — в 10 час. утра, а затем Бурылина и Маракушева; у других фабрик ворота были заперты, была поставлена полиция, и таким образом входа и выхода не было. Все же, несмотря на это, рабочие некоторых фабрик к 3 часам дня вырвались и присоединились к стачечникам, а приблизительно к 6 — 7 часам вечера остановились все крупные фабрики. 13 мая с утра остановились фабрики уже всего города, потом постепенно стали примыкать к стачечникам и все мелкие мастерские, вплоть до прислуги. Быстрота и организованность стачки так ошарашила полицию и фабрикантов, что они в первое время совсем потеряли головы. Через несколько дней после начала забастовки среди стачечников широко была распространена прокламация, в которой, между прочим, говорилось следующее:

Товарищи!

Вы решили бороться и начали стачку. Держитесь же крепко. Стойте друг за друга́, и хозяева уступят, как и в других местах. Не вы одни бастуете, по всей России рабочие бросают работу и идут на борьбу за своей защитницей — Российской Социал-Демократической Рабочей Партией. Социал-демократы требуют 8-часового рабочего дня и высокой платы, требуют больше, чем вы, и хозяева сдаются перед их силой. Но не с одними фабрикантами борются ореховские, кавказские, польские, петербургские рабочие и их вожди — социал-демократы. Они борются с самодержавным правительством — с царем и его министрами... Почему? Потому, что царь

со своими министрами стоят за капиталистов. Оттого фабриканты, как только в Иваново-Вознесенске началась стачка, послали телеграмму в Петербург министру внутренних дел, прося прислать войска, чтобы усмирить рабочих. Кто отведал казацких нагаек и солдатских штыков, тот и сам поймет, правда ли, что министры и царь против рабочих. Товарищи! Двум смертям не бывать, одной не миновать. Чем задарма умирать в Манчжурии от японских пуль, лучше уж умирать дома за свое дело, за свою рабочую свободу, за социализм, когда не будет войны, ни солдат, ни царя, ни капиталистов, — все будет в руках рабочих.

Товарищи! Нечего бояться солдат, продолжайте стачку, собирайтесь на собраниях, читайте листки, слушайте речи социал-демократов и делайте, что они скажут. Посмотрите в Петербурге: рабочие не верили, что царь заодно с капиталистами, пошли к нему с крестами и хоругвями просить его о своих рабочих нуждах, взяли с собой жен и детей, хотя социал-демократы говорили им, что царь устроит бойню. Вы знаете, как царь встретил рабочих 9 января: сотни убитых, тысячи раненых мужчин, женщин и детей покрыли улицы Петербурга. И рабочие потеряли веру в царя; чуть не на каждой фабрике войска, а рабочие пятый месяц то бастуют, то опять станут на работу, чтобы подкормиться и опять забастовать. Так идет по всей России, не только в Петербурге; и так пойдет, пока рабочие не добьются своего: повсюду Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, партия рабочих говорит: не нужно просьб! Довольно! Пора устроить так, чтобы вместо царских прислужников законы издавало Учредительное Собрание, избранное всем народом, где сидели бы наши представители — депутаты рабочего класса, и сторожили наши интересы, боролись за социализм, за царство рабочих. Нужно, чтобы стачки были дозволены, чтобы была свобода — свобода печатать и говорить рабочим об их выгодах, свобода собираться рабочим, толковать о своих нуждах, свобода рабочим соединяться в союзы, свобода всем рабочим войти в социал-демократическую партию, которая отстоит их от капиталистов.

Да здравствует стачка! Да здравствует социализм! Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия!

14 мая в городе появился губернатор Леонтьев, которому жандармский ротмистр Шлегель доносил, что, по его глубокому мнению, прекращение работ возникло не из-за стачки рабочих с целью принуждения фабрикантов к повышению заработной платы и изменению условий найма, а лишь благодаря подстрекательству и агитации различных неблагонадежных лиц и забастовавших студентов, в большом количестве проживающих в Иваново-Вознесенском районе.

Губернатор, выслушав официально донесение и посовещавшись с фабрикантами, в тот же день потребовал к себе отдельные депутации с каждой фабрики, которые явились к назначенному времени и предъявили сначала общие требования, а затем каждая

фабрика предъявила целый ряд своих требований. Губернатор заявил депутациям, что в 6 час. вечера он устроит совещание с инспекцией и фабрикантами и о результатах объявит.

[Смирнов. «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 году», стр. 35 — 37.]

———

Объявления Владимирского Губернатора.

I.

Прибыв сего числа в г. Иваново-Вознесенск, объявляю всем рабочим города, что договорные отношения между фабрикантами и рабочими должны быть определены добровольным между ними соглашением, и потому от той и другой стороны зависит соглашаться или не соглашаться на предъявленные условия.

Всякое насильственное давление на одну из договаривающихся сторон есть нарушение права личного распоряжения имуществом, потому всякое насилие со стороны рабочих, с целью улучшения своего материального благосостояния, должно почитаться преступным, караемым по закону и подлежащим немедленному прекращению.

Кроме того, подобное насилие, лишая возможности мирно продолжать переговоры рабочих с их хозяевами, является вредным для хозяйства самих же рабочих, так как всякая задержка в правильном течении фабричной работы всегда гибельно отзывается на благосостоянии самих же трудящихся.

Потому, не стесняя переговоров рабочих с их хозяевами через выборных из состава всей фабрики лиц, я призываю как рабочих, так и все прочее население г. Иваново-Вознесенска к спокойствию и порядку, избегая сборищ на улицах, так как последние для пользы рабочих никаких практических последствий иметь не могут и, создавая опасность для правильного течения жизни большого города, могут вселить тревогу среди мирных жителей, их жен и детей.

При сем выражаю убеждение, что рабочие не будут поддаваться влиянию ложных слухов и соблазну наветов, происходящих от лиц, желающих вселить одну лишь смуту и недоверие к распоряжениям правительства.

Губернатор И. Леонтьев.

Г. Иваново-Вознесенск.

Мая 14 дня 1905 года.

II.

Пока рабочие держали себя спокойно и чинно как на улицах, так и во время переговоров на площади, по вопросам, касающимся взаимных отношений фабрикантов и рабочих, я не имел оснований прибегать к мерам воздействия на толпу.

В настоящее время спокойное поведение рабочих омрачается единичными случаями насилий над трудящимся людом, ничего общего с интересами фабричных рабочих не имеющим.

Кроме того, многолюдные скопления народа на городских площадях и улица, даже и при условии их мирного течения, наносят ущерб торговле и, стесняя уличное движение, вызывают справедливые нарекания не заинтересованного в забастовке фабричных рабочих городского населения.

Поэтому подтверждаю мое объявление от 14 мая с. г. и, призывая фабричное население к спокойному обсуждению своих нужд и интересов, я, на основании вышеизложенного, с 18 сего мая не нахожу возможным более допустить многолюдные собрания рабочих на площадях и улицах города, при чем приглашаю самих рабочих озаботиться охранением дальнейшего порядка.

Губернатор И. Леонтьев.

Г. Иваново-Вознесенск.
Мая 17 дня 1905 года.

Требования рабочих.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних дел от рабочих города Иваново-Вознесенска, Владимирской губернии.

Заявление.

Мы, рабочие Иваново-Вознесенских фабрик и заводов, на наших общих собраниях, происходивших 16 и 22 мая с. г. в городе и за городом, постановили:

1. 8-часовой рабочий день для нас необходим. Мы не можем изматываться на работе, мы не можем жить без отдыха, точно на каторге, мы не можем ждать; поэтому мы требуем, чтобы государственная власть немедленно ввела в законодательном порядке 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах. Иначе сокращение рабочего дня, достигнутое от фабрикантов, через некоторое время может быть взято ими обратно.

2. Мы требуем, чтобы фабричный инспектор не вмешивался в действия выборной комиссии, решающей недоразумения между рабочими и фабричной администрацией. Иначе члены комиссии будут находиться под его давлением и не смогут пользоваться доверием со стороны рабочих.

3. Мы требуем уничтожения фабричной полиции и тюрем при фабриках.

4. Начальство и войска не должны вмешиваться во время забастовок в дела рабочих.

5. Мы требуем, чтобы государство установило законодательным порядком пенсию рабочим, потерявшим трудоспособность, вследствие слабости и болезней, в размере $^2/_3$ заработка.

6. Одновременно с этим заявляем, что комиссия по рабочему вопросу, составленная из чиновников и фабрикантов, не может разрешить эти вопросы в интересах рабочего класса, и что только народные представители, созванные на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, сумеют удовлетворить наши нужды.

7. Для того, чтобы можно было свободно обсуждать нужды рабочего класса, мы требуем свободы печати.

8. Г. начальник Владимирской губернии разрешил нам во все время стачки собрания.

Считая свободу собраний первым условием для успешного отстаивания своих интересов, мы заявляем, что этой свободой мы будем пользоваться и впредь и надеемся, что ни полиция, ни войска не будут нам препятствовать в осуществлении этого законного и необходимого нам права.

Председатель депутат (подпись).

Секретарь депутат (подпись).

Подписали выборные депутаты от рабочих (подписи).

Первый стачечный бюллетень.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи-рабочие!

Для того, чтобы осведомить всех товарищей о ходе стачки, Иваново-Вознесенская социал-демократическая группа решила издавать ежедневные бюллетени. Бюллетени начали печататься со вчерашнего дня.

Вчера на Талке после часа дня, по обыкновению, собралась толпа рабочих около 15.000. На собрании обсуждался вопрос о том, как вести стачку дальше. Собравшиеся товарищи единогласно согласились с тем, что необходимо вызвать наших фабрикантов и местных властей для того, чтобы объясниться с ними лицом к лицу и потребовать у них окончательного ответа, — удовлетворят ли они требования рабочих. До сих пор стачка шла мирно, и рабочие заявили, что они так же будут вести ее и дальше. Но так как г. губернатору угодно было спрятать свое прекрасное лицо от рабочих взоров, то они решили взглянуть на него сами, поэтому с е г о д н я, 23 м а я, в 12 ч а с о в д н я предполагается м и р н о е шествие всей массы рабочих на площадь. За порядком будет наблю-

дать охранная дружина, состоящая из рабочих, которых избирает депутатское собрание. Таким образом, мирные руки, привыкшие к труду, не прольют ничьей крови; если же она, несмотря ни на что, будет пролита, то ее прольют те люди, которые уже не раз проливали народную кровь в других местах России. Помните, товарищи, что в данное время мир или война с капиталистами зависит не от нас, мы сделали все, чтобы избежать беспорядков, и если они произойдут, то всем ясно, кто в них настоящий виновник: мы или власти. В настоящее время происходит всеобщая забастовка в Шуе, Тейкове, Лежневе, ожидается в Середе, Кохме и других местах... Таким образом, товарищи, вы видите, что не вы одни поднялись на защиту своих прав, вслед за вами поднялись рабочие почти всей Владимирской губернии.

Так не падайте же духом, товарищи, и смело идите под знаменем Социал-Демократии на борьбу за лучшую жизнь и за лучшее будущее, которое сулит нам грядущее царство социализма.

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Ответ губернатора.

Объявление Владимирского Губернатора.

Объявлением, от 17 сего мая, многолюдные собрания рабочих на площадях и улицах города воспрещены.

Несмотря на это, толпа рабочих в понедельник, 23 мая, собралась на площади перед Городской Управой и пыталась заняться обсуждением своих дел.

В виду этого, по моему приказанию, скопление рабочих казачьей командой, без применения оружия, было оттеснено, и толпа постепенно рассеялась.

Подтверждая распоряжение о воспрещении скоплений народа на улицах и площадях, предостерегаю, что для предупреждения попыток к нарушению настоящего распоряжения, а также попыток к выставлению толпой воспрещенных флагов, будут приняты строгие меры, при чем допускаемые ныне совещания рабочих за чертой города, в случае повторных нарушений рабочими распоряжений губернского начальства, будут закрыты.

За Губернатора Вице-Губернатор Сазонов.

Движение разрастается.

Телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 24 мая 1905 г.

Вчера мирное настроение в Иванове изменилось, благодаря отказу фабрикантов в уступках, недопущению вице-губернатором манифестации на площади и отказу устройства рабочей милиции. Ожидаются беспорядки. Штаб округа на мою просьбу усилить наличность казаков отказал. Наличность войск в Иванове: два батальона пехоты, полторы сотни казаков, — что мало для города в 16 квадратных верст, 80 тысяч жителей. В Шуе и Тейкове забастовки продолжаются, ожидаются в Кохме.

Губернатор Леонтьев.

---

4. Ход стачки.

Порядок в течение более 2-х недель стачки был образцовый. Каждый стачечник сознавал, что он — член единой армии трудящихся: со всем тем, что могло бы нарушить общий ход стачки и причинить хотя бы небольшую неприятность кому-либо из граждан города, рабочие боролись и предупреждали всякие дебоши при их возникновении.

В городе, кроме астраханских, появились донские казаки, кавалеристы и пехота. Комитет выпустил к солдатам целый ряд воззваний.

Деятельность социал-демократической организации, которая руководила и Советом Рабочих Депутатов, протекала ускоренным темпом и сыграла огромную роль в устройстве регулярных массовых политических собраний на речке Талке. Собрания создали в широких кругах рабочих-текстильщиков недовольство существующим положением вещей. Широкая масса стачечников относилась к Совету Рабочих Депутатов с большим доверием и поддерживала образцово установленный Советом правопорядок.

Обильный выпуск прокламаций и ежедневные многотысячные собрания рабочих на речке Талке бесили губернатора и всю местную власть. Департамент полиции также нажимал в сторону ликвидации стачки и предписывал категорически устранить «*вольный социологический университет*», как он называл многотысячные собрания на речке Талке [1]).

«24 мая вечером состоялось собрание депутатов в мещанской управе. Там было указано на то, что фабриканты собираются высе-

[1]) См. дело жандармской переписки за 1905 г. «О забастовке в Иваново-Вознесенске».

лить рабочих из квартир. Но, по русским законам, выселять можно было не иначе, как через две недели после предупреждения, а этого предупреждения не было. Совет Рабочих Депутатов заявил представителям власти, что этому распоряжению, как противозаконному, рабочие подчиняться не будут. Во-вторых, было решено, что если фабриканты будут через полицию отсылать паспорта на родину, то рабочие не остановятся ни перед какими мерами, чтобы этому помешать. В-третьих, хозяева пугают рабочих, что они перестанут отпускать им харчи, но рбаочие в течение двух недель могут пользоваться кредитом в лавках, и поэтому хозяйские угрозы им не страшны. На основании этих соображений, стачку решено продолжать».

Так писал очередной листок Ивано-Вознесенской группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

В тот же день по городу было расклеено объявление, воспрещающее всякие сходбища и собрания; равно запрещалось депутатам собираться в Мещанской Управе. Кроме того, с того момента начались аресты некоторых товарищей из Совета Рабочих Депутатов. Все это говорило за то, что полиция и фабриканты желали вызвать стачечников на эксцессы, которые бы дали возможность расправиться с рабочими оружием.

А от 25 мая в листке группы говорилось:

«Товарищи-рабочие, вчера мы вам сообщали, что фабриканты письменно заявили согласие вступить с нами в переговоры, при чем представителем своих интересов они выбрали городского голову Дербенева, а нам предложили, с своей стороны, послать человек 5 депутатов. Но что же вышло из всего этого? Когда наши депутаты явились к городскому голове, тот вдруг заявляет, что ни о каких переговорах он ничего не знает, и что фабриканты, насколько ему известно, еще до сих пор не изменили своего прежнего решения: каждому хозяину иметь дело с рабочими лишь своей фабрики. Когда же наши товарищи депутаты показали ему письменное извещение от вице-губернатора, подписанное полицеймейстером, приглашавшее рабочих явиться на квартиру, городской голова ответил, что фабрикантам о посылке этого извещения ничего неизвестно. Что же это за чепуха? Бумага прислана от имени фабрикантов, а они заявляют, что они ничего об этом не знают. Выходит, что вице-губернатор совершил уголовное преступление, так как написал извещение от имени фабрикантов без их ведома. Если бы это устроил наш брат, рабочий, то его сразу покарали бы (по всей строгости законов), а губернатору это, конечно, нипочем, для него, ведь, законы не писаны. Но, вероятнее всего, наши блюстители правосудия нарушили закон просто по своему недомыслию. Надо полагать, что вчерашние события вышибли из них последние крохи рассудка, если,

конечно, таковые имелись когда-либо в головах «столпов» самодержавия. Когда обо всем этом было сообщено народу, собравшемуся на площади, возмущенный, он единогласно решил не сдаваться и продолжать бастовать до тех пор, пока окончательно не иссякнут последние силы; голодные, под дождем, они посылали проклятия своим угнетателям-фабрикантам и их защитникам-властям, как один человек, они клялись крепко стоять друг за друга и ни в каком случае не вступать в переговоры с отдельными хозяевами. Решили держаться до конца. Собрание рабочих постановило напечатать в газетах воззвание к рабочим всей России о помощи. Рабочие Иваново-Вознесенска шлют всем своим российским товарищам братский привет и призыв к всеобщему единовременному восстанию против всех угнетателей и врагов рабочего класса.

В 7 часов вечера происходило собрание депутатов в мещанской управе, о результатах которого мы сообщим завтра.

В заключение мы не можем не сказать о новой бумажке г. вице, в которой говорится сразу две лжи: 1-я, что толпа была рассеяна, между тем, как она шла с площади плотной массой, и 2-я, что существуют запрещенные флаги, между тем как ни в одном томе русских законов не говорится о том, какой коленкор дозволенный и какой недозволенный.

От того же числа в другой листовке читаем следующее:

«Товарищи рабочие, вчера мы, согласно нашему решению, отправились на площадь, чтобы переговорить с фабрикантами. Но представитель царской власти в нашем городе, г. вице-губернатор, со своими присными горой стал за них и решил даже не допускать нас к ним. На площади и в соседних переулках были во всеоружии выстроены казаки, которым было приказано не допускать народ собираться в толпу и разгонять ее. Дело уже доходило до нагаек, когда собравшиеся на площади товарищи решили пойти на Талку для того, чтобы обсудить положение дел и решить, что делать дальше. Рабочие двинулись тесной толпой под звуки марсельезы и др. революционных песен, а над их головами гордо развевалось красное знамя труда. Эта неожиданная демонстрация привела администрацию в страшный испуг. Им почудилось уж ни весть что, и вот полицеймейстер, а за ним и казаки начали орать во все горло: «воротитесь, воротитесь». Их никто не слушал, и толпа рабочих попрежнему продолжала свой путь, захватывая по пути все новых и новых товарищей. Иваново-вознесенские рабочие должны гордиться этим днем: в этот день они показали всю свою объединенную силу, в этот день они увидели все бессилие своего врага, этот же день просветил их насчет того, чьи интересы защищает правительство. Они увидели, что самодержавное правительство есть не что иное, как бесправие народа и власть денег и кулака. Потому рабочие, как один человек, разразились столь долго сдержанными криками: «долой самодержавие, долой его, смерть ему». Товарищи, Российская Социал-

Демократическая Рабочая Партия разнесет по всей России, по всем фабрикам и заводам весть об иваново-вознесенских событиях. Она везде будет указывать на них, как на образец сознательной борьбы рабочего класса с обоими его врагами — капиталистами и правительством. Она везде будет рассказывать о том, как иваново-вознесенские рабочие проснулись от своего многолетнего сна и излечились от веры в самодержавие.

Наша демонстрация до такой степени напугала фабрикантов, что последние поспешили через властей вступить с нами в переговоры. Они поручили ведение их городскому голове Дербеневу, с нашей же стороны будут пять депутатов. Затем считаем своим долгом сообщить вам, что в нашу стачечную кассу поступило сто рублей от московских товарищей социал-демократов. Товарищи, социал-демократы, ведя вас к этой стачке, разъяснили вам, кто ваши друзья, кто ваши враги. Они показали, что самодержавие всегда стояло на нашем пути, что оно всегда мешало рабочим бороться за улучшение своего положения; поэтому, вместе с кличем «долой капиталистов», вы должны кричать и «долой самодержавие».

Немного позднее о событиях этих дней в третьем листке стачечников сообщалось:

«Товарищи рабочие! 25 мая перед иваново-вознесенскими рабочими засияли двенадцать светлых пуговиц старшего фабричного инспектора. Эти пуговицы рассказали следующее:

1) Что хозяева не имеют права самовластно выселять рабочих из квартир; 2) что хозяева не имеют права рассылать паспорта на родину через полицейские управления; 3) что права добиваются только борьбой, но что та борьба, которую ведут социал-демократы, есть увлечение, — на что присутствующие ответили, что люди, получающие большое жалованье, всегда обвиняют в увлечении людей голодных и бесправных.

На следующий день губернская администрация показала свои зубы: полицеймейстер передал, что вице не разрешает более депутатам собираться в Мещанской Управе.

Таким образом, после лицемерных ласковых слов, власти показали нам откровенную фигу.

Товарищи, нам необходимо подумать над этими фактами. Вы все теперь ясно видите, как укрощают строптивых: их укрощают высоко поднятым кулаком. Пока правительство чует его над своей головой, оно улыбается. Когда оно перестает замечать его, оно начинает тащить и не пущать. Правительство и фабриканты стоят теперь на распутье: они могут итти по дороге уступок и по дороге усиленного упорства и сопротивления. Какую дорогу они выберут, — это зависит от вас. Стойкость и выдержка всегда берут верх над трусливым метаньем из стороны в сторону, а они мечутся, наши враги. Они угорели от упорной и сплоченной стачки, и их пустые головы кру-

жатся от единодушных криков многотысячной толпы. Потому-то они сегодня уступают, завтра грозят, сегодня хвалят, завтра пугают нагайками. Власть выпадает из их ослабевших рук, и они это чувствуют. И как гнилому дереву не запрудить великой реки, так и изолгавшимся приказчикам самодержавия, т.-е. фабрикантам и чиновникам, не сломить грозной силы поднявшегося рабочего класса.

Вчера, 26 мая, снова голосовали вопрос о забастовке, и в громадной толпе не раздалось ни одного несогласного слова. Это показало ясно, что рабочий кулак попрежнему сжат крепко.

На депутатском собрании постановлено печатать фамилии тех рабочих, которые, отстаивая интересы хозяев, всюду говорят против забастовки и сбивают наименее сознательных товарищей. Эти лица ставятся публично вне закона, и каждый может сделать с ним все, что угодно. Список будет составлен после тщательной проверки и прочитан перед всем собранием рабочих, будут сообщены и приметы».

[Смирнов. «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 году», стр. 39 — 43.]

---

5. Расстрел рабочих.

Собрания протекали в первый период стачки включительно до 2 июня беспрепятственно.

Полиция и фабриканты нервничали и считали безобразием, что агитация приняла такие широкие размеры. Фабриканты настаивали на «мерах», которые бы положили конец этому свободному социалистическому университету на Талке.

2 июня было вывешено объявление губернатора, которое запрещало собрания на реке Талке. Но рабочие не считались с этим и 3 же июня вновь собрались на Талке. В этот день до момента начала собрания здесь были уже казаки. Рабочие спокойно сели у леса. Депутаты отправили с четырьмя казаками, стоявшими патрулем, бумагу, где от лица всех стачечников была изложена просьба о разрешении собираться на Талке.

Спустя некоторое время, в ответ на требование, появились астраханские казаки, во главе с полицеймейстером Кожеловским, и, прежде чем рабочие успели опомниться, по крику Кожеловского, казаки бросились на сидящую толпу с гиком и свистом.

Нельзя описать той ужасной картины, которая произошла. Лес огласился криками, стонами и рыданиями, злобой и проклятиями, улюлюканьем пьяных казаков. Стачечники зверски расстреливались поодиночке.

Казаки выстрелами снимали людей с насыпи, как куропаток. Тут же сотнями брали в плен и снова избивали; сильно избитых оставляли на месте.

Сколько было убитых и раненых. — установить точной цифры не удалось. По сообщениям газеты «Новое Время», их было около 20 человек, по другим источникам — больше.

Тяжело избитые и раненые прятались и отлеживались сначала в лесу, а затем пробирались домой, где и лечились, скрываясь от полиции.

[Смирнов. «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 году», стр. 44.]

---

6. Собрание на Талке.

Секретное донесение Помощника Начальника Владимирского Губ. Жандармского управления в Шуйском у. Начальнику сего управления от 2 июня 1905 г.

Доношу Вашему Высокоблагородию, что забастовка в г. Иваново-Вознесенске и селении Тейкове протекает без перемен. До сего времени случаев столкновений с войсками и полицией не было. Также не наблюдалось со стороны забастовавших рабочих каких-либо дерзких и вызывательных действий.

На сходбищах рабочих на реке Талке наблюдается два совершенно противоположных течения двух партий. Одна партия, по составу крайне малочисленная, около 200 — 300 человек, состоящая из распропагандированных молодых рабочих с агитаторами, частью уже привлеченными к дознанию об «Иваново-Вознесенской группе», а частью приезжими и прочими неблагонадежными элементами, большей частью уже выясненными и привлеченными к вновь начатому дознанию, а частью выясняемыми поступающими ко мне заявлениями. Вторую же партию составляют все остальные рабочие в числе нескольких десятков тысяч — противники принципов, взглядов и политических утопий первой партии, поставившей своей целью лишь борьбу с капиталистами-фабрикантами по улучшению своего материального благосостояния, в виду наступившего в настоящее время заметного удорожания жизни.

Несомненно, что забастовка приходит к концу, продолжительность каковой я могу объяснить лишь тем: 1) что фабриканты по 1 июня от начала таковой кормили рабочих на своих фабриках улучшенной пищей, хотя таковые и не работали, а в настоящее время даже дают заимообразно деньги под отработок в будущем, почему брюшной вопрос не играл в стачке никакой роли, и 2) что рабочие второй партии, несомненно, являлись жертвой первой партии, так как они до сего времени не организованы, а первая партия организована и действует на вторую угрозами — лишением жизни, поджогами, насильственными действиями, почему они страха ради и не принимались за работу.

Теперь же рабочие 2-й партии высказались твердо и определенно, что они приступят к работам во вторник, 7 сего июня, крайне озлобившись на агитаторов 1-й партии, которые, будто бы, обманным путем, прикрываясь призывом их к экономической борьбе, перешли к обсуждению вопросов политических, их не касающихся. Ничего не предрешая, позволю себе доложить, что к решению этому рабочих 2-й партии можно отнестись с полным доверием.

Ротмистр Шлегель.

Объявление Владимирского Губернатора от 2 июня 1905 г.

В виду ежедневно доходящих до меня от самих же рабочих сведений, что лица, собирающиеся на реке Талке, не ограничиваясь обсуждением своих чисто-фабричных дел, занялись вопросами государственного значения, при чем отдельные лица дозволяют себе явно возмутительные речи против Правительства, я не нахожу возможным далее допускать многолюдные собрания на реке Талке, а также и в других окрестностях города и предупреждаю, что виновные в нарушении сего распоряжения будут подвергаться законной ответственности.

За Губернатора
Владимирский Вице-Губернатор Сазонов.

---

7. Побоище на Талке и его результаты.

Паническое настроение властей.

Телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 3 июня 1905 г.

С утра в Иванове толпа буйствует. Рабочие бросают ножи, камни, стреляют, бьют стекла домов; телеграфные, телефонные провода оборваны; подожжена фабрика Гандурина. Вице-Губернатор, находящийся в Иванове, свидетельствует очень возбужденном настроении. Прошу штаб округа добавить батальон пехоты, три сотни казаков, кавалерии.

Губернатор Леонтьев.

Телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 6 июня 1905 г.

Третьего июня настроение рабочих в Иванове продолжает быть тревожным. Рабочие угрожают полиции и войскам. Один городо-

вой ранен. Обрывают телефонные провода. Пока войска к оружию не прибегали. Поджоги дач фабрикантов продолжаются. Линия железной дороги находится в опасности. Сегодня еду в Иваново заменить Вице-Губернатора. Войска имеется два с половиной батальона, полторы сотни, два эскадрона, всего 700 пехоты, 460 кавалерии, чего мало. Прошу штаб добавить.

Губернатор Леонтьев.

Шифрованная телеграмма Департамента Полиции Владимирскому Губернатору от 7 июня 1905 г.

На телеграмму от шестого июня Товарищ Министра, Заведывающий Полицией, рекомендует вам действовать вполне энергично.

За Директора (подпись).

Телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 8 июня 1905 г.

Прибыв вчера в Иваново, застал настроение тревожное: худшие элементы рабочих разбивают винные лавки, угрожают дачам фабрикантов, разбито 7 лавок, сожжены 3 дачи. В городе сравнительно спокойно. Есть данные, что благоразумное большинство желает приступить работать завтра. Фабриканты будут пытаться пустить фабрики под охраной войска. Безопасность окрестностей, где угрожают дачам и частным владениям, обеспечить затрудняюсь, за недостатком войск. Арестовано 40 человек.

Губернатор Леонтьев

Телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 10 июня 1905 г.

Вчера вечером сожжена дача Фокина. Ночью была попытка сжечь мост. Разбита винная лавка. Сегодня утром фабриканты пустили фабрики под охраной войск. Желающих работать не нашлось. Была сходка в шести верстах от города. Рабочие постоянно меняют места сходок. Завтра, несмотря на недостаточное количество войска, приступлю к наблюдению окрестностей города, где сгорела не одна дача и продолжаются угрозы, и охранению дач, чему препятствует заявление военного начальства о невозможности дробить войска на части менее полуроты, полусотни. Предвидеть конец забастовки невозможно, в виду неуступчивости сторон. Прошу обратить внимание на № 163 газеты «Вечерняя Почта» в связи с моей вчерашней телеграммой.

Губернатор Леонтьев.

Картина побоища на Талке.

В «Веч. Почте» пишут из Иваново-Вознесенска об ужасных беспорядках, имевших там место 3 июня. Корреспондент говорит, что из обычного собрания на р. Талке 3 июня создали кровавое событие. Казаки, под предводительством полицеймейстера Кожеловского, без предупреждения бросились на толпу. Толпа рассеялась. Казаки стали тогда расстреливать людей поодиночке: убита девочка, убит грудной ребенок на руках матери. Всего, по рассказу рабочих, убито 28 человек, ранено очень много, особенно ударами нагаек.

В тот же день произошел пожар на фабрике бр. Гандуриных. Собравшийся народ, среди которого было немало исполосованных нагайками, не дал пожарным тушить пожара, и пожарные разбежались. Опять прискакали казаки с полицеймейстером, и опять началось то же. Казаки врывались в дома, вытаскивали спрятавшихся на улицу и избивали нагайками. В городе паника. На многих улицах оборваны телефонные провода. Под охраной драгун они были исправлены кой-где, но, как только драгуны уехали, провода опять были порваны. Причина побоища следующая: переодетый полицейский на Талке выстрелил. Он был узнан рабочими и избит за провокацию.

[«Русь», 7 июня 1905 г., № 150.]

Голод усиливается.

Шифрованная телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 11 июня 1905 г.

Количество голодающих семей в Иванове и в окрестных деревнях, благодаря месячной забастовке, увеличивается. Фабриканты не делают уступок, не входят в переговоры с рабочими; большинство рабочих, желающих приступить к работам, терроризируются меньшинством, организованным социал-демократической партией. Сегодня ко мне обратились представители благоразумного большинства с просьбой разрешить вновь сходки для обсуждения вопроса о ликвидации забастовки. В виду действительной невозможности рабочих сговориться и вследствие того боязни каждого в отдельности итти на фабрику, я разрешил на сегодня и завтра, двенадцатого, сходку за городом, с условием непроизнесения политических антиправительственных речей. Рабочим кажется обидно вступать на работу без уступок со стороны фабрикантов. В случае повторного антиправительственного характера сходок, мною вновь будут приняты энергичные меры; надеюсь, что на сходках антиправительственного направления не будет; вреднее того, что рабочий люд читает в газетах, особенно «Вечерняя Почта», «Северный Край», агитаторы говорить не могут.

— —

Министр Финансов. Его Превосходительству
13-го июня 1905 г. Д. Ф. Трепову.

По имеющимся в Министерстве Финансов сведениям, в городе Иванове-Вознесенске, несмотря на принятые меры, волнения среди рабочего населения еще далеко не улеглись, попытка фабрикантов пустить фабрики оказалась безуспешной и работы нигде не возобновлены; имели место даже случаи повреждения имущества фабрикантов, так, между прочим, сожжено несколько дач и лесной склад.

В виду сего, считаю долгом обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою, не найдете ли Вы, Милостивый Государь, возможным принять зависящие меры к охранению безопасности населения и, в частности, безопасности рабочих, готовых продолжать свои обычные занятия.

——

Ставка на истощение.

Шифрованная телеграмма Владимирского Губернатора Министру Внутренних Дел от 14 июня 1905 г.

Вчера разрешил старшему фабричному инспектору и состоящему при мне Владимирскому Полицеймейстеру отправиться без охраны на сходку за городом, на которой участвовало около 20.000 человек, с целью узнать настроение рабочих, насколько сильно стремление большинства вступить на работу после уже объявленной десятипроцентной прибавки. По их докладу, самая масса отнеслась к ним вежливо и спокойно, главари же держали себя вызывающе. При голосовании ими вопроса о прекращении или продолжении стачки масса, находясь под сильным влиянием главарей, высказалась за продолжение, считая себя неудовлетворенными объявленными новыми расценками. Успеху забастовки способствует благоприятная погода, наступление сенокоса, а также и сознание приближения Нижегородской ярмарки, что, по общему мнению рабочих, должно заставить фабрикантов быть уступчивыми. Арестовать главарей невозможно, в виду правильной организации охраны стачки. Главная моя цель — избежать кровопролития и не дать возможности толпе нарушить установившееся спокойствие в городе и окрестностях, особенно после уменьшения (? Ред.). В виду окончания (четырнадцатого июня) срока разрешенных сходок, опасаюсь, что главари будут просить разрешения продолжения оных и убедят толпу в своей победе, тогда принужден буду или воздействовать силой, что вызовет кровопролитие, новые бесчинства в городе и окрестностях, или новым объявлением разрешить сходки до окончания забастовки при прежних условиях. Моя главная надежда на истощение материальных средств части рабочих, не обеспеченных полевыми работами.

Владимирский Губернатор
16 июня 1905 г.
№ 26.
Г. Иваново-Вознесенск.

Совершенно секретно.

Его Превосходительству
Д. Ф. Трепову.

События 3 июня в г. Иваново-Вознесенске, вызванные запрещением сходок, благодаря их противоправительственному направлению, повлекли за собой озлобление толпы, пожары, грабежи, разбитие винных лавок, повреждение телеграфа и телефона и всякие уличные бесчинства.

Прибыв в Иваново утром 7 июня, я, действительно, застал жителей города и окрестностей его терроризированными влиянием и угрозами толпы, руководимой агитаторами.

11 числа, убедясь, что благоразумное большинство рабочих, начинающих бедствовать, желает приступить к работам, я явившимся ко мне депутатам в числе 6-ти человек разрешил всем рабочим вновь собираться за городом, на реке Талке, с целью дать им возможность сговориться относительно ликвидации забастовки, с условием не заниматься вопросами политическими и антиправительственными.

С 11 числа прекратились всякие пожары, грабежи и другие преступления. Спокойствие в городе и окрестностях вполне восстановилось, но стало развиваться нищенство и попрошайничество; вследствие этого, рассчитывая на данные мне депутатами обещания заниматься лишь исключительно фабричными вопросами, мною разрешены сходки на реке Талке до 16 июня включительно. Результаты сходок сводятся к единодушному (по крайней мере, с внешней стороны) постановлению продолжать забастовку.

С начала забастовки (с 12 мая) и до 13 июня фабриканты никаких уступок не делали. Этого же числа была объявлена 10% прибавка к заработку рабочих, которая их не удовлетворила, а лишь возбудила надежды на дальнейшие уступки со стороны фабрикантов, вследствие чего толпа оказалась более сплоченной. Надежды забастовщиков оправдались: 15 июня была объявлена новая уступка, коей более дешовый зимний заработок сравнивается с более дорогим летним, что равносильно новой 5% прибавке. Кроме того, фабриканты, без взаимного между собой согласия, за последние три дня стали выдавать рабочим своих фабрик единовременные выдачи, частью в счет будущего заработка, частью в виде подачки от 1 до 3 руб. Все это, в совокупности, дало возможность агитаторам и депутатам поднять дух массы забастовщиков и вселить в них надежду, что дальнейшим упорством могут они достигнуть еще больших уступок.

Независимо от этих экономических оснований, депутаты прибегают к угрозам и застращиванию лиц, желающих вступить на работу, что также достигает своей цели.

По полученным мною агентурным сведениям, агитаторы и руководители сходок, за невозможностью удержать солидарность толпы одними экономическими вопросами, за последние 2 дня вновь принялись за политические и антиправительственные речи, пока не встречающие сочувствия в массе забастовщиков.

Три побывавшие в течение месяца в г. Иваново-Вознесенске, по поручению Командующего Войсками, генерала, видимо, доложили ему о необходимости уменьшения количества расположенных здесь войск на $^2/_3$, при чем в данное время располагаю только 2-мя сотнями казаков и 6-ю ротами пехоты на 30.000 забастовщиков и 80.000 жителей, могущих быть быстро охваченными паникой, при пространстве города более чем 16 квадратных верст. Подобное сокращение военной силы не может не повлиять на дальнейшие мои распоряжения и, вместе с тем, несомненно, поднимает дух забастовавшей толпы, хотя, действительно, после 3 июня не было необходимости прибегать к помощи военной силы.

Хотя, по заявлению Начальника Отряда, и теперь есть возможность разогнать могущие увлечься собрания рабочих, но в виду уже бывшего примера 3 июня озлобленная толпа, несомненно, бросится на город и окрестности и возобновит все буйства и преступления, для борьбы с коими недостает военной силы. Неудача же воздействия будет иметь непоправимые последствия.

В разговоре со мной депутаты заявили, что пока их не трогают, как 3 июня, они ручаются за сохранение порядка.

Если дальше разрешат сходки, то они почти наверное могут принять противоправительственный характер; с другой же стороны, если разгонять сходки, то также наверное возобновятся грабежи, поджоги; город и его окрестности будут в опасности, и рабочее движение примет характер открытого мятежа, будет масса неповинных жертв и невознаградимых материальных убытков.

Вследствие сего, рассчитывая на время, на возможность освобождения массы благоразумных от гнета и угроз агитаторов, я решил пока допустить сходки на реке Талке, как меньшее из двух зол, надеясь, что с возобновлением работ организация агитаторов лишится почвы, а сходки на реке Талке сами собой погаснут.

Воинские части крайне несочувственно относятся к своей роли охранителей порядка, так как оторваны от своего прямого назначения. Состав Иваново-Вознесенской полиции, хотя и несколько мною ободренный, сбился с ног. Сам я, находясь в центре разнохарактерных течений (военное начальство, фабричная инспекция, прокуратура, жандармский надзор, плохо организованная агентура), должен напрягать все свои силы для достижения однообразного хода дела, что, при всем моем старании, достигается мною с большим трудом. Первый раз я просидел в Иваново-Вознесенске 8 дней, ныне уже прошло 9 дней

моего вторичного здесь пребывания и пока не предвижу его конца. У меня развиваются признаки сердцебиения и нервного расстройства. Прочие дела губернии совершенно ускользают от моего внимания, между тем как в настоящее время политическое движение в губернии требовало бы моего личного контроля, вместо безрезультатного сидения в Иванове свидетелем экономической борьбы фабрикантов с рабочими. Заменить себя в Иванове Вице-Губернатором считаю неудобным, в виду слабости его здоровья, общей нервности, а также и потому, что забастовщики неосновательно считают д. с. с. Сазонова виновником событий 3 июля, будто бы вследствие влияния Иваново-Вознесенского Полицеймейстера Кожеловского.

Я бы убедительно просил Ваше Превосходительство разрешить мне приезд в Петербург для личного доклада и заменить меня кем-нибудь, если Вы признаете невозможным разрешить мне поручить охранение порядка в городе Иваново-Вознесенске очень дельному, спокойному и известному местным жителям Шуйскому уездному исправнику Кол. сов. Лаврову.

Иваново-Вознесенский Полицеймейстер Кожеловский хотя подал прошение об отставке, но уволен мною в месячный отпуск для обеспечения личной его безопасности, так как рабочие вообще крайне озлоблены против него и приписывают ему печальные последствия событий 3 июня.

Губернатор И. Леонтьев.

---

8. Рост политической активности и сознательности рабочих после событий 3 июня.

Требование Народного Суда над виновниками 3 июня.

Мы, рабочие фабрик и заводов г. Иваново-Вознесенска, собравшиеся на общее собрание 13 сего июня, постановили заявить:

Начавши 12 мая всеобщую забастовку, мы в числе прочих требований выставили требование невмешательства военной силы, полиции в дело рабочих, в противном случае за последствия мы не ручались. Три недели продолжалась мирно наша борьба, порядок в городе был образцовый, три недели мы пользовались свободой собраний, слова, союзов, печати, стачек, неприкосновенностью личности. С первых же дней, кроме вопросов чисто-экономических, мы все обсуждали вопросы политические, так как одно с другим связано непосредственно. Вопросы политического характера обсуждались открыто на площади, и мы все единогласно поднятием рук, в присутствии владимирского губернатора, еще 15 мая приняли требование Учредительного Собрания, выбранного на основе всеобщего, прямого, равного для всех и тайного избирательного права. Мы все

считали, что несправедливо, если в это собрание будут выбираться только богатые.

Несмотря на то, что мы все три недели обсуждали вопросы политического характера, — нас не трогали, никого из нас не арестовали. Трех арестованных по нашему требованию выпустили.

Но вот 2 июня вывешивается неожиданно объявление губернатора, которым нам запрещается собираться на Талке — последнее место, где мы могли беседовать. Основанием запрещения послужило то, что мы, якобы, начали в последнее время обсуждать вопросы политического характера. Да мы же обсуждали и голосовали эти вопросы с первого же дня! Недоумевая, в чем дело, мы все-таки собрались 3 июня на Талку. Здесь были уже казаки. Мы спокойно сели у леса. Наши депутаты отправили с четырьмя казаками, стоявшими патрулем, бумагу, где от нашего лица требовали разрешения собираться. Какова судьба этой бумаги, — неизвестно. Говорят, будто казаки ее потеряли. В ответ на наше требование, появились астраханские казаки, во главе с полицеймейстером Кожеловским, и прежде чем мы успели опомниться, не то что разойтись, по крику Кожеловского, казаки бросились на сидящую толпу с гиком и свистом. Нельзя описать той ужасной, невероятной картины, которая произошла. Лес оглашался стонами, рыданиями, криками злобы и проклятья, улюлюканьями пьяных казаков на пьяных лошадях. Голос неистовствовавшего полицеймейстера выделялся: «бей их, сукиных детей, руби, режь, Дунаева мне, Дунаева!» и т. д. Он злорадно хлопал в ладоши и сатанински хохотал. Зверски, бесчеловечно избивались мы тяжелыми, со свинцом на конце, нагайками. Зверски расстреливались поодиночке. Казаки выезжали из леса и снимали, как куропаток, людей с насыпи. Сил нехватает описывать всего. Тут же сотнями захватывали в плен и снова избивали, сильно избитых оставляли на месте. В числе прочих арестовали и надругались над секретарем собрания — депутатом Н. Грачевым. Толпа подхватила двух раненых с насыпи и понесла к фельдшеру Витовскому; когда последний вез их после перевязки в больницу для чернорабочих, толпа на улицах навзрыд рыдала. Судорожно сжимались кулаки, со всех сторон неслись проклятья убийцам. Сдержать прорвавшееся чувство злобы и мести не было никакой возможности. Толпа рвала, ломала, жгла на своем пути. Так продолжалось с 3 по 11 июня, когда вновь разрешили собрания. За все это время город был в осадном положении: казаки и драгуны хватали встречных и поперечных, обыскивали и избивали ни за что ни про что, как, например, двух почтенных жителей Боголюбовской слободы. Насильники не останавливались перед тем, чтобы врываться в наши жилища и там надругаться над нами. Никто не был уверен за свою жизнь и безопасность. И после всего этого появляется объявление губернатора, извещающее нас о том, что мы первые нарушили мирный ход забастовки грабежами и насилиями. Объявление это говорило также, будто кучка людей, не останавливающихся перед

преступлением, не давала работать большинству благонадежных, тяготившихся вынужденной безработицей.

9 июня, когда уныло, безрезультатно свистели свистки, призывавшие встать на работу рабочих на старых условиях, доказало противное. Мы все, озлобленные насилиями, не хотели работать после 3 июня, более чем когда-либо, на старых условиях.

И вот мы избиты, над нами надругались, нас они обвиняют во всем, наши братья томились и томятся в тюрьме, их же обвиняют в вооруженном сопротивлении и других преступлениях. В это же время насильники и настоящие преступники ходят по воле. Кожеловский, астраханские казаки и высшее начальство, приказавшее им расправиться с нами, те ходят с сознанием исполненного долга.

Где же тут справедливость?

Чувство обиды, злобы, мести глубоко затаилось в сердце у каждого. До тех пор оно не изгладится, пока мы не отомстим. Пока виновные не потерпят должного возмездия, невинные не будут освобождены и не падет с них обвинение. Мы требуем все освобождения наших томящихся в злой неволе братьев. Говорят, у них были или они распространяли прокламации. Да у кого их не было? Кто их не распространял? Мы ничего в них, кроме правды, не видим. Нам говорят, что арестованы за то, что произносили политические речи. Но мы все были согласны с ними. Мы все говорили то же самое. Мы слушали, что по поводу 3 июня назначено следствие, будет суд. Но мы видим по началу, каков будет этот суд: пострадавшие томятся в заключении, их же обвиняют, виновники гуляют. Мы требуем настоящего суда над виновниками 3 июня, мы требуем открытого, гласного народного суда, при условии полной свободы устного и печатного обсуждения всего происшедшего. Иначе мы будем считать суд не судом, а комедией, шемякиным судом. Чувство обиды никогда не уляжется в нас. Никто из нас не поручится тогда за неприкосновенность насильников, за порядок и спокойствие.

Иваново-Вознесенская группа
Северного Комитета.

(На листовке охранкой помечено: «раздавал В. Белов».)

[Смирнов. «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.», стр. 49 — 51.]

Что такое «вольный социалистический университет» на р. Талке?

Как проводились собрания стачечников на речке Талке, что на этих собраниях говорилось и кто выступал? На эти вопросы проливает значительный свет жандармская переписка, основанная на информации филеров, провокаторов и шпиков, осведомленность которых о ходе стачки была поставлена в достаточной мере солидно. Ниже приводится целый ряд документов, скопированных из дела жандармской переписки о стачке 1905 г. [1]).

[1]) Все документы приведены по новой орфографии, но с сохранением всех логических особенностей текста.

Секретно.

Начальник Шуйского
Отделения.

На сходке рабочих 23 мая на реке Талке оратор не из числа рабочих, а приезжий, возбуждал народ против правительства, объясняя, что войну кровопролитную устроило именно правительство. «Кого они спрашивали? Крестьян вовсе не спрашивали, а требуют солдат из крестьян. Убытки падут на тех же крестьян. А разве мы японцам досадили или они нам? Нет. Между нами ничего этого не было. Долой эту кровопролитную бойню, долой и тех, кто осмелился это затеять во вред всем крестьянам».

Оратор Дунаев говорил, когда они ходили 23 числа на площадь: «когда фабриканты и начальство увидело, что мы идем так сильно, напором, то хотя и сказали нам, «уходите из города», но мы ничуть не струсили, а пошли под своими красными флагами и с песнями. Вы видите, как только мы пришли сюда на назначенное место, с которого не смеют согнать, так-называемая Талка, и вот, шлют нам бумагу о приглашении нас в город к фабриканту Дербеневу для переговоров о наших требованиях. Вот, товарищи, пока мы во время забастовки вели себя скромно и только лишь собирались на назначенном месте, — мы ничего не достигли, а как сегодня пошли на площадь, увидали нашу силу — вот, и струсили; а если мы пойдем на площадь и захватим с собой все необходимое для нас оружие, о котором я говорил вам уже не раз, чтобы вы заготовили, — тогда они совсем сдадутся на наши требования».

24 мая тот же оратор, который говорил и 23 числа, объяснял из полученного письма из Вьюжи о забастовке, что там все требования рабочих исполнены; «так и мы, если будем дружно вести забастовку, то получим все требуемое, вы видите теперь, кто о вас заботится: не мерзкое правительство, не эти жирные глоты фабриканты, а только Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии; вы сами теперь видите, что наша партия плохого не приносит, хотя нас и считают врагами всего государства, а враги те, кто управляет государством. Долой его!»

Оратор, мужчина, не из рабочих, малоросс по наречию, объяснял значение их «партии», чего добиваются и как этого достигнуть. «Прежде всего нужно выработать так-называемые прокламации, которые вы теперь рвете друг у друга из рук, а почему вы раньше так боялись их и в руки брать. Когда мы отработаем эти бумажки, то постараемся разбросать, чтоб не пропали даром. Когда знаем, что бумажки попали в руки, — стараемся разъяснить, к чему они клонятся. Кабы вы знали, под каким страхом мы все это делаем, с опасностью для своей жизни, все для улучшения вашей же жизни».

Несколько раз во время речи провозглашал «да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия».

Дунаев говорил толпе, что Дербенев пришедшим из города депутатам сказал: «разбирайтесь по фабрикам и просите, что вам нужно». Дунаев стал объяснять: «если вы разделитесь по фабрикам, то вас возьмут в руки, и вы не получите ничего. Но мы дали слово не распределяться по фабрикам до тех пор, пока не получим своих требований. А как вы думаете?» Тут все закричали, что на работу не пойдут. Дунаев добавил: «если мы так дружно будем бороться с врагами, то получим требуемое. Если мирным договором не возьмем, то силой, а своего добьемся». Все согласились продолжать забастовку.

23-го Дунаев показывал сторублевку, присланную комитетом для беднейших рабочих. Будто бы, Дунаев был переодет в костюм «приезжего из Москвы» и наоборот.

23-го прокламации раздавала женщина и предупреждала, что новые не готовы. Пели революционные песни.

Пастух может указать, где за городом печатаются прокламации. (Сведение это не проверено).

Вышеизложенное сообщено лицами, не вызывающими сомнения.

Кроме того, доношу, что я лично наблюдал нарастающее негодование общества на допускаемое явное безнаказанное сплочение народа к свержению Государя, о чем говорится открыто народу и пишется в прокламациях в таких выражениях, как «гнать царя и его родных». Возмущаются безнаказанностью и неопровержением газеты «Русское Слово», которая излагает, что «забастовка идет замечательно мирно, к ней примкнули сапожники, плотники и т. п.». Рабочие других городов, читая такие известия, не подозревают, какое делается насилие даже над честным трудом, чтобы заставить участвовать против воли в забастовке.

На сходках бывает много любопытных посторонних лиц. Рассказы их волнуют и возмущают общество, которое, вопреки происходящему, читает в «Русском Слове» насмешку, что на Талке под открытым небом читается народу курс «социологии» и по жадному вниманию толпы видно, что темному люду нужно «живое слово».

Между тем, ни для кого не секрет, даже для солдат, что «живое слово» открытая брань Государя, правительства, пение подлых песен, обман народа, развращение его, открытая раздача прокламаций революционных, но не экономического характера. Безнаказанность насилий толпы, врывающейся для разбойно-насильственных действий, также вызывает открытые нарекания на власти и подчеркивается именно наличностью в Иванове губернской власти в данное время.

Ротмистр Левенёп.

(Получено 25 мая 1905 г.)

Начальник Шуйского Отделения
Московско-Архангельского
Жандармск. Полиц. Управления
железных дорог.

29 мая 1905 года.
Г. Иваново-Вознесенск,
Владим. губ.

Секретно.

29 мая на сходке рабочих оратор высокого роста, с небольшой темно-русой бородой, говорил толпе: «Раньше полицеймейстер и инспектор по требованию нашему явились к нам на Талку, а теперь заявили, что ходить к нам не будут, «а если хотите, то присылайте к нам депутатов». Товарищи, ведь, это еще новый обман. Как эти мерзавцы нас обманывают! Попомним им, отмстим!»

(В толпе: «отомстим!»)

«Товарищи, мы говорили вчера полицеймейстеру, чтобы они выпустили арестованных ими наших ораторов, в особенности Степаненко, который приехал из Москвы, чтобы помочь нам. Они его арестовали, вырвали у нас самый сильный корень. Товарищи! Пойдемте на выручку своего товарища, который пал жертвою за всех нас. Пойдем всей толпой, заявим, что если не отпустят, — то мы пойдем вооруженным восстанием. Товарищи! Как нам быть? Всем итти толпой или послать депутатов? Со своей стороны, я думаю послать депутатов, пусть они скажут, что если не отпустят нам Степаненко, то толпа двинется в город».

Толпа согласилась, послали депутатов. Оратор продолжал: «Товарищи! Скажите всем жандармам и полиции, что кто хочет быть из них живым, пусть скидают мундиры и синие штаны, а то скоро окажутся трупами.

Товарищи! Вы читаете: «долой самодержавие». Под этими словами находится не только один царь, но и весь российский строй. Вы знаете, 9 января в Петербурге, когда шли с иконами и крестами к государю, выразить ему все, что у кого наболело, то их не допустили, их расстреливали. Проклятие им всем, кто стрелял в наших братьев. Проклятие им, кровопийцам».

Другой оратор, среднего роста, худощавый, говорил: «Товарищи, я вам говорил: соберемся плотной стеной под «красное знамя», а это вот что означает: вы видели, что в царские дни вывешивают флаги, сшитые из трех полотнищ, вверху белое, в середине синее, внизу красное. Вот это верхнее белое обозначает высшее правительство; среднее синее — это самые наши кровопийцы, фабриканты и чиновники, все эти наемные шкуры, которые нас давят, теснят; красное полотнище внизу — это и есть мы, и мы находимся под ними, под их управлением. Но вот, товарищи, мы и поднимаем красное знамя в знак того, что мы не хотим подчиняться этому мерзкому правительству, а хотим, чтобы правительство было из наших товарищей, и законы вырабатывались нашими выборными; тогда фабрики

перейдут в управление наших рук, тогда мы скажем кровопийцам, чтобы они шли работать вместе с нами и получать равную часть из вырученных денег. «Да здравствует свобода!» (В толпе: «да здравствует».) Товарищи, я еще раз повторяю: чиновников и полиции за нынешний год немного останется в Иваново-Вознесенске!»

Вышеизложенное, записанное возможно дословно, доношу Вашему Превосходительству.

Ротмистр (подпись).

Начальник Шуйского Отделения Московско-Архангельского Жандармск. Полиц. Управления железных дорог.

30 мая 1905 года.
№ 210.
Г. Иваново-Вознесенск, Владим. губ.

Секретно.

30 сего мая, на собрании рабочего класса близ реки Талки оратор (роста ниже среднего, одетый в пиджачный поношенный темно-коричневого цвета костюм, брюки на выпуск, в красной рубашке, обыкновенной фуражке черного цвета; лицо белое, небольшие усы, борода бритая, на вид около 25 лет) держал речь окружающей его публике. «Господа, просимое нами у хозяев, чего вам известно, не удовлетворяется, настояли бы мы на нем, но только мешают нам наши враги — это солдаты; теперь нагнато их много, нам с ними бороться очень трудно, да и мы теперь к этому не подготовлены, устроится немного наше дело, мы проработаем несколько времени, а войска, т.-е. солдаты, уйдут за это время, тогда мы возобновим свое дело и получим все то, что нам нужно. Согласны на это?» Все единогласно закричали: «будем покамест бастовать, впоследствии получим, что нам требуется, не просьбой, так силой».

Кончив речь, оратор слезает с возвышенного места. Из толпы выскакивает несколько человек мужского пола, садятся в кружок и под личным его руководством поют революционные песни по адресу императора и г. Трепова. По окончании песен бросаются опять в толпу и рассеиваются в оной. По окончании всего этого, собираются кучками отдельно по фабрикам и обсуждают свои интересы. По окончании расходятся по домам.

Речь Дунаева не записана.

Ротмистр (подпись).

Начальник Шуйского Отделения Московско-Архангельского Жандармск. Полиц. Управления железных дорог.

2 июня 1905 года.
№ 218.
Г. Иваново-Вознесенск, Владим. губ.

Секретно.

Господину Начальнику Владимирской губернии.

На сходке сегодня, 2 июня, первым оратором был «приезжий», скуластый, опять в черном пиджаке и шароварах, брюки на выпуск. О нем говорили-было, что это — рабочий от Смолякова, но сегодня говорят, что он — московский. Он говорил:

«Товарищи, хотя нам сходка здесь разрешена, но теперь хотят воспретить и уже печатают листки о воспрещении. Но мы будем сбираться где-нибудь на крестьянской земле или в лесу где-нибудь, но сходку делать будем». Не слышно было, что он говорил, когда отворачивался к толпе, но призывал о чем-то клясться. Многие достали револьверы и клялись. Револьверов подняли штук 40, может-быть, и больше. В чем-то клялись. Оратор говорил, что разрешенные сходки запрещены и остается помериться, чья сила возьмет. Оратор говорил: «будем избивать купечество, жечь полицейские участки».

После этого оратора вышел молодой, без бороды, с усами, в фуражке с зеленым бархатным околышем, развернул № 136 «Вечерней Почты» и читал о разрешении сходок, «а тут воспрещают». В это время в толпе закричали «шпион». Кого-то поймали, бросились бить. Второй раз его около водокачки били. Избитому говорил еврейского типа, хотя со светлорусой окладистой бородой, человек: «виноват ты или нет, — уходи отсюда, все равно мы тебя убьем», пальцем водил перед лицом и говорил резко. После замешательства этого запели песни. Пропели две песни «Доля моя, доля» и «Рабочая сила». Затем более 100 человек ушли в лес. Песнями руководил Дунаев.

Ротмистр (подпись).

А вот и другие ценные документы из архива жандармской охранки — записи речей ораторов-стачечников. Очевидно, среди бастовавших находились лица, сообщавшие о всех предположениях стачечников.

Сходка 14 июня.

Грачев Николай. Товарищи, мы были у губернатора, и он нам разрешил собираться здесь завтра и послезавтра, т.-е. на два дня.

Дунаев. Товарищи, а мы разве просили, чтобы собираться два дня? Нет, товарищи, мы не просили. Мы будем собираться здесь все время забастовки.

Грачев Николай. Потом вот еще что: губернатор сказал, чтобы в городе грабежей и поджогов не было. Я ему не дал договорить и сказал, чтобы у вас не было больше пуль и нагаек. Он замахал руками и не стал больше разговаривать. Товарищи, вчера мы просили вас подписаться на нашем заявлении, многие не подписались, потому что боятся, но это заявление очень важное: тут написано обвинение Кожеловского и требование выпустить арестованных наших товарищей. Так поэтому, кто вчера не подписал, подпишитесь сегодня, потому что вчера подписались три тысячи человек (к некоторым подходили, и они подписывались пять раз разными фамилиями, смеясь).

Дунаев. А вот тут люди говорят, что социал-демократы делают нам какую-то ловушку. Нет, товарищи, это неправда. Мы хотим освободить наших товарищей, которые сейчас томятся в тюрьмах за прокламации, мы хотим арестовать Кожеловского и судить народным судом.

Оратор-мальчик сразу сказал: «Долой самодержавие!» Далее говорил: «Я был в тюрьме. Расскажу вам, как было нам в тюрьме. В тюрьме было очень плохо. Мне передали туда газету и я узнал, что в Иванове забастовка продолжается. Мне стало известно, как тут пороли эти проклятые пьяные казаки, как стреляли с насыпи в людей, как наши братья потащили раненых, и их казаки стали пороть. Тогда у меня забилось сердце, и я хотел-было перелезть через стену, но стены были очень высоки; но я узнал, как тут боролись ивановские рабочие. Теперь вы, наверно, не боитесь этого слова «долой самодержавие» (рабочие кричат: «нет, не боимся»). Товарищи, наши братья сидят арестованными, нужно их освободить или нет? (рабочие кричат: «нужно»), но, ведь, вы вчера требовали, почему же их не освободили? (рабочие молчат). Есть ли у вас оружие? (рабочие кричат «нет»). Нужно вам запастись оружием, топорами, молотками и клещами. Если бы у меня был клинок, то я первый бы бросился на казаков. Проклятие им всем. Проклятие фабрикантам, правительству, самодержавию и всякой сволочи! Товарищи, я скажу, что тут пишут в этой газете («Русский Листок»). Товарищи, корреспондент и шпионы передают и пишут в газетах. Если он тут, так чтобы вышел и все шпионы чтобы вышли отсюда. Вот в этой газете пишут, что мы первые нарушили тишину и первые стали стрелять. Они говорят, что у казаков в винтовках не может быть свинцовых пуль, но, ведь, они могут стрелять из револьверов, а там пули свинцовые. Я этой газете не верю, я рву ее и вы, товарищи, рвите эти газеты» (рвут).

Оратор из Глинищева. Товарищи, мы не будем работать, если они не выгонят всех шпионов. У нас работа будет не работой, если наши братья будут томиться в тюрьмах. Мы будем требовать, чтобы над нами не издевались и не трогали нас. Нас разогнали и стреляли за то, что мы будто 2 июня обсуждали политические вопросы, но мы их обсуждали с первых же дней на площади. Мы обсуждали там все

вопросы, и политические и экономические. Нас тогда не трогали, потому что нас было много. Мы все организовались. Но в последнее время, когда нас стало меньше, они увидали это и не знают, как придраться, и вывесили объявление, чтобы на Талке не собираться, потому что мы обсуждали политические вопросы, а не экономические. Но мы все равно обсуждали все те вопросы, которые нам нужны. Нам нужно требовать свободы, чтобы над нами не издевались, как 3 июня. Мы требуем, чтобы могли собираться, когда нам нужно, чтобы не пугаться никакой сволочи и никакой полиции.

Пожертвование в пользу голодающих пришло от московских рабочих — 150 руб.

Полушин С. Н. дал своим рабочим 30 руб., а они передали в пользу голодающих.

Какой-то студент и на этой сходке передал ораторам какую-то бумагу.

Прокламации раздавались.

Сходка 15 июня.

Говорили два оратора.

Мишка Лакин объясняет рабочим, что был задержан на ст. Иваново и приведен в жандармскую комнату. У него был обнаружен револьвер, и это для него было очень плохо. Затем его отправили в полицию, где над ним издевались. Провозглашал: «проклятие жандармам и полицеймейстеру», «долой самодержавие и проклятие ему». (Все в ответ кричали, повторяя эти слова).

Советовал рабочим продолжать забастовку до 1 июля. Все соглашались. Читались прокламации.

2-й оратор, *Дунаев*, убеждал продолжать забастовку, так как у них есть хорошая поддержка.

— Сегодня нам прислали 260 руб. из Революционного Комитета, которые будут разделены неимущим. Будем бастовать до тех пор, пока фабриканты сами попросят нас работать.

Рабочие согласились продолжать забастовку.

Дунаев руководил песнями (между прочим, пели «Вперед, вперед, просыпайся рабочий народ»). Рабочие подписывались на какой-то бумаге.

Сходка 16 июня.

Дунаев (читал объявление фабрикантов). «Тут говорится, что если мы не пойдем работать до субботы, то не дадут нам того, что прибавили. Товарищи! Разве мы бастовали из-за 7 коп.? Мы им отдадим последние пиджаки, если им мало, но не пойдем работать из-за этой прибавки, какую нам прибавили. Мы лучше пойдем за старую цену работать, чтобы нам поправиться и снова забастовать. Мы скажем, что мы не из-за прибавки бастовали, а чтобы с нами обращались, как с людьми. Ведь, мы — люди, тоже есть хотим, мы требуем,

чтобы нам можно было дышать свободным воздухом, а у нас на фабриках и вентиляторов нет». Дальше объяснял о принадлежности земли всем, а не отдельным лицам.

Объяснял взаимную необходимость труда: ткача, крестьянина, каменщика... Все должны быть равны. Студент опять передавал ораторам прокламации для раздачи.

Мишка Грязновский. Товарищи, вам известно, что купцы вывесили объявление и говорят, что они отнимут сделанную прибавку. Но это — неправда, прибавка завоевана нами, и мы за это пролили кровь здесь на Талке. Если мы продержимся еще неделю, то они нам еще прибавят.

Глинищевский оратор. Я хочу вам кое-что сказать, но у меня болит голова. Все-таки кое-как я вам расскажу. Если бы купцы знали, что мы станем так долго бастовать, то с первого разу дали бы нам все мелкие требования, и, если бы знали, что будут терпеть миллионные убытки... Теперь они будут знать в следующий раз. Когда будет забастовка, то они скорее дадут все, что мы просим. Нам говорят попы, что надо покориться перед старшими и надо терпеть. Если нам на этом свете плохо, то на том свете будет хорошо. Нет, товарищи, это неправда и сплошное вранье. Нам нужно, чтобы и на этом свете было хорошо. Если мы будем бастовать и бастовать, то купцы не только не отнимут того, что дали, а дадут то, что мы требуем. Они говорят, что если мы придем работать до субботы, то они не упустят Нижегородской ярмарки. Они нагонят то, что упустили во время забастовки. Но если мы в субботу не выйдем на работу, то они не выполнят взятых заказов, поэтому нам нужно продержаться еще неделю, тогда они скорее сдадутся нам, потому что могут лишиться Нижегородской ярмарки, на которой получают доход на весь год. Во-вторых, они должны лишиться заказчиков».

Во время сильного дождя пели политические песни «Зимушку», «Вихри враждебные» и «Вставай, поднимайся, рабочий народ».

Сходка 17 июня.

Грачев Николай. Товарищи! Многие из вас ходят по городу и сбирают. Это не хорошо. Лучше, если кто нуждается, приходите сюда в кассу. Мы уже разделили 1.900 рублей и у нас есть еще 600 рублей.

Депутат-странник. Товарищи! Мы были вчера у губернатора и сказали ему, что будем собираться здесь на Талке все время забастовки. Он на это сначала поморщился, потом подумал и долго подумал, а потом сказал: «Собирайтесь, только до тех пор, пока я не объявлю вам, как было объявлено 2 июня». Так вот, товарищи, теперь нам можно опять собираться здесь. Теперь нам бояться нечего. Потом губернатор сказал: много у вас нуждающихся, я сам вижу, что каждый день ходят толпы человек по 20 — 30 по улицам и сбирают. Мы ему сказали, что это не наши рабочие сбирают, а те люди,

которые сбирали и до забастовки. Они и раньше не работали, а теперь пользуются случаем. У нас нуждающимся выдается из кассы.

Царский (оратор черный). Товарищи, многие из нас сбирают по городу, как-будто бы в пользу голодающих, а, между прочим, они прикарманивают деньги себе. Надо посмотреть, кто это собирает. Они набирают по 50 руб. и более и пользуются этим. Где бы им пришлось заработать в 5 месяцев. А между тем, они еще портят нашу забастовку, потому что враги наши видят, что народ сбирает. Они нам ничего не дадут. Вот еще народ подержится, и пойдет работать.

Дунаев. Я вам прочту письмо от муромских рабочих. Они нам пишут (читает): «Мы, муромские рабочие, благодарим вас, ив.-вознесенских рабочих, что вы бастуете твердо и стойко за рабочее дело. Но и мы, муромские крестьяне, начинаем бастовать. Мы сходимся из трех деревень в одну и говорим, что не будем платить оброков, и земля будет наша. А вы урядниками нам мешаете, а за это мы будем рвать вас всех. Мы уже одного земского начальника убили...». (Народ закричал: «Спасибо»).

Глинищевский оратор. Так вот, товарищи, купцы говорят, что если мы не пойдем на ту прибавку, которую они нам дали, то они отнимут и это. Потом говорят, что фабрики закроют до Покрова. Почему же они не закрывают? Почему они нам денег не дают? Это у них последняя уловка. Уже они не знают, чем нас пугать. Они видят, что мы ничего не боимся. Они уже пытались и нагайками, пулями, расчетом, объявлениями разными, шпионами и черными сотнями, но все ничего не помогает. Теперь вздумали «богами» нас пугать: дескать народ бога боится, а они уже и бога продают. Попы говорят: «нужно покориться, нужно потерпеть, а на том свете золотые горы будут». Нет, товарищи, нам нужно устраиваться, чтобы здесь было хорошо. Если они дадут нам здесь устроиться хорошо, то мы устроимся, а если будут отвечать нам пулями, то и мы ответим пулями. Поэтому у нас и в песне поется: «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки».

Товарищи! Вы остерегайтесь жандармов, не стойте с ними на станции или где-нибудь. Они вас выпытывают, чтобы после кого-нибудь взять. Почему они берут социал-демократов ночью и судят их одни, чтобы никто не видал? А потому, что если увидит народ, то он задаст!... А почему его отдельно судят, чтобы никто не видал? А потому, что его нельзя судить-то. Он правду говорит.

Дунаев. Товарищи, вот эта газета «Вечерняя Почта». За то, что в ней написано, ее правительство запретило выпускать (читает газету).

Товарищи, скажите своим товарищам, чтобы все пришли сюда. Мы узнаем, много ли у нас нуждающихся. Если немного, то пусть они скажут нам, а если много, то тогда лучше итти работать, подкормиться и опять забастовать.

Дунаев с какой-то нагайкой в руках запел песню про нагайку.

Нагайка, ты нагайка,

. . . . . .

Романовская шайка!

На сходке, еще в субботу 18-го, Дунаев говорил, что если кто желает работать, то пусть в понедельник, 20-го, собираются на Садовой и на Новой улицах и, если окажется более желающих работать, тогда примемся все работать. Сегодня, т.-е. 20 июня, желающие работать стали собираться на Садовой и Новой улицах, но вдруг явились забастовщики и с палками стали разгонять и даже бить. На сходке было решено послать депутатов к г. губернатору, предложить купцам, чтобы они вывесили объявление, что они думают, т.-е. последние их условия, или, как написано в объявлении у фабрикантов, что фабрики останавливаются до Покрова, то бы заплатили им по Покров. Но депутатов в город не допустили к губернатору.

Решено 21 июня итти по фабрикам и просить, чтобы выдавали или денег, если же не будут выдавать денег, то будут громить фабрики. Один из ораторов сказал, что, прежде чем итти, нужно поджечь два моста в городе, т.-е. Туляковский и Соковский, чтобы не могли приехать казаки. Прежде и теперь была подписка в книге у ораторов, чтобы судить полицеймейстера Кожеловского. Но некоторые говорят, что эта подписка: «долой самодержавие». Рабочие об этом не знают.

Сходка 19 июня.

Дунаев. Говорят, что фабрики встают до Покрова, а чем же эта толстокожая сволочь будет жить-то? Ведь, она живет покамест мы работаем, и они пользуются всеми благами. Если они закроют фабрики, то они закроют тот ручей, который к ним течет и течет и притекает до тех пор, пока мы не бросим работать. А как мы бросили работу, так у них все и стало. Ведь, им нужно же выдавать своих дочерей с 50 тысячами рублей, пристраивать куда-нибудь, да чтобы и они были жирны, как свиньи. Товарищи, у нас есть правительство, за чью сторону оно стоит? За нашу или за купеческую? (Народ кричит: «не за рабочих, а за капиталистов»). Почему же оно стоит не за нас, а за капиталистов? А вот почему, — потому что у чиновников тоже есть фабрики и если не у них, то у ихних родных. Если они будут стоять за нас, то их фабрикам должно быть то же, что и купеческим. Поэтому боремся мы не с капиталистами, а с теми, кто их защищает. Если купцы закроют фабрики в самом деле до Покрова, тогда мы пойдем все к государю. Все будет тогда в наших руках и фабрики, и земля, и железные дороги. Я прочитаю вам сейчас газету (читает, кажется, «Русское Слово», № 162).

Читал и говорил о флоте, о поставках в Порт-Артур и др. дефектах: присылке вместо лекарств камней, о недосылке сапог в должном количестве. Куда же остальные сапоги девались? Кто принимал

все это? Вместо солдат, пушек и снарядов поставляют на войну целые вагоны шампанского (обвинял Алексеева, Стесселя, читал и комментировал случай с офицерами, посетившими иваново-вознесенский публичный дом под охраной драгун).

Оратор-странник, молодой, но по виду старый. Прежде он дирижировал палочкой при пении преступных песен. Вчера, 18-го, ходил в Управу, где спорил с фабричным инспектором, говорил басню «Свинья под дубом». Он очень зол на правительство. Говорил на ту же тему, что и Дунаев.

Глинищевский оратор говорил о том, что не фабриканты кормят рабочих, а, наоборот, рабочие фабрикантов. Кончил речь: «долой эту сволочь — правительство».

Студент всегда вертится около ораторов и подает им прокламации. Был и сегодня, 19-го. Он имел голубой пакет, толстый, наполненный прокламациями.

Оратор черный (с бородой, имеет фамилию Царский). Подписей на каком-то заявлении (вероятно, о 3 июня и Кожеловском) собрано около 10 тысяч. Многие не знают, зачем требуют их подписаться и ставят кресты вместо подписей. Показываемая Дунаевым нагайка, потерянная, будто бы, в лесу казаком 3 июня и о которой Дунаев говорит: «нагайка, которая нас бьет», была им на кончике раздвоена и там оказался свинец. Очевидец нагайки говорит, что черенок ее имеет новый вид, а осмотренные у казаков нагайки никакого свинца не имеют и легко гнутся в концах. Полагает, что нагайку сделали нарочно, чтобы раздражать народ, как раздражают всякими способами против правительства.

18 июня, когда оратор Дунаев кончил песню о нагайке, то вскричал: «долой нагайку», а депутат, черный и смуглый, как цыган, лет 20-ти, крикнул в рифму: «долой романовскую шайку».

Депутат и Дунаев приходят на сходку раньше народа, часов в 9.

Дунаев хочет скрыться, так как какая-то женщина сообщила, что о нем спрашивали жандармы или полиция, должно-быть, для ареста. Поэтому Дунаева не пускают в Управу депутатом. Теперь у него больше сторонников, чем прежде. По окончании сходок, когда народ расходится, начинается какая-то вербовка осторожная, привлекают людей в кружок, политикантов, как выражаются на Талке. Это имеет успех. Народ вообще очень уверовал в депутатов и ораторов.

[Смирнов. «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.», стр. 52 — 64].

Сходки продолжаются.

Шифрованная телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 19 июня 1905 г.

Хотя в городе спокойно, но сходки за городом принимают противоправительственный характер, руководящая движением партия

рабочих держит в своих руках массу, ожидая только случая нового воздействия войсками, чтобы вновь начать бесчинства. Затрудняюсь запретить сходки в виду слабости войск, невозможности арестов главарей, могущих быть выпущенными прокуратурой. Депутаты забастовщиков с каждым днем все нахальнее предъявляют мне требования, до экономических вопросов не касающиеся. Убедительно прошу прислать лицо, облеченное большими полномочиями, могущее объединить деятельность всех ведомств, чувствуя себя не в силах. Вице-Губернатор не может меня сменить по причинам, сообщенным ранее.

Губернатор Леонтьев.

9. Красный террор.

Телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 22 июня 1905 г.

Сегодня со сходки рабочие вновь ходили по фабрикам для переговоров. Фабриканты уехали в Москву, боясь насилия. Уполномоченные отказывают удовлетворить требования рабочих, которые волнуются, не видя исхода переговоров. Порядок в городе пока не нарушается. Фабриканты телеграммой из Москвы просят охраны каждой отдельной фабрики войсками, в чем затрудняюсь по недостатку войск. Общая охрана города войсками строго поддерживается.

Губернатор Леонтьев.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 30, т. 2, 1905 г.]

Телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 23 июня 1905 г.

Сегодня толпа в шесть тысяч явилась ко мне с просьбой помочь скорейшим переговорам с фабрикантами, что я исполнил, пригласивши сейчас к себе всех заведующих фабриками, предложив им ускорить переговоры с рабочими, пользуясь их смирным настроением. Кроме того, телеграфировал в Москву. Толпа вела себя спокойно, но расходясь, на окраине города часть оной выкинула два красных, один черный флаги. Среди фабрикантов не замечается солидарности.

Губернатор Леонтьев.

Телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 24 июня 1905 г.

Сегодня утром оставил Иваново спокойным, днем в Иванове получен отказ фабрикантов прибыть в Иваново и вступить в переговоры с рабочими. К вечеру толпы народа грабят лавки, рвут телефоны, телеграфы, настроение толп злобное. Казачьи разъезды усилены, но прошу штаб прислать еще две сотни казаков. Вице-Губернатор болен. Решился пока остаться во Владимире.

Губернатор Леонтьев.

Шифрованная телеграмма Товарища Министра Внутренних Дел, Заведывающего Полицией, Начальнику Владимирского Жандармского Управления, от 27 июня 1905 г.

Возлагаю на Вашу личную ответственность выяснение и арестование агитаторов рабочих масс в Иваново-Вознесенске. Требую полной энергии.

Товарищ министра Трепов.

---

10. Способы подавления стачки.

Телеграмма Министру Внутренних Дел из Иваново-Вознесенска, от 25 июня 1905 г.

Жители города Иваново-Вознесенска находятся в полной власти произвола анархистской партии рабочих и очутились поэтому в безвыходном положении. Начались не только массовые грабежи, — разграблено свыше тридцати лавок и магазинов в продолжение одной ночи, — но и поджоги. Грабежи производятся в присутствии казаков, на виду у всех жителей, с небывалой наглостью. То количество войска, которым располагает полицеймейстер, недостаточно для водворения мира и порядка. Жители города обращаются к Вашему Высокопревосходительству с настоятельной просьбой притти к ним на помощь. Городу грозит полный разгром и в недалеком будущем голод и убийства. Были случаи стрельбы грабителями по владельцам, охраняющим имущество. В течение семи недель происходят ежедневные сходки рабочих, не ради экономического, а чисто-политического вопроса. Процессии с флагами красными и черными и непристойными на оных надписями — не редкость. Анархия царит во всей силе. Поджоги граждан, насилие происходит периодически. Жители посада города Иваново-Вознесенска в страхе и ужасе. Вла-

сти бездействуют. Официальные сведения о том, что рабочие держат себя смирно, чистейший вымысел. Убедительнейше просим Ваше Высокопревосходительство немедленно нас защитить. Паника полнейшая. Жители бегут из города.

(Следуют подписи «граждан города»).

Шифрованная телеграмма Товарища Министра Внутренних Дел Владимирскому Губернатору, от 27 июня 1905 г.

Не вмешиваясь в договорные отношения рабочих и фабрикантов Иваново-Вознесенска, о каковых отношениях должно быть вывешено к сведению рабочих объявление, настоятельно рекомендую Вашему Превосходительству не допускать сходок на Талке или других местах. Порядок надлежит восстановить во что бы то ни стало, а равно охранять все фабрики, промышленные и торговые заведения и частные владения. При всякой попытке к нарушению порядка принимать все меры репрессии, предоставленные положением усиленной охраны. При неуспехе передать власть военному начальству на предмет восстановления и поддержания порядка силою оружия; нахожу, что дальнейший произвол и беспорядки недопустимы. Если встретится затруднение в наряде войск, сообщите командующему войсками, потребовав от него необходимое количество. Желательно, чтобы распорядительные действия исходили непременно от Вас.

Товарищ Министра Трепов.

Телеграмма фабрикантов Владимирскому Губернатору.

В ответ на телеграмму Вашего Превосходительства имеем честь довести до Вашего сведения, что никакой платы за время забастовки, никаких дальнейших уступок и прибавок, кроме сделанных нами, кончая четырнадцатым июня, мы сделать не можем. Не можем также согласиться, чтобы условия договоров о найме при поступлении рабочих вновь на фабрики зависели от мнения руководителей забастовки или депутатов, бывших рабочих, поэтому считаем какие-либо переговоры с депутатами невозможными. Руководствуясь этим окончательным нашим решением, мы в Иваново не вернемся до начала работ, которое зависит теперь только от согласия рабочих вновь поступить на фабрики на предлагаемых нами условиях. (Следуют подписи фабрикантов).

Шифрованная телеграмма Департамента Полиции Владимирскому Губернатору, от 27 июня 1905 г.

Многие жители и фабрики Иванова-Вознесенска обращаются к Товарищу Министра, Заведывающему Полицией, с просьбой о защите и охране собственности от бастующих рабочих. Жандармский офицер сообщает 25 июня, что руководителями провозглашена революция с избиением властей и чиновников. Войск мало. Жители беззащитны от дневного грабежа и разгрома. Телеграфируйте для доклада Генералу Трепову, приняты ли меры к восстановлению порядка, удовлетворено ли ходатайство об усилении войск, вообще, что сделано для прекращения невозможного положения. Его Превосходительство предлагает покончить с этим злом во что бы то ни стало.

За директора Рачковский.

Городская буржуазия против рабочих.

27 июня 1905 года домовладельцы и торговцы гор. Иванова-Вознесенска, собравшись в помещении городского общественного управления, совещались по поводу прискорбных событий, явившихся последствием забастовки рабочих на местных фабриках и заводах. События эти, возникнув на экономической почве и продолжаясь в течение более полутора месяцев, в последнее время приняли характер, угрожающий имущественному достоянию и личности всего городского населения. Разгром лавок среди белого дня, на глазах многочисленной публики, поджоги как в самом городе, так и в окрестностях, открытые угрозы и вымогательства при всяком случае — поселили в жителях панический страх перед искусно организованными партиями, среди которых, по всему вероятию, отбросы фабрик занимают первое место. Переговоры рабочих с их хозяевами, при посредстве Начальника Губернии и чинов фабричной инспекции, не привели, как известно, ни к каким результатам. Владельцы фабрик в большинстве выехали из города, уклоняясь, таким образом, от дальнейшего участия в разрешении рабочего вопроса и не дав себе, к сожалению, труда хотя бы подумать о том положении, в какое поставляется прочее население города в обществе 40 тысяч фабричных рабочих, оставшихся без заработка и, стало-быть, без средств к существованию. Усиленная охрана города, организованная Губернатором, оказалась в самом начале бессильною предотвратить беспорядки и преступления, и теперь не внушает доверия в том, что имущество и жизнь граждан

находятся в полной безопасности. Там, куда не проникает полицейская власть, где происходят сборища, — там совершенно свободно намечается хулиганами (назовем этим именем всех участвующих в грабежах и поджогах), — намечается, так-сказать, программа занятий следующего дня: разгромить такие-то помещения, сжечь или уничтожить. При таких условиях не представлялось возможным предотвратить возмутительные факты насилия; становится очевидным, что благополучию многих угрожает неминуемая опасность. Мы знаем, каким могучим двигателем является голод, понимаем хорошо, на что могут пойти голодающие. Для нас безразлично, действуют ли рабочие по собственному побуждению, добиваясь лучших условий жизни, или же сохраняют боевое положение под влиянием агитации, но мы не можем не сознать (на что, между прочим, указывает и продолжительность забастовки), что семена, брошенные из того или другого источника, встретили благоприятную почву и получают дальнейшее развитие. Для нас ясно, что такое движение, если и будет подавлено силою, в скором времени обнаружится вновь и обнаружится с большой интенсивностью. Поэтому без тревоги за будущее можно будет жить лишь тогда, когда мирные отношения между хозяевами и рабочими восстановятся путем добровольного соглашения, основанного на осуществлении справедливых требований той и другой стороны.

Для этого необходимо добиваться, чтобы местные фабриканты и заводчики заняли твердое положение в настоящем рабочем движении и в действиях своих, направленных к прекращению забастовки, проявили полную солидарность. Их следует, по нашему глубокому убеждению, обязательно привлечь к окончательному разрешению конфликта, возникшего между ними и их рабочими. И мы надеемся, что Городская Дума, как представительница интересов всего городского населения, употребит с этой целью все зависящие от нее средства, обратившись, если это будет нужно, к содействию высшей Правительственной власти, вместе с тем немедленно примет меры к тому, чтобы на будущее время имущество и безопасность жителей были в достаточной степени гарантированы от преступных покушений. Весьма возможно, повторяем, что затихшая на-время гроза разразится с новою силой, и перед нашими глазами опять пойдет картина дикого произвола и насилия. Слухи о том, что не сегодня — завтра рабочие станут на работу, не вносят успокоения: они не служат показателем того, что рабочее движение кончено, ибо конец этот наступит только тогда, когда причины неудовольствия будут устранены самым решительным образом.

Пусть же Городская Дума не отнесется пассивно к постигшей город беде и сделает, что может, для восстановления нормального течения жизни и успокоения населения, возвысив свой голос в защиту законности и порядка.

Настоящий протокол представляем в Городскую Думу для немедленного доклада Городской Думе.

(Следуют подписи).

Городская Дума против рабочих.

Определение Иваново-Вознесенской Городской Думы за 30 июня 1905 года.

Заступающий место Городского Головы, высказав уверенность, что опасное положение городского населения вследствие забастовки рабочих, сопровождающейся актами грубого произвола и насилия, достаточно известно каждому из присутствующих, предложил выслушать и обсудить поступившую к нему петицию от жителей города, из содержания которой явствует, в каком напряженном состоянии находятся городские обыватели благодаря совершившимся и могущим возобновиться прискорбным событиям.

Постановлено: Вполне соглашаясь с взглядами, выраженными в протоколе домовладельцев и торговцев от 27 июня сего года, и вместе с тем убеждаясь в том, что опасность от последствий забастовки не миновала и требует особого к себе внимания и принятия чрезвычайных мер, — Городская Дума определяет:

1. Так как радикальным средством против забастовки может служить единственно устранение причин недовольства рабочих, то следует признать, что без участия фабрикантов удовлетворительное решение рабочего движения не представляется возможным, ибо мерами репрессий цель не достигается.

2. В виду этого представляются достаточные основания предполагать, что и при возобновлении работ на фабриках нельзя считать опасность повторения тех же событий миновавшею, — и, стало-быть, необходимо сохранить еще на неопределенное время существующую усиленную охрану.

3. Исходя из приведенных выше положений, следует, во-первых, копию с протокола жителей от 27 июня и настоящего определения послать г.г. фабрикантам, прося их принять со своей стороны зависящие меры к прекращению рабочего движения, и, во-вторых, те же бумаги представить Г. Начальнику Губернии, прося содействия Его Превосходительства к немедленному разрешению конфликта, возникшего между фабрикантами и рабочими, не лишая до того времени городского населения той охраны, какая существует в городе в настоящее время.

---

11. Ликвидация забастовки.

Помощник начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления в Шуйском уезде.

27 июня 1905 г.
№ 965.
Г. Иваново-Вознесенск. Владимирской губ.

Секретно.

В дополнение к депеше от сего числа, доношу Вашему Превосходительству, что 27 сего июня в г. Иванове-Вознесенске и окрестностях совершенно спокойно. Город пришел к мирному обыденному течению жизни. Столкновений с полицией и войсками не было.

На сегодняшнем сходбище рабочих на реке Талке — около 2.000 человек — принято решение: приступить к работам с 1 наступающего июля и прекратить беспорядки и грабежи в городе и окрестностях, таким образом, на вчерашней сходке последовала ликвидация Иваново-Вознесенской забастовки. Предположено лишь бойкотировать фабрику Дербеневых, к коей стачечники относятся с особенным озлоблением, и не поступать, по возможности, на работу на таковой.

Фабриканты, выехавшие из Иванова-Вознесенска в Москву во время забастовки, ожидаются возвращением 29 сего июня для вступления в личные переговоры с рабочими о приступе к работам.

Приложение: копия заявления на имя Старшего Фабричного Инспектора г. Свирского.

Ротмистр (подпись).

Копия.

Старшему Фабричному Инспектору Владимирской губернии.

Общее собрание бастующих рабочих, собравшись на р. Талке, постановило заявить г.г. фабрикантам через Старшего Фабричного Инспектора, г. Свирского, следующее:

В виду действий правительственной администрации, явно направленных всецело на защиту фабрикантов и против рабочих, что, между прочим, выразилось в избиении наших голодающих товарищей, пришедших за помощью в отделение Общества Потребителей, в виду того, что в город прибыло большое количество войск, в виду того, что 47 дней забастовки истощили наши силы, повторяем, что все эти условия мешают нам продолжать стачку, на основании всего этого мы заявляем, что с 1 июля мы решили стать на работу с тем, чтобы, подкрепив свои силы, вновь начать борьбу за свои права и те требования, которые нами предъявлены фабрикантам в начале забастовки 12 мая 1905 года. «Талка». Общее собрание рабочих. 27 июня 1905 года, 2 часа дня.

Секретарь Грачев.

12. Непримиримость фабрикантов.

Выписка из секретного письма Владимирского Губернатора товарищу Министра Внутренних Дел Трепову, от 5 июля 1905 года.

Забастовка в гор. Иваново-Вознесенске 12 мая первоначально возникла на экономической почве, так как материальное положение рабочих и оборудование фабрик по сравнению с другими фабричными районами и прочими фабриками губернии стоит гораздо ниже (средний заработок, дороговизна жизни в городе, квартирный вопрос и многое другое). Ивановские фабриканты, благодаря успешному и быстрому развитию промышленности в городе, в течение последних 30 лет крайне легко нажили себе громадные состояния и привыкли, благодаря пришлому контингенту рабочих, смотреть на них, как на безответную и исключительно от них зависимую рабочую силу. Не имея экономической и нравственной связи со своими рабочими, ивановские фабриканты, почившие на своих лаврах и на убеждении своего всесилия, были всегда менее предупредительны (за исключением некоторых) в улучшении быта своих рабочих и потому всегда были лакомым кусочком для происков социал-демократической партии и агитаторов из самих же рабочих.

Современная печать и возвращение всех прежде высланных из гор. Иванова-Вознесенска бывших поднадзорных не могли не способствовать успеху агитации и подготовке сплоченности рабочих при предъявлении ими своих требований.

Главной своей целью я поставил избегать кровопролития, чтобы тем не дать антиправительственной печати пищи для одностороннего и вредного истолкования фактов не в пользу действий Правительства, как то произошло во время последних событий в Лодзи, Варшаве, Одессе и других местах.

Вспышка 3 июня, при тогдашней малочисленности войск, могла повлечь за собой разорение всего города, и я был убежден, что желающих работать было больше, и рассчитывал, что большинство благоразумных одержит верх. Это-то и было главной причиной разрешения мною сходок на р. Талке, тем более, что невозможность рабочих сговориться относительно ликвидации стачки повлекла бы за собой рассеянность толпы, за которой трудно было бы следить. Хотя этот период продолжался долго, но, тем не менее, агитаторы постепенно теряли под собою почву и для того, чтобы не потерять окончательно своего влияния, взяли на себя инициативу начала работ 1 июля.

Губернатор Леонтьев.

Телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 4 июля 1905 г.

Три фабрики, в количестве 1.333 человек, работают, остальные распоряжением фабрикантов закрыты до согласия рабочих принять условия отсутствующих фабрикантов, против которых заметно озлобление рабочих. В городе и окрестностях спокойно.

Губернатор Леонтьев.

Телеграмма фабрикантов Товарищу Министра Внутренних Дел, от 7 июля 1905 г.

Считаем необходимым доложить Вашему Превосходительству, что настроение бастующих рабочих с каждым днем обостряется, выражаясь в предъявлении возрастающих невыполнимых требований и угрозах заведывающим и старшим служащим фабрик, вынужденным оставить места их службы и выехать из Иванова-Вознесенска. Предусматривая, что текущая забастовка, утратившая какой-либо экономический характер, может проявить себя в ближайшем будущем новыми погромами населения и другими грозными спутниками волнений, при чем существующая охрана фабрик войсками может оказаться недостаточной, мы берем на себя смелость высказать наше мнение, что только немедленное удаление руководителей забастовки и решительные административные меры могли бы обеспечить жизнь и спокойствие живущих в городе лиц и тем содействовать восстановлению работы фабрик. Представители иваново-вознесенских промышленных предприятий товарищества Ивана Гарелина, Куваевской, Никанора Дербенева, Гандуриных, Витовой, Зубковых, Полушиных, иваново-вознесенской ткацкой Бакулина, Петра Дербенева, торгового дома «Никона Гарелина сыновья»: Маракушев, Фокин, Гандурин, Новиков, Бурылин, Ямановский.

Шифрованная телеграмма Владимирского Губернатора от 11 июля 1905 г.

Несмотря на выставленное объявление о закрытии фабрик 12 июля, некоторые фабриканты прислали сегодня из Москвы своим доверенным инструкцию возобновить переговоры с депутатами рабочих своей фабрики; рабочие продолжают настаивать на требованиях, но стремления стать на работу незаметно; в возможность закрытия фабрик рабочие не верят. Мнение фабрикантов о необходимости удаления руководителей забастовки считаю пока невыполни-

мым, в виду сплоченности рабочих и могущей последовать вспышки; эта мера противоречила бы циркуляру 21 апреля № 4760. В городе спокойно; еду во Владимир, поручив наблюдение Владимирскому Полицеймейстеру Иванову.

Губернатор Леонтьев.

Начальник
Владимирского Губернского
Жандармского Управления.

14 июля 1905 г.
№ 4695.
Г. Владимир.

Секретно.

В дополнение к донесению моему от 12 июля за № 4693 имею честь доложить Департаменту Полиции, с представлением выработанной фабрикантами инструкции, что рабочие к работам на фабриках 11 сего июля не приступили и, собравшись перед фабриками, категорически заявили, что на условиях, предложенных фабрикантами, на работы не станут.

Кроме фабрик, поименованных в донесении моем за № 4516, работали 11 сего июля заводы Лепешкина, Константиновых и Дьяконова. Рабочие ведут себя спокойно, и порядок в городе и окрестностях не нарушается.

Полковник Бурков.

Инструкция фабрикантов.

Руководство для гг. Заведывающих фабриками Куваевской Мануфактуры.

Если рабочие придут к воротам фабрики 11 числа с. м. с заявлением о желании работать, что подтвердит фабричный инспектор, в фабрику без разговоров не пускать, с толпой не говорить, потребовать, чтобы выбрали 5 — 7 человек, и говорить с ними в конторе, в присутствии должной охраны. Это делается с целью освободить заведывающих от впечатлений толпы и дать им некоторую гарантию личности. Переговоры с выборными от рабочих должны выяснить следующие вопросы: согласны ли рабочие работать по бывшему до забастовки распределению рабочего времени, согласны ли отказаться от требований немедленного увольнения служащих и рабочих, а в случае несогласия их, обещать расследовать предъявленные к этим лицам претензии рабочих в течение месяца, по возвращении хозяев на фабрики. Заведывающие же и их заместители ни в коем случае уволены не будут. При ответе выборных от рабочих, что они не могут решить, приступать ли на этих условиях к работе, предупредить их, что ответ рабочих должен быть получен 11-го же, хотя бы и вечером. Если же ответ 11-го получен не будет, то 12-го заведывающий не может пустить фабрику, не спросив правление

телеграммой в Москву, и решение пускать или не пускать фабрику будет зависеть не от него. Так же поступать 12-го или позднее, и без спроса фабрику не пускать. На вопросы, будет ли уплачено сколько-нибудь за время забастовки или квартирные деньги, должен быть дан определенный ответ, что ни в каком случае не будет сделано ни того, ни другого. Относительно выдачи денег определенно объявить, что немедленной выдачи денег под работу сделано не будет, но, принимая во внимание положение рабочих, будет выдаваться заработанное за истекшую неделю в первые четыре субботы. Предоставляем усмотрению угрожаемых служащих ходить или не ходить первое время на фабрику. Нарушение рабочими условий работы в распределении времени работы и другие нарушения сообщать немедля фабричному инспектору и срочной телеграммой в Москву. Распоряжение о прекращении работ и закрытии фабрики будет дано отсюда. Все сделанные по 14 июня включительно уступки и прибавки к жалованию и заработку остаются в силе. В случае предъявления частных требований, не отказываться обсудить их и сообщить сюда. В случае предъявления новых требований общего характера до пуска фабрики в ход выслушать их, сообщить фабричному инспектору и сюда и на фабрики не пускать. В случае предъявления же требований после пуска фабрики в ход, сообщить их сюда и ждать ответа, продолжая работать.

Копия с депеши Командующему Корпусом Жандармов, от 18 июля 1905 г.

Сегодня рабочие, собравшись по всем фабрикам, заявили согласие приступить к работам, заключить наем на прежних условиях, с сохранением прибавок и льгот, обещанных особыми объявлениями, отказавшись требовать увольнения служащих и рабочих фабрики.

Ротмистр Шлегель.

Ответ рабочих.

Старшему Фабричному Инспектору Владимирской губернии г. Свирскому.

Заявление.

Бастующие рабочие и мастеровые Иваново-Вознесенских фабрик и заводов сим заявляют, что по весьма понятным причинам, не имея возможности дальше продолжать стачку, решили приступить к работам на всех фабриках единовременно — 18—19 июля с. г., на тех условиях договора о найме, который обозначен в расчетных книжках, действующих с пасхи 1905 года, с добавлениями, уступ-

ками и льготами, полученными от фабрикантов по 15 июня с. г. включительно, утвержденными Старшим Фабричным Инспектором Владимирской губернии, с теми 2-мя удостоверениями г.г. фабрикантов, в которых они (фабриканты) просят фабричн. инспектора заявить рабочим, что ни депутаты и вообще никто за забастовку уволен не будет. Уступки же, сделанные по 15 июня, — как-то: 1. Расценки — остаются без изменения круглый год (от пасхи до пасхи). 2. а) Работающим сдельно — увеличение платы на 10%. б) Получающим от поденно или помесячно — свыше 25 р. в месяц,— на 7%. в) Получающим от 12,5 до 25 р. в месяц включительно — на 1 р. 50 к. в месяц. д) Получающим до 12 р. в месяц — на 1 р. 25 к. в месяц. 3. Плата за больничные билеты возмещается в продолжение года, по 6 коп. в месяц, той фабрикой, где работает владелец билета. 4. Женщины по случаю родов освобождаются на 1 месяц, с выдачей от конторы 3 руб. сверх выдачи из штрафного капитала. 5. Обыски женщин должны производиться женщинами же. 6. Безусловно вежливое обращение фабричной администрации с рабочими, — должны, утвержденные фабричной инспекцией, быть вывешены до начала работ на видных местах в фабричных помещениях.

Депутатское собрание. Секретарь Грачев.

Иваново-Вознесенск, 17 июля 1905 года, 3 часа дня.

— —

Фабриканты требуют паспорта.

Телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 19 июля 1905 г.

Старший Фабричный Инспектор и Полицеймейстер телеграфируют из Иванова, что группы бастующих рабочих все желают работать немедленно, но фабриканты настаивают, чтобы рабочие получили из полиции паспорта и приносили в конторы, как при новом найме. Заведывающие видят намерение фабрикантов не принимать некоторых агитаторов-депутатов, вопреки обещанию принять всех. Неисполнение обещаний может вызвать серьезные осложнения. Рабочие от получения паспортов отказываются. Прошу содействия Вашего Превосходительства относительно фабрикантов.

Губернатор Леонтьев.

— —

Шифрованная телеграмма Департамента Полиции Владимирскому Губернатору, от 20 июля 1905 г.

На телеграмму 1 июля уведомляю, согласно приказанию Товарища Министра, Заведывающего полицией, на фабрикантов оказано давление Министром Финансов.

За директора П. Рачковский.

Министр Финансов. Доверительно.

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 16 сего июля за № 8984, при коем препровождена на мое распоряжение копия определения Иваново-Вознесенской Городской Думы от 30 минувшего июня по поводу забастовки местных фабричных рабочих, сопровождавшейся беспорядками и насилиями над личностью и имуществом местных жителей, считаю своим долгом довести до Вашего сведения о всем, предпринятом мною до сего дня к улажению конфликта между Иваново-Вознесенскими фабрикантами и их рабочими, при чем нахожу необходимым заметить, что положение дела в Иванове-Вознесенске представлялось и представляется мне до сих пор внушающим опасения.

Получив телеграфное сообщение Владимирского Губернатора о том, что большинством фабрикантов объявлено рабочим о намерении закрыть фабрики до 1 сентября, если рабочие до 11 июля не станут на работу на предложенных хозяевами условиях (телеграмма от 6 сего июля), и зная из донесения только-что возвратившегося из Иванова-Вознесенска командированного мною туда фабричного ревизора Коллеж. Сов. Варзара, что сделанные фабрикантами некоторые уступки на требования рабочих совершенно не удовлетворили последних, — я признал необходимым сделать новую попытку склонить фабрикантов к явке в Иваново-Вознесенск для личных переговоров с рабочими, для чего и командировал в Москву Управляющего Отделом Промышленности Тайн. Советника Лангового и отправил в Москву представителям Иваново-Вознесенских промышленников 8 сего июля телеграмму следующего содержания:

«В виду упорно продолжающейся забастовки в Иванове-Вознесенске, причиняющей огромные убытки предпринимателям, рабочим и русской промышленности, я покорнейше прошу вас совместно с другими промышленниками обсудить вопрос о том, не следует ли им объявить рабочим, что, несмотря на сделанное ими заявление о прекращении работ до 1 сентября, они не встречают препятствий вступить в непосредственные переговоры с рабочими, для чего и прибудут в Иваново-Вознесенск в назначенный день. Для обсуждения этого вопроса совместно с фабрикантами мною командируется в Москву Управляющий Отделом Промышленности, который прибудет в воскресенье утром».

Вследствие переговоров с Управляющим Отделом заводовладельцы сделали распоряжение заведывающим фабрик выяснить чрез выборных от рабочих, согласны ли рабочие работать по бывшему до забастовки распределению времени и согласны ли отказаться от требования немедленного увольнения служащих и рабочих, при чем сообщить последним, что ни выдачи заработка за время забастовки, ни уплаты квартирных денег ни в коем случае сделано

не будет. В случае предъявления со стороны рабочих частных требований, заведывающим предписано не отказываться обсудить их, не прерывая работ, при новых же требованиях общего характера, выслушав их, фабрик в ход не пускать.

18 июля мне было донесено Старшим Фабричным Инспектором Владимирской губернии, что фабриканты, не довольствуясь уведомлениями инспекторов о согласии рабочих приступить к работам на обещанных условиях, требуют письменных об этом заявлений от рабочих каждого отдела, каковое требование вызывает новое неудовольствие рабочих. Получив затем некоторые дополнительные сведения, я 20 сего июля сделал последнюю попытку склонить фабрикантов к начатию работ без требования излишних формальностей со стороны рабочего населения Иванова-Вознесенска. Телеграмма моя от указанного числа была составлена в нижеследующих выражениях:

«Мною получены сведения как от Старшего Инспектора, так и от Владимирского Губернатора о том, что ивановские рабочие желают приступить к работам на прежних условиях, но что задержкою к возобновлению работ послужило, во-первых, требование со стороны фабрикантов письменного заявления о согласии работать на прежних условиях, во-вторых, требование, чтобы рабочие получили паспорта в полиции и приносили в конторы, как при новом найме, в чем рабочие усматривают намерение фабрикантов не принять некоторых из бывших рабочих, а это противоречит обещанию принять всех, сделанному фабрикантами 9 июня и по их просьбе объявленному Старшим Инспектором рабочим. Кроме того, Старший Инспектор присовокупил, что заведующие некоторых фабрик, вопреки многократным обещаниям принять всех рабочих, заявляют, что наем будет произведен по выбору, а эта угроза может вызвать крупные осложнения.

В виду сих сообщений, из которых усматривается, что рабочие готовы приступить к работам на обещанных им условиях, и признавая настоятельно необходимым в интересах промышленности, рабочих и местного населения восстановление мирного течения промышленной жизни в Иванове, о чем меня просит также Товарищ Министра Внутренних Дел, я считаю долгом еще раз убедительно рекомендовать фабрикантам не усугублять тяжелого положения дела препятствиями формального свойства и принять все зависящие от них меры к немедленному возобновлению работ на фабриках и заводах Иванова. Ожидаю ответа».

На таковую мою телеграмму ответа со стороны фабрикантов г. Иванова-Вознесенска еще не последовало.

В. Коковцев.

21 июля 1905 г.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 3, 4 д-ство, стр. 11 — 12.]

Министр Финансов. Доверительно.

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

В дополнение к письму моему от 21 сего июля за № 360, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что мною 22 июля получена, в ответ на упоминаемую в названном письме мою телеграмму, нижеследующая депеша представителей Иваново-Вознесенских промышленников:

«В ответ на телеграмму Вашего Превосходительства имеем честь доложить, что заявление о желании приступить к работам исходило не непосредственно от рабочих, а было сделано словесно руководителями забастовки; довериться такому заявлению мы не могли в виду неудачной попытки начать работы на фабриках 2 июля, сделанной на основании такого же заявления. Желая проверить мнение по возможности большего числа рабочих, мы дали распоряжение заведующим фабриками предложить рабочим подать заявление о желании работать за подписью хотя нескольких рабочих от каждого отдела фабрики и на основании его произвести опрос и предварительную запись рабочих. Это предложение вызвало на некоторых фабриках протесты только руководителей забастовки, но не всех рабочих. В данное время предварительная запись происходит почти на всех фабриках, количество записавшихся рабочих дает возможность с утра 22-го пустить некоторые фабрики в ход. Сообщение фабричного инспектора и губернатора о решении нашем принимать рабочих по выбору безусловно неверно, — решено при найме брать всех; заведующий одной фабрикой, действительно, предлагал производить наем по выбору. Выдача паспортов фабричной полицией при фабриках в начале вызвала протест тех же руководителей, но теперь производится, не вызывая никаких затруднений или протестов. Смеем уверить Ваше Высокопревосходительство, что, побуждаемые единственным желанием возможно скоро восстановить работу фабрик, мы принимаем все зависящие от нас меры, встречая, к сожалению, вместо того содействия, на которое могли бы рассчитывать, одностороннее осуждение наших решений, а иногда противодействие губернского начальства и фабричной инспекции, принимающей мнение руководителей забастовки за мнение всех рабочих. По поручению находящихся здесь владельцев иваново-вознесенских промышленных предприятий Гарелин и Полушин».

В. Коковцев.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 3, 4 д-ство, 1905 г., стр. 44.]

Телеграмма фабрикантов Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

Имеем честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что настроение рабочих Иваново-Вознесенских фабрик, ставших на работу около недели тому назад, после двух дней относительно спокойной работы с каждым днем ухудшается; при подстрекательстве со стороны руководителей забастовки, рабочие угрозами, а за последние два дня насилием [удаляют], многих нежелательных им мастеров и лиц фабричной администрации, при каковых условиях фабричная работа становится невозможной. Виновные в насилиях и подстрекательстве остаются совершенно безнаказанными, поощряя рабочих к таким же дальнейшим действиям; войска слишком поспешно уведены из города, что, несомненно, оказало вредное влияние на настроение рабочих, а при могущих произойти осложнениях как город, так и фабрики останутся без всякой охраны. Будучи вполне убеждены и имея веские доказательства, что сделанные нами предельные уступки на почве экономической не могут в данное время восстановить нормальную работу фабрик, мы обращаемся к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой обеспечить охрану присылкой достаточного количества войск и, по возможности, немедля приказать удалить вредно влияющих и позволяющих себе насилие лиц, так как эта мера является единственной, при которой можно рассчитывать на восстановление правильной работы фабрик.

Владельцы Иваново-Вознесенских промышленных предприятий: Гарелины, Зубковы, Фокин, Витов, Полушин, Дербенев, Гандурины.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 3, 4 д-ство, 1905 г., стр. 73.]

13. Положение на фабриках после ликвидации летней забастовки.

Стали на работу

Телеграмма Владимирского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 25 июля 1905 года.

В Иванове работают все фабрики — 22.695 рабочих, кроме Бакулина, на предложенных фабрикантами условиях, с соблюдением старых правил внутреннего распорядка. Комплект рабочих еще не полный, и фабриканты еще не возвращаются. В городе и окрестностях спокойно. Сегодня в Шуе забастовали ткачи фабрики Павлова, спокойно.

Губернатор Леонтьев.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, 4 д-ство, 1905 г., стр. 36.]

Копия.

Список

фабрик и заводов, работающих в городе Иваново-Вознесенске 25 июля 1905 года.

№№	Количество рабочих.	№№	Количество рабочих.
1. Грязнова.	1450	17. А. Бакулина и К° . .	—
2. Щапова	297	18. А. Гандурина (ситцев.)	750
3. Кашинцева	120	19. Н. и Л. Гандуриных. .	845
4. Дарьинского	32	20. А. Гандурина с Б-ми .	750
5. Н. Гарелина	2472	21. П. Витовой	560
6. Куваева	1719	22. Константинова. . . .	150
7. И. Гарелина	2655	23. Лепешкина	166
8. Н. Дербенева	1563	24. Панина	10
9. П. Дербенева	201	25. Смолякова	—
10. Полушина	900	26. Анонимного Общества.	150
11. Зубкова	1310	27. Кирьянова и Калашн.	105
12. Ив.-Вознесенск. м-ры	4343	28. Дьяконова	36
13. Новикова.	307	29. Мурашина	32
14. Я. Н. Фокина	680	30. Жохова	—
15. Маракушева.	947	31. Е. Мурашкиной . . .	—
16. Л. Г. Бурылина . . .	745		
		Всего	22695

И. об. Владимирского Полицеймейстера Иванов.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 3, 4 д-ство, 1905 г., стр. 42.]

Против штрейкбрехеров.

Объявление рабочих г. Иваново-Вознесенска.

В виду донесений неблагонадежных слухов, что фабриканты заявили желание выписать рабочих из Симбирской, Тамбовской, Казанской, Рязанской и Вологодской губерний, но мы, рабочие г. Ив.-Вознесенска, новых вышеозначенных рабочих из 5-ти губерний не принимаем, в случае фабричн. управление и выше упомянутые не примут к сведению нашего объявления, то над вновь нанявшимися рабочими будут приняты самые энергичные меры, они не должны быть уверены за безопасность шкуры, а фабрики остановим и начнем всеобщую забастовку.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 4, 4 д-ство, 1905 г., стр. 86.]

Положение на фабриках после забастовки.

Рапорт Иваново-Вознесенского Полицеймейстера Владимирскому Губернатору, от 3 августа 1905 г.

2 августа, в помещении Городской Управы, на совещании присутствовали заведывающие всех фабрик, фабричные инспектора, г.г. Полубенин и Филиппео и Подполковник Аристов. Из слов заведывающих, между прочим, выяснилось следующее: 1) на фабрике Новикова заведывающий усовестил рабочих, требовавших увольнения шестерых рабочих, и рабочие, отказавшись от своих требований, никаких насилий не производили; 2) на ткацкой фабрике А. М. Гандурина рабочими был выгнан паровщик; заведывающий путем личных переговоров с рабочими доказал им всю нетактичность их действий, и рабочие просили заведывающего принять уволенного паровщика обратно на фабрику, взяв с него, впрочем, выкуп в пользу бедных рабочих в сумме 5 рублей. На фабрике Н. Гарелина 2 сего августа рабочие, накинувши мешок, насильно вывели с фабрики одного рабочего. Главный зачинщик этого насилия был взят полицейским надзирателем Нихачевым, но рабочие той фабрики, узнавши об этом, в то же время прекратили работы и, выйдя на двор фабрики, просили заведывающего освободить задержанного; администрация фабрики, очевидно, из опасения прекращения рабочими работ, просила Полицейского Надзирателя освободить задержанного, что тот и исполнил, и после этого рабочие сейчас же стали на работы. На фабриках Ивана Гарелина, Маракушева и других заведывающие совершенно отдалились от рабочих, в фабрику не входят, ссылаясь на то, что боятся насилий со стороны рабочих лично над собою, благодаря чего все эти рабочие, оставленные на произвол судьбы, держат себя несравненно разнузданнее, чем на других фабриках.

Заведывающие высказались, что сами они считают для себя неудобным увольнять зачинщиков насилия над рабочими, боясь озлобления против себя, а желают, чтобы такие лица были удалены с фабрики мерами полиции, хотя не ручаются за то, что эта мера не вызовет забастовки рабочих. Заведывающие единогласно высказывают желание скорейшего возвращения фабрикантов, которые скорее, чем кто-либо, могут установить порядок на фабриках; в подтверждение этого заведывающие указывают на фабрику Новикова, на которой, благодаря присутствию Директора Василия Арсеньевича Ясюнинского, никаких насилий не происходило. Заведывающие обязались оказать помощь рабочим, уволенным и оставившим службу по принуждению рабочих, путем выдачи им жалования за безработное время и принятием их на другие фабрики по взаимному соглашению.

Из изложенного ясно усматривается, что попустительство и бездействие фабричной администрации только и служит благоприят-

ной почвой к насилию рабочих над своими сотоварищами и служащими, нежелательными им, а это, в свою очередь, может повести к дальнейшим насилиям, могущим перейти и в преступления, тогда как устранение этого всецело зависит от фабричной администрации, без посторонней помощи, — ибо насилия над рабочими, совершаемые в фабричных корпусах, и по взгляду Фабричной Инспекции, составляют нарушение правил внутреннего распорядка на фабриках, вмешательство в это дело полиции поэтому нежелательно, а необходимо присутствие на фабриках лично самих фабрикантов, могущих водворить порядок на своих фабриках.

И. д. Полицеймейстера Саваренский.

3 августа 1905 года, № 19.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 3, 4 д-ство, стр. 103.]

„Успокоение".

Начальник Владимирского Губернского Управления.

9 августа 1905 г.
№ 5441.

Секретно.

В Департамент Полиции.

На всех фабриках г. Иваново-Вознесенска, Шуйского уезда вверенной моему наблюдению губернии, резко заметна сплоченность рабочих, желающих работать при нормальных условиях. Группа таких рабочих, составляющая огромное большинство — до $^{8}/_{9}$ на каждой почти фабрике, решила выдать полиции всех смутьянов, заявив при этом, что если полиция не уберет их, а фабричная администрация не рассчитает их, то рабочие расправятся с ними своим судом. Таким образом, сего августа, чинам полиции на фабрике Куваева было передано рабочими 53 человека подстрекателей, рабочих же, производивших посредством насилия и угроз требования не возобновлять работы на фабрике с целью принудить фабриканта заплатить рабочим за время бывшей стачки. Все эти подстрекатели, по распоряжению Владимирского Губернатора, арестованы в порядке усиленной охраны и препровождены для заключения в Исправительное Арестантское Отделение в г. Владимир, где содержатся под стражей группами по отдельным камерам. Все они, за исключением 2, в возрасте от 16 до 20 лет. Арест этих подстрекателей вызвал благоприятные результаты, так что 8 сего августа работы в Иванове-Вознесенске производились правильно на всех фабриках, за исключением фабрики Бакулина, где таковые прерывают задержкою выдачи заработанных денег, каковое явление замечалось на этой фабрике и ранее, еще до беспорядков. На фабрике Бурылина было молебствие

по случаю Высочайшего Манифеста о созыве Государственной Думы и чтение такового вызвало ликование народа. В городе и на фабриках тихо и спокойно. Часть фабрикантов, проживавших ранее из трусости в Москве, уже возвратилась в Иваново-Вознесенск 8 сего августа, остальная ожидается на-днях.

Дальнейшие сведения будут сообщены мною дополнительно по возвращении моем из г. Иванова-Вознесенска, куда я выезжаю одновременно с Губернатором 11 сего августа.

Полковник Медведев.

[Дело деп. пол., № 4, ч. 30, т. 3, 4 д-ство, 1905 г., стр. 118.]

14. Конец стачки.

Стачка закончилась полностью около 17 июля, и то ненадолго. Как только рабочие немного подработали, они снова начали волноваться и предъявлять требования. Это продолжалось до октября, когда было организовано полицией и союзом монархистов (черная сотня) избиение рабочих депутатов.

Вся сознательная пролетарская Россия следила за героической стачкой иваново-вознесенских рабочих. Стачка бурлила шумным революционным потоком, окрыляла надежды и звала к борьбе и победе рабочих других городов.

Ив.-Вознесенский Комитет заканчивал эту историческую стачку следующим воззванием:

Уроки стачки.

Товарищи, стачка кончилась. Мы опять принимаемся за свой тяжелый труд. Фабриканты ликуют,—они думают, что сломили нашу солидарность; они думают, что они победили, что мы сдались, считая себя побежденными. Но так ли, товарищи? Побежденными ли мы возвращаемся на наши фабрики и заводы, могут ли наши враги торжествовать свою победу? Нет, товарищи, ошибаются наши враги, рано торжествуют свою победу. Товарищи, пусть малого мы добились. Пусть не все наши требования удовлетворены. Но зато пусть всякий себя спросит, что было до забастовки, и что теперь. Не раскрыла ли глаза забастовка? Не сплотила ли она нас, показав, какую силу мы представляем, если мы действуем дружно? Научила она нас также тому, что вступать в борьбу нужно подготовившись, нужно организоваться, нужны средства, чтобы выдержать эту борьбу. Товарищи, ведь, мы начали борьбу без копейки денег, несплоченные и необъединенные, и то выдержали более двух месяцев, и только один голод нас заставил сдаться.

Товарищи, принимаясь за работу, теперь мы начнем готовиться к решительной новой борьбе, но для этого нам нужно сорганизовать кассу борьбы.

Товарищи, многому другому научила нас стачка. До нее многие из нас были настолько темны, что не хотели ни понимать, ни сознавать, ни думать о своем положении. Товарищи, разве малому мы научились на наших собраниях на Талке? Разве не прозрели мы там, разве не пробудились, разве не увидели мы ясно, кто наши враги, кто держал нас до тех пор в темноте, и кому выгодна была наша темнота? Разве не увидели мы, кто помогает нашим врагам — хозяевам, разве не увидели мы, для чего нужны царю войска и полиция, и чьи интересы они защищают, и против кого он посылает наших мужей, братьев, сыновей? А ведь, солдаты — это наши мужья, братья, сыновья. Это такие же рабочие, и все они оторваны от семьи, от сохи и от станка. Беря их, якобы для защиты русской земли от неприятеля, царь посылает их против нас, беззащитных, заставляя их стрелять в нас за то, что мы хотели улучшить наше положение, за то, что наши более сознательные товарищи хотели открыть нам глаза, хотели разъяснить наше положение, хотели пробудить в нас человеческое достоинство.

Товарищи, этого боялись наши враги, им невыгодно, чтобы мы пробудились; они знают, что мы не захотим так жить, как доселе. Они знают, что и мы захотим жить тогда по-человечески. И вот за это посылают стрелять в нас, и те бессознательно, запуганные дисциплиной, идут.

Многому научила нас эта забастовка.

Поняли мы, что при теперешних порядках мы никогда не сможем улучшить свое положение, никогда не сможем бороться с капиталистами. Мы поняли, товарищи, что пока власть находится у царя, который только и думает о капиталистах: он даже разрешил караул поставить около фабрик и домов хозяев, часовые охраняют фабрикантов, как царей. Вот, товарищи, для чего нужна армия правительству.

Товарищи, до тех пор мы не сможем улучшить наше положение, пока не будет политической свободы, пока политическая власть не перейдет ко всему народу.

Поэтому научила эта забастовка кричать: «долой самодержавие!», «да здравствует демократическая республика!». Забастовка показала нам также, что добиваться политической свободы нужно с оружием в руках.

Научила она нас, что только тогда, когда мы будем организованы и вооружены, мы силой сможем добиться наших прав. Потому мы и кричали: «да здравствует вооруженное восстание!». Только добившись силой свободы, только тогда, когда у нас будет свобода слова, печати, союзов, когда наши представители в Учредительном Собрании будут отстаивать наши интересы, интересы всего рабочего класса, только тогда, когда не будет постоянных армий — войска, которое посылают расстреливать безоружных рабочих, только тогда мы сможем улучшить наше положение, только тогда мы сможем добиться 8-часового рабочего дня и отстаивать наши интересы, борясь

с нашими врагами — капиталистами. Боритесь до тех пор, пока не добьемся такого порядка и строя, когда не будет ни богатых, ни бедных, когда фабрики, заводы и земля не будут принадлежать кучке паразитов и богачей. Тогда все фабрики, земля и заводы будут принадлежать всем, все одинаково будут трудиться и одинаково делиться плодами своего труда.

Такой порядок, такой строй называется социалистическим.

Товарищи, чтобы добиться этого, нам нужна политическая свобода.

Вот чему научила нас забастовка. Пусть же ликуют враги и думают, что мы побежденные.

Товарищи, мы уже принялись за свой тяжелый труд на фабриках и заводах.

Принялись готовиться к другой борьбе, более серьезной, на жизнь и на смерть — за свободу.

Товарищи, ободряйте же малодушных товарищей, учитесь, организуйтесь, и когда наступит час, тогда весь русский народ восстанет с оружием в руках под красным знаменем Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. Товарищи, примкнем же ко всему русскому рабочему движению под знаменем РСДРП, которая поведет нас на твердыни царизма, на последний штурм. Долой самодержавие, да здравствует вооруженное восстание! Долой милитаризм, постоянные войска! Да здравствует 8-часовой рабочий день, да здравствует РСДРП! Да здравствует социализм!

Иваново-Вознесенский
Комитет РСДРП.

Июнь 1905 года.

Копия письма без подписи из Иваново-Вознесенска, от 19 сентября 1905 года, к Ивану Вертфнеру, в Нюренберг.

К 1-му выяснилось, что забастовка продолжаться не может: стачечная касса истощилась, притока новых средств не предвиделось, а фабриканты не только не шли на уступки, но не вступали и в переговоры. Решено было забастовку прикончить. 1 июля на Талке состоялось обычное собрание рабочих всех фабрик. Ораторы призывали массу начать работу с тем, чтобы готовиться к новой, еще более упорной борьбе. Они указывали на необходимость организации стачечной кассы, и масса единодушно решила привести это в исполнение. Было выяснено, далее, значение забастовки, ясно показавшей всем, что только борьбой можно сократить хозяйские аппетиты, что борьбу приходится вести «на два фронта», борьбу не только экономическую, но и политическую, что самое выступление рабочего класса на борьбу есть акт политический... Наконец, ораторы предложили ввести «революционным путем» 10-часовой рабочий день, уволить нежелательных представителей фабричной администрации и всеми силами добиваться отмены обысков, уплаты денег за время

забастовки и введения комиссии из представителей от рабочих и администрации в равном числе.

Разделившись по фабрикам, с пением революционных песен масса двинулась в город, чтобы стать на работы. Напуганная администрация фабрик встретила рабочих небывало любезно: «Ну, что бы нам с вами, братцы, поделать? Разве вот машины почистить». Машины были вычищены, и рабочие разошлись до следующего дня, когда должны регулярно начаться работы. Революционное сокращение рабочего времени и увольнение нескольких мастеров не входило в эксплоататорские расчеты капиталистов, и последние 4 июля, ко времени прихода рабочих, заперли фабричные ворота и приставили к ним казаков. Забастовка должна была продолжаться, и она продолжалась на всех фабриках, кроме «Покровской мануфактуры» Грязнова, администрация которой согласилась ввести комиссию, 10-часовой рабочий день и примирилась с удалением нескольких мастеров. Работы начались еще на мелких фабриках Щапова, Кашинцева и Дарьинского.

Благодаря этой неудаче настроение стало падать, а фабриканты затягивали забастовку, чтобы сбыть «залежь». (Дербенев нажил на этом 150—200 тысяч, также администрация фабрики Новикова).

Голод сильно давал себя знать.

Все были уверены, что работы скоро начнутся, поэтому в город стали съезжаться «серяки», «кафтаны» и своим присутствием еще более понизили сплоченность, стойкость массы. Приходилось думать уже не о завоеваниях, а о том, чтобы начать работы на каких бы то ни было условиях, — тем более, что по адресу руководителей стачки послышались характерные, но глубоко несправедливые по своему существу, возгласы: «Долго ли вы нас проморите? Скоро ли начнете работы?», и на этой же почве стали происходить единичные столкновения между передовыми рабочими и представителями «кафтанов». К 26 июля конфликт между трудом и капиталом закончился, «порядок» эксплоатации рабочего, его угнетения и бесправия восстановился. Подавленный голодом, измученный продолжительной борьбой, рабочий вынужден был начать работы на тех условиях, какие предложил фабрикант, так как последний оказался победителем. Фабрикант победил, но не разбил «великой армии труда», наоборот, в борьбу за лучшую долю рабочий класс в нашем городе, прежде разбитый, теперь соединился, отмежевался от буржуазии. Продолжительная борьба очистила его психологию от пережитков старины и развила его классовое самосознание. Забитый раб превратился в революционера. Поэтому, хотя рабочий и был значительно подавлен последней неудачей и внешне как-будто смирился, но, став на работу, он неизбежно должен был вскоре же стряхнуть с себя подавленное состояние духа, сущность борца должна сказаться, лишь только перестанут действовать ненормальные условия, породившие подавленность. Так, действительно, и случилось. Через несколько дней после начала работы везде начали предъявлять тре-

бования уплаты за время забастовки, сопровождая эти требования прекращением работ. Нужно отметить еще, что необходимость комиссии из представителей от рабочих и администрации и отмены обысков настолько въелась в сознание рабочих, что на всякое замечание фабриканта о каких-либо непорядках слышится один ответ: «Введите комиссию, все будет хорошо». Фабрикант замечает, что слишком за последнее время развилось пьянство внутри фабрики; ему отвечают, что при комиссии это прекратится. За последнее время на фабриках развилось страшное воровство, воруют часто совершенно бескорыстно, только для того, чтобы тут же на фабрике и сжечь. Воруют, так-сказать, из принципа. И ответ один: «Отмените обыски, дайте комиссию, — и все прекратится».

Борьба, возникшая внутри фабрики, показала капиталистам, что рабочие не разбиты, что они сознательно стали относиться к своим интересам. Капиталисты поняли это, поняли и повели дезорганизаторскую политику, — стали натравлять темные элементы фабрик на передовых рабочих, значительно тормозивших хищничество и эксплоатацию, стали, таким образом, раскалывать рабочих на два враждебных лагеря; чтобы одурманить сознание рабочих, начали их спаивать. На фабриках выступает черная сотня. Дебют черной сотни у Куваева увенчался успехом: 53 передовые рабочие отсидели в тюрьме для удовольствия г. фабриканта. А Гарелин, либерал и «благодетель», устроивший школу, ясли, родильный приют, задумал такое же «славное» дело, но, как либерал, он не сразу пустил в ход черную сотню, а сначала «увещевал рабочих» исправиться, «так как ежедневная выработка сократилась, что для него убыточно», а чтобы не было убытка, он предложил рабочим, с позволения сказать, некоторые улучшения (например, не останавливать машины во время чая). Скромный либерал милостиво разрешил рабочим подумать о сих либеральных «улучшениях» и на следующий день дать ответ. Немедленно собравшийся фабричный комитет решил ни с какими ответами в контору не ходить, в виду возможного выступления черной сотни. Это постановление было проведено в массе. Раклисты, одурманенные хозяйской водкой, под предводительством мастера, вышли к конторе и призывали всех рабочих присоединиться к ним, но те отказались, и черная сотня возвратилась к работам. В это время было арестовано несколько рабочих. Все машины были тотчас же остановлены, и рабочие вышли из корпусов, только раклисты продолжали работать. К ним отправили нескольких товарищей, чтобы остановить работу, но те были встречены кулаками, а раклисты, вооружившись, пошли на другие отделения, с целью заставить отказаться от требования освободить арестованных и принудить к работе. Произошло побоище. Черная сотня не выдержала «квадратов», «пил» и проч. и обратилась в бегство, ее преследовали. В панике черносотенцы прыгали из окон 2-го этажа. (Это произошло 18 августа). Тут же после этого устроили на фабрич-

ном дворе сходку, было произнесено несколько речей, и масса решила добиваться освобождения арестованных товарищей.

К полицеймейстеру отправилось 5 депутатов, которые и получили ответ, что арест произведен по приказанию губернатора, поэтому-де и освободить нельзя. Услыхав этот ответ, масса решила не начинать работ и разошлась по домам. Все время до 1 сентября происходили на фабричном дворе сходки, где произносились речи: о необходимости борьбы, о черной сотне, о самодержавии, о современном положении России.

19 августа был объявлен всем расчет, а 2 сентября 400 человек были выброшены на улицу без куска хлеба. Фабриканту нужно было избавиться от наиболее передовых рабочих, и он пустил для этого все средства, ибо на невежестве и рабстве он наживает капиталы, из которых и «благодетельствует».

На ткацкой фабрике П. Кашинцева, по требованию черносотенцев, были рассчитаны 3 женщины, особенно стойко защищавшие интересы всех рабочих. «Нас рассчитали 9 сентября утром, — рассказывала одна из них, — а в 6 час. вечера любезно пригласили в кабинет к хозяину, где предложили по чашке чаю; сюда скоро изволили прибыть г. полицеймейстер, пристав и казацкий вахмистр и присутствовали при нашей беседе. Хозяин говорил, что, если бы не требования рабочих, он их не уволили бы, расспрашивал о настроении рабочих, о том, где находится Д. (местный рабочий, выделившийся во время летней забастовки), откуда приехали ораторы (на ту же стачку) и куда уехали, вообще, оказался господином чрезвычайно «любознательным». 5 сентября бросили работу у Куваева и предъявили требование обратного приема освобожденных из тюрьмы товарищей, в количестве 53 человек, которые были выхвачены 3 августа черной сотнею и преданы в руки властей. Это требование предъявила та темная, серая масса, которая безучастно смотрела 3 августа, как их товарищей хватали и избивали казаки. Вчерашние рабы превратились в сознательных борцов за общее дело. Требование не было удовлетворено, но тут важен не результат, а самый факт забастовки.

Из событий рабочей жизни Иванова-Вознесенска последнего времени отметим забастовку на «Покровской мануфактуре», начавшуюся 12 сентября. Здесь рабочие находятся в исключительных условиях: обыски отменены, существует комиссия из представителей от рабочих и администрации (7 и 7 человек), она устанавливает внутренний распорядок фабрики и проч., здесь легально существует с.-д. партия, представители которой ведут агитацию, раздают прокламации, и рабочие называют эту фабрику демократической республикой. Рабочие этой демократической республики получили (в виде «наградных») за время забастовки в общей сложности на 30 тысяч, осталось получить 6½ тысяч. Рабочие, основываясь на обещании администрации уплатить эти 6½ тысяч и считая себя в праве требовать уплаты их, настаи-

вали, в лице комиссии, на выдаче этих денег в первой половине сентября. Администрация отмалчивалась или отделывалась неопределенными ответами. 12 сентября представители рабочих в комиссии послали в Москву правлению фабрики телеграмму, в которой было, между прочим, сказано: «Требуем выдачи денег за забастовку 13 сентября, в противном случае бастуем сегодня же. При удовлетворении требования дальнейшую работу гарантируем». Правление в ответной телеграмме известило, что «деньги за забастовку оно ни в коем случае выдать не может». Тотчас на фабричном дворе собрались рабочие всей фабрики, здесь были обе телеграммы прочтены, и оратор-рабочий призывал всех подтвердить свое требование «делом». В ответ на это послышалось дружное «бастуем!». В этот же день перед ужином один рабочий стал на стол и произнес горячую речь, закончив ее лозунгом: «долой самодержавие!», и все присутствующие, как один человек, отозвались: «долой самодержавие!» 13-го все пришли в контору за получением дачки, на дворе состоялась сходка, опять произносились речи на политические темы, и опять все дружно подхватывали лозунги ораторов. (О продолжении этой забастовки сообщим.)

12 сентября «выходили» с требованием денег рабочие «Т-во Ив.-Возн. ткацкой мануфактуры» Фокина, Гандурина, Гарелина. Таково общее настроение рабочих в Иванове.

IV. ВЛИЯНИЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЗАБАСТОВКИ НА РАЗВИТИЕ СТАЧЕК ТЕКСТИЛЬЩИКОВ.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В КОСТРОМЕ.

1. Начало забастовки.

Кострома. Как только узнали о всеобщей забастовке в Иваново-Вознесенске, местная группа стала готовиться вызвать ее и в Костроме. Отчасти это нам и удалось. Третий день бастуют рабочие Т-ва Новой Костромской льнопрядильной м-ры Ф. Кашина. На ней свыше 6.000 рабочих. Это самая большая фабрика в Костроме. 18-го февраля она не бастовала. Условия труда на ней лучше, чем на всех других здешних фабриках. Забастовка эта произвела большое впечатление на всех местных рабочих. По чисто-местным условиям работы к ней не могли тотчас же присоединиться рабочие других фабрик. Надеемся, что через несколько дней станут и другие фабрики, если только кашинцам удастся удержаться несколько дней.

Рабочие Костромы страшно серые, отсталые, многие из них еще не порвали связи с деревней. К политике относятся отрицательно. Но последние события сделали свое дело и расшевелили дотоле спящих, казалось бы, непробудным сном костромских рабочих. Чтобы вы имели хоть приблизительное представление о положении рабочего класса в Костроме, приведу кое-что из условий жизни рабочих на фабрике Кашина. Заметьте, что эти условия лучше, чем на других фабриках. Вот что пишет рабочий сушильного цеха:

Работа сушильщиков на двух сменах. Первая смена работает с 7 часов утра до 2-х часов дня. Вторая смена — от 2-х часов дня до 9-ти вечера. Первая смена — от 9-ти часов до 4-х утра. Но так как сушильщики не успевают подрабатывать всю пряжу, то им приходится работать сверхурочную работу. С 4-х часов утра они работают до 7-ми часов. В праздник они работают с 4-х часов утра до 8-ми и 10-ти часов вечера, т.-е. это будет 18 часов без обеда и без отдыха... Заработок — нищенский. Многие вырабатывают 8 руб

в месяц. Обращение возмутительное. За каждый пустяк — штрафы, расчет.

При фабриках имеется лабаз. Рабочие получают не деньги, а продукты. Выдача производится с таким расчетом, что рабочие получают больше, чем они вырабатывают. Таким образом, рабочие — вечные должники фабрикантам. В случае тревожного настроения рабочих, лабаз ничего не выдает. Так, на Зотовской фабрике (около 3.000) теперь из лабаза не выдавали, и потому зотовцы затрудняются присоединиться к забастовке.

Теперь несколько слов о забастовке. 20-го обсуждали с организаторами призывный листок к всеобщей забастовке. 21-го состоялось собрание организованных рабочих Кашина (25 чел.). Рабочие представили листок. Тут же его обсуждали и были выработаны требования. Рабочие других фабрик также после предварительного обсуждения представили листки с требованиями. 22-го, в воскресенье, было устроено общее собрание организованных рабочих. Присутствовало свыше 100 рабочих, — далеко не все организованные. Забастовка решена окончательно. Было произнесено несколько речей. Говорил и один рабочий-кашинец. Речь его произвела большое впечатление. Тут же были выработаны добавочные требования.

23-го утром на кашинской фабрике забастовали. 24-го директор предлагал рабочим стать на работу, тогда только он их выслушает. Фабричный инспектор говорил на тему, что теперь, мол, война, не время бастовать, нужно подождать, призывал к терпению. После инспектора стал говорить наш товарищ. Тут инспектор, увидев оратора, громко сказал: «Я его знаю, это — студент такой-то». Тут часть рабочих заволновалась. «Не нужно нам студентов, мы не бунтовщики». Но их скоро успокоили, объяснив, что это не студент, а рабочий другой фабрики. К сожалению, не знаю фамилии этого провокатора-инспектора.

Нашего оратора слушала толпа человек в 800. Затем пошли останавливать фабрику Зотова. Но не удалось, так как тем ничего из лабаза не выдали.

Сегодня массовка. Чувствуется недостаток в рабочих-агитаторах.

За последние дни выпущены 9 листков, в количестве 4.295 экземпляров.

[«Пролетарий», № 5.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем костромским рабочим.

Товарищи. Завод за заводом, город за городом поднимается на великую борьбу. Встает, как один человек, огромный великан — рабочий класс. За кровь, пролитую на улицах Питера, Варшавы,

Лодзи, Одессы, за поруганную честь замученных людей, за свободу и счастье пролетариата. Стачки и демонстрации, вооруженные нападения становятся все чаще и чаще.

Российский рабочий класс готовится к главному бою с врагом — царским правительством, всегда стоящим на дороге нашей борьбы за свободу.

Присоединимся же и мы, товарищи, к этой борьбе, встанем в ряды трудовой армии против паразитов и негодяев.

Выйдем из душных фабричных мастерских и задворок, потребуем и силой завоюем себе демократическую свободу, а наших фабрикантов тоже побьем по карманам экономическими требованиями. Объявим общую стачку.

Мы наперед знаем, конечно, товарищи, что приедут фабричные инспекторы, разные Горбуновы и Гриценко, и станут уговаривать фабрикантов, чтобы они не уступали. Но мы потому и требуем политической свободы, что царские чиновники всякими путями притесняют и запутывают нас.

Мы знаем, что и фабриканты попытаются разъединить нас, разбить по грудкам да замаслить.

Не поддадимся этим уловкам, товарищи! Постараемся урвать у наших фабрикантов больше, да и других, еще несознательных товарищей поднимем на борьбу.

Будем стойко держаться.

Перед нами пример наших соседей-ивановцев. Они выдержали забастовку в 40 дней.

Ведь, мы знаем, что один день стачки и борьбы стоит многих дней голодного прозябания.

Один день стачки приблизит скорее час к нашей главной цели— социализму.

Будем же помнить, товарищи, эту великую цель, встанем как один человек, с одной душой, объединенные одним гнетом и одной жаждой освобождения!

Долой царизм! Да здравствует социализм! Да здравствует всеобщая стачка!

Костромская группа Северного Комитета
Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Г. Кострома, июня 30 дня 1905 г.

---

2. Ход и особенности забастовки костромских текстильщиков.

Товарищ Министра Финансов. Секретно.

19 августа 1905 г.
№ 376.

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копию донесения старшего фабричного инспектора Костромской гу-

бернии от 20 июля с. г., № 128 (с 3 печатными приложениями), о забастовках в г. Костроме, покорнейше прося о возвращении приложений по миновании надобности.

В. Тимирязев.

Министерство Финансов.
Старший фабричный инспектор
Костромской губ.

В Отдел Промышленности.

Июля 20 дня 1905 г.
№ 128.
Г. Кострома.

С 21 июня начался в Костроме забастовочный период. Первыми забастовали гнульщики капетов на табачной фабрике т. д. «М. Н. Чумакова С-вья». 24-го, с 8 часов вечера, забастовало 33 человека, работающих в корпусе мукомольной мельницы т. д. «М. Н. Чумакова С-вья», и мельница стала. С 25-го остановилась вся табачная фабрика. С обеда 30 июня вследствие некоторых уступок работы на табачной возобновились. С 1 июля забастовали геклинщики и кардовщики на прядильной фабрике т-ва Бр. Зотовых. С обеда 2 июля забастовала прядильная фабрика т-ва Новой Костромской льняной мануфактуры, при чем взаимные ссоры между рабочими развились до драки, последствием которой было 5 человек изувеченных. Утром 4-го работы-было возобновились, но около 8 час. утра уже обе фабрики, прядильная и ткацкая, забастовали. С обеда 4-го забастовщиками были остановлены фабрики Анонимного Общества «Гратри, Жерар и Михиной», Прянишникова, прядильная и ткацкая т-ва Бр. Зотовых, из которых прядильная возобновила было работу с утра этого дня, типографии Андрониковой, Федотова и Фальк, иконостасная мастерская бр. Дурлябиных и несколько мелких, не подчиненных инспекции, заведений.

В настоящее время забастовка продолжается на всех фабриках Анонимного Общества, Бр. Зотовых, т-ва Новой Костромской льняной м-ры, Прянишникова и на мукомольной мельнице т. д. «М. Н. Чумакова С-вья». На короткое время прекращали работы колбасная фабрика бр. Голованових и мастерская церковной утвари бр. Савельевых.

Основные требования: сокращение рабочего дня до 8 часов, увеличение заработной платы от 15 до 60%, выдача ½ заработной платы за время болезни; родильницам сохранение платы за 6 недель и множество других, более или менее значительных требований.

Особенности хода забастовок состояли в следующем:

1) Стачки возникли под влиянием и руководительством лиц, приехавших из Иваново-Вознесенска, и, как кажется местным элементам, не принадлежащих к составу рабочих.

2) Выделилась из состава рабочих некоторая организация в лице около 104 депутатов от рабочих, из-

бравших из своей среды председателя (рабочий фабрики анонимного общества Б. Батуговский), его помощника и секретаря, фамилии которых мне неизвестны.

3) Этими лицами организована система недопущения к работам тех, кто желал работать. Успеху системы содействовало, главным образом, то обстоятельство, что огромная масса рабочих живет по деревням и приходит в город разрозненными небольшими группами. 4) Активное ядро бастующих, по сведениям полиции, не более 1.000 — 1.200 человек, руководимых указанными 104 депутатами. Общее число всех бастующих около 9.000 человек. 5) Предъявление требований началось неделю спустя после начала общей забастовки. Целая неделя, следовательно, была употреблена на организацию и выработку требований. Собирались в отдельных пунктах города и за городом. Собрания были разрешены губернатором. 6) С 11-го июля мною впервые получены от фабрикантов заявления, в ответ на которые последовали два прилагаемые при сем с моей стороны объявления, которые привели в результате к взаимным переговорам фабрикантов и рабочих в училище при фабрике т-ва Новой Костромской льняной м-ры. Переговоры 14 и 15 июля не привели к успеху. Фабриканты при посредстве широко распространенного в массе рабочих, прилагаемого при сем объявления известили рабочих о предельных допускаемых ими уступках. 7) 13 июля, накануне совещания, городской голова получил от указанного выше председателя депутатов, Батуговского, прошение, главным содержанием которого была просьба об участии в положении рабочих, путем выдачи им безвозвратного пособия и образования комиссии для заступничества и посредничества перед фабрикантами. Просьба рабочих имела успех. Гласные в частном совещании ассигновали рабочим ссуду в размере 1.000 рублей и образовали комиссию для посредничества, не испросив на то предварительного согласия у владельцев. Рабочим все это стало известным. Немудрено, что при подобных условиях после двукратных совещаний указанной комиссии с фабрикантами все планы посредничества разрушились. Фабриканты, благодаря бестактной постановке вопроса со стороны комиссии, категорически отказались от всякого посредничества и каких-либо дальнейших уступок. Так стоит дело в настоящее время.

Трагизм положения усугубляется тем, что по губернии бродят шайки темных личностей, называющих себя рабочими Иваново-Вознесенска, занимающихся вымогательством денежных пособий, угрожая поджогами и убийствами. Так, в ночь с 16 на 17 июля ограблен был толпою человек в 100, вооруженных револьверами, — говорят, и бомбами, — богатый дом фабриканта Малахова в с. Дуляпине. Местные рабочие не участвовали, так как фабрика работала и работает полным ходом. Испуганные набатом и сигналом фабричного гудка, разбойники отступили к лесу и, отстреливаясь залпами из револьверов, успешно скрылись. Разбойники были под командой

одного замаскированного лица, которое и называли атаманом. Богатые люди предпочитают откупаться.

На остальных фабриках губернии, кажется, все в порядке, так как тревожных сведений не получал. Были местные кратковременные заминки, разрешившиеся соглашением, например, у Брюханова и Скорынина.

Старший фабричный инспектор Ив. Горбунов.

К рабочим фабрик т-ва Ново-Костромской льняной м-ры, т-ва Бр. Зотовых и Анонимного Общества «Гратри, Жерар и Михина».

Рабочие! Вы оставили работу на наших фабриках. Все вы не явились на работу более трех дней по причинам неуважительным, ибо, если у вас было о чем с нами переговорить, то вы могли бы сделать это и не бросая работ; это нам дало право расторгнуть договор найма с вами, о чем мы и объявили вам, приглашая для получения полного расчета. Вы более не состоите нашими рабочими, но мы согласны принять вас всех на работу, за исключением лишь тех из вас, которые за время забастовки будут уличены членами администрации наших фабрик в нанесении имущественного вреда фабрикам или насилии над служащими и рабочими фабрик.

К нам приходили лица, говорившие нам, что они — выбранные вами депутаты для переговоров с нами; эти депутаты представили нам ваши требования и предложили нам по поводу их совещаться с ними. Мы на это согласились, поставив условием, чтобы нам дали имена и фамилии депутатов, а также указали бы, где эти лица работали до забастовки; эти сведения нам были необходимы для того, чтобы убедиться, что мы действительно будем говорить с рабочими, у нас до забастовки работавшими, а не с посторонними людьми, ибо последнее было бы совершенно бесполезно. Кроме того, списки депутатов нам нужны были, чтобы предъявить их вам и спросить вас, действительно ли вы выбрали этих лиц и поручили им переговоры с нами. Получив списки и разрешение г-на губернатора на совещание, мы собирались на совещание 14-го и 15-го сего июля, при чем на втором заседании мы передали депутатам наше окончательное решение для сообщения его вам.

За отказом депутатов рабочих засвидетельствовать нам копию нашего решения подписями некоторых депутатов, таковое и нами осталось неподписанным. В виду желания одного из присутствовавших корреспондентов обратиться публично к собравшимся и отказа его подчиниться решению председателя со стороны фабрикантов, который не дал ему права голоса как постороннему лицу, председатель со стороны фабрикантов заявил собрание закрытым.

В последующем доводим до сведения вашего наше решение с указанием причин, которые нас к этому решению привели.

1. Уменьшить рабочий день до 8 часов мы не можем, ибо, сделавши это, мы должны разориться, а тем самым ввергнуть в нищету и вас.

Те, которые говорят вам о восьмичасовом рабочем дне, умалчивают о том, что и там, где существуют сильные рабочие союзы, все же день этот не введен; ввести же его пока еще остается лишь мечтой рабочих, ибо они сами сознают, что сделать это теперь невозможно. Мы признавали и до этой забастовки день в 11½ рабочих часов слишком продолжительным и для вас тягостным, но так как он существовал везде с разрешения закона, то мы одни убавить его продолжительность не могли, не ставя себя в невыгодные условия по сравнению с нашими конкурентами, т-е. другими фабриками России. С января сего года г. Министром Финансов приступлено к разработке вопроса сокращения рабочего дня, и мы ожидали однообразного для всей России разрешения этого вопроса. Видя, однако, что у вас нет терпения дождаться этого, и что сокращение продолжительности дня безусловно предстоит, мы решили этот вопрос для наших фабрик в следующем виде:

Мы признали возможным сократить рабочий день до 10½ часов действительной работы, убавив число праздников, которые у нас достигают до 33-х, кроме воскресных дней, и предполагая распределение дня следующее: начало работ в 6 час. утра, конец работ в 6 час. вечера, перерыв для обеда от 12-ти до 1½ часа; в субботу и канун праздников, в которые работы не производятся, окончание работ в 5½ часов.

2. Увеличение заработной платы в том размере, как вы требуете, решительно невозможно; это ясно видно из того, что это потребует:

для Ново-Кост. л. м.	расход	в	200.000	руб. ежегодно
Бр. Зотовых	»	»	100.000	» »
Анонимного Об-ва	»	»	50.000	» »

Оставляя в стороне расходы по остальным требованиям, громадность этих сумм явно доказывает безрассудность этого требования.

Мы и до забастовки имели намерение поднять заработки, но связывали это с общим для всей России урегулированием продолжительности рабочего дня; решивши итти навстречу вашим желаниям, по другим вопросам, мы порешили при новом найме повысить поденную плату, существовавшую за июнь месяц сего года, в следующем порядке:

Будет прибавлено				зарабатывавшим	до	35	коп.	в	день	. . . . .			5	коп.
»	»	»			от	36	коп.	до	40	коп.	в	день	4	»
»	»	»			»	41	»	»	55	»	»	»	3	»
»	»	»			»	56	»	»	70	»	»	»	2	»

Остальные поденные платы остаются без изменения, малолетним рабочим там, где получают они менее 16 копеек, будет положено 16 копеек.

Всем сдельным, кроме чесальщиков, сушильщиков, сдельных геклинщиков, тачечников, киповщиков и чистильщиков пряжи и

нитки, будет прибавляться 5% к их заработку, рассчитанному по существующим сдельным расценкам.

3. Наши поденные платы и сдельные расценки составлены в расчете, что рабочие живут на собственных квартирах, а потому выдавать рабочим квартирные деньги мы признали невозможным.

4. Отмена штрафов невозможна, ибо тогда не будет разницы между рабочим исправным и неисправным, увольнение же неисправных будет только более тягостным для рабочих, а так как штрафные деньги обращаются в штрафной капитал и идут на нужды рабочих, то отмена штрафов не имеет смысла, а потому отменить штрафы за невыход на работу признали невозможным.

5. Вежливое обращение признавали и признаем обязательным для обеих сторон.

6. Улучшение вентиляции всегда было и будет нашей первой заботой и, если чем задерживается, то лишь изысканием к тому наилучших способов.

7. Медицинская помощь подается и будет подаваться при стремлении администрации фабрик исполнить все основательные требования рабочих; в каждом отдельном случае недовольства ею рабочие имеют обращаться с жалобою к администрации фабрик или к фабричному инспектору.

8. Требования, предъявленные Ново-Костромской Льняной мануфактуре: «когда рабочий повреждения товару не сделал, чтобы не было штрафа», понимаем как заявление, что, по мнению рабочих, штрафы иногда налагаются без достаточного к тому основания, и можем лишь предложить рабочим обращаться за объяснениями в каждом отдельном случае к ближайшему начальству того лица, которое штраф наложило.

9. Установить, чтобы выбранные депутаты оставались депутатами рабочих и после забастовки — не в нашей власти, но если это есть выражение вашего стремления к учреждению постоянных союзов рабочих, то оно вполне совпадает с нашим желанием, осуществление же требует законодательного решения, о чем было заявлено перед Правительством представителями промышленности.

10. Не арестовывать за забастовку не в нашей власти, об увольнении за забастовку не может быть и речи, ибо всем рабочим уже объявлен расчет, но мы согласны принять на работу всех, за исключением тех, которые за время забастовки будут уличены членами администрации наших фабрик в нанесении имущественного вреда фабрикам или насилии над служащими и рабочими фабрик.

За прогульные дни нынешней забастовки, а равно и за майскую забастовку на фабрике т-ва Ново-Костромской Льняной м-ры ничего заплачено не будет.

11. Выдача жалованья всем рабочим в ½ размере за время болезни и роженицам за 6 недель, а также выдача пенсий престарелым рабочим есть вопрос государственного страхования рабочих, который может быть разрешен только законодательным путем.

КАРТА

БАСТУЮЩЕГО РАЙОНА И МЕСТА РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОЙСК.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фабрики, подчеркнутые чертой ——— бастовали.

2. в Бонячках, Тезине, Вичуге и Каменке поставлено для охраны по одной роте нижних чинов, в г. Кинешме находятся две роты для охраны на фабрик Кинешемского района, расположенных по р. Волге.

Генерал-майор Богнев.

12. На фабрике т-ва бр. Зотовых, как и было обещано, ясли будут устроены; Анонимное Общество решительно к этому никакой возможности не имеет.

13. Женщины, кормящие грудью своих детей, будут беспрепятственно отпускаемы для кормления в 8 час. утра и 4 часа вечера, при наличности контроля со стороны администрации фабрик за ними.

14. Открыть школу для малолетних или выдавать деньги на приобретение учебных пособий Анонимное О-во не только не может, но и не считает для себя обязательным, ибо обучение детей есть забота государственная, для осуществления которой служат налоги государственные, земские и городские, которые Анонимное Общество и платит.

Рабочие! Вышесказанным исчерпывается все, что мы в силах дать вам; всякое с вашей стороны стремление принудить нас к дальнейшим уступкам встретит с нашей стороны полный отказ.

Рабочие! Приглашаем вас встать на работу с 6 час. утра 18 июля по свистку, который будет дан на наших фабриках. Если вы не приступите к работе в этот день, то мы закроем фабрики на неопределенное время.

Сергей Третьяков.
Андрей Зотов.
Л. Моргонов.

3. Влияние иваново-вознесенской забастовки на развитие стачечного движения в Костромской губернии.

М. В. Д.
Костромского Губернатора.
По канцелярии.

3 сентября 1905 г.
№ 2116.
Г. Кострома.

Секретно.

В Департамент Полиции.

Вследствие отношения за № 10876, с возвращением копии донесения старшего фабричного инспектора Костромской губернии, имею честь сообщить Департаменту Полиции нижеследующие сведения:

Существующая связь между рабочими Костромского промышленного района и соседнего Владимирского всегда сказывается на настроении рабочих во время движений как экономического, так и политического характера в главном центре рабочего движения, г. Иваново-Вознесенске. До 17 мая на всех фабриках Кинешемского фабричного района работы производились спокойно, и никакого движения в среде рабочих не замечалось. С 17 же мая от рабочих к владельцам вичугских фабрик начались предъявления требований об увеличении заработной платы и вообще об улучшении их поло-

жения. Первыми такое требование предъявили ткацкие подмастерья и часть ткачей, в числе 300 человек, на фабрике т-ва вичугских мануфактур бр. Ф. и А. Разореновых в селе Вичуге, но, несмотря на отказ заведующего фабрикою от исполнения их требований, работы не оставляли; 19 и 20 мая те же рабочие возобновили свои просьбы об увеличении заработка, но и эти просьбы не были удовлетворены. Видя отказ в своих просьбах, рабочие-ткачи этой фабрики, в числе 1830 человек, 21 мая, в 10 часов утра, произвели на фабрике забастовку работ; за ними 23 мая на той же фабрике забастовали рабочие ситцевого отделения. Просьбы ткачей отчасти были уважены, и они принялись за работу с 24 мая, а рабочие ситцевого отделения возобновили работы с 27 мая, хотя заработной платы им не прибавили. После того здесь работы прерывались с вечера 27 по 29 мая; в первый вечер, вследствие прихода толпы забастовщиков с других фабрик, а в последний день — по желанию администрации фабрики и рабочих, из опасения производить работы до прихода роты нижних чинов 308 Рославльского пехотного полка, отправленной из гор. Костромы к ним для охраны от насилия посторонних рабочих; с 29 мая нормальный ход работ на фабрике восстановился.

23 мая начались забастовки рабочих на фабриках: а) в селе Новой Гольчихе: 1) н-в П. Ф. Морокина, 2) И. Тихомирова и К° и 3) А. Ф. Морокина и б) в дер. Чертовищах торгового дома Е. Абрамовой с с-ми. Первыми забастовали рабочие на двух фабриках т-ва м-р Д. Морокина и И. Тихомирова и К° и н-в П. Ф. Морокина, по их же требованию забастовали рабочие фабрики А. Ф. Морокина. На фабрике Абрамовой с с-ми рабочие забастовали без постороннего влияния.

24 мая рабочие-забастовщики с фабрик Морокиных остановили завод Пелевина в с. Филипенках и, соединившись с рабочими этого завода, отправились на фабрику Коновалова с с-ми в с. Бонячках; здесь, сломавши фабричные ворота, вошли во двор и силою прекратили работы; отсюда забастовщики, к которым присоединилась часть рабочих Коновалова, около 300 человек, отправились в с. Тезино и там заставили прекратить работы на 3 фабриках: 1) Разоренова и Кокорева, 2) т-ва м-р Разоренова и Кормилицина и 3) Н. Г. Разоренова. 25 мая, по принуждению забастовщиков, остановлены работы на фабриках Волжской мануфактуры Миндовского и Бакакина в с. Сошниках и н-в Г. А. Кокорева в Старой Гольчихе; по примеру их, рабочие этих фабрик предъявили к хозяевам свои требования. 28 мая забастовали самостоятельно рабочие на фабрике Клюшникова в с. Писцове; 30 мая вечером они пытались остановить работу на Райковской фабрике А. С. Разоренова, а на другой день, вечером 31 мая, к ним же явилась толпа рабочих, забастовавших на фабрике «Каменка», Коновалова с с-м, но рабочие этой фабрики, не желая к ним присоединяться, работы возобновили, не предъявляя требований.

Всего в Вичугском фабричном районе забастовали рабочие на 15 фабриках, в количестве до 15.000 человек. Хотя особой организации забастовщиков замечено не было, но они почти ежедневно собирались на сходки близ села Тезина. 27 мая рабочие забастовавших фабрик предъявили своим хозяевам требование об увеличении заработной платы и об улучшении их положения. Предъявленные требования большинством фабрикантов отклонены. Во время забастовки на многих фабриках давались призывные фабричные свистки, и часть рабочих являлась на работу, но каждый раз работа прекращалась силою забастовщиков. На некоторых фабриках были поломаны ворота, на фабрике Разоренова и Кокорева в с. Тезине побиты несколько работавших женщин. В селе Вичуге из фабричной кухни взято до 50 хлебов, но буйств и насилий не было.

За несколько дней до начала забастовок ходили слухи, что в Вичугский район приезжало несколько организаторов из г. Иваново-Вознесенска, но обнаружить их не представилось возможным.

На место выезжали командированные мной Вице-Губернатор и Старший Фабричный Инспектор; последний на сходках забастовавших рабочих разъяснял им их права и обязанности, а также указывал на бесспельность многих из их требований, как не разрешенных существующими законами о фабричной промышленности и на опасность дальнейшего упорства их, которое может привести к закрытию многих фабрик или значительному сокращению на них производства, а, следовательно, и числа рабочих. После означенных разъяснений вечером того же дня забастовавшие рабочие возбудили между собою вопрос, настаивать ли на своих требованиях или приступить к работам, и большинством голосов на сходке решили продолжать работы на условиях, объявленных при найме. Первыми с этим заявлением явились в этот вечер рабочие фабрики Коновалова, а остальные — на другой день. На основании помянутого заявления работы возобновились с 2 июня на фабриках: на одной Коновалова в с. Есячихах, на трех Кокорева, Кормилицына и Разоренова в с. Тезине, с 5 июня на одной Клюшникова в с. Писцове, на одной в с. Старой Гольчихе и-в Кокорева и на трех в с. Новой Гольчихе Морокиных. В Гайкове работы были пропущены только одной сменою; в Каменке у Коновалова приступлено к работам с утра 4 июня. Ранее этих фабрик приступили к работам в с. Вичуге у бр. Разореновых 28 мая, в д. Чертовищах у Абрамовой 27 мая, в с. Никольском-Сошниках у Миндовского с 1 июня, на заводе же Пелевина, хотя не в полном количестве рабочих, приступлено к работам 7 июня. Во время забастовки рабочие выказывали иногда враждебное настроение к должностным лицам, но угрозы выражались только на словах; порядок на означенных фабриках поддерживался 6 ротами 208 Рославльского пехотного полка, которыми во все время нахождения их на местах забастовок оружие не употреблялось.

Одновременно с этим в г. Костроме 23 мая начались стачки на фабрике Новой Льняной мануфактуры (5.000 человек), но благодаря некоторым сделанным рабочим уступкам последние 30 мая вновь стали на работу. Такая же кратковременная приостановка была на фабриках Зотовых и Чумаковых.

Таким образом, прекращаясь и вновь возникая, забастовки на той или другой фабрике г. Костромы продолжались до начала июля, когда впервые в г. Костроме забастовали все фабрики, и забастовка эта длилась до 26 июля, когда удалось достигнуть перевеса благонамеренной части рабочих над партией молодежи, требовавшей продолжения забастовки.

Нет никакого сомнения в том, что продолжительность иваново-вознесенской стачки и обстоятельства, при которых она протекала и которыми сопровождалась, в связи с усиленной агитацией лиц, именующих себя членами социал-демократической партии, значительно влияли на ход костромской забастовки. Я решительно утверждаю, что костромская полиция, если принять в соображение ее численный состав, не только не бездействовала, но лишь благодаря ее непрестанному вниманию и полному самоотвержению мне удалось локализировать рабочее движение и сохранить его в границах исключительно экономической борьбы. За время забастовки чины полиции действовали под моим непосредственным руководством и в полном согласии с фабричной инспекцией. Прибегнуть к репрессиям, арестам и действию силой в городском районе с 10-тысячным фабричным населением, охваченным волнением, не представлялось возможности уже по одному тому, что в то время я располагал лишь тремя ротами неполного комплекта и в составе исключительно запасных нижних чинов, преимущественно костромичей, отнюдь не представляющих гарантии, что в решительную минуту они окажутся действительной, а не номинальной лишь силой, да и принятие таких мер не отвечало плану действий, направленному к мирному разрешению кризиса, что и было достигнуто.

Указание Старшего Фабричного Инспектора на некоторую бестактность действий образованной, с моего согласия, по постановлению Думы комиссии для изыскания мер к прекращению безработицы, начавшей неблагоприятно влиять на санитарное состояние рабочих кварталов города, имеет действительно основание, так как рабочие в предложении членов комиссии, сделанном фабрикантам, могли усмотреть, что сочувствие комиссии на их, рабочих, стороне; тем не менее, уже тот факт, что комиссия эта просуществовала лишь несколько дней перед самым возобновлением 26 июля работ, свидетельствует, что никакого влияния на продление стачки вмешательство в это дело городского управления не имело.

Что же касается вторжения в пределы Нерехтского уезда, в местности, прилегающие к г. Иваново-Вознесенску, безработного люда

из этого города и, в частности, разбойничьего нападения на дом фабриканта Малахова близ деревни Дуляпино, то нерехтская уездная полиция была бессильна предупредить такие нападения. По личному моему, тотчас после означенного случая, объезду всего Середского фабричного района, я убедился в полном спокойствии фабричных рабочих этой местности и отсутствии каких-либо оснований заподозреть их в участии в разбойнических шайках. Производимое ныне судебными властями предварительнсе следствие, при энергичной помощи местного уездного исправника, обнаружило часть принимавших участие в нападении на дом Малахова лиц, арестованных в г. Иваново-Вознесенске.

В настоящее время в Нерехтском уезде, несмотря на отсутствие там какой-либо военной охраны, все спокойно.

Губернатор (подпись).

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ.

I. ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ОДЕССЕ.

1. Призыв к всеобщей забастовке.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К забастовке!

Громом прокатились по всей стране петербургские события. 9 января двести тысяч петербургских рабочих потребовали улучшения своей каторжной жизни.

Но петербургские рабочие просили не только об облегчении своей участи. Они требовали 8-часового рабочего дня для рабочих всей России. Они требовали прав и свободы для всей страны. Петербургские рабочие боролись за общее кровное дело всех русских рабочих. На защиту наших общих требований и прав положили они свою жизнь.

И это поняли рабочие других городов. Они поняли, что начинается решительная борьба с угнетателями всего народа — царским правительством. Они поняли, что пришло время, когда рабочий народ может освободить всю страну. Они поняли, что для этого необходимо встать на борьбу всему рабочему народу, всем честным людям. И они присоединились к петербургским товарищам. И с тех пор — целый месяц — борьба не прекращается.

Вся Россия охвачена восстанием. Почти нет городов и местностей, где бы не происходили забастовки, демонстрации, сражения с войсками. В Польше наши товарищи, польские и еврейские рабочие, продолжают борьбу. Уже тысячи из них лежат в могиле. Но они не сдаются. Они вооружаются. Они готовятся к новой борьбе. Они готовятся к победе.

Забастовал весь Кавказ. Вооруженные массы рабочих и крестьян во многих местах остались победителями. Они основали свое временное правительство.

Опять начинается забастовка в Петербурге. Забастовка в Киеве, в Харькове, Екатеринославе, Кременчуге, Мариуполе. Бастует Крым. Забастовка началась даже в Сибири.

Весь мир смотрит теперь на Россию. Рабочие всех стран, честные люди всего мира выражают свой восторг и свое сочувствие российскому пролетариату. Они преклоняются перед его героической борьбой.

Колеблется царское самодержавие. Близится день его крушения. Близится день, когда весь народ предаст суду своих угнетателей и сам начнет устраивать свою судьбу.

И только мы, одесские рабочие, до сих пор не приняли участия в этой борьбе. Только мы спокойно смотрим, как гибнут тысячи наших братьев в борьбе за наше общее дело. Да будет стыдно вам, товарищи!

В 1903 году была и у нас всеобщая забастовка. Мы добились некоторых улучшений нашего положения. Но правительство и хозяева делают уступки только для того, чтобы их поскорее потом взять обратно. Когда рабочие массы устанут от борьбы, успокоятся, — сейчас же вводятся старые порядки.

Недавно правительство ввело в р е м е н н о на железных дорогах девятичасовой день. Этой уступки добились для нас рабочие всей России. Но и эта уступка будет отнята потом.

Чтобы этого не было, чтобы рабочие всегда могли отстаивать свои права, необходимо, чтобы у нас существовала свобода слова и печати, свобода союзов и стачек. Необходимо, чтобы весь народ через своих выборных, доверенных людей управлял страной.

Чтобы ввести в стране такие новые, свободные порядки, необходимо созвать У ч р е д и т е л ь н о е С о б р а н и е из представителей от в с е г о народа, избранных равным для всех, прямым и тайным голосованием.

Только тогда рабочие смогут вести борьбу за лучшую долю, за светлое будущее, за социализм.

Это поняли рабочие всей России, и они выставили все эти требования. Они потребовали созыва Учредительного Собрания.

Товарищи! Волнуется вся Россия. Народные массы собственными руками завоевывают себе счастье.

Долго ли мы, одесские рабочие, будем оставаться спокойными? Пора и нам примкнуть к великой борьбе, которая охватила всю страну.

Счастье всего народа, наше собственное счастье зависит от нас. Во имя наших голодных жен и детей, во имя погибших уже борцов, во имя лучшего будущего и торжества справедливости должны мы притти на помощь тем, кто ведет теперь борьбу с царским правительством.

Этого требует наша честь, честь одесских рабочих.

Встаньте, товарищи, приближается время решительной битвы!

Бросайте работу! Выставляйте свои требования. Требуйте все 8-часового рабочего дня, созыва Учредительного Собрания из представителей всего народа, избранных равным, прямым и тайным голосованием.

Вперед, товарищи! Очередь за нами!

Да здравствует русская революция!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует Российская Соц.-Дем. Раб. Партия!

Одесская группа Центрального Комитета РСДРП.

Февраль 1905 г.

2. Брожение среди рабочих после 9 января.

Шифрованная телеграмма начальника Одесского Жандармского Управления Директору Департамента Полиции от 11 января 1905 г.

Революционеры и демократы агитируют за устройство всеобщей стачки, первыми могут забастовать железнодорожные мастерские; к ослаблению агитации меры принимаю; градоначальнику доложено.

Подполковник Бобров.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 19, л. А. 1905 г.]

Начальник Одесского Охранного Отделения.

27 января 1905 г.
№ 681.
Г. Одесса.

Секретно.

Господину Директору Департамента Полиции.

Происходившие в первой половине сего января месяца волнения и забастовки рабочих в Петербурге и некоторых других городах вызвали агитацию и в местных революционных организациях, сопровождавшуюся, главным образом, распространением революционных воззваний, призывающих к забастовке, и попытками к прекращению работы на заводах.

Так 1) Одесским комитетом партии социалистов-революционеров были распространены воззвания: «К работникам и солдатам г. Одессы» и «Ответ г. Нейдгарту»;

2) Одесским комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии — «Ко всем рабочим г. Одессы» и «К рабочим и работницам г. Одессы»;

3) Одесской социал-демократической группой (меньшинства) Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии — «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» и

4) Группою анархистов-коммунистов — «К безработным и рабочим» и «Товарищи рабочие».

Агентурные сведения указывали, что 13 января со стороны прикосновенных к местным революционным организациям лиц будут произведены попытки приостановить работы в одесских главных мастерских Юго-Западных железных дорог. Действительно, после 8 часов утра 13 января поселянин Самарской губернии, по ремеслу слесарь, Фридрих Кондратьев Файер, проник в машинное отделение означенных мастерских и дал тревожный свисток, почему был задержан самими же рабочими и передан в распоряжение полиции. По личному обыску у Файера обнаружены стихотворения революционного содержания и заметки об устройстве Японской Империи, а в квартире — № 77 «Искры» и рукописи, подлежащие рассмотрению.

Одновременно с сим, унтер-офицером Одесского Отделения Жандармского Полицейского Управления железных дорог Степаном Ефимовым были замечены около тех же мастерских пять неизвестных посторонних рабочих, видимо, намеревавшихся войти в общение с рабочими мастерских, почему трое из них были им задержаны, и по установке оказались: мещанином Новгородской губернии Хаимом Вольфом Пейсаховым Гармидером; крестьянином Харьковской губернии Зиновием Ивановым Кирпаневым и мещанином Волынской губернии Ицкой Мееровым Сиркисом; остальные же двое, намеревавшиеся скрыться, были настигнуты мастеровыми депо Одесса-Главная, Даниилом Наютиным и Василием Савицким, при чем один из уходивших, оказавшийся севастопольским мещанином Михаилом Павловым Самохваловым, бросил под забор мастерских сверток, что было замечено учениками того же депо Ильей Лемишевским и Федором Франком. В означенном свертке оказалось 67 экземпляров упомянутого выше воззвания «К работникам и солдатам г. Одессы», издания местного Комитета партии социалистов-революционеров. Самохвалов и уходивший с ним, не приписанный ни к какому обществу Израиль Самойлов Ушеров также были задержаны и препровождены полицией, вместе с воззваниями, в распоряжение Начальника Жандармского Управления г. Одессы.

В тот же день на станции Одесса-Товарная были задержаны городовым Михайловского участка Саввой Курием: мещане Илья Брандман, Илья Беров Шер и Пинхус Лейбов Баер, из коих первый, невзирая на запрещение станционного жандармского унтер-офицера, пытался пройти к железнодорожным мастерским, а последние двое пытались проникнуть в то самое машинное отделение, где был произведен тревожный свисток Фридрихом Файером. Означенные лица были обысканы (за исключением Баера, не имеющего определенного местожительства) и в виду безрезультатности обысков оставлены на свободе.

На-ряду с этим, того же 13 января работница прядильного отделения бумаго-джутовой фабрики, крестьянка Гродненской губернии Варвара Иванова Салита, собрав вокруг себя в помещении фабрики около 50 работниц и рабочих, подстрекала их к забастовке, говоря: «бросайте работу, забастуем, пойдем в контору и будем требовать уменьшения рабочего дня и увеличения платы». По указанию одного из слушавших Салиту, рабочего Прокопия Прядка, она была задержана, при чем по обыску у нее на квартире, в платье ее мужа, Ивана Иванова Салиты, было обнаружено 5 экземпляров упомянутого выше воззвания «Ко всем рабочим г. Одессы», издания Одесского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Наконец, намерение вызвать забастовку сопровождалось еще распространением лоскутков бумаги с надписью каучуковыми буквами: «Долой самодержавие, товарищи, пора вооружаться, требуем 8 часов», каковые, в количестве 35 штук, были подобраны городовым Егором Беланом на углу Манежной и Градоначальнической улиц.

Донося об изложенном Вашему Превосходительству и представляя при сем 2 воззвания группы Анархистов-коммунистов, каждое в 10 экземпляров, докладываю, что Файер и Самохвалов, Ушеров, Гармидер, Кирпанев, Сиркис и Варвара Салита заключены под стражу в порядке положения о Государственной Охране, и переписка о них представлена Начальнику Жандармского Управления г. Одессы для возбуждения по сему делу дознания, в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопр.

Полковник (подпись).

Начальник Одесского Охранного Отделения.

17 февраля 1905 г.
№ 1217.
Г. Одесса.
Стр. 18.

Совершенно секретно.

Господину Директору Департамента Полиции.

В дополнение телеграммы от сего числа доношу Вашему Превосходительству, что местные революционные организации, главным образом, Одесская группа (меньшинства) Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, не будучи в состоянии помириться с тем, что в г. Одессе до сего времени рабочие не принимали активного участия в политической борьбе, ведут усиленную агитацию за устройство всеобщей забастовки, при чем стремления их направлены прежде всего на фабрику жестяных изделий Вальтуха, где работает свыше 400 еврейских подростков. С этой целью группой выпущены воззвания «К забастовке» и «К рабочим фабрики Вальтуха», каковые воззва-

ния при сем представляю. На-ряду с этим, агитация ведется и в учебных заведениях, преимущественно коммерческих, также переполненных евреями, а равно в переплетных мастерских и типографии Южно-Русского Общества печатного дела.

Возможно, что из опасения забастовки владельцы некоторых заводов добровольно приостановят работы на 19-е февраля, при чем Директор Товарищества Южно-Русского кожевенного производства Пекаторос, известный отделению по своей политической неблагонадежности, уже заявил желание закрыть завод на этот день и даже решил устроить для рабочих в заводской столовой банкет, о чем мною доложено г. Одесскому Градоначальнику.

Подполковник Бобров.

---

3. Требования рабочих и первые забастовки.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим железнодорожных мастерских.

Товарищи! Вам ли не знать, как устроен наш мир — мир эксплоатации, всякого гнета и неправды. Не из умных книжек, а из собственного жизненного опыта знаете вы это. Миллионы людей, не имеющих ничего, кроме своих собственных рук и рабочей силы, и немногочисленная кучка хищников, покупающих эти руки и силу. Миллионы в нужде и в горе — тысячи в довольстве и счастье! К этим хищникам принадлежат не только отдельные лица и компании, но и правительства разных стран. И нередко правительство, казна оказывается худшим хищником, нежели частные предприниматели. С таким хищником имеете дело и вы, железнодорожные рабочие. Много ли вам надо говорить о том, что напрасна ваша надежда на добрую волю казны. Вы будете надеяться и просить, и молчание да презрение вам будут ответом. А когда чует ваш хозяин, казна, что к концу подходит ваше терпение, когда начинают мелькать в ваших глазах искорки гнева, тогда казна делает вид, что она добра к вам и начинает говорить сладкие речи, обещает вам свое внимание. Не верьте! Что сегодня вам дадут, то у вас завтра отнимут. Никто из угнетателей ничего не дает, все надо брать с бою, а завоеванное однажды удерживать силой и угрозой новой борьбы. Вы такие же рабочие, как и все: у вас есть один только путь добиться улучшений: это завоевать их борьбой — упорной и смелой борьбой. Но в борьбе ни каждый в отдельности, ни маленькие кучки не составляют силы. Нужно соединиться всем на одно общее дело. Всем рабочим каждого заведения нужно объединиться, без различия

цехов, в одну общую, сплоченную боевую колонну. Только объединившись, вы можете победить. Долой семейные интересы каждого отдельного цеха самого по себе, да здравствует общее дело цехов, взятых вместе.

Кто хочет ослабить армию, тот разбивает ее на отдельные части без общей связи, общего руководства. Кто разъединяет армию, тот не друг ее, а лютый враг. Кто убеждает разделиться по цехам, тот нарочито все хочет ослабить. Нашлись среди вас такие молодцы, что агитировали среди вас за обсуждение требований по цехам, а не всем сообща. Те, которые вели такую агитацию, не друзья ваши, а враги. По непониманию своему или по злому умыслу они играли на руку вашим угнетателям, т.-е. казне, администрации. Хотя или нехотя, они — предатели вашего кровного, рабочего дела. И еще одно предательство, вольное или невольное, учинили над вами те, которые должны были бы представлять ваши интересы. Выборные от цехов, в количестве 22 человек, составили с вашего общего согласия ряд требований для представления администрации. И что же случилось? Когда из числа 22 человек четверо были выбраны в качестве депутатов для представления требований начальству, каким-то чудом самые коренные требования куда-то исчезли. Это были: требования свободы слова, печати, союзов, собраний, стачек и требование о принятии обратно товарищей, уволенных за участие в стачке 1903 г. Каким образом исчезли эти требования? Очень просто: четверо депутатов, под давлением администрации, самовольно вычеркнули эти требования. Вы слышали, как хотело поступить правительство с петербургскими рабочими при выборах в комиссию по рабочему вопросу? Правительство разбило рабочих на цехи так же, как и у вас. Что же ответили рабочие? Они потребовали, чтобы это разделение по цехам было уничтожено, ибо оно вредно для защиты рабочего дела. Они потребовали гласного, публичного обсуждения всех дел и, стало-быть, всех действий своих выборных, чтобы заручиться контролем над ними. Поэтому, товарищи, если вы хотите воевать за правое дело, требуйте свободы собраний для всех цехов сообща! Долой разделение по цехам! Требуйте обсуждения дел на общей сходке под вашим собственным контролем, без вмешательства и без присутствия администрации и жандармов! Потребуйте неприкосновенности как для ваших депутатов, так и для всех рабочих, принимающих участие в обсуждении дел! Требуйте права бесцензурного отчета в газетах о ваших собраниях! Требуйте все это, и пусть вам дадут письменное ручательство высшей администрации, что это будет выполнено! Пусть это ручательство будет тоже напечатано в газетах! И еще одно. Пусть будет исполнено то, что уже раз обещано вам. Не допускайте никаких отступлений! Разве вам не обещали повышения расценок на 20%? И вот теперь отказываются выполнить это обещание. Вместо ответов на запрос депутатов, к ним повертываются спиной. Должны ли вы это

дольше терпеть? Пусть все ваши требования будут удовлетворены, пусть все изложенные здесь условия будут выполнены!

При исполнении этих условий, приступите вновь к обсуждению ваших дел. Если нет, бросайте работу и присоединяйте свой голос к голосу рабочих всей России. Разве вы не такие же, как и петербургские рабочие и все другие рабочие? Что им нужно, нужно и всем вам. У всех рабочих одно общее дело.

Обсуждайте же на ваших собраниях общие требования всех российских рабочих.

Российские рабочие требуют:

1. 8-часового рабочего дня.
2. Свободы слова, печати, собраний, союзов и стачек.
3. Немедленного созыва Учредительного Собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.
4. Немедленного прекращения войны.

А к этим общим требованиям всех рабочих присоединяйте свои собственные:

1. Повышения расценок на 40%.
2. Полной платы за время болезни.
3. Установления наименьшей платы для чернорабочих в 1 руб. в день.
4. Прослуживши 2 года, через каждые 2 года пользование месячным отпуском, а через год 2-недельным с сохранением поденной платы.
5. Выдачи билетов по всем дорогам.
6. Отмены сверхурочных работ.
7. Отмены циркулярного распоряжения с угрозой наказания.
8. Принятия обратно товарищей, уволенных в 1903 г. за участие в стачке.

Одесская группа Центрального
Комитета РСДРП.

Требования портовых рабочих.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем портовым рабочим.

Огромные пароходы, нагруженные сотнями тысяч и миллионами пудов товаров, плавают по всем морям и рекам. Миллионные богатства развозят эти морские и речные чудовища по всем народам земли. Кто произвел эти миллионные богатства? Сотни тысяч рук трудящихся в поте лица своего. Кто нагрузил огромные чудовища этими богатствами? Кто разгружает их и прилагает свою руку, чтобы разлить эти товары по лицу земли? Вы, товарищи, все те же трудящиеся и согнутые под тяжестью непосильного труда. А что вы полу-

чаете на свою долю за весь тяжелый труд? Сухой кусок хлеба, да и то не всегда. А остается ли у вас от вашего труда время отдохнуть и подумать о том, что вы не рабочая скотина, а люди, как и те, что кормятся от рук ваших? Нет, товарищи, вы работаете без передышки и днем и ночью. Почему же это так? Почему вы должны, не покладая рук, трудиться и в награду бедствовать, а другие, владельцы этих пароходов и товаров, могут отдыхать и жить в довольстве? Потому, товарищи, что каждый из вас думает свою думу врозь. Потому, что вы еще не научились бороться вместе сплоченно и дружно против ваших угнетателей. Возьмитесь же за ум, как взялись рабочие по всей России. Встаньте все вместе и держитесь крепко, пока не добьетесь лучшей доли.

Грузчики забастовали. Присоединяйтесь к ним все, присоединяйтесь и бодро идите в бой.

Требуйте:

1. 8-часового рабочего дня.
2. Упразднения подрядчиков и передачи работы в руки самих рабочих.
3. Воспрещения ночных работ.
4. Двойной платы за сверхурочные работы.
5. Воспрещения работы в воскресные дни и двунадесятые праздники.
6. Прекращения работ в субботние и предпраздничные дни в 2 часа пополудни.
7. Увеличения поденной платы до 2 р. 50 к. в день.
8. Разрешения общего собрания всех рабочих г. Одессы для обсуждения своих нужд.

Одесская группа Центрального
Комитета РСДРП.

25 марта 1905 г.

Волнения на фабриках и в учебных заведениях.

М. В. Д.
Одесского
Градоначальника.
По канцелярии.
Стол 2

Марта 22 дня 1905 г.
Г. Одесса

Секретно.

Господину Министру Внутренних Дел.
По Департаменту Полиции.

В дополнение к телеграмме моей, посланной о занятии полицейских участков войсками и вызове астраханских драгун из Тирасполя, в виду крайне тревожного настроения жителей гор. Одессы и фабричного населения, имею честь представить, что в конце февраля с. г. на фабрике жестяных изделий Вальтуха, сильно распропагандированной, на которой до сего времени работа производилась

по 10½ часов в сутки, администрацией фабрики был уменьшен рабочий день на ½ часа. Оповещенные об этом рабочие остались этим недовольны, так как хотели, чтобы время работы было уменьшено не на ½ часа, а на целый час, в виду чего сговорились не пользоваться на фабрике этим получасом и оставаться на работе до 7 час. вечера.

Для недопущения какого-либо беспорядка были приняты надлежащие меры, и в 6½ часов вечера, когда дан был свисток об окончании работ, рабочие, хотя и с заметной заминкой, вышли из фабрики. На следующий день, вечером, также были получены сведения, что на фабрике Вальтуха в обеденное время рабочие бастуют и не станут на работу, потребовав 8-часовой рабочий день, что возвещалось несколькими печатными прокламациями, указывавшими на работу комитетов в организации этой забастовки. В виду этого, ко времени выхода рабочих на обед, в 12 часов дня, был расставлен у фабрики полицейский наряд, которому вменено было не допускать насилия над теми рабочими, которые после обеда пожелали бы вступить на работу. Наряду удалось подметить нескольких посторонних лиц, старавшихся проникнуть на фабрику, из них 2 были арестованы, как подстрекатели, и предполагаются к высылке, а остальные отогнаны. В 12½ часов дня, когда приближался час начала работ, вблизи фабрики рабочие начали группироваться, но полицейский наряд удалял их, когда же раздался свисток, призывавший рабочих вступить на работу, многие рабочие, преимущественно молодежь, подошли к воротам фабрики, повидимому, желая не допускать входить остальных, в это время у фабрики собралась значительная толпа посторонних, но вызванная мной заблаговременно сотня казаков прошла широким фронтом по улице, отодвинула и рассеяла толпу, а рабочие стали входить в фабричные ворота, и работа началась. В 3 часа дня на той же фабрике одним из рабочих, но кем — неизвестно, был произведен тревожный свисток, с целью заставить рабочих выйти из мастерских фабрики и прекратить работу. Услыхав неурочный свисток, рабочие выбежали во двор, но, вняв увещаниям администрации фабрики, успокоились, и все стали продолжать работать. После обеда не явилось работать всего 7 человек.

23 того же февраля в отделении табачной фабрики торгового дома сыновья И. Асвадурова прекратили работы рабочие-евреи, в виду высказанного недовольства принятой в отделении расценкою труда. На следующий день число забастовавших удвоилось, тогда я послал собрать сведения, откуда родом и где прописаны забастовавшие, так как могла явиться надобность отправить их на родину. Эти опросы произвели отрезвляющее действие и после согласия администрации фабрики на уменьшение рабочего времени на полчаса при прежнем окладе жалованья, все рабочие с утра 28 февраля вновь явились на работу. 28 же февраля в типографии Гальперина и Швейцера, в которой печатается газета «Коммерческая Россия»,

рабочие, в числе 37 человек, прекратили работы, требуя прибавки жалованья и уменьшения рабочего дня с 10 часов на 9. В виду просьбы издателя газеты Соколовского, заинтересованного в скорейшем возобновлении работ, владельцы типографии изъявили согласие удовлетворить требования рабочих на две недели, в течение которых Гальперин и Швейцер предполагают набрать для типографии новый штат. В обоих указанных случаях внешний порядок ничем нарушен не был и никаких насильственных действий не было допущено.

К этому обязываюсь доложить, что все революционные организации напрягали крайние усилия и широко пропагандировали прокламациями своевременность забастовки для общего протеста, и что, если бы меньшая бдительность полиции допустила бы начало забастовки хотя на одной фабрике, то это неминуемо разлилось бы вновь по всем фабрикам и ремесленным заведениям. Посему поставил я в особливую обязанность полиции не давать разгореться этим мелким вспышкам, и если результаты оказались благоприятными, то благодаря деловитой осведомленности Начальника Охранного Отделения подполковника Боброва и полной готовности Командующего войсками итти навстречу моих распоряжений.

Наконец, общие события последнего времени и сведения о забастовках в средних учебных заведениях других городов отразились и на некоторых из средних учебных заведений г. Одессы. (Университет и высшие женские курсы закрыты в декабре.) 23 февраля ученики электро-технической школы Соколовского, в количестве 220 человек, прекратили занятия и предъявили владельцу школы требования об ускорении утверждения устава школы, улучшении состава преподавателей и введении практических работ по электротехнике. Занятия в этой школе до настоящего времени не возобновлены, и школа закрыта. 18 февраля из художественного училища Одесского общества изящных искусств было сообщено полиции, что в рисовальных классах училища между учениками возникли беспорядки. Прибывший к училищу полицейский наряд застал учеников выходившими на улицу; последним было предложено не группироваться большими партиями и разойтись по домам, что и было исполнено, при чем, однакоже, 11 учеников были арестованы мной. О причинах возникших волнений учеников художественного училища директор училища академик Попов заявил, что в течение последних трех недель в училище начали появляться прокламации, призывавшие к забастовке. В день начала волнений в училище явился бывший ученик, а ныне студент С.-Петербургской Академии Художеств Калачев и окружившим его ученикам сообщил о бывших беспорядках в С.-Петербурге и о прекращении занятий в Академии до осени. Вошедший в это время директор училища предложил Калачеву удалиться и не отвлекать учеников от занятий: когда же Калачев вышел из училища, то часть учеников, около 60 человек из числа всех 300, подняла крик о забастовке и закрытии училища до осени. После ухода учеников на лестницах и в коридорах много

найдено изорванных прокламаций, напечатанных на гектографе. Занятия в училище еще не восстановлены, и советом училища, а также правлением общества, принимаются необходимые меры к прекращению волнений среди учащихся и к возобновлению деятельности училища. 23 февраля наставник Одесского Императора Николая I Коммерческого училища по телефону сообщил полиции, что ученики старших классов, несмотря на окончание занятий, не расходятся по домам и ведут себя неспокойно. По сообщенным директором училища сведениям, ученики 6 параллельного класса во время большой перемены собирались группами и о чем-то сговаривались, а к концу занятий во время 4 урока они не дали возможности преподавателю, профессору Чижову, продолжать урок. На убеждения успокоиться ученики заявили директору, что в настоящее тревожное время не могут продолжать учения и выразили желание прекратить занятия до сентября. По прекращении занятий ученики остальных классов, за исключением немногих, разошлись по домам, ученики же 6 класса не пожелали разойтись и упорно заявили, что не желают выйти из помещения училища, ведя себя в то же время крайне вызывающе. Вследствие сего, прибывшим полицейским нарядом все ученики по одному были удалены со двора училища на улицу и затем спокойно разошлись по домам. Как в помещении училища, так и во дворе полицией было найдено несколько прокламаций под заглавием: «Гражданам и гражданкам гор. Одессы» и «Ко всем трудящимся»; прокламации оканчивались словами «долой самодержавие», а также имели пометки Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. В то же время ко мне стали поступать заявления директоров различных средних учебных заведений, что ученики их готовятся присоединиться к демонстрантам, если они подойдут к училищу; посему у каждого училища были усилены наряды полиции и агентов сыскного отделения; было предложено особенное внимание обращать на передачу известий по телефонам постовыми городовыми и командой самокатчиков, одетых в штатское платье. Третья и четвертая смена городовых держались собранными при участках, а на праздничные дни масленицы, в виду напряженности настроения населения, ожидавшего погрома, мною были вызваны войска во все полицейские участки, и прибыли в Одессу три эскадрона Астраханского драгунского полка, которые, чередуясь с казаками, совершали проездки по городу и окраинам.

В настоящее время напряжение хотя и улеглось под влиянием Высочайшего рескрипта на имя Вашего Высокопревосходительства, но есть многие признаки угрожающего настроения масс, сильно вооружающихся. Револьверы покупаются в огромном количестве, несмотря на меры, принимаемые к ограничению пользования оружием. Замечается быстрое собирание толпы по каждому незначительному поводу и ненавистное отношение к офицерам, из которых один, сделавший замечание просящему милостыню нижнему чину, был немедленно окружен толпой, шапка с него была сбита, и он с револь-

вером в руках пробился к выходу, при чем стрелял в землю. Подоспевшим патрулем тут же был задержан студент, на котором найден целый транспорт нелегальной литературы. Крайне тяжелая служба полиции без отдыха и соединенные усилия военной и гражданской власти пока охраняют порядок.

В революционных кружках заметно было особенное волнение во время недавних политических процессов в Судебной Палате, из которых на одном подсудимый Борисов, выражая презрение суду, между прочим, выразился: «кто же нас судит? Я вижу Городского Голову, не он ли устраивал революционные банкеты и делал распоряжения о сборе нас всех, а теперь он же нас судит». Подсудимый тут был отголоском городской молвы.

Градоначальник (подпись).

Начальник Одесского Охранного Отделения.

14 мая 1905 г.
№ 2780.
Г. Одесса.
Стр. 109.
К № 2461.

Секретно.

Господину Директору Департамента Полиции.

В дополнение телеграммы от 5 сего мая доношу Вашему Превосходительству, что происходившие в течение апреля месяца волнения среди рабочих фабричных заведений и мастерских г. Одессы из-за улучшения их материального положения завершались в единичных случаях забастовками; вслед же за последовавшей 28 апреля забастовкой рабочих, в числе всех 100 человек, на заводе белой жести Левина, по Куяльницкой улице, предъявивших к администрации завода также требование о сокращении рабочего дня и увеличении заработной платы, каковое требование администрацией завода удовлетворено не было, представители местных социаль-демократических организаций решили воспользоваться моментом и образовали из себя 2 мая стачечный комитет с целью вызова всеобщей забастовки рабочих г. Одессы и дальнейшего руководства ею. В состав этого Комитета входили представители от Одесского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, Одесской группы при Центральном Комитете той же партии и Одесского социал-демократического комитета «Бунда», при чем от первого вошли члены комитета—кандидат прав Конституции Осипов Левицкий, известный в организации под именем «Осипа Ивановича» и «Дяди»: нелегальный «Борис» и ответственный организатор городского района «Михаил»; кто именно входил в состав Стачечного Комитета от Одесской группы, — неизвестно, а от «Бунда» известен лишь член его виленский мещанин Абрам Зельманов Баневур, именуемый в организации «Хаимом-оратором».

В течение первых двух дней, т.-е. 2 и 3 мая, забастовал ряд крупных и преимущественно мелких фабричных заведений и мастер-

ских, при чем к полудню 3 мая уже насчитывалось 49.000 человек в 43 фабричных заведениях и мастерских; таковые быстрые результаты деятельности «Комитета» были достигнуты тем, что в некоторые заведения посылались ораторы, которым и удавалось склонить их к забастовке; в некоторых же случаях небольшие группы рабочих, появляясь там, где продолжались работы, угрозами заставляли рабочих прекратить таковые. В период этого времени полициею были задержаны за подстрекательство к забастовке 33 человека. К вечеру 3 мая стачечный комитет уже распался, в виду возникших разногласий среди членов его, и каждая из трех упомянутых выше организаций начала продолжать свою агитационную работу самостоятельно, вследствие чего таковая была заметно ослаблена, не было видно в работе необходимой солидарности и энергии, и вообще дальнейший ход забастовки, уже охватившей достаточное количество промышленных учреждений, предоставлен был вскоре стихийному движению и инициативе самих рабочих. Того же 3 мая, в 12 часов дня, на конфетную фабрику братьев Крахмальниковых, где работали 257 человек, явился посыльный и передал в контору фабрики пакет, в каковом оказалось гектографированное на полулисте почтовой бумаги воззвание: «К рабочим и работницам фабрики Крахмальникова», впервые выпущенное от имени Одесской группы Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. В воззвании этом выставлялись, в первой части, требования экономического характера, а во второй — политического; заканчивалось же оно следующими словами: «А так как существующий политический строй не может нам гарантировать всего этого, то мы должны добиться созыва Учредительного Собрания, выбранного всем народом на основании всеобщего, равного, тайного и прямого согласия». Когда содержание воззвания стало известно рабочим, последние немедленно прекратили работы и спокойно разошлись.

Вслед за этим тою же группою выпущены и распространены: печатное воззвание «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы», призывающее к общей забастовке, и гектографированное «К рабочим типографии Левинсона». Одесский Комитет распространил гектографированные воззвания: «Товарищи», призывающее к общей забастовке, «К рабочим спичечной фабрики Бродского и К°» и «Товарищи», призывающее к вооруженному сопротивлению, а Комитетом «Бунда» были распространены гектографированные воззвания: «К малярам» и «Товарищи белошвейники»; кроме того, от имени местного Комитета «Поалей-Циона» было выпущено печатное воззвание, под заглавием «Товарищи приказчики».

Днем 5 мая была задержана полицей на улице за подстрекательство к забастовке рабочих пробочного завода Арпса, пропагандистка городского района, мещанка Фейга Левикова Дворкина, известная в организации под кличками «Лиза» и «Галя».

В дальнейшем, стачечное движение продолжало увеличиваться, и к 6 мая насчитывалось уже свыше 10.000 забастовавших в 98 заво-

дах и мастерских, т.-е. достигло наивысшей цифры прекративших работы, равнявшейся около $^1/_3$ всех рабочих г. Одессы, при чем из числа наиболее крупных фабрик не работали: элинги Русского общества пароходства и торговли и Беллино-Фендриха, земледельческих орудий Гена, жестяных изделий Вальтуха, литейный завод Шполянского, стеариновый завод Анонимного Общества, пробочные заводы Арпса и Юлиуса и табачная фабрика Попова. В это же время было особенно заметно, что сами организации далеко не были подготовлены к поддержанию всеобщей забастовки и не располагали достаточными денежными средствами для оказания помощи рабочим, почему с 7 мая в некоторых заведениях рабочие начали уже приступать к работам.

В числе заводов, продолжавших работы, находились и одесские главные мастерские Юго-Западных железных дорог, насчитывающие наибольшее количество рабочих из числа всех заводов г. Одессы, почему местный комитет (большинства) признал желательным вызвать забастовку в этих мастерских и передал исполнение сего в Дальницкий район, в состав которого входили представители означенных мастерских. Действительно, 8 мая, в квартире зубного техника Хаима Калманова Файнгорна состоялось собрание членов Дальницкого района, на котором в числе присутствовавших находились представители Комитета «Борис» и минская мещанка Дора Абрамовна Клебанова, известная в организации под именем «Сони», а также ответственный организатор района «Наум». На этом собрании выяснилось, что рабочих вокзальных мастерских едва ли удастся возбудить к забастовке, так как они экономически обеспечены лучше других. Резолюция этого собрания была сообщена «Наумом» члену Комитета Левицкому, который является председателем редакционной комиссии «Комитета». Вслед за этим Комитет распространил гектографированное воззвание «К составителям, спецщикам, стрелочникам и к переездным и вагонным сторожам Юго-Зап. жел. дор.», а 12 мая токарный цех мастерских, в числе 23 человек, недовольных расценкой, приостановил-было работу и пытался принудить к забастовке и другие цехи, но на другой день вновь приступил к таковым, и, таким образом, работы в мастерских по-прежнему продолжаются.

Из числа Городского, Пересыпского и Дальницкого районов, ведающих стачечным движением во всем городе, наибольшая деятельность проявлялась Дальницким районом, который на все время стачки установил явочные штаб-квартиры: сначала в кв. 37 дома № 24 по Прохоровской улице, а с 12 сего мая — в кв. 4 дома № 23 по Разумовской улице; в означенных квартирах ежедневно находились от 10 часов утра до 3 часов дня и с 5 до 7 часов вечера упомянутые выше «Борис», «Наум» и Клебанова для получения от являющихся туда с завода централистов сведений о ходе забастовки. Сведения эти ими приводятся в порядок и передаются в упомянутую выше редакционную комиссию Комитета, в составе которой, кроме

Левицкого, находятся ответственные организаторы: Городского района — «Михаил»; Пересыпского — «Тарас» и Дальницкого — «Наум».

В настоящее время замечается стремление рабочих продолжать работу, при чем всего не работает ныне 8460 человек в 54 заведениях и мастерских; в период времени с 2 по 12 мая задержано полицией всего 43 человека, на большинство из которых налагается административное взыскание в порядке обязательного постановления.

Донося об изложенном Вашему Превосходительству, представляю при сем воззвания: «Товарищи, царские опричники...», «Товарищи, стачечное движение...», «К железнодорожным рабочим» по 10 экз., «К составителям, сцепщикам, стрелочникам и переездным и вагонным сторожам Ю.-З. ж. д.» — 5 экз., «К рабочим спичечной фабрики Бродского и К°» — 2 экз., «Бюллетень Одесского Комитета о стачке по 7 мая» — 1 экз., «К поденным рабочим сахарного завода Бродского» — 5 экз., «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» — 2 экз., «К малярам» — 5 экз., «Товарищи белошвейники» — 1 экз. и «Товарищи приказчики» — 2 экземпляра.

Подполковник Бобров.

Движение разрастается.

М. В. Д.
Одесского
Градоначальника
Канцелярия.

Мая 30 дня 1905 г.
№ 325.
Одесса.
Стр. 116.

Господину Министру Внутренних Дел.

По Департаменту Полиции.

В последнее время почти во всех промышленных центрах России было замечено усиленное рабочее движение, выразившееся в стачках и забастовках в разного рода промышленных и ремесленных заведениях. Отклик этого настроения нашел себе место и во вверенном мне Одесском Градоначальстве. С первых чисел апреля рабочие начали прекращать занятия и предъявлять своим хозяевам разного рода требования, преимущественно сводившиеся к увеличению заработной платы, установлению праздничного отдыха и уменьшению рабочего дня.

8 апреля забастовали служащие в типографии Соколовского и других типографиях.

16 апреля — служащие в фотографиях.

19 апреля — булочники и пекаря.

25 апреля — на соляной мельнице.

28 апреля — на заводе белой жести Левина и на механическом заводе Краковшинского.

29 апреля — на наливном пароходе Манташева и К°.

2 мая — на литейном заводе Шполянского и на жестяной фабрике Вальтуха.

3 мая забастовали рабочие в Русском обществе Пароходства и Торговли, на литейных и механических заводах Беллино-Фендерих, Рестеля и Шполянского, на спичечной фабрике Асвадурова, табачной фабрике Попова, обойной Тернополя, конфетных фабриках Крахмальникова и Мееровича и других.

Таким образом, постепенно забастовки охватили самые разнообразные промышленные и торговые предприятия, с 28 апреля не производились работы на 109 фабриках, с общим числом рабочих 10.300 человек, но затем к 17 мая работы возобновились на 54 фабриках, с количеством 3.700 рабочих.

Признавая своею обязанностью принять все меры к сохранению общего порядка и скорейшему восстановлению правильного течения работ, я счел наилучшим для этой цели способом устройство под председательством состоящих в моем ведении чинов особых совещаний хозяев торгово-промышленных и ремесленных заведений и их служащих. На этих совещаниях, путем уступок с обеих сторон удалось приводить предпринимателей и рабочих к взаимному соглашению, так что в большинстве из перечисленных выше предприятий работы возобновлялись в самом непродолжительном времени. Хотя для регулирования отношений рабочих в многочисленных в Одессе хлебопекарнях и существовали уже особые правила, и в виду предъявления рабочими новых требований мною были изданы выработанные Одесскою Ремесленной Управою по соглашению с хозяевами и мастерами новые подробные правила о производстве работ в пекарнях, принятые громадным большинством рабочих и тем положившие конец забастовкам в этой отрасли. Независимо от сего и в других отраслях промышленных и торговых заведений мною принимались меры к урегулированию волнующих рабочее население вопросов относительно взаимных отношений представителей труда и капиталистов. Равным образом, мною принимались всесторонние меры к недопущению насилий со стороны забастовщиков в отношении лиц, не пожелавших прекратить работы, а также к предупреждению каких-либо манифестаций или уличных беспорядков. Для этой цели наряды полиции постоянно усиливались, и в местах сосредоточения фабрик и заводов распределялись ежедневно особые пешие и конные патрули, а в 12 пунктах города были размещены части местного гарнизона на случай необходимости быстрого привлечения военной силы в необходимое место. Кроме того, в предупреждение возможных особых затруднений для городского населения, по моему распоряжению, были отряжены войсковые команды на городскую электрическую станцию, газовый завод и водопровод, чтобы в случае забастовки в этих учреждениях немедленно же заменить рабочих нижними чинами и тем предотвратить перерыв в водоснабжении и освещении города. Нижними воинскими чинами пришлось воспользоваться и для быстрого прекращения стачки, возникшей между

бойцами на городских скотобойнях. Стачка эта угрожала самыми серьезными последствиями, так как местное население при сравнительной дешевизне в Одессе мясных продуктов привыкло к ежедневному их употреблению, и возвысившаяся в первый день забастовки цена на мясо, с нормальных 12 к. за фунт до 30 коп., вызвала справедливый ропот всего населения, в особенности же портовых рабочих, для которых мясо является главным продуктом питания. Необходимость быстрого прекращения этой стачки побудила меня немедленно же вызвать из местного гарнизона солдат, знакомых с работой на скотобойнях. Снабженные купленными по моему распоряжению ножами и прочими принадлежностями, нижние чины тотчас же приступили к работе и не допустили оставить местное население совершенно без мяса, а стачечники, увидя бесцельность забастовки, принуждены были приняться вновь за обычные работы. Подобными мерами, а также временным задержанием в разное время до 72 человек рабочих и ремесленников, пытавшихся заставить и остальное рабочее население примкнуть к их движению и подстрекавших своих единомышленников к демонстрациям, было достигнуто предупреждение каких бы то ни было уличных беспорядков и нарушения общественного спокойствия.

Об изложенном доводя до сведения Вашего Высокопревосходительства, докладываю, что, благодаря постоянной деловой осведомленности Охранного Отделения, непрерывному надзору и неустанной деятельности подведомственных мне чинов, а также мерам к склонению заинтересованных сторон к взаимным уступкам, возникавшие до сего времени забастовки в Одесском Градоначальстве не принимали угрожающих размеров, и рабочее движение протекало без внешних насилий и беспорядков.

Градоначальник (подпись).

4. Начало всеобщей забастовки.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Стачечное движение охватило и Одессу. Много фабрик, заводов и ремесл уже бросило работу. Стачки — одно из орудий рабочих против всех угнетателей-эксплоататоров, и мы призываем вас к всеобщей стачке. Пусть остановятся машины, пусть впадут в сон мастерские, фабрики и заводы — царство капитала.

Мы призываем вас, товарищи, присоединиться к требованиям пролетариата всей России. Эти требования нужно завоевать. Готовьтесь же, товарищи, к тяжелой борьбе, в которой нет пощады, падут тысячи и тысячи жертв, — это цена свободы миллионов. Мы тре-

буем замены царского правительства—народными представителями, выбранными на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, мы требуем 8-часового рабочего дня, мы требуем немедленного прекращения войны.

Долой царское правительство! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует пролетарская борьба за социализм!

Одесский Комитет РСДРП.

Май 1905 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Стр. 113 к. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Товарищи! Царские опричники не дают нам свободно бороться с капиталистами. Мы не можем даже устроить собрания, — полиция бросается на нас, как дикий зверь. Нас бьют и на улицах, и в трактирах, и в участках. 4 мая на Прохоровской, в «Ялте» и в «Коммерческом» трактире полиция произвела сильное избиение забастовщиков; 4 товарища отправлено в больницу; избитых и окровавленных товарищей отправляют в участок. На фабриках день и ночь стоят солдаты и казаки; фабриканты кормят и поят офицеров и солдат, чтобы купить их оружие против нас. Бродский выдает солдатам по 60 коп. в день и целый день угощает офицеров. В то время, как мы, голодные, требуем за свой каторжный труд человеческой жизни, тунеядцы под охраной штыков расточают созданные нашим потом и кровью богатства... Они издеваются над нами! Покажем же мы, товарищи, им свою силу! Не дадим бить себя, как безответных рабов! Не дадим им выхватывать из нашей среды лучших товарищей! Будем с оружием в руках защищать наше право на свободную борьбу, будем с оружием в руках защищать нашу честь, нашу жизнь! Вооружайтесь, чтобы быть готовыми в каждый момент дать отпор наемным убийцам и палачам! Будем готовы ко всему. Они не остановятся ни перед чем: сегодня нас бьют, завтра в нас будут стрелять...

Долой царскую полицию! Долой царских солдат! Долой убийц и палачей!

Да здравствует наша свободная борьба за лучшую жизнь!

Одесский Комитет РСДРП.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 1. Бюллетень Одесского Комитета о стачке по 7 мая.

I. Из отчета Дальницкого района. 1) 2-го утром забастовала часть рабочих сахарного завода Бродского. Была попытка остановить соседние заводы. Полиция и казаки разогнали

рабочих; трое арестовано. 2-го распространены наши листки на цементном и механическом Мюльнера. 3-го забастовали заводы: цементный, консервный и механический Мюльнера. На консервном и механическом были собрания, на которых выступали наши ораторы. Приведены все политические требования. На заводе Гена брожение, ждут снятия и известий с завода Гена на Пересыпи. На всех заводах брожение. На улицах группы человек по 50. Всюду разговоры о забастовке. Распространены наши листки «Ко всем рабочим», призывающие ко всеобщей забастовке. 2) 4 мая. Продолжают бастовать: цементный, консервный, механический Мюльнера. Стал на работу сахарный Бродского. Забастовали кожевенный (3-го забастовала часть рабочих, 4-го с утра стали на работу, потом опять забастовали), химический Левина и химический Бродского, маслобойный (не хотели бастовать в виду того, что завод через 5 дней закрывается на 2 месяца, но под влиянием нашей организации забастовали). Аркус маленький. Завод Гена продолжает ждать известий с завода Гена на Пересыпи. В депо брожение, вырабатываются требования. На Б. Фонтане спокойно, лишь маслобойни вырабатывают требования. Распространены листки на ваксенном заводе Жако. Были собрания и выступали наши ораторы: на кожевенном, консервном и механическом Мюльнера. На консервном после нашего оратора выступал оратор от групп ЦК; произошло столкновение между рабочими и хулиганами, организованными полицией. Настроение на всех заводах приподнятое. Так как вчера открыто говорили у заводов, полиция приняла меры и разгоняет нагайками. На цементном заводе она не дала кончить речи оратору. Около 1 часа дня полиция окружила «Коммерческий» трактир и ворвалась внутрь, началось избиение собравшихся там забастовщиков. Рабочие защищались, ранили городового и избили надзирателя. Надзиратель раскроил шашкой голову одному рабочему. 3) 5 мая. Часть рабочих сахарного завода Бродского опять забастовала; 200 человек ждали ночную смену, хотели избить за то, что продолжают работу; ночная смена осталась на заводе, боясь выйти. На заводе расположен эскадрон драгун в 400 человек. Бродский выдает солдатам по 50 коп. в день. Офицеры пьянствуют на счет завода. Продолжают бастовать заводы: цементный, кожевенный (утром некоторые рабочие пытались стать на работу, им не дали, троих избили), консервный, механический Мюльнера (держится крепко), маслобойня (в 12 час. некоторые рабочие пытались стать на работу, но им не дали), Аркус маленький. Забастовали заводы: пробочный Арпса (часть), газовый Левина, Гена, химический Дуб, суконный (забастовала часть рабочих, группа сознательных хотела снять остальных, но полиция не дала), мельница Имбера, химический Шестакова, механический Шифмана, земледельческих орудий Шелля. Волнуются, но продолжают работу: ваксенный Жако (ждут вторых листков), Келлера (была попытка снять, но полиция не дала), маслобойный Штак... Распространены наши листки: на цементном (вторые), на кожевен-

ном. Цементщики и кожевники ходили снимать других. Были собрания, и выступали наши ораторы у Мюльнера, у Арпса (разогнали казаки). На Б. Фонтане начинается брожение. Вокзал работает. Настроение на всех заводах приподнятое. Рабочие рвутся на улицу. Как только казаки разгонят, начинаются разговоры: «эх, нет оружия». Такие речи говорит несознательная масса. У солдат замечается настроение в пользу рабочих. Разгонять рабочих посылают казаков и недавно прибывших драгун. Был такой случай: кожевники сняли маслобойщиков. Подъехали драгуны; запасные, казармы которых помещались рядом с маслобойней, заявили драгунам: если вы будете бить рабочих, мы заступимся. У нас, в казармах, много штыков. 4) 6 мая. Продолжают бастовать: цементный, кожевенный, консервный (рабочие грозят насилием тем, кто стоит на работе), механический Мюльнера (рабочие выбрали депутатов к градоначальнику, но их удалось уговорить не посылать до завтра, завтра — собрание). Арпса (часть), газовый Левина, маслобойный (хозяин идет на уступки), Гена (сегодня рабочие пошли снимать на Пересыпь, но их разогнали, часть загнали на завод), Аркус маленький, мельница Имбера, механический Шифмана. Нет сведений о заводах: земледельческих орудий Шелля, химическом Дуб, химическом Бродского. Забастовала ваксенная фабрика Жако (часть, остальные ждут вокзала). Стал на работу суконный. Волнуются и ждут снятия заводы: Келлера, Энгеля, Пемера, паркетный; телеграфисты ждут известий из Киева. Распространены наши листки на ваксенном Жако (вторые). Было собрание, и выступали наши ораторы у Арпса. Арестована женщина. Настроение спокойнее, чем прежде. Бастующих у заводов мало, больше сидят по домам. На всех заводах, где есть движение, стачкой руководили мы. С другими организациями не приходилось сталкиваться.

II. Из отчета Пересыпного района. Первой забастовала мельница Вайнштейна. Рабочие пошли снимать с работы на другие мельницы. На другой день забастовали все мельницы. 2-го и 3-го забастовали заводы: Гена, Шполянского, Бродского, Новороссийского о-ва, Фендриха и Рестеля. 3-го состоялось собрание на заводе Шполянского. Сначала рабочие не хотели пустить на собрание рабочих с фабрики Бродского, но нашему оратору удалось убедить их, указав на интересы всех рабочих. Всего было свыше 300 человек. Когда наш оратор начал говорить, раздались восклицания, что не надо употреблять мешающих делу слов. На это оратор ответил, что, все равно, собрание незаконно. Тогда раздались крики: «Говорите все». Оратор поставил этот вопрос на баллотировку, и собрание решило единогласно, что надо говорить все. Оратор говорил 2 часа: подробно развил мысль о необходимости политической свободы для экономической борьбы. Выработали экономические и политические требования. Требования были приняты по пунктам единогласно. Около собрания стояли пристав и несколько городовых. Пристав пытался разглядеть оратора, который был окружен рабочими. После

этого толпа в 100 человек направилась к пробочной фабрике Юлиуса. Там был дан тревожный гудок, все высыпали, при чем незначительная часть рабочих выражала недовольство, не соглашясь на предложение пришедших итти к Арпсу и Асвадурову. Отсюда толпа, человек уже в 200, направилась к Асвадурову, но асвадуровцы раньше еще услыхали тревожный гудок с фабрики Юлиуса, сами бросили работу и разошлись по домам. Затем пошли к Арпсу. Дали тревожный гудок, но те не хотели выйти. Тут прибыли казаки, солдаты и полиция, разогнали толпу, при чем задержали трех рабочих, двух сейчас же освободили, а третий еще сидит. 6-го начали работать на мельнице Вайнштейна, и 7-го — на мельнице Анатра. У Детеля были выбраны представители для выработки требований. Несколько человек рабочих, в числе которых был один из выбранных, выработали требования: 9-часового рабочего дня, повышения заработной платы на 20%, бесплатной медицинской помощи, неувольнения рабочих без согласия самих рабочих, сохранения платы за время болезни.

Первые 2 пункта не удовлетворены, 3-й удовлетворен, а к 4-му пункту фабрикант прибавил: без уважительных причин — и удовлетворил. А рабочие собираются вырабатывать новые требования, в число которых войдет и 8-часовой рабочий день. В понедельник были посланы выборные некоторых пересыпских заводов к градоначальнику ходатайствовать о разрешении общего собрания. Градоначальник ответил на это, что общее собрание рабочих излишне, что общие собрания им не нужны, что им не для чего собираться. Пусть они собираются отдельно по заводам. Ему ответили, что у рабочих есть общие интересы, и что они не предвидят успеха в своей борьбе, если не будут собираться вместе. Наконец, градоначальник послал их к фабричному инспектору Попову. Тот сказал им, что он ничего не имеет против общего собрания, но что это не в его ведении и зависит от градоначальника, а его дело только посредничество между рабочими и хозяевами, и что он всегда защищал интересы рабочих. Но тут рабочие уличили его во лжи, приведя примеры его действий. Это его сильно рассердило. Попов посоветовал рабочим пойти к градоначальнику, сказав, что и он сам сейчас туда поедет. Рабочие пришли к градоначальнику и ждали у его подъезда. Через несколько времени вышли градоначальник и Попов, сели в коляску и уехали. Рабочие ждали, ждали и ни с чем ушли обратно. То же самое повторилось и на другой день. На 3-й день пристав пытался быть посредником между рабочими и фабрикантом, агитировал против политических требований, советовал им через своих выборных подать прошение градоначальнику, чтобы он созвал комиссию из фабрикантов, фабричной инспекции и по 1 представителю рабочих с каждой фабрики для разрешения конфликтов. Некоторые фабрики поддались на эту удочку полицейской политики. Наши агитаторы вели контр-агитацию. 7-го забасто-

вала суконная фабрика. Наши листки были распространены в целом ряде фабрик и мастерских.

III. Из отчета Городского района. Сапожники и заготовщики бросили работу одними из первых (за 4 — 5 дней до 1 мая). Требования общепролетарские (экономические и политические). Ряд собраний. Держались 4 — 5 дней. Успех частичный. Через 2 дня стачечное движение лихорадочно охватило почти все цехи. Бросили работу портные (мужские, заказчики, тандетные пиджачники, военные). Руководители стачкой — социал-демократы. Забастовали столяры (руководил фабричный Комитет), слесаря-кроватники (руководил исключительно Комитет), слесаря строительные. Побросали работу резчики по дереву и белошвейки. Растет забастовка модисток. Не работает целый ряд мелких фабрик и заводов. На остальных брожение. Табачные фабрики: у Попова забастовка со 2-го (руководили Комитет и Бунд) и брожение на остальных (Ашкинази, Бободан и др.). Был ряд собраний. Типографии: 2-го забастовали у Кульберга и в некоторых других крупных типографиях. Забастовавшие толпами ходили от типографии к типографии с криками: «бросайте работу». Было столкновение с казаками. Несколько избитых. Теперь все типографии работают. Типографиями подана петиция Нейдгарту о разрешении собраться и обсудить свои нужды. Ответа ждут в субботу. Во многих цехах рабочие хотели просить Нейдгарта о разрешении собрания. Удалось отговорить их от этого. В настоящее время еще почти все цехи держатся. У многих забастовка будет выиграна отчасти, а то и полностью. Влияние социал-демократии возросло во много раз. Почти нет такого цеха, где бы не было связей у той или иной социал-демократической организации. Почти везде руководят социал-демократы. Наши листки были распространены в целом ряде фабрик и мастерских.

В виду обилия материалов, опубликование многих фактов и подробностей мы откладываем до следующего бюллетеня.

Одесский Комитет РСДРП.

Май 1905 г.

5. Потемкинское восстание и всеобщая забастовка.

Начальник
Жандармского Управления
г. Одессы.

16 июня 1905 г.
№ 7016.
Г. Одесса.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел.
Заведывающему Полицией.

Начальник Одесского Охранного Отделения получил агентурные указания на то, что в воскресенье, 12 июня, будет сходка выборных от заводов и от организации передовых рабочих для обсуждения вопроса об устройстве в Одессе всеобщей забастовки.

Вследствие этого была устроена облава, и сходка, в числе 39-ти человек, была взята, из числа которых оказалось 32 человека, принадлежащих к организациям, остальные 7 человек, как случайно попавшие на сходку, были освобождены. На следующий день, т.-е. 13 июня, рабочие разных фабрик собрались к бастующему заводу Гена, где, повидимому, ожидали прибытия своих представителей, бывших накануне, как указано выше, на сходке.

Не дождавшись представителей, рабочие начали волноваться, а получивший сведения о вероятном собрании здесь рабочих пристав местного участка усилил наряд полиции и вызвал казаков. Утомленная ожиданием толпа рабочих стала проявлять несдержанность по отношению к полиции и казакам, бросала в них камнями, и когда было уже ушиблено несколько лошадей казаков, офицер и командир сотни, которого камнем сшибли с лошади, командир этот, увещевавший толпу разойтись, что ранее его многократно делал местный пристав, предварял многократно толпу, что подаст ей три сигнала, и, если она и затем не разойдется, будет стрелять. После второго сигнала посыпался град камней, и с крыш соседних домов — выстрелы. Командир сотни, спешив 12 казаков, произвел 3 залпа, коими убито два человека, в это же время подоспела еще сотня казаков, при виде которой толпа разошлась. В тот же день рабочие некоторых фабрик и заводов, ставшие раньше на работы и получившие, как рабочие мастерских Русского Общества Пароходства и Торговли, почти по всем пунктам своих требований удовлетворения, вновь прекратили работы, заявив, что делают это исключительно с целью присоединиться к рабочим бастующих еще фабрик, для совместного с ними протеста.

На следующий день, 14 июня, по городу ходили толпы рабочих разной численности и производили разные бесчинства, так: одни заходили в магазины, требуя прекращения торговли, другие заходили в типографии, принуждая рабочих прекращать работы, подходя толпою в несколько сот человек к различным торговым заведениям, также требовали прекратить работы.

При рассеивании этих толп полицией и казаками, из толпы следовали выстрелы, как равно и с балконов и из окон некоторых домов. Толпы эти состояли преимущественно из евреев, при чем начинали беспорядок сначала подростки, а с ними затем и взрослые, бросали камнями, сносили доски, устраивая на улицах баррикады, останавливали вагоны конки, отпрягали и угоняли лошадей, а вагоны переворачивали на бок, останавливали паровые трамваи и дачные поезда, выбивали в вагонах стекла, выпускали пар. Порядок быстро восстановился, жизнь вступила в норму. К вечеру все успокоилось.

В 9¾ часов вечера 14 июня я услышал взрыв, похожий на пушечный выстрел. Зная из доклада Начальника Охранного Отделения, что к общей забастовке готовят бомбы с целью бросать их в войска, полицейские участки и некоторых должностных лиц, я, определив место взрыва, по телефону запросил полицейский уча-

сток и узнал, что взрыв произошел на Соборной площади, с человеческими жертвами, сейчас же по телефону запросил начальника Охранного Отделения, который через час доложил мне подробности взрыва, заключающиеся в следующем: имея указания агентуры, что изготовлено две бомбы, которые вынесены наблюдаемыми Охранным Отделением лицами, он сделал распоряжение: при первой возможности указать городовым этих лиц для их задержания, и что, при задержании городовым одного из несших бомбу, бомба была им брошена и убила городового, оторвав ему голову и ноги и смертельно ранила преступника, еврея, вскоре умершего.

Ранее этого, того же числа пришел в Одессу броненосец «Потемкин-Таврический», приход которого и варварская преступность экипажа, можно полагать, совпали лишь с беспорядками в городе Одессе, не имея непосредственной связи и лишь давая возможность революционным деятелям и распропагандированным рабочим и сочувствующему всякому проявлению противодействия властям еврейскому населению воспользоваться происшествием на броненосце, чтобы эксплоатировать его для увеличения более успешного хода забастовок и беспорядков.

Утром 15 числа был свезен с броненосца труп матроса с пришитым к груди его листком бумаги, на котором пишущей машиной написано по сообщению разных лиц, но в общем следующее: «Товарищ этот погиб из-за того, что доложил командиру броненосца о плохой пище экипажу. Отомстим за товарища». В виду массы народа в порту, слух о свезенном трупе был быстро распространен затем народом по городу, а потому в порту вскоре оказалась толпа в несколько тысяч.

Настроение толпы в порту стало опасным для властей и полиции, а потому они были отозваны из порта; в виду же возбуждения ходатайства Градоначальника об объявлении Одессы на военном положении, власть перешла к Командующему войсками. Не будучи еще осведомлены об этом, власти, Товарищ Прокурора Суда, которому было поручено наблюдение за следствием об убийстве матроса, пытался проехать на шлюпке на броненосец, но был остановлен матросами броненосца, выехавшими ему навстречу на катере, которые обругали товарища Прокурора и посоветовали ему возвратиться, не допустив, таким образом, его на броненосец. Пытались и два подведомственные мне унтер-офицера проехать на броненосец, но их также встретила шлюпка с матросами, которые потребовали бросить шашки в море и возвратиться, грозя за неисполнение смертью, а когда унтер-офицеры возвратились на берег, то матросы стали кричать о задержании их, почему они вынуждены были скрыться в пакгауз, где переоделись в чужое статское платье, а затем вышли и через толпу пробрались в город. Через переодетых в статское платье офицеров и унтер-офицеров добываются мною сведения, независимо получаемых от полиции и властей.

В течение целого дня 15 числа рабочие, курсистки, студенты и всякого звания лица перебывали в порту, при чем несколько курсисток и студентов из евреев, устроив возвышение, говорили речи, указывая толпе на удобный случай устройством бесчинств добиваться намеченных целей. Толпа, среди которой масса евреев, смешиваясь с прибывающими с броненосца матросами, а также лица, побывавшие на броненосце, дала по городу слух, разнесшийся, а затем сбежавший с броненосца ученик кочегара Марк Федоров Халдыга, допрошенный в Охранном Отделении, [показал], что команда корабля 800 человек, утром 14 числа, находясь в практическом плавании в местности близ Одессы, Тендре, заявила командиру броненосца претензию о дурной пище. Командир, капитан 1-го ранга Голиков, вызвал весь экипаж на палубу и стал спрашивать, кто доволен пищей, и кто недоволен. Последних оказалось меньшинство. Когда же офицеры стали переписывать фамилии недовольных, то эти последние матросы быстро спустились в низ парохода, откуда вышли с оружием, и стали, будто, стрелять в матросов, не солидарных с ними в заявлении претензии, и офицеров, которых перестреляли и бросили за борт, а другие, раздевшись, сами бросались в воду, где и были расстреляны.

Находящаяся при броненосце миноноска подошла к берегу, отчалила судно с углем, принадлежащее частному лицу, и увела его. Для перегрузки этого угля с судна на броненосец, из порта пошло до 300 рабочих, один из которых сказывал переодетому в штатское платье ротмистру Северниовскому, что офицеры броненосца живы, но лежат связанными на броненосце.

15-го же числа приехал ко мне помощник главного врача городской больницы, доктор Бурда, и сообщил, что 14 сего июня служащие городской больницы, около 600 человек, заявили администрации больницы, что в виду того, что посланные ими депутаты, в числе трех человек, на какую-то сходку арестованы, они, служащие, прекращают работы в больнице, и немедленно таковые прекратили. На увещевания товарища городского головы стать на работы, они не послушали, а на предложение градоначальника дать солдат для замены забастовавших последние объявили, что не допустят этого. К этой забастовке присоединились и врачи всех городских больниц, сделав постановление, что при отсутствии ухода за больными, хлеба, пищи, приготовления лекарств и проч. они, врачи, не считают возможным оказывать врачебную помощь больным, которых свыше 6.000. В виду этого он, доктор Бурда, заявил служащим, что он будет хлопотать об освобождении их арестованных делегатов, и уговорил служащих приступить к работам в больницах, получив на это согласие при условии, чтобы в течение двух дней эта их просьба была исполнена. Почему он, Бурда, побывав у градоначальника, прокуроров палаты и суда, приехал ко мне с указанной просьбой. Я, переговорив с начальником охранного отделения, пришел к заключению, что указанные три лица — не члены организа-

ционного комитета, а лишь участники устроенной членами организации сходки, что от неосвобождения их немедленно могут явиться серьезные последствия для тысяч больных, что в случае неосвобождения 600 человек служащих явятся, вероятно, уличными демонстрантами, и что наказание, коему арестованные 3 человека могут быть подвергнуты, можно применить и впоследствии, — этих трех человек приказал освободить.

Пожар в порту начался вечером 15 июня; сгорело: 1) Русского Общества два железных пакгауза и передаточная. 2) Агентство и пакгаузы Дунайского пароходства. 3) Склад шпал и досок на Платоновском моле. 4) Электрическая станция. 5) Станция Одесса-Порт. 6) Управление капитана над портом. 7) Эстокада, начиная от 9-го до 8-го устоя. 8) На Новом моле пакгаузы Русского Общества, Российского и Кошкина. 9) В железнодорожных пакгаузах окна разбиты, и все вещи разграблены. 10) Отделение корабельной конторы на Платоновском моле. 11) Сгорело 20 вагонов. 12) Два парохода Российского Общества, один Русского Общества и три частных. 13) Часть угольного склада на Новом моле и 14) все постройки на Практической гавани. Все имущество было из складов и пакгаузов разграблено и унесено в город, при чем подстрекателями к поджогу имущества и строений были исключительно евреи. Был такой случай: помощник начальника «Одесса-Порт» вышел во время пожара из своей квартиры и, увидев двух евреев, руководивших поджогами, обратился к ним с просьбой пощадить дом, в котором живет его семья. Евреи эти крикнули поджигателям: «Этот дом поджигать не надо». Подведомственный мне унтер-офицер, переодетый в штатское платье, видел, как еврей поджигал вагоны на полотне железной дороги, облив их предварительно керосином.

Донося об изложенном, докладываю, что о дальнейшем ходе беспорядков, в дополнение к телеграмме, представлю дополнительно, по мере возможности составления этих донесений.

Полковник Кузубов.

Стр. 148.

Телеграмма Одесского Градоначальника Министру Внутренних Дел от 15 июня 1905 г.

Портовая территория подвергается повальному грабежу тысячной толпы; командующий войсками не решается остановить под угрозой броненосца бомбардировать город; вследствие телеграмм консулов следует опасаться международного вмешательства и присылки иностранных броненосцев.

Градоначальник Нейдгарт.

Стр. 154.

Телеграмма из Одессы Командиру Корпуса Жандармов от 16 июня 1905 г.

16 сего июня бесчинствующая толпа в порту в 11 час. вечера подожгла эстокаду, а затем последовательно в 11½ соленые рампы; 16 июня, в 1 час ночи, — станцию Одессу-Порт и все склады *в районе упомянутой станции*. Пожаром уничтожены все здания и эстокада. Остались целыми здание новое и пост № 2. Сгорело около 100 вагонов. С 2 часов ночи 16 сего июня войска начали действовать оружием, количество жертв пока установить невозможно. Пожарным толпа не позволяла тушить огонь, и только при содействии войск в 2 часа ночи приступили к тушению. Пожар продолжается, убыток огромный.

Ротмистр Демиденко.

Стр. 162.

Телеграмма Одесского Градоначальника Министру Внутренних Дел от 16 июня 1905 г.

Порт во власти черни; днем разграблен, ночью горит; командующий войсками, опасаясь орудийного огня «Потемкина», отказался выгнать войсками бунтовщиков; сгорели склады Российского Общества, «Саратов» добровольного флота, многие угольные склады. На «Потемкине» собрались революционеры, броненосец делал промеры для входа в порт; на улицах города толпы, войска неоднократно стреляли; брошенными многими бомбами ранены чины полиции и войска. Завтра с прибытием войск надо надеяться на более энергичную их деятельность; пожар принимает угрожающие размеры.

Градоначальник Нейдгарт.

Стр. 156.

Шифрованная телеграмма Полковника Кузубова Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 16 июня 1905 г.

Пятнадцатого числа газеты не вышли, так как рабочие типографии были сняты вчера бунтующей толпой; много фабрик не работает, и рабочие направились в порт, где администрация и полиция отсутствуют. Среди многотысячной толпы курсистки и студенты из евреев читают около трупа убитого матроса сменяющимся толпам прокламации и говорят речи на темы пользоваться подходящим моментом для достижения своих требований; в виду угроз матросов «Потемкина» бомбардировать Одессу, если будут разгонять толпу,

последняя в течение дня грабила пакгаузы пароходных обществ, снимала матросов с пароходов, которые поэтому не отошли по назначению, имущество и товары унесла, а другие бросила в море, вино распивала, к вечеру подожгла строения порта; пожарные встречены толпой камнями, войска расставлены на спусках из города в порт, имея целью рассеивать толпы, идущие в город. Около 11 час. вечера войска вынуждены были к стрельбе, результатов еще не знаю; при крайней напряженности город днем сохранял обычный вид, хотя по улицам собирались толпы, разгоняемые патрулями; насколько мог узнать, бунт команды «Потемкина» случайно совпал с беспорядками в Одессе; местные революционные организации воспользовались этим событием, распуская, быть-может, поэтому слух об угрозах матросов, если толпе будут препятствовать грабежу; по полученным сведениям, в некоторых деревнях уезда нормальное течение жизни восстанавливается: в 12 часов ночи получил сведения: горят пароходы в гавани, войска вводятся в порт для воспрепятствования дальнейшему пожару.

Полковник Кузубов.

Стр. 157.

Шифрованная телеграмма Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 18 июня 1905 г.

Ночью и в наступивший день беспорядков не было. Большинство магазинов закрыто. На некоторых фабриках работает небольшое количество рабочих. Настроение среди населения угнетенное. Массами уезжают. Из разговоров моих с двумя офицерами «Потемкина», уехавшими вчера со всеми, отпущенными с броненосца, в Севастополь, можно притти к заключению, что матросы и других судов эскадры ненадежны. Странное поведение эскадры, судя только по эволюциям ее на море в близком общении с «Потемкиным». Запросы от Генерала Ширинкина мне и от Таврического Губернатора Командующему войсками, в коих выражается беспокойство при возможности появления «Потемкина», дают мне смелость высказать необходимость присылки из Петербурга подводных лодок для взрыва «Потемкина», который, кроме возможного разгрома побережья Черного моря (две пары цифр непонятны), поддержку революционерам на возможность при его содействии совершить государственный переворот. К стоящему на берегу в порту стражнику пограничной стражи подъехала шлюпка броненосца, и матросы передали, что с броненосца «Георгия», а не «Екатерина», стоящего близ «Потемкина», подавали сигналы для принятия их начальством города. Эти же матросы сказали, что через два дня придет вся эскадра бомбардировать город, они же были на стоящем в порту английском пароходе, прося объявить за границей, что эскадра восстала за народ.

Полковник Кузубов.

Стр. 158.

Шифрованная телеграмма от Начальника Жандармского Управления г. Одессы на имя Департамента Полиции от 20 июня 1905 г.

Прошлая ночь и истекшее 19-е число прошли без волнений; безработный народ хотя на улицах и виден в большой массе, но ведет себя спокойно; трактиры хотя открыты, но в виду забастовки спиртоочистительного завода водки в продаже нет. Безработные направились в пригороды, в лиманы посланы войска. Слишком продолжительная безработица внушает опасение возможности насилий для добывания средств пропитания, если рабочие не приступят к работам на фабриках. Сегодня, 19-го, около 5 час. дня, подходил к порту транспорт «Прут», встреченный портовым лоцманом, осведомлялся, куда ушел «Потемкин», не получив указаний, удалился, обменявшись с «Георгием» сигналами; как оказалось, последний просил дать ему офицеров; лоцман на «Пруте» офицеров не заметил. Если это последнее так, то предположение о возможности бунта на судах эскадры продолжает быть угрожающим. Прибыла бригада артиллерии.

Полковник Кузубов.

Начальник
Жандармского Управления
г. Одессы.

22 июня 1905 г.
№ 7272.
Г. Одесса.

Стр. 173.

Секретно.

Командиру Отдельного Корпуса Жандармов.

В развитие сведений, изложенных в телеграммах моих, и в дополнение записки от 16 сего июня за № 7016 по поводу беспорядков в городе Одессе и мерах, принимаемых для их прекращения доношу:

Прибытие в Одессу с взбунтовавшимся экипажем броненосца «Потемкин» явилось для Одессы настоящим бедствием. Не имею данных утверждать, что броненосец этот прибыл в Одессу для усиления бывших тогда уже здесь беспорядков, но несомненно, что беспорядки не достигли бы таких размеров, каких достигли, если бы броненосец сюда не прибыл.

Узнав о настроении экипажа броненосца, революционный элемент города Одессы, в лице студентов и курсисток, пробрались на броненосец, где, как оказалось, и завладели настроением экипажа. Они же, несомненно, распустили и тот слух, что броненосец будет бомбардировать Одессу, если в собравшуюся в порту толпу будут стрелять войска. Слух этот, подкрепленный двумя пущенными в город с броненосца боевыми снарядами, повидимому, и приостановил распоряжение Военного Начальства стрелять в грабителей и поджигателей порта. И только уже тогда, когда пожар доходил до тамо-

женных зданий, управляющий карантинным округом статский советник Дамаскин, для недопущения пожара к этим зданиям, спросил разрешения командующего войсками стрельбою в буйствующую толпу задержать ее дальнейшую разрушительную работу.

Произведенных нескольких залпов было достаточно, чтобы остановить эту толпу, не вызвав бомбардировки Одессы броненосцем. Дальнейшее распространение пожара было приостановлено.

Точно определить, что именно сгорело в порту, — не представляется возможным.

К представленному уже мною перечню сгоревшего имущества могу доложить, что сгорело: до 100 вагонов, стоявших на портовой линии, до 50-ти мелких судов и почти все постройки, находившиеся в порту, и хранившееся в них имущество.

По слухам, убытки простираются свыше 10 миллионов рублей.

Объявление Одессы на военном положении, приведение в исполнение грозного закона, соединенного с этим положением, а также пущенные «Потемкиным» снаряды в город, масса человеческих жертв от стрельбы войск и сгоревшие на пожаре, — произвели потрясающее впечатление не только на бунтарей, но и на все население города. Масса жителей выехала из Одессы. Бунтари и оставшееся население уныло бродит по улицам, не нарушая в последние дни ничем порядка в городе.

Торговля замерла, и предметы первой необходимости добывались с трудом.

Грозным представлялось также и то, что может ожидать население, если фабричные рабочие не приступят немедленно к работам, так как отсутствие средств на прокормление их и их семей, возможно, побудит рабочих к грабежам, хотя можно также ожидать, что утомленные продолжительной забастовкой фабричные рабочие, под впечатлением событий последних дней, событий, ими не предвиденных, усиленных появлением «Потемкина», может их понудить обдумать свое положение и приступить к работам, что в действительности и случилось: рабочие всех, за исключением 3-х, заводов, стали на работы.

Подготовляя всеобщую забастовку, революционеры всех фракций внесли в эту преступную деятельность каждый все то, что могло усилить беспорядки. Изготовленные разрывные снаряды, предназначенные для бросания в войска, полицейские участки и некоторых должностных лиц, были употреблены в дело; ранены при разрыве 6 казаков, 1 надзиратель и несколько человек из публики и убит один казак 15-го числа и одной бомбой 14 июня был убит сам преступник и городовой, задержавший его, когда бомба эта предназначалась, повидимому, для войск, расположенных около собора, — была брошена у самого собора преступником при его задержании; другой же преступник, несший бомбу также вблизи собора, был указан чинами охранного отделения для задержания, но скрылся, и бомба эта

была брошена 15 июня на Екатерининской площади в казачий наряд, причинив указанные жертвы.

Произведенной затем ликвидацией обнаружены по Средне-Фонтанской дороге, на даче Беловодского, мастерская со всеми принадлежностями и взрывчатыми веществами для изготовления бомб, типография, печати и др. предметы, необходимые для изготовления бомб, подробно перечисленные в телеграфном об этом донесении, и не вполне приготовленные 5 бомб.

Чрез обнаружение в банкирской конторе Ашкинази, где служит мещанин Павел Гальперин 1 бомбы и в квартире Гальперина 1 бомбы с арестом прикосновенных к изготовлению бомб лиц можно рассчитывать на приостановление на некоторое время действия разрывными снарядами в городе.

Расспрошенный мною старший боцман броненосца «Георгий Победоносец» в общем изложил, как с этим броненосцем, так и с «Потемкиным», события, указанные в телеграмме и по сути представляющиеся в следующем: команда броненосца «Потемкин», распропагандированная текущими событиями революционной жизни, очевидно, воспользовалась предлогом о недоброкачественности пищи во время плавания, возмутилась, перебила 7 офицеров, а остальных арестовала, выбрав из них себе командира в лице прапорщика Алексеева; прибывши в Одессу и став на рейде, команда приняла к себе на борт революционеров и, укрепившись советами и наущениями последних, задумала овладеть и склонить на свою сторону остальные суда эскадры. В последующие дни она овладела военным судном «Веха», спустила на берег всех офицеров, кроме 4-х, и стала ожидать эскадру, не оставляя без внимания Одессы; для похорон убитого матроса была отослана депутация к командующему войсками с просьбой разрешить похороны, под угрозой стрелять в город в случае отказа. За убитых двух матросов во время возвращения с похорон и возникшей ссоры с войсками «Потемкин» дал по городу два боевых выстрела.

Прибывшую эскадру «Потемкин» встретил предложением принять бой, но эскадра уклонилась от боя и ушла, оставив броненосец «Георгий», на котором также возмутившаяся команда застопорила и приняла на борт прибывших с «Потемкина» матросов и ч а с т н ы х лиц. Подстрекательством этих последних команда «Георгия» была окончательно возбуждена, свезла на берег своих офицеров и подчинилась распоряжениям сильнейшего «Потемкина». Но возмущенный дух команды, видимо, спал, и команда стала размышлять о движении в Севастополь для принесения повинной; но так как «Потемкин» грозил разгромом и держал в страхе команду, все время сбиваемую частными лицами, студентами из евреев, то уйти команда не решалась, и лишь 18 июня «Георгий» ворвался во внутреннюю гавань, причем бывшие на нем частные лица немедленно отбыли на «Потемкин», ушедший затем в море. Команда «Георгия» выслала депутацию к ко-

мандующему войсками, принося повинную, прося возвратить им офицеров и желая вновь стать в ряды флота.

19 июня перед вечером прибыл в Одессу военный транспорт «Прут», узнав после расспроса у портового лоцмана, что «Потемкин» ушел, тоже ушел в море, обменявшись сигналами с «Георгием», который просил дать ему офицеров с «Прута». Но на последнем офицеров заметно не было, и на командной рубке стояли матросы, что заставляло полагать, что и «Прут» пошел по следам «Потемкина».

Изложенные события, в связи с крайне тревожными слухами об участи остальной эскадры, о возможности вновь подвергнуться бомбардировке, придавило всякую деятельность в городе, вошедшую уже, как это я доносил телеграммами, в норму.

На записке, бывшей на груди свезенного с броненосца «Потемкин» матроса Григория Викальчука было написано следующее: «Убил старший офицер эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», за то, что он сказал, что борщ не годится. Осеним себя, друзья рабочие, и скажем: «Мир праху его, отомстим кровопийцам, кровожадным вампирам! Смерть кровопийцам, смерть угнетателям! Да здравствует свобода! Один за всех и все за одного». Экипаж «Потемкина».

Имея в виду важность сведений о ходе событий непосредственно за их возникновением, я подробно излагал эти сведения в телеграммах.

В настоящее время жизнь вошла в такое положение, которое можно признать нормальным после всего пережитого Одессой, почему дальнейшие донесения мои могут быть только телеграфные.

Полковник Кузубов.

Начальник Одесского
Охранного Отделения.

10 июля 1905 г.
№ 3956.
Г. Одесса.

Лично.
Совершенно секретно.

Господину Директору Департамента
Полиции.

На некоторых заводах и фабриках начинают появляться агитаторы, внушающие рабочим вновь прекратить работы тотчас же после отмены в городе военного положения, при чем лицами этими сообщается «из достоверных источников», что таковое будет отменено 15—16 июля.

Донося Вашему Превосходительству, докладываю, что об изложенном я поставил в известность Господина Командующего Войсками Одесского Военного Округа.

Подполковник Бобров.

Заявление матросов «Потемкина».

Ко всему цивилизованному миру.

Граждане всех стран и всех народов! Перед вашими глазами проходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнило чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди «Долой рабские цепи деспотизма, и да здравствует свобода», как гром, раскатился по всей необъятной России.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако, обезумевшее самодержавие забыло одно, что темная и забитая армия — это сильное орудие его кровавых замыслов — есть тот же самый народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эскадренного броненосца «Потемкин-Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас свое проклятие, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз — смерть или свобода для всего русского народа. Мы требуем непременной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267.

(Печать броненосца.)

Картина восстания.

Одесса, 16 июня. Пишу под свежим впечатлением только-что виденного, слышанного, пережитого. В спокойной и мирной одесской гавани, на берегу неподвижного моря, я видел другое море, море людей, бурное море негодующего, возмущенного народа. Я видел взрывы восторга, взрывы радости, которые овладевали всеми, от мала до велика, при виде восставших против векового насилия во имя новой свободы.

Я шел с Соборной площади, полной еще следов вчерашней бомбы, усеявшей в разных местах мостовую и белые стены собора черной политической кровью, и от маленького мальчика услышал, что в гавани бунтуют военные матросы.

Вот я и в гавани. Река народа движется к краю мола. После города, полного войска, казаков, полиции, с зверским ожесточением избивающей направо и налево, поражает полное отсутствие охранителей тьмы. Городовых не видно даже на обычных постах, кругом почти одни портовые рабочие, и лица у всех одухотворенные, все кругом полно оживления, все говорят.

Рядом со мною старик. Он бос, на нем отрепья, но он чувствует себя на высоте положения и старается перекричать других.

«Так помните, господа, как появятся казаки или полиция, все в сторону, а матросы сказали: как увидят, народ в сторону бежит, они сейчас свои меры примут. Утром, как приехали казаки за трупом, а они им: либо к нам переходите, либо убирайтесь, а не то стрелять будем, — ну, те и назад, да так назад, что и оглядываться не посмели».

Старик бежит дальше передать инструкцию матросов.

«Смотри, вон он стоит, броненосец, на рейде».

Я смотрю на гладкую морскую поверхность. Гигант-броненосец стоит совсем близко. Видно, как от него отделяется катер.

«Они еще вчера пришли. Значит, терпение лопнуло. Как же так можно? Человека ни за что взял и убил. Что хотят, делают, к людям хуже, чем к собакам. Ну, как застрелил он матроса, команда-то и взбунтовалась. Значит, довольно терпеть, довольно, значит, над ними начальство издевалось, долой его, значит. Ну, начальство за борт. Мичмана оставили, который хороший, сами плавают, сами и командуют».

У паренька блестят глаза, и он бы еще долго и много рассказывал, но слушают уже другого.

«Ах, теперь свободы добьется рабочий человек, он хочет, чтобы не работать ему задаром, чтобы ему свобода была, чтобы ему вера была, как человеку, и чтобы он мог правды добиться. Как же так можно? Полиция тебя ни за что бьет, а ты молчи; полиции вера есть, а тебе нет, и жаловаться некому».

Но его уже тоже не слушают, это с полуслова всем так понятно, все так глубоко это чувствуют, горечи и обиды столько накипело,

что много говорить об этом не приходится. И слушатели, и рассказчик, и все море голов уже машут шапками, кругом слышно громовое «ура», такое же «ура» несется с медленно проходящего мимо нас угольного парохода, на нем масса людей, его ведет к броненосцу на буксире миноносец. Мальчишка лет 13-ти привлекает теперь к себе внимание. Он был на угольном пароходе.

«Они прямо подошли и пароход забрали, говорят: мы даром не хотим, за весь уголь заплатим. У нас деньги есть. А народ пригласили поехать уголь выгружать. Все вызвались, людей полный пароход».

«Вот, товарищи, палатка. Там он, убитый матрос».

Звонкий женский голос пронесся, полный глубокого чувства. Барышня шла среди «босяков», как товарищ. Они были родные и близкие.

Пред нами палатка. Это скрепление из нескольких столбов, покрытое брезентом. Вокруг море людей.

Я в палатке. На носилках лежит убитый. Молодое лицо сохранило впечатление страдания и является символом мученичества от произвола и насилия, всем понятным, всех возмущающим до глубины души; военный флаг прикрывает его до груди, на груди лист бумаги с надписью:

«Товарищи! Смотрите. Перед вами труп зверски убитого матроса Григория Вакулинчука. Он убит старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» за то, что сказал, что борщ нехороший. Мир праху твоему. Осеним себя крестным знамением и поклянемся свергнуть насильников и добиться свободы.

Да здравствует свобода!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Это читает вслух один из пришедших, по просьбе неграмотных. В его голосе дрожат рыдания, все без шапок, на многих ресницах видны слезы. Около убитого горят восковые свечи, а подле стоят два матроса. Они не вооружены и охраняют товарища только силой сознания, что свои не дадут в обиду.

Я вышел из палатки, и вот я на самом краю пристани. Отделившийся от броненосца катер с поразительной быстротой подходит к берегу, все машут шапками и кричат «ура». На катере дают знак, что хотят говорить. Воцаряется тишина.

«Товарищи, передайте, чтобы нам все помогали. Теперь нам нужно приготовить пресную воду. За провиант мы будем платить. У нас около 170 тысяч. Мы никого не боимся, и вы никого не бойтесь. У нас пушки, ружья, ручные гранаты, — все. Будьте за нас, а мы за вас».

Катер отчаливает. Кругом кричат «ура» и машут шапками. Крайний матрос кричит:

«Мы за рабочих».

Оживление толпы не поддается описанию. С удаляющегося катера слышны голоса матросов:

«Мы за свободу».

Одесса. Митинг на мосту. (После первой стрельбы в рабочих.) К вечеру рабочие стали стекаться из города на Пересыпь, где около железнодорожного моста и на мосту собралась внушительная толпа. Рабочие прекратили железнодорожное движение. Полиция бездействовала, не препятствуя рабочим собираться. Казаки находились неподалеку; их офицеры уверяли, что не будут больше стрелять в рабочих, а один уверял, что они послали министру телеграмму с отказом стрелять... Внизу рабочие беседуют с казаками; передают, что некоторые из них со слезами на глазах говорят о стрельбе в рабочих... Настроение приподнятое. Рабочие кучками беседуют о событиях; все говорят об оружии, обвиняя организации в бездействии на этот счет.

Но вот появляется оратор, хорошо известный пересыпским рабочим. Рабочие окружают его. Я стоял далеко от него, до меня долетают лишь отдельные фразы: «Довольно мы терпели от царского правительства, довольно мы сносили все его преступления... Настало время, когда мы все, как один человек, должны подняться на защиту своих прав»... Толпа жадно внимает словам товарища и, когда он заканчивает свою речь нашими лозунгами, призывая всех стать под знамя социалистической партии, в ответ ему раздается мощное «ура», и воздух снова оглашается теми же лозунгами.

После него говорит другой оратор [1]). К сожалению, речь его не соответствовала ни настроению рабочих, ни задачам социал-демократии. Сущность ее сводилась к тому, что рабочие не должны выступать в данный момент, так как они еще не организованы и не имеют оружия. Речь его неоднократно прерывается рабочими... Резкий протест вызывают слова этого оратора, когда он говорит: «Настоящая борьба в сравнении с всероссийской революцией — пустяки (!)»... Против него выступает наш товарищ. «Товарищи! Я спрашиваю вас, разве та борьба, которую мы ведем, — пустяки? Разве все те лишения, которые мы ей принесли, — пустяки?» «Нет, нет», — раздается в ответ. «Все, как один, должны мы восстать, все, как один, должны мы протестовать против нового преступления царского правительства... Клянитесь же трупами убитых товарищей бороться с самодержавием»... «Клянемся», — прерывает ответ рабочих слова говорившего. Речь свою товарищ закончил призывом к всеобщей забастовке.

После него говорили еще два товарища, приблизительно на ту же тему. Лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует восстание!» принимались рабочими с энтузиазмом.

После речей рабочие двинулись останавливать электрическую станцию. Произошло столкновение с казаками. Раненых не было. Часам к 12-ти рабочие разошлись.

[1]) Тов. из Одесск. ком.

Конец «Потемкина».

Восстание «Потемкина» кончилось. После 11 дней плавания под красным революционным знаменем революционный броненосец прибыл вторично к берегам Румынии, сдался румынскому правительству. Его славный экипаж эмигрировал, поклявшись и впредь посвятить свои силы борьбе за свободу, а самое судно было передано румынским правительством русскому. Снова взвился на мачте Андреевский флаг, — знамя царского деспотизма и хищничества, и началась кровавая расправа с «бунтовщиками»: арестовано более 200 матросов в Севастополе; говорят о казнях тех матросов «Потемкина», которые в числе нескольких десятков человек малодушно покинули сотни своих товарищей и добровольно сдались царскому правительству в надежде на «монаршую милость», говорят о расстрелах и виселицах в Одессе...

Так окончилось это восстание, державшее в трепетном напряжении весь мир. Царские опричники еще раз празднуют свое спасение, празднуют так, как могут праздновать людоеды: свежей человеческой кровью, казнями, избиениями... Как отличен этот разгул торжествующих людоедов от чуткой заботливости торжествующей революции. Даже в минуту полной победы матросы «Потемкина», к несчастью, с ущербом для своего собственного дела, отказались от бомбардировки городов, из опасения нанести ущерб их неимущему населению.

Было бы, однако, несомненной ошибкой думать, что конец восстания «Потемкина» является победой царского правительства, что восстание прошло бесследно. Нет, от той глубокой раны, которую оно нанесло самодержавию, кровью сочится правительство. Восстание «Потемкина» не только пробило брешь в веками складывавшемся прочном здании воинской дисциплины и показало пример, который уже каждый день находит подражание в рядах армии и флота; оно не только дало геройский пример смелых наступательных действий революционного почина, более того: оно осталось для царского правительства непобедимым. Состояние сил царского правительства оказалось таким, что оно, владея целой эскадрой, не могло победить один революционный броненосец, ибо эта эскадра, над которой развевается императорский флаг, на самом деле, на добрую половину уже служит революции. Царскому правительству не удалось пустить ее в ход против «Потемкина». Чтобы снарядить в погоню один миноносец, ему пришлось набрать весь экипаж его из одних офицеров да из нескольких гнусных добровольцев, вовсе не служивших в военном флоте: царское правительство набрало экипаж для миноносца «Стремительный» из пары-другой предложивших свои Иудины услуги матросов и капитанов Русского Общества Пароходства и Торговли. Но и этот «верноподданный» миноносец был объят таким страхом, что, судя по его маршруту, больше заботился о том, чтобы не попасться на глаза «Потем-

кину», чем чтобы действительно привести в исполнение свои хвастливые угрозы — нагнать и потопить его. И мы присутствовали при поразительнейшем зрелище бессилия самодержавия: по каким бы причинам ни сложил броненосец оружие, он сложил его не перед царским правительством; царское правительство получает его обратно не как приз своей победы, а как любезный подарок Румынии, нежданно-негаданно для себя «нашедшей» броненосец и требующей даже за эту «находку» обычного вознаграждения в размере трети стоимости судна. Все это значит вот что: не только «Потемкин», но и весь черноморский флот уже не во власти царского правительства; он еще не встал целиком на службу революции, но он уже перестал служить самодержавию; оно уже не может рассчитывать на него: он, в лучшем случае, сейчас «ничей». Боевой флот превращен в простое сборище безоружных кораблей; опасаясь восста́ния, царское правительство разоружает суда, снимает замки с пушек, свозит на берег и запирает в кладовые боевые припасы, ставит к каждому матросу часового в виде пехотного солдата... Вооруженные силы самодержавия направлены прежде всего против освобождающейся России. В лице черноморского флота выбита из рук царского правительства огромная боевая сила. Это сделало восстание «Потемкина», и этого одного достаточно, чтобы признать огромную пользу его: оно сослужило службу делу освобождения... Дело революции — овладеть силой, выбитой из рук правительства, вооружить суда, разоруженные самодержавием, и против него направить жерла разобранных им пушек.

II. ЗАБАСТОВКА НИКОЛАЕВСКИХ СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО ЗАВОДОВ.

1. Подготовка забастовки.

Отдельного Корпуса Жандармов.

Штабс-ротмистр Еремин.

18 января 1905 г.

№ 24.

Г. Николаев.

Секретно.

Директору Департамента Полиции.

События последних дней в Петербурге вызвали недовольство среди рабочих г. Николаева, которым не преминул воспользоваться местный революционный элемент. Последний начал усиленно пропагандировать среди рабочих о необходимости начать забастовку, тем поддержать своих петербургских товарищей и добиться удовлетворения предъявленных ими общих требований.

Рабочие на главных заводах г. Николаева (Судостроительном и Черноморском) находятся в сравнительно хороших материальных условиях, а обе преступные организации (Николаевский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Николаевская Рабочая Организация Социалистов-Революционеров) не имеют в них силы, достаточной для того, чтобы рабочие разом откликнулись на призыв партий начать беспорядки, без всякой к тому видимой причины, лишь в силу партийных требований и солидарности с петербургскими рабочими.

В виду этого организации начали изыскивать случай из жизни заводов, которым они могли бы воспользоваться для начала беспорядков.

По сообщении о том администрации заводов, ею были приняты меры к устранению по возможности всех поводов к недовольству рабочей массы, и вожаки не могли найти ни одного предлога к возбуждению рабочих, за исключением штрафа на Судостроительном заводе (за прогульный день 28 декабря), но последний был многими рабочими отработан и был так незначителен (25 к.), что использование его не нашло поддержки в большинстве рабочих.

В то же время организации через своих членов и оставшихся в Николаеве рабочих, уволенных с заводов за участие в беспорядках летом 1903 года и привлекавшихся к дознаниям по государственным преступлениям, усиленно разжигали рабочих в местах их сбора (трактиры, чайные, столовые), рассказывая в невозможно-искаженном и преувеличенном виде о событиях в Петербурге, и призывали всех для выражения протеста русскому правительству на демонстрацию в воскресенье 16 января на Соборную улицу.

Из числа таковых лиц 12 января был задержан крестьянин Смоленской губернии и уезда, Хохловской волости, Афанасий Михайлович Гмырев, 21 года («Бугский»), а 13 января собравшиеся в трактире «Китай» (по Соборной улице):

1. Зингер Исаак Абрамович («Мальчик»), николаевский мещанин, 19 лет, живет при отце. Дом № 31, по Фалеевской улице. (12 декабря 1905 года освобожден из-под особого надзора полиции).

2. Костоевский Георгий Иваев, николаевский мещанин, 18 лет, токарь, состоит под особым надзором полиции. Дом № 28 по Глухому переулку.

3. Макаров Игнат Нестеров, николаевский мещанин, 20 лет, токарь, состоит под надзором полиции. Дом № 59 по Купорной ул.

4. Сафронов Павел Петров, николаевский мещанин, 20 лет, слесарь, дом № 58 по 8-й Слободской улице.

5. Федосеев Митрофан Федотов, николаевский мещанин, 19 лет, разметчик («Портовой») (10 декабря прекращен особый надзор полиции). Дом № 72 по 8-й Военной улице.

6. Чигирин Иван Андреев, крестьянин Херсонской губ., Широковской волости, деревни Андреевки, 25 лет, котельщик. Дом № 32 по 1-й Безыменной улице. (10 декабря особый надзор полиции прекращен).

Из них у Игнатия Макарова при личном осмотре обнаружена тетрадь с 23 преступными песнями, оканчивающаяся возгласом: «Да здравствует единая представительница истинных и насущных интересов и потребностей русского рабочего класса Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия».

По обыску же в квартире — рукописи нелегальных песен и полулиста бумаги с надписью: «Я социал-демократ, виновным же себя в этом не признаю, на дальнейшие вопросы отвечать не желаю, так как дознание, производимое жандармами, как и суд при самодержавном правительстве, считаю гнусной комедией, которую поддерживать не желаю. Игнатий Макаров».

Кроме того, он и Павел Сафронов изорвали бывшие у них листки «Последних Известий».

У Павла Сафронова на квартире обнаружено: «Искра», № 68, брошюра «Рабочее дело в России», рукописная программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, рукописная «Резолюция от рабочих к народу», выражающая порицание «злей-

шему врагу России — царскому правительству», с призывом к борьбе.

У Георгия Костоевского — только-что переданные из тюрьмы письма, указывающие на принадлежность его к арестованному 31 минувшего декабря кружку Михаила Шевердякова и Иосифа Кристаловского, в которых ему, между прочим, поручается организовать правильную почту с тюрьмой.

Демонстрация на 16 января была назначена в промежуток от часу до трех часов на углу Спасской и Соборной улиц. Рабочие должны были собираться на Соборную улицу, а интеллигенция — в помещении Городской Общественной управы.

В демонстрации предполагались к распространению прокламации, в которых изложены требования петербургских рабочих, чтобы побудить к тому же и николаевских. В случае удачи демонстрации, организация рассчитывала настолько поднять дух рабочих, что они с понедельника (17 января) забастуют. При этом предполагалось, что 17 января, по выходе из заводов утренней смены рабочих, их остановят, и неизвестный оратор произнесет речь о необходимости забастовки.

В виду таковых сведений было признано необходимым арестовать 24 наиболее деятельных члена обеих организаций, арестовать по результатам 14 членов, остальных же брать с улицы в день демонстрации.

Из числа первых было арестовано 22 человека, так как крестьянин Херсонской губернии Роман Егоров Бойко и крестьянин Смоленской губернии Леонтий Михайлов Гмырев не были разысканы.

Из них у крестьянина Григория Меренкова, застигнутого за писанием воззвания, под заглавием: «По телефону из Петербурга», было найдено 42 экз. только-что отпечатанных на обнаруженном там же гектографе воззваний «Петиции петербургских рабочих» (представляется), которые предполагались к распространению на демонстрации; у Якова Короткова — пять таковых же воззваний; а у Садука Раецкого — рукописный оригинал тех же воззваний; у Абрама Брайловского — 4 нелегальных брошюры и № 75 журнала «Искра»; у Андрея Прочухина — 1 прокламация «Ко всем рабочим и работницам г. Николаева»; у Михаила Сойфера — одна нелегальная брошюра.

Из числа вторых были арестованы: Геня Куперман, у которой обнаружена одна прокламация: «Обвинительный акт об Егоре Сазонове и Шимеле Сикорском», и Эстер Рошковская, у которой обнаружена брошюра «Манифест Коммунистической Партии», но обе они вечером 15 января были освобождены.

С утра 16 января на местах предполагаемой демонстрации был усилен наряд полиции, в городской же полиции имелись на случай возможных беспорядков одна сотня казаков и рота пехоты; вход в общественную библиотеку был закрыт. С утра же на Соборную улицу начали стекаться демонстранты. Некоторые из них, видя

большой наряд полиции, уходили, другие же продолжали прогуливаться в ожидании.

Учрежденным наблюдением лица, известные наблюдению, конспиративно задерживались и передавались в городскую полицию. Таким образом было задержано до трех часов дня 43 лица, подробно поименованных в прилагаемом при сем списке, которые были подвергнуты личному осмотру и задержаны при полиции до 7 часов вечера, когда были по очереди освобождены.

Обысков по их квартирам не производилось по недостатку полицейских чиновников, которые все были в наряде и перед этим ночь провели на обысках. Обыскан был лишь один херсонский мещанин Шулим Ляхович, у которого по личному осмотру была обнаружена брошюра «Манифест Коммунистической Партии», но обыск этот не дал результатов.

Порядок весь день в городе ничем нарушен не был, за исключением того, что около 7 часов вечера кто-то произвел выстрел на углу Спасской и Соборной улиц, не причинивший, однако, никому вреда. Из лиц, арестованных 13 января и в ночь на 16 января, Макаров, Сафронов, Раецкий, Рошковская, Куперман, Брайловский, Прочухин, Меренков и Ляхович, в виду имеющихся у них доказательств их преступной деятельности, переданы в распоряжение помощника начальника херсонского губернского жандармского управления в г. Николаеве. Остальные же будут из-под стражи освобождены, о чем 17 января сделано представление г. николаевскому градоначальнику, по распоряжению которого, в целях предупреждения беспорядков и была произведена настоящая ликвидация, так как при новых условиях производства дознания и требованиях суда нет возможности дать доказательства принадлежности вышеозначенных лиц к преступным сообществам, наличность которых доказывается лишь агентурой и наружным наблюдением, не имеющими никакой цены ни для суда, ни для дознания без фактических улик и свидетельских показаний.

Донося о вышеизложенном, имею честь доложить вашему превосходительству, что вышеизложенное положение и безнаказанность хранения нелегальной литературы (без доказания цели распространения) приводит к тому, что караются законом лишь второстепенные и третьестепенные члены организаций, а наиболее вредные и деятельные члены остаются совершенно безнаказанными, продолжают свою деятельность почти уже открыто, развращая преступной пропагандой все больший и больший круг лиц. В то же время тяжелая работа разыскных органов сводится почти к нулю, так как нельзя считать конечным результатом их деятельности то, что они знают лиц, стремящихся к низвержению существующего государственного порядка, и наблюдают снаружи и внутри за их преступной деятельностью, которую лишены возможности если не прекратить, то хотя бы значительно ослабить.

Практикуемые же за последнее время приемы вырывания отдельных лиц (за печатанием воззваний, передачей и провозом литературы и т. п.) в силах лишь незначительно ослабить движение и не могут часто практиковаться, так как неминуемо ведут к быстрому провалу самой важной части разыскных органов — секретной агентуры.

Между тем, один из источников последней (давшие откровенное показание обвиняемые) нужно считать в настоящее время иссякнувшим, так как дознание, помимо опубликования на суде, должно быть предъявлено обвиняемому до суда, и, надо полагать, что после нескольких убийств не только откровенные, но и вообще показания, вероятно, не будут даваемы совершенно, так как и теперь уже в организациях идут разговоры о том, что настало время, когда будут знать всех провокаторов, которые и будут уничтожены.

Штабс-ротмистр Еремин.

[Дело департ. полиции, 4-е делопроизв., № 4, ч. 19, 1905 г.]

Требования.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем работникам гор. Николаева.

Товарищи. Конец пустым разговорам, время для дела настало. Правительство ясно показало, что оно не хочет итти навстречу нуждам народа; оно решило задавить всякое движение рабочего класса; кровью и железом царь отвечает на стоны рабочих людей. Улицы Петербурга обагрены потоками рабочей крови. Бьют и режут народ царские насильники; бьют за то, что устроили мирную стачку и требуют свободы.

Когда рабочие чахнут на фабриках и заводах от непосильного труда, а тунеядцы-капиталисты жиреют их потом, царское правительство спокойно позволяет кровопийцам высасывать соки рабочих, детей и женщин.

Когда гибнут десятками тысяч рабочие на войне, гибнут без пользы, неведомо зачем, царскому правительству мало горя, каждый день оно достает новые полки пушечного мяса.

Но вот рабочие устроили стачку, чтобы сколько-нибудь повысить плату, улучшить условия работы, и выставили требования изменения самодержавного строя, который не дает дышать рабочему классу. И что же? Кровью своей должны рабочие платить за простое желание облегчить свою долю, за желание дышать.

Товарищи. Чего еще нам ждать? Ждать ли того, чтобы безработица выгнала нас вон на улицу умирать собачьей смертью от голода

и холода, или ждать нам того, чтобы самая здоровая часть народа погибла в бесполезной и подлой войне?

Горе нам, если мы будем сидеть, сложа руки, когда кровь наших товарищей зовет нас к делу, в битву.

Товарищи, мы должны присоединиться к петербургским товарищам. Когда льется кровь наших братьев-рабочих, только подлый трус может мирно работать... Долой работу, да здравствует всеобщая забастовка! Но одной стачки мало. Повысить плату, сократить рабочий день еще не значит выйти из того мрака и ужаса, который висит теперь над головою русских рабочих. Мы должны потребовать немедленного прекращения бесполезной, варварской войны. Мы должны потребовать немедленного созыва Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов. Собрание представителей всего русского народа должно положить конец тому произволу, который не даст никакой возможности рабочему классу бороться за самые насущные интересы свои. Товарищи! Наш лютый враг колеблется и потерял веру в свои силы. Настало время народу сказать свое могучее слово и одним ударом положить конец самодержавию, добиться свободного народного правления, добиться демократической республики.

Товарищи! Бросим немедленно работу и присоединим свой голос к питерским товарищам и открыто, как они, будем требовать 8-часового рабочего дня, немедленного прекращения войны, немедленного созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Да здравствует демократическая республика!

Долой самодержавие!

Долой войну!

Николаевский комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Требования рабочих, письменно предъявленные Господину Директору Черноморского завода.

Мы, рабочие Черноморского завода, ссылаясь на предложение администрации высказать те свои нужды, которые могут служить мотивом для забастовки, можем это высказать через своих депутатов, но не тех, которые были выбраны мастерами, а тех, которые выбраны нами. Поэтому мы, рабочие завода, стремясь со своей стороны к улучшению своего положения путем соглашения обеих сторон, желаем, чтобы правление завода предложило рабочим избрать из своей среды депутацию. Только такая депутация и может выразить истинные нужды рабочих.

1. Мы желаем отмены обыска, как оскорбляющего наше человеческое достоинство.

2. Отменить сверхурочные работы, — предложение работать, которое равняется приказанию.

3. Удалить из мастерских надзор полиции, — мы работаем в мастерских завода, а не в тюрьме.

4. Уволить от должности контроля полицейского надзирателя Плохова и заменить частным лицом.

5. Требуем вежливого обращения со стороны администрации завода.

6. Завод не должен отказывать в должности тем, которые были арестованы за свои убеждения.

7. Обеспечить рабочих на случай заболевания и неспособности к труду.

8. Мы требуем 8-часового рабочего дня.

24 января 1905 г.

---

2. Ход забастовки на Николаевском Судостроительном заводе.

М. В. Д.
Николаевский
Градоначальник.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

Февраля 18 1905 г.
№ 103.
Г. Николаев, Хе ⊆ с. губ.

В субботу, 12 сего февраля, в 12 час. дня, на местном Судостроительном заводе мастеровые механической мастерской прекратили работу; к ним присоединилась часть рабочих из других мастерских того же завода. Это дало повод ожидать на 14 февраля общей забастовки всех рабочих как Судостроительного, так и соседнего с ним Черноморского заводов. В предупреждение возможности возникновения беспорядков в городе, в случае объявления забастовки, были приняты соответствующие меры. По моему распоряжению, с 6 часов утра 14 февраля в районе города, прилегающем к территории означенных заводов, были расставлены, при личном участии местного полицеймейстера, усиленные наряды пеших и конных чинов полиции, под непосредственной командой приставов, для наблюдения к стороне заводов и на путях, ведущих к ним. Остальные члены полиции оставались наготове по первому требованию явиться к месту вызова. К 7 часам утра на железнодорожную станцию «Николаев» была вызвана рота 209-го Николаевского резервного полка, имевшая назначение предупредить вторжение забастовавших на заводах рабочих в мастерские железной дороги для склонения рабочих сих последних к забастовке.

Около 6½ часов утра рабочие обыкновенным порядком начали стекаться в заводы и спокойно стали на работы. Такое поведение

рабочих, в связи с полученными сведениями о неспокойном их настроении, дало основание предположить, что если ими решено сделать в этот день забастовку, то таковая, вероятно, будет произведена после часа, назначенного для обеда, т.-е. с 12—1 часа дня. Однако, дальнейшие сведения указали на отсутствие у рабочих солидарности. Многие, почти больше половины, оказались противниками забастовки. Но за четверть часа до положенного времени окончания предобеденных работ, т.-е. в 11¾ часа утра, на Судостроительном заводе был дан тревожный гудок, по которому рабочие, остановив моторы, начали выходить из завода и расходиться по домам, не производя никакого беспорядка. Услышав тревожный свисток, к заводу по прилегающим улицам начали собираться из города женщины и мужчины. Для предотвращения могущего произойти нарушения порядка, по моему распоряжению, были вызваны еще одна рота пехоты и сотня казаков, которые, готовые явиться по первому требованию, были помещены поблизости завода в скрытом месте, во избежание нежелательного раздражения среди рабочих.

Расследованием обстоятельств, вызвавших забастовку на Судостроительном заводе, выяснилось, что причиной забастовки было неполучение рабочими репительного ответа от администрации завода, за отсутствием директора, на предъявленные через депутатов требования, которые заключаются в нижеследующих 23 пунктах:

1. 8-часовой рабочий день.
2. Убрать полицию с завода и мастерских.
3. Отмена штрафов полностью.
4. Отмена обысков.
5. Полная неприкосновенность личности депутатов.
6. Улучшение санитарных условий завода и мастерских.
7. Не обращать при приеме внимание на глаза.
8. Прибавка жалованья всем мастеровым 30 — 50%.
9. Повышение расценок на аккорды.
10. Чернорабочих нанимать на неделю, при поденной плате один рубль.
11. Завод не должен платить из заработка мастеровых удержания по исполнительным листам.
12. Получка должна происходить в рабочее время.
13. Полная плата за увечье и половинная за обыкновенные болезни.
14. Полная отмена сверхурочных работ; в случае необходимости двойная плата.
15. Отмена работ от подрядчиков.
16. Полная плата за время забастовки.
17. При расчете и приеме рабочих должна присутствовать депутация.
18. Полная плата депутатам за время их работ.
19. Свобода стачек.
20. Свобода союзов.

21. Свобода слова и печати.

22. Полная неприкосновенность личности забастовавших рабочих и

23. Администрация завода должна дать помещение для обсуждения нужд.

С целью произвести забастовку, рабочие механической мастерской, преимущественно евреи, прибегли к насилию: они угрозами заставляли не желающих оставлять работы бросать таковые и уходить домой. Во избежание оповещения забастовки посредством сигнализации, администрация завода распорядилась разъединить гудок, но один из рабочих, еврей, взобрался на крышу и, вновь соединив гудок, дал тем возможность произвести тревожный свисток. Один из депутатов от забастовавшей части рабочих, также еврей, с целью принудить рабочих доковой мастерской прекратить работы, намеревался остановить мотор, но не исполнил своего намерения, получив сильный удар в лицо от одного рабочего. Из всех забастовавших мастерских одна только механическая забастовала полностью, в других же местах часть забастовала, а часть осталась работать. Вагонная, чугунолитейная и лесопильная мастерские продолжали работу при полном составе. По приблизительному подсчету, подведенному уже после 1 часа дня, число забастовавших рабочих достигло 1565 человек, и осталось на работе 1230 человек. В виду имевшихся сведений, что оставшиеся на работе рабочие опасаются насилия со стороны забастовавших товарищей при выходе из завода, было усилено наблюдение в соответствующих пунктах за всеми направляющимися к заводу в период времени, близящегося к окончанию послеобеденных работ, т.-е. к 6 часам вечера.

В 6 часов вечера, по гудку, рабочие тихо разошлись по домам; часть же рабочих, назначенная на ночную смену, в приблизительно потребном количестве 40 человек, вступила на работу.

Большинство рабочих в этот день выражали надежду на удовлетворение своих требований по прибытии директора завода, который ожидался из поездки к 15 февраля. Из опасения, что и та благоразумная часть рабочих, которая в первый день воздержалась от забастовки, ожидая решения директора, не удовлетворенная ответами последнего, примкнет к забастовавшим и положит начало волнений и беспорядков в городе, на 15 февраля были приняты такие же предупредительные меры.

15 февраля в обычное время, т.-е. в 7 часов утра, рабочие явились на работы, вошли в мастерские и приступили к работам; но через час уже выяснилось, что рабочие предположили прекратить работы. В 8¾ часа утра забастовала доковая мастерская, а через десять минут забастовал весь завод. Рабочие оставались в мастерских и совещались. Решено было не работать во всяком случае до прибытия на завод директора завода инженера Каннегиссера и до решения вопроса об удовлетворении вышеприведенных требований рабочих. Приезда директора рабочие ожидали часов в 9—10. Около

11 часов выяснилось, что директор прибудет на завод к 1 часу дня. Рабочие решили воспользоваться остающимся временем и отправились тихо, спокойно по домам на обед. К 1 часу дня собрались на дворе завода и предъявили прибывшему на завод директору свои требования. В ответ на заявление рабочих директор напомнил им, что по существующим правилам они должны были сделать заявление о своих требованиях и, не прерывая работ, ожидать решения в течение двух недель. Между тем, они, сделав заявление и не дождавшись двухнедельного срока, прекратили работу. В виду чего он, директор, в праве считать, что получил заявление только сегодня, и если они станут на работу и будут продолжать ее, то через 2 недели получат ответ. Рабочие согласились на это условие и обещали стать на работу со следующего же дня, т.-е. 16 февраля, что, по последним сведениям, ими исполняется в настоящее время.

Вполне возможно, что требования рабочих, по крайней мере, большая часть, не будут удовлетворены, и через две недели могут возникнуть новые недоразумения.

Рабочие Черноморского завода и железнодорожных мастерских никакого участия в происшедшем не принимали, и работы шли у них обыкновенным порядком.

Того же 15 числа рабочие местного механического завода инженера Уманского, числом до полутораста человек, под влиянием трех своих товарищей, остановили работу и предъявили требования, тождественные с требованиями рабочих Судостроительного завода. Хотя упомянутые агитаторы в тот же день были рассчитаны, согласно условию с заводом, с платой за две недели вперед, но остальные рабочие все-таки не приступили к работам и до сего времени.

Наконец, в тот же день директор Николаевского среднего механическо-технического училища сообщил мне, что под влиянием посторонней агитации учащиеся вверенного ему училища 14 февраля самовольно покинули занятия, заявив свою солидарность с бастующими учениками в иногородных училищах.

В ответ на донесение об этом случае Попечителю Одесского Учебного Округа названным Директором получена телеграмма, из которой видно, что Попечитель Округа склоняется к мысли о временном закрытии училища, как к мере, способной служить отрезвляющим образом для большинства учащихся. Вопрос еще не решен.

Вышеописанные забастовки, вопреки ожиданиям, носили в общем весьма мирный характер; порядок как в местах возникновения забастовок, так и в городе не был нарушен, и, таким образом, не встретилось необходимости прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам, кроме мер предосторожности. Об изложенном доношу Вашему Высокопревосходительству в дополнение к телеграмме моей от 12 февраля.

(Подпись).

---

3. Переговоры.

ОБЩЕСТВО СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ, МЕХАНИЧЕСКИХ И ЛИТЕЙНЫХ ЗАВОДОВ В НИКОЛАЕВЕ.

Объявление.

Обсудив совместно с выборными от рабочих управляемого мною завода поданное ими заявление о нуждах и желаниях, считаю долгом объявить следующее:

1. Продолжительность рабочего дня.

Продолжительность рабочего дня может резко изменяться лишь законодательным путем.

Если один завод сократит рабочее время, то рискует стать в невыгодное отношение к конкурирующим заводам; поэтому решиться на подобное дело он может только путем опыта.

В виде опыта предлагается мастеровым:

Во-первых — ограничить число праздничных дней теми 17 днями, которые установлены законом, а именно:

1 января (Новый год). 6 января (Крещение). 2 февраля (Сретение). 25 марта (Благовещение). 6 августа (Преображение Господне). 15 августа (Успение). 8 сентября (Рождество Богородицы). 14 сентября (Воздвижение). 21 ноября (Введение). 25 и 26 декабря (Рождество). Пятница и суббота Страстной недели. Воскресенье, понедельник, вторник Пасхальной недели. Вознесение Господне. День Св. Духа.

Во-вторых — внести в договор обязательство во все другие дни, кроме перечисленных и воскресений, работать. Тогда можно сократить рабочий день, кроме суббот, до 9½ часов, а в субботу оставить в 8 часов.

Можно также установить: с 1 апреля до 1 октября 10-часовой день, а с 1 октября по 1 апреля — 9-часовой день.

Если опыт 9-часового дня в течение целой зимы покажет мастеровым, а также администрации завода, что производительность завода и выработка мастеровых от сокращения рабочего дня не страдают, то можно будет обсудить вопрос о сокращении в будущие года и летнего рабочего дня.

Само собой разумеется, что если законом рабочий день будет сокращен раньше, то завод поступит согласно новому закону.

Рабочим предлагается путем голосования решить, желают ли они сохранить нынешнее расписание рабочего времени, или же ввести новое, а именно: сократив согласно вышеуказанному праздники, либо установить на круглый год 9½ часов, либо 9 часов зимою и 10 часов летом; по субботам, конечно, осталось бы 8 часов.

2. Рабочая плата.

В 1904 году Заводоуправление прибавило плату 919 рабочим, при чем общая прибавка соответствует расходу около 35.000 рублей в год.

Средний заработок за истекший год, считая взрослых, составляет 14,5 коп. в час и является одним из самых высоких на русских заводах, несмотря на то, что владельцы нашего завода еще ни разу не получили никакой прибыли и только надеются на лучший успех в будущем.

Заводоуправление и впредь намерено по мере средств и возможности прибавлять плату заслуживающим сего, при чем начальникам отделов предложено обратить особое внимание на получающих малую плату и на лиц, считающих себя обиженными по причинам, от их работы не зависящим.

Устанавливать определенную наименьшую плату Заводоуправление считает невозможным, во-первых, потому, что это закрыло бы доступ на заводы многим пожилым и менее сильным людям, а во-вторых, потому, что ныне существующая на заводе плата сама по себе не низка по сравнению со стоимостью жизни в Николаеве и в других местах России, как, например, в Петербурге или Москве, где жизнь гораздо дороже, а плата ниже и во всяком случае не выше нашей.

Относительно лиц, не имеющих задельной работы и получающих только поденную плату, считаю нужным указать, что в 1903 году задельная работа составляла менее половины всех заводских работ; в 1904 году она составляла уже почти $^2/_3$, и я намерен постепенно переводить по возможности всю работу на аккордную, так как это одинаково полезно для завода и мастеровых. Начальникам отделов предложено выработать для тех случаев, где аккордные работы совершенно невозможны, какой-нибудь другой способ поощрения мастеровых, при чем сам собою поднимется их заработок в соответствии с пользою, которую они принесут заводу.

Подрядные работы по производству (малярные) считаю своевременным упразднить и маляров, по окончании подрядчиками нынешних подрядов, причислить на общих основаниях к цехам. Подрядные же работы по постройкам и ремонту зданий необходимо сохранить, так как они временные, и иметь для них особый цех слишком дорого.

Необходимо помнить, что наш завод сравнительно молодой, что всего сразу завести нельзя, — а кто работает на заводе давно, тот знает, как много улучшений сделано за последние годы.

3. Расценки.

Как указано выше, завод до сих пор прибыли не давал и только недавно перестал давать убыток. Поэтому повышать вообще рас-

ценки нет возможности, тем более, что теперь большинство аккордов заканчивается с хорошей прибылью.

В 1903 году средняя прибыль по аккордам была около 25 процентов, в 1904 году около 30 процентов (принимая в общую сумму и те аккорды, которые закончены в убыток).

Несомненно, что с постепенным улучшением всего хода дела и с возрастанием опытности мастеровых прибыль по аккордам, особенно по часовым аккордам, действие которых предполагается распространить, будет постоянно расти. Начальникам отделов подтверждено вновь, что при выдаче аккордов цена должна быть сразу проставлена, что при назначении аккордов следует справедливо относиться ко всем мастеровым и не назначать постоянно одним более выгодные аккорды, а другим менее выгодные.

Продолжительных аккордов будем избегать и по возможности их распределять на меньшие для того, чтобы заработок был виднее и получение его скорее.

Раз цена за аккорд назначена, то нужно цену платить полностью, ограничение заработка известным процентом является злоупотреблением, о котором мастеровые приглашаются заявлять лично или через своих выборных начальникам отделов, а если не получат удовлетворения, то и высшей администрации завода.

4. Сверхурочные работы.

Сверхурочные работы обязательны в следующих случаях:

а) Необходимый ремонт в случае внезапной порчи котлов, двигателей, проводов и вообще непредвиденных расстройств в механизмах, приборах или сооружениях (зданиях, плотинах, буровых скважинах и т. п.), вызвавших прекращение работы всего заведения или какого-либо его отдела.

б) Временные работы в каком-либо отделе заведения в тех случаях, когда, вследствие пожара, поломки и т. п. непредвиденных обстоятельств, работа того или иного отдела заведения была на некоторое время сокращена или совсем приостановлена, и когда это необходимо для полного хода других отделов заведения (сборник узаконений по делам, касающимся фабричной инспекции, вып. 1, стр. 176).

Сверхурочная работа обязательна еще в следующих случаях: а) до окончательного разряжения печей (вагранок) в механическолитейном, сталелитейном и труболитейном отделениях, когда то по каким-либо причинам не могло быть произведено до обычного часа окончания работ; б) при сварочных печах до окончательной сварки предметов, сварка которых началась раньше определенного для окончания работ часа и не могла быть к этому времени закончена; в) в случаях обточки предметов, требующих большой точности (машинные цилиндры и т. п.), когда это к часу окончания работ не закончено; г) в случае неоконченного подъема или опускания больших грузов, например, судовых котлов; д) рабочий день машиниста,

его помощника и кочегара на полтора часа больше общего рабочего дня, каковой излишек относится к обязательному сверхурочному времени (расчетная книжка, § 13).

За обязательную сверхурочную работу всегда установлена была и остается полуторная цеховая плата, и увеличивать эту плату нельзя, потому что на этой работе завод заработка не имеет, и не следует мастеровому пользоваться особой наживой за счет приключившейся на заводе поломки или порчи.

Все остальные работы в неурочное время не обязательны. Никто не в праве к ним понуждать, и определенной платы за них я назначать по закону не имею права. Если в исключительных случаях кто-нибудь из мастеров предлагает такую работу, то должен особо каждый раз договориться с мастеровым и выдать ему особый листок с обозначением, будут ли такие сверхурочные часы записываться как простые, или полуторные, или двойные, или четверные, — это дело взаимного соглашения.

В случае понуждения к таким работам со стороны мастеров или притеснения за несоглашение на такие работы необходимо лично или через выборных заявить начальникам отделов, а при неудовлетворении — и высшей администрации завода.

5. Выборные.

Учреждение постоянной депутации от рабочих чрезвычайно полезно и желательно.

Инструкция для производства выборов и для самих депутатов будет особо разработана администрацией заводов при содействии нынешних выборных и представлена на утверждение Правительственной власти.

Выборные, при условии соблюдения инструкции, будут пользоваться правом неприкосновенности со стороны заводского начальства во все время пребывания его в сем звании. На выборных будет, между прочим, возложено:

а) Прием от рабочих заявлений об их нуждах и ходатайство по ним перед начальниками отделов, а в случае надобности — перед высшей заводской администрацией.

б) Заявление об обнаруженных злоупотреблениях при приеме и расчете мастеровых, при распределении и учете аккордных работ.

в) Участие в распорядках заводской столовой и лавочки.

Плата за исполнение обязанностей выборных будет установлена их инструкциею.

6. Пособие увечным и больным.

Законом от 2 июня 1903 года установлен размер вознаграждения по увечьям, и впредь до пересмотра этого закона заводоуправление будет им руководствоваться. Независимо от сего, в 1904 году двадцати мастеровым, трудоспособность которых не пострадала от быв-

ших с ними несчастных случаев, и которые до сих пор работают на заводе, заводуправлением было выдано, сверх положенного по закону половинного заработка, пособие в общей сумме 680 рублей в течение всего 588 дней, т.-е. более потерянной второй половины заработка.

Заводоуправление и впредь, конечно, будет так же относиться к делу, как и до сих пор, но никакого лишнего обязательства в этом отношении впредь до изменения закона от 2 июня брать на себя не может.

Относительно больных, не пострадавших от несчастных случаев, заводоуправление прежде всего указывает на вспомогательную кассу, в которую заводоуправлением пожертвовано в 1903 году 2800 рублей, в 1904 году 1900 рублей, а вообще со стороны заводоуправления жертвуется четвертая часть от внесенных мастеровыми в кассу сбережений.

Из этой кассы члены ее всегда могут получить пособие.

Поступление в члены кассы было прежде обязательно для вновь поступающих на завод, и только после забастовки 1903 года, осложнившей работу кассы, вследствие необходимости сразу составить почти 3000 расчетов по кассе, для мастеровых было затруднено поступление в нее, так что ныне в кассе не более 800 человек из мастеровых. Заводоуправление вновь разрешит зачислить всех желающих в члены кассы, что обеспечит им помощь при нужде.

Не состоящим членами кассы заводоуправление выдает пособие из штрафного капитала, а кроме того, с этой целью жертвует посильные средства Обществу попечения о впавших в нужду семьях служащих и рабочих, куда всякий может обращаться за помощью.

Все эти меры достаточно обеспечат заболевших мастеровых впредь до разработки закона о государственном страховании.

7. Наем и увольнение мастеровых.

Общие правила найма и увольнения всем известны и напечатаны в книжках. Выбор и увольнение мастеровых лежит на обязанности начальников отделов, так как они ответственны за работу вверенных им мастерских. На обязанности депутатов лежит доводить до сведения начальников отделов и высшей заводской администрации об обнаруженных или подозреваемых ими злоупотреблениях при найме и увольнении.

Медицинское освидетельствование зрения обязательно в виду той ответственности, которую завод несет по закону 2 июня. Так, например, если человек с нормальным зрением потеряет глаз, то потеря трудоспособности считается половинной, и завод обязан уплатить ему 50 процентов вознаграждения; но если слепой на один глаз лишится здорового глаза, то завод должен платить ему все сто процентов вознаграждения. Закон не разрешает брать в этом случае подписку с мастерового, что он удовольствуется половиной вознагражде-

ния, и потому можно только ходатайствовать об изменении в этом смысле закона.

По возможности и поскольку это не сопряжено с большим риском для завода, мною предложено заводскому врачу понизить степень нормального зрения для вновь принимаемых мастеровых.

Наем поденных не менее, чем на неделю, невозможен, так как поденные потому-то и не зачисляются в штат, что неизвестно, будет ли для них работа больше, чем на один день; начальникам отделов предложено принять меры к тому, чтобы с вечера поденным заявлялось, нужны ли они будут и в каком количестве на следующий день.

В случае замеченных злоупотреблений при найме чернорабочих выборные обязаны о том заявлять.

8. Внутренний распорядок.

Дежурства полицейских в мастерских и на местах работ упраздняются, так как все начальники отделов единогласно присоединились к просьбе о том мастеровых.

Внезапные обыски полицейских в том виде, в каком они производятся с осени 1903 года, сохраняются впредь до разработки депутатами по соглашению с администрацией завода другого способа охраны от воровства.

Штрафы не могут быть отменены, но они и неважны, потому что при сумме рабочей платы свыше миллиона рублей сумма штрафов за 1904 год составляет по всему заводу 7650 рублей 68 копеек; из них:

за неисправную работу 62 случая на	43 р. — к.
за прогул	3472 » 64 »
за опоздания и другие нарушения порядка	4175 » 4 »
Всего	7650 р. 68 к.

Штрафной капитал исключительно идет на пособия, и ежемесячно выставляется в контрольный отчет о поступивших штрафах и выданных пособиях.

Выборным предоставляется право проверять случаи наложения штрафа и ходатайствовать о сложении такового, если имеются уважительные причины.

Относительно улучшения условий заводских помещений, приспособлений и принадлежностей должен сказать, что в уважительных случаях это для заводской администрации обязательно, и все заявления об упущениях в этом отношении будут приняты с благодарностью. Мастеровым известно, что в 1903 и 1904 гг. устроен в механической дорого стоящий торцовый пол, что в кузнице поставлены на крыше вентиляционные фонари, и что в некоторых мастерских усовершенствовано отопление. Очевидно, тысячные затраты могут делаться только постепенно, но неотложные нужды будут удовлетворяться по мере обнаружения.

К расширению или увеличению числа проходов в контрольной будут приняты необходимые меры.

Всем служащим будет подтверждено о необходимости уважения к личности рабочего, как здорового, так и больного, но Заводоуправление считает нужным указать, что и рабочие не должны себе позволять грубостей и дерзостей как друг к другу, так и по отношению к служащим, хотя бы и младшим.

9. Общие нужды мастеровых.

Относительно школ для детей обращаю внимание мастеровых, что завод уже два года вносит плату за всех детей мастеровых, которых последние выразили желание поместить в ремесленных классах Средне-Механического училища.

Затем заводы оказывают некоторую субсидию школам грамотности, в которые принимаются, насколько Заводоуправлению известно, все дети рабочих.

Заводоуправление и впредь окажет всякое содействие образованию детей своих рабочих, но устраивать собственную школу считает преждевременным, пока не окажется, что нехватает мест для желающих учиться в городских школах, существующих для всех николаевских обывателей и в том числе для рабочих.

Относительно школ для взрослых и читальни, если на то последует разрешение правительственной власти, Заводоуправление с удовольствием предоставит для этого помещение столовой (в которой уже два года как устроены по почину и за счет завода технические классы).

Новых зданий, конечно, завод пока не имеет средств строить, но даст субсидию для классов грамотности и читальни.

Точно так же каждый раз, когда последует разрешение правительственного начальства на собрание рабочих для обсуждения их нужд, им будет также предоставлена в распоряжение столовая.

Все ходатайства перед Правительственными Учреждениями Заводоуправление возбудит по разработке вопроса совместно с выборными.

По исполнительным листам завод обязан делать удержания, так как арест накладывается судебным приставом, и завод отвечает за удержания своим собственным имуществом.

Столовая и лавочка при ней будут переданы в заведывание Общества попечения, которое совместно с депутатами изыщет способы усовершенствования дела.

Никаких взысканий и увольнений за забастовки, происшедшие в субботу 12 февраля, в понедельник 14 и во вторник 15 февраля, завод делать не будет, но платить за время, потерянное при забастовке, ни в коем случае не будет.

Директор-распорядитель И. С. Каннегиссер.

4. Развитие стачки и ее результаты.

М. В. Д.
Николаевский
Градоначальник.

Марта 8 1905 г.
№ 135.
Г. Николаев.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

23 минувшего февраля на местном Судостроительном заводе возобновилась забастовка рабочих. Прочитав объявление заводоуправления о тех изменениях, какие оно находит возможным сделать в распорядке работ и вознаграждении, рабочие решили отказаться от дальнейшей работы на заводе и потребовали расчета. После предобеденного гудка рабочие, покончив работу, начали расходиться, часть же их осталась на заводе и совещалась по вопросу, как дальше действовать. В час дня, когда кончился обеденный перерыв, рабочие разошлись по мастерским и приступили, хотя и вяло, к работам. Через несколько времени (около 2-х часов) мне было доложено, что рабочие доковой и механической мастерских прекратили работу и начали ходить по другим мастерским с требованием тоже оставлять работы, при чем все время раздавались тревожные гудки. Многие рабочие, хотя не были солидарны с забастовщиками, под влиянием угроз должны были уступить и оставить работу. Около 3-х часов весь завод забастовал.

Получив означенные сведения, я немедленно распорядился усилением полицейского наряда как у самого Судостроительного завода, так и в прилегающих к нему местностях.

Рабочие вновь образовали совещание между собою частью в мастерских, а частью на заводском дворе. При этом окончательно было решено прекратить работы, потребовав немедленного расчета.

Между тем, тревожные гудки всполошили жителей прилегающего к заводу района, и масса народа бросилась из города к заводу, заполняя собою площадь у завода. В виду чего, в устранение возможности возникновения каких-либо серьезных осложнений и для предотвращения народных волнений в городе, мною были вызваны одна сотня казаков и две роты пехоты и были размещены поблизости завода в соответствующих скрытых местах, во избежание нежелательного раздражения среди рабочих.

Администрация завода не нашла возможным удовлетворить требование рабочих о немедленном расчете и объявила, что расчет будет произведен 28 февраля. Получив это извещение, рабочие начали расходиться, а также прибежавший из города народ. В 5½ часов завод совершенно опустел, почему явилась возможность отпустить и войска.

От рабочих удалось дознать, что на другой день, 24 февраля, все рабочие предполагают явиться на завод с целью сдать инстру-

менты и вторично предъявить требование о немедленном расчете. При этом ими решено войти в завод во что бы то ни стало, прибегнув в крайнем случае надобности к силе.

Из опасения возможности при этом беспорядков, мною в этот день с утра были приняты такие же меры предосторожности. 24 февраля, к 7 часам утра, рабочие собрались в заводе и разошлись по мастерским, где начали группироваться и совещаться, как действовать дальше. Большинство из них явилось в рабочем платье, вероятно, в расчете заняться работой, другие же в чистой праздничной одежде. Часть рабочих сдала инструменты и оставила завод, другие оставались на заводе и обсуждали объявление завода, в коем было сказано, что расчет не может быть произведен в этот день, так как необходимо было разобраться и предварительно сделать подсчет заработка. В 10½ часов утра все рабочие разошлись, и охрана была снята.

25 февраля выборные от рабочих Судостроительного завода, в числе 35 человек, обратились ко мне с просьбою разрешить, в виду прекращения работ на заводе, собраться им в каком-нибудь из помещений для обсуждения положения рабочих. Мною разрешено собраться им для указанной цели в зале местного Собрания техников и мастеровых, в количестве не более вышеозначенного числа выборных, при чем были приняты соответствующие меры к сохранению порядка. Совещание разрешено при условии представления мне перечня вопросов и присутствия чинов полиции. Сделано распоряжение о недопущении сборища рабочих на прилегающей к зданию площади и т. п.

Совещание состоялось 26 февраля и длилось от 10 часов утра до 3½ часов пополудни. Участвовало 26 человек. Председательствовал в совещании депутат токарь механической мастерской Алексей Иларионович Иваницын. Совещание велось при полном спокойствии и тишине, — в отсутствии посторонних лиц и в присутствии полиции. Как в самом собрании, так и на улице нарушений порядка не было. Участники совещания, обсудив все назначенные к обсуждению вопросы, по представленной ими мне программе, постановили следующие решения.

1. На случай продолжительности забастовки заботиться о нуждающихся рабочих и выдавать им на пропитание из личных средств имущих рабочих-товарищей.

2. 28 февраля прибыть всем рабочим в завод к 7 часам утра и, при условии удовлетворения предъявленных требований рабочими раньше (характер последних объяснен мною в представлении 18 февраля за № 103), быть готовыми к работе, но с тем, чтобы директор завода изъявил согласие принять вновь их, забастовавших, одновременно всех и притом без медицинского освидетельствования (депутаты имеют в виду, что рабочих и в особенности тех, коим завод приписывает причину забастовки, не будут принимать на работы под каким-нибудь предлогом).

3. Представить заводу списки тех рабочих, которые получили увечья, на предмет удовлетворения их претензий без судебного разбирательства.

4. Предъявить требование о выдаче теперь же некоторым рабочим командировочных денег, остающихся неуплаченными продолжительное время.

5. Потребовать, чтобы администрация завода не соглашалась удерживать из жалованья рабочих долги по исполнительным листам.

Этот последний вопрос, по данному присутствовавшим на совещании приставом разъяснению, что это требование заводом не может быть удовлетворено, оставлен открытым.

В числе депутатов находились евреи-рабочие Сруль Фридман и Цейтлин, которые настолько влияли на совещании на остальных рабочих-русских, менее развитых, что все вопросы были решены в том направлении, какого они желали.

Кроме приведенных вопросов, по коим состоялись вышеозначенные решения, были предназначены по программе еще следующие вопросы.

«О возможности продолжения времени нашей неработы.

О нуждах, не представленных заводу и исследованных нами во время депутатских обязанностей».

Но таковые вовсе не рассматривались в совещани, так как, по мнению депутатов, эти вопросы подлежат рассмотрению совместно со всеми рабочими завода. С 1 сего марта ко мне поступило ходатайство о разрешении собрания всех рабочих в ограде народного сада «для выяснения народного мнения», как выражено в прошении, но я не разрешил такого собрания.

На 28 февраля на Судостроительном заводе был назначен день расчета рабочих. В виду ожидавшегося многолюдного собрания их к зданиям завода, я, по тем же соображениям, распорядился выслать в этот день с утра усиленный наряд полиции и войска в вышеуказанном составе и поручил местному Полицеймейстеру лично находиться во главе наряда полиции по близости завода. Рабочие начали стекаться к заводу с 6½ часов утра. Они группировались на дворе завода в кучки и подстрекаемые и направляемые депутатами Фридманом и Цейтлином склонялись к тому, чтобы не приступать к работам. К 10 часам утра, времени начала расчета, рабочих собралось уже до 1.000 человек. Расчет производился спокойно. Депутаты, ходя в толпе, собирали деньги в пользу неимущих забастовавших рабочих, что они делали как во дворе завода, так и снаружи, у заводских ворот. По имеющимся сведениям, рабочие соседнего с Судостроительным Черноморского завода ассигновали в этот день в пользу забастовавших рабочих Судостроительного завода весь свой дневной заработок. В 5½ часов пополудни рабочие оставили завод, и войска были отпущены в казармы.

Так как в этот день не все рабочие получили расчет, и на следующий день, 1 марта, предположено было продолжение расчета и, кроме того, ожидалось прибытие рабочих в числе до 800 человек, за получением денег из ссудо-сберегательной кассы, мною в тех же видах были приняты меры, аналогичные с предыдущими; сверх того, 1 же марта с утра был послан усиленный наряд полиции к механическому заводу бр. Донских, в виду полученных сведений, что забастовавшие рабочие, имея намерение устроить общую забастовку, предположили в этот день снять с работы мастеровых упомянутого завода.

С 7½ часов утра 1 марта рабочие Судостроительного завода начали собираться в заводе, а к 10 часам собралось их до 1000 человек. Получившие расчет и аккордные квитанции выходили и перед заводом образовали вместе с приходящими к заводу толпу, в которой Фридман ораторствовал. Оказалось, по его личному объяснению, что он разъяснял рабочим значение полученных ими аккордных и других квитанций. Ему предложено Полицеймейстером не собирать толпы. По разъяснению Директора завода, данному им Полицеймейстеру, вопрос об аккордной работе не может быть разрешен скоро; что в расчеты, весьма возможно, вкрались ошибки, а потому рабочие еще долго будут иметь основание посещать завод. Это даст право толпиться ежедневно с утра до вечера рабочим, которых нет возможности и законных оснований устранить, так как они стоят перед воротами завода в ожидании аудиенции. Во всяком случае такое положение заставляет постоянно быть настороже и иметь наблюдение за заводом и ближайшею к нему местностью.

К 2½ часам дня рабочие оставили завод, и охрана была снята.

Около 5 часов вечера того же дня забастовали рабочие шрапнельной мастерской Черноморского завода; вслед за ними забастовали рабочих и других мастерских этого завода, предъявив, между прочим, требование о немедленном удалении с завода полицейского околоточного надзирателя, в виду его грубого и неумелого обращения с рабочими и о замене его другим, о котором мне было сообщено Директором завода.

Произведенным по моему распоряжению расследованием факт грубого и нетактичного обращения названного околоточного надзирателя с рабочими подтвердился и мною предложено Полицеймейстеру немедленное заменение его другим околоточным надзирателем, более опытным и тактичным. Хотя, узнав об этом, рабочие успокоились и ушли с завода в обычное время, но все же заявили, что на другой день, 2 марта, на работу не выйдут.

Вследствие чего, по моему распоряжению, были высланы с утра 2 марта усиленные наряды полиции к стороне заводов Судостроительного, Черноморского, Усманского и бр. Донских, а также в торговый порт, где, по имевшимся сведениям, женщины-подбивальщицы,

работающие на иностранных пароходах по нагрузке зернового хлеба, предположили забастовать.

В 8 часов утра этого числа мне доложено, что подбивальщицы, потребовав вместо полуторарублевой платы двухрублевую, были приняты на работу по цене 2 рубля, в числе около 200 душ.

Около Судостроительного завода с 8 часов утра начали собираться рабочие и к 12 часам их набралось до 500 — 800 человек. Некоторые из них ходили в завод по разным делам, большинство явилось, повидимому, с целью послушать депутатов, узнать текущие новости. Депутаты Фридман и Иваницын тут же держали речь к рабочим, давая им объяснения положения дела забастовки, выдачи разных денег от завода, опрашивая о бедствующих рабочих и указывая на невозможность работать на предложенных заводом условиях.

Около 12 часов дня депутаты Афанасьев и Цейтлин ходили к местному Фабричному Инспектору с просьбою о распоряжении ассигновать весь накопившийся штрафной капитал, около 1500 рублей, на выдачу увечным рабочим. Фабричный Инспектор обещал им притти на завод в 2 часа, о чем депутаты и объявили рабочим. Около часа дня рабочие почти все разошлись, ко времени же прибытия на завод Фабричного Инспектора (2 час. дня) осталось всего человек 5 — 10.

На заводах: Усманского, братьев Донских и Черноморском рабочие своевременно вступили на работу, продолжая ее установленным порядком, хотя на Черноморском заводе замечалась некоторая вялость.

В виду же того, что рабочие Судостроительного завода не прервали еще окончательно связи с заводом и являются ежедневно к заводу для расчета, для наблюдения за деятельностью собирающейся толпы их признано мною необходимым держать поблизости ежедневно полицейский наряд, не вызывая войск, в присутствии которых при нынешнем положении вещей особой надобности уже не встречается.

В течение всего дня 3 марта на заводах Черноморском, Усманского и бр. Донских работы шли заведенным порядком. Около Судостроительного завода, как и в предыдущие дни, около 9 — 12 часов собралась толпа рабочих до 1000 человек, при чем депутаты Фридман и Иваницын держали речь, рекомендуя не приступать к работам, так как, действуя таким образом, можно ожидать удовлетворения требований рабочих. Депутаты Цейтлин и Афанасьев выехали в Одессу к Старшему Фабричному Инспектору, предполагая обратиться к нему с просьбою о передаче им всего накопившегося штрафного капитала. В течение этого дня записалось на работу 38 человек, из чего следует заключить, что влияние депутатов на рабочих начало ослабевать. Мною приказано чинам полиции внимательно прислушиваться и чутко относиться к настроению рабочих, дабы в случае какого-нибудь проявления злой воли против

записывающихся со стороны не желающих работать, сейчас же принять меры к устранению насилия.

Перед вечерним окончанием работ рабочие Черноморского завода через посредство Фабричного Инспектора заявили опасение, что их, при выходе из завода побьют те, которые пропагандируют забастовку. В виду этого мною немедленно было отдано приказание о высылке к заводу конных стражников и городовых, которые прибыли в то время, когда рабочие выходили из завода. Выходя, рабочие спокойно и беспрепятственно расходились по домам; насилия со стороны забастовщиков им учинено не было.

Вообще, благодаря своевременно принятым мерам предосторожности, забастовки проходят без нарушения порядка. В настоящее время число желающих стать на работу на Судостроительный завод постепенно увеличивается, и можно ожидать в скором времени возобновления действий завода. Острый характер забастовки нельзя еще считать миновавшим.

(Подпись.)

М. В. Д.
Николаевский
Градоначальник.

18 марта 1905 г.
№ 159.
Г. Николаев.

Секретно.

Министру Внутренних Дел.

4 сего марта, около 10 часов утра, у Судостроительного завода собралась толпа рабочих до 1000 человек. К 12 часам толпа разошлась. В этот день работало на заводе вместе с поденными всего 93 человека.

Около 2-х часов дня часть забастовавших рабочих, в числе до 20 человек, вошла в механический завод инженера Усманского, где, оборвав предварительно телефонный провод, потребовала от находившихся на заводе рабочих прекращения работ, при чем грозили бить неповинующихся этому требованию; один, вооруженный револьвером, угрожал машинисту, требуя остановить машины.

Получив об этом сведения, я распорядился немедленно же послать к названному заводу соответствующее число чинов полиции; ко времени их прибытия упомянутые рабочие скрылись. Рабочие завода Усманского, опасаясь вторичного вторжения забастовщиков, несмотря на увещания, ушли с завода, за исключением немногих оставшихся и продолжавших работать до вечера. Дознанием установлено, что в числе ворвавшихся на завод Усманского были бывшие мастеровые этого завода Иван Гаркуша, Григорий Полупанов, Николай Скакун и другие, фамилии коих еще не выяснены.

В предупреждение повторения подобных случаев на заводах Черноморском и бр. Донских, мною было приказано отправить туда

полицейскую охрану; но в течение дня на этих заводах сохранялось полное спокойствие и работы шли обычным порядком.

В этот же день рабочими Черноморского завода заявлено было о готовящемся над ними насилии со стороны забастовщиков при выходе с завода, вследствие чего было сделано распоряжение о посылке к этому заводу ко времени окончания на нем работ усиленного наряда полиции, для предупреждения беспорядков. Принятыми своевременно мерами удалось дать возможность мастеровым названного завода, по окончании работ, спокойно разойтись по домам.

Того же 4 марта двое рабочих-евреев пытались производить на базаре денежный сбор в пользу забастовщиков, но при появлении чинов полиции скрылись.

5 марта на заводах Черноморском, Усманского и бр. Донских работы шли обычным порядком.

6 марта с 9 часов утра около Судостроительного завода начали собираться рабочие.

Произнести речь собравшимся рабочим имел намерение один из учеников местного среднего механико-технического училища, но при появлении полиции означенный ученик тотчас же удалился, выяснить личность его не представилось возможным. Около 12½ часов дня толпа рабочих разошлась. На Судостроительном заводе работало 83 человека. 7 марта с утра на Судостроительном заводе работало 98 человек.

С 8 часов утра начали стекаться к заводу рабочие, которые шли записываться на работу.

Около 10 часов утра с Черноморского завода раздались тревожные гудки. Оказалось, рабочие и этого завода забастовали. Тревожные гудки к заводу привлекли из города толпу народа.

В видах возможности возникновения при данных обстоятельствах беспорядка, в 10 час. 10 мин. утра мною были вызваны и расставлены к прилегающим к заводам пунктам одна сотня казаков и две роты пехоты.

В 11½ часов утра рабочие Черноморского завода стали выходить группами из завода и направляться к стороне Судостроительного завода. К 12 час. дня здесь собралась толпа более 1000 человек. Один из рабочих обратился к присутствующим с речью, в которой, указав на сочувствие, проявленное рабочими Черноморского завода к забастовке, доказывал, что таким именно способом рабочие и могут достигнуть удовлетворения своих требований, и предложил рабочим собраться на другой день в 10 час. утра к Судостроительному заводу.

К 1¼ час. дня толпа рабочих разошлась, и войска были освобождены, а в ограждение оставшихся на вышеозначенных заводах рабочих была выслана ко времени окончания работ полицейская охрана.

В виду имевшихся сведений, что 8 марта предполагается возникновение беспорядков у заводов, с 7 часов утра этого числа туда был выслан усиленный наряд полиции, а в 7 час. 50 мин. высланы части войск.

Около 8 час. утра к Черноморскому заводу явилось 300 человек рабочих, которые были впущены в завод и вступили в переговоры с администрацией завода. Не придя ни к какому соглашению, они разошлись. На Судостроительный завод стали приходить рабочие; часть из них шла записываться на работу, некоторые явились за получением денег по аккордным квитанциям, другие, повидимому, без всякой определенной цели. Во исполнение моего приказания не допускать образования толпы рабочих около завода, чинами полиции были приняты соответствующие меры. Помимо рабочих Судостроительного завода, сюда начали стекаться и рабочие Черноморского завода. К 10 часам, несмотря на требования чинов полиции, толпа не только не расходилась, а достигла 2.000 человек, при чем среди собравшихся проявились признаки беспокойства, кои могли перейти в открытые беспорядки, в виду чего толпа была рассеяна в 11¼ час. при помощи казаков. Войска были освобождены лишь к 4 часам, когда движение рабочих у заводов окончательно прекратилось.

9 марта в 7 час. утра на Черноморский завод начали стекаться мастеровые и рабочие, коих вскоре собралось до 600 — 700 человек. Все они разошлись по мастерским с целью приступить к работам; но в виду того, что из числа явившихся большинство оказалось чернорабочих, а мастеровых было очень мало, в общем же количество это составляло меньшую половину нормального числа рабочих, то администрация завода не нашла возможным пустить в ход машины. К 9 часам утра явились депутаты, которые предложили собравшимся мастеровым и рабочим разойтись по домам и прибыть вновь на завод к часу дня для окончательного обсуждения вопроса о том, приступать ли, или не приступать к работам и продолжать забастовку. В час дня на завод собрались рабочие в том же количестве и стали группой среди заводского двора, а депутаты Мухер, Янаньев, Никифоров и Павлов взошли на кучку камней и начали поочередно уговаривать мастервоых и рабочих продолжать забастовку до тех пор, пока будут удовлетворены все их требования, обещав в то же время им всевозможные поддержки на время забастовки, сколько бы таковая ни продолжалась, при этом ставили в пример мастеровых и рабочих Судостроительного завода, который 15 дней не работают, потому что их поддерживают; говорили о том, что если они, рабочий люд, страдают от забастовок, то капиталисты тем более и, что сколько бы завод ни стоял, он в конце-концов вынужден будет удовлетворить все требования рабочих. Депутаты закончили следующим воззванием: «Товарищи, вы нас выбрали в депутаты, вы и порука за нашу свободу. Если нас заключат в тюрьму, вы должны всеми силами стараться до-

биться нашего освобождения; если же нет, то выбирайте вторых и третьих депутатов и, бастуя, добивайтесь удовлетворения наших требований. Господа, помните наши слова, сказанные нами сегодня. В особенности не бойтесь расчета, — мы поддержим каждого нуждающегося в момент забастовки. Так, значит, бастуем?» В ответ на что вся толпа откликнулась: «бастуем».

У Судостроительного завода в течение целого дня наблюдалось полное спокойствие и тишина. Всех рабочих одновременно собралось после 10 часов утра до 600 человек. Очевидно, под усиленным влиянием депутатов в этот день число вновь записывающихся на работы резко уменьшилось сравнительно с предыдущими днями. 10 марта, около 10 часов утра, во время приема и расчета рабочих, к Судостроительному заводу собралась вновь толпа до 600 человек. По некоторым мастерским заводом производился расчет, число записывающихся на работы еще уменьшилось; на работе же состояло всего 216 человек. Собравшиеся у завода рабочие держались спокойно, тишины и порядка не нарушали. В 11 часов они разошлись, а в 5 часов пополудни, по приглашению депутатов, собрались вторично, уже в числе около 1500 человек. Депутаты сообщили рабочим, что директор завода продолжает не соглашаться ни на какие уступки, объявив лишь, что все желающие продолжать работать на прежних условиях могут быть приняты на работы. При этом депутаты Фридман и Иваницын настаивали, чтобы рабочие продолжали держаться своих требований, на работы не записывались и собирались бы к заводу каждое утро для совещаний. В виду того, что, по полученным сведениям, собравшиеся у завода рабочие намерены были употребить насилие над рабочими, находившимися на работе в заводе, к 5½ час. вечера ко времени выхода рабочих из завода был усилен полицейский наряд, и вызвана в ближайшее скрытое место сотня казаков. Благодаря увещаниям чинов полиции, толпа понемногу стала редеть, а к 7 часам все рабочие разошлись, дав возможность освободить казаков.

У Черноморского завода собравшаяся с утра толпа рабочих до 500 — 600 человек требовала немедленного расчета, несмотря на вывешенное заводоуправлением объявление о назначении расчета на 12 марта. Депутаты объяснились с дирекцией завода, после чего все мастеровые были впущены в завод для сдачи нарядов работы и инструментов. Спустя час рабочие вышли с завода и разошлись по домам, не нарушая порядка. На других заводах положение вещей осталось без изменения.

11 марта на Судостроительном заводе из числа записавшихся ранее 475 рабочих работало всего 159 человек. К 10 часам утра к заводу собралось мастеровых и рабочих человек 500, во главе с депутатами, из коих Фридман, Иваницын, Лукьянов и Афанасьев снова подтверждали рабочим, чтобы они продолжали держаться своих требований и на работы не поступали, а собирались бы к заводу ежедневно к 10 часам утра и наблюдали, кто работает на за-

воде. Большая часть собравшихся явилась просто из любопытства; некоторые за получением аккордных денег, а также различных справок. К 11 часам все разошлись. В течение дня вновь записалось желающих работать 39 человек. Таким образом число всех изъявивших желание работать достигло 514 человек.

Часть забастовщиков, в числе до 30 человек, имели наблюдение за выходившими из завода по окончании работ, но насилий не производили и порядка не нарушали. Вообще в течение всего дня как на Судостроительном, так и на Черноморском заводах сохранялось полное спокойствие.

С 8 часов утра до 10 часов к Черноморскому заводу собралось до 150 человек. Не будучи пропущенными в завод, они остановились у заводских ворот и, разделившись на группы, после часового совещания, разошлись, выбрав из своей среды депутатов, которые были впущены в завод, где до 2-х часов дня вели переговоры с одним из инженеров завода в присутствии фабричных инспекторов: старшего — Попова и участкового — Котельникова. Ко времени окончания переговоров у завода снова собралось около 100 человек рабочих, которые, встретив вышедших депутатов, вместе с ними удалились.

На остальных заводах положение дела осталось без изменения.

(Подпись.)

М. В. Д.
Николаевский
Градоначальник.

22 марта 1905 г.
№ 162.
Г. Николаев.

Министру Внутренних Дел.

К 7 часам утра 12 марта на Судостроительный завод явилось на работы 198 человек, а к 10 часам у ворот этого завода собралось до 200 мастеровых и рабочих. Уговорившись снова собраться к заводу на следующий день к 10 часам утра, рабочие спокойно разошлись по домам и больше в этот день к заводу не являлись. В течение дня вновь записалось желающих работать 82 человека, что составит с прежде записавшимися 596 человек.

На Черноморском заводе производился расчет мастеровых, согласно вывешенному заводом расписанию, по цехам, при чем рабочие держались все время спокойно, недоразумений и пререканий не было. Расчет начался с 9 часов утра; к этому времени за получением расчета прибыло к заводу до 600 человек рабочих. Расчет продолжался до 6 часов вечера, с перерывом от 12 до 2 час. дня. Рассчитываясь, рабочие не брали документов, надеясь вновь поступить на работу.

На остальных заводах было спокойно.

Николаевский полицеймейстер в этот же день донес мне о бывшем 11 марта случае избиения одного мастерового Судострои-

тельного завода Георгия Шумкова забастовщиками того же завода, в числе восьми человек, между которыми были Степан Басов и Корнилий Павлов. Насилие над Шумковым учинено за несочувствие его забастовке и продолжение работы в заводе, и притом вне завода и прилегающей к нему территории, по дороге с завода домой. При производстве дознания выяснилось, со слов свидетелей, что этот случай насилия забастовщиков над личностью продолжающих работать не единичный, но потерпевшие из боязни новых насилий не заявляют о том официально. Кроме того, сам Шумков заявил, что главари забастовки, воздействуя путем нанесения побоев продолжающим работать, нанимают для этой цели особых лиц, платя им за это под видом пособия. Однако, эти обстоятельства остаются пока невыясненными. 14 марта к 7 часам утра явилось на работы в Судостроительный завод 258 человек, а к 10 часам у этого завода образовалась толпа неработающих мастеровых до 500 человек. Между последними находились депутаты Фридман, Афанасьев, Иваницын и Лукьянов, которые советовали рабочим не приступать к работам еще сутки. При этом было предъявлено требование об удалении присутствовавших тут же чинов полиции заводской. Мотивировалось это тем, что то, что рабочие намерены говорить, полиция, как причастная заводоуправлению, не должна знать. По распоряжению Полицеймейстера чины ближайшего к заводу портового полицейского участка предложили рабочим разойтись, что они и исполнили и не собирались уже у завода до самого вечера.

В течение дня изъявили желание работать еще 154 человека.

У Черноморского завода к 7 часам утра собралось 600 — 700 человек рабочих, которые явились, повидимому, готовые приступить к работам, так как имели при себе узелки с завтраком. В завод, кроме больных, никого не впускали. В 8 час. пропустили лишь депутатов, которые после переговоров с одним из заводских инженеров, длившихся около часа времени, вышли из завода и образовали близ завода совещание в присутствии всех бывших здесь рабочих. При этом на совещании все усилия депутатов направлялись к тому, чтобы убедить рабочих в необходимости затянуть забастовку. В 11 час. утра все рабочие разошлись спокойно.

На других заводах положение дел оставалось без изменений.

15 марта, к 11 часам утра, к Судостроительному заводу прибыло до 1.500 человек рабочих при депутатах Фридмане, Цейтлине, Афанасьеве и Иваницыне. После некоторых переговоров между собою толпа рабочих, по предложению депутатов, разошлась, решив снова собраться у завода на другой день.

В течение дня вновь записалось на работы 90 человек, а всего с прежде записавшимися числится 840 человек, но работало всего 312 человек.

Около Черноморского завода к 7 часам утра собрались мастеровые и рабочие до 700 человек, во главе с депутатами, которые

после продолжительных переговоров с администрацией завода, вынесли и объявили рабочим письменный договор, в коем главное обусловливается 9-часовой рабочий день и прибавка поденной платы. Все рабочие, по предложению депутатов, изъявили желание явиться 16 марта в завод на работы и в 11 часов спокойно разошлись.

В виду полученных сведений о том, что забастовавшие рабочие Судостроительного завода, вследствие неуспешности ожиданий удовлетворения предъявленных ими дирекции завода требований, решили, собравшись утром, 16 марта, у завода, двинуться толпой в город и по пути срывать рабочих, чем устроить всеобщую забастовку, мною были сделаны соответствующие распоряжения по приготовлению к охранению спокойствия и порядка в городе. С раннего утра означенного числа были высланы усиленные наряды чинов полиции в местности, прилегающие к заводам, а также и в другие пункты, могущие послужить местом сборища народа. Помимо сего, были вызваны в помощь полиции одна сотня казаков и две роты пехоты. Полиции было приказано не допускать скопления народа где бы то ни было. После 8 часов утра часть депутатов от рабочих собрались на Судостроительном заводе, а на улицах, прилегающих к этому заводу, начали собираться женщины и дети рабочих, а также расквартированные по обывателям нижние чины. В ответ на требование полиции разойтись, из толпы раздавались свист и угрозы; женщины падали на колени, но не уходили. Когда сделалось очевидным, что мерами полиции ничего нельзя было сделать, пришлось рассеять толпу при помощи казаков. При чем, в виду того, что толпа не повиновалась и оказала упорное сопротивление, пуская в казаков камни и другие предметы и встречая их свистом и гиканьем, была вызвана еще сотня казаков. Многие находившиеся в толпе жены и матери рабочих на требование разойтись, с упреками и угрозами заявили: «мы голодны, есть хотим и не пойдем отсюда, — бейте нас, топчите казаками». Рабочие же объясняли свое присутствие в толпе ожиданием депутатов, находившихся в заводе.

По просьбе директора, всем рабочим разрешено было войти в завод, при чем учреждено было наблюдение, чтобы вместе с рабочими не вошли посторонние лица. Депутаты, которые приняли на себя эту обязанность, предъявили одного человека, пытавшегося пройти в завод, который оказался Семляком, бывшим привлеченным к дознанию по обвинению в государственном преступлении. Он был немедленно удален.

Пропустив рабочих, депутаты около 12 часов дня собрались в заводской столовой, куда прибыли директор завода, фабричный инспектор и, с согласия депутатов и директора, полицеймейстер и состоявший при мне чиновник особых поручений. Во время совещания директор комментировал отпечатанные ответы заводоупра-

вления, данные рабочим в дополнение к объявлению от 23 февраля (при сем представляется один экземпляр такого объявления), при чем, кроме сделанных ранее уступок, сделаны еще некоторые уступки (объявление также представляется). В совещании принимали особенно живое участие депутаты Цейтлин, Фридман, Афанасьев и Иваницын. Они настаивали, чтобы были приняты на работы Басов и Павлов, обвиняемые в нанесении побоев Шумкову. Директор объявил, что примет их, если они будут оправданы судом. Около 2½ час. совещание было окончено, и депутаты, переговорив с рабочими, явились к директору и заявили, что они согласны работать на прежних условиях с данными им 23 и 28 февраля и сего числа льготами и завтра станут на работу. Около 4 часов дня все рабочие разошлись с завода, и охрана была снята.

Работы на заводе Черноморском и братьев Донских шли обычным порядком.

17 марта, к 7 часам утра прибыло в Судостроительный завод на работу 2494 человека (полный комплект, не включая больных и некоторых не явившихся). В мастерских приступили к работам, за исключением котельной, мастеровые коей, не работавшие в забастовку, с депутатами Скобуновым, Баласси, Бугаевым и Ковериным, не приступая к работам, требовали удаления тех мастеровых, которые работали во время забастовки. Опасаясь насилий над этими последними со стороны первых, были высланы, помимо усиленного наряда полиции, войска в том же количестве.

По прибытии на завод директора депутаты котельной мастерской заявили ему об этом, но он категорически объявил, что исполнить это их требование не может и, если понадобится, прекратит работы во всех мастерских и закроет завод. После этого все рабочие котельной мастерской, перестав предъявлять требования, приступили к работам и работали до обеда, все рабочие собрались во дворе завода вместе с депутатами для обсуждения вопроса, подлежат ли увольнению с завода те мастеровые, которые работали во время забастовки, и после долгих переговоров решили оставить их на работе, ходатайствуя только перед директором завода, чтобы он принял участие в облегчении наказания мастеровым Басову, Павлову и другим, виновным в нанесении побоев работавшим в забастовку мастеровым. Около 2 часов дня все рабочие разошлись по мастерским и работали до 6 часов вечера, а затем спокойно разошлись по домам. Порядок нарушен не был, и войска были освобождены.

До выхода рабочих с завода, по распоряжению директора, вывешены объявления, которыми рабочие поставлялись в известность, что, по распоряжению Главного Управления, при возобновлении каких-либо беспорядков завод немедленно будет совершенно закрыт на неопределенное время.

В течение 18 и 19 сего марта работы на всех заводах шли обычным порядком, и можно считать забастовку прекратившеюся.

Кроме вышеописанного, в течение истекшей недели порядок в городе иногда нарушался выступившими в Николаеве нижними воинскими чинами, преимущественно призванными из запаса на укомплектование частей войск, предназначеных к уходу на Дальний Восток. Будучи расквартированными по обывательским домам и общественным зданиям, — за отсутствием свободных казарменных помещений, — они начали бродить группами без дела по улицам города, производя шум, попрошайничая, а то и просто совершая мелкие кражи, преимущественно съестного. Чины местной полиции с самого момента пребывания запасных с напряженными усилиями стремились поддержать в городе должный порядок, кроме того, в тех же целях по моему требованию высылались военные команды для патрулирования по улицам города и в наиболее излюбленных местах скопищ. Но принимавшие меры могли только до известной степени способствовать поддержанию в городе порядка, совершенное же его установление при данных обстоятельствах, когда забастовка на Николаевских заводах и брожение среди местных неблагонадежных элементов требовали также особой бдительности со стороны чинов полиции, являлось делом крайне затруднительным.

Значительный беспорядок в городе произведен был нижними чинами в воскресенье, 13 марта. В этот день с 2 часов пополудни и до 8 часов вечера собравшиеся в большом количестве на местном базаре солдаты, с участием многих частных лиц, вели себя крайне буйно, при чем в одном из трактиров выбиты были несколькими солдатами стекла, поломана мебель и побита посуда. Чинов полиции, а также и воинские патрули, пытавшиеся прекратить беспорядки, толпа встретила градом камней, обломками рундуков и даже выстрелами из револьверов. Прибыв на место беспорядков, я с помощью войск, хотя и не без затруднений, восстановил порядок, при чем задержано было несколько нижних чинов, которые переданы военным властям, а о проступках их производится следствие. При подавлении беспорядка пострадал пристав Одесской части города Николаева Коллежский Асессор Назаров, которому камнем, брошенным из толпы, разбит нос с повреждением, по заключению врача, кости.

О настроении нижних воинских чинов мною было доведено до сведения Командующего войсками округа и Начальников 53 и 70 пехотных дивизий и в настоящее время отчасти местными мерами, а отчасти распоряжением военных властей беспорядки, производившиеся нижними чинами, совершенно прекращены, и в городе восстановлен полный порядок, дальнейшее поддержание коего, при громадном в настоящее время скоплении в Николаеве запасных нижних чинов и массе местного крайне неблагонадежного элемента, весьма затруднительно, и всегда возможно ожидать нарушения порядка в той или иной форме.

(Подпись.)

5. Призыв к восстанию.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К о в с е м р а б о т н и к а м и р а б о т н и ц а м г о р. Н и к о л а е в а.

Товарищи, великое событие произошло у нас вчера 14 июня. Французский завод последовал призыву комитета и забастовал — забастовал из чувства солидарности к товарищам из Черноморского завода и порта, забастовал, выражая протест против гнусной попытки самодержавного правительства, которое довело до разорения и нищеты многомиллионный русский народ, которое, как в железных тисках, сдавило пролетариат и всячески мешает ему в борьбе с капиталом.

«Долой самодержавие», — такой клич вырвался вчера из груди многих тысяч Николаевских рабочих. М ы т р е б у е м с о з ы в а У ч р е д и т е л ь н о г о С о б р а н и я н а о с н о в е в с е о б щ е й, п р я м о й, р а в н о й и т а й н о й п о д а ч и г о л о с о в. Мы не верим царю, который все обещает созвать выборных от всего народа, а вместо этого орошает родную страну кровью народа.

Никогда еще полиция так не неистовствовала, как теперь. Вся Россия объята пламенем борьбы. А царь и его рассвирепевшие слуги расстреливают крестьян и рабочих, вешают попавших в их цепкие руки лучших сынов народа. Никогда, товарищи, не были так переполнены тюрьмы, не было столько казней, не было пролито столько невинной человеческой крови. Долой же гнусного царя с его опричниками! Пусть захлебнутся они в проливаемой ими невинной крови, пусть море народного гнева подымет высоко и смоет до основания преступный трон дома Романовых. Не мирным путем, а с оружием в руках завоюем мы себе свободу. Д а з д р а в с т в у е т в о о р у ж е н н о е в о с с т а н и е! Д а з д р а в с т в у е т р е в о л ю ц и я!

Теперь посмотрите, товарищи, что делают наши капиталисты, пока царское правительство зверски расправляется с нами. Они вырабатывают свои планы народного правления, но только... без народа. Нам, рабочим, они готовы бросить какую-нибудь подачку, себе же выговаривают самые большие права. Они представлялись царю; царь очень «милостиво» принял их, сказал, что твердо решил созвать «народных» представителей.

И вот они ликуют... Носятся с этим «царским словом», распространяют его повсюду, чтобы, как они выражаются, «успокоить» волнующий народ. Но можем ли мы, рабочие, «успокоиться»? Что дал нам до сих пор царь? Лишь казацкие нагайки, штыки, пули и виселицы. Что обещает нам его союз с капиталистами, помещиками? Все то же. Итак, не «успокоиться» должны мы, а еще сильнее вол-

новаться, еще энергичнее бороться — вплоть до победы. Мы не должны дать себя обмануть ни правительству, ни капиталистам.

Давно уже начата борьба с царским правительством. Теперь конец этой борьбы уже близок. Организуйтесь же, товарищи, объединяйтесь теснее под красным знаменем нашей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Вооружайтесь, готовьтесь к восстанию.

Товарищи! Вы начали вчера политическую забастовку. Вы должны ее сделать всеобщей. К ней должны присоединиться все пролетарии — ремесленники, приказчики, прислуги и др. Остановите движение конок, извозчиков. Закройте все промышленные и торговые заведения.

В эти дни политической забастовки мы легче разбудим от сна тех наших братьев, которые еще до сих пор не проснулись. Из города в город будет прокатываться волна политических забастовок, внося смятение в ряды наших врагов, пока победоносное восстание не уничтожит самодержавия и не приведет к созыву Учредительного Собрания. В это собрание мы должны послать побольше рабочих депутатов. Но лучшие наши товарищи сидят в тюрьмах, сосланы в Сибирь. Мы должны их освободить. Товарищи. Вчера из наших рядов вырвали несколько товарищей. Мы должны потребовать немедленного освобождения их. Еще раз, товарищи: держитесь стойко, агитируйте за всеобщую политическую забастовку. Требуйте освобождения арестованных товарищей.

Да здравствует политическая забастовка! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!

Николаевский комитет РСДРП.

15 июня 1905 года.

Шифрованная телеграмма Начальника Николаевского Охранного Отделения Директору Департамента Полиции от 14 июня 1905 г.

Сегодня прекратил работы Судостроительный завод, имеющий более 3000 рабочих; забастовка начинает становиться всеобщей, в городе не работают все крупные заводы: Адмиралтейство, Судостроительный, Черноморский, ракетный; положение усложняется массой пришлых полевых рабочих и оставшихся без работ экономиях.

Штабс-ротмистр Еремин.

Шифрованная телеграмма Николаевского Градоначальника Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 15 июня 1905 г.

Вчера забастовавшие рабочие Судостроительного завода совместно с рабочими других забастовавших ранее заводов пытались, в количестве трех тысяч, демонстративно проникнуть в город. Встре-

ченные казаками, демонстранты стреляли в командира сотни, последним был сделан ряд ответных выстрелов, легко ранен один рабочий, остальные разогнаны, арестованы восемь известных ранее агитаторов, бывших впереди толпы, порядок восстановлен, подробности почтой.

Градоначальник Загорянский.

Шифрованная телеграмма Николаевского Градоначальника Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 16 июня 1905 г.

Части флота не внушают большого доверия; при общем тревожном положении дел, забастовке рабочих всех заводов — введение в Градоначальстве военного положения является мерою безотлагательно необходимой.

Загорянский.

Шифрованная телеграмма Начальника Николаевского Охранного Отделения Директору Департамента Полиции от 17 июня.

Забастовка продолжается; вчера присоединились рабочие железнодорожных мастерских, трамвая, типографии, газеты «Южная Россия» и несколько мелких. Слухи из Одессы произвели самое невыгодное впечатление; среди матросов началось заметное брожение, комитеты прокламациями призывают к полному прекращению труда, город к восстанию, агитаторы срывают работу и совершают насилие над работающими; в виду изложенного в ночь сегодня арестовано 20 вожаков всех партий

Штабс-ротмистр Еремин.

III. ЗАБАСТОВКА В МАСТЕРСКИХ ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

1. Начало забастовки.

После 9 января.

Начальник Донского Охранного Отделения.

10 января 1905 г.
№ 14.
Г. Ростов-на-Дону.

Секретно.

Вскоре после стачки в Баку среди рабочих гг. Ростова и Нахичевани стали раздаваться голоса о необходимости устроить такую же стачку, а организованные рабочие поджидали каких-то двух ораторов из Баку, роль которых заключалась в том, что они должны осветить стачку в Баку и дать необходимую поэтому программу.

Большинство рабочих относилось не особенно сочувственно к раздававшимся в пользу стачки голосам, но Петербургская стачка значительно изменила их направление. Разговоры о петербургской стачке сделались единственной темой среди рабочих, между которыми значительно увеличилось число сочувствующих ей и находящих, что время было бы путем такой же стачки обеспечить теперь же увеличение поденной платы и сокращение рабочего дня.

Не дремлет и группа социал-демократов, которая, по сведениям, получила указания из Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии о необходимости устройства теперь же на Юге, в Ростове, Екатеринославском районе и Николаеве всеобщих мирных стачек с предъявлением предпринимателям требований, аналогичных с требованиями петербургских рабочих, с некоторыми лишь изменениями в зависимости от местных условий.

Таким образом стачка в Ростове подогревается с двух сторон, и агитационная деятельность сосредоточивается, главным образом, в главных мастерских Владикавказской железной дороги и заводах Нитнера и Пастухова. В числе сторонников стачки, не принадлежащих к группе социал-демократов, в главных мастерских называют Павла Набродова, Ивана Петухова и Степана Машкина. В мест-

ной же группе социал-демократов руководящая роль в предстоящей стачке принадлежит недавно освобожденному из тюрьмы члену Донского Комитета Марку Давыдовичу Браиловскому, который в помощь себе поджидает чьего-то приезда, а пока агитирует о стачке при посредстве районных представителей в Комитете, кружковых и от заводов. В число тех и других входят: братья Кузьма и Иван Лисицыны, братья Павел и Николай Калмыковы, Иван Никитин Богданов, Михаил Иванов Давыдов, Александр Голищев, Василий Колодезный, Яков Константинов Бутов и Петр Михайлов Селенин.

Местный комитет находит, что подъем духа рабочих в пользу стачки не потребует долгих приготовлений, и хотя Комитет не располагает денежным фондом, могущим поддержать стачечников, но большинство рабочих, по идее бывшей «группы Донских рабочих», завели сберегательные книжки на случай забастовки, и вот теперь-то сбережения эти должны заменить, по мнению Комитета, столь необходимый стачечный фонд.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству, присовокупляя, что об этом мною вместе с сим поставлены в известность Начальник Донского Областного Жандармского Управления и местная администрация.

Ротмистр (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 5, 1905 года.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем дружно за раз
От Днепра до Белого моря,
От Поволжья по дальний Кавказ.

Товарищи, в Петербурге происходят решительные события. 151 тысяча рабочих вступили в борьбу с царским самодержавием за освобождение народа. Мы не должны, мы не можем остаться в стороне от этой борьбы. Измученный тяжелым трудом, обиженный и униженный влачит русский недостойное человека существование. Дорожа куском хлеба, он мирится с нуждой, терпеливо сносит все оскорбления. И все же он не уверен в завтрашнем дне. Не от него зависит не только его заработок, — самая его жизнь в чужих руках.

Вот царское правительство затеяло войну из-за ненужной нам чужой земли. Истрачены сотни миллионов трудовых народных денег, сотни тысяч крестьян и рабочих пали на полях Манчжурии,

много солдат сходят с ума от чрезмерного напряжения сил, от нечеловеческих страданий. Пал Порт-Артур, погиб наш флот... Для всех уже ясно, что темный и бесправный русский солдат не может одолеть и просвещенных, и развитых японцев. Но царское правительство затеяло эту войну под натиском борющегося за свое освобождение рабочего класса, думая войной отвлечь внимание и гнев народа и такой ценой отсрочить час своего падения. Понятно, что царское правительство само не прекратит войну, — и каждый день приносит нам новые ужасы с чуждого и столь близкого нам теперь Дальнего Востока, каждый день узнаем о новых страданиях русских солдат и рядом с этим о новых случаях казнокрадства в интендантстве, о новых ворах в Красном Кресте.

Возбуждение охватило всю страну. По всем городам России происходят многолюдные собрания писателей и адвокатов, учителей и профессоров. Всюду заявляют одно и то же. Войне должен быть положен конец, правительство сумело затеять, покончить с ней смогут только свободно выбранные представители всего народа. Нам нужна свобода, нужно представительное управление страной. «Так больше жить нельзя», заявляет рабочий класс. Он поднимается во весь свой могучий рост и громко заявляет свои требования. «8 часов для труда, 8 часов для сна и 8 свободных», — требуют бакинцы, и 151 тысяча петербургских рабочих повторяют это требование и кровью 96 убитых и раненых подтверждают: «да, так больше жить нельзя». «Нам нужен 8-часовой рабочий день, нам нужно, чтобы наших представителей было столько же, сколько хозяйских, в комиссии для установления расценок и распорядка, — заявляют они, — свобода стачек и союзов, свобода собраний для обсуждения наших дел нам нужны, как хлеб насущный».

Долой полицию и жандармов, сковывающих нас по рукам и ногам! Долой царских чиновников и министров, долой царское самодержавие, затеявшее ужасную войну! Долой войну и да здравствует мир!

Так говорят, этого требуют наши питерские товарищи. И разве их требования не наши? Разве мы не пытались два года тому назад сбросить цепи, свергнуть гнет капиталистов и царское правительство? Теперь мы не одни. Бастует Москва, Вильна, Ковна, Ревель. В наших руках могучее орудие положить конец войне, свергнуть ненавистный нам царизм и завоевать свободу. Воспользуемся этим орудием — всеобщей забастовкой, встанут Ростов и Нахичевань, и раздастся наш лозунг:

Долой войну!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Только оно, это собрание из представителей народа, выбранных на основе всеобщего, равного для всех, прямого и тайного голосования, сможет положить конец войне, уничтожить самодержавный гнет и создать свободную Российскую Республику!

Да здравствует 8-часовой рабочий день!
Долой войну, да здравствует мир!
Долой царское самодержавие и да здравствует Учредительное Собрание!
Да здравствует освободительная борьба рабочего класса под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии!

Донской Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Секретно.

М. В. Д.
Ростовский-на-Дону
Градоначальник.
№ 86.

19 января 1905 г.
Г. Ростов-на-Дону.

Министру Внутренних Дел.

События последних дней в г. С.-Петербурге не могли не оказать известного влияния на рабочих в градоначальстве, среди которых началось брожение и решимость приступить к стачке. Рабочие главных мастерских Владикавказской жел. дороги и заводов Пастухова и Нитнера, под руководством политически неблагонадежных лиц, намеревались устроить забастовку и предъявить требования, аналогичные с теми, которые вызвали беспорядки в г. С.-Петербурге, т.-е. требования не только экономического, но и политического характера. Попытки рабочих и их вожаков устроить сходки для окончательного решения вопроса о стачке и предъявлени своих требований были всякий раз, благодаря осведомленности охранного отделения, предупреждены мерами полиции.

15 января, вечером, к тому времени, когда на фабриках и заводах и т. п. заведениях оканчиваются работы, несколько десятков рабочих, известных охранному отделению своею неблагонадежностью и могущих быть руководителями беспорядков, поджидали выхода мастеровых и рабочих, очевидно, с целью агитации и подстрекательства к стачке, но усиленный наряд полиции и казачьих разъездов воспрепятствовал этому.

В ночь же на 15 сего января в г. Нахичевани-на-Дону чинами городской полиции задержаны сын губернского секретаря Вячеслав Котельников и казак Старочеркасской станицы области войска Донского Николай Бударин с типографскими принадлежностями и 1709 экземплярами свеже отпечатанных прокламаций с призывом к стачке.

Затем 17 января совершено с политическою целью убийство рабочего мастерских Владикавказской железной дороги Орлика Шевченком, при чем, по сведениям охранного отделения, такого же

рода убийства грозят на-днях и некоторым другим лицам, к охране жизни и безопасности которых мною приняты самые энергичные меры.

Донося о вышеизложенном Вашему Сиятельству, присовокупляю, что вчерашнего числа в главных мастерских Владикавказской ж. д. и на заводах Пастухова и Нитнера арестовано несколько человек рабочих, которые, пользуясь своим влиянием на рабочую массу, могли бы стать во главе предположенной стачки. Благодаря аресту вожаков, возникшее среди рабочих движение если и не совсем прекращено, то во всяком случае приостановлено, потеряв свой острый характер, и стачка рабочих, быть-может, не состоится.

Градоначальник Генерал-Майор (подпись).

М. В. Д.
Ростовский-на-Дону
Градоначальник.

17 февраля 1905 г.
№ 265.
Г. Ростов-на-Дону.

Конфиденциально.

Министру Внутренних Дел.

В дополнение к шифрованной телеграмме моей от 15 сего февраля, доношу Вашему Высокопревосходительству, что со дня учреждения градоначальства я сделал, что смог, для удержания его жителей вне сферы стачек и беспорядков. Однако, последние события в Европейской России и на Кавказе возымели свое влияние на местных рабочих, и в гор. Ростове с 15 февраля начались стачки. Немало подействовало также на рабочий люд распоряжение о сокращении рабочего дня до 9 часов на казенных железных дорогах и, в особенности, пронесшийся слух о том, что на некоторых казенных заводах рабочие за дни стачки были удовлетворены пособием.

С появлением распоряжения о сокращении рабочего дня на казенных железных дорогах началось известное брожение среди рабочих мастерских Владикавказской железной дороги, руководящих мнением рабочих на всем ее протяжении. Управление дороги, применяясь к распоряжению Министра Путей Сообщения для казенных дорог, согласилось сократить до 9-ти часов рабочий день по всей линии, и пока главные мастерские спокойны. Но при общем брожении среди заводов и фабрик в градоначальстве и начавшихся уже стачках мастерские эти легко могут забастовать, тем более, что среди них много членов социал-демократической партии. На заводах же и фабриках градоначальства, за исключением единичных случаев, рабочее время превышает установленное в вышеназванных мастерских и на казенных железных дорогах. Рабочие их предъявляют требования, тождественные с теми, которые были предъявлены заводами и фабриками, забастовавшими в России, но владельцы этих фабрик и заводов на уступки, за исключением самых незначительных, мало склонны и говорят, что существенные пункты требований, как-то:

сокращение рабочего дня, с сохранением прежнего заработка, равномерное распределение на сдельной работе процентов, уплата полного поденного заработка увечным рабочим и т. п., подлежат ведению высшего правительства, от которого и будут ожидать распоряжения. Таким образом, рабочие забастовавших заводов и владельцы их, при содействии чинов фабричной инспекции, не пришли к соглашению, вследствие чего владельцами заводов вывешены объявления с указанием предельного срока для вступления рабочих на работу или окончательного их расчета. Пока в стачке участвует около 2000 рабочих.

Приказчики также намеревались забастовать вследствие отсутствия полного праздничного отдыха и слишком продолжительных денных работ. Я разрешил им собраться под наблюдением полиции для разработки их требований, и собрание прошло совершенно чинно.

Последние события в Баку крайне встревожили армян и в особенности евреев, и действительно, носились в городе слухи и подбрасывались подметные письма об избиении как тех, так и других. До настоящего времени лишь в двух местах было обнаружено сборище рабочих, которые по требованию полиции разошлись, прося разрешения прислать ко мне депутацию. С моего согласия, под наблюдением полиции группа рабочих собралась на окраине города, и рабочие, поговорив о своих нуждах и избрав депутацию, чинно разошлись.

Явлений политического характера среди рабочих и в толпе до сих пор не замечено.

К несчастью, подонки общества, которыми изобилует градоначальство, пытались в некоторых случаях произвести беспорядки, но были рассеяны казаками.

Как будет дальше, утвердительно доложить не могу, так как местные жители начинают дисциплинироваться лишь теперь, и то мало-по-малу, а социал-демократическая партия не дремлет и продолжает свою агитацию, но с прибытием, по моей просьбе, двух сотен казаков из Новочеркасска все же надеюсь предотвратить крупные беспорядки и по возможности без кровопролития.

Градоначальник Генерал-Майор (подпись).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим и работницам Ростова и Нахичевани.

Товарищи!

Настал час, когда мы, ростовские рабочие и работницы, должны и можем вновь вступить на тот путь самоотверженной борьбы за луч-

шую жизнь, на который мы впервые вступили во время славной ноябрьской стачки 1902 г. Настал час, когда мы можем вновь повести свою борьбу за счастье рабочего класса, за счастье всего русского народа. Настал час всеобщей забастовки. В 1902 г. мы впервые и одни показали всей России пример стойкой и дружной борьбы, одни выдержали на себе натиск всей полицейско-казацкой силы, подверглись арестам, испытали на себе казацкие нагайки, потеряли героев-товарищей, павших от солдатских пуль.

Теперь мы уже не одни. Грозное восстание рабочих охватило всю Россию; оно не миновало ни одного большого города, ни одного большого завода; русские рабочие поразили всю Россию, весь свет своей неуклонной борьбой за то, без чего нет жизни и лучше всем нам умереть. Это дружное восстание рабочих сломило силу нашего полицейско-жандармского правительства. Его попытка залить начавшееся в Петербурге движение кровью питерских, московских, варшавских, рижских рабочих не имела успеха. Борьба продолжается и в Петербурге, и в Москве, и в Варшаве, и в Риге, грозно поднялись рабочие Кавказа, дружно стали наши товарищи в Либаве, Ревеле, Саратове, Екатеринославе, Киеве и Иркутске, стали и мы, ростовские рабочие.

Правительство не может уже подавить такого дружного восстания, и оно попытается обмануть рабочего, его полицейские слуги прилаживаются к нашей борьбе, присутствуя на наших сходках, одобряют наши требования и говорят об их законности. Трусливые плуты! Не они ли во время ноябрьской стачки избивали нас, не они ли все время после той стачки и до вчерашнего дня хватали нас каждый раз, как мы собирались толковать об общей борьбе, не они ли рассаживали по тюрьмам лучших наших товарищей?

Кровожадный тигр спрятал когти, но он выпустит их и со всей силы вонзит в народное тело, как только перед ним перестанет сверкать раскаленный хлыст укротителя.

Да, товарищи, никто из нас не сомневается, что эта полицейская свора, вчера убивавшая нас и сегодня прикидывающаяся нашим другом, покажет нам себя на следующей же день после того, как ослабеет наша единодушная борьба.

Но, прикидываясь нашим другом, полиция и сама не верит в то, чтоб мы не разглядели волчьего хвоста под ее овечьей шкурой. Слишком хорошо давала она себя знать до вчерашнего дня. И она пытается провести нас, она пытается ослабить нас, вызвав среди нас вражду и рознь. Так поступила полиция в Баку. Она не совладала с бакинскими стачечниками месяц тому назад, теперь она натравила там татар на армян и, стоя в стороне, потирала руки от удовольствия, когда рабочие — армяне и татары — убивали друг-друга, вместо того, чтобы дружно продолжать борьбу.

Бакинская резня такое же дело полицейских рук, как и питерская кровавая бойня дело рук всего царского правительства. В Петербурге на всех рабочих выслали солдат. В Баку на рабочих-армян

натравили рабочих-татар. Так правительство расправляется с рабочими, так убивает оно одних и обманом ослабляет силы других. Но мы, ростовские рабочие, не поддадимся на полицейскую удочку. Прочь негодяев полицейских! Прочь насильников народных! Нам не нужна их милостивая опека для борьбы с капиталистами, и напрасно полиция старается выставить капиталистов единственными виновниками злой участи всего русского народа. Пред нами пример питерских рабочих, и, восстав на борьбу, мы выставим их требования, — требования всего рабочего класса. Они требовали: 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы, они требовали свободы собраний и союзов, свободы стачек, свободы слова, неприкосновенности личности. Они требовали прекращения бесцельной кровопролитной войны, они требовали созыва Учредительного Собрания из представителей всего народа, избранных на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования, для устроения всех русских дел, для создания в стране свободных порядков, для создания свободной Российской Республики.

Да здравствует освободительная борьба рабочего класса!
Да здравствует всеобщая стачка рабочих!
Да здравствует Учредительное Собрание!

Донской Комитет РСДРП.

---

2. Развитие забастовки.

Начальник Донского Областного Жандармского Управления.

27 февраля 1905 г.
№ 985.
В Новочеркасске.

Секретно.

В Департамент Полиции.

Доношу, что еще с декабря месяца прошлого года настроение рабочих в гор. Ростове н/Д. было несколько приподнято, а агитационная деятельность Донского комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии заметно стремилась развиться возможно шире, особенно с января месяца, распространяя по городу и среди рабочих всякого рода прокламации самого зажигательного характера, как-то: «Пора кончать», «Какое страхование нам нужно», «Кто должен победить», «Товарищи, в Петербурге происходят решительные события», «Точная копия с петиции с.-петербургских рабочих», «Потоки крови тысяч пролетариев», «Как маленькая, едва заметная тучка», «Послание священника Гапона к рабочим», «Жить на свободе, умереть в борьбе», «К рабочим мастерских Владикавказской железной дороги» и другие.

В виду такого положения вещей, признано было необходимым сделать частную ликвидацию членов Донского Комитета, принадлежащих к рабочему классу, чем значительно и была ослаблена его деятельность. Однако, тревожное настроение все-таки усилилось

в январе известиями о петербургских стачках и событиях 9 января, а затем о забастовках рабочих, последовательно происходивших в промышленных центрах России. Этому много способствовали также слухи о том, что, благодаря стачкам, рабочие добивались исполнения чуть ли не всех своих требований об улучшении их положения. Последним толчком, положившим начало рабочих волнений в Ростове, послужила заметка, напечатанная в местной газете «Приазовский Край», 7 февраля, о том, что, будто бы, Управление Юго-Восточной железной дороги дало много льгот своим служащим. Хотя эта заметка и оказалась ложным известием и затем была опровергнута той же газетой, но рабочие в главных мастерских Владикавказской железной дороги 8 февраля, узнав о бывшей забастовке в мастерских Юго-Восточной железной дороги в Новочеркасске, в 11 часов утра прекратили работы, предъявив управляющему дорогой 8 пунктов требований, заключающихся в уменьшении до 8 часов рабочего дня и других вопросах улучшения их быта. Управляющий дорогою обещал представить эти требования на усмотрение акционеров, а затем 10 февраля объявил рабочим, что находит возможным сократить рабочий день до 9 часов, применительно состоявшегося Высочайшего соизволения о том для казенных железных дорог. Работы, таким образом, в мастерских не были прекращены, и среди рабочих не было заметно желания во что бы то ни стало устроить стачку; политический же элемент в требованиях вовсе отсутствовал. Такое настроение в главных мастерских Владикавказской железной дороги сильно расстроило планы Донского Комитета, так как чины его отлично понимали, что успех стачки рабочих Ростова и Нахичевани может быть обеспечен только при условии участия в ней рабочих мастерских этой дороги, состоящих из наибольшего числа служащих и имеющих большую сплоченность, а потому в последующее время комитет прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы взволновать тем или иным способом этих рабочих.

После такой небольшой вспышки все пошло обычным порядком, но в городе брожение продолжало все увеличиваться, особенно после дошедших известий о беспорядках в Баку среди мусульманского и армянского населения. Магазинные приказчики Ростова 12 февраля в числе нескольких сот человек собрались на совещание в турецкой кофейне «Буза», имея в виду предъявить свои требования хозяевам, выработав их предварительно на общем собрании. Однако, по предложению полицеймейстера, они разошлись, обратившись через него с просьбою к градоначальнику о разрешении сходки приказчикам для обсуждения своих нужд, что и было разрешено на 14 февраля в помещении музыкальной школы. Приказчики выработали петицию из 14 пунктов, которую подали градоначальнику, назначив сроком ответа хозяев 21 февраля. В тот же день, 14 февраля, среди армян и евреев распространился слух о появившихся прокламациях, призывающих к избиению их, почему на другой день к ростовскому Градоначальнику явились депутации от ростовской думы,

от нахичеванского армянского населения и от еврейского общества с просьбой о принятии необходимых мер для предупреждения могущего произойти погрома. Градоначальник на это сообщил депутациям, что меры уже приняты, и что гарнизон Ростова усиливается. Слухи о погроме упорно держались еще и потому, что 12 февраля полицией были обнаружены по обыску двух персиян огнестрельные припасы: у одного несколько тысяч револьверных патронов, а у другого, кроме того, еще 1½ пуда пороху.

15 февраля забастовали рабочие на чугунно-литейном заводе Пастухова, после того, как на предъявленные ими требования Пастухов ответил категорическим отказом, объясняя это тем, что завод в последнее время вообще не приносит ему доходов, а если он исполнит требования рабочих, то будет нести огромные убытки. Забастовавшие отправились толпою к чугунно-литейному заводу Мартына и потребовали прекращения работ, что и было сделано. Затем к забастовавшим присоединились еще рабочие с завода Нитнера и прекратили работу на заводе Рысса.

Распространившееся по городу известие о начавшейся забастовке произвело почти панику среди его обитателей, особенно среди евреев и армян. Так как в Ростове масса темного прохожего люда, способного на всякого рода насилия и грабежи, то возможно было ожидать начала погрома в каждую минуту, как только со стороны рабочих дан будет к этому повод. Многие запаслись оружием, а некоторые старались вместе с семьями заранее выехать куда-нибудь из города.

16 февраля на заводе Рысса работы возобновились в обычное время, но около полудня были прекращены пришедшею толпою. Оттуда толпа отправилась по очереди в мастерские Волго-Донского Общества, в лесопильный завод Кистова и на машиностроительный завод «Аксай», везде требуя прекращения работ. При этом между забастовщиками и рабочими завода Волго-Донского общества произошла драка, закончившаяся отступлением забастовщиков, а от завода «Аксай» толпа, ломившаяся в запертые ворота, была разогнана полицией и казаками. К бастовавшим примкнуло также несколько модных мастерских. В этот день из Новочеркасска прибыли две сотни казаков: пешая и конная. Около 4 часов дня на улице, в том районе, где находятся заводы Нитнера и Мартына, собралась толпа рабочих, к которой присоединились еще любопытные. Явившийся полицеймейстер предложил собравшимся разойтись, что толпа и сделала, услышав от полицеймейстера разрешение градоначальника на сходку рабочих 17-го днем в балке Камышевахе, смежной с городом.

17 февраля в этой балке около полудня собралось до тысячи человек рабочих, попросивших наблюдавшую полицию отойти подальше, чтобы они могли спокойно обсуждать свои нужды; просьба эта была исполнена. По окончании сходки вся масса людей двинулась-было к городу, чтобы прекратить работу в тех ма-

стерских, фабриках и заводах, где она производилась, но была разогнана казаками с помощью нагаек. В этот же день забастовали рабочие и наборщики всех типографий Ростова и Нахичевани. К вечеру большинство фабрик и заводов не работало. То обстоятельство, что собравшуюся на сходку толпу, в конце-концов, пришлось разгонять нагайками, побудило градоначальника больше сходок не разрешать, а предложить рабочим обсуждать свои нужды на заводах, имея в виду, что таким образом возможно будет еще и установить контроль за появлением посторонних лиц, которые подстрекают рабочих к необдуманным поступкам. Это распоряжение было очень неудобно Донскому Комитету, и он приложил все усилия, чтобы собрать опять общую сходку рабочих на поле между Ростовом и Нахичеванью, откуда подогретую зажигательными речами толпу двинуть по улицам, с помощью ее силою заставить забастовать на всех заводах и фабриках работающих мастеровых. К 11 часам утра огромная толпа собралась на указанном месте, но была разогнана казаками. Рабочие бродили в этот день группами, сравнительно небольшими, по улицам города от одного завода к другому, где работы продолжались, стараясь добиться забастовки, но своевременно подоспевшими казаками были каждый раз разгоняемы. Для поддержания порядка по городу в этот день патрулировали усиленные наряды конных и пеших казаков, а в главных, бойких пунктах на посту стояли вместо городовых околоточные надзиратели.

Все это время работы во Владикавказских мастерских шли обычным порядком. Чтобы вызвать там забастовку, Донской Комитет решил отправить туда нескольких человек с револьверами («летучку»); предполагалось, что люди эти, проникнув в мастерские, выстрелами отвлекут рабочих от работы и вызовут на двор, где в это время оратор должен был произнести речь и убедить их примкнуть к бастующим. Однако, попытка эта окончилась полным неуспехом, и в этих мастерских работы не были остановлены. Типографским рабочим была разрешена градоначальником сходка в городском доме при условии, что от каждой типографии будут только три представителя вместе с хозяином, и собрание произойдет в присутствии полиции и фабричного инспектора. Вечером в этот же день, а также на следующий (19 февраля) типографские наборщики выработали петицию с требованиями к хозяевам, и обе стороны пришли к соглашению путем обоюдных уступок, так что наборщики приступили 23 февраля к работам, и местные газеты, после шестидневного перерыва, с 24 февраля снова стали выходить регулярно.

19, 20 февраля прошли спокойно; порядок на улицах нигде не нарушался. Население стало успокаиваться, и выехавшие вновь стали возвращаться домой. Постепенно городская жизнь входит в свою обычную колею, а с 21 числа на всех заводах и фабриках в течение дня возобновилась работа.

22 февраля группа приказчиков стала-было ходить по магазинам, побуждая товарищей забастовать, но казаки разогнали заба-

стовщиков, при чем зачинщики были арестованы, чем и было прекращено дальнейшее движение приказчичьей забастовки.

В настоящее время в Ростове и Нахичевани все успокоилось, и только вновь возникшие слухи о погроме евреев и поляков, основанные на воззвании «ростовского-на-Дону кружка союза рабочих и нерабочих людей» несколько волнуют местное население.

Генерал-Майор (подпись).

Начальник Ростовского Отделения Владикавказского Жандармского Полицейского Управления железных дорог.

Мая 5 дня 1905 г.
№ 158.
Г. Ростов на Дону.

Секретно.

В Департамент Полиции.

4 сего мая, в 10 час. 30 мин. утра, толпа мастеровых главных мастерских Владикавказской жел. дор., человек в 200, все молодежь, хлынула к зданию машинного отделения мастерских, сломала у дверей, ведущих к паровому гудку, висячий замок и дала тревожный гудок, после чего эта толпа побежала по всем цехам с криком: «Бросайте работу, выходи на площадь двора мастерских для обсуждения наших нужд». В тех из мастеровых, которые не хотели бросать работу, бросали гайки и болты, и они вынуждены были оставить свою работу. Через 10 минут все мастеровые собрались на площади, но вели себя спокойно. Вслед за ними я прибыл туда, и на обращение мое к ним, что побудило их самовольно оставить работу и собраться сюда, из толпы мне ответили, что они собрались сюда для того, чтобы обсудить свои нужды совместно и потребовать от управляющего дорогою исполнения той петиции, которую они через выбранных ими депутатов предъявили ему еще 8 февраля сего года. В настоящее время, в виду забастовки в городе пекарей, не только вздорожал хлеб, но его совсем нельзя купить большинству. На предложение мое, что они собрались сюда самовольно, не испросив установленного разрешения, хотя бы и для обсуждения своих чисто-хозяйственных нужд, — должны разойтись по цехам и стать на работы, ответили мне, что они, как только выберут из своей среды депутатов, составят петицию управляющему дорогою и тогда разойдутся. Начались речи чисто-экономического характера. В 12 часов дня был дан гудок на обед, и большинство рабочих разошлось. После обеденного гудка все рабочие явились в мастерские, не вставая на работы, собрались опять сюда же на площадь мастерских для выбора депутатов и составления петиции на имя управляющего дорогою. Когда было ими составлено коллективное заявление (при сем в копии прилагается), то депутаты от рабочих, в числе 18 человек, отправились с ним к управляющему дорогою, оставшиеся рабочие в ожидании своих депутатов частью разлеглись, частью расселись на земле, вели себя спокойно. В 4 часа дня вернувшиеся от управляющего дорогою депу-

таты объявили им на словах, что управляющий дорогою передал им для объявления рабочим, что на их петицию он через начальника мастерских объявит им завтра, т.-е. 5 сего мая, свою резолюцию. Тогда между рабочими пошло голосование, становиться ли 5 мая на работы до объявления резолюции, или не вступать на работы; большинством голосов постановлено не вступать на работы до объявления резолюции, и стали уходить по домам. Перед уходом были разбросаны печатные прокламации противоправительственного характера, озаглавленные: «Комедия Коковцева, издание Донского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, апрель 1905 года»; несколько экземпляров этих прокламаций было найдено по уходе мастеровыми на месте сходки.

5 сего мая, в 11 часов утра, депутаты рабочих были позваны в контору начальника мастерских, где им в моем присутствии было прочитано объявление управляющего дорогою мастеровым и рабочим ростовских мастерских на их петицию, поданную ему 4 сего мая (которое при сем прилагается), и затем передано депутатам для прочтения его мастеровым, для чего все мастеровые собрались в проходе, ведущем в мастерские. Когда депутаты прочли мастеровым объявление управляющего дорогою, то спросили их, желают ли они стать на работы на существующих условиях, или же нет, и те, кто пожелает работать, пусть станут направо, и таких рабочих из числа всех 3.000 человек нашлось не более 300 человек; тогда депутаты вновь отправились к начальнику мастерских, объяснив ему, что хотя оказалось желающих работать только 300 человек, но они уверены, что если 7 сего мая будет дан в обычное время гудок на работы, то большинство из ныне не желающих встанут на работы и просили об этом доложить управляющему дорогою, который согласился исполнить просьбу депутатов, о чем они объявили мастеровым, которые сейчас же все разошлись спокойно. Во время объявления резолюции депутатами мастеровым относительно работы на 7 мая мастеровой кузнечного цеха Алексей Кузнецов стал ораторствовать, прося мастеровых не соглашаться стать на работы, а бастовать до тех пор, пока администрация дороги не выполнит всех пунктов их петиции, но его обращение имело очень мало воздействия, и все разошлись по домам. Как 4-го, так и 5 сего мая во время собрания рабочих в мастерских наружные и внутренние входы в мастерские, кроме подведомственных мне унтер-офицеров, чинов общей полиции, охранялись еще и воинской командой, дабы не допустить проникнуть сюда посторонним элементам, могущим перенести все разговоры и речи на чисто-политическую подкладку, в духе социалистов-революционеров. Во время бывшей сходки 4 сего мая в мастерских принимали деятельное участие в агитации толпы следующие мастеровые цехов: пассажирского — Дмитрий Солдатов; электро-механического — Иван Коробков, Петр Котельницкий, сборного — Павел Шуменко, Григорий Христенко, Алексей Скляренко и практикант студент С.-Петербургского Политех-

ческого Института Павел Тахтаулов. Сведения об этих лицах сообщены Охранному Отделению.

По распоряжению управляющего дорогою, сегодня же отпечатано, расклеено на видных местах, а частью роздано на руки мастеровым и благонадежным рабочим вышеупомянутое заявление.

Донося об изложенном, докладываю, что о сем мною с сим записками за №№ 152, 153, 154 и 155 донесено ростовскому-на-Дону градоначальнику и сообщено лицам прокурорского надзора.

Приложение: один экземпляр прокламации, озаглавленной: «Комедия Коковцева».

Подполковник Иванов.

Копия.

Коллективное заявление рабочих главных ростовских мастерских Владикавказской железной дороги.

1. 8-часовой рабочий день.
2. Уничтожение сдельной платы.
3. Повысить поденную плату на 75%.
4. Выдача наградных два раза в год по месячному жалованью.
5. Чернорабочим установить плату не менее одного рубля.
6. Выдавать на крещение ребенка 12 рублей и на похороны 10 рублей.
7. Безусловно вежливое обращение администрации с рабочими.
8. Выдавать квартирные: семейным 10 рублей и холостым ежемесячно 5 рублей.
9. Полная отмена штрафов.
10. Постройка железнодорожной больницы на 50 кроватей, приглашение врача-специалиста по зубным болезням, прием больных рабочих во время работ, а не работающих — в обеденное время, и выдача лекарств из аптеки приемного покоя по рецептам частных врачей; выдавать бюллетени и оказывать помощь медицинскую и в праздничные дни.
11. Иметь отдельного врача при мастерских постоянно.
12. Заболевшим рабочим выдавать полуденное жалованье в течение 4-х месяцев.
13. Увечным — до полного выздоровления полную поденную плату.
14. Устройство при мастерских бани и летних душей, где мы могли бы обмыть грязь и копоть.

15. Устройство училища по типу 5-классного городского училища для детей обоего пола и учреждение вечерних и воскресных курсов с общим и профессиональным образованием для рабочих дороги.

16. Устройство вентиляторов и дымосжигателей, где это требуется, а в литейной еще и электрических кранов и полного переустройства литейной по ее непригодности.

17. Монтеры должны избираться самими же мастеровыми.

18. Установление третейского суда из рабочих и администрации в равном количестве; члены-рабочие суда должны избираться самими же рабочими. Эта третейская комиссия разбирает все недоразумения, возникающие между рабочими и администрацией, а также вопрос о приеме и увольнении рабочих.

19. Все рабочие должны получить по одному билету в год на все железные дороги.

20. Срок обучения учеников продолжается не более трех лет: в последний год обучения плату до одного рубля в день.

21. Удаление мастера Поплавского и его помощников: Касьянова и Котова и монтеров: Гурьева и Удалова и подмастерья сборного отделения Башкова, а также мастера Голоцуцкого и его помощника Садовникова.

22. Разрешить каждому по надобности месячный отпуск с сохранением содержания в полном объеме.

23. Никто за стачку не должен быть уволен, и полная гарантия личности депутатов.

24. За время стачки уплата жалованья.

Копия.

Объявляется мастеровым и рабочим ростовских мастерских в ответ на их петиции, поданные мне 4 мая сего года.

По пункту 1 — исполнено быть не может.
» 2 — тоже.
» 3 — тоже.
» 4 — если такая льгота будет установлена г. министром путей сообщения для железных дорог.
» 5 — исполнено быть не может.
» 6 — если такие нормы установлены для казенных дорог, то они будут применены на Владикавказской.
» 7 — об этом уже делались неоднократно распоряжения, — следовало в петиции указать случай такого обращения (кто, когда и с кем).
» 8 — исполнено быть не может.
» 9 — тоже.

По пункту 10 — о больнице, как необходимой для дороги, вопрос возбужден уже давно, и, по изыскании средств, таковая будет выстроена; в остальном дано Начальнику мастерских соответственное распоряжение; в праздничное время помощь в случаях необходимости будет оказана.

» 11 — это уже сделано.

» 12 — вопрос общий для всех дорог и отдельно для Владикавказской разрешиться не может.

» 13 — тоже.

» 14 — когда будут изысканы средства, это будет осуществлено.

» 15 — не может быть исполнено в виду того, что первым делом нужно развивать школы на линии, на станциях, где не имеется городов и вообще училищ. Относительно курсов вопрос будет обсужден.

» 16 — по изыскании средств это будет возможно осуществить.

» 17 — будет сделан опыт при первой возможности на условиях, которые будут выработаны Начальником мастерских.

» 18 — исполнено быть не может.

» 19 — решение этого вопроса от общества дороги не зависит.

» 20 — не может быть исполнено.

» 21 — по таким заявлениям никем, никогда и ни в коем случае исполнения быть не может.

» 22 — этот вопрос общий для всех дорог, и решить его одна Владикавказская дорога не может.

» 23 — вопрос этот отпадает, т. к., если мастеровые и рабочие не согласны работать при существующих условиях, выражая это забастовкою, то мастерские будут закрыты, и всем им, само собою разумеется, будет выдан расчет.

» 24 — желание совершенно невыполнимое.

Вопрос о комиссии из выборных еще не закончен рассмотрением Правления при участии Правительственных Директоров; по получении из Правления будет введено в действие.

Вместе с письменным донесением о забастовке в Управление железных дорог и в Правление будут препровождены и заявленные мастеровыми и рабочими пункты.

Управляющий дорогой Инженер Иноземцев.

Начальник Донского Охранного Отделения.

10 мая 1905 г.
№ 560.
Г. Ростов-на-Дону.

Секретно.

В дополнение к запискам моим от 5 и 6 сего мая, за №№ 551 и 553, доношу Вашему Превосходительству, что предупредительной мерой против дальнейшей забастовки в главных мастерских Владикавказской жел. дор. мною, по соглашению с Помощником Начальника Донского Областного Жандармского Управления в Ростовском Округе, были арестованы выясненные Охранным Отделением наиболее энергичные подстрекатели (список прилагается) и, кроме того, по докладе Градоначальнику усилились вблизи мастерских полицейские наряды, которые могли бы желающим работать способствовать входу в мастерские. Меры эти дали возможность обеспечить работы в главных мастерских и ослабить влияние местной социал-демократической партии на всеобщую ростовскую забастовку, и 7 мая прошло спокойно. 8-го и 9-го собирались сходки, и распространялись прилагаемые при сем воззвания.

Из ораторов в ночь на 9-е число арестован, по моему указанию, студент С.-Петербургского Университета Григорий Васильевич Королев, при котором обнаружен запасный паспорт на имя Яновского, учителя Управления Екатерининской жел. дор., 3 экземпляра преступных воззваний и собственноручные записи весьма возмутительного содержания.

9 мая в главных мастерских Владикавказской жел. дор. обыкновенно не работают, но все рабочие собираются на молебен, который совершается пред стоящей в мастерских иконой Николая Чудотворца. В этот раз на молебен явилось не более $^1/_3$ рабочих, остальные демонстративно не пожелали присутствовать на богослужении.

Сегодня, 10 мая, на работы вступили все, и спокойствие не нарушается. Местный социал-демократический комитет агитирует забастовки среди кондукторов и вагоновожатых электрического трамвая. Главный агитатор, кассир Лекорский, обнаружен, и меры к предупреждению забастовки принимаются.

В общем в городе спокойствие за все время не нарушалось, политических демонстраций не устраивалось, а прекратившиеся окончательно 7 мая забастовки пекарей, судовых рабочих и рабочих главных Владикавказских мастерских были весьма непродолжительными.

Ротмистр (подпись).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим мастерских Владикавказской железной дороги.

Товарищи!

Мы дружно начали стачку. Будем же стойки, единодушны и решительны до конца. Спокойно и твердо будем собираться все время, пока наши депутаты не скажут нам, что наши требования исполнены администрацией. Наша сила — в нашем единстве, бессилие — в разрозненности и раздоре.

Не позволим полиции со шпиками и провокаторами устроить побоище и сорвать нашу стачку; наш—тот, кто с нами, и враг наш—всякий, кто против нас.

Как один человек, защитим наших ораторов и наших депутатов. Мы требуем неприкосновенности личности наших депутатов. Знайте же, что они неприкосновенны до тех пор, пока мы все солидарны. Знайте, что если мы не будем дружны, то своим раздором продадим своих лучших товарищей. Знайте, что, продав их, мы продадим общее рабочее дело. Не бойтесь лживых угроз администрации, будто бы можно закрыть мастерские на 3 месяца. Это — ложь. Управляющий только запугивает нас, чтобы отделить слабых, робких и трусливых. Не бойтесь войск и казаков. Теперь не могут пустить их против нас. По всей России опять поднялось стачечное движение. Администрация знает это лучше нас, и не в ее расчете озлоблять и возмущать рабочих.

Все рабочие в городе рады нашей стачке, все готовы поддержать нас. Мы не одиноки.

Знайте, — теперь же, в этот день и час с нами вместе борются за общее дело рабочих многие тысячи рабочих в десятках городов России.

Сам Управляющий сказал, что теперь стачки в Новочеркасске; стачка идет в Тихорецкой. Силы рабочих растут непрерывно и неудержимо. Надо достойно продержаться всего несколько дней, и к нам пристанут товарищи в Баладжарах и по всей Владикавказской железной дороге, — наши требования будут тогда удовлетворены. Будем бороться. Будем уверены в победе.

Да здравствует борьба!

Да здравствует стачка!

Донской комитет РСДРП.

5 мая 1905 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам.

Товарищи!

Стачка в мастерских Владикавказской железной дороги началась. Разлив революции, кровавой волной поднявшийся в Петербурге, выросший в грозный вал стачек по десяткам городов всей России, захвативший в себя деревни и села, дошел до Ростова. Дошел тихо, почти незаметно, как почвенные воды. И когда в Варшаве опять гремят выстрелы и льется кровь наших товарищей, на Кавказе готовятся к восстанию и беспрепятственно собираются в 20.000-ный митинг, в Петербурге лихорадочно следят за всей Россией и усиленно пополняют ряды борцов для решительного момента, когда в центрах революции на просторе ходят крупные волны и дует постоянный ветер, вестник уже видимой близко бури, — здесь, в Ростове, пока только мелкая рябь пробегает по поднявшимся водам. Было бы громадной ошибкой не понять этой связи между нашей стачкой и революционным движением всего пролетариата России.

Стачечники выставили 24 требования для улучшения своего положения. Но они борются и за 8-часовой рабочий день, — общее требование, объединяющее всех рабочих. И вот на что особенно нужно обратить внимание. Строго говоря, стачка началась уже 2 мая по призыву организации, в которую объединяются рабочие всей России, — по призыву Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Письмо пекарей, забастовавших тоже 2 мая, еще возбудило энергию. Ясно, стачка железнодорожников не профессиональная, несмотря на всю скромность выставленных требований. Она — не эгоистичная борьба за себя только: это стачка по сочувствию, из сознания своего долга, из сознания родственной связи с пролетариатом всей России и мира. Вот значение стачки, как бы она ни кончилась, вот ее характерные местные особенности.

Товарищи рабочие!

Смотрите, как растут наши силы. Бесплодны все хитрости и все насилие царского правительства. Будьте смелы и бодры духом, будьте стойки и крепки, как камни, из которых воздвигается здание нового мира. Товарищи, общей стачкой поддержим рабочих в мастерских. 1 мая дало новый толчок революционному движению пролетариата. Повсюду стачки и демонстрации. Близок решительный день. Будем готовы выполнить завет товарищей, умерших в Петербурге 9 января.

Все граждане Ростова!

Мы, рабочие, боремся не только за себя, но и за вас, потому что и ваш враг самодержавие. Мы несем всю тяжесть борьбы. Будьте же с нами согражданами, а не трусливыми и неверными союзниками.

Помогайте, кто как может — деньгами, всяким содействием и т. д. Полиция пытается превратить спокойные собрания обсуждающих свои требования железнодорожных рабочих в побоище. Она провоцирует. Войска и казаки на вокзале. Администрация города желает открыть бойню, она хочет кровью залить Ростов. Требуйте у города защиты граждан от произвола и насилия. Собирайтесь и немедленно открыто протестуйте, — или вы станете нашими врагами.

Донской комитет РСДРП.

5 мая 1905 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К о в с е м р а б о ч и м и р а б о т н и ц а м г.г. Р о с т о в а и Н а х и ч е в а н и.

В мастерских Владикавказской железной дороги стачка. Мы все ждали этой стачки. Мы все понимаем, какое важное значение она имеет не только для железнодорожных рабочих, но и для всех рабочих в городе, для общей нашей борьбы. 3.000 человек дружно бросили работу. Ни в одном заводе, ни в одной фабрике города нет такого числа рабочих, нигде не может сразу двинуться в борьбу такая крупная сила. Но мало того. Если бастуют на железной дороге, и прекратится на ней движение, то нарушается вся торговля и все работы в городе, — это прекрасно понимают полиция и вся администрация.

Поэтому теперь они всеми своими силами навалились на наших товарищей в мастерских, чтобы раздавить стачку. Солдаты, казаки, жандармы и полиция на вокзале. Но если стачка железнодорожных рабочих — наше общее дело, то все мы должны разделить общую тяжесть. Не допустим же, чтобы объединенные силы администрации, полиции и войск обрушились на одну часть нас, потом на другую и по частям разбивали наши силы. Мы не можем бездействовать, когда борются наши товарищи за наше общее дело. И разве наше положение лучше, чем у рабочих мастерских? Нет, оно еще во много раз хуже. Неужели же нам оставаться униженными и покорными рабами, когда борются наши товарищи? Нет, мы должны теперь же стать в их ряды. Мы теперь же все силы должны употребить на то, чтобы началась стачка на фабриках в городе. Мы должны делом доказать, что грудью готовы стать за наших товарищей.

И не думайте, что момент неблагоприятен для стачек, что теперь мы не можем надеяться на удовлетворение требований, которые мы выставим и заявим по фабрикам и заводам. Нет, время для нас благоприятно, и более благоприятного момента мы не скоро дождемся. Если стачка в мастерских прекратится раньше, чем начнем

забастовку мы, то мы принуждены будем бороться малыми группами, а не всей массой. Мастерские тогда нас не поддержат, они скажут: «Где были вы, когда мы боролись?» И они будут правы, как были правы вы, обвиняя их 19 февраля в бездействии. После неудачной стачки в мастерских настроение не только там, но и везде в городе было подавленное. Наши хозяева будут издеваться над нами хуже прежнего, они понизят плату, увеличат штрафы и всякие прижимки. И все это мы вынуждены будем терпеть с болью в сердце, в бессильном гневе.

По всей России стачки. Первое мая дало новый толчок классовой борьбе российского пролетариата. Опять подымается грозная объединенная сила рабочих против своих угнетателей — хозяев и правительства. Знайте, товарищи: в данный момент стачечная борьба — это не только схватки с хозяевами, но и революционный бой с самодержавием. Нашего объединения они боятся больше всего. Чтобы разбить наши силы, они шли, идут и пойдут на уступки. Но пусть наши нужды будут удовлетворены, и вместе с тем мы объединимся. Достичь сразу одного и другого мы сможем одновременной дружной борьбой.

Товарищи! Хотите ли вы унижения и притеснения от своих хозяев? Если нет, — да здравствует стачка!

Хотите ли вы предать в борьбе своих товарищей? Если нет, — да здравствует стачка!

Хотите ли вы, товарищи, губить общее рабочее дело и оставаться рабами самодержавия? Если нет, — да здравствует стачка!

Донской комитет РСДРП.

7 мая 1905 года.

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ.

I. СТАЧКИ В ПЕРМСКОЙ ГУБ.

1. Революционное движение в Пермской губернии и забастовки на Мотовилихинском пушечном заводе.

Наступил 1905 г. «9 января» внесло перелом в настроение широких рабочих слоев. Массовки в лесах участились. В конце января, феврале, марте и дальше обсуждаются горячо все обстоятельства выступления петербургских рабочих.

Рабочие знакомятся с зубатовщиной. На массовках в Мотовилихе выступают: Карякин Ф., Ратаев П., Борчанинов, Кузнецов Яков, Мелехов Устин, Юрш и др., которые начинают организовывать рабочие массы. Листовки, письма Гапона ходят по рукам. Каждая следующая массовка впитывает в себя все большее количество рабочих, которое к весне достигает уже двухсот и более человек. Весть о «кровавом воскресенье» распространилась не только по Перми и в Мотовилихе, почти на всех заводах распространились прокламации Центрального Комитета Партии, письма Гапона, листки Пермского комитета. Но протесты по поводу 9 января не выходили из подполья, несмотря на крайне возбужденное настроение рабочих. По приказанию Департамента Полиции, полицейские, жандармы утроили свою бдительность. Создавалось обоюдоострое положение. Но все же вскоре рабочие нашли возможность продемонстрировать свои силы с большим успехом.

14 мая, в царский день, состоялась первая открытая демонстрация под руководством Пермского комитета РСДРП, который сумел воспользоваться обстоятельствами. Главной опорой, как всегда, послужил завод Мотовилиха. В состав Мотовилихинского комитета входили: Борчанинов А., Гомзиков, Кузнецов Яков, «Коля», которые и руководили демонстрацией. Помогали им: Пташинский, Овладеев П. и др. Удачный исход демонстрации положил начало быстрому нарастанию революционных сил и организованности рабочих. Настроение поднялось еще более после арестов прямых участников демонстрации — Борчанинова, Овладеева и др., — рабочие требовали освобождения арестованных. Комитет решил воспользоваться все нарастающим революционным настроением среди рабо-

чих, придав ему определенную форму. Решено было вызвать на ближайших заводах стачку.

22 мая в Мотовилихе состоялась сходка членов организации и некоторых рабочих под руководством Скворцова, А. Присутствовало около 85 человек. Постановили вызвать в заводе организованную стачку мирного характера. В требованиях выразили протест по поводу арестов руководителей демонстрации 14 мая, требуя их освобождения, требовали свободы собраний и т. д.

Пермским Комитетом были выпущены соответствующие листовочки. Впервые тогда же была выпущена листовочка с призывом готовиться к вооруженному восстанию... Между тем, аресты продолжались. Были арестованы: М. Туркин, ведавший печатанием и распространением прокламаций, Ольга Мухина; предстоял арест Скворцова.

Одновременно листовки, требования и прокламации распространялись в главных железнодорожных мастерских и в депо Пермь II.

25 мая завод Мотовилиха стал, вслед за ним забастовали мастерские и депо. Вместе с распространением прокламаций заметалась и полиция. Еще накануне стачки, по просьбе Стрельмана, в завод была введена рота солдат под командой капитана Саркисова. 25 мая утром рабочие приступили, как обычно, к станкам. Но вскоре передовики «самовольно» дали тревожный гудок-сигнал, и завод стал. Толпа рабочих орудийного цеха, совсем не приступавшая к работам, пошла по цехам, снимая с работ колеблющихся товарищей.

Все возрастающей толпой прошли по механическому, сборочному, пудлингово-прокатному и далее. В не желавших оставить работу стачечники бросали кусками железа, гайками. Огромной толпой хлынули на улицу и подошли к заводоуправлению. Горный начальник Стрельман предложил толпе выбрать депутатов для переговоров, на что рабочие согласились. Двинулись на площадь, устроили сходку и выбрали десять человек для предъявления требований администрации завода. Пересмотрев и выслушав требования, Стрельман изъявил на словах согласие удовлетворить их, что было передано депутатами тревожной толпе. Лишь к вечеру разошлись.

26 мая рабочие вновь стали стекаться на площадь, здесь открылся митинг при огромном количестве народа. Сюда пришли и заводские женщины и подростки. Выступали Борчанинов (только-что выпущенный) и мн. др., говорили о бесцельности войны, о том, что «не правительство рабочими, а рабочие правительством должны командовать», и затрогивали целый ряд политических тем. Некоторые рабочие с опаской отходили к стороне, выражая свое неудовольствие по поводу таких «смелых» речей. Но товарищи тут же их вразумляли.

— Деревня вы, не понимаете, что все это для вас делается.

Опять, как и накануне, разошлись только к вечеру.

27 мая рабочие собрались в Народном доме и решили требовать 8-часового рабочего дня. Вновь были избраны депутаты к Строль-

ману и получили на этот раз отрицательный ответ. Целый день обсуждали, как быть, и опять лишь к вечеру разошлись под проливным дождем.

Между тем, полиция высматривала руководителей, выспрашивала имена. Николай Козьмин и Григорий Мелехов стали выдавать товарищей, членов организации, — Устина Мелехова и др. За это на них было произведено нападение.

29-го вновь был арестован Борчанинов и с ним Колупаев.

Волна рабочих, узнав об арестах, с криками шла с «Вышки», требуя освобождения товарищей. Стрельман же отвечал, что это дело полиции, и он здесь ни при чем. В это время подошла к управлению рота солдат, уже стоявших в заводе, и подоспела срочно высланная рота Ирбитского батальона. После угроз полиции применить силу ошеломленные рабочие понемногу разошлись.

31 мая Стрельман объявил о возобновлении работ. «Убежденные» военной силой рабочие вновь стали к станкам. Завод заработал.

После первой схватки с администрацией мотовилихинские рабочие почувствовали еще глубже свое политическое бесправие. Немногие требования, которые Стрельман обещал исполнить, были выполнены, остальные так и остались на словах. Стачечников преследовали. Весь июнь месяц прошел в обсуждении создавшегося положения. Политическая жизнь забила ключом, изредка пробиваясь в стенах завода в открытые собрания по цехам, или уносилась за 10—15 верст в лес, где массовки впитывали в себя все большее и большее количество рабочих, приходивших по приглашению членов организации.

Вскоре массовки стали очень часты и происходили уже вблизи завода — «За ивой», «На отвалах». Беседы принимают чисто-политический характер, возникают споры. Рабочие уясняли себе значение раскола организации на большевиков и меньшевиков. «Большевики — это те, которые сверху хотят диктовать», — замечали друг-другу товарищи, настроенные по-меньшевистски. — «Ну, и что же, хорошо, что большевики диктовать хотят, коли сами мы не знаем, что надо делать. Стало-быть, знают, что диктовать надо, и хотят нам помочь», — возражали другие. Все же к меньшевикам пока примыкали в большом количестве. Теоретические споры еще не мешали дружно проводить массовки и вместе возвращаться с пением революционных песен. Шла серьезная работа по организации рабочих масс для предстоящей борьбы. Организовывались по цехам в стенах завода. В каждом цехе избирали своих депутатов, горячо обсуждая кандидатуру. Добившись разрешения собираться в нерабочее время, несмотря на запрещение заводской администрации собираться в часы работ и без разрешения, рабочие все чаще устраивали собрания, вели беседы и во время работы.

В результате внутри завода создается зародышевая организация Совета Рабочих Депутатов, — выборные от рабочих завоевывают твер-

дое положение в стенах завода и «начинают распоряжаться». Кроме разных ходатайств за рабочих, мало-по-малу незаметным образом депутатами осуществляется частично контроль над производством. В каждом цехе работали выборные депутаты. Но администрация преследовала депутатов. Стычки с администрацией завода учащались. Был арестован один из виднейших рабочих депутатов, Андрей Юрш, за последнее время завоевавший авторитет на всем заводе. Из разных цехов собирались к нему рабочие за тем или иным советом. Рабочие требуют освобождения Юрша. Вновь создается почва для стачки. Вновь рабочие пытаются испытать себя схваткой с властями. Под влиянием срыва первой стачки все нараставшее настроение рабочих прорвалось вновь с неудержимой силой. 5 июля завод стал. По данному сигналу высыпали с революционными песнями на улицу, на площадь, открыли митинг. Это была вторая, полная отваги, попытка «итти в открытую». И пошли. Революционные силы не умещались более в подполье. Стали говорить о необходимости действительной свободы слова, собраний, говорили о 8-часовом рабочем дне, о преследованиях начальства заводского, в частности пресловутого Назарова. Нелегальные массовки переносились из леса в завод и превратились в открытые собрания.

9 июля администрация завода воспретила собираться на сходку, разъясняя, что «сходки воспрещены». Но в то же время губернатор разрешил сходку и приказал объявить, что «эта сходка должна быть последней». Сходка состоялась.

10 июля, несмотря на угрозы губернатора, состоялось самое огромное собрание «на Вышке». Сюда шли толпы рабочих, женщин и подростков. На собрании выступал от ЦК т. Быков, Н. Н. Решался вопрос о продолжении стачки, о помощи нуждающимся товарищам. Тут же выяснились многосемейные, наиболее нуждающиеся, список которых был передан Ф. Карякину; из собранных ранее сумм выдавали по 3—4 рубля. Стачку решили продолжать. Выбраны были делегаты: Устин Мелехов, Шилов, для предъявления требований Строльману. Вскоре явилась на Вышку полиция, предлагая разойтись. Но толпа не расходилась. На окрики «разойдись!» не обращали внимания. В завод вошли казаки. Бежали по Большой улице... Повернули к «Вышке»... Быков просил толпу не разбегаться, убеждая: «Всех не убьют»... Но часть дрогнула и стала убегать, большая часть осталась на месте. Сплотились тесно... Конные казаки окружили со всех сторон, врезаясь лошадьми в толпу. Вдруг... не выдержали... и бросились бежать. Загуляли казацкие нагайки... Послышались выстрелы... В панике рабочие скатывались под гору. В результате остался на месте один убитый — Борчанинов-отец.

Стачка, казалось, была сорвана. 11 июля состоялось нелегальное собрание руководителей стачки в м. «Стрелке», где обсуждался вопрос, как быть дальше. Вновь решили стачку продолжать. Когда возвращались, наткнулись на казаков, но в темноте успели разойтись. Казаков привел в лес агент охранки Брюханов.

Вновь начались аресты: был арестован Митрофанов с оружием, были с обысками у Кузнецова, Постаногова и др. 13 июля состоялись похороны убитого Луки Ивановича Борчанинова. Тело сопровождалось толпой рабочих, шло много женщин. Не обошлось без инцидента. На гробе была замечена черная лента с надписью белыми буквами: «Жертве царского произвола». Полицейский надзиратель завода Кочев подошел и сорвал ленту. Не успел он свернуть ее, как Мислав-ская (родственница Борчанинова) схватила ленту, пытаясь вырвать ее. Ей это не удалось, и она с ненавистью ударила полицейского по голове ридикюлем.

Действием Мислявской в лице Кочева была оскорблена вся полиция, которая и попыталась вскоре вознаградить себя. Похороны Борчанинова носили характер демонстрации. Разгон 10 июля мирной, безоружной толпы рабочих, женщин и детей вооруженной силой напомнил рабочим в миниатюре «кровавое воскресенье» в Петербурге. После событий на «Вышке» рабочие продержались еще целую неделю. Аресты продолжались. Но стачка шла быстро на убыль. Рабочим грозили закрытием завода. 21 июля стачка закончилась. Требования были удовлетворены частично, по двум или трем пунктам, остальные администрацией полностью не выполнялись.

Стачка продолжалась 16 дней и все же не удовлетворила рабочих, она лишь глубже вскрыла перед рабочими сущность классовой борьбы.

По поводу последних событий комитетом были выпущены прокламации и листовки, призывающие к серьезной борьбе — к вооруженному восстанию, с указанием на бесплодность мирных попыток улучшить свое положение, на бесплодность мирной борьбы.

При общей стачке на заводе, которая в результате дала хотя частичное улучшение рабочим, в виде частичного разрешения собраний, в виде повышения заработной платы и др. мелких удовлетворений по разным цехам, мартеновский цех остался как бы ни при чем, — рабочие были удовлетворены менее, чем в остальных цехах. После общей стачки прошло немного более месяца. Решили бастовать самостоятельно, своим цехом.

1 сентября первая смена, приблизительно около 120 человек, бросила работу. Рабочие уходили из завода, обсуждая положение; выбрали депутатов к горному начальнику (Стрельману). К вышедшей смене подошли другие в таком же количестве, присоединились к товарищам, и все вместе вновь стали обсуждать свои требования, начиная с повышения поденной платы. К вечеру разошлись по домам. Бастовали дружно, всем цехом, в количестве 320 человек. Бастовали весь сентябрь. В результате добились повышения расценок на 25—30%, с 80 коп. на 1 руб.—1 руб. 20 коп., добились рабочей одежды: парусины, рукавиц, сукна (4½ арш.). Удовлетворенные мартеновцы, добившись своего, стали на работу и работали в таких условиях вплоть до 1917 года.

Но и эта «удачная» забастовка, носившая чисто-экономический характер, не обошлась без жертв. С работ уволены были под благовидным предлогом: Родионов, Ярославцев, Свидерс и Клыков. Поставленный в известность о вновь возникшей в Мотовилихе забастовке, Департамент Полиции прислал ожесточенную телеграмму с приказанием «немедленно выявить руководителей движения».

К осени 1905 года движение среди рабочих Мотовилихи принимает несколько иные формы. Неудовлетворение политических требований, непрекращающееся преследование стачечников помогло осознать еще глубже свое угнетенное положение, классового врага и породило ненависть к непосредственным представителям его — к администрации завода и ее приспешникам. Рабочие определенно не желали видеть в заводе тех главных мастеров и заведующих, которые продолжали издеваться над рабочими различными мелкими придирками, оскорблениями, преследованиями.

Добившись удаления знаменитого Назарова, рабочие требовали удаления Сепайна, Шафаловича и др., но администрация не шла на уступки. Рабочие на этом не успокаиваются, создается настроение произвести над упомянутыми лицами насилие: «выставить их из завода».

Брожение среди рабочих росло с неудержимой силой. Настроение поддерживалось еще более слухами о близком крушении самодержавия, о приготовлении самодержавием манифеста, «дарующего свободу». Чувствовалась новая бодрость, росли энергия и сознание неизбежности испытания своих революционных сил в схватке с самодержавием.

19 сентября 1905 года рабочие снарядных цехов бросили работу и устроили собрание, на котором решили удалить инженера Сепайна, заведующего 3-м снарядным цехом. Рабочие требовали к себе в цех, в 3-е отделение Стрельмана, горного начальника, для переговоров. Сначала Стрельман не хотел итти и просил прислать к нему рабочих-депутатов.

Но толпа рабочих депутатов своих не пустила, рабочие вновь требовали горного начальника. Стрельман пришел. В отделении № 3 он увидел огромную сжатую толпу рабочих, к центру которой шел узкий проход по рельсовому пути. По обе стороны стояли рабочие. Стрельман остановился, но его просили итти дальше, ближе к депутатам.

Стрельман пришел к центру толпы и заявил, что здесь разговаривать бесполезно, так как ничего не слышно, и прибавил: «Собрания во время работы запрещены». Рабочие сразу заговорили о неправильных увольнениях и требовали принять Коровина, указывая, между прочим, что Коровин сам здесь. В ответ на эти слова Стрельман ответил, что Коровина ему не надо. Послышались крики: «Как это не надо?» Стрельман оборачивался по сторонам и вдруг почувствовал удар в затылок, — кто-то бросил в него свернутым пиджаком. С криком: «В меня бросают, — я ухожу» он едва ушел через узкий

проход, который наполнялся свежими группами рабочих. Вероятно, Стрельман пострадал бы сильнее, но от напора толпы в решительный момент с лязгом рассыпались «снарядные корпуса», которые складывались «поленницами».

После этого рабочие сами пришли в управление и предъявили требования, выработанные на общем собрании; рабочие требовали удаления инженера Сепайна, безрезультатно требовали принять уволенных с работ: Коровина, Ястребова, Королева, Ильиных.

20 сентября Сепайн, осмотрев работы, вышел из инструментального цеха и увидел большую толпу рабочих, которые вначале как бы расступились, пропуская его. Но один из рабочих, Лбов, крикнул: «Чего вы стоите?», и тотчас после окрика рабочие насильно взяли Сепайна под руки и повели к Малой Проходной. Появился откуда-то мешок... В ненависти своей хотели-было надеть ему на голову... Сепайн быстро сорвал мешок... Сняли фуражку... бросили в лицо грязью... сняли галоши, одели откуда-то появившиеся лапти и вытолкали из Проходной. Сами спокойно ушли назад, в завод.

В это же утро помощнику горного начальника грозила та же участь, если не хуже. Но Шафалович во-время заметил настроение рабочих и скрылся. Путем угроз заставил уйти из завода мастера Кропивина. «Уходи по-добру, по-здорову, а то на тележке выкатим», — кричали рабочие. «Настал час возмездия». — послышался чей-то голос вслед убегавшему Кропивину. Лбов кричал: «Ребята, дадим мы ему еще мятку». Толпа рабочих с криком проводила Кропивина из завода.

На собраниях, которые устраивались уже и во время работ, без разрешения начальства, рабочие, обсуждая результаты «июльских дней», пришли к заключению, что бастовать больше не будут, потому что «надо брать силой».

То же решено было применить и по отношению к высшей администрации: не понравился, — насильно изгонять из завода, и таким образом вводить мало-по-малу свои порядки управления заводом. Все свои угрозы рабочие пробовали применить на деле.

Результаты событий 19 и 20 сентября были для всех рабочих неожиданными. Администрация завода снеслась с высшей властью и постановила: завод закрыть, объявить рабочих распущенными по домам. Виновников не выяснили, но все же восемь человек рабочих: Волков, Голдычев, Козлов, Пичугин, Шумилов и еще кто-то отсидели по восьми месяцев.

Пермский комитет быстро нащупывает создавшуюся благоприятную почву для глубокой агитации среди самых широких слоев рабочих завода. Он выпускает ряд воззваний и прокламаций, дает задания Мотовилихинскому районному комитету и, опираясь на него, вновь и вновь будирует революционное чувство и мысль рабочего.

Завод стоял. Группы рабочих не раз обращались к администрации, настаивая на открытии завода. Но администрация была глуха

к подобным просьбам. Вскоре все же была объявлена перерегистрация рабочих; вырабатывались условия найма.

Несмотря на то, что завод стоял, брожение среди рабочих продолжалось. Скученность рабочего поселка помогала общению рабочих и вне стен завода. Усилилась и работа партийных групп Перми и Мотовилихи. Выпускались листовки по поводу закрытия завода и другие. «Массовки» происходили каждое воскресенье, каждый праздник, вбирая в себя все большее количество рабочих. Кружки быстро пополнялись и выделяют уже руководителей из числа рабочих. Выдвигаются рабочие Деменчук, Михайлов Анемподист и многие другие, которые пользуются авторитетом на кружковых собраниях. Партийная работа все ширилась. Нехватало агитаторов, — рассказывают о тех днях. В кружках шли разговоры о близком падении самодержавия, ждали манифеста. Близился день 17 октября. Кружки готовились. На одной из массовок постановили выступить в нужный момент с красными знаменами и сойтись на «Вышке».

Наступили «дни свободы». Партийные организации перешли на полулегальное положение. Повсюду назначались собрания, митинги. День опубликования манифеста ознаменовался манифестацией в Мотовилихе. Кружки в организационном порядке выступили с красными знаменами, с пением революционных песен, сошлись на «Вышке», прошли по Большой улице, — тем и закончили. Настроение было радостное, но нервное; не было уверенности в прочности манифеста, все ждали еще чего-то... — рассказывают рабочие.

18 октября на станции Пермь II был прочитан впервые манифест «о даровании свободы». Железнодорожники толпой двинулись в город. Наехавшие-было казаки с намерением разогнать толпу все же были остановлены приставом Буровым. Толпа манифестантов требовала удаления с улицы полиции и казаков. По приказу губернатора, это было исполнено. В тот же день толпы мотовилихинцев, во главе с кружковым собранием, пошли в Пермь «освобождать своих пленников». Шли под лозунгом: «долой самодержавие!», «да здравствует Учредительное Собрание!» и др. Впереди с красным знаменем шел рабочий Александр Лбов.

Манифестация направилась-было к тюрьме, но затем пошла к дому губернатора, категорически требуя от него лично немедленного освобождения «политических преступников». Во главе с губернатором, которого повели под руки, манифестация двинулась к губернской тюрьме, а затем в арестное отделение. Настроение рабочей манифестации было крайне нервное. На каждый шорох, топот лошадей толпа отвечала тем, что шарахалась в сторону. При одном слове с чьей-то стороны: «казаки» публика в панике рассыпалась. Во время освобождения политических Губернатор, улучив удобную минуту, скрылся.

Начальник тюрьмы от имени прокурора окружного суда объявил политическим еще в тюрьме, что они могут быть свободны.

С пением «Отречемся от старого мира» вышли из тюрьмы тридцать человек.

Часть из них сидела за демонстрацию 14 мая, часть была арестована во время стачек. Из них руководители движения: Пташинский, Обросимов, Борчанинов, Ник. Ник. Быков, «Христофорыч» (Митрофанов), Патушанский и другие.

Освободив «пленников», манифестанты до позднего вечера ходили по городу с революционными песнями, открывали по пути митинги-летучки. Полиции на улицах не было. Но все же в настроении не было уверенности. Передовиков-рабочих разрывала мысль, случайно брошенная кем-то: добыть бы оружие.

После революционных манифестаций стали появляться в Перми и Мотовилихе черносотенные листки с призывом: бей жидов, поляков и агитаторов. Носились слухи о подготовке погромов. Рабочие Мотовилихи, услышав, что черносотенцы расхаживают уже второй день по Перми, собрались на собрание и решили дать знать о себе, о том, что «революционное настроение среди рабочих не ликвидировано».

22-го октября вновь пошли в Пермь с манифестацией под революционным лозунгом. На пути следования рабочим дали знать, что сагитированные черносотенцами возчики у Перми I готовятся «смять» манифестантов. Среди рабочих человек пятнадцать-двадцать были вооружены и шли впереди. Проходя мимо возчиков, около ст. Пермь I, передняя часть манифестации замедлила шаг и дала пройти вперед всем манифестантам, закрывая собой и охраняя тыл шествия. Повидимому, возчики заметили этот маневр и, испугавшись многочисленности шествия, с мест не двинулись.

В Пермь пошли по Сибирской, по Оханской и вновь вышли на Сибирскую. Навстречу показались манифестанты-черносотенцы с большими портретами царя и пением «Боже, царя храни». Не желая сталкиваться, мотовилихинская манифестация свернула на Екатерининскую улицу; черносотенцы приняли этот маневр за трусость и с гиком бросились на «краснофлажников», бросали в рабочих камнями и открыли стрельбу. На стрельбу рабочие ответили стрельбой, — поднялась перестрелка... Черносотенцы разбежались, манифестация рабочих также значительно поредела. Свернув флаги, разошлись. При перестрелке оказалось несколько раненых, в том числе и Быков, Н. Н.

В Мотовилихе также состоялась небольшая черносотенная манифестация, во время которой проходящему мимо рабочему Туркину Александру разбили камнем голову за то, что он не снял шапки.

С этого дня в Городской Думе был поднят вопрос социалистами-революционерами и социал-демократами о создании рабочей милиции для предотвращения подобных столкновений. Но, подумавши, гласные думы все же отвергли предложение партийных организаций. Это послужило поводом к тому, что рабочие — члены организации, социал-демократы, также и группа социалистов-революционеров,

стали вооружаться и организовывать дружины. Дружины рабочих стали нести, по постановлению руководителей организации, охрану города. Много помогли и студенты-горняки.

В Перми руководил дружиной Бернштейн, в Мотовилихе—Александр Борчанинов. Рабочие «пятки» организованным порядком отправлялись в Пермь, где в продолжение целой недели «были начеку». Таким образом, погромы в Перми были предотвращены рабочими Мотовилихи.

Опять при помощи листовок Пермский комитет спешит разъяснить рабочим сущность манифеста и значение его в борьбе рабочего класса с самодержавием. Кроме того, руководители партийных групп спешат воспользоваться моментом для использования всех, пока легальных возможностей. Выйдя из подполья, представители местных организаций всех партий устраивают ряд открытых собраний, митингов. В Мотовилихе в Народном доме шел беспрерывный митинг. Из руководителей социал-демократической организации выступали: Трапезников Николай, Владимирский Всеволод и ряд других подпольщиков. Здесь же впервые происходят ожесточенные схватки с эсерами, и рабочие знакомятся с теоретической борьбой партий, которая до сих пор не выявлялась для широких слоев, — члены организаций спорили больше между собой в кружках.

Теперь же партии критиковали друг-друга перед лицом рабочих, говорили о политике, о тактике. Рабочие знакомились подробно со всеми течениями. К этому времени приехал вновь Андрей Юрш и весь горячо отдался работе в заводе. Он пробует вести работу среди работниц и подростков из заводских, устраивая специальные собрания и посвящая им немало внимания. Понемногу заводская молодежь вовлекается в политическую жизнь. Ранее партийные организации не обращали внимания на молодое поколение. Оно если и принимало участие в политической жизни, то стихийно. Обычно в свободные часы молодежь еще «билась палками на полях». Здесь издавна вырабатывались смелые характеры из среды рабочих. Здесь же впервые стал выявлять свою физическую силу впоследствии знаменитый Александр Лбов. Среди этой молодежи повела усиленную работу Мирославская. Она организовала целый ряд семейных вечеров, вечеринок, куда и затягивала молодежь под тем или иным предлогом. Вскоре молодежь узнает о существовании партии, воспринимает борьбу рабочих и мало-по-малу втягивается в политику, она живо откликается на сборы в пользу забастовок, на помощь политическим.

В результате можно было наблюдать, что многие старики-революционеры с удовольствием проводили время на вечеринках, выпивали и мало-по-малу отставаали от хода событий, — между тем как из среды рабочей молодежи выделились человек пятнадцать, которые безраздельно отдаются делу революции, и, несмотря на юный возраст, служат для партийной организации опорой в развивающейся борьбе.

В начале 1905 года, уже вполне оформившись, существовали две самостоятельные местные организации РСДРП: большевиков и меньшевиков. Меньшевистской группой в Перми и Мотовилихе руководят: Н. Бусыгин, Сошин, Матвеев, Трапезников, Трефилов и др. От большевиков выступали: Федорова, Марина Прокопьевна, Коган, Митрофанов («Ежовая Голова»), Анна Н. Ягодникова.

Необходимо отметить, что, работая часто вместе практически, мотовилихинские большевики буквально органически не переваривали своих недавних собратьев; при столкновениях дело чуть не доходило до драки, особенно спорили с меньшевиком Иваном Ивановичем Карякиным. Меньшевики платили тем же. Было время (правда, короткое), когда большевики объединились, а потом вновь разъединились с меньшевиками.

Обстоятельства диктовали необходимость сплотить все наличные силы, способные к революционной борьбе и к руководству рабочим все нараставшим движением.

После того, как удалось добиться «свобод», решили вновь объединиться. Состоялось несколько собраний в доме Мешкова, был выбран так-назыв. объединительный комитет. В состав комитета вошли: Всев. Владимирский, Трапезников (меньшевик), Туркин (большевик), Коган (большевик), Митрофанов (большевик), Бусыгин (меньшевик), Федорова, Марина Прокопьевна (большевичка), Анна Николаевна Ягодникова (большевичка) и др.

Настроение нового комитета в работе было очень хорошее, казалось, не было причин думать, что эта организация скоротечна. В действительности же вместе поработали немного, после же вооруженного восстания в Мотовилихе между большевиками и меньшевиками вновь произошел раскол.

Между тем, с первых же дней свобод Мотовилихинский завод вновь пошел полным ходом и работал вплоть до девятого декабря. За это время в заводе шла серьезная работа по организации рабочих. Положение рабочих депутатов, которых ранее преследовали, значительно изменилось. Выборные от цехов депутаты приобретают большое значение, количество их все пополняется, и, в конце-концов, создается крепкая организация в стенах завода — «Совет старшин». Во главе «Совета» попрежнему становится Андрей Юрш, который теперь легко руководит широкими массами рабочих. Совет старшин вскоре становится на-ряду с администрацией завода, и параллельно с администрацией является как бы второй хозяин. Рабочие выбирают в совет лучших товарищей из цехов, туда входят: Рудаков Иван, Болховский, Иванченко, Зеньков Иван, П. Обросов, Богомолов, Булдычев Иван.

Совет старшин непрерывно стоял в те дни на защите интересов рабочих. Депутаты цехов обходили все станки, выясняя условия труда рабочих. Были установлены факты, когда рабочие получали слишком низкую плату, вырабатывая лишь по двадцати копеек. Де-

путаты Совета старшин обходили и осматривали работы, повышая расценки, где это требовалось, с двадцати до восьмидесяти копеек и т. д.

Повышение платы проходило через заведующего цехом, который, в конце-концов, шел на уступки, и администрация завода не протестовала. Авторитет Совета был очень велик среди рабочих. Главным образом, его поддерживал Юрш, который умел комбинировать все обстоятельства в пользу рабочих. Попрежнему к нему обращались из разных цехов, и он то-и-дело бегал в управление и теребил администрацию. Бывали случаи, когда Совет старшин распространял свое влияние и вне стен завода, напр., в один из этих дней на собрании депутатов в народном доме поднимался вопрос о постановке народного образования в Мотовилихе, — решили открыть новую школу.

Таким образом, Совет старшин становится первой сильной организацией рабочих, которая противопоставляет себя администрации завода. Между тем, за подписью Макарова (за министра внутренних дел) на имя начальника охранного отделения идут телеграмма за телеграммой.

«В виду серьезного значения подпольных организаций, именуемых советом рабочих депутатов, необходимо всеми мерами препятствовать образованию таковых путем изъятия руководителей и выяснения членов»; «необходимо повсеместно арестовать, согласно неоднократным моим указаниям, советы рабочих депутатов и стачечные комитеты (31 дек. 1905 г.), обратить особенное внимание на советы рабочих депутатов, федеративные советы и др. подобные им, принять самые решительные меры к выяснению и ликвидации означенных союзных организаций, не прекращая работы до полного их уничтожения».

Накопившее в продолжение девяти—десяти месяцев революционное настроение рабочих созревает в форму вооруженного восстания. Рабочие Мотовилихи спаиваются единой волей проявить, сопоставить себя с господствующей силой. Центр тяжести всей работы партийной организации переносится в Мотовилиху.

Непосредственным действенным руководителем бурлящего завода становится Мотовилихинский комитет, опираясь на внутризаводскую организацию, во главе с Юршем. Пермский комитет лишь помогает: спешно достается оружие, где только возможно; печатаются прокламации, переиздается «финансовый» манифест Петроградского Совета Рабочих Депутатов и другие издания его, — все передается из рук в руки в Мотовилиху.

Во второй половине ноября рабочие спешно вооружались. Отряды в пять—десять или двадцать человек иногда открыто проходили по улицам: организовывались под видом народной милиции. Еще с октября обложили население на нужды милиции по пяти копеек с человека. По существу же кружки приходили в состояние готовности. Разбивались на боевые единицы — на десятки, составляли дружины. «Отряды были правильно организованы, и у ка-

ждого был свой начальник», — доносит впоследствии судебная власть. Не дожидаясь, пока дадут в руки готовое оружие, рабочие сами по себе доставали оружие:

— В кузнице ковали ножи, шашки, — рассказывают рабочие.

Интересно по пути отметить один курьезный факт. В Мотовилихе на стороне революционных рабочих был священник, отец Сергий. Под красным знаменем на-ряду с хоругвями служил он молебны за политических и производил в пользу их сборы в своей церкви. Крупная сумма денег, собранная им, пошла на закупку оружия в Воткинском заводе. Несмотря на явную подготовку рабочих к восстанию, завод все еще продолжал работать. Общероссийские события горячо обсуждались по всем цехам, но работы не бросали. Наступил декабрь.

Доносятся отклики петербургских событий. Москва поддерживает Петербург и объявляет всеобщую политическую стачку. К ней примыкают железнодорожники (29 дорог). Пермские железнодорожники к движению не присоединяются. Поезда продолжают ходить под охраной полиции и жандармов.

Пермский комитет партии призывает рабочих присоединиться к всеобщей стачке и насильно прекратить движение поездов на месте; в случае применения правительством вооруженной силы — дать отпор с оружием в руках. 8 декабря вечером рабочие уже узнали, что завтра не работать. 9 декабря электричество в заводе потухло, толпами шли рабочие в снарядный № 5 на сходку.

Члены Пермского и Мотовилихинского комитетов призывали многолюднейшее собрание присоединиться к всеобщей политической стачке, разъясняя необходимость отчаянной борьбы с правительством и указывая на стачку, как на одно из могучих средств борьбы рабочего класса. Рабочие приняли резолюцию о присоединении к всеобщей политической забастовке. С пением «Марсельезы» выходили из завода, воздух оглашался тревожными свистками, призывавшими бросить работы. В тот же день служащие завода, ста шестидесятью голосами против пятидесяти восьми, также присоединились к рабочим под руководством Бессонова Александра, Дядина А., Соколова Андрея и Серовникова Николая.

Выступавший Андрей Юрш прибавил: «Товарищи, смешно работать в то время, когда самодержавному правительству готовится последний удар, и рабочие проливают свою кровь».

Рудаков Иван, Карякин Федор и Бессонов пошли к Строльману в качестве депутатов, требуя открытия фабрик для сходок и митингов. Под напором ожидавшей многочисленной толпы Строльман дал согласие. 10 декабря опять в стенах завода шел митинг; рассылались прокламации, призывающие к вооруженному восстанию. На митинге присутствовало уже человек семьдесят вооруженных рабочих. 11 декабря рабочие решили итти к губернатору требовать немедленного освобождения арестованных членов железнодорожного комитета

с удостоверением от имени шести тысяч рабочих, за подписью председателя собрания Юрша и секретаря Безолуцких.

В волостном правлении рабочие открыли митинг, на котором постановили образовать милицию, выдать две тысячи рублей на нужды милиции, выдать из волостного правления оружие, сданное на хранение, обложить все население налогом в 10 копеек на нужды милиции, прекратить выдачу жалованья становым и полицейским, предоставить милиции арестантское отделение. 11 декабря вечером началась стрельба, разоружали городовых.

12 декабря боевая дружина, под руководством Александра Лбова, произвела нападение на керосиновый склад бр. Нобель и отобрала там 13 револьверов, предлагая рабочим склада итти на митинг. На митинге члены Пермского комитета Трапезников и Владимирский призывали к всеобщему вооружению и сопротивлению войскам, указывая на необходимость остановить движение поездов. С митинга рабочие толпою пошли на вокзал, вышли на рельсовый путь... Подошедший почтовый поезд № 4, не доходя до станции, остановился... С криками рабочие бросились к поезду и окружили паровоз... Стащили машиниста... Взяли с него слово, что «поезда не поведет»... Рабочие пытались выпустить пар из паровоза, но побоялись жандармской охраны. Захватив с собой на митинг машиниста и его помощника, уходили с угрозами:

— У нас есть боевые дружины, они справятся с вами и с казаками, если они сунутся...

Мимоходом развинчивали гайки на рельсах. Жандармский унтер-офицер, сопровождавший поезд, осмотрел путь и нашел стрелки испорченными. В это время на полотне железной дороги показались казаки-ингуши, казаки 7-го Уральского полка, под командой хорунжего Астраханкина. Казаки въехали в завод. Их встретили ружейным залпом. Выстрелы посыпались со стороны завода, из домов, с улицы. Казаки такого приема не ожидали. В завод казакам преградила путь толпа подростков, они мешали ехать и один из них, побольше, оказавшийся вооруженным шашкой, кричал:

— Не расходитесь. Стоять дружнее!..

Рабочие, отстреливаясь, рассеялись. У Малой Проходной казаков вновь встретили залпами. Одного высадили из седла... Казаки опешили. Ответной стрельбой все же рассеяли толпы рабочих. Вскоре вернулись обратно в Пермь. С темнотой улицы Мотовилихи вновь оживились. Группы вооруженных рабочих набрасывались на полицейских, отбирая оружие.

В рабочем клубе, под видом милиции, Александр Борчанинов инструктировал боевые отряды и распределял силы. Первая, самая сильная засада, десяток Пташинского, сделана была у Малой Проходной. На углу Камской засел эсеровский десяток. Третья засада, у Сунцева моста, десяток Булдычева; на углу Баковой и Большой улиц расположился со своим отрядом Яков Кузнецов. Помогали Трофимов, Спиридонов, построили баррикады. На «Вышке» строил бар-

рикаду Лбов. На баррикадах выступали: Кузнецов, Мелехов, Борчанинов. Дружины разбились на мелкие отряды, которые засели по всему селению, по дворам, по огородам, на чердаках домов.

13 декабря губернатор дал приказ подавить восстание вооруженной силой. С гиком понеслись-было казаки по Мотовилихе... Наскочили на эсеровский десяток... Поднялась пальба... Стрелки со всех сторон. Страшная перепалка с казаками произошла в отряде Кузнецова, еще ожесточеннее у Сунцева моста. Раза два-три был ранен Ваганов. Баррикады остались неиспользованными, — туда казаки не поехали.

В заводе шел попрежнему митинг. Протестовали против наступающей реакции. Выступали вновь Трапезников и Владимирский и призывали к свержению самодержавия. Митинг охранял Булдычев. Узнали... Ударились в завод... Здесь в засаде у Малой Проходной залпами встретили казаков Пташинский с отрядом. Ранили Петра Ратаева. Из завода выбежали человек двадцать—тридцать вооруженных рабочих... Открыли огонь... Казаки бросились на рабочих... Весть передалась на митинг. Рассеялись, кто куда... Открыли ворота на Малой Проходной... ворвались в завод... разогнали... Часть рабочих скрылась в орудийной № 1, на чердаке. Уже наступил вечер. Через ворота завода, мимо орудийной, возвращался патруль с пороховых складов, человек тринадцать. Солдаты заметили перебегавшего по вагону на чердак запоздавшего Булдычева и, таким образом, открыли засаду рабочих на чердаке фабрики. Стремительно бросились на чердак. Но рабочие закрыли «западню», набросали на нее различные тяжести и сделали упорку в крышу. Фабрику окружили и стали обстреливать чердак. Рабочие пытались вылезть на крышу... Стрельбой снимали вылезавших... Подоспела помощь, и «западню» разворотили... Старик-рабочий Поляков в упор выстрелил в первого солдата. В панике шарахнулись... Прислали из завода помощь — резервную часть. Стали спускать рабочих прикладами... одного за другим... Тридцать два человека. Потом еще двадцать. Затем всех вывели на двор и поставили к стенке. Офицер скомандовал:

— Расстреливать всех!

Рабочие вдруг свалились все в кучу, один на другого... Окружили цепью солдаты. Стали избивать... Били, чем попало. Прикладами, палками, топтали ногами...

— К концу концов мы представляли из себя окровавленную кучу, в которую нас сваливали, — рассказывают пережившие.

Остановил эту расправу с рабочими чей-то окрик: «Что вы делаете, кровопийцы!» На офицера этот окрик подействовал. Рабочим скомандовали: поднимайтесь. Но не все могли подняться. Все же повели к вокзалу, рассадили в поданные вагоны и отправили в тюрьму. Избитым и израненным рабочим отказали в медицинской помощи. В камеру бросали бинты и иодоформ. В результате восстания насчитывали до тридцати человек рабочих ранеными, шестна-

дцать убитыми... Главные руководители восстания — Александр Борчанинов, Андрей Юрш, Трапезников — скрылись. Яков Кузнецов был вскоре убит при попытке к побегу.

На-ряду с подавлением восстания рабочих в Мотовилихе шли аресты в Перми. Арестовали членов Пермского комитета А. Н. Ягодникову, М. П. Федорову и ряд рядовых работников, всего до двадцати человек.

Документами, отобранными у арестованных, была обнаружена полная связь деятельности Пермского Комитета РСДРП с вооруженным восстанием в Мотовилихе. «Установлено деятельное участие комитета в реальном осуществлении самого восстания». Дело о вооруженном восстании в Мотовилихе было передано в Казанскую Судебную Палату. Следствие велось целый год, и лишь 5 декабря 1906 года суд состоялся. Все арестованные были привлечены по обвинению «в насильственном посягательстве на изменение в России установленного законами основного образа управления».

Геройская попытка рабочих Мотовилихинского завода испытать себя в неравной борьбе частично выявила готовность в те дни рабочего класса России победить или умереть в борьбе.

«Борьба за власть». Сборник Пермского бюро Истпарта, т. I, стр. 42 — 67.

— —

2. Майская забастовка на Мотовилихе.

Начало забастовки.

Телеграмма и. д. Пермского Губернатора Министру Внутренних Дел.

На Мотовилихинском казенном заводе нынче утром забастовали цеха, пока мирно; заблаговременно мной вчера вечером туда были поставлены войска.

И. д. Губернатора Наумов.

Вр. и. д.
Начальника Пермского
Жандармского Полицейского
Управления железных дорог.

28 мая 1905 г.
№ 293.
Г. Пермь.

Секретно.

В Департамент Полиции.

26 мая мне сделалось известным, почти достоверно, что забастовка, уже несколько дней длящаяся в Пермском пушечном заводе (Мотовилиха), должна перенестись и на главные мастерские Пермской железной дороги, о чем мною и был своевременно предупрежден Начальник дороги инженер Матренинский.

27 числа утром, минуя Начальника мастерских, несколько рабочих, в роли депутатов, явились к Начальнику тяги для предъявле-

ния ему, насколько мне известно, ничтожных и чисто-экономического характера требований; но так как они, эти депутаты, не были те, которые, как выборные, согласно существующих правил, были утверждены администрацией дороги, то Начальник тяги вступать с ними в переговоры не пожелал.

Тогда, между 10 и 11 часами утра, по гудку, самовольно данному одним из рабочих, все остальные мирно разошлись, прекратив работу.

В тот же день Начальником дороги было вывешено в мастерских объявление, экземпляр которого при этом представляется, произведшее желанное впечатление, и сегодня с утра, за исключением ничтожного меньшинства, все рабочие приступили к делу.

Зачинщики почти выяснены, добиваемся только юридических данных к их обвинению.

Требований никаких со стороны забастовщиков не предъявлено, хотя между ними обращаются гектографированные экземпляры, копия с которого также при этом представляется.

Подполковник Иванов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Ход забастовки.

Секретно.

М. В. Д.
Пермский Губернатор
По канцелярии.

3 июня 1905 г.
№ 172.
Г. Пермь.

Министру Внутренних Дел.

23 и 24 мая по фабрикам Мотовилихинского завода, в особенности орудийных и снарядных цехов, были разбросаны воспроизведенные на гектографе прокламации, под заглавием: «Требования рабочих завода Мотовилихи» (приложение № 1), в коих изложены экономические требования рабочих и затронуты политические вопросы о низвержении самодержавия, освобождении арестованных после 14 мая и т. п. Предвидя возможность уличных беспорядков, Горный Начальник Пермских пушечных заводов 24 мая обратился ко мне с ходатайством о присылке в Мотовилиху войск. Ходатайство Горного Начальника было уважено, и того же числа, в 8 часов вечера, прибыла и разместилась в Управлении заводов одна рота 223 запасного батальона, под командою капитана Саркисова, и поступила в распоряжение откомандированного на место Уездного Исправника.

25 мая, в 6 часов утра, по обычному сигналу (свистку) рабочие вышли на работу и приступили к ней, исключая рабочих орудийного № 3 цеха. Рабочие этого цеха, частью вышедшие, к работам не приступили, и, начав таким образом забастовку, они перешли в орудий-

ные цеха №№ 1 и 2, где к ним присоединилась часть рабочих этих заводов. Образовавшаяся толпа пошла по цехам механическому, снарядному, сборочному и пудлингово-прокатному, производя при этом шум и бросая камнями. В это время самовольно дан был рабочими свисток. Движение в другие цеха было прекращено ротой воинских чинов, после чего толпа человек в 600—700 направилась к Управлению пушечными заводами, где на площади и остановилась. Здесь Горный Начальник предложил толпе выбрать депутатов, которые должны изложить письменно требования рабочих и предъявить их Горному Начальнику, на что со стороны рабочих последовало согласие, при чем из толпы подали Горному Начальнику прокламацию, в которой были изложены требования рабочих (приложение № 1). Подавший эту прокламацию оказался рабочим Иваном Обуховым, который был задержан и обыскан, при чем при нем найден был в рукаве пиджака железный шкворень и штук 20 шрапнельных пуль. Обухов объяснил, что прокламацию получил в толпе неизвестно от кого. Часов около 11 утра толпа направилась на базарную площадь, устроила сходку, избрала 10 человек депутатов, имена и фамилии которых остались неизвестными, и предъявила Горному Начальнику требования. На удовлетворение требований, исключая некоторых из них, Горный Начальник изъявил согласие, о чем и объявил депутатам, которые, в свою очередь, поставили в известность рабочих. К 9 часам вечера рабочие разошлись, не нарушая порядка.

26 мая, с 6 часов утра, на базарную площадь и к народному дому стали стекаться рабочие, женщины и подростки. Достигнув часам к 4 дня около 1.500 человек, толпа перешла на базарную площадь, где были произнесены речи политического характера. Говорили 3 человека, один из них пермский мещанин Александр Лукин Борчанинов, а двое неизвестных. Борчанинов, стоя на столе, говорил: «я работал и работаю на вашу пользу, за это был арестован полицией и сидел несколько дней в тюрьме, может-быть, придется посидеть и теперь, так постойте за меня»; два другие говорили, что не правительство рабочими, а рабочие правительством должны командовать, не нужно войны и не нужно Манчжурии. Во время произнесении речей многие рабочие кучками выделялись из толпы и порицали речи Борчанинова и его товарищей, тогда подбегал к ним крестьянин Брысин и, грозя кулаками, кричал: «вы, деревня, не понимаете, что все это делается для вас». Толпа разошлась в 9 часов вечера.

27 мая с 8 часов утра на базар стали собираться рабочие, но по случаю дождливой погоды перешли в народный дом, куда часам к 12 дня набралось около 1.000 человек. В час дня часть толпы стала расходиться по домам, а другая часть с депутатами направилась к Управлению заводов, для переговоров с Горным Начальником. по поводу установления 8-часового рабочего дня для всех рабочих, включительно до поторжного цеха, и если это ходатайство удовлетво-

рено не будет, они считают все переговоры прекращенными. На это Горным Начальником дан был отрицательный ответ, с добавлением, что об этом он доведет до сведения высшего начальства. Горный Начальник в этот же день выпустил объявление (приложение № 2). Не достигнув соглашения, толпа в 4 часа дня собралась на Вышке у каланчи, где продолжала обсуждать свои вопросы. В толпе выделялся вышеназванный крестьянин Брысин, бегавший около собравшейся толпы и старавшийся узнать, нет ли в толпе кого-либо из чинов полиции, переодетых в штатское платье. Толпа разошлась в 7 часов вечера, благодаря проливному дождю.

28 мая 2 группы рабочих, числом около 100 человек каждая, явившись в Управление пушечных заводов, заявили Горному Начальнику, что присвоившие себе название депутатов от всех рабочих никогда ими избираемы не были и, присутствуя из любопытства на сходках, они убедились, что на этих сходках занимаются обсуждением вовсе не рабочих вопросов, а политических; они, рабочие, заявляют Горному Начальнику, что желают работать на существующих условиях, лишь бы была гарантирована неприкосновенность их личности, при чем многие из них просили записать их в число изъявивших желание работать. В 3 часа дня явился в Управление заводов Мотовилихинский волостной старшина Лузенин и доложил, что более 40 человек рабочих, сельских обывателей Мотовилихинской волости, явившись к нему в волостное правление, заявили от населения волости, что они убедились, что агитаторы вводят рабочих в заблуждение и, не желая далее поддаваться их влиянию, просят исходатайствовать разрешение на собрание соединенного схода всей волости, чтобы всем вместе заявить желание работать на заводе, не поддаваться влиянию именующих себя депутатами и выработать для себя способ ограждения от означенных личностей. В виду этого, волостному старшине было передано, чтобы он о желании сельских обывателей Мотовилихинской волости донес участковому Земскому Начальнику, прося его указаний по этому вопросу. В 6 часов пополудни в Управление заводов прибыли работающие в снарядном цехе Николай Козьмин Медведев и Григорий Никитин Мелехин и заявили, что они находились в той партии, которой руководили депутаты, и убедились, что они преследуют не рабочий вопрос, а вопросы политического характера и, не желая более поддерживать стремление партии, заявляют, что означенная партия состоит всего лишь из 150 человек, из коих они знают только одного Пустина Мелехова, а других только в лицо, но постараются их узнать и указать. В числе произносивших речи политического характера были и приезжие, некоторые даже в студенческой форме, с плечевыми знаками А.

29 мая, в 4 часа утра, от железнодорожного переезда, который против Управления, по полотну железной дороги до Малой Проходящей (определенный пункт, через который рабочие проходят на завод и из завода), а также и по Большой улице, появились неболь-

шими группами подстрекатели, нападали на идущих по направлению к заводу и бросали камнями как в заводскую ограду, так и по направлению к обеим Проходящим. В виду этого, как к Малой, так и Большой Проходящим были поставлены воинские пикеты, а по Большой улице отправлен патруль, в количестве взвода. Затем было совершено нападение на конюшенных рабочих Николая Козьмина Медведева, Григория Никитина Мелехина и еще на двух, фамилии которых пока не установлены. Нападение было совершено с целью воспрепятствовать разносить воду для заводских надобностей и для служащих. С 9 час. утра на Вышке, у каланчи, и на базарной площади, у Волостного Правления, стал собираться народ, а также и на Большой улице, около железнодорожного вокзала и Управления пушечных заводов. В разных местах селения завода были расклеены объявления Горного Начальника, с изложением в них ответной телеграммы Главного Начальника по поводу забастовки (приложение № 3). Многие рабочие, пришедшие к Управлению узнать, когда начнутся работы, заявляли, что подстрекатели политической партии вынуждают их итти на сходку и при этом употребляют угрозы и насилия. Расследованием выяснено, что с 11 часов утра к Управлению явились уржумский мещанин Николай Иванов Колупаев и пермский мещанин Александр Лукин Борчанинов, подстрекавшие бывших около Управления рабочих Илью Сысоева Шумилова и Михаила Абрамова Безматерных итти с ними на сходку на Вышку, угрожая, в случае отказа, палкой и кулаком, при чем Колупаев тащил Безматерных за рукав одежды. Шумилов и Безматерных итти на сходку отказались, а Колупаев и Борчанинов были задержаны в порядке Положения государственной охраны и препровождены под стражу в Пермское Исправительное Арестантское Отделение, при чем у Борчанинова отобран заряженный револьвер.

После арестования Колупаева и Борчанинова толпа с Вышки и от Волостного Правления направилась к Управлению заводами, где настойчиво, с криком и шумом, требовала освобождения арестованных. Когда, спустя некоторое время, было объявлено полученное от меня распоряжение задержанных не освобождать, а заключить их под стражу, скопившаяся толпа начала сильно шуметь и волноваться. Тогда перед Управлением завода была выставлена рота запасного батальона, и в это же самое время к Управлению прибыла из Перми рота Ирбитского батальона. Посторонним зрителям было приказано удалиться, так как если волновавшаяся толпа не разойдется, то приступлено будет к подавлению беспорядка войсками. Все посторонние зрители немедленно удалились, а немного спустя начала расходиться и волновавшаяся толпа рабочих. В это время усмотрено было, что в толпе, предъявлявшей требование об освобождении задержанных, находились 3 неизвестных женщины, одна из коих — в белой соломенной шляпе, отделанной черным бархатом, брюнетка, со стриженными волосами и желтым ридикюлем в руках,

а две в черных жакетах и юбках и в белых косынках, при чем одна из них размахивала руками и зонтиком.

Около 3 часов дня рабочие Дементий Сергеев и Константин Горланов, явившись в Управление пушечных заводов, заявили, что громадное большинство рабочих желают приступить к заводским работам, но незначительное число агитаторов застращивают и угрожают причинить насилие тем, кто пожелал бы работать на заводе. В виду сего, они, рабочие, чтобы убедиться, действительно ли большинство их согласно работать, решили обстоятельство это проверить следующим путем: собраться на базарной площади, и те, которые согласны работать, должны стать под белый флаг или отойти в назначенное место, а не согласные с их мнением — находиться от них отдельно, но чтобы эти последние не могли причинять им насилия, они просили оказать им содействие, для чего на базарную прощадь к 4 часам дня была послана полурота резервного батальона, во главе с офицером, но заявители, в виду недостаточности времени для сбора всех, отложили это до 9 часов утра следующего дня.

К вечеру было разбросано по селению завода несколько гектографированных противоправительственных воззваний (приложение № 4).

30 мая, в 3 — 4 часа утра, расклеено было объявление, призывающее жителей Мотовилихинского завода не принимать участия в уличных сборищах (приложение № 5). Во время расклейки найдено до 45 прокламаций (приложение № 6).

В тот же день с 5 часов утра к Управлению пушечными заводами и к Малой Проходящей стали стекаться рабочие, требующие возобновления работ. Свисток о выходе на работу дан не был, почему часть рабочих разошлась по домам, а часть осталась при Управлении заводами, в ожидании приезда Горного Начальника. К 9 часам утра около Управления была выставлена полурота разервного батальона и прибыл Горный Начальник. Собравшимся рабочим он предложил: кто желает работать, остаться при Управлении и разделиться по цехам, а не желающим отойти в сторону, на тракт. Рабочие, согласившись работать, разделились по цехам, были пересчитаны, и их оказалось 2.400 человек; после чего Горный Начальник объявил им, что работы на заводе будут возобновлены с первой смены, т.-е. с 6 часов утра 31 мая, о чем затем вывешены были объявления (приложение № 7). Около 11 часов утра рабочие стали расходиться.

Еще до прибытия Горного Начальника, когда была налицо вся толпа рабочих, двое агитаторов уговаривали толпу отправиться на сходку на Вышку, а не обсуждать свой рабочий вопрос под контролем Управления, но толпа заволновалась и потребовала, чтобы они удалились. Агитаторы, видя возбужденное против них настроение толпы, отступили к своей группе. Когда продолжались переговоры с рабочими относительно начатия работ, в отдельной группе, не приставшей к этим рабочим, находились и вышеупомянутые

женщины, которые лишь только заметили, что за ними наблюдают, удалились.

Чтобы изъявившим желание работать не было причинено во время прихода их на работы и возвращения с работ насилия, с вечера 30 числа в разных местах селения наряжены восемь воинских патрулей, в сопровождении чинов полиции, а при входах в завод и в самом заводе поставлено несколько пикетов.

31 мая с 4 часов утра рабочие с отдаленных концов селения начали направляться к заводу, а с 5 часов уже целыми массами, в 6 же часов в полном порядке во всех цехах приступили к работам. Затем, в течение всех последовавших за день смен рабочие спокойно, в надлежащем порядке, оканчивающие работу выходили, а начинающие входили и в продолжение всего этого дня патрулями не было замечено нигде нарушения порядка. Дознание производится.

И. д. Губернатора (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

———

Приложение № 1.

Требования рабочих завода Мотовилихи.

Мы хорошо понимаем, что, предъявляя нижеследующие требования, мы добиваемся лишь временных, частичных улучшений. Мы знаем, что коренного изменения в нашем положении мы добьемся лишь тогда, когда добьемся уничтожения частной собственности на средства производства, т.-е. когда мы доберемся до социалистического строя. Для того, чтобы добиться этого, нам нужна политическая свобода, т.-е. свобода печати, слова, совести, собраний, союзов, стачек. Такую свободу нам может обеспечить только Демократическая Республика. И мы с оружием в руках будем добиваться ее. Самодержавное правительство должно быть свергнуто: оно ведет не нужную никому войну, вредную рабочему классу; оно разоряет весь народ непосильными налогами; безрассудно расхищает народные деньги; оно держит в невежестве и бесправии весь народ. Для того, чтобы иметь возможность бороться за наши политические требования и за нашу конечную цель — социализм, нам нужны более сносные условия существования, каковых нам не дает завод.

Для достижения этой нашей цели мы требуем:

1) 8-часовой рабочий день для всех без исключения и для чернорабочих.

2) Полное запрещение сверхурочных работ.

3) Расширение фабрик настолько, чтобы уничтожить все ночные работы от 10 часов вечера до 6 часов утра.

4) 6-часовой рабочий день для подростков от 15 до 18 лет.

5) Обеспечение рабочих на случай болезни, старости и неспособности к труду, полной или неполной. Размер пособия определяется с согласия выборных от рабочих.

6) Учреждение смешанной комиссии из представителей от рабочих и администрации поровну, для установления заработной платы, браковки, внутреннего распорядка на фабриках, приема и увольнения рабочих.

7) Еженедельный срок расплаты в рабочее время и в помещении мастерских.

8) Устройство в самом заводе приемного покоя.

9) Подручные должны получать плату от завода, а не от рабочих, заработная плата подручных должна быть не менее 40 коп.

10) Поденная плата взрослых рабочих не должна быть менее 80 копеек, также и для чернорабочих.

11) Отмена обязательных сборов на Красный Крест, приют и пр.

12) Свобода собраний в помещении завода для обсуждения своих нужд.

13) Замена десятников выборными от артели.

14) Отмена обысков.

15) Вежливое обращение.

16) Удаление шпионов по требованию рабочих.

17) Удаление Управителя Назарова.

18) Освобождение всех арестованных после 14 мая.

19) Право пользоваться книгами из заводской библиотеки. Приобретение книг производится с согласия рабочих.

20) Неприкосновенность всех стачечников.

21) За время стачки должна быть выдана рабочая плата.

Пермский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Сопротивление предпринимателей.

Приложение № 2.

Объявление.

Депутаты от рабочих заявили, что рабочие не соглашаются приступить к работе до назначения всем без исключения 8-часового рабочего дня, почему работы не начнутся до получения распоряжения высшего начальства по этому предмету. В виду угроз, которым подвергались рабочие сталелитейной и генераторного цеха, печи мартеновские остановлены, что угрожает задержками работ впоследствии.

Никакой платы бастующим за дни забастовки выдано не будет.

27 мая 1905 г. Горный Начальник (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Приложение № 3.

Объявление Горного Начальника Пермских пушечных заводов.

Главный Начальник Уральских Горных Заводов на телеграмму мою, может ли быть удовлетворено требование рабочих Пермских пушечных заводов о 8-часовом рабочем дне, телеграфировал мне вчера, что согласиться на это не находит возможным и просит объявить:

«Сделанные уступки доказывают всегдашнюю готовность заводской администрации итти навстречу разумным и исполнимым желаниям рабочих. Остановка завода грозит весьма печальными последствиями. В Петербурге, когда я ходатайствовал об усиленных заказах уральским горным заводам, Военное и Морское Министерства меня предупреждали, если не будет гарантии в исправном и своевременном исполнении срочных заказов, то они будут вынуждены передать заказы за границу. Государственная необходимость заставит прибегнуть к этой нежелательной мере, завод же придется закрыть. Поэтому прошу всех рабочих, в интересах собственных и государственных, прекратить забастовку и начать работу безотлагательно».

Горный Начальник Строльман.

Мая 29 дня 1905 года.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Приложение № 4.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Бессмысленная, преступная война с Японией, погубившая сотни тысяч жизней и миллионы народных денег, всколыхнула все общественные силы страны, придавленной полицейским гнетом, и заставила сознательно оглянуться на окружающие явления. Перед глазами встали разоренные, голодные, невежественные крестьяне, бесправные рабочие, сотни тысяч бесправных, полунищих людей, а над всем этим, подавляющий всякую живую мысль, самодержавный произвол.

Всем стало ясно, что правительство, без общественного контроля над его действиями, есть враг народа. Из среды всяких общественных классов стали раздаваться протесты против самодержавия и требования изменения существующего строя. Наконец, на сцену выступил рабочий класс. Много десятков лет он выносил на своих плечах двойной гнет—капиталистов и правительства; из него выжимали

пот, его обирали, принижали капиталисты, а правительство на всякую попытку борьбы отвечало нагайками, тюрьмой и ссылкой. Но с численным ростом пролетариата росло и его сознание. Все чаще и чаще начинают вспыхивать организованные протесты и забастовки, испуганное правительство начинает заигрывать с рабочими, стараясь убаюкать их уступками, ничего по существу не изменяющими. Война ярко показала, что правительство есть хищник, берущий все, но ничего не дающий. Разоряя страну поборами и налогами, умышленно держа ее в невежестве, оно не сумело создать даже армии и флота, на которых строило свою силу и на которые тратило миллионы денег. Наши голодные, плохо одетые, плохо вооруженные, невежественные солдаты терпят одни только поражения; искалеченные и израненные, они не находят необходимого ухода, так как деньги, собранные на Красный Крест, титулованные воры безнаказанно кладут себе в карман. Нечего и думать, что правительство даст рабочим законы, помогающие им бороться с капиталистами, и необходимое образование. Комиссии Шидловского и Булыгина, не обеспечивающие даже личной безопасности выборных, показали, чего ждать от правительства. Рабочие поняли, что только правительство, выбранное самим народом и поставленное под его контроль, даст стране необходимые для ее развития законы. Через трупы убитых в январе в Петербурге товарищей, борцов за рабочее дело, волна рабочего движения разлилась по всей России. Везде раздаются крики: «Долой самодержавие». Товарищи, ваша стачка есть часть всеобщего рабочего движения; требуйте улучшения условий труда, но не забывайте, что впереди вам предстоит участие в последней всеобщей борьбе за дело народного освобождения.

Вооружайтесь, организуйтесь и объединяйтесь ради одной общей цели.

Долой самодержавие! Да здравствует народное самоуправление!

Пермский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Приложение № 5.

Запрещение собраний.

От Пермского Губернатора.

В предупреждение уличных беспорядков и нарушения общественного спокойствия, всякого рода сборища, сходки, шествия, толпой по улицам запрещены, участники таких сборищ должны быть рассеиваемы.

Приглашаю жителей Мотовилихинского завода не принимать участия в подобных сборищах и шествиях и при возникновении

таковых прошу даже не останавливаться смотреть на них из любопытства, дабы не увеличивать толпы и не усиливать тем беспорядка, а по первому же приглашению полиции расходиться, во избежание возможных при подобных обстоятельствах опасностей и случайностей, так может быть пущено в ход огнестрельное оружие.

И. д. Губернатора А. Наумов.

Ответ рабочих.

Приложение № 6.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Товарищи рабочие! Комитет предлагает собраться завтра, 30 мая, к 10 часам утра, на площади для того, чтобы обсудить, будем ли мы продолжать забастовку, и на каких условиях согласимся выступить на работу. Не верьте угрозам начальства о прекращении производства и не предпринимайте ничего до общего товарищеского решения.

Пермский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Заявление администрации.

Приложение № 7.

Объявление.

Вследствие заявленного мне собравшимися сегодня к Управлению заводами рабочими, в количестве до 2.400 человек, желания их приступить к работам, сим объявляю, что работы на Пермских пушечных заводах будут возобновлены завтра, 31 мая, с первой смены, т.-е. с 6 часов утра.

Горный Начальник Строльман.

Мая 30 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

---

3. Июльская забастовка и борьба за депутата.

Дальнейшая борьба рабочих за право собраний и неприкосновенность депутатов рабочих.

М. В. Д.
Пермский Губернатор
По канцелярии.

6 июля 1905 г.
№ 236.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение телеграммы от 5 июля о начавшейся в Мотовилихинском заводе забастовке имею честь донести следующее:

Утром 5 числа, после смены, очередные рабочие явились в завод обычным порядком и приступили к работам. Вскоре в снарядный цех и орудийную мастерскую ворвалась группа рабочих, зачинщиков забастовки, и с принуждениями стала требовать от бывших здесь рабочих прекращения работ, а так как те не соглашались, то зачинщики пустили в ход камни, шрапнель и разные металлические обломки и кинулись в драку с работавшими, продолжая требовать приостановки работ. Несколько рабочих было избито и ранено. Вслед за этим забастовщиками дан был заводский свисток на прекращение работ. По этому сигналу работы были прекращены во всех цехах и отделах и под влиянием уговоров и угроз зачинщиков забастовка охватила весь завод, — не только цеховые, но даже и работавшие в заводе возчики прекратили свои работы. Забастовщиками допущены были работы только в мартеновских печах, чтобы дать возможность покончить начатую выплавку металла.

Рабочие собрались на сходку на площади, около Волостного Правления и на так-называемой Вышке. Днем предъявили ряд требований к заводской администрации, большею частью неисполнимых, в роде смены мастеров по требованию рабочих, приема и увольнения рабочих с согласия корпорации рабочих и т. п. и между прочим, потребовали освобождения арестованного накануне забастовки рабочего Юрша.

Горный Начальник Строльман при объяснении с рабочими заявил, что кроме того, что было уже сделано рабочим в предыдущую забастовку, ничего не будет им дано, и что требование относительно Юрша к заводской администрации не относится, так как рабочий этот арестован за политические преступления.

Помянутый рабочий Юрш, из поляков, появился в Мотовилихинском заводе в марте месяце сего года, до этого жил в разных местах — в Петербурге, Одессе и, между прочим, на фабрике Клейнмихеля. В предыдущую забастовку в Мотовилихинском заводе Юрш был избран рабочими депутатом для переговоров с заводской администрацией и, в качестве такового, Горным Начальником оставлен и на будущее время. В то время Юрш отчасти уже был замечен как

агитатор-революционер, но успел ускользнуть от ареста. 4 июля он был арестован по следующему поводу: в этот день управителем чугунно-медно-литейной, котельной и столярной фабрик, горным инженером Назаровым двое рабочих были переведены из одного отделения завода в другое, чего тем не хотелось. Тогда к Назарову явился Юрш в качестве депутата и дерзко потребовал от него отмены распоряжения, так ка ему, Юршу, лучше известно, где какой рабочий более пригоден на месте. Назаров, в виду дерзости Юрша, доходившей до наглости, приказал рабочим отвести его к Становому Приставу. На-днях, перед забастовкой, у Юрша был произведен обыск, и найдены две брошюры революционного содержания и руководство, как составлять прокламации. В виду этого, а также приняв в соображение, что по имевшейся фотографической карточке Юрша несколько лиц признавали сходство Юрша с лицом, произносившим в толпе в предыдущую забастовку революционные речи, Пристав передал Юрша чинам Жандармского Управления, коими он и был задержан.

Забастовка, начавшаяся вчера, продолжается и сегодня без перемен. Нарушений порядка и каких-либо насилий со стороны забастовавших более не замечается.

И. д. Губернатора А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим Мотовилихинского завода.

Товарищи. Вчерашний случай с арестом депутата из снарядного цеха ясно показал нам необходимость политической свободы для пролетариата в его борьбе за улучшение своего экономического положения. Прошлой забастовкой нам удалось, между прочим, добиться возможности выбирать из своей среды товарищей депутатов, которые должны отстаивать перед заводской администрацией наши интересы. Теперь посмотрим, что значит отстаивать рабочие интересы при существующем у нас в России произволе самодержавия. Товарищ депутат из снарядного цеха вчера был арестован именно за то, что добросовестно исполнял возложенные на него его избирателями депутатские обязанности. Запомните товарищи: он арестован за то лишь, что требовал увеличения заработной платы для троих рабочих снарядного цеха. Рабочие всей России убедились теперь, что им необходимо добиться прежде всего политических прав, без которых невозможна борьба за улучшение экономического положения. И они добиваются их таким образом: бастуют, выставляя первым требованием неприкосновенность личности всех гра-

ждан. Будь у нас в России закон о неприкосновенности личности,— наших товарищей, отстаивающих интересы рабочих, не сажали бы в тюрьмы. Рабочие всей России требуют также свободы слова, печати, свободы союзов и собраний, а главное, чего они добиваются, — это свержения самодержавия и замены его иным политическим строем— Демократической Республикой. Самодержавное правительство упорно не хочет дать народу политические права и созвать Учредительное Собрание для установления Демократической Республики. Но рабочие и крестьяне добьются этого... Вооруженным восстанием, к которому русский пролетариат и готовится в настоящее время, устраивая политические стачки и уличные демонстрации. Товарищи, и мы, начавши настоящую политическую забастовку, становимся, таким образом, в ряды российских товарищей рабочих, борющихся за свое политическое освобождение, и мы не кончим нашей забастовки до тех пор, пока не будет удовлетворено наше первое требование — освобождение арестованного товарища депутата, а также и всех наших товарищей, сидящих в местных тюрьмах, доведенных невыносимым тюремным режимом до отчаянного средства — голодовки. Кроме того, мы будем требовать удовлетворения и экономических требований, которые не были удовлетворены в прошлую забастовку. Мы покажем нашим палачам и эксплоататорам, что рабочий класс — сила, когда он выступит дружно бороться зараз от Днепра и до Белого моря, от Поволжья по дальний Кавказ...

Да здравствует борющийся за свое освобождение российский пролетариат! Долой не дающее нам бороться самодержавие! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует Российская Социал-Демократия!

Пермский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

5 июля.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

9 июля 1905 г.
№ 246.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение представления за № 236 о забастовке рабочих в казенном Мотовилихинском заводе представляю Вашему Превосходительству следующие подробности о ходе этого дела.

5 июля, в 10 часов утра, в Мотовилиху прибыла откомандированная туда из Перми сотня казаков, из коих тотчас же был сделан наряд в пикеты в разные места завода и в патрули — в селение. По улицам вместе с этим были расклеены объявления мои, пригла-

шающие население не собираться толпами и расходиться по требованию полиции. В это время в руках рабочих были уже замечены экземпляры революционного содержания прокламации под заглавием «Итоги последних событий», напечатанной гектографическим способом и распространенной в толпе рабочих неизвестными лицами. Копия такой прокламации при сем прилагается (прилож. № 1).

Около 11 часов утра к Горному Начальнику явились выборные от рабочих и предъявили требования, изложенные в 12 пунктах. Горный Начальник имел с ними разговор, чрезвычайно продолжительный, длившийся до 4-х часов пополудни, и дал свои ответы на предъявленные требования. При сем прилагается перечень требований рабочих с ответами Горного Начальника (приложение № 2).

По поводу требования об освобождении из-под ареста рабочего Юрша выборные от рабочих высказывали убеждение, что Юрш арестован по инициативе заводоуправления. Чтобы разубедить их в этом, Уездный Исправник, по просьбе Горного Начальника, объявил рабочим, что Юрш арестован на основании результатов произведенного у него обыска.

6 июля, в 10 часов утра, прекращены работы и в мартеновском цехе, печи коего оставлены на газу.

В 12 часов к Горному Начальнику снова пришли выборные с дополнительными требованиями и при этом особенно настаивали на удалении управителя, горного инженера Назарова, заявляя, что они не могут поручиться за дальнейшее его благополучие. На новые требования Горный Начальник дал также ответы, каковые при сем прилагаются (приложение № 3).

По окончании переговоров выборные отправились на Вышку и объявили рабочим о результате своих переговоров с Горным Начальником. Вслед за этим неизвестные лица просили рабочих не расходиться, разбрасывали прокламацию «К рабочим Мотовилихинского завода» (копия прилагается, приложение № 4) и пытались говорить революционные речи о ниспровержении самодержавия. Рабочие с криками: «не надо, не надо» рвали прокламации и разошлись. В толпе были замечены две женщины, одетые в крестьянское платье, с корзинами в руках, из коих вынимали и разбрасывали листки и прокламации.

Вечером был задержан крестьянин Мингалев, умышленно срывавший расклеенные по селению объявления мои о приглашении жителей не собираться толпами.

7 числа рабочие с утра начали собираться медленно на Вышку. Когда толпа достигла 250 — 300 человек, около 12 часов дня туда же отправился местный протоиерей о. Никитин и, объявив рабочим, что пришел вместе с ними помолиться Богу (на Вашке есть часовня), обратился к ним со словом увещевания — не поддаваться влиянию агитаторов и предавать их в руки правосудия.

Случаев насилия и нарушения порядка не замечалось, в этот день не было более замечено даже сборища рабочих. Забастовщики

вели себя спокойно. Только около 4-х часов пополудни выборные, явившись к Горному Начальнику, заявили ему, что рабочие не верят объявленному им объяснению причин арестования Юрша, и просили, чтобы обстоятельство это было засвидетельствовано жандармским начальством.

И. д. Губернатора Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Приложение № 1.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Итоги последних событий.

Кровавая расправа царского правительства 9 января с мирными рабочими положила начало борьбы российского пролетариата с самодержавием. Все большие и большие рабочие массы захватывает сознание, что без политической свободы нельзя добиться улучшения своего положения. Преступная война с Японией окончательно открыла народу глаза на сущность самодержавия, показала ему, кто его враг. Кровь стынет в жилах, как бросишь взгляд на год войны: убитых при Ляоне, Шахэ, в Порт-Артуре, Мукдене и других местностях, даже по сообщениям правительства, которое скрывает свои потери, до пятисот тысяч человек. А сколько в плену, сколько больных и раненых. Часть искалеченных солдат вернулась уже на родину, чтобы лечь тяжелым бременем на свои голодные семьи. Рассказы их о муках, которые терпит солдат в строю от голода и холода, раненый от недостатка ухода и лекарств, когда кругом царские холопы — чиновники и титулованные князья — тащат все, что плохо лежит, убивают веру в царя даже в темных крестьянских массах. Разбитый и потопленный флот стоил сотни миллионов рублей, а всего истрачено на войну, по самому умеренному расчету, до 2 миллиардов рублей. Эти деньги собраны с полунищего народа, которому отказано было в первоначальном образовании. Легкомысленно начав войну, чтобы отвлечь пробудившееся народное внимание от окружающего его безобразия, Царь не останавливается ни перед чем и продолжает собирать на убой новые войска. Но конец его хозяйничанью близок. Широкая волна негодования народа охватила всю Россию. Целый ряд забастовок во всех промышленных центрах сопровождается на-ряду с требованием экономических улучшений, зловещими криками «долой самодержавие». Во многих местах на Юге и Западе, высланные услужливо на помощь капиталу для усмирения «взбунтовавшихся рабов» войска и полиция наталкиваются на вооруженное сопротивление рабочих; а крестьянское волнение, охватившее Россию, отзывается на кровавые расправы

заревом пожаров и разорением помещичьих усадеб — этих остатков крепостного строя. Учащаяся молодежь (студенты высших и средних учебных заведений) прекратили занятия, не желая заниматься при воздействии штыка и нагайки, и несут свои силы в ряды борющегося народа. Царь, не желая слышать народный голос и расстаться с бесконтрольной властью, учиняет кровавые избиения народа с помощью войска и казаков. Как держит себя полицейская свора и «черные сотни», — не стоит и говорить. Но день расчета недалек. Даже забитые солдаты, этот оплот самодержавия, поколебались: то-и-дело слышно об отказе части солдат стрелять в толпу; несмотря на ответственность, не у всякого, ведь, поднимается рука стрелять в своих братьев. А во флоте и совсем неладно. Матросы уже не в состоянии выдерживать побои грубых офицеров, голодать и спокойно ждать, когда их отправят для потопления. 20 июня телеграф принес известие, что матросы самого большого броненосца черноморского флота «Князь Потемкин» взбунтовались, выбили всех офицеров и, приняв командование выбранных товарищей, направились в Одесский порт. Там они были встречены сотнями тысяч рабочих, прекративших работу. Произошло страшное кровопролитие при столкновении рабочих с солдатами, вызванными для усмирения. Тысячи товарищей рабочих пали от пуль в борьбе за свободу. В продолжение нескольких дней вся Одесса была охвачена восстанием. «Князь Потемкин» благополучно выбрался из порта. На пути встретился с броненосцем «Георгий Победоносец», который также поднял знамя восстания, связав и высадив всех офицеров. Правда, часть команды изменила через день делу свободы и выдала товарищей на расстрел кровожадному правительству. Не надо этому удивляться: темным, забитым, запуганным матросам непривычна роль свободных людей. Товарищи, это первые раскаты революционного грома. Готовьтесь к борьбе, чтобы не быть застигнутыми врасплох и оказать поддержку всеобщему движению. Организуйтесь и ждите призыва, так как первыми выступят товарищи рабочие больших промышленных центров, как более многочисленные, лучше организованные. Помните, что успех борьбы зависит от дружных совместных действий. Как только раздастся призыв товарищей, поднимем и мы знамя борьбы за политическую свободу, которая одна даст нам возможность бороться за социалистический строй. Долой самодержавие! Да здравствует народное самоуправление!

Пермский Комитет Российской
Соц.-Дем. Рабочей Партии.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Приложение № 2.

Требования, предъявленные 5 июля 1905 года рабочими Мотовилихинского завода Горному Начальнику Пермских пушечных заводов и ответы Горного Начальника.

1. Освобождение Юрша и рабочих, арестованных по предыдущей забастовке.	Освобождение арестованных не в моей власти.
2. Удаление Г. Назарова, мастеров орудийных фабрик: К. К. Крапивина, П. В. Крапивина, И. В. Крапивина, снарядного цеха: С. Ф. Рогозина и Тараньжина, рабочего котельной Паршукова.	На удаление не согласен.
3. Разрешение собрать рабочим деньги на учреждение библиотеки. Казна вносит $^1/_3$ суммы, собранной рабочими. Налагаемые на рабочих штрафы поступают в этот же капитал.	Разрешить не в праве.
4. Учреждение смешанных комиссий из представителей от рабочих и администрации поровну для решения вопросов браковки изделий, распорядка в фабриках, увольнения рабочих, расценки изделий. Представители рабочих пользуются правом решающего голоса.	Согласен, но с правом входа только в рассмотрение вопросов браковки и внутреннего распорядка.
5. Выбор представителей от заводской администрации не зависит.	Не согласен.
6. 8-часовой рабочий день для всех без исключения.	Не согласен.
7. Выдача пособий и пенсий утратившим работоспособность вполне или не вполне. Размер пособий или пенсий определяется рабочими.	Удовлетворяется положением о кассах горнозаводских товариществ и правилами 1901 года о пенсиях.

8. Минимальный размер платы поденной: чернорабочим — 80 коп., женщинам — 60 коп., техническим рабочим — 1 рубль.	Не согласен.
9. Устройство приемного покоя в заводе с постоянным дежурным врачом или фельдшером, специально по глазным болезням.	Приемный покой устраивается.
10. Вежливое обращение.	Должно соблюдаться.
11. Замена неучей-мастеров лицами с технической подготовкой.	Следует приводить в исполнение по мере возможности.
12. Немедленное открытие ремесленного училища (на основании постановления V Съезда Горнопромышленников и циркуляра Министерства Финансов).	Могу только представить на распоряжение высшего Начальства.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Приложение № 3.

Дополнительные требования, предъявленные 6 июля 1905 года рабочими Мотовилихинского завода Горному Начальнику Пермских пушечных заводов и ответы Горного Начальника.

1. По уполномочию рабочих депутаты рабочих баллотировкой постановили удалить М. Д. Назарова и В. В. Крапивина.	Постановление это приведено в исполнение быть не может.
2. Разрешение общих собраний выборных (депутатов) всех цехов.	Не согласен.
3. На все задельные работы должны назначаться цены вперед.	Считаю необходимым этого достигнуть.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Рабочие требуют освобождения арестованного депутата.

М. В. Д.
Пермский губернатор.
По канцелярии.

10 июля 1905 г.
№ 248.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение представления за № 246 о ходе забастовки в Мотовилихинском заводе доношу Вашему Превосходительству:

8 июля, в 1 час дня, в Управление завода явились выборные от рабочих и здесь получили от Горного Начальника, в удовлетворение заявленного ими накануне желания знать истинные причины ареста рабочего Юрша, удостоверение Начальника Пермского Губернского Жандармского Управления о том, что Юрш арестован не по требованию заводоуправления, а за политическое преступление, на основании добытых при обыске в его квартире данных. При этом уполномоченные заявили, что работы на заводе не будут начаты до тех пор, пока не будут выполнены все безусловно требования рабочих. На это, в свою очередь, выборным было сказано, что после объявления ими рабочим удостоверения Начальника Жандармского Управления в дальнейшем сходки их допускаться не будут.

Вечером на Вышке стали собираться рабочие, и к 7 часам составилась толпа до 1500 человек. Спустя некоторое время, достаточное для объявления выборными рабочим упомянутого удостоверения, уездный исправник сделал распоряжение, чтобы рабочие разошлись и более толпами не собирались. С появлением патруля казаков в 50 человек толпа к 8 часам вся разошлась.

Во время этой сходки рабочим неизвестными лицами раздавались деньги по 15, 20 и 50 коп. на семью, а когда толпа начала расходиться, разбрасывались прокламации. (Копия прокламации прилагается). В тот же день к Горному Инженеру (Помощнику Управителя Назарова) приходил рабочий Глазурин и нахально требовал денег. Явившись вечером вторично в квартиру Иванова, в его отсутствие, угрожал револьвером, говоря, что если ему не дадут денег, то «он пустит Иванову пулю в лоб».

9 июля, около 2-х часов дня, к Горному Начальнику снова явились выборные и предъявили ряд новых требований: 1) проработавшим не менее года ежегодно давать 2-недельный отпуск с сохранением платы; 2) временно утратившие трудоспособность рабочие должны получать пособие: семейные — в размере двух третей поденной платы, холостые — половину; 3) рабочим, не имеющим домов, выдавать квартирную плату — семейным по четыре рубля в месяц; 4) женщины за две недели до родов освобождаются от работы с сохранением платы; 5) рабочим, жены которых не могут заниматься хозяйством, выдавать на наем прислуги по четыре рубля в месяц, и 6) выдавать пособие семье рабочего: в случае смерти его самого

или жены — по 30 рублей, ребенка — 8 рублей, в случае рождения ребенка — 10 рублей. На все эти требования Горный Начальник дал ответ, что удовлетворение их не в его власти, так как противоречит установленным на казенных горных заводах правилам и законам о найме.

И. д. Губернатора А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К мотивилихинским рабочим.

Товарищи. На выставленные вами требования начальство заявляет, что эти требования — выдуманные небольшой кучкой рабочих-зачинщиков забастовки, мешающих другим работать. Так ли это? Правда ли, что рабочим не нужно сокращения рабочего дня, не нужно увеличения заработной платы, не нужно, чтобы в рабочем прежде всего признавали человека, чтобы рабочий имел возможность открыто и свободно отстаивать свои интересы? Правда ли, что вас не гнетет порядок, поставивший рабочего в крепостную зависимость от заводской администрации, начиная от мастера до управителя? Правда ли, что не тяготят цепи полицейского правительства, опутавшего вас кругом, насильно удерживающего рабочего в невежестве, чтобы он не слыхал о лучшей жизни, не тянулся к свету, не желал большего? И не стыдно, товарищи, заводскому начальству так нагло заявлять нашим депутатам, что рабочие всем довольны. Чем может быть доволен рабочий? Он беден, забит, невежественен. Каждую минуту ему дают чувствовать, что он — раб и не должен сметь выражать свое мнение. Подлый поступок Назарова с депутатом, только исполняющим свои обязанности и отстаивающим интересы выбравших его товарищей, ярко показал нам, что, пока вами распоряжаются ставленники полицейского правительства, желающего подавить у рабочего всякую мысль о свободе, нечего и думать об улучшении условий труда. Позволяя выбирать депутатов, начальство играло комедию: пусть-де выбирают, а мы посмотрим и тех, кто станет горячо бороться, заберем в тюрьму или выбросим на улицу.

Не позволяйте же, товарищи, такого издевательства над собой, не принимайтесь за работу, пока не освободят арестованного товарища и не удовлетворят все наши требования; главное же, поймите, что, пока над нами царствует самодержавное правительство, Отрольманы и Назаровы будут творить их волю. На каждое ваше требование они ответят тюрьмой, казацкой плетью и обманом. Только правительство из свободно выбранных народом создает законы, прочно обеспечивающие рабочему возможность борьбы с капиталом. Долой самодержавие! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Пермский комитет РСДРП.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Борьба продолжается.

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

18 июля 1905 г.
№ 258.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение представления за № 248 и телеграмм от 11 и 12 июля об обстоятельствах, сопровождавших дальнейший ход забастовки рабочих в Мотовилихинском заводе, доношу Вашему Превосходительству.

Несмотря на сделанное рабочим предупреждение, что сходки их, в видах поддержания в заводе порядка, ни в каком случае не будут допускаться, 10 июля, около 7 часов вечера, на обычном месте, на так-называемой Вышке, собралась громадная толпа, свыше 1000 человек, и в ней замечалось присутствие посторонних лиц — агитаторов, руководящих рабочими в целях революционных. На место сходки отправлена была полусотня казаков и наряд полицейских. По прибытии их на место, собравшимся было приказано немедленно разойтись, но толпа, подстрекаемая агитаторами, не только не расходилась, но встретила полицейский наряд и казаков враждебно, с криками и гиканьем, некоторые в толпе кричали: «не надо Царя, долой Самодержавие». Из толпы сделано несколько выстрелов и полетели камни, обломки железа и проч. Тогда казаки, получив приказание, рассеяли толпу. Значительная часть ее, отошедшая под гору, здесь засела за разными прикрытиями — за плотами, бревнами, камнями, и открыла по казакам пальбу из револьверов, сделав в общем не менее 100 выстрелов, что указывало на то, что многие из собравшихся на Вышку пришли туда вооруженные. При таком положении дела часть казаков, в числе девяти человек, спешилась и дала по засевшим в засаде два залпа, от которых пострадал, как потом оказалось, только один рабочий, получивший легкую рану в бедро на вылет. Тем временем другие казаки продолжали свое дело, всюду разгоняя народ и не давая ему собираться толпою. Другая часть из разогнанных с Вышки кинулась на базарную площадь, но здесь в скором времени была рассеяна прибывшей на место второй полусотней казаков. После того, когда народ был разогнан, в одном месте найден был труп рабочего с разбитым черепом. По судебно-медицинскому вскрытию смерть этого рабочего последовала не от пули и не от удара нагайкой или острым холодным оружием, а скорее всего от удара брошенного с громадной силой камня или другого какого-либо твердого и тупого предмета. Убитый оказался рабочим Мотовилихинского завода, мещанином города Перми Лукой Ивановым Борчаниновым, сын которого содержится в Пермской тюрьме арестованным по обвинению в политическом преступлении.

Из числа бывших на Вышке арестовано 8 человек, у некоторых из них найдены прокламации и револьверы. На месте сходки также найдены прокламации, револьверы, множество камней, тростей и палок.

В тот день, получив извещение о возникших беспорядках, я сделал распоряжение о спешном командировании на место происшествия, в помощь сотне казаков, одной роты из 232 Ирбитского резервного батальона и сам лично выезжал в Мотовилиху.

На следующий день туда прибыли судебные власти в лице Товарища Прокурора Пермского Окружного Суда и Судебного Следователя по важнейшим делам и начато производство дознания.

11 июля с утра в Мотовилихе собирались небольшими отдельными группами рабочие, но расходились. Днем во время прохода по железной дороге, против Управления Пермских пушечных заводов, паровой дрезины один из стоявших тут рабочих, рабочий Шабалин, кинулся на рельсы под дрезину и был раздавлен на-смерть. Это обстоятельство к месту происшествия собрало значительную толпу народа, которая, однако, в скором времени по приглашению полиции разошлась.

Этот день в Мотовилихе в остальном прошел спокойно, только вечером в 1½ верстах от селения собиралась толпа до 200 человек, которая, однако, скоро разошлась.

Вечером того же дня, в 11 часу ночи, в Перми в общественном саду во время обычного гулянья замечена была отдельно державшаяся группа в 40 — 50 человек, большею частью из учащейся молодежи высших и средних учебных заведений, которая обратила на себя внимание как публики, так и полиции. В толпе этой был разговор о необходимости принять участие в похоронах убитого в Мотовилихе рабочего и возложить на гроб его венок. Многие из этой толпы, расхаживая по аллеям сада, разбрасывали прокламации с призывами к революции и низвержению Самодержавия. Бывшим в саду полицейским нарядом эта группа разбрасывавших прокламации лиц была рассеяна.

В тот же день вечером я снова ездил в Мотовилихинский завод, вызывал к себе вдову убитого и советовал ей поспешить с похоронами, на что она и изъявила согласие, обещав похоронить мужа утром 12 числа

В ночь на 12 число сыну убитого Борчанинова, заключенному в Пермской тюрьме, разрешено было отдать последний христианский долг отцу — проститься, что было выполнено, в предупреждение беспорядков, под конвоем.

12 числа день прошел спокойно. Ни в Перми, ни в Мотовилихе никакого движения и сходбищ не замечалось. Похороны рабочего Борчанинова, однако, в этот день не состоялись. Старуха-вдова, под влиянием лиц, близких к кружку агитаторов, наотрез отказалась устроить похороны в этот день и отложила их до следую-

щего дня, ссылаясь на то, что не готов гроб и не приехали родственники.

По собранным сведениям, оказалось, что со стороны агитаторов и сочувствующих им лиц готовятся торжественные похороны, заказан дорогой гроб, цветы, венки, приготовлены красные и черные флаги и предполагается произвести громадную манифестацию в честь «жертвы правительственного насилия», кроме того, устроить манифестацию, одновременно с похоронами, в Перми у здания Губернской тюрьмы, где содержится под арестом сын убитого Борчанинова и несколько человек других политических преступников, а отсюда направить демонстративное шествие к центру города к квартире Губернатора. Получились сведения, что многие из рабочих Мотовилихинского завода вооружены револьверами, что в среде агитаторов-революционеров есть прибывшие из столицы члены боевой организации, имеющие в запасе взрывчатые бомбы, и что со стороны революционной шайки нужно ожидать крайних террористических проявлений во время похорон названного рабочего.

В виду тревожного положения, для достижения совместных и солидарных действий всех властей мною вечером 12 числа было созвано совещание из представителей прокурорского надзора, военного ведомства, жандармерии и полиции. На совещании решено усилить военную охрану как в Мотовилихе, так и в Перми, усилить военный караул в тюрьме, поставить во внутреннем дворе Губернаторского дома роту солдат Ирбитского батальона, от гроба умершего удалить всех посторонних, похороны назначить обязательно в 5 часов утра 13 числа, не допускать никаких сборищ и, чтобы по возможности обессилить и парализовать шайку заправил-революционеров, в ночь на 13-е произвести неожиданно обыски и аресты, вообще принять самые решительные меры к предупреждению беспорядков.

Намеченный план был приведен в исполнение с возможной точностью и дал благоприятные результаты.

Патрули казаков и нижних чинов резервного батальона всю ночь следили и нигде в селении не допускали сборищ. В ночь на 13-е в Перми и Мотовилихе произведено несколько арестов.

Похороны Борчанинова, по моему распоряжению, были начаты в 5 часов утра и, по совершении в церкви отпевания, закончены на кладбище в 7½ часов. Гроб умершего, довольно ценный, был усыпан цветами, с венком с надписью «от детей», и вообще вся похоронная обстановка не соответствовала ни средствам бедной семьи рабочего, ни принятым в простой среде рабочих обычаям. В похоронной процессии, при шествии ее в церковь, участвовало не более 50 человек и такое же приблизительно количество присоединилось, когда гроб несли из церкви на кладбище, так что толпа не превышала 100 человек, из коих большинство были женщины. Порядок ничем не был нарушен и поддерживался патрулями нижних чинов резервного батальона и разъезжавших по улицам казаков. Рабочие собирались группами на дворах и боковых улицах, но нигде во всем селении не

было допущено сборищ и каких-либо попыток устроить демонстрацию, все заблаговременно устранялось появлением казаков. Во время шествия процессии на кладбище племянницей умершего Марией Мирославской была положена на гроб черная лента с надписью: «жертве Царского произвола». Лента эта тотчас же была снята с гроба Местным Полицейским Надзирателем, но присутствовавшая тут поименованная выше Мирославская старалась силой выхватить ее из рук Надзирателя и в борьбе ударила его по голове ридикюлем, о каковом обстоятельстве составлен протокол и передан Начальнику Жандармского Управления. (Копия протокола при сем прилагается). Кроме этого инцидента, никаких нарушений порядка не было, и похороны прошли спокойно. В 8 часов утра с приходящим в это время из Перми поездом приезжала в Мотовилиху депутация для возложения венка на гроб Борчанинова, но она запоздала и ничем себя не проявила.

Весь день 13 числа прошел в Мотовилихе и Перми спокойно, ни сборищ, ни манифестаций не было.

В ночь на 14-е в одной из отдаленных улиц Мотовилихинского завода, против дома местного жителя Брюханова, произошел взрыв брошенного на улицу неизвестно кем взрывчатого, начиненного порохом и пулями снаряда. От взрыва снаряда на полотне дороги образовалась выемка аршин двух в диаметре и около четверти глубины и были выбиты стекла и часть рам в соседних домах. На месте найдена разорванная оболочка снаряда, оказавшегося фитильным, и до 25 пуль, из коих некоторые впились, на довольно значительную глубину в стену и ворота дома Брюханова. Несчастий с людьми не произошло. Какая цель этого взрыва или же произошел он случайно, — не выяснено, хотя, по некоторым указаниям, это было сделано с целью мести одному рабочему, подозреваемому агитаторами в шпионстве. Есть показания, что после взрыва видели удалявшихся по улице двух молодых мужчин. По этому случаю производится дознание.

14 и 15 числа июля прошли спокойно, порядок ничем не нарушался.

С 15 числа в среде рабочих открылось движение бросить забастовку, и многие из них в большом числе в этот день уже записались на работы.

И. д. Губернатора, Вице-Губернатор Стрижевский.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Копия.

Протокол.

1905 года июля 13 дня, Мотовилихинский завод. Пермский Уездный Исправник Подполковник Артиллерии Соколовский составил настоящий протокол в следующем: сего числа, в 8-м часу утра,

по улицам селения Мотовилихинского завода сопровождалось на кладбище для погребения тело пермского мещанина Луки Иванова Борчанинова, найденного убитым 10 июля на Вышке, в Мотовилихе, в то время, когда чины полиции и отряд уральских казаков разгоняли самовольно собравшуюся толпу людей. Во время шествия по улице за Ивой, недалеко от моста, на гробе Борчанинова замечена была лента с надписью белыми буквами: «жертве Царского произвола». По моему приказанию, означенная лента с гроба была снята Полицейским Надзирателем Мотовилихинского завода Кочевым. Когда Кочев свернутую уже ленту держал в своих руках, к нему подошла племянница покойного Борчанинова Мария Данилова Мирославская, проживающая в городе Перми, схватила ленту и старалась насильно ее вырвать от Надзирателя, с криком «отдайте», но Надзиратель ленты не отдал, за что она, Мирославская, ударила его ридикюлем по голове. Свидетели были: Штабс-Капитан Ирбитского резервного батальона Эскин, пристав 4 стана Пермского уезда Кесевич и Священник Мотовилихинской церкви о. Павел Конюхов, при чем последний слышал, как одна из женщин в доме покойного спрашивала Мирославскую: «обе ленты положить?» и дорогой, по выносе уже тела из церкви, на требование Штабс-Капитана Эскина о снятии ленты с гроба Мирославская ответила: «лента моя, я ее положила». Постановил: о вышеизложенном записать в настоящий протокол, который вместе с лентой передать по принадлежности.

Уездный Исправник Артиллерии Подполковник Соколовский.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Начальник Пермского Губернского Жандармского Управления.

23 июля 1905 г.
№ 2876.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение к донесению моему, от 13 сего числа за № 2710, имею честь донести Вашему Превосходительству, что с 21 сего июля работы в Мотовилихинском заводе возобновились и производятся по настоящее время в нормальном порядке [за исключением], главным образом молодежи, где ведутся разговоры о том, что так как последние требования не удовлетворены, то возможно, что забастовка возобновится.

Один из главных агитаторов, стремившийся придать забастовке политический характер и собиравший деньги для забастовщиков, был задержан 15 сего июля в гор. Сарапуле на пристани пароходства Любимовых, по указанию ехавших с ним на одном пароходе рабочих Мотовилихинского заводы. При задержании агитатор предъявил паспорт на имя уфимского мещанина Степана Власова

Николаева, а при доставлении его 20 сего июля в Пермскую Губернскую тюрьму назвал себя лукояновским мещанином Степаном Власовым Быковым.

По делу о майской и июльской забастовках в Мотовилихинском заводе производится при вверенном мне управлении дознание, к которому по настоящее время привлечено в качестве обвиняемых 19 лиц.

Полковник (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45, 1905 г.]

Демонстрация протеста.

Конфиденциально

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

Министр финансов, свидетельствуя совершенное свое почтение Его Превосходительству Дмитрию Федоровичу имеет честь препроводить при сем, для сведения, копию донесения Горного Начальника Пермских пушечных заводов от 14 сего июля за № 6299 о забастовке рабочих на сих заводах.

28 июля 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45.]

Горный Начальник
Пермских пушечных заводов.

Июля 14 1905 года.
№ 6299.

Копия.

Главному Начальнику Уральских горных заводов.

Случай с Борчаниновым, найденным с разбитым черепом, дал повод к устройству 11 июля вечером в городском саду в Перми демонстрации. Сгруппировалась толпа, из которой посыпались прокламации неизвестного мне содержания; затем требовалось от оркестра, чтобы он играл марсельезу. Губернские власти ожидали демонстрации и при похоронах Борчанинова, которые откладывались его семьею. На похоронах, состоявшихся только вчера, 13 июля, удалось предотвратить демонстрации частью тем, что похороны, по настояниям полиции, были произведены в более ранний час, чем намечалось семьею, и присутствием на них сотни казаков и роты солдат. В прилегающих к пути следования процессии боковых улицах казаками были обнаруживаемы собиравшиеся кучки людей, которые покорно удалились. С местным поездом в 8 часов утра приехало весьма много лиц с целью, по мнению полиции, принять участие в похоронах, но они уже опоздали. Единственной демонстрацией было возложение кем-то на гроб во время следования к кладбищу черной ленты с противоправительственной надписью. На могилу положено много венков.

Политическая агитация в Мотовилихе очень развилась. Из города являются и женского, и мужеского пола лица, практикуются приемы переодевания до надевания париков включительно; был, будто бы, на сходке мужчина, переодетый женщиной, усиленно распространены слухи о денежной помощи наиболее неимущим [1]); достоверные свидетели рассказывали, что на одной из сходок раздавались рабочим деньги. К местным торговцам являлись вожаки забастовки, с целью собирания денег или за помощью припасами нуждающимся. При таком положении дела и при уверениях на сходках, что продолжительностью забастовки рабочие всего добьются, в скором восстановлении работ не может быть уверенности. Ко мне попрежнему с заявлениями о желании возобновить работы никто не является. Я делаю попытку к восстановлению работ, а именно, вывешиваю объявление, экземпляр коего при сем прилагаю. Полагаю, что работы возобновятся, но почти уверен, что не надолго. Если бы эта уверенность подтвердилась, то не останется ничего другого, как прямо закрыть завод. Весьма было бы важно, в случае возобновления работ, иметь распоряжение высшего начальства о предупреждении рабочих, что в случае новой забастовки завод будет закрыт; может-быть, это побудит надеющихся на плодотворность забастовок отстать от движения, а настроенных благоприятно — побудит более энергично охранять себя от безработицы.

Подлинный за надлежащим подписанием.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 45.]

4. Сентябрьская забастовка.

Требования забастовавших рабочих.

М. В. Д.
Пермский губернатор.
По канцелярии.

2 сентября 1905 г.
№ 320.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

1 сего сентября, в первом часу дня, в Пермских пушечных заводах (в Мотовилихе) снова началась забастовка. Около 120 человек рабочих мартеновского цеха, бросив работу, вышли из завода на железнодорожный переезд против управления и, по обсуждении здесь различных касающихся их быта и отношений к заводоуправлению вопросов, отправили от себя депутацию к Горному Начальнику с предъявлением ряда требований. В 2 часа дня к этой толпе подошла очередная смена того же цеха, и все они отправились в завод. Здесь, у дверей мартеновской фабрики, снова составлена была сходка

[1]) Помощь весьма вероятна, так как в Перми немало лиц, настроенных в известном направлении.

и выработаны еще дополнительные требования к заводоуправлению, после чего все участвовавшие вошли в фабрику, пробыли в ней, затворив за собою двери, некоторое время, и около 5 часов вечера разошлись по домам, не нарушая, впрочем, тишины и порядка.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству, с приложением перечня требований, предъявленных рабочими Горному Начальнику Пермских пушечных заводов, присовокупляя, что большинство из заявленных ныне требований уже предъявлялись в предъидущую июльскую забастовку, и из них некоторые горным начальником были решительно отклонены (так, например, требования под пункт. 3 и 4), другие же удовлетворены (требование под пункт. 9).

Губернатор Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 27567.]

Требования, предъявленные рабочими мартеновской фабрики Пермских пушечных заводов Горному Начальнику 1 сентября 1905 года.

1. Разрешить общие собрания.
2. Выдавать квартирные по 2 руб. холостым и по 4 руб. семейным.
3. 8-часовой день для всех рабочих.
4. Прибавка поденной платы всем без исключения.
5. Повышение расценок при участии депутатов.
6. За забастовку не преследовать.
7. Безотлагательное устройство теплого формовочного помещения.
8. Постоянное дежурство фельдшера в заводе.
9. В воскресные и праздничные дни полуторная плата.
10. За время болезни должны выдаваться больничные пособия и не состоящим в Горно-Заводском товариществе, а не одним членам Товарищества.
11. Повысить плату за навеску шихты до 13 руб. за 1000 пудов (вместо 10 руб., как теперь).
12. Повысить плату за формовку снарядов до 1 руб. 50 коп.
13. Убрать мастеров Габовых.
14. Десятника Чазова заменить выборным от рабочих.
15. Вместо подрядчика (фамилии его Горный Начальник не помнит) отдать работы артели рабочих.

Значение завода и борьба с забастовкой.

Секретно.

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

Казенный Пермский пушечный завод, в селении Мотовилихе, близ г. Перми, занимает вообще исключительное положение среди других металлургических предприятий и имеет особое значение для государства, так как назначение этого завода заключается в снабжении армии и флота предметами вооружения.

В настоящее время указанное важное значение Пермского завода еще более усиливается тем обстоятельством, что на него возложено исполнение весьма спешных и крупных нарядов на приготовление скорострельных пушек, требующихся для окончания перевооружения артиллерии дальнобойными орудиями, а также артиллерийских снарядов, необходимых для пополнения запасов арсеналов.

В виду таких условий и настояний артиллерийского ведомства на своевременной сдаче упомянутых нарядов, как вверенным мне министерством, так и местною заводскою администрациею приняты и продолжают приниматься всякого рода меры с целью обеспечения успешной деятельности Пермского завода.

Но, несмотря на это, как усматривается из полученных мною сообщений, все же нормальному течению заводских работ постоянно угрожает опасность, вследствие существования в г. Перми организованного социал-революционного кружка, систематически направляющего свою деятельность в Мотовилиху и крайне неблагоприятно влияющего на настроение рабочих Пермского завода, что может привести к возобновлению забастовки, бывшей уже ранее на этом заводе.

О вышеизложенном считаю долгом уведомить Ваше Превосходительство, в дополнение к сведениям, сообщенным в письме от 10 августа 1905 года за № 377/125, в уверенности, что на указанное обстоятельство Вами, Милостивый Государь, будет обращено особое внимание, при чем рабочие Пермского завода будут впредь по возможности ограждены от вредного влияния, направляемой в их среду революционной пропаганды, заводская же администрация, избавившись от настоящих своих в этом отношении тревог, в состоянии будет всецело направить свои усилия на выполнение порученных ей экстренных военных заказов.

Коковцев.

6 сентября 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т 2, вход. 28284.]

(Стр. 41.)

М. В. Д.
Департамента Полиции
По особому отделу.

Секретно.

Пермскому Губернатору.

21 сентября 1905 г.
№ 12273.

Из письма Министра Финансов на имя Свиты Его Величества Генерал-Майора Трепова от 6 сего сентября за № 1504 усматривается, что Казенный Пермский пушечный завод, в селении Мотовилихе, близ гор. Перми, занимает вообще исключительное положение среди других металлургических предприятий и имеет особое значение для государства, так как назначение этого завода заключается в снабжении армии и флота предметами вооружения.

В настоящее же время указанное важное значение Пермского завода еще более усиливается тем обстоятельством, что на него возложено исполнение весьма спешных и крупных нарядов на приготовление скорострельных пушек, требующихся для окончания перевооружения артиллерии дальнобойными орудиями, а также артиллерийских снарядов, необходимых для пополнения запасов арсеналов.

В виду таких условий и настояний артиллерийского ведомства на своевременной сдаче упомянутых снарядов, как Министерством Финансов, так и местною заводскою администрациею приняты и продолжают приниматься всякого рода меры с целью обеспечения успешной деятельности Пермского завода.

Но, несмотря на это, нормальному течению заводских работ постоянно угрожает опасность вследствие существования в городе Перми организованного социал-революционного кружка, систематически направляющего свою деятельность в Мотовилиху и крайне неблагоприятно влияющего на настроение рабочих Пермского завода, что может привести к возобновлению забастовки, бывшей уже ранее на этом заводе.

При этом Министр Финансов просит обратить на указанные в его письме обстоятельства особое внимание, оградить рабочих от влияния революционной пропаганды и дать возможность заводской администрации, избавившись от настоящих своих в этом отношении тревог, направить свои усилия на выполнение порученных ей экстренных военных заказов.

Заведывающий политической частью П. Рачковский.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 288526.]

Забастовка усиливается.

(Стр. 46).

Секретно.

М. В. Д.

Пермский Губернатор.
По канцелярии.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

22 сентября 1905 г.
№ 359.

19 числа сего месяца в Мотовилихинском заводе рабочими произведены беспорядки в орудийных и снарядных фабриках.

Утром этого числа, около 7 часов, рабочие орудийной № 2 фабрики насильственно удалили из этой фабрики мастера Крапивина и, провожая его из завода, заметали след его метлой.

Днем, во время обхода Горным Начальником, Действительным Статским Советником Стрельманом, орудийных фабрик, к нему толпой подошли все рабочие и шумно требовали от него принятия на работы сталелитейных формовщиков Поспелова и Морозова, которым от заводского начальства было объявлено, что, по неимению работ, они должны приискать себе занятия в других цехах или взять расчет. На убеждения Стрельмана разойтись спокойно по местам рабочие отвечали дерзостями, шумом и свистом, так что Стрельман вынужден был немедленно удалиться из толпы.

В два часа дня рабочие снарядных фабрик самовольно устроили сходку, задержав для этого и смену рабочих, покончивших к этому времени свои занятия. На сходку вызван ими был упомянутый выше Горный Начальник Стрельман, для выслушания предъявляемых рабочими требований, но когда Стрельман пришел и приступил к объяснениям с рабочими, то в это время рабочие начали демонстративно кричать, свистать и кто-то из толпы бросил Стрельману в затылок каким-то мягким предметом, Стрельману едва удалось вырваться из окружающей его толпы. После этого сходка рабочих продолжалась до 5 часов вечера.

На следующий день, 20 числа, рабочие стали держать себя разнузданнее.

Около 10 часов утра этого дня рабочие снарядных фабрик накинулись на находившегося в заводе своего Управителя, горного инженера Сеппайна, обули в лапти, измазали ему лицо грязью и в таком виде всей толпой пинками вытолками его из завода на улицу.

Такому же издевательству в тот день рисковал подвергнуться и Помощник Горного Начальника Шафалович, когда пришел в орудийную № 1 фабрику. Рабочие этой фабрики хотели его раздеть, нарядить в пестрядиновые рубаху и штаны и в этом виде также шумно, толпой, с издевательствами, вывести на улицу. Но Шафаловичу удалось незаметно выйти из фабрики по другому ходу, а не по тому, где ждали его рабочие.

В виду такого дерзкого и непозволительного поведения рабочих по отношению к представителям заводской администрации и все более развивавшегося среди рабочих брожения, которое стало передаваться и в другие цеха фабрики, Горный Начальник, около часа дня, по совещании с инженерами завода, признав невозможным продолжение работ в орудийных и снарядных фабриках, решил закрыть эти фабрики впредь до распоряжения высшего начальства, о чем им тотчас же была подана телеграмма Главному Начальнику Уральских горных заводов и вывешены объявления по заводу для сообщения рабочим.

Прочитав объявления, часть рабочих стала расходиться по домам, а другая часть собираться перед управлением завода, но, завидя приближавшийся к заводу из Перми отряд казаков, немедленно отсюда удалилась. Часть из этих рабочих направилась отсюда во вновь строящуюся № 5 фабрику; по дороге несколько человек из них зашли с пением революционных песен в товарную и слесарную и здесь потребовали от рабочих прекращения работ, что и было исполнено. Часть из прекративших работы примкнула к собравшимся в фабрике № 5, где в составе нескольких сот человек состоялась сходка, отправившая от себя депутатов к Горному Начальнику с запросом, когда в закрытых цехах начнутся работы. На это им было объявлено, что все будет зависеть от высшего начальства, после чего сходка разошлась.

В тот же день, 20 сентября, были еще следующие происшествия:

Около 4 часов пополудни, во время передвижения рабочих закрытых цехов, рабочий орудийной № 1 фабрики Александр Хребтов, находившийся в состоянии опьянения, с подростками, около 15 человек, стал камнями выбивать окна в старой молотовой фабрике. Хребтов полицией задержан при управлении завода и, по вытрезвлении и надлежащем внушении, освобожден.

В 8 часов вечера часть цеховых рабочих накинулась на поденных рабочих, занимавшихся на верхней дровяной площади вывозкой на вагонетках дров, и силой заставляла их прекратить работы, при чем для устрашения стреляли из револьверов. Во избежание возможных при дальнейшем столкновении несчастий дано было распоряжение прекратить работы по доставке дров.

Вечером же задержан на улице неизвестный пьяный человек, потом оказавшийся местным рабочим Михаилом Ивановым Павленком; у него при обыске найдены брошюра «Речь тов. Самуила Глуза», две печатные прокламации «Ко всем русским солдатам» и рукопись на листе писчей бумаги: «9 января» на мотив «Мы жертвою пали в борьбе роковой». Составленный о Павленке протокол препровожден Начальнику Губернского Жандармского Управления.

Получив 20 числа уведомление от Горного Начальника об открывшихся беспорядках, я тотчас же сделал распоряжение об отправке в Мотовилиху полусотни казаков и просил командира 232 Ирбитского резервного батальона держать постоянно наготове в течение первых

трех дней роту солдат для отправки ее в Мотовилиху по первому же требованию, если бы в том встретилась надобность.

20 же числа вечером Горным Начальником получена от Главного Начальника Уральских казенных горных заводов ответная телеграмма — закрыть Пермские пушечные заводы и выдать рабочим окончательный расчет.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству, присовокупляя, что о всем происшедшем в Мотовилихинском заводе мною сообщено Прокурору Пермского Окружноого Суда и Начальнику Пермского Губернского Жандармского Управления.

Губернатор А. Наумов.

(Стр. 63.)

Министерство Финансов.
Главный Начальник
Уральских горных заводов.

2 сентября 1905 г.
№ 11418.
Г. Екатеренбург.

Копия.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Финансов.

В дополнение к телеграмме, сообщенной мною 20 сего сентября для доклада Вашему Высокопревосходительству Г. Директору Горного Департамента, мною сего числа получено от Горного Начальника Пермских пушечных заводов донесение за № 8671 следующего содержания:

«Вчера 19 сентября в орудийных и снарядных фабриках были произведены следующие беспорядки или демонстрации:

Во время обхода мною утром орудийных фабрик, ко мне собрались толпою все рабочие этих фабрик, требуя принятия на работы двух формовщиков сталелитейного цеха (Поспелова и Морозова). Мои убеждения разойтись по местам не действовали, а когда я поворачивался уходить, раздавались свист и гиканье, как я и ушел под этот аккомпанемент [1]).

В снарядном цехе в два часа при перемене смен обе смены сделали сходку и просили меня притти на эту сходку; я просил прислать выборных, мне ответили, что выборных не пускают, тогда я пошал. В самом начале разговоров, когда я повернулся зачем-то спиной к собравшимся, мне в голову запустили чем-то мягким, но все же имеющим некоторый вес. Я после этого, конечно, ушел. Собрание продолжалось до 5 часов, а затем все приступили к работам, работают и сейчас.

Поводы к этим демонстрациям были следующие:

---

[1]) После ухода моего работы возобновились.

Работы по формовке становится мало, поэтому объявлено было рабочим по формовке в сталелитейной из позднее поступивших, чтобы приискивали работу в других цехах или брали расчет, некоторые рассчитались, двое же, Поспелов и Морозов, просились в чугунно-литейную, им ответа окончательно дано не было, и они обещали притти за ответом во вторник или среду (20 или 21). Если за этих двух так вступаются рабочие, то, вероятно, потому, что они были главными коноводами стачки в сталелитейной.

В снарядном цехе был уволен только-что рабочий Коровин, не сдавший медной стружки и, кроме того, сделавший в заводе из 2½ д. снаряда какой-то свисток для паровой лодки. На свистке сохранились клейма завода.

Со сходки снарядного цеха мне принесли требование об удалении Сеппайна, о принятии Коровина и других уволенных ранее, о квартирных, о пособиях при родинах, похоронах и о пособиях призванным на военную службу.

Я сегодня делаю объявление для всех цехов, в котором сообщаю о происшедшем в орудийных и снарядных и предупреждаю, что при повторении подобных беспорядков цех, в котором они произойдут, будет закрыт.

Рабочие, повидимому, отказались от забастовок и избрали иной способ демонстраций, еще менее удобный для администрации.

Примечание: Сейчас (в 10 час. утра) вывели из завода из снарядного цеха инженера Сеппайна, забросали его при этом грязью.

Совершенно очевидно, что революционная пропаганда чрез своих единомышленников рабочих, число которых едва ли превышает 15 — 20%, видя, что забастовки не удаются в виду несочувствия большинства, приняли иную тактику: наносить оскорбления начальствующим лицам. Никакие мирные способы не могут достигнуть успеха, всякие послабления только еще более укрепят уверенность в безнаказанности. Я признаю единственным исходом: закрыть немедленно весь завод, оставить рабочих без заработка на столь продолжительное время, чтобы масса почувствовала всю тягость безработицы, следовательно, на 1½ — 2 месяца, затем начать записывать рабочих, но непременно исключить беспокойный элемент. На время бездействия завод должен охраняться достаточно сильной военной командой.

Если теперь же меры эти не будут проведены с полной твердостью и последовательностью, нужно ожидать убийств и увечий инженеров и мастеров и разгрома завода».

О вышеизложенном имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству.

Главный Начальник П. Боклевский.

Требования рабочих снарядного цеха, предъявленные 19 сентября 1905 года к Горному Начальнику Пермских пушечных заводов.

1. Рабочие снарядных фабрик просят Ваше Превосходительство уволить из снарядного цеха г. Сеппайна за его грубое обращение с рабочими и за нарушение установленного правила.

2. Неприкосновенность личности депутатов со стороны заводской администрации.

3. Принять всех рабочих, уволенных до и после забастовки: Коровина, Постоногова, Вицева, Плюснина, Косякова, Ястребова, Старкова и Мужикова, которые виновными себя не признают.

4. На токарных и иных работах удалить артельщиков, т.-е. уничтожить артельные работы.

5. Чтобы мастера и десятники знали, где свободные места на станках у слесарей и кузнецов, и заменяли бы их нуждающимися в работе.

6. Выдавать всем квартирные деньги: семейному — 5 руб., одинокому — 2 руб. 50 коп.

7. Работающим поденно выдавать не менее 30 процентов на заработанный рубль.

8. Отбывающим в текущем году воинскую повинность и мобилизованным запасным выдавать расчет за две недели вперед жалованье.

9. Повысить расценку на некоторые переходы по заявлению рабочих.

10. Выдавать всем рабочим субсидию: на похороны жены — 20 руб., на рождение и крещение ребенка — 10 руб., на похороны ребенка — 8 руб. и во время болезни жены — 4 руб. и выдавать без возврата, помимо Горнозаводского Товарищества.

11. Рабочие, проработавшие более трех лет, должны пользоваться двухнедельным отпуском, с получением полной поденной платы.

12. Просят повысить поденную плату.

13. Выдавать кузнецам парусину и сукно.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 29855.]

(Стр. 49.)

М. В. Д.

Пермский Губернатор.
По канцелярии.

23 сентября 1905 г.
№ 362.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение представления за № 359 о беспорядках в Мотовилихинском заводе, доношу Вашему Превосходительству, что 21 сентября настроение в некоторой части рабочих продолжало быть возбужденным, но серьезных нарушений порядка не было, бла-

годаря присутствию откомандированной туда полусотни казаков. Замечались единичные случаи мелких безобразий. Так, днем, в селении завода, проходившие со смены рабочие дали две пощечины мастеру слесарно-сборочного цеха Абрашеву. Вечером, в электрическом цехе кто-то стал выбивать окна, но за откомандировкой туда полицейского наряда скрылся и не был узнан; для предупреждения повторения подобных нападений и в виду того, что цех этот обслуживает освещением весь завод и принадлежащие заводу казенные здания в селении, для охраны его в продолжение ночи назначен был казачий патруль. В тот же вечер, в квартире горного инженера Ильина, занимаемой им не в казенном здании, а в частном доме, в отдалении от завода, в трех окнах выбиты стекла.

22 сентября, в 3 часа пополудни, от Горного Начальника, в исполнение распоряжения Главного Начальника Уральских горных заводов о прикрытии всего пушечного завода, расклеены по заводу и селению объявления, что с 23 сентября завод закрывается, и по этот день рабочие получат расчет. Работы в заводе повсюду прекращены с 6-ти часов вечера того же 22 числа, оставлено лишь несколько человек в электрическом цехе для освещения заводских зданий.

Весть о приостановке завода по всем цехам и фабрикам была принята рабочими различно: большинство пожилых рабочих выражали сожаление, что работы прекращены, и порицали тех рабочих, которые своими насильственными 19 и 20 сентября действиями довели до этого; молодежь же из рабочих, напротив, стала держать себя более заносчиво и враждебно, многие из них высказывали угрозы, что если завод действительно будет закрыт, — хотя им думается, что этого на самом деле не будет, и объявления вывешены только для острастки, — то они разгромят дом Горного Начальника. Некоторые из пришлых рабочих, не имеющие здесь оседлости, стали собираться выезжать, пока есть время воспользоваться водным путем.

Днем, по объявлении закрытия завода, на улицах заводского селения замечались группы, не особенно большие, преимущественно молодых рабочих, но нарушений порядка не было. Около 6 часов вечера, по слухам, рабочие прикрытых 20 сентября орудийного и снарядного цехов собирались на сходку за селением завода.

В виду возможности открытия с приостановкой завода враждебных и насильственных действий со стороны рабочих, для предупреждения таковых действий, мною того же 22 числа дано распоряжение о немедленном откомандировании в Мотовилиху роты солдат, при чем командир 232 Ирбитского резервного батальона прошен мною держать наготове другую роту на случай, если бы представилась надобность усилить в Мотовилихе военную охрану.

Рота прибыла из Перми на место в 8 часов вечера того же дня.

В заводе и селении полицейскими мерами, при содействии военной охраны, приняты надлежащие меры к поддержанию порядка,

охране лиц заводской администрации и предупреждению покушений на разгром казенных заводских зданий и имущества.

Вместе с тем мною дано распоряжение ни в каком случае никаких сходок в заводе не допускать, а в случае их обнаружения, рассеивать их самыми решительными мерами.

Губернатор А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 29951.]

(Стр. 52.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

24 сентября 1905 г.
№ 364.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение № 362 о беспорядках в Мотовилихинском заводе представляю Вашему Превосходительству, что продолжающееся враждебное настроение рабочих названного завода в течение 23 сентября ни в чем серьезном не проявилось, кроме попытки части цеховых, с угрозами насилия, принудить заводских водовозов прекратить возку воды для заводоуправления, заводских домов и войск, вследствие чего возка воды стала производиться под охраной.

В виду недостатка высланных в Мотовилихинский завод войск (полусотни казаков и роты солдат) мною, для более надежной охраны заводских сооружений от всяких покушений и насилий, вызвана сего числа туда еще рота солдат.

Губернатор А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство. 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. № 29953.]

(Стр. 57.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

27 сентября 1905 г.
№ 367.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение № 364 представляю Вашему Превосходительству о положении дела в Мотовилихинском заводе следующее:

24 числа сего месяца в заводе и селении нарушений рабочими порядка не было, точно так же не было и сходок.

Днем этого числа на улице, вблизи квартиры горного инженера Мякотина, найден экземпляр отпечатанной на гектографе прокламации, копия коей при сем прилагается.

23 числа к Горному Начальнику Действительному Статскому Советнику Строльману обращались две отдельные группы рабочих с заявлением требования о выдаче им, кроме окончательного расчета,

платы еще за две недели вперед, мотивируя это свое ходатайство тем, что не они, рабочие, прекратили работы, а завод закрыт администрацией. По этому поводу Строльман обращался за разъяснением к Главному Начальнику Уральских горных заводов и получил от него 24 числа ответную телеграмму, что изъясненное требование рабочих подлежит удовлетворению.

Губернатор А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. № 30047.]

Секретно.

(Стр. 81.)

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

Министр Финансов, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству Дмитрию Федоровичу, имет честь препроводить при сем в дополнение к письму своему от 28 сентября сего года за № 2, копию с рапорта Горного Начальника Пермских пушечных заводов от 21 сентября за № 8719, по поводу беспорядков на сих заводах.

6 октября 1905 г.

Копия.

(Стр. 82.)

Его Превосходительству Г. Главному Начальнику Уральских горных заводов.

Рапорт.

В дополнение и разъяснение телеграммы моей от 20 сентября имею честь донести, что оскорбления, нанесенные Помощнику моему Инженеру Шафаловичу, состояли в том, что свист и гиканье в орудийных фабриках, о которых я доносил рапортом от вчерашнего числа, направлены были по его адресу. Как вчера все объяснил мне г. Шафалович, он ясно слышал в криках: «Шафаловича не надо». То же подтверждает и инженер Башкевич.

Вчера, 20 сентября, при обходе г. Шафаловичем орудийных фабрик он заметил, что рабочие начали собираться; находившийся около него десятник предупредил его, что ему лучше уйти, что замышляется что-то против него; г. Шафалович ушел. Неудовольствия или, вернее, предлоги к ним против г. Шафаловича состоят в беспорядках по горнозаводской потребительской лавке.

Закрытие орудийных и снарядных фабрик было назначено мною в 3 часа 20 сентября, о чем объявления я распорядился вывесить в 2½ часа. Рабочие этих цехов устроили сходку в новой снарядной фабрике для производства снарядов по способу Круппа. С этой

сходки пришли ко мне депутаты, прося объяснить, на какое время закрыты цехи. Я ответил, что до получения распоряжения от Вашего Превосходительства ответа дать не могу, но что через два дня будет сделано по этому предмету надлежащее объявление.

Артиллерийские приемщики снарядов, подполковник Лаврентьев и гвардии поручик Седякин, возмущенные случаем с инженером Сеппайном, заявили мне, что при подобном поведении рабочих им, находящимся по роду своих обязанностей среди фабрик, производить прием снарядов неудобно, почему они таковой вынуждены прекратить. Г. Лаврентьев был почти свидетелем случая с г. Сеппайном и проводил его до квартиры в экипаже. Оба были вооружены, так как на пути выезда из завода собралась компания рабочих, человек в тридцать, ожидавшая времени впуска в завод и знавшая о предстоящем выезде г. Сеппайна, приводившего себя в порядок в Малой Проходящей.

Цехи токарный и сборочный, находящиеся в непосредственной связи со снарядным цехом, работы прекратили, объясняя это угрозами рабочих закрытого снарядного цеха, но сегодня с утра работают, как и остальные, кроме закрытых цехов.

Для охраны завода, по закрытии его, нужна непременно воинская сила, так как могут быть попытки устраивать собрания, предупредить которые без воинской силы нет возможности.

Телеграмму Вашего Превсходительства о закрытии завода получил, но, в виду возникших во мне сомнений, следует ли поступить в этом случае согласно предписания Вашего Превосходительства по поводу забастовок, т.-е. закрыть завод через две недели по объявлении о том или немедленно, я телеграммой от сего числа позволил себе запросить о том Ваше Превосходительство.

Подлинный за надлежащим подписанием.

Сентября 21, 1905 г. Мотовилиха.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 33380.]

Призыв к дальнейшей борьбе.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие. Начальство показало себя во-всю: за то, что мы не в состоянии были выносить ежеминутные всяческие оскорбления Сеппайна, за то, что в нас заговорило простое чувство собственного достоинства и товарищеской солидарности, оно лишило нас работы: тысячи товарищей выброшены на улицу и подвергнуты всем страданиями от безработицы. «Ни с места», грозит нам начальство, «вы — рабы, вы должны терпеть все наши выходки и глумления, вы — рабы, вас можно оскорблять всегда и всюду». Что за цель та-

кого обращения? Цель та: начальство видит, что мы начинаем просыпаться, начинаем сознавать свои интересы, стоим друг за друга, мы можем и решили бороться, и вот, чтобы запугать нас, отбить всякую охоту к борьбе, нас решили проучить голодом. Но запугать нас нельзя: нужда, бесправие, угнетение, оскорбления на каждом шагу придают нам смелости и не позволяют нам отступать: нам нельзя не бороться, — и мы погибнем, и наши дети. На вызов начальства мы ответим: мы не хотели бросать работы, мы требуем немедленного открытия завода. Если же наше требование не будет уважено, тогда нужно всем товарищам крепко стать друг за друга, ведь, дело идет о всех нас.

Нас много, нас много. Вставайте же, братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали, вставайте же, братья, и будем борцы, не рабы!

Мотовилихинский Рабочий Комитет.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 29181б.]

Предприниматели оплачивают вооруженную силу против рабочих.

Шифрованная телеграмма Пермскому Губернатору от 4 октября 1905 г.

(Стр. 65.)

Министр Финансов просит принять все меры предотвращению беспорядков Пермских пушечных заводов и согласен ассигновать кредит Горного Департамента деньги на увеличение полиции до 80 человек.

Завед. политической частью П. Рачковский.

Закрытие завода.

(Стр. 68.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

30 сентября 1905 г.
№ 374.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение № 370, представляю Вашему Превосходительству о положении дела в Мотовилихинском заводе следующее:

27, 28 и 29 сего сентября месяца в Мотовилихе было спокойно, производился расчет рабочих за прежнее время, а с 29 числа началась выдача денег за две недели вперед; хотя по случаю получки

денег и бездействия завода пьяных было много, но порядок поддерживался и не был нарушен.

27-го вечером подобрано на платформе вокзала железной дороги в Мотовилихе несколько экземпляров прокламации, отпечатанной на гектографе, копия каковой при сем прилагается.

При сем прилагается также перечень требований рабочих снарядных фабрик к Горному Начальнику Пермских пушечных заводов.

Губернатор А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 31896.]

(Стр. 73.)

Совершенно доверительно.

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову.

Вследствие письма от 24 сего сентября за № 12433, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что мною послана Главному Начальнику Уральских горных заводов телеграмма (шифром), в копии при этом прилагаемая.

К этому считаю долгом добавить, что, на основании предшествующих донесений и последних телеграмм названного Главного Начальника, ход дела на Пермских заводах, приведший к их закрытию, представляется в следующем виде:

1 сентября в 12 часов дня забастовали рабочие мартеновской фабрики, бросив две печи на ходу. Около 2-х часов явились рабочие, отпущенные товарищами для выгонки газа. На печах Сименса и на генераторах работа продолжалась беспрепятственно. Забастовка была устроена формовщиками; собственно же печные рабочие заявили, что никаких претензий не имеют, и что они удалены с работ другими рабочими, какими именно, — они не называли. Вообще с августа месяца на заводах становилось очень беспокойно; вне завода за селением происходили сходки, на которых пелись революционные песни, и при этом производилась стрельба из револьверов. Со сходок рабочие возвращались вечером большими группами с пением и выстрелами, между прочим, и мимо помещения Горного Начальника. Хотя работы на снарядных орудийных цехах 2 сентября и возобновились, но волнения среди рабочих продолжались. На врача Кестранека, возвращавшегося вечером в экипаже домой, было сделано нападение тремя лицами, гнавшимися за экипажем, стрелявшими из револьверов, при чем одна пуля попала в верх экипажа. На того же врача было сделано еще одно нападение в другой раз. Нападения эти объясняются распространившимися сведениями о заключении, которое дано г. Кестранеком относительно характера

раны убитого Борчанинова, а именно, что она произведена не шашкой.

Рабочие, получивши ряд уступок, перестали признавать необходимость всякой дисциплины, постоянно выдумывая новые требования. Инженеры и мастера, не смея настаивать на исправной работе, вынуждены были безнаказанно выслушивать дерзости и угрозы со стороны рабочих. Одного мастера на улице избили; у инженера Ильина выбили одно окно камнем, а другое выстрелом дробью; в орудийной фабрике криками и свистками вынудили уйти помощника Горного Начальника Шафаловича. 20 сентября более 1.000 человек рабочих вызвали в снарядном цехе к себе Горного Начальника Строльмана, требовали возвращения двух рабочих, которым, за излишеством формовщиков, было предложено приискать другую работу или получить расчет. Получив отказ, рабочие освистали г. Строльмана, бросили в спину свернутую грязную блузу, затем захватили под руки инженера Сеппайна, надели ему на голову мешок, обули лапти, на дворе забросали грязью лицо и в таком виде вывели из завода.

Главный Начальник Уральских Горных заводов, видя, что все эти насилия остаются безнаказанными, что управлять при таком положении вещей заводом с 8.000 рабочих невозможно, что никаких мер взыскания применить к массе нельзя, что увольнение коноводов бесцельно, так как за них вступаются все, и не видя иного исхода, приказал закрыть завод на неопределенное время, о чем и объявлено рабочим 23 сентября.

В. Коковцев.

28 сентября 1905 г.

Протест против закрытия завода.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие. Без всякой причины, по своему произволу, Горным Начальником остановлен Мотовилихинский завод, и рассчитываются 8 тысяч рабочих. Если рабочие прогнали с завода Сеппайна и Крапивина, то они давно заявляли требование их уволить; если они обругали вором Шафаловича, так Горный Начальник знает, что тот расхитил десятки тысяч денег рабочих в Горнозаводском Товариществе. Вы теперь видите, что значат для Горного Начальника рабочие, он, не задумываясь, пускает на голод и нищету 8 тысяч рабочих и свыше 25 тыс. детей, женщин и стариков, — семей рабочих, — лишь бы защитить воров и деспотов. Мстя за них рабочим, он одобрил и поощрил воровство Шафаловича, открытое взяточничество и обирательство с рабочих г. Крапивина, деспотизм и

издевательство г-на Сешайна. Что же представляет из себя сам этот защитник грабежа? Каков г. Стрельман, таковы и все капиталисты и их приспешники; все они всякими способами грабят рабочих, но придет время, и рабочие могучей рукой разделаются со всеми капиталистами и навсегда. Пока же, товарищи, вам нет основания терять свое; за беспричинное увольнение заводоуправление должно рабочим уплатить за две недели вперед поденную плату со дня расчета, а также уплатить за прогульные дни по день расчета, так как рабочие не работали не по своей вине. Правила, напечатанные в рабочих расчетных книжках, говорят то же. Если же заводоуправление откажется исполнить эти требования, то все рабочие должны отказаться получать расчет. Если же вы получите расчет, то заводоуправление будет считать расчеты с вами законченными и погонит вас в шею. Товарищи, вы не должны позволять, чтобы по прихоти Начальника вы голодали, а потому будьте настойчивы, требуйте свое, отвоевывайте ваши права и свободу. Сила же ваша, товарищи, в единении и организованности, а потому будьте единодушны и организуйтесь в социал-демократические организации, тогда наступит скорый конец капиталистам.

Долой капитализм!

Да здравствует социализм!

Мотовилихинский районный комитет
Пермской группы РСДРП.

Последствия закрытия

(Стр. 59.)

Шифрованная телеграмма Пермского Губернатора Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией, от 28 сентября 1905 года.

Закрытие Мотовилихинского завода начинает отражаться на другие заводы, куда уходят оттуда рабочие, разнося недовольство; последствия возможны очень серьезные, особенно, если срок открытия не будет объявлен скоро. Усердно ходатайствую о сношении Министром Финансов, коему нельзя доложить шифром.

Губернатор Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2.]

(Стр. 72.)
Товарищ Министра
Внутренних Дел,
Заведующий Полицией.

Конфиденциально.

Его Высокопревосходительству
В. Н. Коковцеву.

В дополнение к письму от 24 минувшего сентября за № 12433, имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что Пермский Губернатор, телеграммами от 28 сентября и 3 сего октября

сообщая о состоявшемся уже закрытии Мотовилихинского завода, указывает, что это неблагоприятно отражается на других заводах, куда направляются недовольные увольнением рабочие, и что настоящее положение дел грозит серьезными последствиями, в особенности, если не последует в самом непродолжительном времени объявления о сроке возобновления работ на заводе. На совещании Губернатора с Главным Начальником Уральских заводов последний высказал предположение о необходимости начать запись рабочих Мотовилихинского завода с 1 ноября, а при исключительно благоприятных обстоятельствах даже немного ранее, преследуя при этом цель наказания забастовавших рабочих, но Губернатор, разделяя его взгляды на значение решительных мер в исключительных случаях, признает желательным, при настоящих условиях, наискорейшее открытие завода, при чем запись рабочих, по его мнению, следовало бы начать не позже 15 октября.

Сообщая об изложенном, имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что я, с своей стороны, присоединяюсь к взгляду Пермского Губернатора о необходимости возможно скорого открытия работ на Мотовилихинском заводе.

Д. Трепов.

(Стр. 76.)

Главному Начальнику Уральских заводов.

Товарищ Министра Внутренних Дел, Заведующий Полициею, ссылаясь на Пермского Губернатора, указывает крайнюю нежелательность закрытия Пермских заводов, полагая, что скорейшее возобновление работ может предотвратить беспорядки. Не зная, в какой мере по настроению рабочих это возможно, прошу Ваше Превосходительство принять личное руководство этим делом, донеся мне телеграфно о совместном заключении Вашем и Губернатора.

Статс-секретарь Коковцев.

---

5. Октябрьская забастовка.

(Стр. 86.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.
———
9 октября 1905 г.
№ 392.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение № 382, представляю Вашему Превосходительству, что в течение 4, 5 и 6 числа сего октября в Мотовилихе порядок поддерживался, нарушений его толпами рабочих не было, пьяных стало меньше. В ночь на 6 число был от неизвестной причины пожар на

вокзале железной дороги, в тушении пожара принимали участие местные рабочие, и, несмотря на большое их скопление здесь, никаких беспорядков допущено не было.

5 числа Горным Начальником пушечных заводов получена от Министра Финансов, в ответ на поданное выборными рабочими ходатайство, телеграмма следующего содержания: «При нарушении рабочими заводского порядка и должных отношений к начальству никакой завод итти не может, поэтому открытие действия завода последует не ранее, чем явится уверенность, что со стороны рабочих не повторятся бесчинства, подобные происходящим. Предлогом для них не может служить установленная ревизией растрата сумм горнозаводской кассы и лавки, ибо дело это передано прокурору, при чем мною поручено немедленно сообщить ему как постановление общего собрания, так и все другие документы, необходимые для производства следствия. Таким образом, означенное дело направлено на путь того судебного порядка, который наилучше обеспечивает беспристрастное его рассмотрение и выяснение виновных. О скорейшем производстве дела я сношусь с Министром Юстиции. Рабочие могут быть уверены, что виновные в растрате, кто бы они ни были и какое бы служебное положение ни занимали, понесут законную ответственность и кару».

Телеграмма эта объявлена всем рабочим завода.

Губернатор Наумов.

(Стр 88.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

12 октября 1905 г.
№ 400.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение № 392 представляю Вашему Превосходительству, что в течение последующих дней, 7, 8 и 9 сего октября, в селении Мотовилихе порядок и внешнее спокойствие ничем не нарушались. Телеграмма Министра Финансов, посланная в ответ на ходатайство рабочих о возобновлении действий завода, распространялась между рабочими, копии ее выданы депутатам рабочих и выдавались всем рабочим, которые приходили справляться в Управление о времени открытия завода, а также вывешены были по селению на видных местах.

В среде рабочих передавалось о содействии с моей стороны к скорейшему открытию завода при условии, если рабочие возьмутся за благоразумие и своим поведением заслужат это.

8 числа за селением завода, в соседнем лесу, замечена казачьим разъездом небольшая группа рабочих, которые при виде казаков

разбежались. Один из них разъездом был задержан, а в том месте, откуда он бежал, в кустах, найден револьвер с 5-ю патронами, из коих один выстреленный. Задержанный оказался местным рабочим и депутатом от рабочих прессовой фабрики Михаилом Семеновым Трониным, из крестьян Вятской губернии, Слободского уезда, Ярославской волости. По произведенному обыску при нем в числе прочих вещей, между прочим, найдены печатные листки: «Избирательное право женщин», «Объявление прав человека и гражданина», «Как должны расходоваться народные деньги», «Палата представителей». Тронин задержан при полиции, а протокол о его задержании препровожден к Начальнику Пермского Охранного Отделения.

Губернатор Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 33163.]

(Стр. 92.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.
———
15 октября 1905 г.
№ 405.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение представления № 400, представляю Вашему Превосходительству, что со стороны рабочих Мотовилихинского завода в течение 10 — 14 чисел сего октября месяца нарушений внешнего порядка и спокойствия не допускалось, сборищ и сходок замечено не было.

10 числа, в 10½ часов утра, пред Управлением завода собралась толпа рабочих, около 500 человек, и ходатайствовала пред Горным Начальником об открытии завода, на что Горный Начальник ответил рабочим, что открытие завода может последовать только в том случае, если рабочие дадут ручательство в том, что беспорядки на заводах не будут повторяться.

На следующий день, 11 числа, в 9½ часов утра, пред Управлением собралась толпа уже около 1.500 человек с целью письменно выразить свое желание работать при условии недопущения более беспорядков на заводе. Для этого в среде собравшихся ими самими отбирались, по группам цехов, подписи, с обозначением в заголовках подписных листков желаний и обязательств рабочих. На одном из таких листков было написано в заголовке, что подписавшиеся обязуются, в случае открытия завода, не допускать более беспорядков и будут всеми мерами стараться предотвращать таковые. В заголовках некоторых листов выражались обязательства почтительного отношения к заводской администрации и желательность наложения на провинившихся строгого наказания.

Листки с подписями рабочих о выражении ими уверения в сохранении в будущем порядка на заводе представлены ими Горному

Начальнику почти от всех цехов, но с незначительным сравнительно числом подписей. Рабочие прессовой фабрики, в числе 70 человек (из 254 всех работавших), в заголовке своего подписного листа сделали надпись, резко отличающуюся от других подобных, копия коей при сем прилагается.

12 октября Горным Начальником объявлено по заводу, что с 15 числа начнется запись желающих работать и достойных, о чем вывешено объявление, копия коего при сем прилагается.

В тот же день найдено в селении несколько экземпляров прокламаций от имени рабочих Мотовилихинского завода с призывом ко всем рабочим гор. Перми. Копия ее также прилагается.

13 октября Горным Начальником получена от заступающего место Директора Горного Департамента телеграмма для объявления рабочим, что в случае повторения беспорядков, когда заводские работы возобновятся, завод будет закрыт на продолжительное время.

Губернатор Наумов.

(Стр. 93.) Копия.

Мы, рабочие, Мотовилихинского завода, помня, что выступление рабочих в каждой отдельной местности есть часть всеобщей борьбы рабочего класса с угнетающими его капиталистами и самодержавным правительством за лучшее будущее, обращаемся в трудную для нас минуту за товарищеской поддержкой ко всем рабочим г. Перми.

Мотовилихинский завод закрыт на неопределенное время, и 8.000 рабочих с семьями обречены на голод за то, что не хотели сносить больше поругания своей личности и на издевательство инженера Сеппайна ответили тем, что вывели его из завода, так как другого средства избавиться от него не было.

Заявления наших депутатов не выслушивались, их грубо прогоняли и даже арестовывали (Юрша). Точно так же разделались рабочие и с двумя мастерами, годами обиравшими нас.

Товарищи, наша сила в единении. Те же условия гнетут и вас: так же принижена и ваша личность, так же мала заработная плата, так же загражден доступ к свету, так же опутаны вы шпионской и полицейской сетью. Несомненно, что вы примкнете к общей борьбе рабочих, а также успех вашей борьбы будет зависеть от единения со всеми рабочими от их товарищеской поддержки.

Через несколько дней в семьях многих рабочих Мотовилихи наступит крайняя нужда. Поддержите их. Путь, по которому направить помощь, каждый из вас найдет.

Да здравствует объединение всех рабочих!

Сознательные рабочие
Мотовилихинского завода

Копия.

Объявление.

Мною получено от Г. Главного Начальника по телеграфу распоряжение начать запись желающих и достойных с 15 октября. Вследствие этого запись будет производиться:

Октября:

15 по сталелитейному цеху.
16 — котельному и лесопильному цехам.
17 — чугунолитейному, модельному и электрическому цехам.
18 — токарному и слесарному цехам.
19 — прокатному цеху.
20 — молотовому цеху.
21 — прессовой фабрике.
23 — орудийному № 1 ц.
24 — орудийному № 2 »
25 — орудийному № 3 »
26 — снарядному № 1 »
27 — снарядному № 2 »
28 — снарядному № 3 и 4 цехам.

Запись будет производиться в Управлении заводов с 8 час. утра; записываться будут только состоявшие рабочими ко дню закрытия завода. Книжки будут выдаваться через день после записи.

Горный Начальник Пермских заводов
С. Строльман.

Октября 12 дня 1905 года.

Копия.

Мы, нижеподписавшиеся, рабочие прессовой фабрики Пермских пушечных заводов, на требуемые заводоуправлением какие-либо с нашей стороны гарантии, можем сказать следующее: нами не было произведено каких-либо беспорядков, и впредь мы их производить не желаем. Хотя 16 сентября сего 1905 года и было приостановлено нами действие работ для того, чтобы иметь объяснение с г. Начальником, но мы находим, что таковой наш поступок не должен быть поставлен нам в вину, в виду того, что не только за сказанную приостановку, а даже за самовольное оставление работ без предупреждения, рабочие люди ныне не несут наказания, так как это деяние законом 4 августа временно признано ненаказуемым.

Теперь мы прежде всего желаем только того, чтобы нам как можно скорее дана была возможность приступить к работам, которые, как и прежде, будем исполнять добросовестно и честно; а затем

мы желаем, чтобы со стороны заводоуправления ко всем законным заявлениям и просьбам было справедливое и внимательное отношение. Подлинное подписано 70 рабочими прессовой фабрики.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 35139.]

(Стр. 97.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.
———
24 октября 1905 г.
№ 406.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение представления № 405, представляю Вашему Превосходительству, что с 15 сего октября, с утра, началась запись рабочих Пермских пушечных заводов, согласно сделанному объявлению, начиная со сталелитейного цеха. Пред началом записи Горным Начальником объявлены рабочим условия найма и сделано предупреждение, что возобновление беспорядков поведет к закрытию завода на продолжительное время.

Предъявленные рабочим условия найма в некоторых частях были излишне суровы, изложены в резком тоне, и так как можно было опасаться, что они вызовут этой своей стороной раздражение и даже злобу в среде рабочих, чему также немало мог способствовать и внешний вид объявления об условиях, окруженного виньеткой из цепей, то я счел необходимым просить Горного Начальника пушечных заводов не настаивать на непременном предъявлении их и рекомендовал понемногу вовсе прекратить предъявлять их рабочим, дабы на почве неуместного раздражения не создать более серьезных осложнений. В этом же смысле мною телеграфировано Главному Начальнику Уральских горных заводов, Действительному Статскому Советнику Боклевскому. (Копии письма Горному Начальнику Действительному Статскому Советнику Строльману за № 885 и телеграммы Главному Начальнику Уральских горных заводов при сем прилагаются). По получении моего письма, Строльман тотчас же, в ночь, виньетку на объявлении об условиях обрезал.

Ознакомление с Высочайшим манифестом вызвало усиленное движение среди рабочих, выразившееся в сходках, шествиях по заводу с красными флагами, пением марсельезы и речами на политически темы.

Это движение, однако, не мешало ходу записи на работы, и запись производилась беспрерывно по намеченной заранее программе. В среде рабочих заметно искреннее желание скорейшего возобновления работ на заводе, и в этом смысле ими было возбуждено ходатайство пред Горным Начальством.

23 октября среди рабочих Мотовилихи возникло коренное разногласие в способах проявления своих чувств по поводу манифеста 17 октября. Часть их, не более 600 человек, открыла обычное шествие с красными флагами и в народном доме устроила сходку с речами. Другая часть рабочих в 2.000 человек отправилась с национальными флагами и портретом Государя в церковь отслужить молебен. Во время шествия этой толпы рабочий Туркин (известный ранее по своей принадлежности к социалистической группе) проявил дерзкое поведение по отношению к портрету Государя и бросил в него палкой. Это вызвало сильное раздражение толпы, и Туркин был избит.

Губернатор А. Наумов.

(Стр. 98.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

16 октября 1905 г.
№ 885.

Копия.

Его Превосходительству С. А. Строльману.

Сейчас дошли до меня условия, которые предъявлены в заводе перед записью. Признаю необходимым высказать Вашему Превосходительству решительно, что общий тон этих условий и отдельные статьи таковы, что не могут не вызвать при теперешнем общем положении недовольства и даже злобы рабочих. Даже внешний вид их (окружены виньеткою в виде цепей) будет этому способствовать. Поэтому признаю, что благоразумно и целесообразно было бы при дальнейшей записи рабочих на предъявлении этих условий не настаивать и даже совсем их прекратить.

Всякое раздражение, теперь особенно, крайне нежелательно, да и во всякое время вряд ли может достигнуть цели.

Телеграфирую кратко шифром Главному Начальнику и от Вашего Превосходительства буду ждать ответа.

Подписал: А. Наумов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2.]

Копия.

Телеграмма Пермского Губернатора Главному Начальнику Уральских заводов.

(Стр. 99.)

Условия, предъявляемые перед записью в Мотовилихе, суровы, тон резок, отдельные статьи, вероятно, вызовут раздражение, даже злобу рабочих. Пишу Строльману, прося не настаивать на их предъ-

явлении, понемногу вовсе прекратить предъявлять. Считаю раздражение несвоевременным, крайне нежелательным.

Подлинная за надлежащим подписом.

(Стр. 107.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.
———
29 октября 1905 г.
№ 411.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение представления № 406, представляю Вашему Превосходительству, что дни 24, 25 и 26 сего октября прошли в Мотовилихе спокойно; заводской молодежью делалась попытка устроить 24 числа манифестацию с красными флагами и пением марсельезы, но неудачно, так как участовавших набралось не более 50 человек.

Эти дни продолжалась запись рабочих на работы и выдача им расчетных книжек. С 24 числа начались первые работы в заводе — в сталелитейном цехе, с 26 — в токарном, слесарном и молотовом цехах.

И. д. Губернатора Вице-Губернатор (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 35836.]

(Стр. 108.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.
———
31 октября 1905 г.
№ 116.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение представления № 411, представляю Вашему Превосходительству, что запись рабочих на работы в Мотовилихинском заводе спокойно продолжалась и 28 октября закончена по всем цехам.

27 октября начаты работы в цехах: котельном, лесопильном, чугунолитейном, орудийных №№ 1 и 2 и частью в прессовой фабрике; 28 — в орудийном № 3 и снарядном № 1 цехах. Остались недействующими пока четыре цеха и не вполне прессовая фабрика.

И. д. Губернатора Вице-Губернатор (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 36109.]

(Стр. 111.)

М. В. Д.
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

3 ноября 1905 г.
№ 125.

Секретно.

Товарищу Министра Внутренних Дел,
Заведывающему Полицией.

В дополнение представления № 416, представляю Вашему Превосходительству, что в течение 29, 30 и 31 чисел минувшего октября месяца работы по отдельным цехам в Пермском пушечном заводе продолжали постепенно открываться, и с 1 сего ноября завод пущен на полное действие. Порядок и спокойствие в среде рабочих ничем в эти дни не нарушались, и население Мотовилихи после продолжительной забастовки постепенно успокаивается.

И. д. Губернатора Вице-Губернатор (подпись).

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, т. 2, вход. 36445.]

(Стр. 155.)

М. Ф.
Главный Начальник
Уральских Горных
Заводов.

11 ноября 1905 г.
№ 13336.
Г. Екатеринбург.

Конфиденциально.

В Горный Департамент.

Имею честь сообщить Горному Департаменту, для доклада Его Превосходительству Господину Министру, что Горный Начальник Пермских пушечных заводов от 1 сего ноября за № 10409 донес мне следующее: с 1 ноября весь завод начал работать. Вначале, до 8 ноября, волнения среди рабочих не замечалось. 8 ноября утром группа рабочих токарного цеха вывела из фабрики токаря этого цеха Подкина. Поводом послужило то обстоятельство, что во время разговора накануне заведывающего токарной инженера Мякотина с рабочими токарной г. Мякотин, между прочим, разоблачил неправильную передачу Подкиным рабочим слов Горного Начальника, что имело последствием приход рабочих токарной на работу днем раньше, чем было назначено. Затем г. Мякотин высказал, что Подкин, желая себе гарантировать обратное поступление на завод, говорил ему, что бунтовщик не он, а такие-то двое. Подкин, бывший во время разговора среди рабочих, подтвердил слова г. Мякотина и назвал фамилию (Мишуринских) одного из двух, на кого указывал г. Мякотину, чем и вызвал против себя крайнее раздражение. Около пяти часов вечера того же дня рабочими снарядного цеха был выведен токарь этого цеха Чирков, при чем слышны были крики: «шпион». Про Чиркова известно

только, что он — спокойный, трудолюбивый рабочий. 9 утром из лафетной был выведен десятник слесарей Завьялов. Завьялов ранее откровенно высказывался против происходящих беспорядков.

Общая причина этих бесчинств, вероятно, — стремление известной партии терроризовать массу рабочих.

8 ноября в лафетной фабрике был молебен, так как в фабрике имеется икона Михаила Архангела. По окончании молебна была отслужена панихида по убитым товарищам, при чем выкинут был черный флаг с надписью белыми буквами: «память убитым товарищам и месть угнетателям».

При теперешней свободе собраний в Мотовилихе и Перми происходят часто собрания социал-демократов и социалистов-революционеров, что содействует организации разного рода демонстраций в заводе. Войска ушли 2-го. Намерен просить о их возвращении.

Главный Начальник П. Боклевский.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 38060.]

---

6. Декабрьское восстание и суд над восставшими рабочими.

Захват рабочими завода в свои руки.

(Стр. 177.)

Шифрованная телеграмма управляющего Пермской губернией Стрижевского Управляющему Министерством Внутренних Дел, от 12 декабря 1905 года.

В Мотовилихе рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, прекратили работы, захватили в свои руки завод, коим самовольно распоряжаются. Население призывается к вооруженному восстанию; ходят группы заводских парней, вооруженных ружьями. Полицейская власть бессильна; из военной силы не могут тронуть ни одного человека; из Перми, где также беспокойно, революционеры ждут только выхода отсюда туда сотни казаков, чтобы открыть вооруженное восстание. Положение в высшей степени серьезное. Необходимо усиление военного состава, иначе могут быть печальные последствия. Одновременно прошу командующего о высылке спешно хотя сотни казаков. Докладывая об изложенном, прошу посодействовать высылке в Мотовилиху пехоты или казаков и разрешить теперь же организовать полицейскую стражу в составе, испрашиваемом представлением 6 октября № 384.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 39742.]

Декабрьское восстание.

(Стр. 180.)

М. В. Д
Пермский Губернатор.
По канцелярии.

12 декабря 1905 г.
№ 1025.

В Департамент Полиции.

9 сего декабря в 7 час. утра рабочие всех цехов Мотовилихинских казенных пушечных заводов самовольно, без разрешения Горного Начальника, устроили в снарядном цехе общее собрание, на котором постановили присоединиться к общей Российской забастовке и в 7½ час. потушили электричество, дали тревожные свистки и прекратили работы во всех цехах и затем разошлись по домам часть тихо, а некоторые с пением марсельезы.

В 9½ час. утра того же декабря служащие в Управлении и в цехах пушечных заводов, с разрешения Горного Начальника, устроили собрание и большинством голосов (178 против 54) постановили прекратить занятия и принять совместное участие с рабочими в назначенном в тот день в 12 час. дня собрании. На этом общем собрании было решено продолжать забастовку мирным путем впредь до особого распоряжения, при чем постановлено: не разрешать пользоваться электрическим освещением, воспретить пользоваться разъездами на заводских лошадях, развозить на оных воду по квартирам, и конюхов оставить только необходимое количество для прокормления лошадей; не допускать отопления Управления; не допускать пользования телефоном для переговоров с городом и разрешить занятия тем служащим, которые окажутся необходимыми в случае выдачи платы некоторым рабочим.

О приведении в исполнение означенного постановления собрания депутаты от рабочих объявили Горному Начальнику и добавили, что за исполнением предъявленных требований будет наблюдать особо избранная для того комиссия. На замечание Горного Начальника, что при пользовании телефоном в заводе является невозможным запретить сообщение по телефону с городом, депутаты заявили, что об этом ими будет доложено собранию рабочих, назначенному 16 числа. Кроме того, депутаты передали Горному Начальнику, что с их стороны не имеется препятствий к выполнению служебных обязанностей всеми служащими в казенном госпитале, и воду для него разрешается возить на казенной лошади. Все заводские цехи могут быть заперты, кроме цеха № 5, где у них будут происходить собрания.

Установлено, что на упомянутом общем собрании было человек пять посторонних лиц, из коих известны: проживающий в Перми Владимирский и два брата-еврея Бернштейны, прибывшие в Мотовилиху вечером 8 декабря.

После собрания некоторые из рабочих, путем угроз, потребовали закрытия пяти казенных винных лавок и одной частной бакалейной лавки.

Вечером этого дня в помещении, приспособленном для устройства спектаклей, было снова собрание рабочих, около 1.000 человек, на каковом собрании читали о беспорядках в Севастополе и Саратовской губернии.

На следующий день, 10 сего декабря, в 12 часов, рабочие пушечных заводов устроили в снарядном цехе № 5 собрание, окончившееся после 2-х часов пополудни. Об этом собрании известно только то, что большинство рабочих, не желающих поддерживать забастовку, должно было уступить меньшинству, настоявшему на продолжении забастовки. Во время собрания было разбросано большое количество воззваний от Пермского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, приглашающих рабочих к «вооруженному кровавому бою за свободу». После собрания явившиеся к Горному Начальнику депутаты воспретили пользоваться телефоном и предъявили еще некоторые требования, касающиеся завода.

С 3-х часов пополудни происходило в том же помещении собрание служащих.

После собрания отдельные партии рабочих путем угроз заставили закрыть казенные винные лавки, частный ренсковый погреб и пивные лавки. На возражение одного сидельца казенной винной лавки, что он может закрыть лавку только тогда, когда получит записку от пристава или помощника исправника, рабочие ответили, что они требуют закрыть лавку по распоряжению Комитета, а пристав не имеет значения: они приведут его к лавке и разорвут на клочки.

Вечером в 7 часов была сходка рабочих, в числе до 400 человек, в местном заводском театре, при чем присутствовало до 20 человек, вооруженных ружьями. По окончании сходки в 10 часов вечера все присутствующие одновременно с вооруженными разошлись по домам с песнями. Вооруженные ружьями, будто бы, будут препятствовать проходу поездов железной дороги, но пока местные поезда проходят беспрепятственно. Вечером в этот день по Большой улице прошли две партии молодых парней с ружьями на плечах — одна партия в числе 5 человек, а другая — в числе 8-ми.

За время забастовки на Мотовилихинском заводе с утра 9 сего декабря рабочими никаких беспорядков допущено не было. Большинство рабочих, как видно из заявлений многих из них Горному Начальнику, желали бы приступить к работам, но пока подчиняются меньшинству впредь до особого распоряжения. Утром 11 сего декабря полицейским урядником Теребихиным был снят со столба листок, призывающий к убийству вождя революционной партии Юрши.

И. д. Губернатора Стрижевский.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. № 41674.]

Шифрованная телеграмма Управляющего Пермской губернией Директору Департамента Полиции, от 25 декабря 1905 г.

(Стр. 189.)

Получил успокоительные сведения исправников: в Мотовилихе виновные арестованы, на завод послана рота. В Перми спокойно; меры предосторожности приняты. Прошу разрешения пока исключительного положения не вводить; в случае новых сведений объявлю в Екатеринбурге, Мотовилихе положение усиленной охраны; для предупреждения аграрных беспорядков и на заводах усиление военной силы необходимо. И. д. Губернатора Болотов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 41707.]

(Стр. 193.)

Справка.

22 декабря Господин Министр Внутренних Дел, в виду тревожных сведений из Пермской губернии, предложил по телеграфу Пермскому Губернатору озаботиться введением в названной губернии положения или военного или чрезвычайной охраны.

По распоряжению Губернатора, в порядке Указа 29 ноября, гг. Пермь и Екатеринбург и все заводские местности губернии объявлены с 28 декабря в положении чрезвычайной охраны.

8 января 1905 г.

Секретно.

(Стр. 194.)

Министр Торговли и Промышленности. Его Высокопревосходительству П. Н. Дурново.

Главный Начальник Уральских горных заводов действительный Статский Советник Боклевский в прилагаемом при сем в копии отношении от 17 декабря 1905 года за № 20 уведомил Горный Департамент о полной невозможности, в виду усиленной деятельности агитаторов крайних революционных партий, вести дело на Пермских пушечных заводах.

Принимая во внимание, что закрытие столь крупного предприятия оставит без средств к существованию огромное количество рабочих, что может вызвать крупные беспорядки в г. Перми, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать сообщить мне, для соображений относительно времени открытия завода, имеющиеся в вашем распоряжении сведения о борьбе с революционерами в Пермском округе. (Подпись.)

4 января 1906 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 329.]

(Стр. 195.)

М. Т. и П.
Главный Начальник
Уральских Горных
Заводов.

———

17 декабря 1905 г.
№ 20.
Г. Екатеринбург.

Секретно.

В Горный Департамент.

На отношение Горного Департамента от 19/22 ноября за № 2705, по поводу донесения г. Старшего фабричного инспектора, от 25 сентября за № 756, в копии мне препровожденного, имею честь сообщить.

Из моих донесений на имя Г. Министра Финансов Горному Департаменту известно, что первая забастовка была в Мотовилихе в мае месяце текущего года; рассмотрев требования рабочих, заводоуправление нашло возможным удовлетворить их в очень значительной мере; забастовка продолжалась 11 дней, и затем, повидимому, рабочие удовлетворились сделанными уступками; в начале июля вспыхнула новая забастовка, некоторые требования превышали всякое благоразумие, доходили до того, что требовали выдавать от казны по 4 руб. на наем прислуги, в виду, будто бы, слабости здоровья жен некоторых рабочих.

Тем не менее, в целях успокоения рабочих, я согласился допустить еще некоторые уступки и увеличение поденных плат, хотя и признавал их неумеренными. Все время самым бесцеремонным образом действовали посторонние и собственные агитаторы; главнейше подчинялась их влиянию молодежь, более солидные, семейные рабочие не сочувствовали им, но принимали участие в забастовке под влиянием угроз и насилий. Июльская забастовка продолжалась 16 дней. За время той и другой забастовки расчета, конечно, выдано не было, что весьма чувствительно отозвалось на бюджете рабочих; поэтому благоразумное большинство не желало более участвовать в новых забастовках. В конце августа была попытка устроить новую общую забастовку, но все усилия агитаторов достигли только частичной забастовки мартеновского цеха, и то всего на два дня.

Убедясь, что общую забастовку снова устроить не удастся, руководители, революционеры-социалисты самых крайних направлений, организовавшиеся в довольно многочисленную партию в Перми уже несколько лет тому назад, а теперь еще очень усилившуюся, принимали самое деятельное участие в пропаганде социальных и анархических идей среди мотовилихинских рабочих. Несомненно, под их влиянием, не имея возможности устроить снова общую забастовку, беспокойные элементы из среды рабочих, преимущественно молодежь, начали систематически нарушать порядок в фабриках: устраивали постоянные сходки в цехах в рабочее время, отрывая

людей от станков, прогоняли мастеров, делали дерзости инженерам, предъявляли всевозможные неисполнимые требования, заявляли неосновательные претензии, наконец, оскорбили Горного Начальника, бросивши ему в затылок грязную блузу, ошикали и освистали Помощника Горного Начальника и проделали оскорбительные насилия с инженером Сеппайном.

Продолжать при таких условиях работы в заводе было решительно невозможно. Было совершенно очевидно, что революционные элементы поставили себе задачей во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем, вызвать прекращение работ. Тогда я признал неизбежным закрыть завод на неопределенное время, выдать всем рабочим двухнедельный заработок и считать всех уволенными, с тем, чтобы при открытии завода вновь не принимать наиболее беспокойный элемент, вносящий смуту в среду более благонамеренной части, составлявшей в то время не менее 90% всей массы.

Повидимому, эта мера произвела достаточно сильное впечатление, по крайней мере, весьма значительная часть рабочих по истечении двухнедельного срока, за который все получили расчет, стала просить Губернатора об оказании содействия с его стороны к скорейшему возобновлению действий завода. Принимая в соображение тяжелое положение рабочих, остающихся без заработка, особенно в виду выраженного бывшим Министром Финансов, Статс-Секретарем Коковцевым пожелания возможно скорее открыть завод, было объявлено о возобновлении действий его с 15 октября с. г., открывая цеха постепенно один за другим, в зависимости от их взаимной связи. В это время был обнародован Манифест 17 октября; все установившиеся взгляды на свои права и обязанности до такой степени перепутались, что каждый считает себя в праве делать и поступать, как хочет. Агитаторы, конечно, еще усилили свою деятельность; фактически заводом управляет не администрация, а выборные от цехов (до 60 чел.); делают, что хотят; заводоуправление вынуждено подчиняться, делая вид, что сохраняет хотя тень власти. Для характеристики положения укажу на два примера из хроники самого последнего времени: чернорабочим, работающим во дворе завода (уборка сора, подвозка и выгрузка дров у котельных и т. п.) установлена поденная плата 60 коп.; таких всего 140 чел.; они объявляют забастовку и требуют 80 коп.; цеха остаются без дров; цеховые рабочие штамповочного цеха изъявляют согласие сами подвозить дрова, на что заведывающий получает разрешение Горного Начальника. Узнав о том, один из выборных (некто Юрш, выкрест из польских евреев) прибегает на место и требует немедленно прекращения нагрузки дров, упрекая рабочих за измену общему делу, за противодействие успеху забастовки чернорабочих. Чтобы не остановить фабрики, пришлось уступить и дать поденщику 80 к., хотя можно сколько-угодно нанять по 50 коп. Другой пример: в виде особой формы благотворительности, в Мотовилихе сыздавна установилась подноска воды в цеха для питья рабочих вдовами

бывших мастеров; получают они за свой труд, не более 3 часов в день, по 45 коп. поденщины; подвозить в бочках, конечно, было бы значительно дешевле. Вдруг объявляется забастовка водоносок, требуют, вместо 45, 60 коп. Опять пришлось согласиться, вследствие поддержки этого требования выборными от рабочих.

Я признаю безусловно невозможным вести дело при таких условиях; успешность работы крайне неудовлетворительная, а цены невозможно повышены и повышаются беспрепятственно далее, и нет поводов остановиться на какой-либо норме.

С 9 сего декабря объявлена общая забастовка завода на политической почве, к заводской администрации никаких требований не предъявлялось, ближайшая цель, повидимому, поддержка забастовки почтово-телеграфной и железнодорожной. По последним сведениям, от 13 декабря (телеграмма Горного Начальника), образовавшаяся боевая дружина из среды рабочих Пермского завода, серьезно вооружившаяся и, вероятно, насчитывающая несколько сотен человек, имела боевые столкновения с войсками и казаками; по слухам, немало убитых и раненых с обеих сторон.

Из вышеизложенного Горный Департамент изволит усмотреть, что правильный ход заводских работ совершенно невозможен. Казалось бы, безусловно необходимо закрыть завод, по крайней мере, на 3 — 4 месяца, если не на целый год, чтобы совершенно освободиться от крайних революционных элементов, не только пустивших глубокие корни среди мотовилихинских рабочих, но и приобревших неограниченную власть над всей рабочей массой. С другой стороны, уволивши 7.500 — 8.000 человек с работы, мы создадим такую огромную голодную массу озлобленных людей, которые составят отчаянную армию пролетариев, готовую на все, которой не остается ничего другого, как жечь и грабить, начиная с г. Перми, имеющего весьма незначительное количество воинских сил для защиты города и его жителей. Очевидно, что именно на это и рассчитывают всякие социалисты и анархисты, для которых было бы крайне желательным создать себе такую армию.

Исходя из этих соображений, я прихожу к заключению, что, пока возможно, нужно поддерживать хотя бы в самой малой мере порядок и дисциплину, удерживая людей перспективой получения заработной платы. Государству выгоднее понести даже крупные убытки в 1 — 1½ миллиона рублей, лишь бы не создавать столь опасной озлобленной массы голодного пролетариата. Быть-может, когда будет, наконец, созвана Государственная Дума, наступит столь желанное успокоение, ослабнет агитационная деятельность анархистов, и рабочие массы проникнутся убеждением в необходимости порядка и дисциплины.

Вся заводская администрация, с Горным Начальником во главе, не только честно, но и самоотверженно несет свой тяжелый и опасный долг. Их положение несравненно тяжелее и даже опаснее, чем на войне. Я считаю своей обязанностью засвидетельствовать самым

настоятельным образом, что все инженеры, все старшие служащие в заводе и Управлении, а также медицинский персонал заслуживают самой горячей похвалы и благодарности со стороны Государственной власти. Тем более мне кажется странным и совершенно неуместным вмешательство г. пермского старшего фабричного инспектора не в свое дело, и совершенно непонятно заподозревание им «каких-то дефектов во внутреннем управлении заводом».

Главный Начальник П. Боклевский.

[Дело деп. пол., 4-дство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 329.]

Копия.

(Стр. 199.)

Г. Главному Начальнику Уральских горных заводов.

Рапорт.

После происшествий 13 декабря в завод и в Управление никто из рабочих не являлся. 15-го с утра начали проситься в завод весьма многие, имевшие надобность в сверке работ, произведенных ими, взятии из своих ящиков расчетных книжек и тому подобных целей. Я разрешил пропуск только через Большую Проходную, при условии, что каждый входящий будет обыскиваться. Я стоял сам некоторое время у проходных ворот, чтобы иметь возможность судить о настроении людей и лично высказаться возможно большему их числу о положении дела, а также и выслушать рабочих. Все говорившие открыто высказывали, что никакой забастовки не желали и не желают, но что работать все же боятся, в настроении не заметил ни озлобления, ни угнетения. Некоторые откровенно рассказывали, как видели, что рабочие стреляли в казаков, сами скрывались, а выстрелы ответные казаков направлялись на людей непричастных.

Значительное число отдельных пунктов столкновения войск с вооруженными рабочими и число случаев стрельбы по войскам до и после столкновения показывает, что состав партии, решившейся действовать оружием, довольно многочисленный. Так до начала столкновения на возвращавшийся с пороховых погребов патруль посыпались выстрелы, патруль отвечал, исстрелял все свои патроны. Когда в городе вели 33 арестованных на чердаке орудийной № 1 в сопровождении роты, были также выстрелы. В патруль, проходивший по селению, после уже столкновения на улице был произведен выстрел; стрелявший задержан, но оружия при нем не оказалось. Арестованных с оружием и отобранного оружия весьма мало (охотничьих берданок с патронами, снаряженными частью крупной дробью, частью пулями, всего три), и таким образом вооруженным силам партии нанесен ущерб весьма малый. Поэтому во-

оруженные ее действия могут вновь быть вызваны весьма легко, и наиболее возможно возникновение их во время действия завода. Хотя при входе в завод можно продолжать обыски, но это не будет еще гарантировать от появления в заводе оружия. Завод обширен, огражден плохо, оружие может быть переброшено через забор в условленном месте, взято, припрятано в цехах и пущено в дело при желании. При таких условиях, я полагаю, не принимать никаких мер к ускорению пуска действия завода, пока или не начнется серьезная реакция недовольных забастовкой рабочих или не будет мне заявлено депутатами цехов, что забастовка окончена.

Взятие засевших на чердаке орудийной № 1 было произведено следующим образом. Отыскано было отверстие на чердаке, заложенное досками, доски были разобраны, в отверстие дан был залп, а затем солдаты, залезая друг на друга, взобрались поодиночке на чердак и без выстрела забрали находившихся там. Некоторые из осажденных начали через слуховые окна вылезать на крышу, но бывшие снаружи в них стреляли, при чем убили троих.

Подлинный за надлежащим подписанием.

Мотовилиха, 6 декабря 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 643.]

Копия.

(Стр. 200.)

Г. Главному Начальнику Уральских горных заводов.

Рапорт.

Вчера 13 декабря ко времени прихода почтового поезда в Мотовилиху присланы были из Перми около ста казаков и с поездом рота солдат, которые и расположились около вокзала и на путях. Поезд почтовый прошел благополучно, не останавливаясь в Мотовилихе. Затем из завода раздались выстрелы, а также были выстрелы в казаков и со стороны толпы, собравшейся у ближайшего за станцией переезда. Тогда казаки и часть солдат вошли в завод, где начались в них выстрелы из некоторых фабрик, на которые те и отвечали. В то же время, преследуя начавших стрелять на переезде, казаки подвергались выстрелам собравшихся на перекрестках и частью из домов. Около 4-х часов стрельба прекратилась, и казаки уехали в город, а в Мотовилихе осталась рота солдат.

Около пяти часов сделалось известным, что в орудийной № 1 фабрике собрались какие-то вооруженные люди. Когда отряд солдат стал подходить к этой фабрике, то из слуховых окон произведено было выстрелов 20. Оказалось, что стрелявшие находились на чердаке. Сперва, в особенности в виду наступившей уже темноты, отряд затруднился дальнейшими действиями, но затем, не знаю уже каким

образом, осажденные были взяты в числе 33 человек и, сверх того, 3 человека убито.

Всего убитых, по имеющимся пока сведениям, 6 человек, раненых в госпиталь доставлено 9 [1]), из них пятеро тяжело, из последних один вчера же скончался.

Подлинный подписал Горный Начальник Пермских пушечных заводов Строльман.

Мотовилиха, декабря 15, 1905 г.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2, вход. 643.]

Копия.

(Стр. 201.)

Г. Главному Начальнику Уральских горных заводов.

Рапорт.

Забастовка продолжается. Ежедневно происходят собрания в снарядной № 5 фабрике, с которых раз в день являются ко мне делегаты с заявлением о тех отступлениях от забастовки, какие собрание нашло возможным сделать; так, для чистки, кормления лошадей и подвозки воды в госпиталь и на квартиры докторов могут быть оставлены 14 конюхов, для подвозки дров к центральной котловой и к прессовой могут быть оставлены шесть возчиков, на запас для всяких случайностей — 10 рабочих, телефон оставлен в моем распоряжении, пока производятся текущие расчеты с рабочими.

Я совершенно бессилен отвечать отказом на подобные требования, так как в самом начале забастовки я настаивал на присылке хотя бы роты солдат, но в этом было отказано. Никаких насилий и угроз не делается, в селении тихо. Ежедневно по вечерам собираются в заводском театре митинги, на которых ораторствуют приезжие из Перми. Среди рабочих благоразумных растет раздражение против забастовки, которая вообще для всех рабочих была совершенно неожиданной. Накануне забастовки вечером было собрание депутатов всех цехов, на котором $^2/_3$ присутствовавших высказались против забастовки, почему теперь и некоторые из депутатов уже высказывают неудовольствие на устройство забастовки.

Осуществлена была забастовка, главным образом, тем, что было прекращено электрическое освещение в цехах, и рабочим ничего не оставалось, как уйти из фабрик. Затем был распространен слух, что работы остановлены только до 12 часов для общего собрания. Когда в присылке войск было отказано, я, осведомившись о малой популярности забастовки, и не настаивал на охране, так как полагал, что забастовка не затянется, а присылка войск может вызвать какие-либо осложнения.

[1]) Сверх того, один казак, отправленный в Пермь.

Сегодня, однако, обстоятельства несколько изменились благодаря тому, что на ст. Мотовилиха рабочими был остановлен почтовый поезд, выходящий из Перми в 1 час. 24 мин. Пока приехали из Перми казаки (около 50 человек), на путях у вокзала собралось до 1.500 человек. При появлении казаков толпа обратилась в бегство, но казаки все же весьма многих выгнали и похлестали нагайками; были выстрелы с обеих сторон, но раненых или убитых, кажется, нет. Затем прибыла еще рота солдат.

Я после этого просил управляющего губернией оставить в Мотовилихе войска, опасаясь, что случившееся из-за поезда столкновение, раздражив рабочих известного направления, может повести к каким-либо насилиям, но г. Стрижевский ответил мне, что не может дать войск, что в Перми на вокзале рота, которая, в случае нужды, и может быть быстро двинута в Мотовилиху, что на вокзале в Перми нужны войска для ограждения движения поездов, и заменить роту некем, если бы она была переведена в Мотовилиху.

Между тем сегодня до меня дошли сведения, что у рабочих имеется дружина, вооруженная ружьями со штыками; это говорили мне видевшие вооруженных этим оружием. Г. Управляющего губернией я вполне понимаю, так как, при наличии 400 солдат и необходимости в Перми держать многочисленные караулы и патрули, трудно уделить что-либо в Мотовилиху, но это доказывает только, что воинская сила должна быть увеличена. Между тем, г. Стрижевский заявил мне, что в усилении состава войск получил отказ.

Сегодня вышли обязательные постановления Управляющего губернией относительно ответственности за недозволенное ношение оружия (до 500 руб. штрафа или до 3 месяцев ареста), но средств для осуществления этих правил, по крайней мере, в Мотовилихе, не имеется. Сегодня вечером, наоборот, даже были лишены оружия рабочими трое полицейских стражников.

Г. Стрижевский, сознавая, что средств для борьбы с движением недостаточно, сегодня утром просил меня дать средства для найма для Мотовилихи 20 конных стражников, присовокупляя при этом, что Министерство Внутренних Дел внесло уже в Государственный Совет проект усиления состава полиции в Мотовилихе в том виде, как было проектировано Вашим Превосходительством и бывшим Губернатором Наумовым.

Полная беззащитность Мотовилихи и слабая надежда на помощь из Перми, усиление влияния известной партии рабочих побудили меня возбудить перед Вашим Превосходительством ходатайство [1]) о разрешении предоставить из заводских средств необходимые суммы на наем 20 конных стражников, в размере 700 руб. в месяц.

Подлинный за надлежащим подписанием.

Декабря 12, 1905 г.

[1]) Шифрованной телеграммой от 13 декабря.

(Стр. 210.)

Дело о революционном движении в Мотовилихинском заводе в декабре 1905 г. и Пермском Комитете РСДРП.

На 6 декабря, в виду праздничного дня, начало заседания суда назначено было в 1 час дня. За неприбытием к назначенному часу подсудимых Смельчакова, Иванчина, Исупова и Кобелева, открытие заседания было отсрочено, но подсудимые, опоздавшие прибытием из Мотовилихи, вследствие опоздания поезда, скоро явились, и палата приступила к допросу свидетелей обвинения.

Первым был допрошен писарь мотовилихинского волостного правления Ипантьев по поводу сходки, на которой участвовали рабочие не-домохозяева. Свидетель показал, что прибывшие на сход рабочие, избрав председателя, постановили послать Государю Императору телеграмму о скорейшем созыве Учредительного Собрания. Что такое Учредительное Собрание, — свидетель не знает. На том же сходе постановлено было организовать милицию, на какой предмет постановлено было взять две тысячи рублей денег, так-называемых богадельных. Постановление это было передано земскому начальнику. На предварительном следствии свидетель показал, что явившиеся на сход рабочие были вооружены. На судебном же следствии он показал, что кто-то размахивал револьвером, рекомендуя приобретать именно такие, как у него.

Нападение на склад Нобеля с целью отобрать имевшиеся у заведывающего складом револьверы, из показаний свидетелей Таранова и Поскребышева, рисуется в следующем виде: на склад явились рабочие, без насилия над кем бы то ни было взяли 12 револьверов, отобрав лишь телефонную трубку, велели рабочим склада бастовать, звали последних на сходку в Мотовилиху, сказав Таранову, что он обязан заплатить рабочим за забастовочное время. В получении револьверов экспроприаторы обещались выдать Таранову, согласно просьбе его, расписку, но таковой не выдали, хотя Таранов посылал за ней в Мотовилиху человека несколько раз. Оба свидетеля называют какого-то высокого, черного мужчину, бывшего во главе пришедших на склад рабочих, но между подсудимыми этого человека нет.

Наибольшее число свидетелей было вызвано со стороны обвинения по поводу попытки мотовилихинских рабочих задержать на станции Мотовилиха почтовый поезд. Как серьезна была эта попытка,—видно из того, что 4 солдатам и одному жандарму удалось не дать отцепить паровоза и осуществить самое намерение. Правда, машинист был снят с паровоза, помощник также, но последний скоро вернулся. Едва показались казаки, как рабочие бросились бежать. Казаки многих настигли и жестоко с ними расправились. Были еще попытки испортить переводные стрелки, но они были скоро исправлены, и поезд был скоро отправлен дальше.

Ряд свидетелей, большей частью солдат, был допрошен относительно стрельбы в войска 33 человек, скрывшихся в здании фабрики № 1 и арестованных там впоследствии. Получилось впечатление, что чердак, куда залезли рабочие, был местом убежища для рабочих, а не засады, и что нахождение там засевших рабочих обнаружено было не вследствие стрельбы ими оттуда, а по указанию малолетнего рабочего.

В доме Василия Абрашева было нанято помещение под рабочий клуб, где рабочие собирались для чтения газет. Клуб этот просуществовал всего четыре дня, но он упоминается в обвинительном акте, как место, откуда видели вышедших рабочих, вооруженных ружьями. На суде это не подтвердилось.

Свидетель Пташинский, из дома коего был произведен в казаков выстрел, после чего казаки вызвали его и жестоко избили, показал, что обвиняемый Абросимов был в числе других рабочих, стрелявших в казаков, и имел в руках шпагу, не похожую ни на военную, ни на гражданскую, а «на такую, какой награждают».

Против обвиняемого Санина Пенихин и Аникин показали, что он показывал им два револьвера и рассказал, что ранил казака.

Свидетель Василий Булыгин на предварительном следствии показал, что видел убегавших из дома Морошина, откуда был произведен в казаков выстрел, мастерового Витте и сына своего, Тимофея Булыгина.

На суде Булыгин-отец отказался от прежнего своего показания, сославшись на то, что, за дальностью расстояния, не мог видеть, кто именно бежал из дома Морошина.

Один из находящихся в тюремном заключении обвиняемых обратился к председателю палаты с жалобой на жестокое обращение конвойной команды с обвиняемыми во время следования из тюрьмы в суд и обратно. Жалоба эта не встретила, к сожалению, сочувствия.

В 7 час. вечера объявлен был перерыв до 10 час. 7 декабря.

Заседание палаты 7 декабря началось с опроса свидетелей со стороны защиты.

Горных, помощник присяжного поверенного, показал, что он был на всех почти митингах, возникших на почве манифеста 17 октября. Все тогда верили в конституцию и данные манифестом свободы. Митинги после 17 октября происходили открыто и со стороны власти не встречали препятствий. Полиция в то время в Перми и в Мотовилихе отсутствовала. В виду бездеятельности полиции, естественно, возникла мысль о необходимости организации милиции и самообороны и тем более, что тогда в Перми начала проявлять деятельность свою черная сотня. По городу разбрасывались прокламации с призывом к избиению евреев и интеллигенции. Назывались имена приговоренных к смерти, обещали взо-

рвать Благородное собрание... 22 октября черносотенцы сделали активное выступление, но, благодаря группе мотовилихинских рабочих, черносотенцы были обращены в бегство. Город обязан избавлением от погромов исключительно Мотовилихе. Вопрос о милиции возник даже в городской думе и вылился в форму квартальных сторожей, содержавшихся на счет города. Горожане открыто делали сборы на милицию, как на самооборону. Такую же цель имела милиция и в Мотовилихе.

Мотовилихинские митинги имели характер теоретических рассуждений. Трапезников порицал социалистов-революционеров за их программу, Владимирский в своих речах убеждал их не волноваться. Далее свидетель рисует картину жестокостей, проявленных в Мотовилихе казаками. Они убили ни в чем не повинную сторожиху школы, в пивной Сунцова произвели полный разгром. Всем памятно, что в местной газете «Пермский Край» появились указания на эти жестокости казаков, и как казаки угрожали редакции газеты, и последняя вынуждена была 3 дня не выходить. Свидетель часто ездил в Мотовилиху для устройства разрешенных лекций в народном доме. Он сам читал по Плюссу историю французской революции, и на лекциях бывали представители и умеренных партий.

Выражений с призывом нанести правительству решительный удар ни от кого не слыхал, никто не призывал к вооружению и нападению на солдат и казаков; было бы нелепо выступать против войска с жалкими револьверами.

На митингах выносились резолюции о необходимости скорейшего созыва Государственной Думы. Митинги имели характер предвыборных собраний, призыва же к ниспровержению монархии не было. Все тогда думали, что действительно дана конституция и говорили о Государственной Думе и Учредительном Собрании совершенно свободно. Сам манифест говорил, что ни один закон не будет проведен без одобрения Думы, а это и есть Учредительное Собрание. В газетах об этом тогда печаталось открыто. Разговоры об Учредительном Собрании не свидетельствовали еще о низвержении существующего строя. В то время в городе, в музее, происходили постоянные митинги, и на них Владимирский знакомил публику с программой социал-демократической партии. По просьбе местного духовенства, он же выступал в Богородицкой школе и епархиальном училище с Миклашевским для разъяснения программы соц.-дем. партии. Оба оратора, представители двух социалистических партий, получили от духовенства благодарность.

Показания свидетелей Яблокова и Абрамовича вполне подтвердили показания свидетеля Г.

Установлено, что все почти арестованные на чердаке фабрики № 1 приходили в этот день на завод для заверки листков, по которым им производят заработную плату.

В том же заседании были оглашены показания не явившихся свидетелей со стороны обвинения: Билева, Байтемирова, Коренанова, Ивашева, Астраханцева, Касецкого (умершего), Брагина, Багрова, Полозова, Кардеева, Губина и Фокина.

---

8 декабря, после объявления заседания суда открытым, прокурор палаты просит огласить документы, приложенные к делу. Защита тоже просит огласить некоторые места из дела и предъявить акт осмотра места в фабрике № 1, где рабочие спрятались от преследования казаков.

Документы, потребованные прокурором, представляют собой перечень и краткое содержание брошюр, забранных при обысках у Федоровой, Ягодниковой, Матвеева и Семченко. У первой найден ряд счетов на купленные у Давыдова, Ходаковского и других револьверы, патроны и кинжалы. У Ягодниковой — счет движения сумм, прокламации против черной сотни, как отбирать землю у помещиков, и воззвание к вооружению; у Матвеева — программы соц.-дем. партии, у Семченко — манифест Совета Рабочих Депутатов. Осмотрен план фабрики № 1 и прочтен список оружия, найденного в фабрике № 1 после ареста засевших там рабочих и найденного на другой день как на чердаке фабрики, так и вокруг фабрики. Список этот заключает в себе три револьвера, несколько патронов и один нож.

Председатель объявляет судебное следствие оконченным и предоставляет слово прокурору. Г. Солодовников говорил без перерыва полтора часа. Это был образец плавной, продуманной и в высокой степени умело составленной речи, в которой факты и лица нанизывались умелой рукой, так что получилось впечатление, что в Мотовилихе готовилось и произошло что-то необычайно грандиозное. Постараемся в краткой передаче воспроизвести эту речь.

В декабре прошлого года, — начал г. Солодовников, — администрацией был у целого ряда лиц произведен обыск, после чего стало ясно, что в Перми существует организация, поставившая себе целью свержение существующего порядка, а средством — вооружение пролетариата, для противопоставления силе силы. В документах, найденных у подсудимых, есть указания на существовавшую связь между пермскими и мотовилихинскими рабочими. Комитет посылал в Мотовилиху ораторов и давал средства, покупал оружие и организовал милицию, это «ядро вооруженной армии, имевшей выступить в борьбу». В результате такой деятельности Комитета, еще с осени, когда рабочие толковали лишь о своих нуждах, уже заводились речи о существующем строе и говорилось о возможности приобретения оружия. 9 декабря решено было присоединиться ко всеобщей забастовке. Ораторы говорили, что у правительства нет больше средств, и что стачка будет тем средством, которое нанесет правительству последний удар. Собрание служащих завода под

председательством Бессонова также решило примкнуть к забастовке. Начальству завода объявлено было, что его роль — исполнить предъявленные ему требования. 11 декабря на сходке в фабрике № 5, постановлено было: послать к губернатору депутацию с требованием освободить арестованный железнодорожный союз. Депутация была снабжена удостоверением, в котором говорилось, что требование их поддерживают 6.000 рабочих. Рабочие, по окончании сходки в № 5, отправились на соединенный волостной сход и потребовали оставить текущие дела, избрали своего председателя и постановили: послать Государю телеграмму с просьбой о скорейшем созыве Учредительного Собрания на основании 4-членной формулы, и организовать милицию. После этого прокурор напомнил об экспроприации 12 револьверов на складе Нобеля и попытке осуществить железнодорожную забастовку, вызове в Мотовилиху казаков, солдат и прочие подробности, приведенные в обвинительном акте. Прокурор старался доказать как то, что рабочие первые начали стрельбу в казаков, так и то, что они продолжали стрельбу с чердака фабрики № 1, и что только благодаря этому обнаружено было их пребывание там. На основании всего этого он требовал применения к обвиненным 123 ст., карающей за сопротивление властям скопищем. В отдельную группу прокурор выделил Сюзеву, Мутных, Матвеева и Семченко. Во избежание упрека повторяю, что передаю речь прокурора в самой сжатой форме и наиболее существенной части. В том же порядке я передам речи защитников.

Первым говорил Негавицын. Дело это очень сложное, однородное со многими другими, разбиравшимися в других местах, дело это возникло на почве манифеста 17 октября. Упав на наши головы светлым лучом ранней весны, он был неожидан. Из подданных мы превратились в граждан. Большинство было в недоумении. Была обещана свобода слова, союзов и собраний, и на этой почве возникли митинги. После этой характеристики общего настроения всех нас осенью прошлого года, защитник перешел к настроению, в каком находились мотовилихинские рабочие и служащие, равно и администрация завода, отношению тех и других к собраниям, к целям и задачам последних и к степени виновности каждого из порученных его защите подсудимых. Он вложил в свою речь много чувства, чтобы доказать, что приписываемое обвинительным актом подсудимым обвинение частью преувеличено, частью опровергнуто на судебном следствии.

Вторым говорил Желватых. Он старался, и не без успеха, доказать невиновность порученных его защите обвиняемых.

Падалка тоже сосредоточил все внимание свое на защите каждого из своих клиентов в отдельности, но конец его прочувствованной речи был уже обращен на все дело, на всех вместе, и еще больше на то, что пережила Россия осенью прошлого года, что пережили и перечувствовали обвиняемые, и что суду нечего опасаться того,

что эти мирные люди, большинство еще дети, если будут оправданы, вновь будут вовлечены в движение.

Из обвиняемых последним словом воспользовались многие, но приведем вкратце речи Владимирского и Матвеева. Первый сказал, что обвинение к нему предъявлено на основании показания одного лишь свидетеля, слышавшего, будто бы, что Владимирский призывал к вооруженному восстанию. Из тысяч людей, слышавших в прошлом году речи Владимирского, не нашлось больше свидетелей, кроме этого одного, которого Владимирский считает рабочим лишь по названию, а на самом деле совсем другим.

Матвеев указал на то, что найденные у него при обыске брошюры продавались в прошлом году везде и повсюду, что он эти брошюры не «хранил» и никому и никуда не рассылал, одним словом, ничем не доказано, что он хранил найденную у него литературу с преступной целью.

10 декабря в 12 часов дня объявлена резолюция суда, по которой 10 декабря всех подсудимых, бывших на свободе и явившихся в суд для выслушания приговора, раньше чем впускать в зал, обыскивала полиция, исключения не было сделано и для женщин. Вокруг здания суда и на дворе — усиленный наряд драгун. Перед зданием суда на площади огромная толпа родственников. Введенных в зал подсудимых-заключенных приветствуют находящиеся на свободе обвиняемые.

Резолюцией палаты приговорены: в исправительное арестантское отделение на 5 лет Иван Яковлев Болдачев, на 4 г. — Шишов, Норин, Шулятьев, Жигулев, Лебедев, Язырев, Ширинкин, Ощенков, Бояринцев, Живяков, Орлов, Мелентьев, Безелецких, Фофанов, Абросимов, Корюгин и Лядов.

На 3 года: Голдин, Карягин и Пасин.

На 2 года 8 месяцев: Мельчаков, Кобылов, Филимонов, Исупов, Порфиров и Ивашин.

В тюрьму на 9 месяцев: Бессонов и Дебин.

На 6 месяцев: Соколов, Сервиков, Чернозипунников, Рудаков, Ахлюстин и Туркин.

В крепость на 4 месяца: Матвеев, г-жа Мутных и на 2 месяца — Сенченко.

Усольцов, Пишулев, Волков, Сюзева, Путяков, Витте, Сысолятин, Санин, Булыгин и Владимирский оправданы.

(«Камский Край», 12. XII.)

[Дело деп. пол., 4 д-ство, 1905 г., № 4, ч. 45, т. 2.]

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ.

1. Красноярская забастовка железнодорожников.

(Стр. 1.)

Начальник Енисейского Губернского Жандармского Управления.

11 января 1905 г.
№ 124.
Г. Красноярск, Енис. губ.

Совершенно секретно.

В Департамент Полиции.

Телеграфное известие о забастовке петербургских рабочих вызвало ликование и среди многих рабочих Красноярских железнодорожных мастерских (всех рабочих около 3-х тысяч). Вчера ночью предполагалась сходка и разбрасывание прокламаций; мною были приняты все меры к задержанию подстрекателей (ораторов), но сходка не состоялась. Возможно предположить, что забастовки рабочих не будет, так как большая часть их состоит из запасных нижних чинов, которые, при забастовке, должны были бы итти на службу в действующую армию.

Полковник Казинцов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 47, 1905 г.]

(Стр. 16.)

Начальник Енисейского Губернского Жандармского Управления.

19 января 1905 г.
№ 216.
Г. Красноярск, Енис. губ.

Секретно.

В Департамент Полиции.

В дополнение телеграммы от 17 сего января имею честь донести Департаменту Полиции, что во время следования по Большой улице к квартире г. Губернатора забастовавших рабочих, разбрасывались в огромном количестве разного содержания прокламации, пелись революционного содержания песни. Встретив высланных жандармов и казаков на своем пути, толпа повернула обратно, но и здесь их ожидали пехотные части. Тогда уча-

стники стачки стали смешиваться с публикой и вскоре от толпы в 300 человек осталось 50, высказавшие через представителей вышедшему к ним Губернатору свои требования, а именно: 1) рабочие требуют квартирные деньги по примеру Забайкальской железной дороги, 2) прибавку расценки до 20% и 3) 8-часовой рабочий день, после чего рабочие разошлись тихо, не произведя никаких беспорядков. В числе оставшихся не было руководителей и зачинщиков, скрывшихся сейчас же когда заметили войска.

По распоряжению Командующего войсками по этому делу будет производиться следствие военным следователем. Теперь же производится начальником Красноярского отделения жандармского полицейского Управления Сибирской железной дороги полицейское дознание, по которому некоторые, проявившие активную деятельность при забастовке, содержатся в тюремном замке.

Мною производятся по этому делу дальнейшие розыски и расследования, на основании имеющихся агентурных сведений, и весь добытый материал будет сообщаться военному следователю.

К изложенному докладываю, что 17 числа забастовали рабочие всех цехов, а депо работало. Вечером же забастовали и рабочие депо. Утром 18-го в цехах не работали, а в депо вышла на работу половина рабочих. 19-го числа на работу вышла большая часть рабочих всех цехов. По агентурным сведениям, главного вожака рабочих Аргудяева укрывают интеллигентные агитаторы, которые настаивают на повторении 25-го числа беспорядков в более грандиозной форме Все лица, принимавшие участие в сходках рабочих с целью склонить их к забастовке, мною выяснены; в числе известных уже, проходивших по делам лиц указывают как на посещавшего сходки рабочих и говорившего речи военного врача, еврея, повидимому, судя по приметам, Цейтлина.

В виду сильной агитации неблагонадежных лиц и готовящихся 25 сего января беспорядков, я признаю необходимым своевременно произвести у них обыски и по задержании предъявить их тем из рабочих, которые могут установить участие их в беспорядках рабочих.

Приложение: прокламации: «К рабочим депо и мастерских гор. Красноярска», январь 1905 года, «В России революция», январь 1905 года. «К красноярскому Губернатору», январь 1905 г.,— издания Красноярского комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. «К солдатам», ноябрь 1904 г., «Война против войны», август 1904 года. «К солдатам», декабрь 1904 года и «К солдатам», № 30, январь 1905 года, — издания Сибирского Союза и комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Полковник Казинцов.

———

Шифрованная телеграмма ротмистра Митаревского Шефу Жандармов, от 21 января 1905 г.

Забастовка окончилась, к работам приступили все. За спокойствие до конца месяца все-таки не ручаюсь.

(Стр. 29.)

Его Превосходительству Господину Енисейскому Губернатору.

Мастеровых и рабочих Красноярских жел.-дор. мастерских и депо.

Доклад.

17 числа мы, мастеровые и рабочие ж.-д. мастерских и депо ст. Красноярск, имели необходимость лично увидеть Ваше Превосходительство по следующим причинам:

1. Согласно Высочайшего повеления предъявить требование о применении к нам восьмичасового труда.
2. Понижаемые расценки повысить и таксу таковых вывесить в витринах или означить в рабочих книжках.
3. Восстановить более гуманные отношения к рабочим со стороны мастеров и монтеров.
4. Оградить личность мастеровых и рабочих по случаю законных их требований от вмешательства полиции.
5. Устроить вентиляцию для удаления копоти и дыма, вредно влияющих на здоровье работающих.
6. За все прогульные дни, проведенные благодаря неисполнения Высочайшего повеления со стороны администрации железной дороги, просим произвести поденную уплату полностью.

Мастеровые и рабочие Красноярских ж.-д. мастерских и депо.

18 января 1905 г.

(Стр. 93-Б.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Стачечный листок № 2.

Резолюция.

принятая рабочими депо и мастерских г. Красноярска при объявлении стачки.

Узнав на сходке, состоявшейся 10 августа, о стачке в Чите, о предположенной или уже состоявшейся стачке в Иркутске, мы считаем своим долгом поддержать наших забастовавших товарищей.

Поддержка забастовавших товарищей — вот что, главным образом, побуждает нас к стачке.

Далее мы требуем возвращения и освобождения товарищей депо ст. Боготол.

Признавая громадную важность свободного досуга для нашего развития, особенно в настоящее время, когда самодержавие хочет надуть народ фальшивым представительством, мы требуем 8-часового рабочего дня.

Далее мы выставляем следующие требования:

1) Прибавка жалованья мастеровым и чернорабочим на 50 проц., а тем, кто получает ниже рубля, на 75 проц.

2) Улучшение гигиенических условий.

3) Более внимательный осмотр в приемном покое, увеличение штаба врачей, приглашение женщин-врачей.

4) При увольнении рабочих администрацией, выдача месячного содержания по поденному расчету лицам, прослужившим 1 год; прослужившим 2 года — за 2 месяца; 3 года — за 3 месяца.

5) Бесплатное обучение детей в железнодорожных школах.

6) Бесплатная библиотека и читальня для всех железнодорожных служащих.

7) Увеличение расценки на работы по заявлению отдельных цехов.

8) Отменить сбор на масло для икон и вычеты на военные издержки.

9) Отмена факелов.

10) Уплата за время забастовки по средней расценке.

11) Никто из забастовавших не должен пострадать.

12) Не брать запасных стачечников в солдаты.

13) Освобождение арестованных 10 августа товарищей.

Далее мы требуем свободы собраний без присутствия полиции, жандармов и казаков, которые обратили наше собрание 10 августа в расстрел безоружных людей.

Хорошо понимая, что никакие уступки не могут быть прочны при самодержавном строе, что даже удерживать эти вырванные нами уступки приходится дорогою и часто кровавой ценой, мы направляем эту стачку против самодержавия и затеянной им войны, мы обращаемся к товарищам по линии с предложением примкнуть к нашей стачке и сделать ее всеобщей.

Довольно гнать наших братьев-солдат в далекую манчжурскую могилу.

Довольно править кучке придворных и чиновников, вместе с царем во главе, над многомиллионным народом. Пусть народ сам правит собою, пусть он установит новый порядок через своих представителей, созванных на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Товарищи, царь обещал созвать «доверием народа облеченных» представителей. Теперь он показал, кого он считает народом: тех,

у кого толстая мошна, и тех, чьи предки-дворяне в течение многих веков меняли людей на собак и пировали на чужой счет. Нам же, рабочим, не дано ни одного представителя, а все крестьяне посылают гораздо меньше представителей, чем ничтожная кучка купцов и дворян. Но и эти представители будут избираемы так, что крестьянам будет почти невозможно послать в думу истинных защитников своих интересов.

Указом сенату царь заявил, что никаких изменений этому не будет. Даже самые несознательные товарищи должны теперь понять, в какое бесправное положение ставит нас булыгинская дума. Будем же, товарищи, надеяться только на самих себя и на свое единодушие.

Помните, товарищи, что агитация за всеобщую стачку против булыгинской думы уже начата Социал-Демократической Рабочей Партией по всей России. Помните поэтому, что наша стачка может обратиться не только во всеобщую стачку по линии Сибирской железной дороги, но и послужить началом всероссийской стачки и даже совпасть с нею.

Долой войну! Долой фальшивую Булыгинскую Думу! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует стачка!

Красноярский комитет.

13 августа 1905 г.

(Стр. 51.)

Шифрованная телеграмма начальника Красноярского Жандармского Управления Директору Департамента Полиции, от 28 апреля 1905 г.

Сегодня объявлена резолюция Министра Путей Сообщения рабочим красноярских мастерских, из 20-ти пунктов удовлетворен один; приступившие-было к работе рабочие, с разрешения Губернатора, устроили в мастерских сходку, решили забастовать, прекратить движение, разобрав паровозы, оказывать вооруженное сопротивление, распространить это по всей дороге и 30-го окончательное решение; наплыв агитаторов с прокламациями, призывают вооруженному бунту, открыто говорят преступные речи; полиция отсутствует, всякие репрессии Губернатором последней воспрещены. Положение невозможное.

Полковник Казинцов.

(Стр. 86.)
М. В. Д.
Енисейский Губернатор.
По Губернскому Управлению.
Отделение I.
Делопроизводство II.
Донесение.

Августа 12 дня 1905 г.
№ 1506.
Г. Красноярск.

Секретно.

Господину Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

Красноярский Полицеймейстер рапорт 11 августа доложил мне, что 10 того же августа, в 7 часов вечера, во время обычного объезда им города он был остановлен против квартиры Начальника Губернского Жандармского Управления унтер-офицером этого Управления, который доложил ему относительно отправления на его имя письменного сообщения от Начальника Жандармского Управления о том, что в 7 часов вечера на горе за Николаевской слободой имеет быть сходка рабочих и что Штабс-Ротмистр Беленецкий уже уехал к нему на квартиру для того, чтобы совместно с ним выехать в указанную местность. Вследствие этого, Полицеймейстер тотчас же отправился во 2-ю полицейскую часть, откуда, по приказанию моему, передал по телефону в лагерную стоянку 3-го Сибирского батальона просьбу о немедленной высылке одной роты солдат, а из казачьей сотни вызвал казаков, после чего отправился в 1-ю часть и приказал Приставу Брингельдту с Помощниками Скверчинским и Шемякиным отправиться верхами вместе с казаками по направлению сходки рабочих, тогда как сам Полицеймейстер поехал на ст. Красноярск с целью расспросить Начальника Красноярского Жандармского Отделения железной дороги Ротмистра Митаревского подробности предстоящей сходки. От Митаревского (у которого он застал и Штабс-Ротмистра Беленецкого) Полицеймейстер узнал, что, с его, Митаревского, разрешения, сего числа в помещении железнодорожных мастерских состоялась сходка рабочих, но последние, найдя означенное помещение для этой цели неудобным, заявили, что обсуждение вопросов они закончат на горе, за Николаевской слободой, каковое намерение они и привели в исполнение. После этого Полицеймейстер сейчас же выехал на место сходки, куда до него проследовали уже казаки и названные выше чиновники полиции. По прибытии в указанное место (ровно в 8 час. 15 мин. вечера) Полицеймейстер увидел, что с горы по направлению к слободе двигается густая толпа народа, с пением революционной песни, а за ней в некотором расстоянии следует рота солдат; в то время, когда толпа и рота солдат скрылись в слободе, он заметил, что в окнах стоящего на углу улицы двухъэтажного дома заблистали огоньки и послышались выстрелы. Вслед за тем раздались два залпа, после которых видны были бегущие по разным направлениям и мимо него, — очевидно, участники демонстрации, — которые кричали: «так им и следует, проклятым полякам, доигрались». Командированный Полицеймей-

стером вперед на место сходки Пристав Брингельдт доложил ему следующее: по прибытии 29 казаков под начальством временно и. д. Командира Красноярского дивизиона Подъесаула Рязанцева толпа демонстрантов со степи подошла к зданиям слободы и запела революционные песни и, несмотря на неоднократные категорические требования со стороны Пристава прекратить пение и разойтись, толпа эта, состоявшая приблизительно из 500 человек, не только отказалась исполнить это требование, но даже стала при этом кричать: «Долой полицию», «Долой поганое войско». Для того, чтобы рассеять демонстрантов, Брингельдт отдал распоряжение подъесаулу Рязанцеву развернуться фронтом и скорым шагом въехать в толпу, что и было исполнено названным офицером, не употребляя, однако, в дело оружия. После этого толпа разделилась, при чем одна часть их двинулась на Всесвятскую улицу, а другая бросилась через забор домов Егора Виноградова и Веры Жвакиной, а затем некоторые из них, когда казаки проехали, собрались вновь в кучки и из разных мест начали кричать, свистать, а затем и стрелять из револьверов по направлению к казакам и подошедшей сводной 11 и 12 роте солдат. Остальная же часть демонстрантов, перескочивших во двор дома Виноградова, начала производить выстрелы и бросать в казаков и чинов полиции кирпичи и поленья дров, которыми незначительно ушиблены лошади одного казака и Пристава Брингельдта; в этот момент несколько обывателей, стоявших около дома Жвакиной, стали ловить разбегавшихся демонстрантов и бить их. Для задержания засевших во дворе дома Виноградова демонстрантов усадьба его была оцеплена казаками и городовыми; после чего перескочившими через забор городовыми Плахиным и Дрянных задержаны были в скотном дворе железнодорожные рабочие Ковригин и Казакевич и его дочь Анастасия Казакевич.

Раздавшимися со стороны демонстрантов из вновь строящегося дома Минаева выстрелами в роту солдат, стоявших близ этого дома, из числа последних оказались пострадавшими 12 человек: ранен легко в руку один нижний чин, у двух человек прострелены мундиры, и 9 человек оглушены выстрелами. Когда началась со стороны демонстрантов стрельба в солдат, то из числа их некоторые, не дожидая команды Командира роты Штабс-Капитана Троицкого, с своей стороны, стали производить единичные выстрелы, но, по приказанию Командира роты, стрельба немедленно была прекращена, и демонстранты все рассеялись.

По прекращении стрельбы была осмотрена прилегающая местность, и в расстоянии приблизительно 40 саж. от роты солдат на Всесвятской улице, около угла вновь строящегося дома, обнаружен убитый наповал человек, оказавшийся впоследствии железнодорожным рабочим Михаилом Чальниковым, у которого при осмотре оказались в кармане жилета две прокламации под заглавием «Письмо рабочих из Боготола» и «Отчет о деятельности Красноярского Комитета Российской Социал-Демократической партии рабо-

чих» за июль 1905 года. У заплота дома Виноградова оказался лежащим в бесчувственном состоянии окровавленный неизвестный человек, который прибежавшими частными лицами поднят и доставлен в железнодорожную больницу, куда затем неизвестными лицами доставлен еще один неизвестный человек в бесчувственном состоянии.

Прибывший на место сходки командир батальона Подполковник Шишкин передал Полицеймейстеру, что, по предложению моему, он, Шишкин, усилил для охраны станции и мастерских обыкновенную войсковую часть еще 50-ю солдатами, а по просьбе самого Полицеймейстера в Николаевской слободе на ночь остались взвод солдат и 10 казаков.

На место происшествия были вызваны Товарищ Прокурора по гор. Красноярску и Судебный Следователь, — последний на место происшествия не явился.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству, в дополнение к шифрованной телеграмме моей от 11 с. августа и докладываю, что труп убитого рабочего для вскрытия отправлен в анатомический театр и по этому делу Полицеймейстером донесено Прокурору Красноярского Окружного суда и сообщено Начальнику Енисейского губернского Жандармского Управления.

Губернатор Генерал-Лейтенант Айгустов.

(Стр. 92.)

Начальник
Енисейского Губернского
Жандармского
Управления.

---

15 августа 1905 г.
№ 2672.
Г. Красноярск, Енис. губ.

Секретно.

Директору Департамента Полиции.

В дополнение телеграммы моей от 14 сего августа, доношу Вашему Превосходительству, что Енисейский Губернатор разрешил обратившимся к нему рабочим Красноярских железнодорожных мастерских торжественно хоронить убитого 10 сего августа мастерового Чальникова в отсутствии полиции, на чем они особенно настаивали. Об этом разрешении г. губернатор уведомил меня, на что я предупредил его, что такие торжественные похороны вызовут манифестацию; но губернатор сказал, что рабочие дали ему слово не производить никаких беспорядков или манифестаций.

Так как похороны должны были произойти в отсутствие войск и полиции, то я не приказал подведомственным мне чинам присутствовать на них, не желая подвергать их опасности.

Первоначально рабочие решили отпевать убитого в соборе, с каковою целью и обратились к Красноярскому епископу, прося его лично отслужить заупокойную службу, но как в том, так и в другом им было отказано, и отпевание было совершено в церкви их прихода.

По собранным сведениям, похороны были крайне торжественны, благодаря собранным значительным пожертвованиям. В процессии участвовали все рабочие Красноярских железнодорожных мастерских, забастовавшие приказчики и масса городской посторонней публики. Гроб был отделан красным бархатом, было множество венков, с громадными красными лентами, с надписями: «погибшему за свободу», «погибшему от самодержавия», «от врачей», «от города», «от товарищей», «от Красноярского комитета». Вначале кто-то пытался выкинуть красный флаг, но рабочие сами воспротивились этому, и до кладбища процессия прошла спокойно. После окончания похорон были разбрасываемы во множестве прокламации, и говорились ораторами речи революционного содержания. Затем все присутствовавшие на похоронах спокойно разошлись по домам, не производя никаких беспорядков.

При этом представляю 3 экземпляра прокламаций, озаглавленных: «Резолюция, принятая рабочими», «Еще жертва» и «К рабочим, крестьянам и солдатам».

Полковник Казинцов.

2. Иркутская и читинская забастовки железнодорожников.

(Стр. 127.)
Начальник Иркутского Охранного Отделения.

13 августа 1905 г.
№ 927.
Г. Иркутск.

Совершенно секретно.

Директору Департамента Полиции.

9 сего августа рабочие Иркутского депо Забайкальской железной дороги, числом до 900 человек, внезапно прекратили работы, предъявив лишь 10-го представляемые при сем в копии требования. Забастовка эта вызвана событиями в красноярских и читинских мастерских. Забастовавшие рабочие ведут себя тихо, не нарушая порядка ни в городе, ни в депо, куда они ежедневно собираются на сходки, разрешенные железнодорожной администрацией. Насколько мне известно, энергичное участие к достижению разрешения сходок принимал начальник иркутского участка тяги этой дороги инженер-технолог, из дворян, Фаддей Фомин Ясиновский, состоявший ранее под негласным надзором полиции и ныне числящийся во вверенном мне Отделении на регистрации, как политически неблагонадежное лицо.

Забастовкой этой не преминул воспользоваться «Иркутский Соц.-Дем. Комитет», издавший и распространивший в последнее время три прокламации, по экземпляру коих при сем представляется. Кроме того, означенный Комитет, имеющий среди рабочих и служащих депо своих единомышленников и подготовленных агитаторов, направляет деятельность их к продолжению забастовки,

с целью в это время подбить других рабочих Иркутска, а равно ремесленников и служащих к начатию также забастовки.

При посредстве агентуры и наблюдения выяснены как организационные руководители забастовки, так и до 20-ти более сознательных рабочих, являющихся вожаками среди товарищей. Первый есть: Николай Михайлов Добронравов («Белый»), Мария Гаврилова Лаврова («Малиновка»), Илиодор Илиодоров Удимов («Малакан») и хорошо известный Департаменту Полиции Василий Тимофеев Талалаев. Из рабочих же и служащих депо известны: 1) помощник начальника депо, варшавский мещанин Антон Федоров Цехановский, 39 лет, переведенный на службу Забайкальской жел. дор. из Привислинского края в 1905 году; 2) машинист, дворянин Людвиг Николаев Гано, 50 лет, командированный в 1905 г. с линии Московско-Брестской жел. дор.; 3) машинист, мещанин гор. Бахмута Сергей Павлов Тубалов, 32 лет, проживающий в г. Иркутске с ноября месяца 1904 года; 4) слесарь, крестьянин Владимирской губ., Вязниковского уезда, Иван Григорьев Маслов, 22 лет; 5) занимающийся письмоводством в конторе депо, мещанин Иван Степанов Якутов, 26 лет; 6) машинист, почетный гражданин гор. Харькова Николай Акимов Семенов, 32 лет; 7) слесарь, иркутский мещанин Федор Рожин, 26 лет; 8) рабочий депо, верхоленский мещанин Петр Архипов Пластунов, 35 лет; 9) екатеринбургский мещанин Константин Александров Казаков, 38 лет и некие Рашков, Обедников, Ращенко, Харченков, Иванов, Крашенинников, Глушков и Амельянов.

О некоторых из перечисленных выше рабочих и служащих депо в Отделении, кроме того, имеются следующие сведения: Иван Якутов, привлекавшийся в 1903 г. к дознанию при Иркутском Губернском Жандармском Управлении, был призван из запаса на действительную военную службу в мобилизацию 1904 года, но по увольнении от таковой по болезни вновь поселился в Иркутске и, завязав сношения с революционным миром, является, по данным агентуры, весьма видным членом соц.-дем. организации. Константин Казаков состоял ранее под негласным надзором полиции и ныне числится на регистрации политически неблагонадежных лиц. Кроме того, он и Якутов, по указаниям агентуры, стоят во главе Стачечного Комитета. В отношении же Цехановского и Гано в Иркутском Губернском Жандармском Управлении имеется подписанное заявление, указывающее на противоправительственное их направление.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству, в дополнение к телеграмме моей от 12 сего августа, присовокупляя, что высшая Губернская администрация поставлена мною в известность как о характере забастовки, так и главных участников в подготовлении ее; железнодорожной же администрацией признано целесообразным дать рабочим срок для переговоров сначала до 11-го и затем до воскресенья 14-го, но ни к каким результатам переговоры не при-

вели, и забастовка продолжается, при чем бастующие, разделившись на две партии — желающих начать работу и стоящих за продление забастовки — настроены враждебно между собою. Меры к недопущению возможных уличных беспорядков приняты, и административной власти доложено.

Ротмистр Гаврилов.

— —

(Стр. 129.)

Мы, рабочие Иркутского депо, обсудили на общем собрании положение товарищей рабочих станции Чита и нашли, что над ними совершен произвол со стороны Начальника дороги. Пользуясь бесправным положением, он решил одним почерком пера уволить, т.-е. лишить куска хлеба, 2.000 человек; так как мы такие же рабочие и можем оказаться в таком же положении, то мы решили поддержать наших читинских товарищей забастовкой и выставить также свои требования, без исполнения которых мы не можем продолжать работу.

Мы требуем:

1. Уничтожения порядка перемещения и увольнения рабочих по исключительному усмотрению начальства как высшего, так и низшего.

2. Учреждения особого бюро из рабочих и одного представителя от администрации для решения вопросов: а) об увольнении и приеме рабочих; б) о всяких взысканиях с рабочих. До учреждения этого бюро оставить намеченных к увольнению и принять уволенных женщин, а также всех тех рабочих, которые назначены к увольнению и уволить немедленно Писляка, Дектеренко, Александрова, Урсула.

3. Установления товарищеского суда чести, постановления которого обязательны для администрации.

4. Отмены жандармского вмешательства при поступлении рабочих на службу и при уходе с нее.

Для улучшения нашего экономического положения мы требуем:

5. Восьмичасовой рабочий день.

6. Повышение заработной платы получающим от 1 р. до 2 р. на 50%, от 2 до 3 р. на 30% и от 3 на 15%, также повышение должно быть не меньше рубля.

7. Мобилизационные деньги должны итти на заработную плату рабочих.

8. Обязательное страхование рабочих на государственный счет.

9. Периодическая ежегодная прибавка к жалованью всем в размере 10%.

10. Отмена штрафа.

11. Отвод казенных квартир или уплата квартирных денег, на усмотрение особого бюро (см. пар. 2); бесплатное снабжение отоплением и освещением.

12. Устройство столовой и бесплатной бани при деле.

13. При сдаче пробы оклад жалованья назначается по соглашению особого бюро (пар. 2) с администрацией.

14. Выборные от рабочих выбираются самими рабочими без вмешательства администраци и жандармерии.

15. Отмена сверхурочных и сдельных работ.

16. Ежегодно месячный отпуск с сохранением содержания и выдачей бесплатного билета для проезда по всем российским дорогам как для самого рабочего, так и для его семейства; без согласия рабочих отпуск не может быть отменен.

17. Помещения как жилые, так и мастерские должны быть устроены согласно с требованием современной гигиены.

18. Замена освещения факелов свечами; постановка в мастерских умывальников и куба с кипятком.

19. Улучшение постановки дела медицинской помощи. Предоставление врачебному отделению самостоятельности при контроле особого бюро (см. пар. 2).

20. Выдача во время болезни полного оклада жалованья как за продолжительное время болезни, так и за один день, при любом сроке службы. Кроме того, для женщин выдача полного оклада жалованья в период родовой и послеродовой минимум в течение двух месяцев, в случаях же экстренных и более, по указанию врача; устройство яслей и отпуск женщин, кормящих детей грудью, через каждые 3 часа на полчаса.

21. Открытие низших и средних и высших учебный заведений, в которых дети рабочих получали бы образование на казенный счет.

22. Отвод помещения для библиотеки и театра рабочих.

23. Уплата жалованья за дни стачки и гарантия, что за стачку никто из рабочих не пострадает.

Кроме того, мы выставляем следующие требования, как ограждающие наши права, как граждан и как рабочих.

24. Немедленного созыва Учредительного Собрания из представителей, избранных всеми гражданами без различия пола и национальности на основе всеобщего, равного, тайного, прямого избирательного права.

25. Немедленное прекращение войны.

26. Неограниченная свобода совести, печати, слова, собраний, стачек и союзов.

27. Неприкосновенность личности и жилища.

28. Амнистия всем пострадавшим за религиозные и политические убеждения.

29. Установление празднования 1 мая.

Для выяснения наших нужд всех рабочих Забайкальской жел. дороги мы требуем:

30. Устройство в г. Иркутске съезда свободно выбранных от рабочих всей линии Заб. ж. д. для совместного обсуждения всех нужд, при этом должна быть гарантия, что депутаты не пострадают за высказанные ими мнения. На заседании депутатов не должна присутствовать ни администрация, ни жандармерия.

31. За стачки подлежащих воинской повинности не призывать в действующую армию.

32. Выдать увольняемому Киселеву за потерю трудоспособности при работе на Заб. ж. д. единовременное вознаграждение в размере 15.000 рублей.

33. Женщинам увеличить заработную плату на 50% и выдавать мобилизационные по их семейному положению и отменить сверхурочные неоплаченные работы.

(Стр. 131.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем.

Граждане! Стачка 2000 читинских рабочих продолжается уже две недели. Каждый день происходят открытые тысячные собрания, на которых социал-демократы призывают к борьбе против войны и царской власти.

В Красноярске 4 августа загорелась стачка в мастерских и депо, бастуют до 2000 рабочих. Перед стачкой социал-демократами было созвано несколько громадных собраний; рабочие решили всеобщей стачкой бороться против войны и царской власти.

Стачка идет в Боготоле, в депо; рабочие разбирают паровозы и останавливают движение.

Сегодня утром забастовало иркутское депо. Рабочие требуют улучшения своей доли, свободы народной и народного правления.

Под руководством социал-демократии всюду, по всей дороге рабочие готовятся к стачке: 1) за улучшение рабочей доли, 2) за полную политическую свободу, 3) за созыв Всенародного Учредительного Собрания и 4) за мир с Японией.

Всеобщая стачка по всей дороге не за горами... Скоро поднимутся все железнодорожные сибирские рабочие. Они остановят движение... Они потребуют прекращения вредной и позорной войны; они потребуют полной свободы для всех русских граждан; они потребуют созыва народных выборных для установления в России народной республики.

Граждане! Вчера мы прочитали царский манифест о Государственной Думе. Царь отказал беднякам в правах, он призывает в Думу одних только богачей и дворян. Самодержавие никогда не соберет истинных народных представителей, выбранных всеми

свободно и равноправно. Самодержавие никогда не даст России полной свободы союзов и стачек, свободы собраний и слова, свободы печати и веры... Самодержавие за одной позорной войной может затеять другую, чтобы загладить свой позор.

В могилу же это самодержавие!.. Народного восстания не миновать!..

Сибирские рабочие всеобщей стачкой готовятся к этому восстанию. Всеобщая стачка учит их смело и дружно нападать на царское правительство, бороться за мир и свободу. Всеобщая стачка ведет к восстанию!..

Всех честных друзей народа, всех борцов за народную свободу мы зовем всеми силами поддерживать политическую стачку сибирских рабочих.

Граждане! Рабочим нужны деньги. Помогайте стачке, друзья свободы!

Граждане! Рабочим нужно общее сочувствие. Подымайте свои голоса за их требования.

Долой Самодержавие и царскую Думу.

Иркутский Комитет РСДРП.

Август 1905 г. Издано в 3.000.

———

(Стр. 132.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Что делается в Чите (в мастерских и депо).

19 июля. Рабочие бросили работу в 1 час дня; начальство заставляло их работать до 4 часов и записало им неполный день.

25 и 26 июля. Внутри мастерских рабочие устраивали сходки и решили начальству не уступать. Стали вырабатывать свои экономические требования и готовиться к стачке. Ждали решения от деповских.

27 июля (утром). Деповские рабочие собрали сходку внутри депо, чтобы выработать свои требования. К ним влетел помощник начальника дороги Федоров и обругал рабочих. Они хотели его побить и даже бросили чем-то, но потом успокоились и отчитали хорошую нотацию насчет вежливого обращения. После этого все отправились в мастерские и там устроили общее собрание. Требования готовы. Главные из них:

1) Записать полностью дни 21, 25 и 26 июля.

2) Полная уплата поденного жалованья за все время стачки.

3) Восьмичасовой рабочий день.

5) Лицам (мастеровым и рабочим), прослужившим 1 год, пользоваться отпуском . . . . . на 1 месяц.

2 года . . . . . » 2 »

3 года . . . . . » 3 »

и выдача за все время отпуска платы в размере полного поденного жалованья и билетов по всем дорогам.

9) Увеличить мобилизационные для женатых (семейных) до 75 процентов, холостым до 5 [?] процентов, выдача коих должна производиться за все рабочие дни.

14) Отмена факелов и замена их свечами или электрическим освещением.

20) Выдача за увечья, полученные при работе, не позже 2 месяцев со дня получения увечья.

23) Полная отмена сверхурочных работ.

24) Ограничение детского труда до 16 лет 6-ю часами в сутки, не заставляя исполнять непосильные работы.

30) Увеличение расценки на работы по заявлению отдельных цехов.

32) Не рассчитывать за забастовку рабочих.

33) Не брать запасных стачечников в солдаты.

27 июля (вечером). В 6 часов было устроено собрание в 1000 человек в «Старой Колонии». Явились три жандарма, но их сразу же прогнали. Говорили социал-демократы о необходимости политической свободы для рабочих. Собрание приняло резолюцию, в которой говорится: если бы стачкой рабочие и добились уступки своим требованиям, то царское правительство всегда может отнять ее; необходимо восстанием уничтожить это правительство и добиться полной свободы народного правления; против самодержавия и царской войны, вредной и позорной, нужно всем рабочим по линии устроить всеобщую стачку. Поэтому на собрании рабочие решили бороться за свои неотложные нужды, но особенно бороться против войны и правительства царского. Образовался стачечный фонд (деньги на помощь товарищам).

28 июля. Было опять рабочее собрание. Было 1500 — 2000 человек. Собираются совсем открыто, не боясь полиции и войск. Настроение у забастовщиков хорошее. Рабочие говорят о необходимости политической борьбы и чувствуют, как им нужна свобода! Появились слухи, что началась забастовка в Могзоне, Хилке и Борзе. В депо работает 80 солдат, из железнодорожного батальона.

29 июля. Сегодня уже третий день стачки. За все время стачка продолжается спокойно. Сегодня было собрание около 500 рабочих, потому что назначили в 8 ч. утра, и многие не пришли. Стачкой интересуются положительно все. Многие из обывателей, которые прежде только в носу ковыряли, ходят и слушают наши речи.

Решили вести политическую агитацию во-всю. Призываем к забастовке прочие слои. Сегодня забастовали, но пока еще условно, приказчики потребительной лавки. Во время собраний они закроют лавку и идут на собрание. Завтра они выработают свои экономические требования, а политическую резолюцию принимают нашу. Может-быть, они завтра объявят забастовку; хотят разослать своих

людей с призывом к забастовке всех приказчиков потребительных лавок по линии. Солдаты, поставленные на работу на место рабочих в депо, хотят тоже отказаться от работы. На последнем собрании было 10 — 12 солдат и высказывали свое сочувствие забастовщикам.

29 июля. Из Иркутска получена телеграмма от Начальника дороги не уступать главных восьми требований, а об остальных переговорить на собрании выборных от рабочих. Рабочие уже дважды раньше отказались разговаривать с начальством чрез выборных и решили добиваться всех своих требований. В Читинском Отделении Государственного Банка получено от Управления дороги 100.000 рублей для расчета и увольнения всех рабочих. Начальник дороги Свентицкий думал учинить дикую расправу, да наткнулся на стойкую борьбу 2000 рабочих. Стачка продолжается дружно.

30 июля. Вечером в 7 ч. было собрание до 2000 чел., — нашей стачкой и сходкой интересуются городские жители, и число их на наших собраниях все увеличивается. На этот раз ораторы говорили о программе-минимум социал-демократии и о войне. Все слушают с большим вниманием, аплодируют и кричат: «долой самодержавие!». Есть известия, что железнодорожную роту, которая работала в депо вместо рабочих, посылают на позиции.

31 июля. Начальство вывесило объявление, в котором говорится, что часть требований удовлетворить нельзя, а остальные рассмотрит управление дороги. Рабочие приглашаются 1 и 2 августа записываться на работу в проходной мастерской и конторе депо. Комитет предложил рабочим не ходить, а уж если итти, так всем вместе агитировать. В стачечном фонде денег около 700 р., роздано пока около 20 р. Начальство крутых мер против собраний не принимает, должно-быть, боится поднять против себя все общество (ведь, на собраниях присутствуют женщины с грудными ребятами).

1 августа. От Начальника тыла Манчжурской армии генерала Надарова (?) получен приказ: запасных из забастовщиков взять в солдаты и в мундирах их поставить на работы в Чите. Стачка попрежнему продолжается дружно.

3 августа. Из Читы в Иркутске получена телеграмма: забастовка продолжается, все идет хорошо.

Рабочие! Посмотрите на читинских товарищей: они борются за улучшение тяжелой доли и за народную свободу о т к р ы т о, д р у ж н о и с м е л о!..

Уже почти десять дней ведут они свою тяжелую борьбу. Вспомните: ведь, они борются за улучшение и вашей доли: 8-часовой рабочий день, годовые отпуска, защита детского труда и другие требования они выставляют для всей дороги. А свободу? Они требуют свободы собраний, слова, стачек для всего рабочего люда.

Они поднимаются против позорной войны, которая унесла в манчжурскую могилу сотни тысяч детей у всего русского народа, а принесет только всем горе и нищету!..

Да!.. Они борются за вас!.. Они борются за весь угнетенный самодержавием народ!

Неужто же читинские рабочие, наши товарищи, наши братья, останутся без помощи, одни в борьбе с сильным врагом?.. Неужто мы не поднимемся за них? Нет, мы должны соединиться с ними. Не отдадим их на свирепую расправу!

Вырабатывайте же, товарищи, свои требования, поднимайте повсюду стачки. Пусть будет Всеобщая Стачка; тогда никакая сила не одолеет нас, никто не заменит нас солдатами, никто не посмеет взять запасных...

На борьбу за читинских борцов! Уж десятый день идет их забастовка. Теперь особенно нужна им наша помощь. Начинайте, товарищи, стачку.

Да здравствует стачка!

Иркутский Комитет РСДРП.

Август 1905 г. Издано в 5000.

(Стр. 133.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим и работницам Иркутска.

Товарищи! Великая борьба, которую российский рабочий класс уже много лет ведет против царя и его клики, близится к концу. Революция охватила всю Россию, — с каждым днем пламя ее распространяется все дальше и дальше и дальше. И ваши сибирские товарищи поднялись на борьбу за свое освобождение.

27 июля забастовали читинские депо и мастерские. К ним присоединились Хилок, Красноярск, Боготол.

9 августа забастовало и иркутское депо.

Чего хотят добиться они своей стачкой?

Для чего она?

Они хотят прекратить движение по Сибирской и Забайкальской жел. дороге; тогда царь не может посылать солдат на убой; тогда прекратится эта позорная война, погубившая уже сотни тысяч молодых жизней, миллиарды народных денег.

Они хотят дать ответ царю на его манифест о созыве Государственной Думы, на этот манифест, которым он показал свои заботы о рабочих. Он лишил их всякого права голоса даже в этой жалкой, никуда негодной думе, а призвал к себе богачей и дворян.

Они хотят, наконец, своей стачкой помочь тому народному восстанию, которое сметет самодержавие царя и построит на его развалинах демократическую республику.

Так неужели же мы, иркутские рабочие, будем равнодушно смотреть на эту борьбу? Неужели мы изменим рабочему делу?

Нет! Мы должны немедленно прекратить работы. Пусть отдыхает типографский станок! Пусть закроются царские кабаки! Пусть остановятся все постройки! Пусть закроются магазины! Пусть замолкнет телеграф! Пусть замрет вся торговая и промышленная жизнь!

И наша забастовка, товарищи, будет великой помощью нашим железнодорожным товарищам, она даст им новые силы для их великой борьбы, она покажет царскому правительству, что мы не пешки, которыми можно вертеть, как его царской воле вздумается; она покажет, что и мы умеем бороться за свои интересы.

Так за дело же, товарищи, не медля!

Да здравствует всеобщая стачка!

Долой преступное самодержавие царя с его жалкой Думой!

Да здравствует Революция!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Иркутский Комитет РСДРП.

Август 1905 г.

Издано в 3000.

(Стр. 139.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вчера 12 августа в присутствии представителя от Иркутского Комитета РСДРП Стачечный Комитет Иркутского депо на своем заседании в 17 человек постановил:

1) Принять предложение товарищей стачечников о ведении переговоров с начальником депо.

2) Не допускать полицию на сходки и отклонять всякие предложения, сделанные за ее присутствие.

3) Если какая-либо администрация, железнодорожная или полицейская, захочет произвести баллотировку желающим работать или продолжать стачку, — отказаться от баллотировки.

4) Пригласить верхнеудинских и иннокентьевских товарищей присоединиться к забастовке.

5) Напечатать для распространения постановления и денежный отчет Стачечного Комитета.

Опубликовывая вышеизложенное, приглашаем товарищей стачечников дружно стоять за свои требования, пока они не будут удовлетворены.

Кассовый отчет
Стачечного Комитета Иркутского депо.

Приход.

	Р.	К.
20 проц. складчина стачечников	252	10
От социалистов-революционеров	150	—
От деповской профессиональной организации	116	—
От Ирк. ком. РСДРП	200	—
От деповской профессиональной организации	17	—
Итого . .	735	10

Расход.

	Р.	К.
Помощь	6	—
Арестованному товарищу	40	—
Цеховым перед. для роздачи	100	—
Итого . .	146	—

Иркутский Комитет РСДРП.

(Стр. 167а.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рабочие! В Чите идет с 27 июля громадная стачка. Поднялись опять наши товарищи из читинских мастерских и депо. Дружно борются они за улучшение своей доли; открыто и смело выступают они против войны и царской власти. Но эта власть еще сильна.

Царское правительство решило разгромить стачку. В Иркутске начальник дороги Свентицкий согласился уволить всех читинских рабочих и для расчета перевел по телеграфу сто тысяч руб. Всех их он заменяет подневольными солдатами из железнодорожных батальонов. Он не знает даже, чего требуют рабочие. Он не захотел сам расследовать дело и положился на своих подручных. У этого царского холопа одно только желание — раздавить рабочее движение!

Иркутские рабочие! Наши читинские товарищи борются еще и сегодня. Не дадим выбросить на улицу около двух тысяч наших братьев с женами и детьми! Не дадим царскому начальству это

великое злодейство над рабочими! Теперь им нужна наша помощь, наше сочувствие. Поднимемся же открыто и смело за них!

На борьбу, товарищи, за братьев!

Граждане Иркутские! Поддержите и Вы наших читинских товарищей!! Ведь, они борются за свободу, которая нужна и Вам. Ведь, они борются против царских цепей, которые звенят и на ваших руках.

На борьбу, товарищи и граждане! Долой царский произвол! Да здравствуют рабочие Читы!

Иркутский Комитет РСДРП.

31 июля 1905 г.

(Стр. 177-б.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К паровозным бригадам, телеграфистам и кондукторам Забайкальской железной дороги.

Товарищи! Мы, рабочие Иркутского депо, решили поддержать стачкой читинских товарищей, а также выставить и свои требования.

Читинские товарищи забастовали 27 июля и выставили ряд требований, но их не только не удовлетворили, но начальник дороги приказал их уволить, не рассмотрев их требований, и перевел деньги для расчета.

Такой произвол может всегда постичь и нас.

Будем же бороться против него.

Мы приглашаем вас присоединиться к нашей забастовке.

Соединимся же дружно вместе и объявим общую забастовку, которая будет началом освобождения нашего произвола.

Да здравствует всеобщая забастовка по линии Сибирской и Забайкальской железной дороги.

Иркутский Комитет РСДРП.

Август 1905 г.

(Стр. 167-д.)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим Иркутского депо.

Товарищи! В то время, когда наши читинские товарищи уже две недели не опускают поднятое ими знамя борьбы; в то время, когда к ним присоединились красноярские рабочие, рабочие Боготола и Хилка; в то время, когда и мы, рабочие Иркутского депо, стали под это знамя, чтобы бороться за улучшение своей доли и за

улучшение доли всего русского рабочего класса, за его освобождение от ненавистного самодержавного гнета, — в это время среди нас находится несколько темных людей, изменников нашему делу, желающих работать.

Чего они хотят эти прячущиеся от дневного света предатели? За какие блага, за какое богатство хотят они продать свободу русского народа? Не дорого, товарищи! Ну, сколько они заработают за время стачки? Какие нибудь 30 — 40 рублей.

И вот за эти деньги они готовы согласиться на продолжение войны, на позорное политическое рабство. Петербургские, лодзинские, одесские, иваново-вознесенские рабочие жертвуют своей жизнью и ложатся в одну братскую могилу для того, чтобы освободить всех рабочих от самодержавного гнета, а некоторые рабочие Иркутского депо боятся положить 30 сребренников за дело своей свободы. Шкурный интерес привязывает их к станку, с которым они никак не могут расстаться.

Слушайте вы, темные рабочие. Вашим сознательным товарищам 30 — 40 рублей тоже очень многое значит, но они говорят: «мы не будем выслуживаться и делать измену, а потребуем лучше, чтоб нам заплатили за время стачки; работать же мы не будем потому, что нам нужно постоять за товарищей». Это честно и справедливо, и людей, которые так говорят, будет приветствовать всякая фабрика, всякий завод, куда им придется поступить. Вас же, темные рабочие, даже Ваше начальство презирает; оно берет ваш труд, пьет вашу кровь, которую вы охотно даете сосать, и нахально смеется над Вами. Будут презирать вас и товарищи-рабочие, когда узнают, что вы работали в то время, когда другие боролись.

Поймите же, темные люди, великий завет: «все за одного, один за всех» и присоединяйтесь к нам.

Товарищи стачечники! Мы же, несмотря на то, что несколько человек работает, будем продолжать наше дело.

Забастовка разрастается, — растет вместе с тем и наша сила, будем ли мы поэтому думать о ее прекращении? Нет и нет! Мы не станем на работу до тех пор, пока не удовлетворят всех наших экономических требований, мы не станем на работу, пока не прекратится позорная война; если же наша забастовка поддержится восстанием в России, то мы не станем на работу до тех пор, пока не созовется Учредительное Собрание из народных представителей, созванных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Долой войну! Долой самодержавие!

Позор штрейкбрехерам [1])

Да здравствует всеобщая политическая стачка и наши экономические требования!

Август 1905 г. Иркутский Комитет РСДРП.

---

[1]) Штрейкбрехером германские рабочие называют человека, который работает во время стачки.

3. Забастовка рабочих печатного дела.

После 9 января.

(Стр. 1.)

Начальник Иркутского Охранного Отделения.

Совершенно секретно.

16 января 1905 г.
№ 48.
Г. Иркутск.

Директору Департамента Полиции.

Рабочие беспорядки в гг. С.-Петербурге и Москве, с одной стороны, и агитация местных революционных элементов — с другой, возбудили среди местных рабочих желание поддержать своих сотоварищей устройством ряда забастовок с предъявлением на первых порах требований чисто-экономического характера, при неисполнении же их со стороны хозяев — устроить забастовку, выставив на этот раз требования политического характера, главным образом, прекращения войны.

Доложив изложенные сведения Г. Главному Начальнику Края и Иркутскому Губернатору, по соглашению с ними, принял с своей стороны меры к удовлетворению в возможных пределах экономических требований рабочих, входя для сего в каждом отдельном случае в сношение с хозяином заведения.

Мера эта является необходимой в целях не допустить забастовки железнодорожных рабочих, могущей повлиять на правильное передвижение войск.

Первый случай, как опыт предъявления рабочими требований на экономической почве, по агентурным сведениям, должен был произойти 14 сего января в типографии Макушина, почему по соглашению с Начальником Иркутского Губернского Жандармского Управления был вызван Управляющий типографией г. Посохин, привезший с собою представляемое при сем в копии требование рабочих, заявив при этом, что администрацией типографии признано возможным и даже необходимым, в виду дороговизны жизни в данное время в гор. Иркутске, прибавить к содержанию каждого рабочего 10 процентов впредь до окончания военных действий.

Рабочие остались довольны, работа не прекращалась, и случай этот из стен типографии не вышел. Остальные рабочие заведений, мастерских, а также депо станции Иркутск пока спокойны; в последнем со стороны Начальника Забайкальского Жандармского Полицейского Управления Полковника Бырдина приняты меры предосторожности и устранены все возможные поводы к каким бы то ни было требованиям.

Ротмистр Гаврилов.

[Дело деп. пол., 4 д-ство, № 4, ч. 15, 1905 г.]

Шифрованная телеграмма Иркутского Генерал-Губернатора Министру Внутренних Дел. от 27 февраля 1905 г.

(Стр. 9)

Взятие Мукдена производит здесь удручающее впечатление. Завтра или первого марта ожидается всеобщая забастовка всех служащих и рабочих на железных дорогах. Ожидаются также вооруженные беспорядки в городе. Оставить край при таких условиях не решаюсь впредь до выяснения обстоятельств, что последует на-днях.

Ход забастовки.

(Стр. 18.)

М. В. Д. Копия.
Иркутский Полицеймейстер.

5 марта 1905 г.
№ 4018.
Г. Иркутск

Иркутскому Губернатору.

Рапорт.

Около 20 сего февраля рабочие Макушина подали записку хозяину о допущении к нему для переговоров выборных. В назначенный для этого день, 26 февраля, явилось 12 выборных, которые и подали письменный доклад, прося о введении 8-часового рабочего дня и прибавки рабочей платы. Выборным было объявлено, что ответ может быть дан в недельный срок, ибо наличному владельцу типографии Посохину необходимо списаться с совладельцем Макушиным, находящимся в Томске. Выборные согласились; но в понедельник 28 февраля рабочие хотя и приступили к работам, но вскоре, утром же, заявили о несогласии дожидаться недельного срока и разошлись. Во вторник явились почти все рабочие, прося объявить результат их доклада, при чем предъявили новые требования платить и за прогульные дни.

Им было объявлено хозяином, что в дополнение к 10%-ной прибавке жалованья, установленной уже с 1 января 1905 года, хозяин согласен ввести 9-часовой рабочий день вместо существующего 10-часового, но с тем, чтобы число нерабочих дней сократить на 4½. Рабочие не согласились и ушли. В среду и четверг в типографию Макушина являлись в разное время небольшие группы рабочих: одни — для подтверждения своих прежних требований, другие — с заявлением о согласии на условия хозяина, но с жалобой, что им препятствует приступить к работам несогласное большинство.

Сегодня, в пятницу, почти все рабочие пришли в типографию и после долгих переговоров в присутствии г. Полицеймейстера согласились на условия хозяина с тем, однако, чтобы табель нерабочих

дней остался прежний, хозяин согласился, и рабочие обещались приступить к работам с часу дня; однако, за исключением нескольких человек, на работу не явились.

Вышеизложенное событие в прочих типографиях отразилось в следующем: во всех типографиях рабочие оставались довольными существующими условиями, но еще в понедельник забастовавшие рабочие Макушина явились в типографии «Конкуренция» и Окунева и потребовали, чтобы рабочие прекратили работы; после долгих споров меньшинство должно было уступить большинству забастовавших из боязни репрессии с их стороны.

С вторника то же случилось и в других типографиях, а затем во все следующие дни рабочие хотя и приходили в свои типографии, но появлялись в большом числе рабочие Макушина и угрозами прекращали работы, так что фактически в течение этой недели работы производились в типографиях Казанцева, где был объявлен 8-часовой рабочий день, и в Губернской типографии, но сегодня, 4 марта, рабочие забастовали во всех без исключения типографиях.

Во все время забастовок наружный порядок нарушен не был, за исключением случая, имевшего место 1 сего марта близ типографии «Конкуренция», когда рабочие не исполнили требования г. Полицеймейстера, при чем рабочий Рябов возбуждал толпу, но был арестован, о чем составленный протокол о нарушении § 1 Об. Постан. Иркутского Генерал-Губернатора представлен Вашему Превосходительству г. Полицеймейстером сего числа. К сему имею честь присовокупить, что о забастовке было сообщено Начальнику Иркутского Губернского Жандармского Управления и Начальнику Иркутского Охранного Отделения 2 сего марта за № 152.

За Полицеймейстера помощник его Драгомиров.

— —

Положение рабочих печатного дела и их требования.

(Стр. 23.)

Доклад депутатов, выбранных рабочей партией тружеников печатного дела, типографии Торгового Дома П. И. Макушина и В. М. Посохина в Иркутске Управляющему названной типографии Эдуарду Давыдовичу Розен.

Многоуважаемый Эдуард Давыдович.

Мы к Вам явились как избранные депутаты от единодушной рабочей партии тружеников печатного дела, — всех трех отделов: печатного, наборного и переплетного цехов, чтобы изложить перед вами просьбу всей рабочей партии тружеников и просить Вас, уважаемый Эдуард Давыдович, как управляющего этого большого фабричного предприятия и близко стоящего к этой великой, живой рабочей

машине и по многолетней практике в этом трудном деле, как опытного человека и власть имущего вершить лично все просьбы, с которыми обращаются к Вам труженики типографского дела, относительно нужд своих, если таковые подходят к программе Вашего уполномочия, а в противном случае просим Вас не отказать и быть посредником и ходатаем за всю единодушную рабочую ассоциацию перед хозяином Владимиром Михайловичем Господином Посохиным, которому и передать нижеследующую просьбу от всей рабочей партии, каковая по своему характеру вполне возможна и не может существенно повлиять на общие интересы и изменить цифру итога хозяйского гросбуха, т.-е. годовую прибыль от предприятия.

Просьба заключается в следующих 4-х пуктах:

Фундамент всякого труда есть «честность». От честного и разумного отношения работника к труду и результаты получаются хорошие.

Пункт А. Взамен 10-часового рабочего дня, все мы избранные депутаты от единодушной рабочей партии тружеников типографского дела просим вас, уважаемый Эдуард Давыдович, об учреждении 8-часового рабочего дня и этим завоевать и открыть путь:

1) К улучшению рабочего быта.

2) К улучшению рабочего здравия, как тружеников и всех причастных к этой корпорации лиц, которые от тяжелого и каждодневного, непрерывного в течение 10 часов, переутомленного на ногах занятия влекут за собою упадок общего здоровья, которое и так у этих тружеников не особенно завидно, даже очень слабо и недолговечно, особенно и исключительно — потерю зрения у наборщиков.

3) Приобретению здорового работника (который всегда и всем желателен).

4) Развитию умственных способностей, которые крайне необходимы для тружеников наборного дела, и эти последние будут служить хорошим и очень выгодным двигателем в типографском деле, и к поднятию энергии и трудоспособности. Все эти перечисленные выше улучшения не должны повлиять на понижение продуктивности хозяйского предприятия, а, наоборот, они увеличат ее при честном и разумном отношении работника к делу (если просьбы о нуждах тружеников будут вполне удовлетворены со стороны предпринимателя); такие улучшения у некоторых иркутских типографов уже введены и опубликованы в газете «Восточное Обозрение»; типографы эти — Лейбович и Казанцев, и они от улучшения быта тружеников не ощущают дефицита, а лишь заслуживают одни похвальные отзывы и популярность за их гуманное отношение и за даруемую для тружеников свободу, которая благом служит для настоящего рабочего класса и будет служить для будущего молодого и здорового его поколения сказанной профессии.

Пункт Б. Увеличить проценты (до окончания мобилизации) к получаемому тружениками жалованью в следующем размере:

К получаемым 10% + 15% = 25 для семейных,
» » 10% + 10% = 20 » холостых.

Увеличения сказанных процентов требуют тяжелые жизненные условия по случаю острого кризиса и ужасной дороговизны на все жизненые припасы в г. Иркутске, причиной для которой служат общие народные и Государственные интересы военных действий на Дальнем Востоке; эта дороговизна ставит рабочий класс в весьма трудное и непосильное даже для одинокого и вдвое для семейного человека положение.

Пункт В. Разрешить об окончании в мастерских работ перед праздниками ранее за два часа.

Пункт Г. Учредить на летнее время, начиная с 1 мая и кончая августом месяцем, недельные, очередные, с содержанием жалованья для тружеников отпуски, но, конечно, по усмотрению Господина Управляющего, для распределения оных между тружениками.

Господа избранные депутаты от рабочей партии, мы можем позволить себе позволить думать и остаемся вполне уверены в том, что просьба, переданная нами от всей рабочей партии, уважаемым Эдуардом Давыдовичем будет лично уважена или исходатайствована у Господина Владимира Михайловича Посохина и чрез посредство депутатов известна труженикам.

С истинным почтением остаемся и ждем милостивой от Вас резолюции.

Февраля 26 дня 1905 г.
Г. Иркутск.

Доклад сей выработан согласно мнения всей рабочей партии и выбранными депутатами рассмотрен и передан докладчику для прочтения его содержания.

(Стр. 25.)

Копия.

Рабочие всех типографий города Иркутска, собравшись на сходку 4 марта 1905 года, единогласно постановили предъявить своим хозяевам следующие требования:

1) Восьмичасовой рабочий день, накануне праздничных дней 6-часовой.

2) Двухнедельный отпуск в летнее время с сохранением содержания.

3) Повышение заработной платы на 20%.

4) Сдельщики типографии «Восточного Обозрения» требуют уравнения задельной платы с существующею в типографии «Губернских Ведомостей».

5) Отмена штрафов для работающих сдельно.

6) Сохранение старого табеля праздничных дней.

7) Уплата жалованья за все время забастовки.

8) Никто не должен быть уволенным ни во время забастовки, ни послее нее.

9) На работу не выходить до тех пор, пока наши требования не будут удовлетворены во всех типографиях полностью.

Рабочие всех иркутских типографий.

Ликвидация забастовки.

(Стр. 30.)

Начальник Иркутсого Охранного отделения.

18 марта 1905 г.
№ 242.
Г. Иркутск.

Совершенно доверительно.

Директору Департамента Полиции.

10 сего марта забастовка в типографиях г. Иркутска, по удовлетворении главных требований рабочих, прекратилась. Удовлетворены: 1) дан 8-часовой рабочий день, перед праздниками 6-часовой, 2) увеличено содержание и 3) в летнее время каждый рабочий может воспользоваться недельным отдыхом, с сохранением содержания.

Об изложенном в дополнение к донесению моему от 8 сего марта за № 226, докладываю Вашему Превосходительству, при этом присовокупляю, что, по имеющимся у меня агентурным сведениям, 16 марта приказчики г. Иркутска предполагают подать требования: об уменьшении рабочего дня, увеличении жалованья и других льготах к улучшению их быта, поддержав, в случае надобности, требования эти забастовкой.

Ротмистр Гаврилов.

(Стр. 39.)

1. Типография Макушина и Посохина.

а) Часы рабочие сокращены на 9 часов в сутки.
б) Перед праздниками установлен восьмичасовой труд.
в) Праздновать большой табель.
г) Отпуск рабочих по усмотрению конторы.

Из служащих и рабочих у Посохина никто не рассчитан, 11 сего марта на работе не было по пьянству до 30 человек.

2. Типография Казанцева.

Рабочими Казанцева было предъявлено одно только требование — увеличить содержание, каковое требование г. Казанцевым оставлено без удовлетворения, потому что это требование было предъявлено после забастовки. Работают все. Никто не уволен. Рабочих часов в сутки восемь.

3. Типография Сизых.

Уменьшение рабочих часов до девяти, и затем прибавка 10% по усердию.

4. Типография Окунева.

Установлено рабочих часов 9, с вычетом из этого числа один час на обед.

В типографии Окунева никто не рассчитан.

5. Губернская типография.

Рассчитано два рабочих — Ведерников и Румянцев — остальные работают.

Подлинный подписал Помощник пристава
1-й части г. Иркутска Гурьев.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНАЯ ЗАБАСТОВКА.

1. Создание союза почтово-телеграфных служащих.

Программа требований и устав союза.

1.

На общем собрании служащих Почтово-Телеграфного Ведомства нижеуказанные требования, охватывающие самые главные нужды как почтовых, так и телеграфных и разъездных служащих, приняты единогласно. Собрание поручило Бюро эти требования довести до сведения всех почтово-телеграфных служащих и просить их немедленно известить Центральное Бюро через редакцию «Вечерней Почты» о принятии программы. Центральное Бюро извещает, что эта программа требований по выяснении солидарности с ней большинства учреждений Почтово-Телеграфного Ведомства будет считаться программой Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза.

2.

Все увеличивающиеся и усложняющиеся операции Почтово-Телеграфного Ведомства, дающего казне ежегодно многомиллионный доход, не идут, однако, рука-об-руку с прогрессивным улучшением условий труда служащих в этом ведомстве, что создало неимоверно тяжелое положение для них как в материальном, так и в правовом отношении.

При увеличивающейся год от года работе и отсутствии нормального штата служащих, наличному составу приходится в чрезмерно продолжительном, достигающем 16-ти часов в сутки беспрерывном труде, перенапрягать свои физические и умственные силы.

К этому надо добавить, что работа почтово-телеграфных служащих происходит в крайне негигиенической обстановке.

Несмотря на такой почти невероятный труд, размеры содержания, утвержденные много лет тому назад, совершенно не соответствуют своими ничтожными размерами ни затрате сил и времени, ни даже минимальным требованиям сколько-нибудь сносной жизни,

вследствие чего служащие принуждены селиться в дальних окраинах города в плохих квартирах, не в состоянии иметь здоровую пищу и обучать своих детей и вообще лишены всего того, что поддерживает физические и духовные силы человека, и по справедливости могут быть причислены к пролетариату.

Будущность почтово-телеграфного рабочего не легче настоящего, ни потеря трудоспособности, ни болезнь, ни старость, ни даже завтрашний день при существующем бесконтрольном распоряжении личностью не обеспечены ничем.

Эти тяжелые условия существования почтово-телеграфных служащих не могут, конечно, не отражаться на общем положении почты и телеграфа в России, которые, задерживаясь в своем развитии, не отвечают уже требованиям времени и, таким образом, из могучего двигателя прогресса сделались тормозом его.

Поэтому мы, служащие телеграфа, почтамта и разъездные чиновники г. Москвы, признали, что для улучшения как самого дела, так и нашего быта, необходимо неотложное удовлетворение следующих выработанных нами экономических и правовых требований.

3.

1) Минимальное месячное вознаграждение:

а) Для чиновников — 50 руб., б) для нижних служителей — 30 руб. и в) для кандидатов на должность — 25 руб. (не считая квартирных).

2) Для состоящих же теперь на службе чинов содержание увеличивается:

а) Не свыше	900 руб.	50%
б) » »	1.200 »	40%
в) » »	1.500 »	25%
г) Свыше	1.500 »	10%

3) Прогрессивное увеличение содержания чрез каждые 3 года.

а) Для получающих	не более 1.200 руб.	20%
б) » »	» » 2.000 »	15%
в) » »	свыше 2.000 »	5%

г) Выдача наградных два раза в год в размере месячного оклада.

д) Уничтожение вычетов при увеличении содержания.

4) Квартирные деньги исчисляются в размере 40% со всего содержания и выдаются также и разъездным чиновникам и почтальонам, которые до сих пор им не выдавались.

5) Существующие прибавки для работающих на скородействующих аппаратах в 8 и 12 рублей, в виду вредного влияния на организм служащих, заменить первую 12, вторую — 20 руб.

6) Для разъездных чиновников, взамен путевых денег, увеличить жалованье.

а) Разъездным чиновникам I разр. до . . . . 100 руб.
б) » » II » » . . . . 80 »
в) » почтальонам » . . . . 35 »
с выдачей за совершаемые поездки суточных.
г) Чиновникам I разряда . . . . . 3 руб.
д) » II » . . . . . 2 »
е) Почтальонам 73 коп. за каждые сутки отсутствия из начального пункта.

Существующие должности помощников разъездных чиновников упраздняются, последние переименовываются в разъездных чиновников II разряда.

7) Срок службы:

а) До полной пенсии . . . . . 25 лет.
б) » $^2/_3$ » . . . . . 15 »
в) » $^1/_2$ » . . . . . 10 »

При этом пенсии исчисляются со всего содержания и выдаются тотчас же по выходе в отставку, при чем нижним чинам срок службы до полной пенсии считается 20 лет.

8) При потере способности к труду служащий получает полную пенсию независимо от прослуженного им срока.

9) В случае болезни за служащим сохраняется содержание.

а) В течение 6-ти месяцев — полное, и б) сверх 6-ти месяцев $^2/_3$ содержания.

10) Государственное страхование на самых широких началах и во всех его видах.

11) В случае смерти служащего или пенсионера следуемая им пенсия сохраняется за семьей.

12) Продолжительность рабочего дня: а) для чиновников не свыше 6 часов, б) для нижних чинов не свыше 8 час., в) для разъездных чиновников и почтальонов установить продолжительность поездки, со включением отдыха в конечном пункте, не более 2-х суток.

13) Свободных дней не менее одного в неделю. В первые два дня Пасхи и Рождества работа не должна производиться.

14) Для всех служащих беспрепятственное пользование месячным отпуском ежегодно или двухмесячным в два года.

15) Сверхурочная работа, не более двух часов в сутки и двадцати раз в год, должна быть оплачиваема вдвое против нормальной.

16) Час ночного труда считается за полтора денного.

17) Уничтожение штрафных дежурств и арестов при гауптвахте и конторе.

18) Наблюдение за санитарным состоянием служебных помещений и казенных квартир, а равно и за гигиеническими условиями труда поступает в ведение соответствующих органов городского и земского самоуправления, при участии представителей от товарищеского бюро.

19) Бесплатная врачебная помощь для всех служащих и их семейств в больницах, амбулаториях и на дому.

20) Устройство приемных покоев при учреждениях с постоянным дежурством врачей во время служебных занятий, а также дорожных аптечек в почтовых вагонах.

21) Бесплатное обучение детей в низших и средних учебных заведениях по выбору их родителей.

22) Устроить товарищеское бюро в каждом учреждении из выборных представителей всех служебных профессий, для выяснения всяких недоразумений между самими служащими, а также между начальством и подчиненными. Все мероприятия: принятие на службу, назначение на высшую должность или перевод на равную, увольнение служащих, наложение взысканий за разного рода проступки, а также предание суду, должны производиться не иначе, как с согласия товарищеского бюро в каждом учреждении.

23) Аттестации о служащих должны быть выдаваемы лишь при посредстве товарищеского бюро, негласные аттестации уничтожаются.

24) Отмена чинов, знаков отличия (орденов, медалей) и форменной одежде, при чем нижним служителям выдается казенное обмундирование.

25) Назначение ревизий при участии выборных от служащих и представителей Всероссийского Союза Почтово-Телеграфных служащих для расследования действий лиц, заведывавших управдненной в настоящее время эмеритальной кассой Почтово-Телеграфного Ведомства.

26) Никто из участников в выработке настоящих экономических и правовых требований, гарантирующих нормальный труд, не должен пострадать.

27) Так как настоящие положения не исчерпывают собой всех нужд почтово-телеграфных служащих, то остальная разработка улучшения быта служащих возлагается на съезд представителей союза почтово-телеграфных служащих.

При этом пришли к заключению, что проведение в жизнь вышеизложенных требований возможно лишь при немедленном созыве Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола и национальности, а также фактическом осуществлении свободы собраний, союзов, слова, печати, стачек, передвижений, неприкосновенности личности и жилища.

4.

Центральное Бюро Почтово-Телеграфного Союза, опубликовывая настоящий устав, предлагает всем почтово-телеграфным служащим немедленно организовать в каждом учреждении группы и, по организации их, тотчас же присоединиться к союзу, заявляя о том через редакцию «Вечерней Почты». Центральное Бюро.

Образование Петербургского союза почтово-телеграфных чиновников.

(Стр. 1.)

26 октября в вольно-экономическом обществе состоялось организационное собрание союза почтово-телеграфных чиновников.

Выступавшие ораторы выставляли экономические требования в виде увеличения заработной платы и уменьшения числа рабочих часов в петербургском главном почтамте и во всех его отделениях.

Дальнейшие ораторы устанавливали неразрывную связь между экономической и политической борьбой. Немало места в речах было отведено критике манифеста 17 октября.

«В борьбе за свободу, — продолжал оратор, — устал не только пролетариат, устало и правительство. Пока заключено временное перемирие. Этим моментом должны воспользоваться почтово-телеграфные чиновники и создать солидный профессиональный союз».

В ближайшем будущем следует ожидать вторичной общеполитической забастовки, и тогда к ней должны единодушно примкнуть все вошедшие в новый союз чиновники, чтобы показать правительству, что и они представляют собою силу, с которой необходимо считаться.

Единогласно принимается резолюция об образовании профессионального союза петербургских почтово-телеграфных чиновников. Постановлено от каждого даже самого мелкого отделения петербургского почтамта выбрать делегатов и образовать из них постоянное бюро. По закрытии собрания было случайно принесено известие об отставке генерал-майора Трепова, нескольких губернаторов и митрополита Владимира. Известие это встречно было долго несмолкавшим «ура» и вызвало оживленный обмен мнений.

(«Биржевые Ведомости».)

Запрещение союза.

(Стр. 3.)

31 октября Главное Управление почт и телеграфов разослало начальникам округов, управлений, почт-директорам, начальникам отделов перевозки почт телеграмму такого содержания:

«Многие чиновники почтово-телеграфного ведомства, не отдавая себе, повидимому, отчета о действительном значении проектированного собранием некоторых лиц в Москве почтово-телеграфного союза, примкнули к этой организации, поставившей себе задачей предъявление правительству различных требований не только экономического, но и политического свойства. Вследствие поступивших от местных начальников запросов по этому предмету, считаю нужным разъяснить, согласно указаниям управляющего Министерства Вну-

тренних Дел, что лица, состоящие на государственной службе, не имеют права объединяться в кружки, группы и союзы для достижения каких-либо целей не в установленном порядке, а потому чиновники, объявившие себя членами упомянутого союза, не могут оставаться на службе по почтово-телеграфному ведомству. Всемилостивейший манифест 17 октября, в части, касающейся свободы союзов, к лицам, состоящим на государственной службе, никакого отношения не имеет.

Начальник Главного Управления Севастьянов.

(«Новое Время», 1/XI.)

Как было принято запрещение союза.

(Стр. 4.)

31 октября состоялось общее собрание служащих почтово-телеграфного ведомства в реальном училище Фидлера.

Была доложена собранию циркулярная депеша начальника Главного Управления почт и телеграфов Севастьянова Начальникам округов, воспрещающая лицам почтово-телеграфного ведомства объединяться во всероссийский почтово-телеграфный союз, с извещением, что лица, вошедшие в этот союз, не могут оставаться на службе, и что манифест 17 октября не распространяется на служащих почтово-телеграфного ведомства. Доклад этот был встречен шумом, свистками: «долой Севастьянова, нарушителя манифеста» и требовали изорвать депешу, что и было исполнено под гром аплодисментов. Несколькими ораторами были подчеркнуты результаты этого распоряжения, выразившиеся в присоединении к союзу лиц, державшихся до этих пор в стороне. Телеграмма, констатировавшая это объединение, отправлена начальнику Главного Управления почт и телеграфов Севастьянову, а копия с нее — графу Витте: «Благодарим за объединение. Когда будем уволены? Почтовые, телеграфные и разъездные чины города Москвы». В заключение представителем Центрального Бюро союза был сделан доклад о созываемом в Москве в половине ноября всероссийском съезде представителей почтово-телеграфных учреждений и почтовых вагонов. На собрании присутствовало более 800 человек.

(«Русские Ведомости», 2/XI.)

[Дело деп. пол., № 2100, л. А, 4 д-ство, 1905 г.]

---

2. Преследование союза правительством и борьба за союз.

Управляющий Министерством Внутренних Дел.

Чины почтово-телеграфного ведомства уже три раза получили подлежащее разъяснение о совершенной недопустимости союзов или синдикатов, подобных тому, который возник на чисто-революционной почве. Первое разъяснение было

дано Начальником Главн. Упр., второе — депешей Председателя Совета М-стров на имя Руссианова в Киев и, наконец, третье — мною. Последнее было мною доложено Совету и возражений не вызвало. Невзирая на три разъяснения, Председатель бюро Парфененко продолжает посылать дерзкие депеши Нач. Главн. Упр. Я нахожу невозможным посылать еще четвертое разъяснение, составленное в тоне, как бы начальство извиняется перед подчиненными, и особенно потому, что мое разъяснение редактировано в смысле решительном. Парфененко — разъездной чиновник, получающий 500 руб. в год, и мне представляется, что его следует уволить от службы без прошения. Такое распоряжение я и предлагал сделать завтра.

Думаю, что, если при настоящих обстоятельствах не проявить строгости к служащим, то последствия могут быть в высшей степени нежелательные.

П. Дурново.

3 ноября.

[I отделение юридической секции ЕГАФ. Д. канцелярии совета министров, 1905 г., № 34, о почтово-телеграфной забастовке.]

Запрещение организации союза.

Киев. Почтово-телеграфная контора. Русанову.

Манифест 17 октября, распространяясь в равной мере на всех граждан империи, не дает разрешения лицам, состоящим на государственной службе, нарушать действующие законы о службе, почему лица эти не могут образовывать союзы, касающиеся служебной их деятельности, без разрешения начальства; без соблюдения служебной дисциплины немыслимо существование никакого государственного строя.

Граф Витте.

[I отделение юридической секции ЕГАФ. Д. канцелярии совета министров, 1905 г., № 34, о почтово-телеграфной забастовке.]

Борьба союза с правительством за право на существование.

Телеграмма председателя Центрального Бюро почтово-телеграфного союза графу Витте от 3 ноября 1905 г.

Почтово-телеграфная Россия никогда не шла в разрез с законными требованиями правительства. Высочайший манифест 17 октября служит для нее незыблемым законом, выраженным вполне определенно, и всякое произвольное толкование манифеста, от кого бы оно ни исходило, есть посягательство на умаление высочайшей власти. Всероссийский почтово-телеграфный союз возник на непоколе-

бимых основах высочайшего манифеста 17 октября, дарующего свободу союзов без ограничений на всех путях и во всех отраслях государственной и общественной жизни. Поэтому Центральное Бюро Всероссийского почтово-телеграфного союза предлагает начальнику Главного Управления почт и телеграфов считаться с существованием союза и своими циркулярами, отменяющими распространение силы манифеста на служащих почтово-телеграфного ведомства, не вынуждать Бюро прибегнуть к мерам доказательства прочного основания союза. Репрессивные меры за участие в союзе, не препятствующем точному исполнению служебных обязанностей и дисциплины, повлекут за собой последствия, ответственность за которые падет на вас и Дурново, именем которого вы действуете.

Председатель Центрального Бюро Парфенко.

[I отделение юридической секции ЕГАФ. Д. канцелярии совета министров, 1905 г., № 34, о почтово-телеграфной забастовке.]

Союз угрожает Витте забастовкой.

Всероссийский съезд делегатов почтово-телеграфных служащих послал вчера на имя гр. Витте следующую телеграмму: «Ваше сиятельство министр внутренних дел, господин Дурново вступил на путь отрицания дарованных свобод 17 октября и, применяя к нам 788-ю статью, — увольнение от должности без прошения, — провоцирует освободительное движение вашего же министерства. Так как министр вступил на путь беззакония, то всероссийский съезд делегатов почтово-телеграфных служащих не считает своих товарищей уволенными, и меру, принятую по отношению к ним, игнорирует. Констатируя только факт, мы апеллируем к обществу, союзам, пролетариату, крестьянству, и если намеренное обострение не будет в течение 12 часов предупреждено вашим сиятельством, то мы, снимая с себя всякую ответственность, поддержим наше право единодушной забастовкой.

Уполномоченный съезда делегатов Роде-Червинский.

(«Русские Ведомости», 15/XI.)

В 11 часов ночи сотрудник «Руси» заехал в канцелярию гр. С. Ю. Витте справиться, отправлен ли премьер-министром ответ на телеграмму уполномоченных съездом делегатов почтово-телеграфных служащих, посланную сегодня утром из Москвы, за подписью г. Роде-Червинского, и если да, то каково содержание его.

Оказалось, что до сих пор гр. С. Ю. Витте никакого ответа на эту телеграмму не дал.

(«Русь», 16/XI.)

---

3. Первый Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих.

Объявление съездом всероссийской забастовки протеста.

(Стр. 31.)

Днем 15 ноября, под председательством Парфененко, был объявлен открытым съезд делегатов от почтово-телеграфных организаций. Явилось 73 делегата. Во время собрания в Бюро поступило несколько депеш, которые, в виду их важности, были оглашены. В этих депешах сообщалось, что иркутские и томские товарищи, не выждав срока забастовки, возмущенные арестом своих делегатов, «забастовали». Эта телеграмма была встречена оглушительными аплодисментами. Съезд решил немедленно перейти к обсуждению вопроса о забастовке. Бюро доложило о предварительном совещании 14 ноября, на котором было решено послать телеграмму С. Ю. Витте с требованием принять обратно уволенных товарищей и отменить циркуляры Севастьянова и Дурново. Срок для ответа был назначен 15 ноября, 6 час. вечера, в каковой срок обещано приступить к общей забастовке. В виду того, что к назначенному сроку ответа получено не было, съезд перешел к забастовке. Единогласным решением по всем линиям была послана следующая депеша: «Ответа от Витте о принятии уволенных не получено. Бастуйте». Съезд продолжается. Подлинная депеша подписана всеми присутствующими на съезде делегатами. После этого состоялся перерыв, и заседание съезда началось вечером. На вечернем заседании председательствовал также Парфененко, сообщивший, что он был вечером на почтамте, и там работа окончательно будет прекращена 16 ноября. Одна из делегаток заявила, что на телеграфе работы окончены, и там работает рота сапер. В провинции, по получении известия из Москвы, началась всеобщая забастовка. Председатель выразил убеждение, что к концу заседания ни одна почтовая и ни одна телеграфная контора работать не будет. Целый ряд делегатов сообщил о развитии организации среди почтово-телеграфных чиновников в провинции. Теперь брожение и недовольство охватило всех и повсюду. Во многих городах уже были частичные забастовки.

(«Русь», 17 ноября 1905 года.)

Всероссийская телеграфная забастовка.

(Стр. 20.)

Согласно телеграмме всероссийского съезда делегатов почтово-телеграфных служащих из Москвы, вчера к 6-ти час. вечера забастовали все города России, соединенные проводами с Петербургом, кроме Варшавы и Саратова. На главной конторе в Петербурге все аппараты бездействуют. Многие чины ушли, а оставшиеся в аппа-

ратной вынуждены вдыхать запах сероводорода, который полит уходящими чиновниками.

Управляющий министерством внутренних дел г. Дурново, утром в 10 часов, посетил главный телеграф, посмотрел новоустроенный зал и распорядился в главную контору назначить наряд полиции у входов и подъездов.

(«Биржевые Ведомости», 16/XI.)

(Стр. 26.)

Воззвание почтово-телеграфных служащих.

Товарищи. Нам бросили вызов. Наши делегаты арестованы в Москве. Съезд сорван. Ему не дали возможности закончить работу.

Вся почтово-телеграфная Россия ответила на это забастовкой. Забастовала Москва и целый ряд других городов. Неужели мы останемся простыми зрителями? Неужели среди нас найдутся такие, которые не присоединятся к борьбе наших товарищей?

Неужели и на этот вызов правительства мы ответим молчанием, как это делали до сих пор?

Нет и нет!

Мы все, как один человек, бросим наши аппараты, наши столы, за которыми мы потеряли здоровье, потеряли лучшие дни нашей жизни.

Не хотим мы больше быть рабами. Мы не дадим лишить нас права союзов, которое признается за остальными гражданами.

Мы добьемся неприкосновенности личности наших делегатов.

Мы добьемся настоящей свободы.

Во имя товарищеской солидарности, во имя гражданской порядочности, во имя общего дела, присоединяйтесь к забастовке, чтобы никто не мог звать нас изменниками и черносотенниками.

Бастуйте же, товарищи!

Да здравствует всеобщая почтово-телеграфная забастовка! Да здравствует российский почтово-телеграфных союз!

Комитет петербургского отдела почтово-телеграфного союза.

(«Сын Отечества», 17/XI.)

(Стр. 56.) **Накануне забастовки.**

Ответ графу С. Ю. Витте от депутатов Всероссийского делегатского съезда почтово-телеграфных работников.

Ваше Сиятельство. Исполняя возложенное на нас поручение съезда, 18 ноября мы явились в Петербург со специальной целью передать вам коллективное заявление наших товарищей.

На нашу просьбу о личном свидании вы, ваше сиятельство, соблаговолили ответить нам не чем иным, как отказом. Мы не можем принять ваш ответ иначе, как за выражение пренебрежительного отношения не только к нам, но и ко всем работникам почтово-телеграфного дела.

В вашем ответе, переданном нам через вашего уполномоченного, г. Вуича, мы усматриваем не что иное, как простую перифразировку всем известных циркуляров г. Дурново. Вашему сиятельству не может быть неизвестным, какое впечатление произвели на всех почтово-телеграфных работников эти циркулярные и другие распоряжения министра внутренних дел, сыгравшие роль последней капли, переполнившей чашу нашего терпения.

Из вашего заявления мы не можем не видеть, что вы, ваше сиятельство, таким образом, констатируете свою солидарность с министром внутренних дел и, как глава кабинета, берете на себя ответственность за все последствия забастовки, провоцированной г. Дурново, независимо от того, остается или не остается этот последний на посту министра внутренних дел.

При такой постановке вопроса мы не можем не видеть, что какие-либо надежды на удовлетворение наших скромных требований мирным путем совершенно теряют почву, и нам, работникам почтово-телеграфного дела, больше ничего не остается, как рассчитывать в будущем исключительно на свои собственные силы, — другими словами, продолжать забастовку до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие наши требования:

1) Отмена всяких мер, принимаемых правительством в целях противодействия организации и деятельности нашего союза и съезда, и 2) прекращение всяких репрессивных мер по отношению к отдельным членам союза и немедленное возвращение товарищей, уволенных за принадлежность к союзу. Формулируя таким образом наши справедливые требования, считаем долгом обратить внимание вашего сиятельства, что мы, добиваясь их удовлетворения со стороны правительства, лишь присоединяемся к тем общерусским требованиям о немедленной гарантии «действительной» неприкосновенности личности, свободы союзов и собраний, которые столько раз уже обещаны правительством на бумаге и столь недвусмысленно нарушаются на деле.

Таким образом, мы выставляем на нашем знамени те самые требования, которые уже выставлены на знаменах всего трудящегося народа.

Этим мы и заканчиваем нашу миссию личных переговоров с вашим сиятельством.

Депутаты первого всероссийского делегатского съезда почтово-телеграфных работников: инженер Н. Двужильный, инженер Л. Залуцкий, телеграфистка А. Ракк.

(«Сын Отечества», 20 ноября.)

[Дело деп. пол., № 2100, л. А, 4 д-ство, 1905 г.]

Арест делегатов съезда и работников союза. Забастовка продолжается.

В ночь на 21 ноября арестованы деятели почтово-телеграфного съезда и почтово-телеграфного союза. Они задержаны без постановления прокурора, по распоряжению администрации, на основании положения об усиленной охране. Среди арестованных — главные деятели почтово-телеграфного союза и забастовки: Парфененко, Руднев, Миллер. Почтово-телеграфный съезд немедленно выбрал новое бюро и решил продолжать забастовку до полного удовлетворения. Сегодня ни почтамт, ни телеграф, ни почтово-телеграфный телефон не действуют. Почт-директор предложил всем чиновникам явиться на службу 22 ноября, заявив, что он будет считать неявившихся нежелающими работать и вынужден будет заменить их другими.

(«Сын Отечества», 23 ноября).

[Дело деп. пол., № 2100, л. А, 4 д-ство, 1905 г.]

Воззвание по поводу ареста 20 ноября членов Центрального Бюро и Московского К-та Союза.

Мы все глубоко возмущены арестом 7 членов из Центрального Бюро и Московского Комитета. Мы поражены бесцельностью этой выходки со стороны администрации. Неужели она думает, что всероссийский почтово-телеграфный союз, состоящий из выборных людей, не сможет тотчас же выделить из себя семи человек, которые вполне могут заменить арестованных товарищей? Если она этого не понимает, то мы ей заявляем, что через 3 часа после ареста мы вновь имеем организованное бюро и комитет. А к прежним своим требованиям мы теперь добавляем одно и говорим: пока не освободят арестованных наших товарищей, всероссийская почтово-телеграфная забастовка не кончится. Съезд же слагает с себя всякую ответственность перед обществом за последствия произвола администрации.

2-е воззвание.

Стачка почтово-телеграфных служащих — в полном разгаре. Министерство Дурново объявило забастовавшим беспощадную войну, подвергнув аресту членов Центрального Бюро делегатского съезда и отказывая в уплате служащим даже тех денег, которые ими уже бесспорно заработаны за время до стачки. Товарищи наши решили держаться до исполнения их требований. Эта стачка по своему существу направлена, главным образом, непосредственно против

правительства, бесцеремонно попирающего основные права народа. Наша победа — победа всего народа. Наше поражение — прямой удар общему делу освобождения. Поэтому громко взываем ко всем гражданам, союзам и общественным организациям. Просим немедленно денежной помощи, так как от нее существенно зависит продолжение нашего сопротивления. Деньги будут переданы в распоряжение избранного комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза и будут распределены между наиболее нуждающимися товарищами.

(Стр. 85.)

Почт.-тел. съезд примыкает к Петербургскому Совету.

23 ноября состоялось в Москве очередное собрание делегатов почтово-телеграфного союза. Собрание заслушало следующие, полученные съездом телеграммы:

Иркутск: «Все бастуем. Настроение твердое». Иваново-Вознесенск: «Товарищи, просим защиты от произвола нашего начальника Аксенова, который приглашает полицию, казаков, подстрекает публику, насильно заставляет работать. Шлем делегата, который объяснит все подробно». Армавир: «Доведенные до изнеможения забастовкой, торговые фирмы желают подать депешу графу Витте о скорейшем удовлетворении наших требований, находя их справедливыми. Железнодорожный телеграф депеш не принимает». Ташкент: «В Кушке начальник конторы арестован за отказ принять депешу на имя Государя Императора. Посадили сапер. Как нам поступать? В городе циркулируют слухи о временном военном положении города и предании полевому суду всех чинов высланных. В случае военного положения, как поступать?»

Инженер Двужильный предложил послать депутата от почтово-телеграфного союза в Совет Рабочих Депутатов, как это сделал петербургский отдел союза. Один из делегатов предложил доконать правительство всеобщей забастовкой. После долгих и оживленных прений была вынесена следующая резолюция:

«Первый Всероссийский делегатский съезд почтово-телеграфных работников, принимая во внимание, что съезд исчерпал все доступные ему мирные средства достигнуть удовлетворения справедливых требований работников почтово-телеграфного дела, что правительство продолжает держаться того же вызывающего провокационного образа действий по отношению к союзу почтово-телеграфных работников, что требования, составленные союзом, — общие с требованиями всего борющегося класса России, что по условиям их экономического и правового положения они составляют лишь часть рабочего класса страны, и, подчеркивая, что само правительство своим отношением к требованиям союза борется в нашем лице с освободительным движением трудящегося класса в России, постановил

примкнуть к общерусской организации трудящегося класса, объединенного в настоящее время в Петербургский Совет Рабочих Депутатов и в его местные отделы».

Резолюция принята единогласно. При баллотировке от участия в ней отказались финляндские депутаты, говоря, что, получив автономию, они не могут участвовать в русской политической организации, боясь таким поступком дать лишний шанс в руки своих врагов.

(«Биржевые Ведомости», 24 ноября.)

[Дело деп. пол., № 2100, л. А, 4 д-ство, 1905 г.]

(Стр. 1-а.)

Манифест Первого Всероссийского почтово-телеграфного съезда.

В настоящее время почтово-телеграфная забастовка охватила всю Россию. Совершенно излишне доказывать, сколь серьезными последствиями угрожает она государственной и общественной жизни страны. Перед лицом всего русского трудящегося народа Первый Всероссийский почтово-телеграфный съезд заявляет, что всякую ответственность за все эти последствия он возлагает на русское правительство, в лице министра внутренних дел, г. Дурново. Случилось и на этот раз то самое, что неизбежно должно было случиться при господстве современного бюрократического режима и что уже неоднократно случалось в других областях. Мы, работники почтово-телеграфного дела, бастуем не потому, что это нам приятно или выгодно, а потому, что не можем поступить иначе и не можем дальше выносить того, что выше наших сил. Мы доведены до крайних степеней изнурения нашей почти беспрерывной и напряженной работой. Мы принуждены продавать все свои силы за грошевое жалованье, находясь весь наш век на положении безответных рабов, которые обязаны беспрекословно исполнять всякие приказания всесильного и бесконтрольного начальства, вплоть до постыдного перехватывания чужих писем и других явных нарушений закона. Мы обязаны молча взирать на то, как главное управление распоряжается миллионами наших трудовых денег (эмеритальная касса), мы уже много лет тщетно добиваемся возврата нам нескольких миллионов процентов, успевших нарасти до настоящего времени на эти наши деньги. Неся на себе тяжелую, непосильную работу, часто связанную с опасностью для нашей жизни, мы принуждены со страхом ожидать наступления старости, которая почти для всех нас сопряжена с нищетой. Мы живем, не видя никаких просветов ни в настоящем, ни в будущем и постоянно встречая всякие препятствия со стороны начальства в наших стремлениях к улучшению не только нашего существования, но и самого дела. Бывает же предел всякому терпению.

Мы терпели, мы просили, мы «ходатайствовали», мы доказывали, но все наши голоса глохли где-то в министерских канцеляриях; со своей стороны, наше начальство сделало все, чтобы наглядно доказать нам, что все избранные нами способы при ныне существующих политических условиях совершенно не могут привести к намеченной нами цели. Только тогда, после долгих размышлений и колебаний, мы, как и весь рабочий народ, вынуждены были прибегнуть к забастовке. Мы, как и другие, не могли не понять, что никакие улучшения нашего положения совершенно невозможны без коренных преобразований России. Мы, как и другие, не могли не присоединиться к общенародным политическим требованиям, отчасти нашедшим свое отражение в манифесте 17 октября. Мы, как и другие, на своем собственном горьком опыте очень скоро убедились, что толкования манифеста находятся в руках того же министра внутренних дел, бывшего сотрудника Плеве, и что собственной властью и произволом этого министра манифест для нас вовсе отменен. Таким образом, мы, работники почтово-телеграфного дела, произволом министра, лишены права быть русскими гражданами. Мы лишены теперь г. министром права соединяться в союз, заседания нашего съезда ежедневно пытается разогнать полиция, а наших представителей увольняют без прошения со службы. Кто же истинный виновник почтово-телеграфной забастовки, от которой в настоящее время страдает вся страна? Неужели в ней виноваты те самые работники, которые всю ее тяжесть несут, прежде всего, на своих плечах? Пусть нас обвиняет правительство, нас оправдает трудящийся народ! Мы смело выставляем на нашем знамени те самые экономические и политические требования, которые уже выставлены на его знаменах. И мы верим, что они будут выполнены, потому что эти требования не только наши, но всего трудящегося народа.

Организационное бюро всероссийского делегатского съезда почтово-телеграфных работников.

(«Волжский Листок», 24/XI, 1905 г. Перепечатано из «Начала».)

[Дело деп. пол., № 2100, т. 2, 1905 г., 4 д-ство, о почтово-телеграфной забастовке.]

Обращение к обществу.

Уже с 15 ноября дружно начатая, дружно продолжается забастовка почтово-телеграфных работников... Петербургское правительство упорствует... Но мы бодры и борьбы не покинем. Мы бодры, потому что поняты, потому что нам верят, что мы боремся и страдаем не за себя и не для себя только, а для всех, за всех и со всеми, кому дороги счастье и свобода нашей великой родины. Мы бодры сознанием, что мы — только отряд грозной армии русского освободительного движения, что наша борьба — только часть борьбы всех трудящихся классов России за свободу и счастье. Мы бодры радостным ощущением того сочувствия, которое выразили нам все трудящиеся

люди, все русское общество, — все его культурно-прогрессивные элементы, без различия политических убеждений и партийных взглядов. И всем, кто нам сочувствует, всем, кто оказал и оказывает посильную поддержку, мы шлем свое горячее товарищеское спасибо. Пусть растет и крепнет могучая связь всех людей и труда. Мы уже ощущаем ее все возрастающую прочность и мощь, и в борьбе своей бодры этим радостным ощущением, не боимся страданий и поражений и горячо верим, что через страдание в борьбе вся Россия идет верным и прямым путем к окончательной и радостной победе. А тем, кто мешает этому победоносному движению, мы выражаем свое горячее негодование и обещаем им борьбу в союзе со всеми представителями труда и честной мысли; всем этим странным, несомненно, фальсифицированным «курсисткам и студентам» и другим добровольцам полицейской службы, этим лицемерным представителям партии «правового порядка», которые, во главе с ученым академиком И. Янжулом, сконфузили даже графа Витте добровольным предложением своих услуг. Мы протестуем против таких господ и им подобных и приглашаем всех друзей освободительного движения в партиях, союзах и всяких других организациях вырабатывать активные формы борьбы с ними. Особенно горячее негодование и протест свой выражаем мы шведско-русскому телефонному обществу и постараемся всеми силами поддержать наших товарищей, служащих в этом обществе. Мужайтесь, товарищи. В борьбе мы обретем силу... Все трудящиеся люди, мы с вами. Все борцы за свободу, мы с вами. Вам принадлежат наши силы, и у нас надежда только на ваши силы. Будем же бодры и мужественны до конца, — до тех пор, пока все наши требования не будут удовлетворены. Да здравствует борьба! Да здравствует союз для борьбы!

Делегатский съезд.

Приказ управляющего министерством внутренних дел по ведомству почт и телеграфов от 26 ноября 1905 г.

Продолжающиеся среди состоящих на службе почтово-телеграфных чиновников и вольнонаемных почтальонов беспорядки совершенно нарушили правильность передачи почт и телеграфных сношений по всей империи. Означенные беспорядки выразились в мятежной стачке чиновников, которые не только отказались предумышленно и самовольно исполнять свои служебные обязанности, но угрозами и насилием препятствовали товарищам продолжать занятия, перепутали и перерывали телеграфные провода главнейших узловых центров и даже местами попортили дорого стоящие аппараты. В высшей степени вредные последствия таких явно мятежнических действий пагубно отражаются на всей совокупности государственных и частных интересов и обязывают меня всеми

зависящими от меня способами, в силу предоставленной мне законом власти, принять меры к восстановлению на почте и телеграфах необходимых в каждой отрасли государственной службы дисциплины и порядка. Желающие продолжать службу в почтово-телеграфном ведомстве должны знать, что образование общего союза почтово-телеграфных чиновников с целью добиться, помимо указанных в законе путей, политических или экономических прав, ни при каких условиях терпимо не будет. Три раза такое решение было объявлено служащим, и потому те из них, которые, открыто не повинуясь своему местному и главному начальнику, продолжают стремиться к тому, чтобы существование союза было мною признано законным, не могут оставаться на службе и подлежат увольнению без прошения. Равным образом, предъявленное в дерзкой форме и с угрозами требование о принятии вновь на службу лиц, уволенных по моему распоряжению за подстрекательство к беспорядкам, представляется открытым мятежническим действием, и все дозволявшие себе подписывать подобные требования должны быть уволены от службы. Никакие соглашения или условия с чиновниками, дерзнувшими в переживаемое государством тяжелое время нарушить данную ими присягу, допущены быть не могут, а потому, как общее правило, все самовольно, скопом оставившие занятия, увольняются без прошений от службы, при чем разрешается местным начальством разобраться, кто из них подчинился угрозам подстрекателей по малодушию и из страха, и кто действовал вполне обдуманно, отдавая себе отчет в последствиях нарушения служебного долга. Первые могут быть вновь принимаемы на службу лишь в том случае, если они, по имеющимся сведениям, совершенно непричастны к незаконному союзу, и тогда им выдается содержание, за вычетом по расчету пропущенных дней службы. Вторых на службу почтово-телеграфного ведомства не принимать и выдать им ноябрьское жалованье по день самовольного прекращения занятий. Засим, главные мятежники, стоявшие во главе беспорядков, подстрекатели, прибегающие к угрозам, насилиям, а равно и те, которые порывали телеграфные провода и испортили аппараты, по увольнении от службы должны быть передаваемы в установленном порядке преследованию за служебные преступления в распоряжение судебной власти. Само собою разумеется, занимаемые увольняемыми чинами казенные помещения очищаются ими в определенный срок и в зависимости от их семейного положения. При распределении особых пособий из ассигнованных в конце октября сего года в мае распоряжение 500.000 рублей, из числа виновных в участии в мятежнической стачке по малодушию и вновь принятых на службу, могут быть включены в список получающих пособия лишь те, которые своей прежней службой заслуживают особого снисхождения. Останавливаясь, наконец, на местном почтово-телеграфном начальстве, а именно на почтово-телеграфных начальниках округов и почтово-телеграфных контор и их

помощниках, надлежит заметить, что, по полученным мною сведениям, некоторые из них обнаружили чрезвычайную слабость в своих распоряжениях, позволили себе входить в соглашение с мятежниками и даже по их требованию выдали им жалованье. По счастью, подобных лиц до сего времени немного, но, хотя бы по выяснении подробностей оказалось и больше, все они должны оставить службу в почтово-телеграфном ведомстве. В заключение считаю своею служебною и нравственною обязанностью выразить мою искреннюю благодарность всем тем служащим, от начальников округов до почтальонов включительно, которые, невзирая на угрозы, насилия и подстрекательство, остались верны принятой присяге и самоотверженно продолжали исполнять службу. Позволяю себе быть уверенным, что все истинно-русские и верноподданные нашего Государя разделяют мою беспристрастную оценку высокого гражданского мужества скромных людей, доказавших перед лицом всей России свою твердость в исполнении служебного долга, и они могут быть уверены, что, пока я стою во главе министерства внутренних дел, служба их не будет забыта. Точное исполнение изложенных указаний возлагается на начальника главного управления почт и телеграфов, которому поручено ныне озаботиться проверкой сведений, доставляемых начальниками округов и командированными в разные местности империи лицами как о подлежащих немедленно увольнению от службы, так и о тех, которые в течение всего времени продолжали исполнять лежащие на них обязанности.

Управляющий Министерством внутренних дел Дурново.

Выслушав этот приказ, съезд постановил попрежнему руководить всеобщей российской почтово-телеграфной забастовкой и не разъезжаться до ее окончания. Кроме того, было принято депутатами следующее обращение:

Ко всем труженикам почтово-телеграфного ведомства.

26 ноября вышел приказ министра внутренних дел, в котором нам объявляется война не на жизнь, а на смерть. В этом документе наша святая борьба за право человека и гражданина называется на жаргоне участка мятежом.

Но кто теперь учиняет в России беспорядки? Неужели мы, работники почтово-телеграфного дела, беззаветно поверившие в обещание манифеста 17 октября, и пожелавшие, подобно всем нашим братьям-рабочим, добиться человеческого существования? Нет, товарищи, это неправда. Единственный виновник всех беспорядков — это наше правительство. Оно сотни лет давило рабочий народ, борцов за народное дело, давило все, что есть на Руси честного и смелого; оно ввергнуло нашу страну в позорную войну, погубило русский флот, сотни тысяч человеческих жизней, расточило сотни миллионов народных денег, довело всю Россию до разорения. И даже

теперь, когда воочию обнаружилась вся его гниль и мерзость, оно не хочет уступить, не хочет сойти с насиженного теплого местечка и, опираясь на грубую силу, на штыки и пушки, собирается раздавить молодые побеги русской свободы.

И это-то в корне развращенное, ни к чему не способное, враждебное русскому народу правительство смеет угрожать нам, труженикам почтово-телеграфного ведомства, беспощадными казнями, если мы будем упорствовать в защите своего правого дела. Оно заявляет, что ни в какие соглашения с нами оно не вступит. Но мы сами не желаем вступать с ним ни в какие разговоры. Мы раскусили его, это правительство, которое все свои силы напрягает на подавление народной свободы, мы ругали это вероломное правительство, которое хочет превратить нас в прежних безответных рабов и объявляет нам беспощадную войну за то, что мы также захотели быть людьми и гражданами своего отечества.

Сначала оно пыталось запугать нас, потом развратить и найти изменников в нашей среде. Это ему не удалось. Затем оно попыталось устроить почтово-телеграфную службу с помощью предателей из белой и черной сотни. Оно начало арестовывать наших товарищей, самоотверженно служащих нашему общему делу. Но на смену арестованным из широких рядов нашей дружной семьи выходят все новые и новые борцы, готовые беззаветно отдать свои силы на борьбу за интересы товарищей. Потерпевшее неудачу во всех своих попытках правительство Витте-Дурново решилось применить к нам последнее решительное средство. Оно прибегло к массовому увольнению без прошения всех забастовавших и выселению из казенных квартир. Другими словами, оно задумало лишить нас и наши семьи куска хлеба и обречь на холодную и голодную смерть. Вместе с тем оно приглашает малодушных людей, способных испугаться его бессильных угроз, изменить общему делу и принести повинную. За такое Иудино предательство оно сулит выдать им 30 сребреников из пособий, ассигнованных в распоряжение г-на Дурново. Товарищи! Вы с презрением отвергаете эти жалкие подачки, рассчитанные на слабость некоторых из вас. Среди нас не найдется людей, способных изменить нашему святому общему делу, покорно подставить шею под старое ярмо. Вы видите, что от нашего начальства нам нечего ждать пощады, нечего ждать человеческого к нам отношения. Да не смущается дух ваш, и да не ослабнет твердость ваша. Будем попрежнему стойко держаться вместе, и никакие силы не одолеют нас. Весь рабочий класс на нашей стороне. Дни правительства Витте-Дурново сочтены. Скоро оно перестанет командовать нами, сгубить Россию и давить русский народ. Близится великая гроза. Отовсюду встает весь народ, весь пролетариат, все крестьянство, все угнетенные и трудящиеся соединяются для последней решительной битвы. Даже армия, на которую до сих пор опиралось наше правительство, не хочет больше быть пугалом родного народа. Близок час великого страшного суда над угнетателями и насильниками.

Поэтому не уступайте. Упорно добивайтесь удовлетворения наших законных требований. Все за одного и один за всех. Да здравствует наш почтово-телеграфный союз! Да здравствует объединение всего рабочего класса!

———

Собрание постановляет: немедленно озаботиться помощью нижним служителям. Председатель читает циркуляр Севастьянова.

От Главного Управления почт и телеграфов.

В виду суждений в обществе и печати о необходимости улучшить материальное обеспечение почтово-телеграфных чиновников, Главное Управление почт и телеграфов считает нужным объявить, что этот вопрос, составляющий издавна постоянную заботу министерства внутренних дел, получил в последнее время благоприятное направление. Так, несмотря на то, что война с Японией вызвала необходимость отложить осуществление проектов, требовавших больших расходов, государственный совет уважил представления министерства об ассигновании денежных средств как на улучшение быта почтово-телеграфных чинов, занимающих низшие должности, так равно и на усиление личного состава учреждений. В этих видах с начала будущего года уничтожается низший оклад содержания почтово-телеграфных чиновников шестого разряда (триста рублей в год), при чем наименьший оклад содержания для означенных служащих в столицах и больших городах внутренних губерний империи определен в 468 рублей, а в остальных местностях — в 432 руб., считая в том числе 360 руб. жалованья и от 72 до 108 рублей квартирных денег. Одновременно оклады содержания начальников почтовых и телеграфных отделений в селах и деревнях (360 руб. в год) увеличиваются до 450 руб. при квартирах в натуре. Кроме того, с 1906 года по почтово-телеграфной смете увеличивается на 40% ежегодный отпуск средств, предназначаемых на развитие учреждений и усиление их личного состава, а именно: 835.000 руб. (в 1905 г.) до 1.350.000 руб., что даст возможность увеличить как число работников на почте и телеграфе и, следовательно, облегчить труд каждого из них, так и количество должностей средних и высших окладов, а также повысит некоторые учреждения в классах соответственно росту производимых в них операций. Засим, на-днях государственый совет разрешил отпустить 500.000 рублей на выдачу пособий тем служащим в местных почтово-телеграфных учреждениях, на долю которых выпал особо тяжелый труд во время прекратившегося в октябре сего года железнодорожного движения, вызвавшего усиленный обмен телеграфной корреспонденции и возвышение цен на предметы первой необходимости. Независимо от вышеизложенного, в целях дальнейшего улучшения материального положения почтово-телеграфных служащих и облегчения их дея-

тельности, будут в близком будущем внесены на законодательное рассмотрение составленные проекты нового штатного расписания должностей почтово-телеграфных учреждений и особых прибавок к содержанию за каждое пятилетие тем чиновникам, которые по прослужении в одной и той же должности пять лет не получили повышения по службе».

Один из делегатов замечает: «Этот циркуляр Севастьянова — провокация: он бьет на эффект. Забастовку продолжать нужно. Обсудим теперь же, какую поддержку можем мы получить. Железные дороги и пролетариат активно нас не поддерживают... Если будет ясно и определенно доказано, что мы можем довести ее до конца, ее необходимо продолжать».

———

После долгих прений вынесена резолюция: «принимая во внимание состояние забастовки и надвигающиеся события особой важности, первый съезд делегатов всероссийского почтово-телеграфного союза в заседании 4 декабря постановил: продолжать забастовку до удовлетворения предъявленных Витте требований». Резолюция была принята большинством 43 голосов против 4. Председателем был поставлен вопрос об отъезде делегатов и сдаче дел Центральному Бюро. Решено, на основании прежнего постановления, не разъезжаться, по крайней мере, до 7-го, т.-е. до выяснения обстоятельств.

6 декабря.

Последнее заседание. Перед закрытием съезда делегаты избрали исполнительную комиссию и выработали следующие обращения к обществу и к товарищам:

1) К обществу:

Первый делегатский съезд всероссийского почтово-телеграфного союза считает долгом выразить свою горячую благодарность тем, кто отозвался на воззвание союза о помощи и посильной лептой помогает тысячам нуждающихся почтово-телеграфных служащих. Это теплое участие граждан даст нам новые силы к продолжению борьбы за права человека, и в нем мы находим уверенность, что если наши слабые силы не вынесут продолжительной борьбы, то весь народ станет продолжать эту борьбу и своим дружным сознательным движением одержать победу над мраком своеволия и бесправия.

2) К товарищам:

Товарищи, выбранные вами делегатами от почтово-телеграфного союза всей России, мы прибыли 14 ноября для окончательной выработки устава союза, требований и программы действий. Но сразу же

мы вынуждены были министерством Витте-Дурново перейти к практическому решению вопроса нашей программной тактики, так как 14 же ноября, в день съезда, получены были нашими товарищами бумаги об увольнении их без объяснения причин, по 788 ст. В ответ на это в ночь с 14 на 15 была выработана и послана телеграмма графу Витте с определенным сроком для исполнения, так как, не определив время, мы рисковали быть или арестованными или уволенными, т.-е. быть поставленными в положение лиц, не могущих выполнять и выражать наши полномочия.

Ответа на телеграмму не получено, и съезд циркулярно оповестил о всероссийской почтово-телеграфной забастовке. Выставленные положения в телеграмме были столь скромны и легко выполнимы, что озабоченные неполучением ответа отправили в С.-Петербург, к графу Витте, особую депутацию, каковая даже не была им принята. После всего этого съезд приступил к выработке политической платформы и, заняв центр в поле борьбы русских демократов с отжившим режимом, сделал известное обращение к русскому обществу о причинах, вызвавших почтово-телеграфную забастовку. Съезд, выполняя возложенное на него поручение, все же ожидал получить ответ на свои требования. Но правительство издевалось над нами и усвоило такую же тактику, какую оно проделало со съездом городских и земских деятелей. Оно пошло даже дальше: так, приняв мирно резолюцию муниципальных деятелей о полной реорганизации государственной власти, оно забило чрезвычайную тревогу по поводу предъявленных нами маленьких и скромных требований. Оно принудило нас скрываться, конспирировать наши собрания, оно выхватывало из нашей среды и сажало в тюрьмы выбранных вами товарищей, оно пыталось провоцировать, но неудачно, наш съезд.

Товарищи, мы считаем лишним заносить пережитую нами скорбь ожиданий и горечь обманутых надежд. Мы, выполнив все возложенное на нас, признали за наш нравственный долг заявить вам и всему обществу, что наше правительство не признает в обывателе и чиновнике гражданина даже после 17 октября, и что всякая легальная борьба с ним не достигнет цели, и постановили: 1) закрыть съезд, но отнюдь не прекращать борьбы за поставленные съездом требования; 2) для этого съездом учреждается Исполнительный Комитет.

Таким образом, съезд, стоявший все время на почве легальной и культурной борьбы, прекращая свои занятия, снимает с себя всякую ответственность за те формы, в которые может вылиться борьба, не может отнять от себя твердой уверенности, что подобная борьба продлится слишком недолго, так как ни одно государство в мире не может терпеть дезорганизации, вносимой в страну самим же правительством.

На другой день, 7 декабря, в 12 часов дня, началась всеобщая политическая забастовка. В те исторические дни, когда улицы

Москвы ощетинились баррикадами, происходила в широких размерах порча телеграфных столбов и почтовых ящиков, несомненно, политическая забастовка вплотную слилась с почтово-телеграфной, и порча столбов явилась прямым следствием этого. 15 декабря решено было прекратить забастовку, и тогда появилось следующее воззвание:

От Исполнительного Комитета Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза.

Товарищи, мы сравнительно поздно выступили во всей сознательной массе на борьбу за права человека.

Наша борьба еще раз показала, что правительство не заботится о благе родины и не желает считаться с мнением общества. Эта мнимая неуязвимость правительства является в то же время и его Ахиллесовой пятой. В такие моменты пролетариат переходит от мирных форм борьбы (забастовок) к более энергичным. Мы, почтово-телеграфные служащие, представляем тех же пролетариев, живущих исключительно от продажи личного труда. Наша забастовка во многих местах России слилась с всеобщей забастовкой, которая показала всю мощь организованного пролетариата, подняла веру в наши силы и выяснила наиболее действительные средства борьбы. Но, как и во всякой борьбе, здесь также необходима передышка для возобновления и укрепления организаций, выяснения позиций, плана будущих действий и проч.

В виду этого Исполнительный Комитет Всероссийского почтово-телеграфного союза рекомендует товарищам приступить к работам, сообразуясь с аналогичными решениями местных пролетарских организаций. Но, становясь на работы, вы не должны, товарищи, забывать ни одной минуты, что борьба наша, выяснившая всю важность почты и телеграфа для страны, еще не окончена, и что каждый из вас, относясь сознательно к своей работе, не должен служить целям реакции.

Из протокола особого совещания начальников частей войск и представителей ведомств и учреждений гор. Читы.

Была прочитана полученная от только-что прибывшего в заседание по особому приглашению городского головы Шешминцева копия с резолюции, принятой на экстренном заседании 21 декабря 1905 года гласных читинской городской думы, при участии граждан и представителей от партий и союзов. Резолюция эта следующего содержания:

«Гласные думы, собравшись 21 декабря 1905 года в экстренном заседании вместе с представителями партий и союзов, выслушали доклад городского головы о почтово-телеграфной забастовке в гор. Чите, резолюцию, принятую на митинге 19 декабря 1905 года, на

котором подробно обсуждался вопрос о названной забастовке, а также доклад почтово-телеграфных чинов союза об организации почтово-телеграфного дела в г. Чите. Обсудив всесторонне все обстоятельства дела в присутствии представителей партии, союзов и громадной массы граждан, единогласно постановили:

1. Господствующее правительство, а также и местная администрация бессильны восстановить почтово-телеграфное сообщение, а потому оно должно быть временно изъято из рук правительства и передано при посредстве городского общества в руки чинов почтово-телеграфного союза.

2. Городское общество из своей среды избрало комиссию для наблюдения за правильным ходом почтово-телеграфных дел и денежной отчетности в составе гг. Кузнецова, Дмитриевского, Соболева и Волкова; сверх того, партиям и союзам предоставляется право избрать своих представителей, которые и входят в состав комиссии.

3. Временное управление почтово-телеграфным делом возложить на исполнительный комитет союза читинских почтово-телеграфных служащих, состоящий из следующих лиц: председатель Хмелев, члены: Замошников, Костырев, Запольский, Андриевский и Красовицкий.

4. Просить г. губернатора через выборных депутатов немедленно снять все военные посты в почтово-телеграфной конторе.

5. По снятии печатей произвести описи всего наличного имущества при помощи почтово-телеграфных чинов и совместно с выборными от общества.

6. Для приведения дел в порядок чины почтово-телеграфной конторы должны избрать комиссию, которая обязана составить протокол и представить его обществу.

7. По окончании заседания съезда чинов почтово-телеграфных делегатов округа, созванных на 21 декабря сего года в гор. Чите, должен быть избран комитет из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья для совместного с делегатами от общества определения порядка дальнейшей передачи почтово-телеграфного дела во всем Забайкалье в руки общества и заведывания этим делом.

8. Содержание чиновникам и служащим почтово-телеграфных контор и другие хозяйственные расходы будут выплачиваемы из поступающих на приход сумм, остатки же этих сумм будут храниться по указанию комитета из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья, который должен быть организован на основании предыдущего пункта, совместно с представителями городского общества».

По выслушании этой резолюции некоторые члены совещания заявили, что в таком важном деле, как передача правительственной регалии в другие руки, недостаточно одной копии с резолюции, а необходимо подлинное постановление городской думы, дабы судить, в законном ли составе оно состоялось, почему полагали бы обсуждение этого вопроса отложить до завтра. На такое заявление один

из присутствующих высказался, что, будет ли разрешаться этот вопрос сегодня или завтра, положение дела не изменится, так как во всяком случае городская дума не в праве подвергать своему обсуждению дела, не входящие в круг ее компетенции, и не может ни принимать в свое ведение правительственного учреждения, ни гарантировать ответственности за последствия. Почтово-телеграфные учреждения могут быть взяты в руки общества лишь революционным путем, под напором вооруженной силы; другим из членов было обращено внимание на то, что в 1-м пункте резолюции говорится об изъятии из ведения правительства и передаче почтово-телеграфного сообщения, при посредстве городского общества, в руки чинов почтово-телеграфного союза, следовательно, по смыслу этого проекта резолюции выходит, что почтово-телеграфное дело должно быть передано не городскому общественному управлению, а какому-то союзу почтово-телеграфных чинов при посредстве лишь городского общества. В разъяснение изложенных замечаний читинский городской голова доложил, что особого постановления собственно городской думы об изъятии из ведения правительства почтово-телеграфных учреждений г. Читы, за неявкою на заседание определенного законом числа гласных, пока еще не составлено, но что после этого заседания он виделся с большинством гласных думы, и при обсуждении с ними, в частности, настоящего вопроса, последние также высказались за передачу почтово-телеграфного дела, через посредство думы, в ведение союза почтово-телеграфных чиновников, так что вопрос этот теперь можно считать решенным думой в принципе утвердительно.

При этом городской голова вновь подтвердил заявление депутации о том, что в случае решения данного вопроса в отрицательном смысле можно ожидать очень серьезных последствий со стороны Социал-Демократической Рабочей Партии, т.-е. насильственного захвата не только почтово-телеграфной конторы, но и других правительственных учреждений.

Обсудив всесторонне обстоятельства настоящего дела и принимая во внимание: 1) что для местной администрации, как это установлено неоднократными совещаниями, является полная невозможность восстановления почтово-телеграфного движения; 2) что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на все принятые меры увещания обратиться к занятиям, категорически заявили, что они служить правительству не желают до полного удовлетворения политических и экономических требований, предъявленых их союзом; 3) что освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая и военного; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для ограждения почтово-телеграфной конторы в случае насильственного захвата ее; 5) что отрицательный ответ на требования думы мог бы послужить сигналом для начала кровавой анархии, так как, по заявлению депутации и городского головы, бывшего на

совещании, в случае неуважения сего ходатайства Социал-Демократическая Партия, в числе 4.000 человек, вооруженных винтовками, предложила услуги насильственно взять не только контору, но и все правительственные учреждения, — совещание единогласно постановило: почтово-телеграфные учреждения области временно передать читинской городской думе, как постоянному учреждению, которая, как орган юридического лица, под контролем гласных думы, может передать эти учреждения союзу почтово-телеграфных чиновников Забайкальского округа, но без всякой ответственности правительства и казны за могущий быть ущерб и вред. Сдача может быть произведена только утром 22 декабря».

(Архив главного управления почт и телеграфов. Дело № 142, за 1905 г. Из материалов подготовляемой к печати книги Базилевича «История профдвижения среди почтово-телеграфных служащих», любезно предоставленных в наше распоряжение Истпрофом ЦК связи.)

4. Развитие забастовки.

Почтово-телеграфная забастовка.

Ответом на репрессии г. Дурново последовала забастовка почтово-телеграфных служащих в главных центрах, как-то: вся Сибирь, Москва, Харьков, Одесса, Ростов, Рига, Либава и т. д., завтра последует и Петербург. Забастовка продолжится до принятия обратно уволенных по 3 пункту делегатов.

12 ноября разослан главным управлением почт и телеграфов циркуляр о применении § 62 правил телеграфной корреспонденции, на основании которого все депеши, имеющие отношение до почтово-телеграфного союза, конфискуются. Итак, отмененная цензура депеш опять восстановлена.

Забастовка в Москве.

(Стр. 101.)

Об отцепке почтовых вагонов.

Волоколамское отделение С.-Петербургско-Виндавского Жандармского Полицейского Управления железных дорог.

11 декабря 1905 г.
№ 330.
Г. Москва.
Вход. № 39888.

В Штаб отдельного корпуса жандармов.

На предписание Штаба корпуса за № 10988 доношу: Забастовка московского почтамта началась 16 ноября, и с этого времени подвозка почты в почтовое отделение при ст. Москва прекратилась.

Несмотря на это, почтовое отделение при ст. Москва продолжало функционировать 16, 17, 18, 19 числа, и почтовые вагоны ходили.

С 20 по 23 ноября почтовый вагон не был отправлен отчасти потому, что чиновники почтового отделения были запуганы бастую-

щими товарищами с почтамта, отчасти потому, что почтовое отделение ст. Новосокольники, за отсутствием сообщения с Виндавою, не могло принимать почты с тем, чтобы хранить таковую у себя, и отчасти потому, что почтамт не давал на станцию ничего.

С 24 по 30 ноября почтовый вагон с большими препятствиями, при сопровождении жандармов от ст. Москвы до ст. Новоиерусалимской продвигались до ст. Новосокольники.

Препятствия встречались со стороны железнодорожных агентов и бастующих служащих почтамта, как, например, даже маневры почтового вагона на станции производились под охраною жандарма, или поезд отправлялся без телеграфного сообщения, но также под конвоем жандармов.

Самыми боевыми днями были 30 ноября и 1 и 2 декабря, когда толпа железнодорожных служащих, сочувствующих почтово-телеграфной забастовке, и бастующие чины почтамта собирались на станции в значительном числе с целью не допустить постановки в поезд почтового вагона, пугая угрозами до выстрела включительно, по адресу жандармов, и сосредоточивая в таком направлении внимание на вагоны, они в то же время частью устремились и на чиновников почтового отделения, которые настолько были напуганы, что положительно отказались ехать, да к тому же и с почтамта не было доставлено никакой почты, и самый вагон был порожним.

В виду этих обстоятельств, 30 ноября почтовый вагон был отцеплен от поезда на ст. Москва по личному моему распоряжению, к чему побуждало и то соображение, что этот вагон был последним, так как обмена в вагонах не было.

1 и 2 декабря почтамт доставил почту на вокзал. На ст. Москва почтовые операции и прицепка почтового вагона к поезду были совершены беспрепятственно, и вагон под охраной жандармов отправлялся.

Бастующие и сочувствующие забастовке почтамта, поняв в течение предыдущих дней, что жандармы энергично настаивают на пропуске вагона со ст. Москва, перенесли свою деятельность на ст. Подмосковная, — это в восьми верстах от города.

1 числа декабря, по прибыти поезда на ст. Подмосковная, когда он простоял установленное время и уже стал опаздывать стоянкой, пассажиры начали волноваться этим обстоятельством, тогда агенты дороги объяснили им, что жандармы не пускают поезда. Это, конечно, производит взрыв негодования, к жандармам со стороны публики идут претензии, и когда жандармы объяснили пассажирам, в чем именно заключается причина стоянки поезда, и пассажиры с гневом обрушиваются на агентов дороги, тогда помощник ревизора движения 1 участка инженер Колендо объявляет пассажирам, что почтовый вагон неисправен и его следует отцепить от поезда.

Таким образом, благодаря бессовестной лжи агентов дороги сперва на жандармов, а затем на порчу почтового вагона, таковой был отцеплен.

2 декабря на той же станции Подмосковная, когда жандармы снова не допустили к почтовому вагону агентов дороги, тогда они головную часть поезда отцепили, пассажиров перевели в задние вагоны, дали сигнал отправления, поезд тронулся с первою половиною вагонов и был направлен в тупик вместе с почтовым вагоном, а к остальной части поезда в тот же момент был подан поездной паровоз, и поезд немедленно оставил станцию.

Надо заметить, что на ст. Подмосковная имеется коренное депо, паровозы коего, приняв на станции поезд, ведут таковой до Ржева или Волоколамска. Этою сменою паровозов, расцепкою поезда, переводом пассажиров в задние вагоны, маневром совершенно непредвиденным, агенты дороги и на этот раз достигают задержки почтового вагона.

С 3 по 8 число декабря почтовые вагоны ходят беспрепятственно.

8 декабря с 7½ час. пополудни всякое движение поездов на дорогах Московского узла, кроме Николаевской железной дороги, прекратилось.

9 и 10 и сегодня 11 числа на улицах и площадях города идет широкая артиллерийская и ружейная пальба; революционеры устраивают баррикады, занимают их в больших массах, упорно защищаясь; всякое сообщение по городу прервано; постоянные нападения на одиночных нижних чинов, с целью грабежа оружия.

Администрация дороги не в силах удержать служащих на местах, все разбежались в паническом страхе, и весь район ст. Москвы находится только под охраной 10 унтер-офицеров-жандармов и 10 человек татар-грузильщиков погрузного двора.

Положение довольно серьезное, станция в соседстве с мятежниками — населением Марьиной Рощи (это — пригород) и заводом Листа, рабочие коего примкнули к революционерам.

Подполковник Данилов.

Забастовка в Ростове на Дону.

(Стр. 91.)

Телеграмма Начальнику Главного Управления Почт и Телеграфов из Ростова-на-Дону, от 9 ноября 1905 г.

Вчера забастовали все железные дороги, сегодня примкнули к забастовке фабрики, заводы, трамвай, водопровод, электрическое освещение. Делались попытки снять работы чинов почты и телеграфа забастовавшими рабочими. Завтра ожидается усиленное повторение этих попыток.

В городе полная паника. Войска недостаточно. Охрана почты и телеграфа ничтожна и ненадежна. Действия властей вялы и нерешительны. Прошу экстренных мер к охране почты и телеграфа в Ростове. Новицкий.

Забастовка в Енисейской губернии.

(Стр. 89.)

Шифрованная телеграмма Енисейского Губернатора Министру Внутренних Дел, от 10 декабря 1905 г.

На телеграмму 4 декабря, полученную 7 вечером, по вопросу почтово-телеграфной забастовки, докладываю: забастовка объявлена 15 ноября. Принятые меры увещания результата не имели, поэтому пригласил начальника конторы Краузе, которому мною и прокурором суда указывалась необходимость привлечения виновных по ст. 384 улож. По всестороннему обсуждению вопроса оказалось, что Краузе лишен возможности непосредственно возбудить означенный вопрос, подлежащий рассмотрению начальника округа, почему, в виду предстоящей поездки Краузе в Иркутск, я поручил ему представить от себя начальнику округа подробный доклад, прося немедленно же известить меня о последующем. Извещения этого я до сих пор не получил. Неоднократно путем личных настояний указывал забастовщикам на необходимость открытия действий конторы и выдачи хотя бы полученной ранее корреспонденции, но безуспешно. В целях охраны почты прибывшей, я распорядился поставить военный караул как на железной дороге, так и конторе. Никаких особых беспорядков забастовщиками не производилось. При таком положении вещей, отсутствии саперов и полной невозможности заместить бастующих другими лицами, я был лишен возможности восстановить действие почты и телеграфа, равно как считал себя совершенно некомпетентным в решении вопроса привлечения виновных к ответственности помимо непосредственного их начальства. В отношении преподанных Вашим Превосходительством распоряжений докладываю: что город в отчаянном положении, постоянные ожидания погромов, пожаров, постоянные революционные митинги на железной дороге с участием солдат Железнодорожный батальон, находящийся на вокзале, передался на сторону рабочих. Местный батальон ничтожен по количеству и ненадежен, жители вполне беззащитны. Проходящие эшелоны громят вокзалы, сами распоряжаются движением поездов, бесчинство безграничено. Неоднократно обращался за содействием к командующему войсками, просил присылки войска и не только не получал удовлетворения просьбы, но даже ответа. При таком положении дела принятие крутых мер неизбежно вызовет вооруженное восстание войск, рабочих. Поэтому принял меры к немедленному удалению мятежного батальона, увольнению забастовщиков и охране конторы. Виновных при первой возможности арестую.

[Дело деп. пол., № 2100, т. 2, 1905 г., 4 д-ство, стр. 89.]

Забастовка в Иркутске.

(Стр. 179.)

Телеграмма заведывающего иркутской телеграфной конторой, от 29 декабря 1905 г.

Прибыв в Иркутск 19 ноября, я застал на телеграфе и на телефоне военную охрану по 35 сапер, работающих чиновников не было. Обмен телеграмм производился только с Александровском, две — три в день; по наблюдениям оказалось, что саперы передают по всем направлениям записки Стачечного Комитета с провокаторскими известиями и распоряжениями, получая от Комитета за каждую переданную или принятую записку даровой обед из столовой чиновников. По моему настоянию, саперы были удалены с телеграфа 24 ноября, одновременно началось сильное брожение в гарнизоне, которое разразилось мятежом. Солдаты выбрали начальника гарнизона и других начальников, пытались арестовать ген. Ласточкина, но, к счастью, безуспешно, устроили 30 ноября грандиозную уличную вооруженную манифестацию с участием мятежных офицеров, которая, подойдя к телеграфу, сняла военную охрану и работающих сапер-телеграфистов и передала телеграф и телефон нашим забастовщикам. С прибытием 1 декабря эшелонов Иркутского и Енисейского полков гарнизонный мятеж был подавлен без кровопролития. 3 декабря я вновь занял телеграф и телефон, и была приставлена охрана от Иркутского полка, ко мне стали поступать заявления чиновников, не примкнувших к забастовке. 5 декабря производилась разборка и рассылка депеш, полученных почтой. 9 декабря явилась губернатору партия 8 чиновников, вовсе не бастовавших, с ходатайством о допущении их к работе. С этого дня устроено правильное трехсменное дежурство на телеграфе и телефоне. Учреждения Якутского тракта стали приступать к действию, прочие продолжали бастовать, провода были изолированы забастовщиками в Тумане и Верхнеудинске. В виду массовых повреждений телефонных линий, исправлялись пятью саперами правительственные абоненты, которые включались в особый малый коммутатор; злоумышленные повреждения телефонов возобновлялись каждую ночь, забастовщики производили по ночам стрельбу по конторе; было мною установлено, что существует где-то отвод наших проводов с включением аппарата Морзе, который мешал нашей работе по всем направлениям. 12 и 13 были обрезаны все телеграфные провода, усилились преступные насилия забастовщиков, стрельба по партиям рабочих и отдельным чиновникам, обыски и аресты работающих чиновников, не говоря о всевозможных угрозах; полиция и администрация бездействовали, мои ходатайства о решительных мерах к подавлению анархии оставались без результата. 18 декабря управление губернией перешло к вице-губернатору Мишину, 19-го заведывание округом принял статский советник Семенцов, который 20 декабря подписал приказ об увольнении забастовщиков, в ночь

на 28 декабря при содействии наших работающих чиновников арестовано девять руководителей забастовки, открыта и уничтожена подпольная телеграфная станция, отобраны захваченные забастовщиками телеграфные аппараты и инструменты, утром 23-го злодейски ранен вице-губернатор Мишин, управление губернией перешло к управляющему казенной палатой Лаврову, который объявил 24-го чрезвычайную охрану; ночью 25-го были предположены новые аресты, но не произведены, чтобы не утомлять малочисленные войска в виду ожидавшихся на другой день решительных мер революционеров. 26-го утром злодейски убит и. д. полицеймейстера Драгомиров; в этот же день разогнано войсками несколько митингов революционеров; смерть Драгомирова потрясла всю администрацию, решительные меры прекратились, положение в высокой степени серьезно. Заведывающий конторой Краузе.

Забастовка в Красноярске

(Стр. 130.)

Телеграмма из Томска начальнику Главного Управления почт и телеграфов.

Иркутский округ до сих пор не проявляет никаких признаков деятельности ж.-д., телеграф в сторону Иркутска также бастует, а в Красноярске ж.-д. телеграфисты даже арестовали помощника начальника службы телеграфа Алексеевского. По напечатанным сегодня в томских газетах известиям, в Красноярске учреждено временное правительство, и казенные учреждения переходят в руки народа, при таких обстоятельствах телеграмму управляющего министерством в Иркутск, Губернатору, от 13 декабря № 2959 я мог передать только в Мариинск для отправки с надежной оказией в Иркутск, независимо сего копии ее вручены заведывающему передвижением войск и начальнику томского отделения жандармского полицейского управления Сибирской ж. д. для дальнейшей пересылки. Жарков.

По каким узловым пунктам развивалась забастовка.

Начальник
Главного Управления почт
и телеграфов.
Вход. № 41275.

23 декабря 1905 г.
№ 51058.

Его Превосходительству Э. И. Вуичу.

Вследствие письма от 18 сего декабря имею честь препроводить к Вашему Превосходительству список узловых пунктов, в коих была произведена забастовка чинами почтово-телеграфного ведомства, что же касается железнодорожных Стачечных Комитетов, то сведений о них в Главном Управлении не имеется. (Подпись.)

Узловые пункты, по которым развивалась забастовка.

НАИМЕНОВАНИЕ ОКРУГОВ.	ГЛАВНЫЕ.	ВТОРОСТЕПЕННЫЕ И МЕСТНЫЕ.
Упр. Гор. Тел.	Петербург, Москва.	—
Финляндский	Гельсингфорс, Нюстад.	Выборг, Николайстад. Або, Улеаборг, Куопио. Варкаус, Сердоболь.
С.-Петербургский	—	—
Архангельский	—	Вологда
Рижский	Рига, Либава.	Ревель, Пернов.
Виленский	Вильна.	Ковна.
Смоленский	—	—
Варшавский	Варшава.	Лодзь, Калиш, Сосновицы, Граница, Кельцы, Петроков, Ченстохов, Томашев, Плоцк.
Минский	—	Минск, Гомель, Пинск.
Киевский	—	—
Кишиневский	—	—
Одесский	Одесса.	Николаев, Херсон, Керчь, Ялта.
Харьковский	Харьков.	—
Екатеринославский	—	Екатеринослав, Полтава.
Ростовский	Ростов.	Таганрог.
Московский	—	Владимир.
Орловский	Орел.	—
Тамбовский	Нижний-Новгород.	Рыбинск, Ярославль, Кострома, Кинешма.
Казанский	—	Симбирск, Сызрань.
Пермский	—	Вятка, Пермь, Екатеринбург.
Самарский	Самара.	Оренбург.
Саратовский	Саратов.	Царицын, Астрахань,
Владикавказский	—	Пятигорск, Ставрополь, Екатеринодар, Новороссийск.
Тифлисский	Тифлис, Баку.	—
Туркестанский	Красноводск.	—
Омский	—	Челябинск.
Томский	Томск.	Семипалатинск.
Иркутский	Иркутск, Красноярск.	—
Забайкальский	—	—
Приамурский	—	—
Управление Полев. Поч. Телеграф. в Маньчжурии	—	—

[Дело деп. пол., № 2100, т. 2, 1905 г., 4 д-ство, стр. 170 — 171.]

5. Борьба правительства с забастовкой.

Телеграмма Витте о забастовке в Москве и резолюция царя.

Забастовка почт и телеграфов не успокаивается. Центр ее, как вообще центр революционного движения, находится в Москве. Сегодня утром на Московскую телеграфную станцию явилась часть телеграфистов на работу; действие с Петербургом открылось по четырем проводам, а затем прекратилось. Оказывается, что на станцию явились забастовщики, опрокинули караул и выгнали работавших. Когда дали знать градоначальнику, он ответил: «Больший караул дать не могу, покуда не вернутся войска из Мачжурии».

В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора. Мне совершенно неизвестен тамошний командующий войсками, — можно ли положиться на его энергию и предусмотрительность.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству.

Статс-секретарь Граф Витте.

Резолюция Его Величества.

Меня удивляет странный ответ Градоначальника. Сегодня я назначил ген. Пантелеева генерал-адъютантом с поручением отправиться в командировку вместо Дубасова. Последнему следовало бы немедля переехать в Москву, где он встретится с Пантелеевым, которому и передаст нужные для того сведения.

Старик Малахов — достойный и твердый генерал.

[I отделение юридической секции ЕГАФ. Д. канцелярии совета министров, 1905 г., № 34, о почтово-телеграфной забастовке.]

Министр Путей Сообщения.

14 декабря 1905 г.
№ 9521

Милостивый Государь
Граф Сергей Юльевич.

Вашему Сиятельству угодно было препроводить мне копию телеграммы Прокурора Судебной Палаты из Новочеркасска на имя Министра Юстиции, относительно непринятия железнодорожным Начальством мер к прекращению пользования железнодорожным телеграфом со стороны забастовочных комитетов. По поводу этой телеграммы Ваше Сиятельство указали мне на необходимость немедленного принятия решительных мер.

Вследствие сего, считаю долгом сообщить, что, начиная с 18 ноября, Министерством Путей Сообщения был дан ряд категорических распоряжений, воспрещающих прием и передачу подобного рода телеграмм. Телеграфные по сему предмету распоряжения (в копиях

при сем прилагаемые) были посланы от Начальника Управления железных дорог 18 ноября, от моего имени 3 декабря и, наконец, от Начальника Управления железных дорог 12 сего декабря.

Сегодня мною будет послано подтверждение о неуклонном исполнении вышеуказанных распоряжений и о наложении взысканий на лиц, виновных в их несоблюдении.

При этом, однако, не могу не высказать, что местное железнодорожное начальство только в том случае в состоянии будет в полной мере исполнить все преподанные ему мною указания, если оно встретит энергичное содействие и поддержку со стороны местных административных и судебных властей.

Пользуясь случаем, прошу, Ваше Сиятельство, принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Ваш покорный слуга К. Немешаев.

М. П. С.
Управление Железных дорог
Эксплоатационный Отдел.

18 ноября 1905 г.
№ 16283
С.-Петербург.

Копия.

Телеграмма. Циркулярно.

Его Сиятельству
Графу С. Ю. Витте.

Последнее время были случаи приема и передачи по железнодорожному телеграфу, в служебном порядке, циркулярных телеграмм от групп служащих и отдельных лиц ко всем служащим и рабочим и отдельным группам с приглашением примкнуть к общей стачке, присоединиться к тем или другим требованиям и организациям. Прошу: 1) принять меры к недопущению приема и передачи по проводам железнодорожного телеграфа служебным порядком депеш, не отвечающих условиям, определенным утвержденным Министром Путей Сообщения 17 сентября 1894 года правилами служебной телеграфной корреспонденции и соглашением между дорогами о прямом сообщении; 2) произвести расследование бывших случаев неправильной приемки и передачи в служебном порядке таких телеграмм и 3) исчислить и представить Управлению железных дорог сведения о стоимости по тарифу о таких неправильно принятых и переданных телеграммах в пределах каждой дороги, с указанием виновных в допущении бесплатной передачи. № 16283 [1]).

Подписал: Шауфус.

[I отделение юридической секции ЕГАФ. Д. канцелярии совета министров, 1905 г., № 34, о почтово-телеграфной забастовке].

---

[1]) Настоящая телеграмма не подлежит оглашению и должна быть сообщена только непосредственно заинтересованному начальству.

Цели союза и его конец.

(Стр. 1-в.)

М. В. Д.
Начальник Отделения
по охранению общественной
безопасности и порядка
в г. Москве.
18 апреля 1906 г.
№ 4245.
Г. Москва.
Вход. № 16330.

Секретно.

Директору Департамента Полиции.

Вследствие предложения, от 10 сего апреля за № 2956, представляю Вашему Превосходительству, что образовавшийся в Москве в октябре месяце 1905 года «Всероссийский почтово-телеграфный Союз» преследовал цели как экономического, так и политического характера, что видно из напечатанного в № 258 от 24 октября 1905 года газеты «Вечерняя Почта» Устава названного Союза, § 1 которого, озаглавленный «Цели союза», гласит: «Союз имеет цель, коренным образом улучшить материальное и служебное правовое положение почтово-телеграфных служащих, а также и защиту их корпоративных интересов. Для этого союз стремится к установлению такого порядка, при котором выработка всех правительственных законоположений и мероприятий, касающихся служащих почтово-телеграфного ведомства, находилась бы в руках самих служащих. В виду того, что такой порядок, даже при измененном манифестом 17 октября 1905 г. государственном строе России невозможен, союз и выставляет требования полной гражданской свободы и народного представительства на основах всеобщего, равного и тайного голосования, без различия пола и национальности». Означенный Устав, выработанный Центральным Бюро союза не был окончательным и должен был подвергнуться обсуждению, какового, однако, не последовало, почему и в среде членов союза неоднократно возникали разногласия по поводу политической части программы союза (отношение Московского Градоначальника, от 8 ноября 1905 года, за № 10820), не одобряемой более умеренными и низшими почтово-телеграфными служащими. Впоследствии же в виду значения, которое приобрела почтово-телеграфная забастовка в глазах всех неблагонадежных элементов вследствие решительного отпора, данного ей правительством, последние, примкнув как тайно, в виде революционных организаций, так и явно, в виде многочисленных союзов, к руководителям названной забастовки и оказывая им материальную и иную помощь, отодвинули экономическую сторону деятельности союза на второй план, выдвинув вперед политическую.

Подполковник (подпись).